МИР ФАНТАСТИКИ

ГАРРИ ГАРРИСОН

Фантастическая сага

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Фантастическая сага
Гарри Гаррисон

Аннотация
Гарри Гаррисон. Фантастическая сага
Фантастическая сага
- Часть первая
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
- Часть вторая
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
- Часть третья
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Билл – герой Галактики
Часть первая
1
2
3
4
5
6
7
8
Часть вторая
1
2
3
4
5
6
7
8
Часть третья
1
2
3

4
5
Эпилог
Космический врач
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Плененная вселенная
Долина
1
2
3
4

5
6
7
8
Внешний мир
1
2
3
4
Звезды
1
2
3
4
5
6
7
8
Начало
Подвиньтесь! Подвиньтесь!
Пролог
Часть первая
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4

Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Часть вторая
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13

Аннотация

Гарри Гаррисон (Генри Максвелл Демпси) – один из творцов классического «ядра» мировой фантастики, создатель бессмертных циклов о Язоне динАльте и Джиме ди Гризе по прозвищу Стальная Крыса, автор культовых романов «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» и «Фантастическая сага», грандмастер премии «Небьюла», рыцарь ордена святого Фантония и вообще человек, имевший привычку оставлять яркий след на любом поприще – от иллюстраторского мастерства до продвижения эсперанто.

В настоящий сборник вошли лучшие «сольные» романы автора, отражающие самые разные грани таланта этого замечательного фантаста.

Тема путешествий во времени представлена знаменитой «Фантастической сагой» – романом о том, как ушлые киношники Голливуда вытаскивают из прошлого викинга и заставляют его открыть Америку.

«Билл – герой Галактики» – фантастическая пародия на американскую, да и любую ар-

мию в мире.

В «Космическом враче» и «Плененной Вселенной» главный герой, наряду с действующими в романах персонажами, – Космос.

В фантастическом детективе «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» писатель окунает нас в постапокалиптическое будущее Америки.

Гарри Гаррисон
Фантастическая сага

Harry Harrison
The Technicolor® Time Machine
Bill, The Galactic Hero
Spaceship Medic
Captive Universe
Make Room! Make Room!

© 1967 by Harry Harrison
© 1965 by Harry Harrison
© 1969 by Harry Harrison
© 1969 by Harry Harrison
© 1966 by Harry Harrison
© И. Г. Почиталин (наследники), перевод, 1970
© С. Соколов, перевод, 1991
© С. В. Гонтарев, Е. К. Фомченко, перевод, 1991
© А. А. Александрова, перевод, 1991
© П. В. Жуков, перевод, 1993
© С. А. Хренов (наследники), перевод, 1993
© В. В. Еклерис, иллюстрации, 2014, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

Фантастическая сага

Часть первая
Глава 1

— Господи, как я попал сюда? Как только я позволил втравить себя в такую историю? — простонал Л. М. Гринспэн, чувствуя, как после недавнего обеда начинает подавать признаки жизни застарелая язва желудка.

— Вы находитесь здесь, Л. М., потому что вы дальновидный и смышленый бизнесмен. Или, если подойти с другого конца, потому что вам приходится хвататься за соломинку, а если вы не примете срочных мер, то ваш кинотрест «Клайм-эктик студиоз» бесследно исчезнет. — Барни Хендриксон попыхивал сигаретой, которую он зажал между пожелтевшими от никотина пальцами, и рассеянно смотрел в окошко из «роллс-ройса», мчавшегося по дну бетонного каньона. — Или, если сформулировать по-иному, вы вкладываете один час вашего драгоценного времени в осмотр изобретения, которое спасет вашу студию от банкротства.

Все внимание Л. М. было поглощено деликатной процедурой раскуривания контрабандной

гаванской сигары: он отрезал ее конец золотой карманной гильотинкой, лизнул отслоившийся табачный лист и стал обжигать ее над крохотным огнем, пока не раскурил. Потом он спокойно затянулся, и изящная зеленая сигара ожила в его руках. Автомобиль с тяжеловесной легкостью затормозил у края тротуара, и шофер обежал вокруг машины, чтобы открыть дверцу. Л. М. подозрительным взглядом окинул окрестности, не сдвинувшись с места.

— Трущоба. Разве может быть в такой дыре чудо, которое спасет от краха мою студию?

Барни сделал безуспешную попытку вытолкнуть из машины неподвижное, покоящееся тело.

— Не спешите с выводами, Л. М. В конце концов, кто бы осмелился предсказать, что сопливый мальчишка из трущоб Ист-Сайда в один прекрасный день станет владельцем самой большой в мире киностудии?

— Ты что, переходишь на личности?..

— Давайте не будем отвлекаться, — настаивал Барни. — Сначала войдем в дом, посмотрим, что покажет нам профессор Хьюитт, и только потом примем решение.

Л. М. неохотно вылез из машины и, ступив на потрескавшийся асфальт тротуара, позволил под-

вести себя к двери низкого полуразвалившегося дома. Барни, поддерживая его под локоть, нажал на кнопку звонка. Ему пришлось еще два раза нажать на кнопку, прежде чем перекосившаяся дверь со скрипом отворилась и на них воззрился маленький человечек с огромной лысой головой и очками в массивной оправе.

— Профессор Хьюитт, — произнес Барни, проталкивая вперед Л. М., — позвольте представить вам человека, о котором я говорил на прошлой неделе, — директора «Клаймэктик студиоз» мистера Л. М. Гринспэна собственной персоной.

— Да-да, конечно, заходите. — Профессор заморгал и сделал шаг в сторону, пропуская гостей.

Как только дверь за его спиной закрылась, Л. М. с тяжким вздохом покорился и разрешил Барни провести себя вниз по скрипучим деревянным ступенькам. Войдя в подвал, он остановился, глядя на длинный ряд электрических приборов и аппаратов, закрученных спиралями проводов и гудящих динамо-машин.

— Что это? Декорации к фильму о Франкенштейне?

— Профессор сейчас объяснит нам, — сказал Барни, подтолкнув вперед профессора Хьюитта.

— Это труд всей моей жизни, — начал профес-

сор, махнув рукой куда-то в сторону туалета.

— Вот как? Интересно, что же это за труд?

— Профессор подразумевает машины и аппараты, он просто не совсем точно указал направление, — поспешил объяснить Барни.

Профессор Хьюитт не слышал их разговора. Склонившись над контрольной панелью, он что-то налаживал. Внезапно раздался тонкий пронзительный свист, который все усиливался, и из массивного аппарата у стены полетели искры.

— Вот! — произнес профессор, указывая драматическим жестом, теперь уже более точным, на металлическую платформу, укрепленную на массивных изоляторах. — Это сердце времеатрона, где и происходит перемещение вещества. Я не буду вдаваться в математику или говорить об устройстве времеатрона, которое исключительно сложно. Полагаю, что его работа говорит сама за себя.

Профессор наклонился, пошарил под столом, извлек оттуда пивную бутылку, покрытую толстым слоем пыли, и поставил ее на металлическую платформу.

— А что это за времеатрон? — подозрительно спросил Л. М.

— Минутку терпения, господа. Сейчас я проде-

монстрирую его в действии. Итак, я помещаю в сферу действия поля простой предмет и включаю аппарат, образующий темпоральное поле. Смотрите.

Хьюитт включил рубильник, электрический ток устремился через стоящий в углу трансформатор к машине, рев динамо перешел в пронзительный визг. Лампы на контрольной панели ослепительно засверкали, и воздух наполнился резким запахом озона.

Пивная бутылка на неуловимое мгновение исчезла, и шум машины затих.

— Вы заметили перемещение? Эффектно, не правда ли? — Профессор, сияя от самодовольства, вытянул из рекордера длинную бумажную ленту с чернильными разводами. — Вот смотрите, здесь все запечатлено. Бутылка семь микросекунд была в прошлом и затем снова вернулась в настоящее!.. Что бы ни говорили мои враги, я добился успеха! Мой времеатрон действует! Я назвал свою машину «времеатрон» от сербского «время» — в честь моей бабушки, родившейся в Мали-Лозине. Итак, вы видите перед собой действующую машину времени!

Л. М. вздохнул и собрался было уходить.

— Чокнутый, — сказал он.

— Выслушайте же его до конца, Л. М. У профессора есть оригинальные идеи. Он согласился работать с нами только потому, что все научные учреждения и благотворительные фонды отказались финансировать дальнейшую работу над его машиной. Профессору нужны средства для ее усовершенствования.

— В мире каждую минуту рождается один такой изобретатель. Пошли, Барни.

— Да выслушайте вы его, Л. М., — умолял Барни. — Пусть он покажет вам эксперимент с посылкой бутылки в будущее. Слишком уж это впечатляет.

— Я должен обратить ваше внимание на то, что любой предмет на пути в будущее преодолевает мощный темпоральный барьер, и для этого требуется несравненно большее количество энергии, чем при перемещении того же предмета в прошлое. Но все же я могу продемонстрировать этот эксперимент. Прошу вас, внимательно следите за бутылкой.

Еще раз чудо электронной техники столкнулось с силами времени, и в наэлектризованном воздухе заплясали искры. Пивная бутылка чуть заметно дрогнула.

— Пока. — Л. М. повернулся и начал подни-

маться по лестнице. — Между прочим, Барни, ты уволен.

— Вы не можете уйти вот так, Л. М., не дав профессору возможности объясниться, а мне — рассказать о моих планах. — Барни сердился — сердился на себя, на киностудию, где он работал, находившуюся на грани банкротства, на слепоту директора, на тщету всех человеческих стремлений, на банк, закрывший его счет. Он кинулся вслед за Л. М. и выхватил у него изо рта дымящуюся гаванскую сигару. — Сейчас мы проведем настоящий эксперимент, такой, что вы оцените его по достоинству!

— Эти сигары — по два доллара за штуку! Сейчас же верни…

— Я вам ее отдам, но сначала посмотрите… — Барни швырнул на пол бутылку и положил дымящуюся сигару на платформу. — Какой из приборов регулирует входную мощность? — повернулся он к Хьюитту.

— Вот это — ручка входного реостата, но зачем это вам? Если вы увеличите уровень темпорального перемещения, то оборудование выйдет из строя, раз — и все!

— Можно купить новое оборудование, но, если нам не удастся убедить Л. М., вы на мели, сами

понимаете. Итак, вперед!

Барни оттолкнул протестующего профессора в сторону и включил реостат на полную мощность. На этот раз эффект был потрясающим. Рев динамо-машины перешел в смертельно пронзительный визг, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки, лампы на панели засверкали всеми огнями ада все ярче и ярче, по металлическим поверхностям забегали электрические разряды, а волосы присутствующих встали дыбом, и из них посыпались искры.

— Через меня идет ток! — заревел Л. М., и в этот момент напряжение достигло предела, лампы на панели, ослепительно сверкнув, лопнули, и в подвале воцарилась полная темнота.

— Смотрите вот сюда! — закричал Барни, щелкая зажигалкой и поднося ее к машине.

Платформа была пуста. Сигара исчезла!

— Ты должен мне два доллара!

— Смотрите, смотрите! По крайней мере две секунды, три, четыре… пять… шесть… семь…

Внезапно на платформе появилась все еще дымившаяся сигара. Л. М. живо схватил ее и как следует затянулся.

— Ну хорошо, это машина времени, теперь я верю. Но какое она имеет отношение к произ-

водству фильмов или к спасению моей студии от банкротства?

— Позвольте мне объяснить…

Глава 2

В кабинете Л. М. сидели шесть человек, расположившихся полукругом перед письменным столом директора.

— Запереть дверь и перерезать телефонные провода! — распорядился Л. М.

— Сейчас три часа утра, — запротестовал Барни, — кто будет подслушивать в такую рань?

— Если об этом пронюхают банки, я разорен — пиши пропало до самой смерти, а может быть, и дольше. Перережьте провода!

— Позвольте, я займусь этим, — сказал Эмори Блестэд, вставая со стула и доставая из нагрудного кармана отвертку с ручкой, обмотанной изоляционной лентой: в «Клаймэктик студиоз» он возглавлял технический отдел. — Вот оно, решение загадки! За последний год мои ребята в среднем по два раза в неделю чинили в этом кабинете перерезанные провода!

Работа спорилась в его руках: он быстро снял крышки с соединительных коробок, и вот уже

все семь телефонов, селектор, сеть телевидения и телепринт разъединены. Л. М. Гринспэн внимательно следил за ним и не произнес ни единого слова, пока своими глазами не убедился в том, что все десять проводов безжизненно повисли.

— Докладывайте! — рявкнул он, ткнув пальцем в направлении Барни Хендриксона.

— Итак, все готово и можно приниматься за дело, Л. М. Оборудование для времеатрона установлено в павильоне фильма «Сын чудовища женится на дочери монстра», и все расходы отнесены на бюджет фильма. Между прочим, машина профессора обошлась дешевле обычных декораций.

— Не отвлекайтесь!

— Ладно. Итак, последние съемки «чудовищного» фильма закончены в павильоне сегодня, то есть, я хотел сказать, вчера, и мы поспешили в темпе вынести оттуда все оборудование. Как только они ушли, мы тут же смонтировали времеатрон в кузове армейского грузовика из картины «Пифиси из Бруклина», профессор проверил оборудование и привел машину в полную готовность.

— Что-то не нравится мне эта история с грузовиком — его могут хватиться.

— Не хватятся, Л. М., мы обо всем позаботились. Во-первых, он считался избыточным армейским снаряжением и его хотели сбыть с рук. Во-вторых, недавно мы продали его через наш обычный канал сбыта, а здесь его приобрел Текс. Под нас не подкопаешься.

— Текс? Какой еще Текс? И кто вообще все эти люди? — с раздражением произнес Л. М., обведя подозрительным взглядом сидящих вокруг стола. — Ведь я же предупредил, чтобы об этой штуке знало как можно меньше людей — по крайней мере, до тех пор, пока мы не убедимся, что она действует. Если только банки пронюхают…

— Ну уж меньше и вовлечь невозможно, Л. М. Смотрите: я, профессор, которого вы знаете, Блестэд, ваш начальник технического отдела, проработавший на студии тридцать лет…

— Знаю, знаю… но кто эти трое? — Л. М. махнул рукой в сторону двух загорелых молчаливых людей, одетых в джинсы и кожаные куртки, и сидящего рядом с ними высокого нервного человека со светло-рыжими волосами.

— А, эти… Эти двое — трюкачи с нашей студии, Текс Антонелли и Даллас Леви.

— Трюкачи с нашей студии! Послушай, Барни, что за трюк ты собираешься выкинуть с этими

ковбойскими мальчиками из Бронкса?

— Ради бога, не волнуйтесь, Л. М. Для нашего проекта понадобятся люди, на которых можно положиться и которые без лишнего шума в случае неприятностей найдут выход из положения. До прихода к нам Даллас служил в армии, а затем выступал в родео. Текс тринадцать лет протрубил в морской пехоте, он инструктор по нападению и защите без оружия.

— А кто этот длинный?

— Это доктор Йенс Лин из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, филолог. — (Высокий мужчина рывком встал и отвесил короткий поклон в направлении письменного стола.) — Он специалист по германским языкам или по чему-то вроде этого. Он будет нашим переводчиком.

— Ну а теперь, когда вы стали членами нашей группы, вам понятно, насколько важен наш проект? — спросил Л. М.

— Мне платят денежки, — сказал Текс, — а я держу язык за зубами.

Даллас молча кивнул, соглашаясь с товарищем.

— Нам представляется удивительная возможность. — Лин говорил быстро, с легким датским акцентом. — Я взял отпуск на год и готов сопро-

вождать экспедицию в качестве технического советника даже без предложенного щедрого гонорара. Ведь мы так мало знаем о разговорном старонорвежском…

— Ну хорошо, хорошо. — Л. М. поднял руку, удовлетворившись тем, что услышал. — Так какой же у нас план? Посвятите меня в детали.

— Сначала нам придется совершить пробное путешествие, — заметил Барни. — Надо посмотреть, работает ли машина профессора…

— Да я вас уверяю…

— …и если она работает, мы сколотим съемочную группу, разработаем сценарий и затем отправимся снимать фильм прямо на месте. И на каком месте! Вся история открыта нам на широком экране! Мы сможем все заснять, записать звук…

— И спасем студию от банкротства. Ни тебе расходов на дополнительные съемки, ни декораций, ни стычек с профсоюзами…

— Эй, поосторожнее! — нахмурился Даллас.

— Конечно, речь идет не о вашем профсоюзе, — извинился Л. М. — Вся группа, которая отправится в прошлое из нашего времени, будет получать повышенную ставку с надбавками: я не имею в виду участников оттуда — на них мы

сможем сэкономить, верно? А теперь отправляйся, Барни, пока у меня не остыл энтузиазм, и без хороших новостей не возвращайся.

Их шаги, стук каблуков по бетонной дорожке, гулко отдавались от гигантских звуковых стен в огромном помещении, а тени тянулись за ними сначала сзади, а потом выбрасывались вперед, когда они проходили через ярко освещенные круги под редкими лампами. Тишина и одиночество заброшенных студий внезапно напомнили им о величии их замысла, и они инстинктивно приблизились друг к другу, почти соприкасаясь плечами. Перед входом в здание стоял сторож; завидев их, он поздоровался, и его голос разбил мрачные чары тишины.

— Закрыто и опечатано, сэр, никаких происшествий!

— Отлично, — одобрительно отозвался Барни. — Возможно, мы останемся внутри до утра — секретная работа. Смотрите, чтоб никто из посторонних нам не помешал.

— Я уже сказал об этом капитану, и он предупредил ребят.

Барни запер за собой дверь, и тотчас же под крышей вспыхнули ослепительные солнца ламп. Огромное помещение пакгауза было почти пу-

стым, если не считать нескольких пыльных листов фанеры в дальнем углу и грузовика грязно-оливкового цвета с белой армейской звездой на дверце кабины и брезентовым верхом.

— Батареи и аккумуляторы заряжены, — объявил профессор Хьюитт, взобравшись в кузов грузовика и покрутив несколько ручек. Затем он разъединил массивные кабели, тянувшиеся от зарядного устройства к выводам на стене, и забросил их в грузовик. — Садитесь, джентльмены, мы можем начать эксперимент когда угодно.

— Может быть, мы назовем это не экспериментом, а как-нибудь иначе? — с беспокойством спросил Эмори Блестэд. Он вдруг начал жалеть, что ввязался в это предприятие.

— Я, пожалуй, сяду в кабину — там удобнее, — сказал Текс Антонелли. — Мне пришлось водить вот такой же шестиосный все время, пока я служил на Марианах.

Один за другим участники экспедиции забрались вслед за профессором в кузов грузовика, и Даллас закрыл откидной борт. Ряды электронного оборудования и генератор, спаренный с двигателем внутреннего сгорания, занимали бóльшую часть кузова, и участникам пришлось сесть на ящики с припасами и оборудованием.

— У меня все готово, — объявил профессор. — Может быть, для первого раза побываем в тысяча пятисотом году?

— Нет! — Барни был непреклонен. — Установите на своих приборах тысячный год, как договорились, и отправляемся.

— Но расход энергии будет меньше, и риск…

— Не трусьте в последнюю минуту, профессор. Нам необходимо перенестись как можно дальше в прошлое, чтобы никто не мог опознать нашу машину и причинить нам какие-нибудь неприятности. К тому же мы решили снимать фильм о викингах, а не делать новый вариант «Собора Парижской Богоматери».

— Действие «Собора Парижской Богоматери» происходит не в шестнадцатом веке, а гораздо раньше, — заметил Йенс Лин. — Я бы сказал, что события происходят в средневековом Париже примерно…

— Профессор, — заворчал Даллас, — если мы собираемся куда-то отправиться, давайте кончим трепаться и поехали. Всякая ненужная задержка перед битвой подрывает боевой дух войск.

— Вы совершенно правы, мистер Леви, — отозвался профессор, и его пальцы забегали по кнопкам контрольной панели.

— Итак, тысяча лет от Рождества Христова — пожалуйста! — Он выругался и стал нащупывать кнопки. — Так много липовых переключателей и приборов, что я совсем запутался, — пожаловался профессор.

— Пришлось тут кое-что прибавить, чтобы потом использовать эту штуковину для съемки фильма ужасов, — извиняющимся тоном сказал Блестэд. Голос его звучал как-то странно, лицо покрылось каплями пота. — Она должна была выглядеть более реалистично.

— И для этого вы сделали ее похожей черт знает на что? — сердито пробормотал профессор Хьюитт, заканчивая приготовления.

В следующее мгновение его рука потянулась к многополюсному рубильнику и перевела его вперед.

Под воздействием внезапной нагрузки частота генератора снизилась, звук стал ниже и надсаднее, электрический разряд затрещал, холодные искры заплясали по всем открытым поверхностям, и люди почувствовали, как волосы на их головах встают дыбом.

— Что происходит? — раздался дрожащий голос Йенса Лина.

— Абсолютно ничего, — спокойно отозвался

профессор Хьюитт, регулируя что-то на контрольной панели. — Это всего лишь вторичное явление, статический разряд, не имеющий никакого значения. Сейчас происходит накопление временно́го поля, вы должны это чувствовать.

Они действительно почувствовали что-то, явственно ощутили, как их тела охватывает какая-то неприятная клейкая субстанция, как растет напряжение.

— У меня такое ощущение, будто мне в пупок вставили огромный ключ и заводят мои кишки, — заметил Даллас.

— Я просто не могу так здорово выразиться, — заметил Лин, — но и у меня те же симптомы.

— Переключил на автомат, — сказал профессор, утопив одну из кнопок и отойдя от пульта управления. — В ту микросекунду, когда поле достигнет своего максимума, селеновые выпрямители автоматически включатся. Вы сможете следить за процессом по этой шкале. Как только стрелка достигнет нуля…

— Двенадцать, — сказал Барни, всматриваясь в шкалу, потом отвернулся от нее.

— Девять, — донесся голос профессора. — Поле быстро растет. Восемь… семь… шесть…

— А как насчет надбавки за боевые условия? —

спросил Даллас, но никто даже не улыбнулся.

— Пять… четыре… три…

Напряжение стало ощутимым физически, оно стало частью машины, частью их самих. Никто не мог пошевельнуться. Шесть пар глаз уставились на движущуюся красную стрелку, а профессор продолжал:

— Два… один…

Они не услышали слова «нуль», потому что в этот момент даже звук остановился. Что-то произошло с ними, что-то неуловимое и настолько из ряда вон выходящее, что в следующую секунду никто не мог вспомнить, что это было и каковы были их ощущения. В то же мгновение свет прожекторов в пакгаузе померк; тьму раздвигало лишь тусклое сияние трех рядов циферблатов и шкал на контрольной панели. Пространство за открытым задним бортом грузовика, где мгновение назад виднелось ярко освещенное помещение пакгауза, теперь было серым, бесформенным, однообразным — не на чем было глазу остановиться.

— Эврика! — крикнул профессор.

— Не выпить ли нам? — спросил Даллас, извлекая кварту хлебного виски из-за ящика, на котором он сидел, и тут же последовал собственному

совету, нанеся заметный ущерб содержимому бутылки.

Кварта начала переходить из рук в руки, даже Текс высунулся из кабины сделать глоток, и все хлебнули для храбрости, за исключением профессора. Он же был слишком занят своими приборами и что-то радостно бормотал под нос.

— Да-да, несомненно, определенно перемещает в прошлое… скорость легко контролируется… теперь и физическое перемещение возможно… Космическое пространство или Тихий океан… для нас не подходят… не подходят… — Профессор взглянул под козырек серебристого экрана и что-то отрегулировал. Затем он повернулся к остальным. — Господа, теперь держитесь покрепче. Хотя я и старался как можно точнее угадать уровень почвы в месте прибытия, но с избыточной точностью шутки плохи. Мне бы не хотелось доставить вас под землю, поэтому вполне возможно падение с высоты нескольких дюймов. Все готовы? — Профессор потянул за ручку рубильника.

Сначала о землю ударились задние колеса, а в следующее мгновение на грунт со страшным шумом рухнули и передние. Все попадали друг на друга. Яркий солнечный свет ворвался через

открытый задник и заставил всех прищуриться. Свежий соленый ветерок принес откуда-то издалека шум прибоя.

— Черт меня побери! — бормотал Эмори Блестэд.

Серая пелена позади грузовика исчезла, и вместо нее, окаймленный брезентом, подобно гигантской картине, показался каменистый океанский берег, о который разбивались огромные волны. Низко над берегом, крича, парили чайки, и два испуганных тюленя с фырканьем бросились в воду.

— Что-то я не узнаю́ эту часть Калифорнии, — сказал Барни.

— Это Старый, а не Новый Свет, — с гордостью ответил профессор Хьюитт. — Точнее, Оркнейские острова, где в тысяча третьем году существовало множество поселений норвежских викингов. Вас, несомненно, удивляет способность времеатрона осуществлять не только темпоральное, но и физическое перемещение, однако существует фактор…

— С тех пор как Гувер был избран президентом, меня уже ничто не удивляет, — сказал Барни. Он почувствовал себя в своей тарелке после того, как они наконец прибыли куда-то — или в когда-

то. — А теперь за работу. Даллас, подними полог брезента спереди, чтобы нам видеть, куда ехать.

В следующее мгновение перед ними открылся каменистый берег — узкая полоса земли между пенящимся прибоем и отвесными скалами. Примерно в полумиле от грузовика торчал мыс, а за ним ничего не было видно.

— Заводи! — крикнул Барни, наклонившись к кабине. — Давай посмотрим, что там дальше на берегу!

— Точно, — откликнулся Текс, нажимая на кнопку стартера.

Мотор заворчал и ожил. Текс включил первую скорость, и грузовик, покачиваясь на камнях, двинулся вперед.

— Хотите? — спросил Даллас, протягивая пистолетную кобуру с ремнем.

Барни с неприязнью посмотрел на оружие.

— Попридержи его. Я, наверно, застрелю себя или кого-нибудь из окружающих, если буду играть с этой штукой. Отдай ее Тексу, и пусть у тебя под рукой будет винтовка.

— А разве нам не дадут оружия — для нашей же безопасности? — спросил Эмори Блестэд. — Я знаю, как обращаться с винтовкой.

— Ты дилетант, а мы собираемся строго придер-

живаться профсоюзных правил. Твое дело, Эмори, помогать профессору — времеатрон сейчас самая ценная вещь. Текс и Даллас позаботятся о вооружении — только так мы будем застрахованы от несчастных случаев.

— Ах ты черт! Вы только посмотрите! Неужели я вижу такую красоту собственными глазами? — Йенс Лин, захлебываясь от восторга, показывал вперед.

Грузовик объехал мыс, и перед ними открылся маленький залив. Грубая почерневшая ладья была вытащена на берег, а чуть выше, подальше от воды, находилась жалкая землянка, сложенная из камня и неровных кусков дерна, крытая тростником и водорослями. Берег казался пустынным, хотя из дыры в крыше землянки поднималась струйка дыма.

— Куда все подевались? — спросил Барни.

— Совершенно ясно, что появление ревущего грузовика напугало жителей и они спрятались внутри землянки, — объяснил Лин.

— Выключи мотор, Текс. Может быть, нам стоило взять с собой немного бисера или еще чего для торговли с туземцами?

— Боюсь, это не те туземцы, мистер Хендриксон…

Как бы в подтверждение слов Лина грубо сколоченная дверь землянки распахнулась, и из нее выскочил человек. С ужасным криком он прыгнул вверх, ударил топором с широким лезвием по щиту, висевшему на левой руке, и бросился бежать вниз по склону прямо к грузовику. Несколько огромных шагов — и он уже подбежал к экспедиции. На его голове был отчетливо виден черный рогатый шлем; белокурая борода и пышные усы развевались по ветру. Продолжая издавать невнятные звуки, воин начал грызть край щита. На его губах появилась пена.

— Как видите, он явно испуган, однако герою-викингу не подобает выказывать страх перед своими рабами и слугами, которые, несомненно, следят за ним из землянки. Поэтому он приводит себя в состояние неистовой ярости подобно берсеркеру…

— Может, подождем с лекцией, а, док? Ну-ка, Даллас и Текс, возьмитесь за этого парня, успокойте его, пока он чего-нибудь не сломал.

— Пуля в брюхо быстро его успокоит.

— Ни в коем случае! Студия не может себе позволить такую роскошь, как убийство, даже убийство при самообороне.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, но учтите: в

контракте есть специальный параграф об особом вознаграждении за риск.

— Знаю, знаю! Берите быка за рога, пока не…

Слова Барни были прерваны глухим ударом и звоном разбитого стекла, сопровождавшимися громким победным воплем.

— Я понял, что он говорит! — радостно захихикал Йенс Лин. — Он хвалится, что выбил глаз чудовищу…

— Этот буйнопомешанный отрубил фару! — завопил Даллас. — Займись-ка им, Текс, отвлеки его чем-нибудь! Я сейчас вернусь.

Текс Антонелли выскользнул из кабины и кинулся прочь от грузовика. Викинг заметил его и тут же начал преследование. Пробежав около пятидесяти ярдов, Текс остановился и поднял с земли две круглые гальки величиной с кулак. Подбросив одну из них на ладони, словно это был бейсбольный мяч, Текс спокойно ожидал приближения своего яростного преследователя. Когда викинг приблизился к нему на пять ярдов, Текс швырнул камень, целясь в голову, и, как только щит взлетел вверх, чтобы отразить нападение, метнул второй камень прямо в живот викинга. Оба камня оказались в воздухе одновременно, и, пока первый, отскочив от щита, летел куда-то в

сторону, второй попал викингу прямо в солнечное сплетение, и тот с шумным «уф!» опустился на землю. Текс отошел на несколько шагов и подобрал еще две гальки.

— Bleyoa![1] — выдохнул поверженный воин, потрясая топором.

— Да и ты не лучше. Ну-ка, поднимайся!

— А теперь давай упакуем его, — предложил Даллас, который появился из-за грузовика, крутя веревочной петлей над головой. — Профессор трясется над своими железками и хочет побыстрее смотаться отсюда.

— О'кей, сейчас мы это организуем.

Текс прибегнул к соленым морским выражениям, но ему не удалось преодолеть лингвистический барьер. Тогда он обратился к латинскому языку жестов, которым овладел еще в юности, и с помощью быстрых движений пальцев и рук сравнил викинга с рогоносцем, кастратом, приписал ему кое-какие грязные привычки и закончил предельным оскорблением — его левая рука ударила по правому бицепсу, отчего правый кулак подпрыгнул вверх. Очевидно, какое-то одно — а может быть, и не одно — из этих оскорблений

---

[1] Примечания: 1

Трус! *(старонорв.)*

имело свои корни в одиннадцатом веке, потому что викинг заревел от ярости и с трудом поднялся на ноги.

Текс стоял не двигаясь, хотя он казался пигмеем рядом с атакующим его гигантом. Топор взлетел вверх, но в то же мгновение Даллас бросил лассо и поймал им топор, а Текс подставил викингу подножку, и тот тяжело рухнул на землю. Как только викинг упал, Текс с Далласом оседлали его: один вывернул ему руки, а другой молниеносно обмотал его веревкой. Через несколько секунд викинг уже был беспомощен как младенец — руки его были заведены за спину и привязаны к ногам, а сам он ревел от бессильной ярости, пока Даллас и Текс волокли его по гальке к грузовику. В свободной руке у Текса был щит, а у Далласа — топор.

— Я должен поговорить с ним, — настаивал Йенс Лин. — Это редчайшая возможность!

— Мы не можем ждать ни минуты, — торопил их профессор, регулируя один из приборов верньерной ручкой.

— Эй, на нас нападают! — завопил Эмори Блестэд, указывая дрожащей рукой на землянку.

Толпа косматых оборванцев, вооруженных разнообразными мечами, копьями и топорами, атаковала грузовик.

— Пора уносить ноги, — распорядился Барни. — Бросьте этого доисторического лесоруба в кузов и поехали. Когда мы вернемся на студию, у вас будет уйма времени для разговора с этим парнем, док.

Текс прыгнул в кабину и, схватив с сиденья револьвер, разрядил его весь в сторону моря, включил двигатель, потом оставшуюся фару и дал гудок. Крики атакующих мгновенно сменились воплями страха, и враги, побросав свое оружие, бросились обратно к землянке. Грузовик развернулся и поехал обратно вдоль берега. Когда они приблизились к выступающему мысу, с другой стороны мыса раздался автомобильный сигнал. Текс едва успел свернуть вправо и въехал прямо в прибой, пропуская мчащийся навстречу им фырчащий грузовик оливково-защитного цвета.

— Извозчик! — крикнул Текс в окошко и дал газ.

Барни Хендриксон взглянул на проезжавший мимо по старому следу грузовик и, посмотрев в открытый задник, окаменел. Он увидел самого себя с насмешливой улыбкой на лице — он качнулся, когда грузовик подпрыгивал на камнях. В последний момент, когда автомобиль уже исчезал за поворотом, второй Барни Хендриксон

в своем кузове, завидев двойника, приложил большой палец к носу и покачал рукой. Барни бессильно опустился на ящик.

— Вы видели? — с трудом выговорил он. — Что это такое?

— Весьма интересное явление, — сказал профессор Хьюитт, нажимая кнопку стартера на своем генераторе. — Время гораздо более пластично, чем я предполагал; оно позволяет удваивать, может быть, даже утраивать темпоральные линии мира. Или даже допускает существование бесчисленного количества временны́х витков. Открывающиеся возможности просто невероятны…

— Может, вы перестанете нести эту абракадабру и объясните мне, что я видел? — оборвал его Барни, отрываясь от почти пустой бутылки.

— Вы видели самого себя, вернее, мы видели нас, когда мы будем… Боюсь, что грамматика английского языка не позволяет точно описать создавшееся положение. Может быть, правильнее сказать, что вы видели этот самый грузовик и себя в нем так, как это будет выглядеть немного позже. Я думаю, это достаточно просто для понимания.

Барни со стоном опустошил бутылку и вдруг

вскрикнул от боли, когда пришедший в себя викинг изловчился и укусил его в лодыжку.

— Лучше кладите ноги на ящики, — предостерег Даллас, — он все еще психует.

Грузовик сбавил скорость, и из кабины донесся голос Текса:

— Мы приехали туда, откуда стартовали, вот здесь начинаются следы шин. Что дальше?

— Поставьте машину по возможности в то самое положение, в каком она была, когда мы сюда приехали, это облегчит мне наладку приборов. Итак, приготовьтесь, господа, мы начинаем наше обратное путешествие через время.

— Troll tali yor oll![2] — крикнул викинг.

Глава 3

— Что случилось? — подозрительно спросил Л. М., когда участники экспедиции вошли в его кабинет и устало опустились на те же стулья, с которых они поднялись восемнадцать веков назад. — Что это значит — десять минут назад вы вышли из моего кабинета и спустя десять минут

[2] Примечания: 2

«Да будете вы добычей троллей!» — старонорвежский эквивалент выражению «черт подери!».

снова возвращаетесь?

— Это для вас десять минут, Л. М., — ответил Барни, — а для нас прошли часы. Машина профессора действует, так что самое первое и самое трудное препятствие мы преодолели. Теперь нам известно, что времеатрон профессора Хьюитта работает даже лучше, чем можно было ожидать. Перед нами открыт путь к тому, чтобы перенести в прошлое целую съемочную группу и заснять исторически совершенно достоверный, полнометражный, широкоэкранный, реалистический, дешевый, высококачественный фильм. Наша следующая задача уже попроще.

— Сценарий.

— Вы правы, как всегда, Л. М. И получилось так, что у нас уже есть сценарий, очень реалистический, более того — патриотический. Если я спрошу вас, Л. М., кто открыл Америку, что вы ответите?

— Христофор Колумб в тысяча четыреста девяносто втором году.

— Именно так думают все, но на самом деле честь ее открытия принадлежит викингам!

— Разве Колумб был викингом? А я-то всегда считал, что он из евреев.

— Бог с ним, с Колумбом! Еще за пятьсот лет

до его рождения корабли викингов отплыли из Гренландии и открыли землю, которую они назвали Винланд, — сейчас доказано, что это была Северная Америка. Первая экспедиция под предводительством Эрика Красного…[3]

— И думать забудь! Ты хочешь, чтобы нас занесли в черный список за выпуск коммунистического фильма?

— Пожалуйста, выслушайте меня до конца, Л. М. После того как Эрик открыл эту страну, туда приплыли викинги, создали поселение, построили дома и фермы, и все это под водительством легендарного героя Торфинна Карлсефни…

— Ну что за имена! Их тоже придется менять. Я уже вижу центральную любовную сцену: «…поцелуй меня, мой милый Торфинн Карлсефни», — шепчет она. Нет, не пойдет. Не больно-то здорово, Барни.

— Нельзя переделывать историю, Л. М.

— А чем же еще мы занимались всю жизнь? Сейчас не время на меня наседать. И это ты, Барни Хендриксон, который когда-то был моим лучшим директором и продюсером, пока эти вшивые кретины вконец не разорили нас! Возьми себя в

---

[3] Примечания: 3
То есть Эрика Рыжего.

руки! Первоочередная задача кино — совсем не воспитание. Мы продаем развлечения, и, если они никого не развлекают, их никто не покупает. Именно так я смотрю на вещи. Вы берете своего викинга, называете его Бенни, или Карло, или другим хорошим скандинавским именем и создаете сагу о его приключениях…

— Именно об этом я и думал, Л. М.

— …например, о дне битвы, в которой он, конечно, побеждает. Но он не находит покоя, такой уж у него характер. Тогда он отправляется восвояси и открывает Америку, затем возвращается и говорит: «Смотрите, я открыл Америку!» И они делают его своим королем. Затем девушка с длинными белокурыми волосами — парик, конечно, — машет ему рукой каждый раз, когда он отплывает и обещает ей вернуться. И вот теперь он уже постарел, на висках седина, и шрамы на лице, он много страдал, и на этот раз, вместо того чтобы отплыть одному, он берет с собой девушку, и они вместе отплывают при пламенеющем закате в новую жизнь, как первые пионеры на Плимут-Рок. Ну как?

— Как всегда, потрясающе, Л. М. Вы не утратили своего таланта.

Барни устало вздохнул. Доктор Йенс Лин, у ко-

торого глаза чуть не выскочили из орбит, издал звук, как будто его душили.

— Но-но… ничего этого не было, все записано в летописях. И даже мистер Хендриксон не совсем прав, считается, что Винланд открыл Лейф Эриксон, сын Эрика Рыжего. Здесь существуют две разные версии — одна взята из «Хаукбука», а другая из «Флатейярбука» и…

— Достаточно! — проворчал Л. М. — Ты уловил мою мысль, Барни? Даже если в исторических книгах все это немного по-другому, мы можем слегка подправить здесь и там, чуть-чуть изменить в других местах — и перед нами готовый сценарий. Кого ты прочишь на главные роли?

— Раф Хоук будет идеален в роли викинга, если только нам удастся его заполучить. А на женскую роль неплохо бы актрису с выразительными формами…

— Слайти Тоув. Она сейчас свободна, у нее простой. Последние две недели ее проныра-агент обивает пороги в моей конторе — вот откуда я узнал, что она на мели и обойдется нам по дешевке. Дальше тебе понадобится сценарист, используй для этого Чарли Чанга, у него с нами контракт. Он специалист по таким картинам.

— По библейским сюжетам — может быть, но

не по историческим фильмам, — с сомнением сказал Барни. — И если уж говорить откровенно, «Вниз с креста», на мой взгляд, не фонтан. Или другой фильм — «Через воды Красного моря».

— Цензура зарезала, вот и все. Я сам одобрил оба сценария, и они были великолепны… — Внезапно за стеной раздался хриплый рев, и Л. М. замер на полуслове. — Слышали?

— Это наш викинг, — объяснил Текс. — Он все лез в драку, поэтому мы оглушили его, сковали и заперли в душевой вашего заместителя.

— Что еще за викинг? — нахмурился Л. М.

— Из местных жителей, — ответил Барни. — Он напал на грузовик, поэтому мы захватили его с собой, чтобы доктор Лин с ним поговорил. Поставщик информации.

— Тащите его сюда. Вот кто нам нужен — человек, который знаком с местной обстановкой и может ответить на наши вопросы о съемке фильма. До чего нужен туземец, который знает все ходы и выходы, особенно когда снимаешь на натуре!

Текс и Даллас вышли из кабинета и через несколько минут, на протяжении которых слышались звон цепей да звучные удары, ввели викинга. Он остановился на пороге, оглядывая

комнату осоловелыми глазами; только тут удалось впервые внимательно рассмотреть его.

Викинг был огромный — почти семи футов ростом даже без рогатого шлема — и волосатый, как медведь. Спутанные белокурые волосы свисали ниже плеч, а пышные усы исчезали в волнах бороды, накрывавшей грудь. Его одежда состояла из грубошерстной куртки и штанов, причем все это скреплялось и удерживалось на месте целой системой кожаных ремней. От викинга исходил терпкий запах рыбы, пота и смолы, однако массивный золотой браслет на его руке не казался лишним. Глаза викинга, голубые, почти небесной синевы, свирепо смотрели на присутствующих из-под густых бровей. Он был избит и закован в цепи, но, очевидно, не сломлен, так как стоял с высоко поднятой головой, расправив плечи.

— Добро пожаловать в Голливуд, — обратился к нему Л. М. — Садитесь — налейте ему стаканчик, Барни, — и располагайтесь поудобнее. Как, вы сказали, вас зовут?

— Он не говорит по-английски, Л. М.

Лицо у Л. М. Гринспэна вытянулось.

— Да, Барни, я бы не сказал, что мне это нравится. Не люблю говорить через переводчиков — слишком медленно и ненадежно. О'кей, Лин,

действуй, спроси его имя.

Йенс Лин забормотал себе под нос спряжения старонорвежских глаголов, а потом заговорил вслух:

— Hvat heitir maorinn?[4]

Из горла викинга вырвалось лишь рычание — он игнорировал вопрос переводчика.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Л. М. — Я думал, что ты болтаешь на его наречии. Он что, не понимает тебя?

— Необходимо терпение, сэр. Старонорвежский был мертвым языком почти тысячу лет, и мы знакомы с ним только на основании письменных источников. Единственный современный язык, который стоит ближе всего к старонорвежскому, — исландский, и сейчас я воспользовался исландским произношением и интонацией…

— Ну хорошо, хорошо. Мне не нужны лекции. Успокой его, умасли несколькими стаканчиками виски, и примемся за дело.

Текс подтолкнул стул к пяткам викинга, и тот опустился на него, свирепо озираясь вокруг. Барни взял бутылку «Джека Дэниелса» из бара, скрытого за поддельным Рембрандтом, и налил

---

[4] Примечания: 4
Как твое имя? *(старонорв.)*

половину высокого коктейльного стакана. Но когда Барни поднес стакан к губам викинга, тот резко отдернул голову в сторону и зазвенел цепями, сковывающими запястья.

— Etir![5] — огрызнулся он.

— Он думает, что вы хотите его отравить, — объяснил Лин.

— Ну, разубедить его нетрудно. — Барни поднес стакан ко рту и сделал огромный глоток.

На этот раз викинг позволил поднести стакан к своим губам и начал пить. По мере того как содержимое стакана исчезало в глотке у викинга, его глаза открывались все шире и шире.

— Odoinn ok Fitalrigg![6] — радостно завопил он, выпив последнюю каплю и смахивая с глаз слезы.

— Еще бы это ему не понравилось — семь двадцать пять бутылка плюс налог, — проворчал Л. М. — Готов побиться об заклад, что там, откуда он явился, нет ничего подобного. Спроси-ка снова его имя.

Викинг нахмурился от напряжения, пытаясь понять вопрос, который повторяли ему и так и

---

[5] Примечания: 5
Яд! (старонорв.)

[6] Примечания: 6
Один и Фрейя — скандинавские боги.

сяк, и наконец уловил, чего от него хотят.

— Оттар, — ответил он.

— Ну вот, хоть какой-то прогресс, — отозвался Л. М. и бросил взгляд на часы. — Ведь уже четыре часа утра, а мне хотелось бы уладить это дело как можно скорее. Спроси этого Оттара о валютном курсе… Кстати, какими деньгами они пользуются, Лин?

— Дело в том, что… в основном у них меновая торговля, хотя упоминается серебряная марка…

— Именно это нам и нужно знать: сколько марок за доллар, и пусть он не пытается ссылаться на инфляцию. Мне нужны цены на свободном рынке, больше меня не проведешь, и, если понадобится, мы купим марки в Танжере…

Внезапно Оттар взревел, рванулся вперед, опрокинув свой стул и отшвырнув попавшегося на пути Барни — тот грохнулся прямо на растения в горшках, — и сграбастал обеими руками бутылку виски. Он уже почти поднес ее к губам, когда кастет Текса опустился ему на затылок, и обмякшее тело викинга рухнуло на пол.

— Что это такое? — закричал Л. М. — Убийство у меня в кабинете? В нашей фирме и так хватает сумасшедших. Отвезите этого парня обратно и найдите мне другого, кто говорит по-английски; в

следующий раз я хочу обойтись без переводчика.

— Ни один из них не говорит по-английски, — угрюмо проворчал Барни, осторожно извлекая из своего костюма шипы кактуса.

— Тогда научите его, но хватит с меня сумасшедших.

Глава 4

Барни Хендриксон подавил стон и дрожащей рукой поднял к губам бумажный стаканчик черного кофе. Он уже забыл, сколько часов — или веков — он не смыкал глаз. Затруднения возникали одно за другим, а рассвет следующего дня принес новые проблемы. Пока Барни потягивал кофе, голос Далласа Леви жужжал в телефонной трубке, подобно рассерженной осе.

— Согласен, Даллас, согласен, — прохрипел Барни едва слышно в ответ: после того как он выкурил подряд три пачки сигарет, его голосовые связки отказали. — Оставайся с ним и постарайся его успокоить… Около этих старых пакгаузов ни единой живой души… Ну хорошо, последние три часа ты получал двойную ставку… ладно, теперь получишь тройную, я дам расписку. Только не выпускай его из-под замка, пока мы не решим,

что с ним делать. И передай доктору Лину, чтобы он пришел ко мне как можно быстрее. Пока.

Барни опустил телефонную трубку и попытался сконцентрировать свое внимание на лежащем перед ним листочке бумаги с бюджетом съемочной группы. Пока что чуть не около каждой строчки стояли вопросительные знаки — будет нелегко протащить этот бюджет через бухгалтерию. А что будет, если полиция разнюхает о том, что у них в старом пакгаузе заперт викинг? Может ли быть законным обвинение в похищении человека, умершего почти тысячу лет назад?

— Голова кругом идет, — пробормотал он и протянул руку за новым стаканом кофе.

Профессор Хьюитт, свеженький как огурчик, ходил взад и вперед по кабинету, крутил ручку карманной счетной машинки и записывал результаты в записную книжку.

— Ну как дела, проф? — спросил Барни. — Сможем ли мы послать в прошлое что-нибудь большее по размеру, чем наш грузовик?

— Терпение, наберитесь терпения. Природа раскрывает свои секреты очень неохотно, и открытие может не состояться лишь из-за того, что запятая в десятичной дроби оказалась не на месте. Ведь, кроме обычных четырех измерений

физического пространства и времени, необходимо принять во внимание три дополнительных измерения: перемещение в пространстве, массу, кумулятивную ошибку, которая, по моему мнению, вызывается энтропией…

— Избавьте меня от деталей, проф, мне нужен всего лишь ответ.

Селектор на его столе загудел, и Барни велел секретарше провести доктора Лина прямо в кабинет. Лин отказался от предложенной сигареты и, согнув длинные ноги, опустился в кресло.

— Ну, выкладывайте дурные новости, — сказал Барни, — или это ваше обычное выражение лица? Неполадки с викингом?

— Как вы сами выразились, неполадки. Перед нами стоит проблема коммуникации, поскольку степень моего владения старонорвежским языком далека от совершенства и в придачу Оттар не проявляет никакого интереса к тому, о чем я пытаюсь с ним говорить. Тем не менее мне кажется, что с помощью известных поощрительных мер его можно убедить в том, что он должен овладеть английским языком.

— Поощрительных мер?..

— Денег или их эквивалента в одиннадцатом столетии. Подобно большинству викингов, он

падок на деньги и готов на что угодно, лишь бы добиться высокого положения и богатства, хотя он, разумеется, предпочитает достичь этого с помощью убийств и насилия.

— С этим не будет никаких затруднений. Мы готовы платить ему за уроки, бухгалтерия уже разработала валютный курс — разумеется, в нашу пользу, — но как насчет времени? Вы можете научить его говорить по-английски за две недели?

— Это совершенно исключено! С человеком, который стремится овладеть языком, этого можно добиться, но не с Оттаром. Мягко выражаясь, у него полное отсутствие такого стремления, да плюс к тому он отказывается делать что бы то ни было, пока его не освободят. А это тоже немаловажно.

— Немаловажно! — сказал Барни и почувствовал вдруг непреодолимое желание вырвать у себя клок волос. — Представляю себе этого волосатого психа с его топором на углу Голливуд-фривей и Вайн-стрит. Об этом не может быть и речи!..

— Если мне позволят внести предложение… — сказал профессор Хьюитт, внезапно прекратив свое бесконечное хождение и повернувшись к Барни. — Если доктор Лин вернется с этим аборигеном в его время, то у него появится отличная

возможность вести обучение английскому языку в привычной для викинга обстановке, что должно ободрить и успокоить его.

— Однако это совсем не ободрит и не успокоит меня, профессор, — холодно заметил Лин. — Жизнь в те времена была жестокой и очень короткой.

— Я уверен, что можно принять предохранительные меры, доктор, — сказал профессор, возвращаясь к своим вычислениям. — Мне кажется, что филологические перспективы в данном случае значительно перевешивают фактор личной безопасности…

— В этом вы, несомненно, правы, — согласился Лин, устремив невидящий взгляд в дебри существительных, корней, падежей и склонений, давным-давно скрытых под пластами времени.

— …не говоря уже о том, что в этом случае временно́й фактор может быть изменен так, как это нужно нам. Господа, мы можем сокращать время или растягивать его до бесконечности! Доктор Лин может потратить на обучение Оттара десять дней, десять месяцев или десять лет, оказавшись в эре викингов, а после того как мы вернемся за ним, с нашей точки зрения пройдет несколько минут.

— Двух месяцев будет достаточно, — огрызнулся Лин, — если вас интересует моя точка зрения.

— Ну вот и отлично, — сказал Барни. — Лин отправится в прошлое с викингом и научит его английскому языку, а мы прибудем со съемочной группой через два месяца по викинговскому времени и приступим к съемкам фильма.

— Я еще не дал своего согласия, — ответил Лин. — Опасность…

— Интересно, насколько это приятно — быть величайшим и единственным во всем мире специалистом по старонорвежскому языку? — вкрадчиво спросил Барни, уже успевший приобрести некоторый опыт в общении с академическим умом, и отсутствующее выражение на лице Лина показало, что стрела попала точно в цель. — Отлично! Подробности мы обдумаем позже. А теперь почему бы вам не отправиться к Оттару и не попробовать объяснить ему все это? Не забудьте упомянуть про деньги. Мы заставим его подписать контракт и включим статью о неустойке, так что вы будете в полной безопасности, пока у него не угаснет желание получать монеты.

— Ну, это можно, — согласился Лин, и Барни понял, что доктор пойман на крючок.

— Отлично! Отправляйтесь к Оттару и объяс-

ните, чего мы от него хотим, а пока вы будете его обрабатывать, я свяжусь с отделом контрактов и попрошу их составить один из тех, на первый взгляд законных, пожизненных каторжных контрактов, которыми они славятся. — Барни нажал на рычажок селектора. — Соедини-ка меня с контрактным, Бетти. И где же, наконец, мой бензедрин?

— Я звонила в амбулаторию час назад, — проквакал селектор.

— Позвони еще раз, если не хочешь, чтобы я протянул ноги после полудня.

Как только Йенс Лин вышел из кабинета, в дверях появился миниатюрный человек восточного типа с кислым выражением физиономии, одетый в розовые брюки, вишневого цвета рубашку и спортивную куртку из твида.

— Привет, Чарли Чанг! — рявкнул Барни, протягивая руку. — Не видел тебя сто лет.

— Действительно, сто лет, — согласился Чарли, широко улыбаясь и тряся протянутую руку. — Счастлив снова работать с тобой.

Они терпеть не могли друг друга, и, как только их руки освободились, Барни зажег сигарету, а на лице Чанга улыбка превратилась в обычную кислую гримасу.

— Что-нибудь наклевывается, Барни? — спросил он.

— Широкоэкранный фильм на три часа с солидным бюджетом, и ты — единственный человек, который мог бы написать сценарий.

— У нас уже иссякли все сюжеты, Барни, но я всегда считал, что «Песнь Соломона», полная секса, но без примеси порнографии, была бы…

— Сюжет для фильма уже выбран — совершенно новая идея об открытии Америки мореплавателями-викингами.

Выражение лица Чанга стало еще более кислым.

— Звучит неплохо, Барни, но ты же знаешь, на какие темы я пишу. Не думаю, что викинги по моей линии.

— Ты отличный писатель, Чарли, а это значит, что все по твоей линии. К тому же ты подписал контракт, — прибавил Барни, обнажая кинжал угрозы.

— Конечно, нельзя забывать о контракте, — холодно произнес Чарли. — Я всегда мечтал написать сценарий для исторического фильма.

— Великолепно! — воскликнул Барни, снова придвигая к себе листочек с бюджетом фильма. Дверь распахнулась, и рассыльный вкатил те-

лежку, доверху нагруженную книгами. Барни показал на них: — Вот тебе из библиотеки все, что нужно по викингам, — быстренько просмотри, и через минуту мы с тобой обсудим набросок сценария.

— Через минуту, да-да… — сказал Чарли, мрачно разглядывая несколько десятков толстенных томов.

— Пять тысяч семьсот семьдесят три и двадцать восемь сотых кубических фута с нагрузкой двенадцать тысяч семьсот семьдесят семь и шестьдесят две сотых килограмма при условии увеличения затрат энергии на двадцать семь целых две десятых процента, — внезапно сообщил профессор Хьюитт.

— О чем это вы говорите? — рявкнул Барни.

— Это те данные, о которых вы меня спрашивали: какой груз может быть перенесен времеатроном в прошлое при увеличении подачи электроэнергии.

— Великолепно! А теперь не будете ли вы так любезны перевести это на обыкновенный язык?

— Грубо говоря… — Профессор закатил глаза и что-то быстро-быстро забормотал про себя на едином выдохе. — Я полагаю, что во времени и пространстве может быть перемещен груз весом

в четырнадцать тонн и размерами двенадцать на двенадцать на сорок футов.

— Вот это понятнее. Похоже, сюда вместится все, что нам будет нужно в прошлом.

— Контракт, который вы просили, — сказала Бетти, опуская на письменный стол документ на восьми страницах.

— Хорошо, — сказал Барни, перелистав страницы хрустящей мелованной бумаги. — Пригласи сюда Далласа Леви.

— В приемной ждет мисс Тоув со своим импресарио. Ей можно войти?..

— Только не сейчас! Скажи ей, что у меня разыгралась проказа и я никого не принимаю. И где, наконец, мои бенни? Я не продержусь до полудня на одном кофе!

— Я уже три раза звонила в амбулаторию. Сегодня у них, кажется, не хватает персонала.

— Тогда лучше сходи сама и принеси бензедрин.

— Барни Хендриксон, я не видела тебя столько лет…

Эти слова, произнесенные хрипловатым голосом, пронеслись по кабинету, и в нем тотчас воцарилась тишина. Злые языки говорили, что Слайти Тоув обладает актерскими способностя-

ми марионетки, у которой порваны ниточки, умом чихуа-хуа и нравственностью Фанни Хилл. И они были совершенно правы. Тем не менее эти достоинства — вернее, их отсутствие — не могли объяснить потрясающего успеха фильмов, в которых Слайти снималась. Единственным достоинством, которым она обладала в избытке, было ярко выраженное женское начало плюс ее удивительная способность вступать в контакт, если можно так выразиться, на гормональном уровне. Слайти распространяла вокруг себя не столько аромат секса, сколько аромат сексуальной доступности. И это также соответствовало действительности. Причем этот аромат был настолько силен, что с минимальными потерями просачивался сквозь барьеры пленки, линз и проекторов и захлестывал зрителя потоками горячей дымящейся страсти с серебряного экрана кинематографа. Ее картины делали сборы. Женщины, как правило, не любили ходить на них. Теперь этот специфический аромат, свободный от препятствий в виде пространства, времени и целлулоида кинопленки, ворвался в кабинет, заставив всех мужчин повернуться к Слайти. Казалось, если бы в кабинете стоял счетчик Гейгера, он трещал бы уже не переставая.

Бетти громко фыркнула и вылетела из комнаты, но в дверях, в которых боком стояла актриса, ей пришлось сбавить скорость. Правду говорили, что у Слайти самый большой бюст в Голливуде…

— Слайти… — произнес Барни, и голос его сел. Конечно, из-за того, что было выкурено слишком много сигарет.

— Барни, дорогой, — произнесла актриса, пока гидравлические поршни ее округлых ног медленно и плавно несли ее через комнату, — я не видела тебя целую вечность.

Опершись на край письменного стола, Слайти наклонилась вперед. Сила земного тяготения тут же потянула вниз тонкую ткань ее блузки, и не меньше девяноста восьми процентов ее монументальной груди появилось в поле зрения продюсера.

— Слайти… — сказал Барни, мгновенно вскакивая на ноги. — Я хотел поговорить с тобой о роли в картине, которую мы будем делать, но ты видишь — я сейчас занят…

Нечаянно он взял ее руку, которая тут же запульсировала в его пальцах, как огромное, горячее, бьющееся сердце, и актриса наклонилась еще ниже. Барни отдернул руку.

— Если ты подождешь несколько минут, я зай-

мусь тобой, как только освобожусь.

— Тогда я сяду вот здесь, около стенки, — раздался низкий голос, — и не буду никому мешать.

— Вы меня звали? — спросил Даллас Леви, с порога обращаясь к Барни и в то же время пожирая глазами актрису.

Гормоны вступили в контакт с гормонами, и Слайти глубоко вздохнула. Даллас удовлетворенно улыбнулся.

— Да, — сказал Барни, извлекая контракт из-под горы бумаг на столе. — Отнеси вот это Лину и передай ему, чтобы его друг подписал. У тебя еще какие-то неприятности?

— После того как мы обнаружили, что ему нравится пережаренный бифштекс и пиво, никаких. Всякий раз, когда он начинает волноваться, мы суем ему в пасть еще один бифштекс и кварту пива, и он сразу успокаивается. Пока что выведено в расход восемь бифштексов и восемь кварт пива.

— Давай, пусть подпишет, — сказал Барни, и его взгляд случайно упал на Слайти, которая опустилась в кресло и скрестила обтянутые шелком ноги. На ее подвязках были маленькие розовые бантики…

— Ну, что ты скажешь, Чарли? — спросил Барни, бессильно опускаясь в свое вращающееся

кресло и делая поворот на сто восемьдесят градусов. — Уже есть идеи?

Чарли Чанг поднял двумя руками толстую книгу и показал Барни.

— Пока я на тринадцатой странице первого тома, и осталось еще порядочно.

— Это всего лишь иллюстративный материал, — сказал Барни. — Я думаю, мы сможем набросать план в общих чертах сейчас, а детали ты вставишь позже. Л. М. предложил сделать сагу, и, мне кажется, это отличная мысль. Действие начнется на Оркнейских островах примерно в тысячном году, когда происходит масса событий. Там у тебя будут норвежские поселенцы, и грабители-викинги, и атмосфера, накаленная до предела. Может быть, стоит начать с рейда викингов — корабль с головой дракона медленно скользит по черной воде, представляешь?

— Вроде как в вестерне, когда бандиты, готовясь к ограблению банка, молча въезжают в спящий город?

— Примерно так. Дальше: главный герой — вождь викингов или, может быть, главарь поселенцев на берегу, ты сам сообразишь, как лучше. Происходит бой, затем еще какая-нибудь битва, поэтому герой решает вместе со своим пле-

менем переселиться в новую страну — Винланд, об открытии которой он только что узнал.

— Что-то вроде покорения Запада?

— Точно. Затем путешествие, шторм, кораблекрушение, высадка на берег, первое поселение, битва с индейцами. И думай пошире, потому что у нас будет много массовых сцен. Финал на высокой ноте — в свете заходящего солнца.

Чарли Чанг, слушая Барни, торопливо делал заметки на титульном листе книги и кивал в знак согласия.

— Еще один вопрос, — сказал он, выставив вперед книгу. — Некоторые имена в хронике — один смех. Вот послушай только. Здесь есть Эйольф Вонючий. И дальше Пиг Полярный Медведь, Рагнар Волосатые Штаны и уйма таких же. Конечно, можно их вставить для смеха…

— Это серьезный фильм, Чарли, самый серьезный из всех, какие тебе приходилось снимать.

— Конечно, Барни, ты босс. Это просто предложение. Будет любовная линия?

— Да, и начни ее пораньше — ты знаешь, как это делается.

— Эта роль для меня, Барни, милый, — раздался шепот у него над ухом, и теплые руки обвили шею продюсера.

— Не позволяй ему улестить себя, Слайти, — раздался приглушенный голос. — Барни Хендриксон мой друг, мой очень старый друг, но он бизнесмен до мозга костей, хитрый и проницательный, и, что бы ты ему ни обещала, — хотя мне и не хочется этого говорить — я должен буду внимательно изучить все контракты перед тем, как ты их подпишешь.

— Айвэн, — прохрипел Барни, пытаясь вырваться из душистого осьминожьего плена, — будь добр, оттащи свою клиентуру в сторону на несколько минут, и потом я займусь вами. Не знаю, сумеем ли мы договориться, но тогда мы, по крайней мере, сможем говорить.

Айвэн Гриссини, по виду классический мошенник — горбатый нос, черные волосы и мягкий, покрытый перхотью костюм, — и был мошенником, притом потрясающим. Он чуял запах долларов за десять миль против ветра во время грозы с градом и всегда носил с собой шестнадцать авторучек, которые он неизменно заправлял каждое утро, перед тем как отправиться к себе в контору.

— Посиди рядом со мной, беби, — сказал он, направляя Слайти в угол привычным отработанным движением. Поскольку Слайти не была набита «зелененькими», Гриссини оставался

невосприимчив к ее чарам. — Барни Хендриксон всегда делает то, что обещал, и даже еще больше.

Телефон зазвенел в ту самую минуту, когда в дверях появился Йенс Лин, размахивая контрактом.

— Оттар не может это подписать, — сказал он. — Ведь контракт на английском языке.

— Так переведите ему, вы же технический советник. Одну минуту, — проговорил Барни в трубку.

— Я могу перевести контракт, это чрезвычайно трудно, но возможно, однако зачем это? Ведь Оттар не умеет читать.

— Подождите минутку, Лин. Нет, это я не тебе, Сэм. Знаю, Сэм… Конечно, я видел предварительные расчеты, ведь я сам их составил. Нет, не нужно спрашивать меня, где я достаю ЛСД… Будь реалистом, Сэм. Согласен, мы не вчера родились, ни ты, ни я… Как ты не понимаешь, что этот фильм может быть снят в пределах той цифры, которую я дал тебе, плюс или минус пятьдесят тысяч… Не говори, что это невозможно, Сэм. Помнишь поговорку: мы делаем и невозможное, просто для этого требуется немного больше времени? Что? Прямо по телефону? Сэм, будь благоразумен. У меня в кабинете сейчас настоящий

цирк, да-да, Барнум и Бейли, я просто не могу сейчас входить в детали… Отделаться? Я? Никогда? Да-да, конечно, спроси его. Л. М. в курсе дел с самого начала, он следит за каждым шагом, и ты увидишь, что он поддерживает меня по каждому пункту… Верно… И тебе того же самого, Сэм.

Барни опустил трубку, и Чарли Чанг сказал:

— Ее взяли в плен, когда пираты напали на поселение; в начале картины она сопротивляется ему с ненавистью, но затем вопреки ее собственной воле ненависть переходит в любовь.

— Меня еще никогда не брали в плен пираты, — прохрипела Слайти из угла.

— Отличная мысль, Чарли, — согласился Барни.

— И даже если бы он мог читать, он все равно не умеет писать, — продолжал Лин.

— У нас не раз возникала такая же проблема с иностранными актерами, — повернулся к нему Барни. — Подколи к контракту перевод, заверенный двуязычным нотариусом, затем пусть Оттар обмакнет большой палец в чернила и приложит его в конце каждого документа. Когда отпечаток его пальца заверят два нейтральных свидетеля, этот документ будет признан действительным в любом суде мира.

— Не так-то просто найти нотариуса, владеющего в равной степени английским и старонорвежским языками…

— Обратись в отдел кадров, они могут найти кого угодно.

В открытую дверь вошла секретарша и поставила на письменный стол пузырек, полный таблеток бензедрина.

— Вот ваши бенни, мистер Хендриксон.

— Слишком поздно, — прошептал Барни, глядя перед собой неподвижным взглядом, — слишком поздно.

Телефон и селектор зазвенели одновременно. Барни вытряхнул из пузырька на ладонь пару таблеток и запил их холодным, пахнущим картоном кофе. Затем он нажал на рычажок селектора.

— Хендриксон слушает.

— Барни, сейчас же зайди ко мне, — раздался голос Л. М.

Бетти подняла телефонную трубку.

— Это секретарша Л. М. Гринспэна, — сказала она Барни. — Л. М. хочет, чтобы вы зашли к нему.

— Понятно. — Барни с трудом поднялся из-за стола — болели мышцы — и подумал, сколько времени потребуется, чтобы бензедрин начал

действовать. — Навались на работу, Чарли, мне понадобится конспект сценария — пара страниц, и как можно скорее.

Когда Барни проходил мимо Гриссини, проворные руки импресарио устремились к лацкану его пиджака, но Барни с искусством, отточенным многолетней практикой, ловко увернулся.

— Подожди минутку, Айвэн, я поговорю с тобой сразу после возвращения от Л. М. — Хор голосов мгновенно стих, отрезанный захлопнувшейся дверью. — Будь добра, Бетти, дай мне свое полотенце, — попросил он.

Бетти протянула ему полотенце, и Барни набросил его на плечи, тщательно подоткнув его край за воротник рубашки. Затем он наклонил голову, подсунул ее под водопроводный кран и чуть не задохнулся, когда Бетти открыла кран. В течение нескольких секунд струя ледяной воды текла на затылок и шею продюсера, затем он выпрямился и вытер голову и шею полотенцем. Бетти одолжила ему свой гребешок. После ледяного душа он чувствовал себя слабее, но все-таки лучше и, когда посмотрел в зеркало, увидел, что выглядит почти как человек. Почти.

— Запри за собой дверь, — распорядился Л. М., когда Барни вошел в его кабинет, затем, хрюкнув

от напряжения, перекусил кусачками последний телефонный провод. — Больше нет, Сэм?

— Этот был последний, — сказал Сэм тусклым голосом.

Внешне Сэм тоже выглядел весьма тусклым, что было, несомненно, защитной окраской, ибо Сэм был личным персональным бухгалтером Л. М. и о нем ходила слава как о самом большом в мире специалисте по корпоративным финансам и увиливанию от уплаты налогов. Он прижал к груди папку с документами и посмотрел на Л. М.

— В этом уже нет необходимости, — сказал он.

— Может быть, может быть. — Л. М. опустился в кресло, отдуваясь. — Но стоит мне только произнести слово «банк», когда у меня в кабинете не перерезаны провода, как мое сердце начинает биться с перебоями. У меня плохие новости для тебя, Барни. — Он откусил конец сигары. — Мы разорены.

— Что это значит? — Барни перевел взгляд с одного непроницаемого лица на другое. — Это что, шутка?

— Л. М. имеет в виду, — уточнил Сэм, — что «Клаймэктик студиоз» в ближайшее время обанкротится.

— Сели на мель, загублено дело всей моей жиз-

ни, — сказал Л. М. глухим голосом.

Сэм механически кивнул, подобно кукле чревовещателя, и сказал:

— В общих чертах положение таково. Обычно мы только через три месяца шлем свой финансовый отчет в банки, которые, как ты знаешь, держат контрольный пакет нашей студии. Однако по неизвестным нам причинам они присылают своих ревизоров для проверки бухгалтерских книг уже на следующей неделе.

— Ну? — спросил Барни и внезапно ощутил легкое головокружение. Тишина стала невыносимой; он вскочил и начал ходить по кабинету. — Ну и они обнаружат, что студия на мели, что все прибыли — только на бумаге, — Барни повернулся к Л. М. и драматическим жестом указал на него, — и что все деньги перекачаны в фонд Л. М. Гринспэна, не облагаемый налогом. Неудивительно, что вы не переживаете, Л. М. Пусть себе студия катится под откос, а Л. М. Гринспэн будет идти вперед!

— Поосторожнее выражайся! Разве можно так разговаривать с тем, кто вывел тебя в люди…

— Вывел в люди — а теперь все, конец! — Барни саданул себя по шее ребром ладони сильнее, чем это входило в его планы. — Послушайте,

Л. М., — сказал он умоляющим голосом, потирая ушибленное место, — мы не должны сдаваться! Пока не опустился топор, у нас еще остается шанс! Ведь вы считали, что еще есть надежды на спасение, иначе бы не связались с профессором Хьюиттом и его машиной. Вы, наверно, думали, что большие кассовые сборы уменьшат давление со стороны банков, снова сделают фирму платежеспособной. Но ведь все еще можно поправить!

Л. М. с мрачным видом покачал головой.

— Не хочу сказать, что приятно пожимать руку человеку, который вот-вот вонзит тебе нож в спину, но что я могу сделать? Конечно, финансовый успех фильма и даже просто отснятая, но не выпущенная на экраны большая картина — и плевать нам на банковскую ревизию. Но ведь мы не можем отснять фильм за неделю.

«Мы не можем отснять фильм за неделю».

Эти слова шевелились в отупевшей от кофеина, никотина и бензедрина голове Барни, будя какие-то далекие смутные воспоминания.

— Л. М., — сказал Барни, сопровождая свои слова драматическим жестом, — у вас будет инфаркт!

— Типун тебе на язык! — охнул Л. М. и схватился за мощный пласт жира где-то в районе

сердца. — И не произноси больше этого слова. Одного инфаркта мне вполне достаточно.

— Послушайте. Вы отправляетесь вместе с Сэмом к себе домой, чтобы поработать над бухгалтерскими книгами, и, конечно, берете их с собой. Сегодня вечером вы заболеваете. Может быть, это расстройство желудка, а может, инфаркт. Ваш доктор говорит, что он подозревает инфаркт. В благодарность за все те деньги, которые он получил от вас, он должен оказать вам эту маленькую любезность. Несколько дней все бегают туда-сюда и кричат, бухгалтерские книги временно забыты, затем подходит уик-энд, и никому и в голову не придет смотреть книги раньше понедельника, может быть, даже вторника.

— Понедельника, — твердо сказал Сэм. — Ты не знаешь банков, Барни. Если в понедельник мы не представим книг, они пошлют на дом к Л. М. автобус с врачами.

— Ну хорошо, в понедельник. У нас все равно достаточно времени.

— Пусть понедельник — что от этого изменится? Откровенно говоря, я озадачен. — Л. М. нахмурился и принял озадаченный вид.

— А вот что, Л. М. Утром в понедельник я доставлю вам в кабинет отснятую картину. Картину,

которая принесет вам два-три миллиона только из-за продолжительности, широкоэкранности и цвета.

— Ты сошел с ума!

— Ничуть, Л. М. Вы забыли про времеатрон. Машина профессора Хьюитта действует. Помните, вчера вечером вы еще подумали, что мы отлучились на десять минут? — (Л. М. неохотно кивнул.) — Так оно и было по вашему времени. Но по времени викингов мы провели в прошлом более часа! И мы можем все повторить. Отправим съемочную группу со всем необходимым в прошлое, и пусть она остается там столько времени, сколько ей нужно для того, чтобы сделать фильм.

— Ты хочешь сказать…

— Совершенно верно. Когда мы вернемся обратно с отснятым фильмом, вам будет казаться, что прошло всего десять минут!

— Почему же никто не подумал об этом раньше? — прошептал Л. М. с блаженной улыбкой на лице.

— Тут много причин…

— Так ты хочешь сказать… — Сэм подался вперед так, что чуть не упал с кресла, и какой-то намек на выражение, может быть даже на

улыбку, появился на его лице, — так ты хочешь сказать, что мы будем платить только за десять минут производства фильма?

— Я имел в виду совсем не это, — огрызнулся Барни. — И вообще, хочу сразу предупредить, что с точки зрения бухгалтерии здесь будет масса трудностей. Тем не менее, чтобы ободрить вас, я гарантирую, что мы произведем все съемки на местности — со многими массовыми сценами — за одну десятую стоимости фильма, снятого в Испании.

Глаза Сэма сверкнули.

— Я незнаком с подробностями этого проекта, Л. М., но некоторые его детали кажутся весьма интересными.

— И ты сможешь сделать это, Барни? Сможешь снять такой фильм?

— Я сделаю это, только если вы окажете мне всяческое содействие и не будете задавать вопросов. Сегодня вторник. Пожалуй, к субботе мы сможем закончить всю подготовку. — Барни начал загибать пальцы. — Нам нужно подписать контракты с главными исполнителями, запастись достаточным количеством пленки, набрать технический персонал, взять по крайней мере две дополнительные съемочные камеры… — Он

продолжал бормотать себе под нос, перечисляя все необходимое. — Да, — сказал он наконец, — мы можем сделать это.

— И все-таки не знаю… — задумчиво сказал Л. М. — Уж больно сумасшедшая идея…

Будущее грандиозного боевика висело на волоске, и Барни отчаянно пытался найти довод, который убедил бы Л. М.

— Еще одно, Л. М. Если мы будем вести съемки в течение шести месяцев, то придется, конечно, платить заработную плату за все шесть месяцев. Однако если взять кинокамеры и остальное съемочное оборудование напрокат, то мы заплатим ренту лишь за несколько дней!

— Барни, — сказал Л. М., выпрямляясь в кресле, — ты назначаешься режиссером и продюсером этой картины.

Глава 5

— Вы еще услышите о Синекитте, мистер Хендриксон…

— Барни…

— …еще услышите, Барни, эта история еще не окончена. После войны итальянцы создали неореалистическое искусство, затем ему на смену

пришел кухонный реализм английской кинематографии. Но понимаешь, Барни, Рим еще не умер. Такие ребята, как я, приезжают ненадолго в Голливуд, совершенствуют технику, схватывают на лету новые приемы…

— А попутно и солидные гонорары…

— Не отрицаю, их привлекают доллары. Да, знаешь, Барни, вряд ли мы сумеем заснять что-нибудь на цветную пленку в это время дня. — Он взмахнул своим восьмимиллиметровым «Болексом», висящим на ремешке на запястье. — Нужно было зарядить камеру черно-белым три-экс. Ведь уже пять часов вечера.

— Не беспокойся, Джино, ручаюсь, что у тебя будет сколько угодно света. — Барни поднял голову и увидел, как из двери пакгауза вышел Эмори Блестэд. — Подойди-ка сюда, Эмори, — окликнул он инженера. — Познакомься, это наш кинооператор Джино Каппо. Джино, это Эмори Блестэд, наш инженер.

— Очень рад познакомиться, — сказал Эмори, пожимая руку итальянцу. — Меня всегда интересовало, как вам удалось добиться столь отталкивающих киноэффектов в «Осенней любви».

— Вы имеете в виду «Порко мондо»? Это не киноэффекты, именно так выглядят некоторые

районы Югославии. — Он повернулся к Барни. — Даллас просил меня передать, что они приведут Оттара через пять минут.

— Давно пора. Пусть профессор прогревает свою машину.

Барни, болезненно морщась, вскарабкался в кузов армейского грузовика и опустился на ящики. Ему все-таки удалось соснуть часок на кушетке в своем кабинете, но его разбудил очередной срочный вызов Л. М., и Барни поднялся в его кабинет для продолжительного спора из-за бюджета фильма. Нервное истощение начинало сказываться.

— Я заново отрегулировал все свое оборудование, — сообщил ему профессор Хьюитт, радостно похлопывая по контрольной панели времеатрона. — И начиная с этого дня могу гарантировать будущим путешественникам максимальную точность как во временно́м, так и в географическом плане.

— Великолепно. Отрегулируйте все так, чтобы мы прибыли на то же место, что и раньше, в тот же день и в тот же час. Тогда было превосходное освещение.

Дверь распахнулась, и пакгауз наполнился громкими гортанными звуками. В помещение,

пошатываясь, ввалился Оттар в сопровождении Йенса Лина и Далласа Леви, которые не столько сдерживали, сколько поддерживали викинга, — Оттар был в стельку пьян. За ними шествовал Текс, кативший перед собой тележку, доверху нагруженную ящиками. Понадобились совместные усилия всех троих, чтобы забросить викинга в кузов грузовика, где он тотчас же впал в забытье, что-то бормоча с блаженным видом. Оттара со всех сторон забаррикадировали ящиками.

— Что это в них? — поинтересовался Барни.

— Товары для обмена, — ответил Лин, с трудом перекидывая ящик с надписью «Виски „Джек Дэниелс“» через задний борт грузовика. — Оттар подписал контракт, я ужасно удивился, что здесь удалось разыскать исландского нотариуса…

— В Голливуде можно найти что угодно.

— …и Оттар согласился учить английский язык после того, как его доставят домой. У него появился заметный интерес к алкогольным напиткам двойной очистки, и мы заключили соглашение — за каждый день учебы по бутылке виски.

— Неужели вы не могли всучить ему какой-нибудь сивухи? — спросил Барни, когда второй ящик «Джека Дэниелса» исчез в кузове. — Как же я буду выкручиваться перед бухгалтерией?

— Мы пробовали, — вставил Даллас, перекидывая через борт третий ящик. — Попытались всучить ему пойло вроде «Олд оверкоут» — девяностопятиградусный хлебный спирт, но он сделал от ворот поворот. Изысканный вкус у этого дикаря! Два месяца обучения, пять ящиков виски — таковы условия.

Йенс Лин вскарабкался в кузов, и Барни с восхищением уставился на его высокие, до колен, саперные сапоги, краги, охотничью куртку с множеством карманов и ножны с огромным ножом.

— А зачем этот костюм для джунглей? — спросил он.

— Просто чтобы остаться в живых и для удобства, — объяснил Лин, освобождая место для спального мешка и огромного сундука, который Даллас с трудом втащил в кузов. — Здесь у меня ДДТ против вшей, которых там, конечно, хоть пруд пруди, таблетки для очистки питьевой воды и запас консервов. Питание в те времена не отличалось разнообразием, и современному человеку оно, конечно, не годится. Поэтому я решил предпринять простейшие меры предосторожности.

— Очень предусмотрительно, — заметил Барни. — Эй, вы, влезайте сюда и закрывайте задний борт, пора отправляться!

Хотя времеатрон по-прежнему завывал и искры бегали по его поверхности с той же интенсивностью, обстановка в машине была далеко не такой напряженной. Условные рефлексы человека, живущего в мире машин, одержали победу, и путешествие во времени казалось теперь таким же обыкновенным, как подъем в скоростном лифте, полет на реактивном самолете, спуск в подводной лодке или взлет в космической ракете. Только Джино, для которого это путешествие было первым, проявил признаки беспокойства, бросая быстрые взгляды то на ряды электронных инструментов, то на закрытую дверь пакгауза. Однако явное спокойствие других пассажиров — Барни ухитрился заснуть во время путешествия, а Даллас и датский филолог затеяли спор из-за того, что одна из бутылок виски оказалась открытой и, стало быть, терялся один день обучения английскому языку, — благотворно подействовало на оператора. В момент перехода из одного темпорального состояния в другое Джино, потрясенный, привстал, однако тут же сел, едва ему в руки сунули бутылку. Тем не менее, когда за грузовиком появилось сверкающее голубое небо и соленый морской воздух наполнил легкие, у него глаза на лоб полезли.

— Ловкий трюк, — сказал он, глядя на свой экспонометр. — Как это у вас получается?

— Подробности можешь узнать у профа, — выдохнул Барни, проглотив лошадиную порцию виски. — Очень сложно. Что-то вроде перемещения во времени.

— А, понятно, — радостно кивнул Джино, устанавливая диафрагму на цифре 3,5. — Вроде временны́х зон, когда летишь из Лондона в Нью-Йорк. Такое впечатление, будто солнце не двигается и ты прилетаешь в то же самое время, в которое взлетел.

— Что-то вроде этого.

— Великолепная освещенность. С таким светом можно дать хорошие краски.

— Если ты собираешься вести машину, не напивайся, — сказал Даллас, протягивая полупустую бутылку Тексу, сидящему за рулем грузовика. — Один глоток, приятель, и в дорогу.

Стартер взревел, мотор ожил, и Барни, поглядев через переднее окошко кузова, увидел, что они едут по следам другого грузовика, отчетливо видным на мокром песке и гальке. Смутное воспоминание забрезжило у него в голове, несмотря на усталость, и он застучал по металлической крыше кабины прямо над головой Текса.

— Подай сигнал! — крикнул он изо всех сил.

Грузовик подъехал к мысу и начал объезжать его. Тут-то и раздался автомобильный гудок. Спотыкаясь о ящики, наступив на бок спящего викинга, Барни бросился к заднему борту грузовика. Послышался нарастающий рокот мотора, и армейский грузовик, похожий на их машину как две капли воды, промчался мимо, двигаясь в противоположном направлении. У самого борта Барни поспешно протянул руку и схватился за стойку у себя над головой. В удалявшемся грузовике он успел разглядеть самого себя с бледным лицом, выпученными глазами и широко открытым, как у кретина, ртом. Испытывая садистское удовлетворение, он приложил большой палец другой руки к носу и растопырил пальцы, насмехаясь над потрясенным Барни в другой машине, которая тотчас же скрылась за мысом.

— Здесь большое движение? — поинтересовался Джино.

Оттар сел, потирая бок и бормоча под нос проклятия. Йенс быстро успокоил его, протянув бутылку, и через минуту грузовик остановился, проехав несколько футов по мелкой гальке.

— Примроуз-коттедж! — крикнул из кабины Текс. — Конечная остановка.

Вонючий дым по-прежнему поднимался из дыры на крыше землянки, однако ее обитателей не было видно. Оружие и примитивные орудия труда все еще были разбросаны на земле. Оттар не то вывалился, не то выпрыгнул из грузовика и заорал что есть мочи, изо всех сил сжав голову руками, словно в порыве горя:

— Hvar erut per rakka? Komit ut![7]

Он снова схватился за голову и стал искать глазами бутылку, которую Йенс Лин с мудрой предусмотрительностью успел припрятать. Из дома начали выходить дрожащие слуги.

— Ну, за дело! — распорядился Барни. — Разгружайте ящики и поставьте их, куда покажет доктор Лин. Нет-нет, Джино, не суйся, ты пойдешь со мной.

Они вскарабкались на невысокий холм сразу позади хижины, с трудом прокладывая путь по короткой жесткой траве и то и дело спотыкаясь о косматых, диких на вид овец, которые, мекая, шарахались в сторону. С вершины холма они отчетливо увидели изогнутую дугу залива, уходящую вдаль слева и справа, и сланцево-серое безбрежье океана. Длинная волна накатилась на

---

[7] Примечания: 7
Где вы, собаки? Выходите сейчас же! *(старонорв.)*

берег, разбилась о гальку и с шипением поползла по камням обратно в море. Посреди залива стоял мрачный остров с отвесными скалистыми берегами, под которыми пенился океанский прибой, а еще дальше, на горизонте, виднелось темное пятно другого острова, уже пониже.

— Сделай-ка панораму на все триста шестьдесят градусов, мы изучим ее позднее. И возьми крупным планом этот остров.

— А почему бы не пойти вглубь материка и не посмотреть, что там находится? — спросил Джино, глядя в видоискатель.

— Потом, если останется время, сходим. Ведь мы собираемся снимать морскую картину, и мне хочется использовать виды открытого моря.

— Ну тогда пройдемся хотя бы вдоль берега — посмотрим, что там за мысом.

— Ладно, только не ходи один. Возьми с собой Текса или Далласа — они выручат тебя в случае нужды. И не отлучайся больше чем на пятнадцать минут, чтобы мы могли найти тебя, когда придет время отправляться обратно.

Барни взглянул на берег и заметил лодку; схватив Джино за руку, он указал на нее:

— У меня идея. Возьми Лина в качестве переводчика, прихвати пару туземцев — и пусть они

отвезут тебя подальше в море. Сделай несколько снимков — как это место выглядит с моря…

— Эй, Барни, — крикнул Текс, появляясь на вершине холма, — ты нужен в хижине! Там производственное совещание.

— Ты как раз вовремя, Текс. Оставайся с Джино и присмотри за ним.

— Я прилипну к нему как банный лист. Va buona, et cumpa![8]

Джино вопросительно посмотрел на него:

— Vui sareste italiano?[9]

Текс засмеялся:

— Я? Нет, я американо, но у меня полно родственников-макаронников вдоль всего Неаполитанского залива.

— Di Napoli! So' napoletano pur'io![10] — радостно закричал Джино.

Оставив Джино и Текса, которые восторженно жали друг другу руки и вспоминали общих знакомых, Барни направился к хижине. Свесив ноги, в кузове грузовика сидел Даллас. В его руке

---

[8] Примечания: 8
Будь здоров и радуйся жизни! *(неапол. диал.)*

[9] Примечания: 9
Вы итальянец будете? *(ит.)*

[10] Примечания: 10
Из Неаполя! Чистый неаполитанец! *(ит.)*

дымилась сигарета.

— Все уже там, — сказал он, — а я решил для верности присмотреть за грузовиком, чтобы было на чем ехать обратно. Лин сказал, чтобы ты сразу заходил.

Барни без всякого энтузиазма взглянул на низкую дверь, ведущую в хижину. Она была приоткрыта, и из щели шло больше дыма, чем из отверстия в крыше, служившего дымоходом.

— Не спускай глаз с машины, — вырвалось у Барни. — В такой дыре не хватает только этих неприятностей.

— И я подумал то же самое, — пробормотал Даллас и извлек из кармана автоматический пистолет. — Десять зарядов. И я стреляю без промаха.

Широко распахнув дверь, Барни нагнулся и вошел в хижину. Дым, что поднимался от тлеющего очага, висел на уровне его головы серой пеленой, и Барни был почти рад этому, так как запах дыма заглушал остальные ароматы, щедро наполнявшие помещение. Принюхавшись, Барни различил запах тухлой рыбы, смолы, пота и еще множество других, которые ему и распознавать не хотелось. В первое мгновение он почти ослеп, попав в полутьму после яркого солнечного

света, потому что единственными источниками освещения в хижине были открытая дверь и несколько отверстий, пробитых в стенах.

— Jaeja, hunningi! Pu skalt drekka meo mer![11]

Хриплый голос Оттара потряс воздух, и, когда Барни немного освоился в полумраке, он смог различить группу людей, сидящих вокруг стола из толстых досок. У одного его конца сидел Оттар, колотивший по столу кулаком.

— Он хочет, чтобы ты выпил с ним, — сказал Лин. — Это очень важный шаг, гостеприимство, хлеб-соль, понимаешь?

— Ol![12] — рявкнул Оттар, поднимая небольшой бочонок с земляного пола.

— Выпил чего? — спросил Барни, глядя в темноту.

— Эля. Они делают эль из ячменя — это у них основная культура. Эль — изобретение северных германских племен; можно сказать, предок нашего пива. Даже само слово дошло до нас — правда, в слегка измененном виде…

---

[11] Примечания: 11
Хей, мой друг! Ты должен выпить со мной! *(старонорв.)*

[12] Примечания: 12
Эль! *(старонорв.)*

— Drekk![13] — приказал Оттар, наливая до краев рог и протягивая его Барни.

Присмотревшись, Барни увидел, что это действительно коровий рог, изогнутый, потрескавшийся и далеко не первой чистоты. Йенс Лин, профессор и Эмори Блестэд также держали в руках по рогу. Барни поднес рог к губам и сделал глоток. Жидкость была кислой, водянистой, выдохшейся и ужасной на вкус.

— Замечательно! — сказал он, надеясь, что в темноте выражение его лица не будет видно.

— Ja, gott ok vel![14] — согласился Оттар, и новая порция отвратительной жидкости хлынула в рог Барни, перелилась через край и потекла по его руке.

— Если тебе не нравится напиток, — глухим голосом произнес Эмори, — то подожди, когда очередь дойдет до еды.

— Вот как раз что-то несут.

Профессор показал на дальний угол комнаты, где кто-то из слуг копался в большом деревянном сундуке. Выпрямившись, слуга пнул один из темных холмиков, разбросанных по земляному

---

[13] Примечания: 13
Пей! *(старонорв.)*

[14] Примечания: 14
Да, великолепный эль! *(старонорв.)*

полу. Раздалось обиженное мычание.

— Скот?.. — удивился Барни.

— Вот именно. Его держат в доме, — разъяснил Эмори. — Он придает здешней атмосфере особо тонкий аромат.

Слуга, которому длинные светлые волосы, ниспадавшие до плеч и закрывавшие глаза, придавали сходство с неухоженной овчаркой, направился к столу, сжимая в своих почерневших от грязи лапах по какой-то большой глыбе. Подойдя, он бросил глыбы на стол перед Барни, и они стукнулись о дерево, словно камни.

— Что это такое? — спросил Барни, подозрительно скосив глаза на лежащие перед ним глыбы. Одновременно он переложил рог в другую руку и пытался вытряхнуть ручеек эля из рукава своего пиджака.

— Слева — это сыр местного производства, а справа — кнекброд, твердый хлеб, — пояснил Йенс Лин. — А может быть, наоборот.

Барни попробовал их надкусить, вернее, постучал зубами по их гранитной поверхности.

— Великолепно, просто великолепно, — сказал он, бросая их обратно на стол и глядя на светящийся циферблат своих часов. — Освещение меняется, и скоро нам нужно отправляться. Мне

бы хотелось поговорить с тобой, Эмори, давай выйдем на улицу, если только ты можешь оторваться от пира.

— С удовольствием, — ответил Эмори.

Содрогаясь от отвращения, он допил эль и выплеснул остатки на пол.

Солнце село за полоску льдистых облаков, и с моря подул холодный ветер; Барни зябко поежился и поглубже засунул руки в карманы.

— Мне нужна твоя помощь, Эмори, — сказал он. — Составь список всего необходимого для съемки фильма на местности в этой обстановке. По-видимому, здесь не удастся воспользоваться местными ресурсами по части съестного…

— Клянусь богом, ты прав!

— …поэтому придется все захватить с собой. Кроме того, я хочу смонтировать фильм прямо здесь, так что в одном из прицепов должно быть помещение для монтажа.

— Ты хочешь нажить себе неприятности, Барни? Да здесь даже черновой монтаж и то не осилишь. А как с тренировкой? А музыка?

— Мы сделаем все, что можем. Наймем композитора и пару музыкантов; может быть, используем местный оркестр.

— Представляю себе местную музыку!

— Неважно, если потом придется изменить почти все звуковое сопровождение. Мы должны привезти готовый фильм, вот что важно…

— Мистер Хендриксон, — позвал Йенс Лин, открывая дверь и подходя к ним. Он порылся в нагрудном кармане своей охотничьей куртки и протянул Барни измятый конверт. — Я только что вспомнил, меня просили передать вам записку.

— Что еще такое? — спросил Барни.

— Не имею представления. Насколько мне известно, она конфиденциальна. Ваша секретарша передала ее мне, как раз когда мы отправлялись.

Барни разорвал конверт. Внутри был лист желтой бумаги с коротким машинописным текстом, гласившим:

Л. М. СООБЩИЛ ПО ТЕЛЕФОНУ: ОПЕРАЦИЯ ОТМЕНЯЕТСЯ, ВСЯ РАБОТА ПО СЪЕМКЕ ФИЛЬМА ПРЕКРАЩАЕТСЯ. ПРИЧИНА НЕ УКАЗАНА.

Глава 6

Барни отшвырнул от себя журнал, однако его обложка прилипла к руке и наполовину оторвалась. Он нетерпеливо отодрал от ладони бумагу и еще раз пожалел о том, что у него не хватило

времени помыть руки после викингова пива. Надо же — съемка отменяется!

— Мисс Заккер, — сказал он, — Л. М. ждет меня. Он так сказал. Он оставил записку. Я уверен, что он с нетерпением ожидает…

— Мне очень жаль, мистер Хендриксон, но он дал мне самые строгие указания ни в коем случае не беспокоить его во время совещания. — Пальцы секретарши на мгновение замерли над клавишами машинки, и даже челюсти прекратили жевательные движения. — Как только представится возможность, я сейчас же сообщу о том, что вы ждете. — Стук машинки возобновился, и в такт с ним опять начали двигаться челюсти.

— Вы могли бы, по крайней мере, позвонить ему и сообщить о моем приходе.

— Мистер Хендриксон! — воскликнула секретарша тоном матери настоятельницы, облыжно обвиненной в содержании публичного дома.

Барни вышел в коридор, выпил воды, затем вымыл липкие ладони. Когда он вытирал руки о лист бумаги, раздалось жужжание интеркома, и мисс Заккер кивнула ему.

— Теперь можете войти, — сказала она ледяным тоном.

— Что случилось, Л. М.? — спросил Барни, едва

переступив порог. — Что значит эта записка?

Сэм сидел в своем кресле чурбан чурбаном, а напротив него съежился на стуле взопревший Чарли Чанг. Выражение лица у него было разнесчастное.

— Что это значит? Он еще спрашивает, что это значит! Это значит, что ты, Барни Хендриксон, провел меня за нос. Ты добился от меня согласия на съемку фильма, когда у тебя даже сценария не было.

— Ну конечно, у меня нет сценария! Как у меня может быть сценарий, когда мы только что решили делать фильм? Ведь это же чрезвычайный случай, правда?

— Правда, правда. Но чрезвычайный случай — это одно дело, а съемка фильма без сценария — совсем другое. Может быть, во Франции и делают фильмы по принципу тяп-ляп, так что не поймешь, есть у них сценарий или нет. Но в нашем «Клаймэктик» так дела не делаются!

— Да, непорядок, — согласился Сэм.

Барни изо всех сил пытался сохранить самообладание.

— Послушайте, Л. М., будьте благоразумны. Ведь это критический момент, вы забыли? Утопающий хватается за соломинку. Особые

обстоятельства…

— То есть банк. Называй вещи своими именами. Теперь это можно.

— Не будем уточнять, потому что мы еще можем провести их. Мы можем сделать картину. Вы вызвали моего сценариста…

— У него нет сценария.

— Конечно, у него нет сценария. Только вчера вы и я окончательно договорились об идее фильма. Теперь, когда вы поговорили с ним и объяснили ему свои требования…

— У него нет сценария.

— Ради бога, Л. М., выслушайте меня. Чарли — хороший сценарист, вы сами его нашли и взрастили. Если кто-то может сделать то, что нам требуется, так это старый добрый Чарли. Если бы сейчас у вас в руках был сценарий этого фильма, написанный Чарли Чангом, вы ведь дали бы разрешение на съемки, верно?

— У него нет сце…

— Л. М., вы не слушаете меня. Если. Это важное слово. Если бы я сейчас вошел в кабинет и вручил вам написанный Чарли Чангом сценарий этого эпохального фильма под названием… под названием «Викинг Колумб», дали бы вы разрешение на его производство?

На лице Л. М. застыло непроницаемое выражение. Он взглянул на Сэма, который едва заметно опустил голову.

— Да, — тотчас же ответил Л. М.

— Ну вот, дело пошло на лад, — поспешно подхватил Барни. — Если я передам вам этот сценарий через час, вы дадите добро на производство фильма? Никакой разницы, верно?

Л. М. пожал плечами.

— Ну хорошо, для меня — никакой. Ну а какая для тебя разница?

— Ждите меня здесь, Л. М. — Барни вскочил и, схватив удивленного Чарли Чанга за рукав, потащил его в коридор. — Поговорите с Сэмом о бюджете, выпейте по коктейлю. Я вернусь ровно через час. «Викинг Колумб» уже почти готов к производству.

— У меня есть знакомый психиатр, который принимает вечером, — сказал Чарли, едва за ними захлопнулась дверь кабинета. — Поговори с ним, Барни. Мне приходилось слышать много скоропалительных обещаний в нашем скоропалительном деле, но такого…

— Помолчи, Чарли. Тебе предстоит большая работа. — Барни, не переставая говорить, вывел упиравшегося сценариста в коридор. — Скажи,

сколько времени потребуется тебе на то, чтобы состряпать черновой вариант сценария для этого фильма, если работать на полную катушку? Сколько времени?

— Это огромная работа. По крайней мере, шесть месяцев.

— Отлично. Шесть недель. Концентрация усилий, первоклассный материал.

— Я сказал не недель, а месяцев.

— Если тебе понадобится шесть месяцев, у тебя будет шесть месяцев. Поверь моему слову, у тебя будет столько времени, сколько тебе потребуется. И, кроме того, спокойное, тихое место для работы. — Они проходили мимо висевшей на стене фотографии, и Барни, внезапно остановившись, ткнул в нее пальцем. — Вот здесь. Остров Санта-Каталина. Масса солнечного света, освежающая морская ванна особенно приятна, когда у тебя мозги пересохнут.

— Я не смогу там работать, Барни. Остров полон людей, ночью в каждом доме вечеринки с танцами.

— Это ты так думаешь. А тебе понравится работать на Санта-Каталине, если вокруг не будет ни души и весь остров будет принадлежать тебе одному? Подумай только, что можно написать в

таких условиях?

— Барни, честное слово, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Поймешь, Чарли. Через несколько минут все поймешь. Пятьдесят стопок бумаги, ящик копирки, стул — один, стол для пишущей машинки — один, пишущая машинка…

— Это допотопный образец, Барни, — прервал его Чарли. — На этом античном чуде приходится самому нажимать на клавиши. Я могу работать только на электрической модели Ай-би-эм.

— Боюсь, что в той части острова, где разместится твой лагерь, снабжение электричеством будет не очень надежным. Ничего, ты сам увидишь, с какой быстротой твои пальцы обретут прежнюю сноровку, — утешил его Барни. Когда в кузов грузовика впихнули огромный сундук, Барни поставил галочку в длинном списке. — Один комплект сафари.

— Один комплект чего?

— Один комплект сафари «сделай сам» из отдела бутафории и реквизита. Палатка, складная постель, стулья, сетки от москитов, походная кухня — и все в отличном рабочем состоянии. Ты расположишься с удобствами, как доктор Ливингстон, только в два раза комфортабельнее.

Пятидесятигаллонные бочки с водой — три, часы-табель пружинные с набором карточек — один комплект.

Ничего не понимая, Чарли Чанг смотрел на то, как самые разнообразные вещи одна за другой исчезают в кузове армейского грузовика. Все происходившее было бессмыслицей, включая седого старикашку позади всего этого барахла, который колдовал над радиоустановкой из фильма о Франкенштейне. Когда в кузов погрузили древние красного дерева часы-табель с римскими цифрами на циферблате, Чарли схватил Барни за руку.

— Ничего не понимаю, а уж это и вовсе. Зачем мне часы-табель?

— Профессор Хьюитт объяснит тебе все самым подробным образом через несколько минут, а пока прими мои слова на веру. Часы играют важную роль, ты в этом убедишься. Не забудь пробивать карточку каждое утро.

— Мистер Хендриксон, — послышался голос его секретарши, — вам здорово повезло. — Она появилась в дверях пакгауза, ведя за руку озадаченного негра в белом халате и высоком поварском колпаке. — Вы сказали, что вам нужен повар, причем немедленно, и я тут же отправилась на

кухню и нашла там Клайда Роулстона. Оказалось, что он не только повар, но знает стенографию и машинопись.

— Ты настоящий ангел, Бетти. Закажи еще одну машинку…

— Сейчас ее доставят. А как с аптечкой «скорой помощи»?

— Уже погрузили. Ну, тогда все. Клайд, это Чарли. Чарли, это Клайд. Позже вы сумеете познакомиться поближе. А теперь, пожалуйста, залезайте оба в грузовик.

— Я полезу, как только мне объяснят, что здесь происходит, — заявил Клайд, бросив на Барни вызывающий взгляд.

— Чрезвычайное положение, вы нужны «Клаймэктику», и я уверен, что вы оба, как преданные служащие, поможете нашей компании. Профессор Хьюитт вам все объяснит. Это займет немного времени. Обещаю вам, что мы с вами увидимся на этом свете ровно через десять минут по моим часам. А теперь, если вы перелезете через эти ящики, я подниму задний борт.

Успокоенные уверенным голосом Барни, они влезли в кузов, и профессор Хьюитт наклонился через их плечи к Барни.

— Мне кажется, кембрийский период подходит

больше всего, — сказал он. — Знаете, ранний палеозой. Здоровый, умеренный климат, тепло и уютно, позвоночные еще не появились, так что опасность не угрожает. Моря кишат простыми трилобитами. Хотя для продолжительного пребывания, пожалуй, слишком тепло. Может быть, немного позже, в девонский период. Достаточно большие позвоночные все еще не появились…

— Профессор, вы специалист, поступайте, как считаете нужным. Нам предстоит масса работы, по крайней мере в нашем временно́м отрезке. Доставьте их на Каталину, выгрузите со всем барахлом, затем передвиньтесь на шесть недель вперед и доставьте обратно. Барахло бросьте на острове, оно может нам понадобиться позднее. Отправляйтесь, у нас осталось всего пятнадцать минут.

— Считайте, что фильм у нас в руках. С каждым новым путешествием во времени мне все легче и легче налаживать приборы, так что теперь их точность очень высока. Ни одного мгновения не будет потрачено даром, буквально ни одного.

Профессор Хьюитт вернулся к своим приборам, и генератор надрывно заревел. Чарли Чанг открыл было рот, но его слова не донеслись до Барни, так как грузовик исчез. Исчез, а не растаял,

исчез мгновенно, как исчезает изображение на киноэкране, когда рвется лента. Барни собрался было поговорить с секретаршей, но только он обернулся, как грузовик появился снова.

— Что случилось? — спросил Барни, как вдруг увидел, что все припасы из кузова исчезли. Клайд Роулстон стоял рядом с профессором у контрольной панели, а Чарли Чанг сидел на пустом ящике, сжимая в руках толстую пачку машинописной бумаги.

— Ровным счетом ничего, — ответил профессор. — Просто я рассчитал наше возвращение с максимальной точностью.

На Чарли уже не было куртки, его рубашка помялась и выцвела, особенно на плечах, где она стала совершенно белесой. Волосы у него отросли, а щеки были покрыты густой черной щетиной.

— Ну, как дела? — спросил Барни.

— Неплохо, принимая во внимание обстоятельства. Правда, я еще не закончил сценария, потому что там в воде плавают эти твари. Такие зубы! Глаза…

— Сколько еще времени тебе понадобится?

— Две недели будет вполне достаточно. Но эти глаза, Барни…

— Там нет таких больших тварей, которые мог-

ли бы быть для тебя опасными, так сказал проф.

— Может быть, они не такие большие, но в океане их столько! И у них такие зубы!..

— До свидания. Отправляйтесь, профессор! Две недели!

На сей раз путешествие было таким коротким, что, если бы Барни в этот миг моргнул, он мог бы совсем не заметить исчезновения грузовика. Однако теперь Чарли и Клайд сидели рядом на другой стороне грузовика, и пачка печатных страниц стала заметно толще.

— «Викинг Колумб»! — крикнул Чарли, размахивая сценарием над головой. — Шедевр на широком экране! — Он протянул папку Барни, и тот увидел, что к задней обложке прикреплена пачка карточек. — Это карточки учета нашего рабочего времени, и, если ты посмотришь на них, ты увидишь, что мы пробивали их каждый день, и мы с Клайдом требуем двойной оплаты по субботам и тройной — по воскресеньям.

— Другой бы стал спорить, — сказал Барни, со счастливой улыбкой взвешивая на ладони пухлый том. — Пошли, Чарли, мы немедленно обсудим твой сценарий.

Выйдя из пакгауза, Чарли понюхал вечерний воздух.

— Какая здесь вонь! — заметил он. — Я никогда раньше этого не замечал. А какой удивительный воздух был у нас на острове! — Затем он посмотрел на свои ноги. — Как непривычно снова ходить в ботинках!

— Странник вернулся, — сказал Барни. — Я пойду отнесу сценарий, а ты тем временем сменишь живописные лохмотья бродяги на что-то более приличное и быстренько побреешься. Когда будешь готов, сразу иди в кабинет Л. М. Как ты думаешь, получился хороший сценарий?

— Может быть, пока еще рано говорить, но я думаю, это лучшее, что мне удалось написать. Работал в такой обстановке, когда тебя ничто не отвлекает — если не считать глаз! Да и Клайд здорово помогал: он печатал чисто и быстро. Ты знаешь, он к тому же и поэт.

— Я думал, он повар.

— Он оказался паршивым поваром, и кончилось тем, что я все стряпал сам. Он работал в кухне студии только для того, чтобы раздобыть денег на оплату квартиры. А вот поэт он действительно отличный и хорошо пишет диалоги. Он мне здорово помог. Как ты думаешь, мы можем упомянуть про его участие в фильме?

— Не вижу, почему бы и нет. Не забудь по-

бриться!

Барни вошел в кабинет Л. М. и положил сценарий на письменный стол.

— Готово! — сказал он.

Л. М. осторожно взвесил рукопись на обеих руках, затем отвел ее в сторону, чтобы лучше видеть обложку.

— «Викинг Колумб». Хорошее название. Впрочем, придется его изменить. Да, Барни, ты доставил сценарий, как и обещал. Может быть, теперь ты раскроешь нам секрет, как за один час написать сценарий? Расскажи Сэму, ему тоже хочется послушать.

Сэм, почти неразличимый на фоне темных обоев, стал виден, только когда он кивнул.

— Никакого секрета, Л. М., это времеатрон. Вы видели, как он работает. Чарли Чанг отправился в прошлое, в спокойное уединенное местечко, где он и написал сценарий. Он оставался в прошлом столько времени, сколько ему потребовалось, затем мы вернули его в настоящее — в то же время, из которого он отправился. С нашей точки зрения прошло совсем немного времени, поэтому мы и считаем, что на создание полного сценария потребовался всего один час.

— Сценарий за час! — На лице Л. М. появилась

счастливая улыбка. — Да это же настоящая революция в кинопромышленности! Давай не будем скупиться, Барни. Дадим этому парню самую высокую ставку, какая у нас есть, а затем увеличим ее в два раза! Я не скупердяй. Мне хочется поступить по справедливости, и уж я позабочусь о том, чтобы Чарли Чанг получил самую высокую почасовую оплату, которая когда-либо была выплачена сценаристу за один час его времени!

— Вы не совсем поняли меня, Л. М. Может быть, это с вашей точки зрения прошел всего один час, но Чарли Чанг трудился как ишак над этим сценарием более двух месяцев, включая субботы и воскресенья, и ему придется заплатить за все это время.

— Он не сможет этого доказать! — Л. М. сделал свирепую гримасу.

— Нет, сможет. Каждый день он пробивал карточку на часах-табеле, и к сценарию приложены все его карточки.

— Тогда пусть обращается в суд! На работу потребовался один час, и я заплачу ему за один час.

— Сэм, — взмолился Барни, — поговорите с ним. Скажите ему, что в этом мире ничего нельзя получить даром. Ведь деньги за восемь недель работы — это гроши за такой великий сценарий!

— Мне больше нравится одночасовой сценарий, — заметил Сэм.

— Нам всем они больше нравятся, только одночасовых сценариев на свете не бывает. Это просто новый метод работы, однако нам придется платить ту же самую сумму за работу, что бы ни случилось.

Зазвонил телефон, Л. М. схватил трубку, приложил ее к уху, несколько раз односложно хрюкнул в ответ, затем бросил трубку.

— Сейчас придет Раф Хоук, — сказал он. — Мне кажется, мы сможем использовать его для главной роли, но я подозреваю, что он заключил контракт с независимой студией на другую картину. Прощупай его, Барни, до прихода его менеджера. А теперь насчет этого часа…

— Давайте обсудим этот час потом, Л. М. Я уверен, что все уладится.

Дверь отворилась, и в кабинет вошел Раф Хоук. Он замер на мгновение на пороге, повернув голову так, чтобы дать возможность присутствующим полюбоваться его профилем. Он был действительно хорош. Раф выглядел так хорошо потому, что его внешность составляла главное содержание его жизни. И когда во всем мире, в бесконечном количестве кинотеатров, миллио-

ны женских сердец начинали биться чаще при виде Рафа, заключающего какую-нибудь счастливую звезду в свои крепкие мужские объятия, ни одна из этих миллионов не знала, что ее шансы быть заключенной в эти объятия практически равнялись нулю. Раф не любил женщин. Впрочем, подозрения насчет его ненормальности были тоже безосновательны. Он не любил ни мужчин, ни женщин, ему не нравились ни овцы, ни плащи, ни ветряки, ни любые другие предметы. Рафу нравился только Раф, и отблеск любви в его глазах был лишь отражением самовлюбленного восхищения.

До встречи с продюсером Раф был просто обычным загорелым куском мяса на пляже мускулов. Но тут обнаружилось, что Раф может играть. То есть не то чтобы играть, а делать то, что ему говорят. Он точно выполнял все данные ему инструкции, снова и снова повторяя одни и те же слова и жесты с бесконечным терпением барана. В перерывах между съемками он отдыхал, глядя в зеркало.

Полное отсутствие таланта у него так и не было обнаружено, потому что в тех картинах, где он играл, прежде чем кто-либо успевал его раскусить, начиналась атака индейцев, или на

экран врывалось стадо динозавров, или рушились стены Трои, или происходило что-нибудь еще, отвлекающее внимание зрителей. Поэтому Раф был счастлив, а когда продюсеры взирали на кассовые сборы, они тоже были счастливы, и все утверждали, что Раф сделает еще немало картин, прежде чем у него отрастет брюшко.

— Привет, Раф! — воскликнул Барни. — Вот кого нам хотелось видеть!

Раф поднял руку, приветствуя собравшихся, и улыбнулся. Он не любил говорить, когда ему заранее не подсказывали, что нужно говорить.

— Я не намерен ходить вокруг да около, Раф, и просто хочу сказать, что мы собираемся снимать величайшую в мире картину, и, когда зашла речь о главном герое и было упомянуто твое имя, я сразу сказал, что если мы хотим снимать фильм о викингах, то Раф Хоук — самый викинговый викинг и лучшего нам не найти.

Раф выслушал комплимент, не выказав ни малейших признаков удовольствия или интереса.

— Ведь ты слышал о викингах, не правда ли, Раф? — спросил Барни.

Раф сдержанно улыбнулся.

— Помнишь, — продолжал Барни, — высокие парни с огромными топорами и рогами на шле-

мах, которые все время плавают на кораблях с деревянными драконами на носу…

— О да, конечно, — оживился наконец Раф, поняв, что к чему. — Я слышал о викингах. Я еще никогда не играл викинга.

— Но где-то в глубине сердца ты всегда хотел сыграть викинга! Я знаю, Раф, иначе и быть не могло. Эта роль создана для тебя, ты себя покажешь, ты будешь просто великолепен перед камерой в костюме викинга!

Густые брови медленно поднялись вверх, образовав морщину.

— Я всегда великолепен перед камерой.

— Конечно, Раф, конечно; именно поэтому мы и собрались здесь. У тебя ведь нет никаких обязательств? Ты не собираешься сниматься в других картинах?

Раф еще больше нахмурился, с трудом припоминая что-то.

— В конце следующей недели начинаются съемки фильма, что-то про Атлантиду.

Л. М. Гринспэн оторвал взгляд от сценария, нахмурившись не хуже Рафа.

— Так я и думал. Извинись перед своим менеджером, иначе нам придется поискать кого-нибудь другого.

— Л. М., — вмешался Барни, — читайте лучше сценарий. Наслаждайтесь им. И позвольте мне поговорить с Рафом. Вы забываете о том, что в понедельник наш фильм будет лежать у вас на столе, так что у Рафа останется еще три дня для отдыха перед гибелью Атлантиды.

— Хорошо, что ты упомянул про сценарий, Барни, потому что в нем есть грубые ошибки.

— Откуда вы знаете, ведь вы прочитали только десять страниц. Почитайте еще, и тогда мы его обсудим. Автор ожидает в приемной. Все необходимые изменения будут сделаны в одно мгновение, пока вы тут сидите. — Барни повернулся к Рафу. — Твоя мечта исполнится, и ты сможешь сыграть роль викинга. Видишь ли, мы разработали новый технический процесс, при котором фильм снимается на местности, и, хотя мы вернемся через пару дней, ты получишь оплату как за полнометражный художественный фильм. Ну, что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что вам лучше поговорить с моим менеджером. Если дело касается денег, я предпочитаю помалкивать.

— Именно так и следует поступать, Раф, как раз для этого и существуют менеджеры, и я не согласился бы действовать без его ведома.

— Нет, это никуда не годится, — сказал Л. М. грустным голосом. — Я ожидал лучшего от Чарли Чанга. Начало никуда не годится.

— Сейчас я приглашу сюда Чарли, Л. М., мы все обговорим, выявим недостатки и устраним их.

Барни взглянул на часы. Восемь. А еще необходимо разыскать менеджера этого мускулистого манекенщика. И бороться за каждую фразу в сценарии. И отправить Чарли обратно на Каталину к глазам и зубам — заканчивать работу. И найти актеров для остальных ролей. И подобрать все необходимое оборудование и снаряжение, которое может понадобиться для двух месяцев съемок на местности, затем перебросить всю съемочную группу в одиннадцатый век. И снять картину в этом столетии, для чего потребуется решить целый ряд весьма интересных проблем совершенно иного плана. И доставить отснятый фильм к утру понедельника. А сейчас среда, восемь вечера. Масса времени!

Конечно, нечего беспокоиться, еще масса времени.

Тогда почему он весь в поту?

Глава 7

— Чудо организации, только так это и можно назвать, мистер Хендриксон, — ухитриться собрать все это меньше чем за четыре дня! — восхищенно сказала Бетти, идя вместе с Барни вдоль длинной колонны грузовиков и трейлеров, вытянувшейся по бетонной ленте дороги, ведущей к съемочному павильону Б.

— Я бы назвал это несколько иначе, — ответил Барни, — но при дамах я всегда очень осторожен в выражениях. Какие результаты дала проверка по списку?

— Все готово. Все отделы представили контрольные списки завершенными и подписанными. Они тоже великолепно потрудились.

— Отлично, но куда девались люди?

Они прошли мимо почти всех машин, и Барни убедился, что, кроме нескольких шоферов, там никого нет.

— После того как вы вчера вечером отправились за пленкой, все сидели в павильоне, не хотели расходиться, и все такое. Ну, знаете ли, одно к одному…

— Нет, не знаю. Что одно, к чему одному?

— Было очень весело, и нам очень не хватало вас. Сначала Чарли Чанг заказал два ящика пива с интендантского склада — сказал, что он уже год не пробовал пива, затем еще кто-то принес выпивки и закуски, и скоро началось настоящее веселье. Вечеринка продолжалась до поздней ночи, так что, я думаю, все еще не очухались и спят в трейлерах.

— Ты в этом уверена? Кто-нибудь проверил их по списку?

— Охранники не пили, и они утверждают, что никто не выходил с территории, значит, все должно быть в порядке.

— Будем надеяться, — сказал Барни, пожав плечами и окидывая взглядом длинный ряд молчаливых трейлеров. — Сразу же по прибытии проверим всех по списку, и, если кто-нибудь отсутствует, придется послать за ним профессора. Пусть люди поспят во время путешествия, это, наверно, самый лучший выход. Да и ты сама должна отдохнуть, ведь ты всю ночь была на ногах.

— Спасибо, босс. Если понадоблюсь, я в трейлере номер двенадцать.

Из распахнутых дверей съемочного павильона доносился стук молотка — плотники заканчивали сооружение настила на платформе машины

времени. Барни остановился у входа, зажег сигарету и попытался пробудить в себе восторженное отношение к наспех сколоченному сооружению, которое должно было доставить съемочную группу к месту съемок на Оркнейских островах.

Прямоугольная железная рама была сварена по чертежам профессора, затем на нее была настлана платформа из толстых досок. Как только передняя часть настила была закончена, на ней соорудили контрольную рубку и профессор Хьюитт начал руководить монтажом увеличенного времеатрона, который отличался не только гигантскими размерами, но и гораздо большим количеством сверкающих катушек и проводов, чем первоначальный вариант. К тому же у него был мощный дизель-генератор. Почти две дюжины огромных автомобильных покрышек было прикреплено к дну платформы для смягчения удара при приземлении, по краям платформы были сооружены поручни, и над ней было воздвигнуто нечто вроде клетки из тонких труб для обозначения границ действия временно́го поля.

Все сооружение выглядело каким-то иллюзорным, ненастоящим, и Барни решил, что лучше всего ему не думать об этом.

— Включай! — крикнул профессор Хьюитт,

выползая из-под своего аппарата с дымящимся паяльником в руках.

Механик склонился над дизелем, машина застонала, повернулась, затем выплюнула струю синего дыма и деловито застучала.

— Ну как дела, профессор? — спросил Барни через открытую дверь. Хьюитт обернулся и, прищурившись, посмотрел на него.

— А, доброе утро, мистер Хендриксон. Я полагаю, вы интересуетесь состоянием моего времеатрона-два, и рад ответить, что работает он отлично. Мы готовы начать операцию в любое время, все цепи проверены, ждем ваших указаний.

Барни посмотрел на плотников, забивающих последние гвозди в настил платформы, затем ногой отбросил щепку.

— Мы отправимся немедленно, как только обсудим проблему возвращения.

Хьюитт покачал головой.

— Я провел эксперименты с времеатроном, чтобы выяснить, нельзя ли пересечь временно́й барьер, однако это оказалось невозможным. Когда мы возвращаемся назад, нам приходится описывать дугу в континууме, используя дополнительную энергию для деформирования наших собственных временны́х линий по сравнению с

мировыми. Обратное путешествие после визита в прошлое — независимо от того, как долго мы в нем оставались, — происходит вдоль того же временно́го вектора, который был создан первоначальным движением во времени; в определенном смысле обратное путешествие можно назвать эндотемпическим поглощением временно́й энергии, тогда как первоначальное путешествие в будущее или прошлое — процесс экзотемпический. Таким образом, мы не можем вернуться в момент, который был раньше момента нашего отправления из мировой временно́й материи, так же как мячик не может подпрыгнуть выше того уровня, с которого его уронили. Поняли?

— Ни единого слова. Не могли бы вы снова все объяснить, но на этот раз выражаться по-человечески?

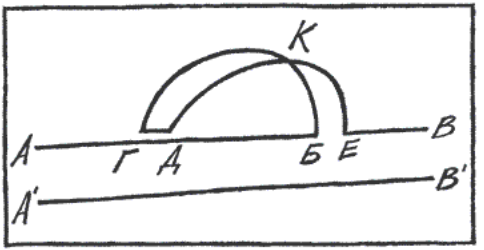
Профессор Хьюитт поднял кусок фанеры, лизнул кончик своей шариковой ручки и начертил простой рисунок.

— Взгляните сюда, — сказал он, — и вам тотчас все станет ясно. Линия A′B′ — это линия мирового времени, где A′ — прошлое, а B′ — будущее. Точка Б — это наше сознание сегодня, теперь, наше «сейчас» во времени. Линия AB — временна́я

линия времеатрона, совершающего путешествие, или наши собственные временны́е линии, когда мы путешествуем вместе с ним. Обратите внимание, что мы оставляем линию мирового времени в точке Б и движемся по времени, прибывая, ну, скажем, в тысячный год, в точку Г. Таким образом, мы путешествуем по дуге БГ. Мы возвращаемся в мировое время в точке Г и остаемся там, двигаясь вместе с мировым временем, и продолжительность нашего визита в прошлое обозначена линией ГД. Вы следите за моими рассуждениями?..

— Пока да, — сказал Барни, проводя указательным пальцем вдоль линий. — Продолжайте, профессор, пока я еще не забыл, что к чему.

— Конечно. Теперь обратите внимание на дугу ДЕ, наше обратное путешествие во времени к тому моменту, которое отстоит всего на долю секунды от момента нашего первоначального отправления, то есть точки Б. Я могу контролировать наше прибытие в точку Е при условии, что она будет находиться после точки Б, однако я никогда не смогу вернуться перед точкой Б. Чертеж всегда будет давать БЕ и никогда — ЕБ.



— Почему?

— Я рад, что вы задали этот вопрос, потому что это центральный вопрос всей проблемы. Посмотрите снова на чертеж и вы увидите, что при пересечении дуги БГ с дугой ДЕ возникает точка К. Эта точка К обязательно должна существовать, иначе будет невозможно совершить обратное путешествие, ибо К является точкой обмена энергией, где происходит уравнивание масштабов времени. Если у вас точка Е будет между Б и Д, дуги не пересекутся, независимо от того, насколько близко друг от друга они пройдут, обмена энергией не произойдет и путешествие во времени не состоится.

Барни нахмурился и потер лоб.

— Или, попросту говоря, мы не можем вернуться раньше, чем отправились, — сказал он.

— Совершенно точно.

— Иными словами, все время, которое мы потратили на этой неделе, безвозвратно пропало.

— Правильно.

— Значит, если мы хотим, чтобы картина была готова к десяти часам утра в понедельник, мы должны отправиться в прошлое и оставаться там до тех пор, пока она не будет закончена.

— Да я и сам не смог бы короче сформулировать этот тезис.

— Тогда давайте отправим этот цирк в дорогу, потому что сейчас утро субботы. Плотники уже кончили свою работу, пора трогать.

Первым автомобилем в колонне был джип; Текс спал на переднем сиденье, а Даллас на заднем, Барни подошел к машине, нажал на сигнал и в следующее мгновение замер, глядя как зачарованный в дуло длинноствольного кольта, который сжимала дрожащая рука Текса.

— У меня ужасно трещит голова, — прохрипел Текс, — и я не советовал бы нас беспокоить. — Он неохотно опустил револьвер в кобуру.

— Какие-то нервные все сегодня, правда? — сказал Барни. — Ничего, свежий морской воздух будет вам на пользу. Поехали!

Текс нажал на стартер, двигатель взревел, и джип въехал по металлическим сходням, уста-

новленным Далласом, на платформу времеатрона. Как только джип замер на платформе, Даллас втащил за собой обе металлические полосы.

— На первый раз достаточно, — сказал Барни. — Мы найдем ровную полянку и вернемся обратно за остальными. Поехали, профессор, — то же самое место, что и раньше, но спустя два месяца.

Хьюитт пробормотал что-то себе под нос, устанавливая цифры на приборах, затем включил механизмы времеатрона. Вторая модель была усовершенствованным образцом в том отношении, что она в какое-то неуловимое мгновение давала возможность ощутить все симптомы казни на электрическом стуле, но, слава богу, все это окончилось едва ли не раньше, чем началось. Казалось, пассажиры были струнами арфы, на которой палец небожителя взял аккорд. Съемочный павильон исчез, вместо него уже были соленые брызги и чистый освежающий воздух. Текс застонал и доверху застегнул молнию на своем костюме.

— Похоже, вон та лужайка для нас подойдет, — заметил Барни, указывая на довольно ровное поле, плавно опускающееся к берегу. — Отвези меня туда, Текс, а Даллас останется с профессором.

Джип на самой малой скорости с трудом взобрался на вершину холма, грохот его выхлопа вызвал переполох среди черноголовых чаек, которые с криком начали кружиться над их головами.

— Пожалуй, здесь хватит места, — сказал Барни, вылезая из джипа и сковыривая носком ботинка кочку с пучком травы. — Двигай обратно и скажи профу: пусть прыгнет чуть-чуть вперед и посадит платформу рядом со мной — так ему будет легче отыскать это место, когда мы примемся за переброску остальной группы.

Барни сунул руку в карман, извлек пачку сигарет, но она оказалась пустой. Он смял ее и бросил на землю, а тем временем Текс лихо развернулся и стремительно направил джип обратно к платформе. Сходни были все еще опущены, джип въехал по ним и остановился. Барни отчетливо видел, как Даллас убрал сходни и профессор повернулся к времеатрону.

— Эй!.. — начал Барни, но в то же мгновение платформа исчезла; на земле остались только следы джипа и отпечатки автомобильных покрышек на траве, где раньше покоилась платформа. Барни не хотел отправлять Текса вместе с остальными.

Облако закрыло солнце, и Барни вздрогнул от холода. Чайки снова сели на воду у самого берега; первозданную тишину нарушал лишь шум прибоя, разбивавшегося о берег. Барни взглянул на смятую пачку сигарет — единственный знакомый предмет среди этого чуждого окружения — и снова поежился.

Он не смотрел на часы, но, конечно, прошло не более одной-двух минут. И все же за это короткое время он хорошо понял, каково было Чарли Чангу, заброшенному на доисторический остров Каталина со всеми этими глазами и зубами вокруг него. Барни надеялся, что Йенс Лин не чувствовал себя слишком несчастным во время своего двухмесячного пребывания с Оттаром. Если бы за многие годы работы в кино Барни не утратил совести, он мог бы почувствовать жалость к ним. Но теперь он испытывал жалость только по отношению к самому себе. Облако скрылось, теплые лучи солнца снова упали на Барни, однако ему все еще было холодно. В течение этих минут он чувствовал себя таким одиноким и таким забытым, как никогда раньше.

Платформа снова появилась и упала с высоты нескольких дюймов на лужайку рядом с ним.

— Давно пора! — крикнул Барни, расправив

плечи и почувствовав, как к нему снова возвращается уверенность. — Где вы пропадали?

— В двадцатом столетии, где же еще? — ответил профессор. — Вы ведь не забыли о точке К, верно? Для того чтобы переместиться на несколько минут вперед в вашем относительном времени, мне пришлось сначала вернуться в то время, из которого мы прибыли, и уже затем обратно к вам с соответствующим физическим и временны́м сдвигом. Как вы считаете, сколько времени мы отсутствовали?

— Не знаю, несколько минут, пожалуй.

— По-моему, это очень хорошо для путешествия туда и обратно продолжительностью в две тысячи лет. Ну-ка посмотрим, пять минут дадут нам микроскопически малую ошибку по отношению к…

— Ну ладно, проф, вы рассчитаете это в свободное время. Нам нужно сейчас перебросить сюда всю группу и приняться за работу. Вы двое съезжайте с платформы и оставайтесь здесь. Мы начнем перевозить автомобили по одному, и сразу после прибытия вы должны отводить их в сторону, чтобы освободить место для других. Поехали.

На этот раз Барни вернулся вместе с платфор-

мой и даже на мгновение не задумался о том, как чувствовали себя те двое, которые остались позади.

Переброска происходила довольно гладко. После того как были перевезены первые машины, грузовики и трейлеры начали как по конвейеру двигаться через двери съемочного павильона и бесследно исчезать в прошлом. Неудача постигла только грузовик, стоявший третьим в очереди: он не поместился на платформе, и, когда платформа с грузовиком исчезла, два дюйма выхлопной трубы и половина номерного знака со стуком упали на пол. Барни поднял кусок трубы и с любопытством посмотрел на сверкающий срез, гладкий и ровный, будто отполированный. Очевидно, этот кусок оказался за границами временно́го поля и просто остался на месте. То же самое легко могло случиться с рукой.

— Во время путешествия все, кроме профессора, должны находиться внутри трейлеров и грузовиков. Только несчастных случаев нам не хватало!

Последним рейсом переправили трактор с катером на прицепе и грузовик-холодильник, и Барни вскарабкался на платформу вслед за ними. Он бросил последний взгляд на калифорнийский пейзаж, залитый солнцем, и подал профессору

знак отправляться. На часах было 11.57 — до полудня субботы оставалось три минуты, когда двадцатый век мигнул и исчез и появилось одиннадцатое столетие. Барни облегченно вздохнул. Теперь время — в том веке, который они покинули, — остановилось. И как бы долго они ни снимали свой фильм, там, в Калифорнии, время останется неизменным. Когда они вернутся с отснятым фильмом, в Голливуде все еще будет полдень субботы — почти два дня до рокового понедельника. Впервые спешить было некуда.

Несколько секунд Барни стоял, расслабившись, чувствуя, как напряжение покидает его. Но вот он вспомнил, что ему предстоит снять целую картину со всеми вытекающими отсюда проблемами и неприятностями, и ответственность снова внезапным бременем опустилась ему на плечи, и только что исчезнувшее напряжение вновь навалилось на него.

Где-то рядом взревел двигатель трактора, и воздух наполнился отвратительным запахом выхлопных газов. Барни отошел в сторону, пока по сходням осторожно спускали прицеп с катером, и оглядел лужайку. Грузовики и трейлеры были разбросаны как попало, хотя некоторые из них образовали что-то вроде круга, подобно

повозкам переселенцев, готовящихся отразить атаку индейцев. Здесь и там бродили одинокие фигуры, однако большинство еще спало. Барни пожалел, что не относится к их числу, однако тут же решил, что не смог бы заснуть, даже если б попытался.

«Ну что ж, — подумал он, — пора приниматься за дело».

Барни подошел к Тексу и Далласу как раз тогда, когда они устраивались на траве, подложив под головы сиденья, вытащенные из джипа.

— Лови! — сказал он, бросая монету, которую Даллас поймал на лету. — Кидайте жребий. Один из вас отправится со мной за Йенсом Лином, а другой может дрыхнуть.

— Решка — идешь ты, — сказал Даллас и выругался, когда монета улеглась на траве, глядя на него портретом Джорджа Вашингтона.

Текс засмеялся, затем опустился на траву.

— Знаешь, — сказал Даллас, когда они отъехали от лагеря и спускались к берегу моря, — я не имею ни малейшего представления, где мы находимся.

— На Оркнейских островах, — ответил Барни, провожая взглядом чаек, которые стремительно проносились над их головами и выкрикивали проклятия по их адресу.

— Я всегда был слаб в географии.

— Это маленькая группа островов к северу от Шотландии, примерно на одной широте со Стокгольмом.

— К северу от Шотландии? Кончай шутить! Когда шла война, моя часть находилась в Шотландии, и за все время я видел солнце только несколько раз в просвете между облаками, и к тому же я там чуть не замерз…

— Не сомневаюсь, но ведь это было в двадцатом веке. А сейчас мы в одиннадцатом веке, в середине так называемого Малого климатического оптимума. По крайней мере, так назвал его профессор, и, если тебе хочется знать больше, спроси у него. Короче говоря, в одиннадцатом веке климат был… точнее, сейчас он мягче, чем в двадцатом.

— Трудно в это поверить, — пробормотал Даллас, глядя на солнце с таким подозрением, как будто ожидал, что оно может исчезнуть в любую минуту.

Дом был точно таким, каким они оставили его два месяца назад. На пороге сидел один из слуг и точил нож. Когда джип подъехал, слуга испуганно вскочил, уронив точильный камень, и исчез внутри хижины. Через минуту на пороге

появился Оттар, вытирая рукавом рот.

— Добро пожаловать! — рявкнул он, когда джип остановился. — Рад видеть вас снова. Где «Джек Дэниелс»?

— Похоже, что уроки языка возымели свое действие, — заметил Даллас, — но побороть его пристрастие к «Джеку» они не смогли.

— Виски у нас сколько угодно, — успокоил Оттара Барни. — Но сначала я хочу поговорить с доктором Лином.

— Он там, в хижине, — сказал Оттар и вдруг заревел: — Йенс, иди сюда!

Йенс Лин появился из-за угла хижины, волоча ноги, согнувшись под тяжестью грубого деревянного бочонка. Он был бос и оброс грязью до пояса. Нечто похожее на мешок с куском кожи вокруг поясницы заменяло ему одежду; спутанная борода и ниспадающие до плеч волосы делали его похожим на Оттара. Увидев джип, он замер как вкопанный, его глаза расширились, изо рта вырвался хриплый крик. Подняв бочонок над головой, он побежал к джипу. Даллас выпрыгнул из машины и принял положение боевой готовности.

— Осторожнее, док, — сказал он. — Опустите бочонок, пока кого-нибудь не ушибли.

Слова, а может быть, фигура Далласа, приготовившегося к прыжку, обуздали ярость Лина. Он остановился и опустил бочонок.

— Что случилось? — крикнул он. — Где вы все пропадали?

— Готовились к съемкам фильма, где же еще? — ответил Барни. — Прошло всего два дня с тех пор, как я доставил вас сюда, то есть для нас это было два дня, и я понимаю, что для вас прошло целых два месяца.

— Два месяца! — завопил Йенс. — Прошло больше года! Что случилось?

Барни пожал плечами.

— Наверно, профессор сделал какую-нибудь ошибку. Все эти приборы, знаете…

Йенс Лин заскрипел зубами с такой силой, что скрежет было слышно на расстоянии нескольких шагов.

— Ошибка… Для вас это всего лишь ошибка. А я оказался здесь с этими вшивыми варварами, ухаживал за их вонючим скотом. Через пять минут после вашего отъезда Оттар стукнул меня кулаком по голове и забрал всю мою одежду, все снаряжение и все виски.

— Зачем работать за виски, когда можно его взять просто так, — сказал Оттар, следуя элемен-

тарной логике викинга.

— Ну, что сделано, того не воротишь, — сказал Барни. — Вы пробыли здесь год, но я позабочусь о том, чтобы вы получили все сполна. Ваш контракт все еще в силе, и вы получите жалованье за весь год. Не так уж плохо за два дня работы, и вам еще предстоит академический отпуск, за который вы тоже получите годовой оклад. Вы выполнили свою задачу и научили Оттара английскому языку…

— Любовь к виски его научила. Он непробудно пил в течение месяца, а когда очухался, вспомнил об уроках английского языка. Он заставил меня учить его каждый день, чтобы, если вы вернетесь, потребовать плату за каждый день обучения.

— Оттар говорит очень хорошо, это верно. Где виски?

— У нас неограниченный запас, Оттар, не волнуйся, — сказал Барни и снова повернулся к Лину. У него в голове зашевелились мрачные мысли о судебном процессе, который может возбудить доктор. — Послушайте, док, давайте будем квиты? Годовое жалованье за обучение Оттара английскому языку, и вы будете помогать нам, пока снимается фильм. Я уверен, что это был для вас интереснейший год…

— А-а-а-а!

— И вы его не скоро забудете. Вы узнали массу нового насчет грамматики старонорвежского…

— Гораздо больше, чем мне бы хотелось.

— Так что давайте не будем ссориться. Как ваше мнение?

Йенс Лин несколько мгновений стоял, стиснув кулаки и тяжело дыша, затем бросил бочонок на землю и свирепо поддал его ногой, так что бочонок тут же разлетелся на куски.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — У меня нет выбора. Но я и пальцем не пошевельну, пока мне не будет предоставлен душ, полная дезинфекция и свежая смена белья.

— Конечно, док. Через несколько минут мы доставим вас в лагерь, он вон за тем холмом…

— Ничего, я найду его сам, если вы не против. — Йенс Лин повернулся и зашагал по берегу.

— Виски, — напомнил Оттар. — Дайте мне немного…

— Работа, — в тон ему ответил Барни. — Если ты у нас на водочном жалованье, то постарайся его отработать. Съемки начинаются завтра утром, и мне хотелось бы сначала кое-что узнать.

— Конечно. Заходи в дом.

— Никогда в жизни! — воскликнул Барни, от-

прянув в сторону. — Я слишком хорошо помню, что случилось с парнем, который зашел к тебе до меня.

Глава 8

— Не шевелись! — закричал Джино. — От тебя требуется только одно — стоять неподвижно, а ты не можешь сделать даже этого.

— Хочется выпить, — пробурчал Оттар и нетерпеливо дернул за длинные спутанные волосы слугу, который стоял рядом, изображая Слайти.

Слуга взвизгнул и чуть не упал.

Джино выругался и оторвался от окошечка видоискателя.

— Барни, — взмолился он, — поговори с этими кретинами из каменного века. Мы снимаем любовную сцену, а они слоняются взад и вперед по всему склону, будто это матч по борьбе. Это самые плохие статисты, каких мне только приходилось видеть.

— Ты просто заметь место, Джино, через минуту мы будем готовы, — ответил Барни, поворачиваясь к своим звездам.

Раф стоял, сложив руки на груди и устремив в пространство отсутствующий взгляд. В костю-

ме викинга и со светлой бородой он выглядел очень импозантно. Слайти откинулась на спинку походного кресла, пока ей расчесывали парик, и выглядела еще более импозантно со своими двумя кубическими футами округлой плоти, выпирающей из низкого выреза платья.

— Повторяю все еще раз, — сказал Барни. — Вы любите друг друга, Раф отправляется на битву, и ты, может быть, больше никогда не увидишь его, поэтому вы прощаетесь на холме, страстно обнимая друг друга.

— А я-то думала, что ненавижу его, — сказала Слайти.

— Это было вчера, — разъяснил ей Барни. — Наши сцены снимаются не в том порядке, в каком они будут в фильме, я уже два раза объяснял это сегодня утром. Давайте я повторю еще раз, кратко, — если соизволите осчастливить меня своим вниманием, мистер Хоук. Действие начинается с того, что Тор, роль которого исполняет Раф, вместе с бандой викингов нападает на ферму, где живешь ты, Слайти. Тебя зовут Гудрид, и ты дочь хозяина дома. В бою все убиты, кроме тебя, и Тор захватывает тебя в качестве трофея. Ночью он приходит к тебе, но ты борешься с ним, потому что ненавидишь его. Однако постепенно он

завоевывает твое сердце, и в конце концов ты полюбила его. В это время он уходит с викингами в очередной поход, и ты ждешь его возвращения. Это как раз та сцена, которую мы снимаем сейчас. Он уходит, ты бежишь за ним, окликаешь его, он поворачивается, ты подбегаешь к нему и обнимаешь, прямо здесь. Надеюсь, теперь это понят…

— Смотрите, — прервал его Раф, указывая на море, — подходит корабль.

Они повернулись к морю, — действительно, ладья викингов только что обогнула мыс и вошла в залив. Парус был свернут, голова дракона на носу корабля вздымалась и опускалась в такт ритмичным движениям гребцов.

— Завтра! — закричал Барни. — Лин, где ты? Разве вы с Оттаром не договорились, что этот Финнбогги приведет свой корабль завтра?

— У них очень приблизительное представление о времени, — ответил Лин.

Барни швырнул шляпу на землю и подбежал к оператору.

— Как ты думаешь, Джино, это стоит заснять? Ты можешь взять корабль?

Джино повернул туррет, направил длинную трубу телеобъектива в море и прильнул к видоискателю.

— Неплохо, — сказал он, — великолепный кадр.

Оттар и другие норвежцы уже бежали вниз по склону и не обратили никакого внимания на крики Барни, который хотел, чтобы они убрались из кадра.

— Что это они делают? — спросил Барни, когда скандинавы начали выбегать из хижины, держа в руках оружие.

— Если бы я только знал, — недоуменно сказал Лин. — Может, это какой-то неизвестный мне обряд приветствия?

Оттар со своими людьми стоял у самой воды, что-то крича, и люди с корабля кричали ему в ответ.

— Снимай все происходящее, Джино, — распорядился Барни. — Если кадры будут хорошими, мы вставим эти сцены в сценарий.

Несколько взмахов веслами — и корабль викингов уткнулся в берег. Голова дракона высилась над стоящими на берегу людьми. Не успел корабль остановиться, как вновь прибывшие схватили щиты, висевшие вдоль бортов, и попрыгали в воду. Подобно стоящим на берегу, они тоже размахивали над головой самыми разномастными мечами и топорами. В следующее мгновение

обе группы столкнулись.

— Ну, как это выглядит в кадре? — спросил Барни.

— Санта Мария! — крикнул Джино. — Они убивают друг друга!

Звон металла смешался с хриплыми боевыми криками воинов. Зрители, стоявшие на холме, не могли различить деталей, множество борющихся фигур сливались в общую массу, пока из гущи боя не вырвался человек, который, спотыкаясь, побежал вдоль берега. Он был безоружен и казался раненым, а следом за ним бежал его противник, вовсю размахивая топором с длинной рукояткой. Преследование было коротким, а конец — внезапным. Как только расстояние между преследуемым и преследователем сократилось, топор, описав широкую дугу, отрубил убегавшему голову, которая покатилась вдоль берега.

— Да, они вошли в роль, — выдавил из себя Барни.

— Мне кажется, это не Финнбогги со своими людьми, — сказал Лин. — Я думаю, что это совсем другой корабль.

Барни был человеком действия, но подобные действия были не в его духе. Звуки битвы и зрелище обезглавленного трупа, валяющегося на

окровавленном песке, парализовали его. Как поступить? Это был не его мир, не его методы борьбы. Вот Текс или Даллас в такой ситуации оказались бы в своей тарелке. Кстати, где же они?

— Радио, — пробормотал он, с опозданием вспомнив о приемнике-передатчике, висевшем у него на плече; он включил радио и спешно вызвал к себе обоих трюкачей.

— Он заметил нас, поворачивается, он бежит к нам, — взволнованно закричал Джино. — Какие великолепные кадры!

Вместо того чтобы вернуться в гущу боя, убийца бежал вверх по склону, размахивая топором и что-то хрипло крича. Группа артистов, стоящих на вершине холма, следила за его приближением, но не двигалась с места. Все было настолько чуждо им, что они не могли представить себя не кем иным, кроме зрителей, не могли вообразить, что могут быть вовлечены в ужасную бойню, развернувшуюся на берегу. Атакующий викинг подбегал все ближе и ближе, пока не стали отчетливо видны темные пятна океанских брызг и пота на грубой красной шерсти его рубахи и зловещие багровые пятна крови на топоре и руках.

Тяжело дыша, викинг бежал прямо на Джино,

очевидно считая съемочную камеру каким-то оружием. Оператор оставался на посту до последнего мгновения, снимая своего разъяренного противника, и отскочил в сторону только в тот момент, когда топор обрушился вниз. Широкое лезвие ударило по ноге треножника, согнув ее и чуть не опрокинув съемочную камеру на землю.

— Эй, поосторожнее с оборудованием! — крикнул Барни и тут же пожалел об этом, когда обезумевший от ярости викинг повернулся в его сторону.

Джино пригнулся, выставив перед собой руку с ножом, поблескивающим в лучах солнца, и спокойно ожидая новой атаки — тут, несомненно, чувствовался опыт юношеских лет, проведенных в трущобах Неаполя. Стоило викингу на мгновение отвлечься, как Джино нанес удар.

Он не промахнулся, однако викинг, несмотря на свои огромные размеры, оказался быстрым как кошка. Он успел повернуться, и нож вместо живота скользнул по боку. Заревев от внезапной боли, викинг продолжал наступление, и рукоятка топора обрушилась на голову итальянца, сбив его с ног. Все еще яростно крича, викинг схватил Джино за волосы, отогнул его голову назад, обнажив шею, и взмахнул топором, чтобы нанести

роковой удар.

Воздух разорвал щелчок пистолетного выстрела, и тело викинга, в грудь которого попала пуля, судорожно дернулось. Он повернулся, открыв рот, на лице его застыла гримаса молчаливой боли, и Текс — они даже не знали, что подъехал джип, — положив руку с револьвером на руль, выстрелил еще два раза. Обе пули попали викингу в лоб, и он рухнул на землю, отдав богу душу еще до того, как его тело коснулось земли.

Джино оттолкнул от себя безжизненное тело викинга и, встав на ноги, весь дрожа, наклонился над камерой. Текс снова включил двигатель джипа. Остальные были настолько потрясены внезапностью атаки, что стояли как вкопанные.

— Хотите, я поеду к берегу и помогу нашим статистам? — спросил Текс, вкладывая патроны в барабан револьвера.

— Да, — сказал Барни. — Необходимо прекратить это безобразие, пока еще кого-нибудь не убили.

— Не могу гарантировать, что этого не случится, — зловеще пробормотал Текс и повернул джип вниз по склону холма.

— Кончай съемку! — крикнул Барни оператору. — Мы можем вставить в наш фильм что

угодно, только не джипы.

Текс заклинил чем-то кнопку гудка, так что тот ревел не переставая, и держал мотор на самой низкой передаче — он гудел как бешеный, а коробка передач выла, готовая разорваться. Со скоростью пять миль в час джип устремился к месту битвы.

Оттар и его люди видели джип много раз и успели привыкнуть к нему, однако этого нельзя было сказать про викингов с нападающего корабля. Они увидели, как на них мчится какое-то ревущее чудовище, и по вполне понятным причинам не стали ждать его приближения, а разбежались влево и вправо. Текс, резко развернув джип у самой кромки воды, успел поддать буфером в зад одному из них, который не проявил достаточного проворства. Оттар и его люди собрались позади джипа и перешли в решительное наступление на рассеявшегося по берегу противника. Морские викинги дрогнули и обратились в бегство, поспешно карабкаясь на корабль и хватаясь за весла.

На этом и пришел бы конец попытке вторжения, если бы Текс не был охвачен боевой лихорадкой. Не успел корабль викингов сдвинуться с места, как он выскочил из-за руля, подбежал к

переднему бамперу и вытащил оттуда барабан лебедки с намотанным на него стальным тросом. На его конце была петля. Вытянув трос достаточной длины, он вскочил на капот джипа и начал размахивать тросом. При этом он издавал воинственный клич, разносившийся по всему берегу. Все шире и шире становились круги, и наконец трос взвился в воздух и петля опустилась прямо на голову дракона на носу корабля викингов. Текс дернул за трос, накрепко затянув петлю, и, спрыгнув на землю, неторопливо залез обратно в кабину.

Весла взбили белой пеной воды залива, и корабль медленно и плавно отошел от берега. Текс закурил сигарету, предоставив тросу разматываться. Вот корабль отошел на двадцать, вот уже на тридцать футов от джипа. Один из викингов, стоя на носу, рубил топором стальной трос, но не добился ничего, разве что совершенно затупил топор. Текс ногой очень быстро переключил лебедку на обратное вращение. Трос поднялся из воды, натянулся подобно струне, корабль дрогнул и остановился. Затем медленно, но верно он двинулся обратно к берегу. Весла, отбрасывая брызги, погружались глубоко в воду, но тщетно.

Теперь оставалось только довершить разгром.

После Тексова маневра первоначальный пыл, с которым атакующие бросились на берег, полностью испарился. Оружие посыпалось в воду, и захватчики подняли руки вверх — они сдавались. Только один из них жаждал сразиться — тот самый, который пытался разрубить стальной трос. Держа топор в одной руке и круглый щит в другой, он спрыгнул на берег и кинулся к джипу. Текс взвел курок револьвера и ждал, но в схватку вступил Оттар, отразивший атаку. Оба викинга начали описывать круги возле самой воды, выкрикивая оскорбления по адресу друг друга. Когда Текс увидел, что все остановились, он осторожно спустил взведенный курок и сунул револьвер в кобуру, следя за схваткой двух богатырей.

Оттар, взмокший от пота и предельно возбужденный битвой, будил в себе безумие берсеркера, грыз край щита, что-то хрипло крича. Он вбежал по колено в воду и продолжал идти к своему противнику. Вождь атакующих замер в нескольких ярдах от него, бросая на Оттара яростные взгляды из-под нависшего на глаза железного шлема и выкрикивая ответные оскорбления. Оттар несколько раз плашмя ударил топором по своему щиту, затем внезапно ринулся вперед, взмахнув топором, и обрушил сокрушительный

удар на голову противника. Тот успел поднять щит, чтобы отразить удар, однако он был нанесен с такой силой, что викинг рухнул на колени.

С радостным воплем Оттар снова и снова наносил безжалостные удары топором, не замедляя ритма, как дровосек, валящий дерево. Викинг стоял на коленях и не мог поднять свой топор — он опирался на него, чтобы не упасть под градом мощных ударов. От его щита летели щепки, и огромная волна окутала сражавшихся туманом мелких брызг.

Вдруг ритмичные удары по щиту прекратились — Оттар поднял топор как можно выше и со всей силой обрушил его прямо вниз, на голову противника. Щит взлетел вверх, однако не предотвратил сокрушительного удара. Топор соскользнул по щиту, едва замедлив движение, и глубоко вонзился в бедро викинга. Тот взвыл от боли и взмахнул топором, стремясь нанести ответный удар. Однако Оттар, увернувшись, легко отскочил назад и остановился на мгновение посмотреть на дело рук своих. Раненый с трудом встал, перенося весь свой вес на здоровую ногу, и было ясно видно, что его бедро перерублено почти наполовину и из раны хлещет поток крови. Оттар отбросил от себя щит и топор и издал победный клич. Раненый

викинг сделал неловкую попытку атаковать его, однако Оттар, смеясь, увернулся. Все скандинавы, стоявшие на берегу, да и большая часть викингов на корабле тоже смеялись над бессильной яростью раненого викинга. Он продолжал ползти к Оттару, пытаясь повалить своего противника.

Должно быть, Оттар понял, что эта забава может кончиться только смертью его противника от потери крови, потому что он подбежал к поверженному врагу и вспрыгнул ему на спину, погрузив его лицо в пенящуюся воду. Затем, встав одной ногой на правую руку викинга, которая все еще сжимала топор, он обеими руками схватил его голову, ткнул ее в песок и мелкую гальку и держал до тех пор, пока тело викинга не перестало дергаться. Враг утонул в нескольких дюймах пенившейся воды. Все воины на берегу и корабле приветствовали победу Оттара радостными криками.

На вершине холма царила тишина, только Раф Хоук нетвердым шагом отошел в сторонку: его рвало. Барни впервые заметил, что Джино снова склонился над камерой.

— Ты успел заснять схватку? — спросил он, мучаясь оттого, что его голос дрожит и срывается.

— До последнего момента! — ответил Джино,

похлопывая по диску с заснятым фильмом. — Хотя я не уверен, что мне удалось запечатлеть все подробности с такого расстояния.

— Все к лучшему, — сказал Барни. — На сегодня мы закончим, все равно вот-вот начнет темнеть, да я и не думаю, что кто-нибудь из нас сможет работать в таком окружении. — Он кивком указал на мрачное зрелище внизу, у берега.

— А меня это нисколько не волнует, — беззаботно ответила Слайти. — Это напоминает мне бойню, на которой работал мой отец, когда мы жили в Чикаго. Я каждый день приносила ему ленч.

— Ну, не все могут похвастаться таким хладнокровием, — сказал Барни. — Завтра ровно в семь тридцать начнем с того, где кончили сегодня.

Он направился вниз по склону холма к шумной толпе на берегу.

Убитых и раненых из обеих групп сволокли в одно место, туда, где волны не могли их достать, и победители уже грабили захваченное судно, начав с эля. Уцелевшие викинги стояли под стражей, и перед ними расхаживал взад и вперед Оттар, что-то крича и размахивая кулаками для пущей выразительности. По-видимому, его слова возымели действие, потому что, когда Барни

спустился с холма, скандинавы, побежденные и победители, повернулись и вместе двинулись по направлению к хижине. Только один человек не двинулся с места. Оттар обрушил ему на голову мощнейший удар, и человек рухнул как подкошенный. Двое слуг подняли и унесли его. Оттар вошел в море и начал шарить по дну, разыскивая свой топор, когда Барни подошел к нему.

— Может быть, ты скажешь мне, что все это значит? — спросил Барни.

— Ты видел, как я рубанул его по ноге? — торжествующе крикнул Оттар, размахивая найденным топором над головой. — Крак! Отрубил почти начисто!

— Хорошо сыграно. Я видел все. Прими мои поздравления. Но кто он такой и что они здесь делали?

— Его имя Торфи. Виски?! — Это уже был триумфальный возглас, потому что Текс бросил на песок освобожденный трос и извлек из-под сиденья джипа поллитровую бутылку.

— Виски, — согласился Текс. — Правда, не твой любимый сорт, но этот тоже неплох. А хорошо у тебя получился этот удар с размаху!

Предвкушая наслаждение, Оттар стал вращать глазами, затем, поднеся к губам бутылку, зажму-

рился и осушил ее до дна.

— Вот бы мне так научиться, — с завистью сказал Текс.

Барни подождал, пока бутылка не опустела и Оттар с победным криком не запустил ее в море, а затем спросил:

— Так вот этот Торфи. Кто он такой?

Усталость после битвы и выпитое виски внезапно обрушились на плечи Оттара, и он опустился на гальку, тряся огромной головой.

— Торфи, сын Вальбранда, — сказал он, как только снова смог набрать воздуха в легкие, — сына Валтьофа, сына Орлуга, пришел к Свайни… Торфи убил за один раз двенадцать людей Кроппа. Он убил и семью Холсменов, и он был в Хеллисфитаре вместе с Иллуги Черным и Стурли Добрым, когда там убили восемнадцать пещерных людей. Они также сожгли Аудуна, сына Смидкела, в его собственном доме в Бергене. — Оттар остановился и с глубокомысленным видом кивнул, будто сообщил сведения огромной важности.

— Ну и что? — озадаченно спросил Барни. — Что все это значит?

Оттар посмотрел на него и нахмурился.

— Смидкел был женат на Тородде, моей сестре.

— Да, конечно! — воскликнул Барни. — Как

только это вылетело у меня из головы! То есть у этого Торфи были нелады с твоим шурином, а значит, и с тобой, и, когда он попытался тебя прикончить, ты его опередил. Ну и жизнь! А кто были его воины?

Оттар пожал плечами и с трудом поднялся на ноги, опираясь на переднее колесо джипа.

— Викинги, грабители. Собирались грабить Англию. Им не нравился Торфи, потому что он решил плыть сначала сюда, вместо того чтобы сразу отправиться в Англию. Теперь они отправятся со мной грабить Англию. Мы поплывем на моем новом корабле.

Он указал топором на корабль, украшенный головой дракона, и зашелся от смеха.

— А тот, который не хотел присоединиться к вам?

— Это Хаки, брат Торфи. Я сделаю его рабом. Продам его собственной семье.

— Ну что за парни! — сказал Текс. — Они не очень-то церемонятся.

— Ты совершенно прав, — подтвердил Барни, в изумлении уставившись на викинга, который в этот момент показался ему гигантом. — Лезь в джип, Оттар, мы отвезем тебя домой.

— Оттар поедет в чипе! — с энтузиазмом вос-

кликнул викинг, бросил в джип свой топор и щит и полез в кабину.

— Только не на сиденье водителя, — сказал Текс. — Всему свое время.

В число припасов, снятых с захваченного корабля, входила дюжина бочонков эля, бóльшая часть которых были открыты и стояли перед хижиной, где уже начался пир в ознаменование победы. По-видимому, воины Оттара не питали злых чувств к своим бывшим противникам, потому что те смешались с победителями и не уступали им в количестве выпитого эля. Единственным человеком, который не наслаждался пиром, был Хаки, связанный по рукам и ногам и брошенный под скамью. Пирующие шумными криками приветствовали Оттара, который тут же направился к бочонку с выбитым дном, зачерпнул рукой эль из бочонка и начал его пить.

Когда крики стихли, снаружи послышался шум мотора, и Барни увидел пикап, который шел вдоль берега к дому. Машина затормозила, осыпав Барни дождем мелкой гальки, и из нее выглянул Даллас.

— Мы добрых десять минут пытались связаться с тобой по радио, а может быть, и больше, — сказал он.

Барни взглянул вниз на свой радиоприемник и увидел, что он был выключен.

— Все в порядке, — успокоил он Далласа. — Просто я по ошибке выключил эту штуку.

— Зато в лагере не все в порядке, вот почему мы и пытались вызвать тебя…

— Что… что случилось?

— Да Раф Хоук. Он вернулся страшно взволнованный, не смотрел под ноги и в темноте наступил на овцу — знаешь, такие грязно-серые, очень похожи на валуны, — споткнулся, упал и сломал ногу.

— Ты хочешь сказать, что на третий день съемок фильма наш главный актер сломал себе ногу?

Даллас не без сочувствия посмотрел ему прямо в глаза, затем медленно кивнул.

Часть вторая
Глава 9

Вокруг трейлера Рафа Хоука собралась толпа, и Барни пришлось основательно поработать локтями.

— Расходитесь! — рявкнул он. — Это вам не представление! Дайте мне дорогу!

Раф лежал на кровати, лицо у него было серым и покрылось мелкими капельками пота. Он все еще был в костюме викинга. Правая нога ниже колена была забинтована, сквозь белую марлю местами проступала кровь. У изголовья стояла медицинская сестра — вся в белом, готовая к действиям.

— Ну как он? — спросил Барни. — Это серьезно?

— Настолько серьезно, насколько это возможно, — информировала его медсестра. — У мистера Хоука сложный перелом ноги, то есть его нога ниже колена сломана в нескольких местах и острый конец кости пробил кожу.

Эти слова исторгли у Рафа, лежавшего с закрытыми глазами, театральный стон.

— Мне кажется, дело обстоит не так уж трагично, — с отчаянием в голосе заметил Барни. — Сейчас ему нужно сложить сломанные кости, и он в два счета встанет на ноги.

— Мистер Хендриксон, — начала медсестра ледяным тоном, — я не доктор и поэтому не могу предписывать курс лечения. Я оказала пациенту первую помощь: наложила стерильную повязку на рану, чтобы предупредить заражение, и сделала укол новокаина, чтобы облегчить боль. Я выполнила свой долг. А теперь мне хотелось бы знать, когда прибудет врач.

— Конечно, этим случаем немедленно займется врач. Где моя секретарша?

— Я здесь, мистер Хендриксон, — раздался голос из-за двери.

— Бетти, возьми пикап, он стоит здесь, у самой двери. Текс отвезет тебя. Найди профессора Хьюитта, пусть он, не теряя ни секунды, доставит тебя на платформе обратно в студию. Он знает, как это сделать. Там разыщи нашего врача и немедленно возвращайся с ним сюда.

— Не надо доктора, отправьте меня обратно… обратно, — застонал Раф.

— За дело, Бетти, быстрее. — Барни, широко улыбаясь, повернулся к Рафу и похлопал его по

плечу. — А теперь забудь обо всех неприятностях. Мы не постоим перед расходами, к твоим услугам будут все чудеса современной медицины. Сейчас хирурги чего только не делают — ставят на кость металлические стержни и так далее. Они живо поставят тебя на ноги, и ты будешь как огурчик.

— Нет! Я не хочу сниматься в этой картине. Теперь моей работе с вами конец, я уверен, что именно так сказано в моем контракте. Я хочу домой!

— Успокойся, Раф. Не волнуйся, отдохни. Сестра, останьтесь с ним, я сейчас выгоню всех отсюда. Я убежден, что все будет в порядке.

Однако в словах Барни было не меньше фальши, чем в улыбке. Он рявкнул на любопытных, и трейлер тотчас опустел.

Не прошло и пяти минут, как вернулся пикап. В трейлер вошли доктор и двое служителей, несших ящики с медицинскими принадлежностями.

— Я прошу всех, кроме сестры, покинуть помещение, — сказал доктор.

Барни пытался было протестовать, затем пожал плечами. Все равно пока здесь нечего было делать. Выйдя из трейлера, он подошел к профессору, который копался во внутренностях

времеатрона.

— Не вздумайте разбирать его, — предостерег Барни. — Мне нужно, чтобы эта ваша машина времени круглые сутки была в состоянии боевой готовности.

— Я просто проверяю отдельные участки проводки. Боюсь, что в спешке многие провода были соединены и изолированы кое-как и на них теперь нельзя полагаться.

— Как долго длилось ваше последнее путешествие? То есть я хочу сказать, сколько сейчас времени в Голливуде?

Профессор посмотрел на указатели приборов.

— Если брать с точностью до нескольких микросекунд, то сейчас четырнадцать целых три тысячи пятьсот пятьдесят две десятитысячных часа, суббота…

— Черт побери, уже половина третьего субботы! Куда же делось все это время?

— Уверяю вас, я здесь совершенно ни при чем. Я ждал у платформы, прескверно позавтракал у одного из автоматов, пока не вернулся пикап. Насколько я понял, доктор куда-то отлучился, его искали, и, кроме того, нужно было запастись медицинским оборудованием.

Барни невольно потер живот: у него возникло

такое ощущение, будто в желудке образовался кусок льда величиной с пушечное ядро.

— Я должен сдать готовый фильм в понедельник утром. Сейчас половина третьего субботы, а мы отсняли материала всего на три минуты, и главный герой лежит со сломанной ногой. Времени, времени у нас в обрез. — Барни как-то странно взглянул на профессора. — А почему у нас нет времени? Времени должно быть сколько угодно, правда, профессор? Можно найти уединенное местечко вроде такого, куда мы посылали Чарли Чанга, и там можно закончить лечение Рафа!

Не ожидая ответа профессора, Барни вскочил и кинулся к Рафу, спотыкаясь о разбросанное повсюду съемочное оборудование. Без стука он ворвался в трейлер. Нога Рафа была уложена в лубок, и доктор измерял его пульс. Он недовольно посмотрел на Барни.

— Дверь была закрыта совсем не случайно, — заметил он.

— Я знаю, доктор, и я вам гарантирую, что больше никто не войдет через нее. Здорово вы его обработали… Я надеюсь, вы не обидитесь, если я спрошу, через сколько времени вы поставите его на ноги?

— До тех пор, пока я не помещу его в госпи-

таль…

— Ага, совсем ненадолго!

— …там я сниму шину и наложу гипс, и он будет лежать в гипсе по крайней мере двенадцать недель — это минимальный срок. А потом пациент будет ходить на костылях не меньше месяца.

— Ну что ж, это отнюдь не плохо, то есть я хочу сказать, совсем здорово, просто здорово. Я надеюсь, вы сделаете все, чтобы он вылечился, и сможете сами отдохнуть в то же самое время — каникулы, так сказать. Мы найдем для вас обоих милое уединенное местечко, где вы оба сможете отдохнуть.

— Я не знаю, о чем вы говорите, но то, что вы предлагаете мне, совершенно неосуществимо. У меня обширная практика, и я не могу оставить ее на двенадцать недель или даже на двенадцать часов. Сегодня вечером у меня очень важная встреча, и я должен немедленно отправляться назад. Ваша секретарша заверила меня, что я буду дома вовремя.

— Так оно и случится, — уверенно сказал Барни. Ему уже пришлось один раз объяснять все это Чарли, и теперь он знал, как это делается. — Вас доставят вовремя для важной встречи сегодня вечером, в понедельник вы прибудете на работу

без опоздания, и все остальное будет в полном порядке. Вдобавок вы сможете отдохнуть — разумеется, за наш счет — и получите трехмесячное жалованье. Ну разве это не великолепно? Сейчас я объясню вам, как это делается…

— Нет! — взвизгнул Раф. Он приподнялся на постели и с трудом показал Барни кулак. — Я знаю, что вы хотите сделать, но я решительно отказываюсь. Я не хочу иметь ничего общего ни с этой картиной, ни с этими сумасшедшими варварами. Я видел, что случилось сегодня на берегу, и с меня хватит.

— Успокойся, Раф…

— Не пытайся уговорить меня, Барни, я все равно не изменю решения. Я сломал ногу, и у меня с этой картиной все кончено. И даже если б я не сломал ногу, я все равно отказался бы от участия. Ты не можешь заставить меня играть.

Барни открыл рот — у него на языке вертелись выражения, ярко характеризующие игру Рафа, но неожиданно для себя он сдержался.

— Мы поговорим об этом завтра, а сейчас отдохни как следует, — пробормотал он, затем повернулся и вышел из трейлера.

Он знал, что, закрывая за собой дверь трейлера, он закрывал дверь для всей картины. И для своей

карьеры. Ясно, что Раф не изменит своего решения. Мало что проникало через мышцы и кости в его крошечный мозг, но то, что проникало, оставалось там навсегда. Барни не мог заставить этого кретина с чрезмерно развитой мускулатурой отправиться для лечения на какой-нибудь доисторический остров, а значит, фильму пришел конец.

Барни споткнулся и, подняв голову, увидел, что он пересек весь лагерь и вышел к берегу, сам того не заметив. Он был один на холме, который поднимался над берегом и над заливом. Солнце уже склонилось к самому горизонту, освещая полосу низких облаков золотым светом заката, а закат отражался от поверхности воды, образуя дрожащие блики с каждой новой волной. На этом мире, свободном от людей, лежал отпечаток первозданной красоты, но Барни ненавидел этот мир и все, что его окружало. Он заметил камень у себя под ногами и, размахнувшись, бросил его, как бы стремясь разбить зеркало моря. Но, бросая его, он сделал неловкое движение, повредил руку, и камень, не долетев до воды, упал на прибрежную гальку.

Итак, картины не будет. Он громко выругался.

— Что ты сказал? — раздался позади него низ-

кий голос Оттара.

Барни резко повернулся.

— Я сказал: убирайся отсюда, волосатый болван!

Оттар пожал плечами и протянул огромную руку, в которой он держал две бутылки виски.

— По-моему, ты плохо выглядишь. Выпей глоток!

Барни открыл рот, чтобы сказать что-то обидное, но потом вспомнил, с кем говорит, буркнул: «Спасибо!» — и приложился к бутылке, после чего почувствовал себя немного лучше.

— Я пришел сюда за своей бутылкой, а тут Даллас сказал, что он на собственные деньги поставит мне еще одну — за сегодняшний бой. Сегодня большой день!

— О да, большой день. Дай-ка бутылку. И это последний день, потому что фильм окончен, погиб, капут. Ты знаешь, что это значит?

— Нет. — Раздалось продолжительное бульканье.

— Да откуда тебе знать, тебе, чистому дитяти природы, неиспорченному варвару. В каком-то смысле я тебе просто завидую.

— Я не дитя природы. Был человек по имени Торд Лошадиная Голова, он был моим отцом.

— Да, я завидую тебе, потому что ты — хозяин мира. То есть хозяин своего мира. Сильная рука, неутолимая жажда, великолепный аппетит и никаких сомнений. А мы постоянно сомневаемся сами в себе, мы этим живем. Готов поспорить, что ты даже не знаешь, что значит сомневаться в себе.

— Это что-то вроде самоубийства?

— Конечно, это тебе незнакомо.

Викинг уже сидел на земле, и Барни опустился рядом с ним, чтобы было легче доставать бутылку. Солнце село, и ярко-красное небо на горизонте незаметно переходило в серые облака, а потом в темный мрак над головой.

— Понимаешь, Оттар, мы делаем фильм, картину. Развлечение и большой бизнес, слитые воедино. Деньги и искусство — они не смешиваются, но мы их смешиваем уже давным-давно. Я занимался этим делом еще тогда, когда на мне были короткие штанишки, и вот теперь, в период ранней зрелости, когда мне сорок пять, я покончил с кино. Потому что без этого шедевра «Клаймэктик» пойдет ко дну, а вместе с ней ко дну пойду и я. А знаешь почему?

— Выпей-ка еще.

— Спасибо. Я тебе скажу почему. Потому что за

всю свою долгую и богатую событиями жизнь я сделал семьдесят три картины, и каждая из них была забыта, едва она сошла с экрана. Если я уйду из «Клаймэктика», мне конец, потому что в мире множество продюсеров и режиссеров, которые лучше меня, и они претендуют на ту же работу, на какую буду претендовать я.

Оттар, придав лицу благородное и героическое выражение, орлиным взором посмотрел на море, улыбнулся и икнул. Барни одобрительно кивнул и снова приложился к бутылке.

— Ты умный человек, Оттар. Я скажу сейчас тебе то, чего я еще никому не говорил, потому что я напился на твою дневную зарплату, а ты, наверно, понимаешь только одно слово из десяти. Знаешь ли ты, кто я? Я — посредственность. А ты имеешь представление, какое ужасное признание я сделал? Если ты ни на что не способен, ты быстро узнаешь об этом, и тебя отовсюду гонят, и ты идешь работать заправщиком на автостанцию. Если ты гений, ты тоже знаешь это, и твоя жизнь сделана. А вот если ты посредственность, ты никогда не можешь до конца в это поверить, сваливаешь все на обстоятельства и пытаешься сделать еще одну картину, пока не отснимешь семьдесят третью бездарную ленту. А вот семь-

десят четвертой не бывать. Но самое смешное заключается в том, что этот семьдесят четвертый действительно мог стать хорошим фильмом. И уж по крайней мере, клянусь богом, он не был бы похож на остальные. Все погибло. Картина умерла, не успев родиться, бедная картина попала в царство кинематографического забвения. Картина умерла, нет картины…

— Что такое картина?

— Я уже объяснял, это произведение искусства. Развлечение. Вроде этих ваших, как вы их называете, саг…

— Хочешь, я спою песню из саги? Я хорошо пою.

Не ожидая ответа, Оттар встал, глотнул из бутылки, чтобы прочистить горло, и запел громовым голосом, сливающимся с шумом прибоя:

Рази, рази, меч,

Место в моем сердце, где живет червь!

Гневные лица – мои сыновья – принесут месть.

У смерти нет страха. Голос валькирии

Сзывает новых гостей в пивной зал Одина.

Приходит смерть. На столе – пир.

Жизнь окончена. Я умираю, смеясь!

Оттар замер на мгновение, затем взревел с новой силой:

— Это была песня Рагнара перед тем, как король Аэлла убил его и Рагнар умер. Как жаль, что мне не удалось сделать это!

Оттар погрозил кулаком недоброму небу.

У Барни в глазах двоилось, но он обнаружил, что, если закрыть один глаз, он достаточно четко видит вторым. Оттар возвышался над ним, гигант на заре существования мира, в кожаной одежде, с развевающимися волосами. Последние багровые отсветы заката легли на его лицо. Сага была для него жизнью, искусство и жизнь сливались в одно целое. Песня была битвой, а битва — песней.

Мысль, пришедшая в голову Барни, была настолько неожиданной, что он тихо охнул.

А почему бы и нет? Если бы он не налакался, распивая виски на берегу древнего моря с человеком, который умер тысячу лет назад, эта идея никогда не пришла бы ему в голову. Вся история со съемкой этой картины — безумие, так почему не добавить к ней еще один, последний штрих? В его руках была свобода и власть, и ведь все равно картина погибла, хуже не будет. Почему же нет?

— Пошли со мной, — пробормотал Барни, с

трудом встав на ноги и пытаясь поднять с земли неподвижную громаду викинга.

— Зачем?

— Смотреть кино. — На Оттара это не произвело впечатления, и он остался сидеть. — Ну тогда пошли за виски.

Это пришлось Оттару больше по душе, и они отправились в лагерь. Барни то и дело опирался на своего спутника, который даже не замечал этого.

— Экстры готовы? — спросил Барни, просовывая голову в трейлер кинолаборатории.

— Сейчас вынимаем из сушилки, мистер Хендриксон, — ответил техник.

— Отлично! Установите экран снаружи, и давайте их сейчас посмотрим. Сначала покажите вчерашнюю порцию, а потом то, что было снято сегодня.

— А виски? — спросил Оттар.

— Да-да, посиди немного, сейчас принесу, — ответил Барни.

Найти в темноте свой трейлер оказалось совсем не просто, да к тому же повсюду было разбросано на редкость много всякого хлама, о который Барни то и дело спотыкался; затем возникла проблема, как найти нужный ключ из множества ключей в связке. Когда Барни вернулся обратно с

бутылкой виски в руках, складной экран был уже установлен и парусиновые кресла расставлены. Они с Оттаром поудобнее устроились в креслах, поставили перед собой бутылку, проектор зажужжал, и они начали смотреть фильм в этом удивительном кинотеатре под открытым небом и яркими звездами.

Сначала Оттар никак не мог воспринимать проектируемые на экран кадры как картину, его неразвитый ум не связывал движущиеся изображения с действительностью. Он не был, однако, полным профаном в изобразительном искусстве, ему были знакомы как три измерения в резьбе по дереву, так и плоскостное изображение — рисунки, и, когда на экране появилось изображение берега и его хижины, он вскрикнул от изумления.

Ужин уже подошел к концу, и почти вся съемочная группа подошла к экрану, чтобы посмотреть на экстры. Даже те, кто не присутствовал при сражении, были достаточно наслышаны о нападении викингов, и, когда на экране возник корабль, послышались шепот и вздохи, то и дело прерываемые гневным ревом Оттара. Когда корабль нападающих пристал к берегу и началась битва, воцарилась полная тишина. Угол съемки

был великолепен, кадры четкие, детали настолько ясны, что было почти невыносимо смотреть. Даже Барни, который все время был на берегу, почувствовал, как у него по спине забегали мурашки, когда на экране появилось лицо залитого кровью викинга, бегущего вверх по холму прямо на камеру, все ближе и ближе.

Испустив страшный боевой клич, Оттар вскочил на ноги, бросился на экран и сорвал его, запутался в белой ткани, споткнулся и покатился вниз по склону, в ярости разрывая материю и ломая металлическую раму. Поднялся крик, одна из девушек принесла небольшой прожектор и осветила викинга. Подбежавший к Оттару Лин сумел наконец успокоить его, а подоспевшие помощники вытащили викинга из-под обломков экрана. Пока продолжалась неразбериха, лагерь осветился автомобильными фарами, и через минуту машина «скорой помощи» с надписью «Госпиталь округа Лос-Анджелес» на белом борту въехала в свет прожектора.

— Чертовски трудно найти кого-нибудь в вашем лагере, — сказал шофер. — У вас, киношников, действительно большие павильоны для съемок, вот уж никогда бы не подумал, что все это можно уместить на одной сцене.

— Что вы хотите? — спросил Барни.

— Меня вызвали. Приехал за пациентом со сломанной ногой, по имени Хоук.

Барни обвел глазами молчаливую толпу.

— Ну-ка, Бетти, покажи им дорогу к трейлеру Рафа. И передай ему мои наилучшие пожелания, скажи, я надеюсь, что он быстро поправится, и все в таком духе.

Бетти хотела что-то сказать, но не смогла найти слов. Она быстро прошла к машине, приложив платок к лицу, и вскарабкалась в нее. По-прежнему стояла тишина, многим было неприятно встречаться с Барни взглядом. Он улыбнулся про себя широкой таинственной улыбкой и приветливо махнул рукой.

— Представление продолжается! — распорядился он. — Принесите новый экран и давайте досмотрим экстры до конца.

Когда последнюю пленку прокрутили через проектор, Барни встал перед экраном, освещенный со всех сторон, и, приложив руку козырьком к глазам, стал вглядываться в темноту.

— Я не вижу, кто здесь. Джино, ты тут? А Эмори? — Из толпы послышались утвердительные возгласы. — Отлично, сейчас проведем пробу. Установите-ка вон там прожекторы.

— Сейчас уже ночь, мистер Хендриксон, — раздался голос из темноты.

— Я еще не ослеп и понимаю, что вы хотите сказать. Все вы получите сверхурочные, но я хочу снять эту пробу немедленно. Как вам всем, наверно, уже известно, поскольку слухи распространяются у нас чертовски быстро, Раф Хоук сломал ногу и сниматься не может. Значит, мы остались без главного героя. Может быть, некоторым это покажется катастрофой, но это неверно, потому что мы сняли не так уж много метража, который теперь придется выбросить. Но нам нужен главный герой, и именно этим мы сейчас и займемся, так как я хочу сделать пробу парня, которого все вы хорошо знаете, нашего местного друга Оттара…

Послышались несколько удивленных возгласов, шепот и смешки. Барни услышал только смех.

— Здесь я распоряжаюсь, я директор этой картины, и я хочу устроить пробу — вот так!

Он остановился перевести дыхание и только тут действительно осознал, что он здесь главное лицо и сейчас больше, чем когда бы то ни было. Тысячелетие отделяло его от конторы треста, от ее телефонов. Л. М. не сможет добраться до него,

даже если бы он и не был в постели со своим мнимым инфарктом и не прятал под матрас бухгалтерские книги. Теперь вся ответственность лежала на нем, только на нем одном, и судьба картины зависела от того, какое решение он сейчас примет. И не только картины — судьба всей киностудии зависела от него, от него зависело, будут ли работать все окружавшие его сотрудники, не говоря уж о нем самом.

При обычных условиях подобная ситуация обеспечила бы ему бессонные ночи и спазмы желудка, заставив его испытать адские муки нерешительности. Но не сейчас. Может быть, ему передалась частичка духа викингов, сознания, что каждый человек сражается один на один со всем миром, и если ему повезет, то кто-то протянет ему руку помощи, однако рассчитывать на помощь не приходится.

— Сейчас мы сделаем эту пробу. Никто не может спорить с тем, что Оттар выглядит настоящим викингом. А если он говорит с небольшим акцентом, ну так что ж, Бойер и фон Штрохейм тоже не могли избавиться от акцента, но всем известно, чего они добились. А теперь посмотрим, сможет ли он играть — по крайней мере, хотя бы как Раф.

— Ставлю пять «зеленых», что он лучше, — донеслось из толпы.

— Кто спорит? — ответил другой голос, и по толпе пронесся смешок.

Теперь они были на его стороне, Барни чувствовал это. Может быть, им всем передалось сумасшествие викингов. Какой бы ни была причина, они были с ним заодно.

Барни откинулся на спинку кресла, время от времени давая указания и потягивая из горлышка виски, пока устанавливали осветительные приборы и камеры. Когда все было готово, Барни встал и отнял бутылку у клевавшего носом Оттара.

— Отдай обратно, — проворчал Оттар.

— Сейчас. Но я хочу, чтобы ты еще раз спел мне эту сагу о Рагнаре.

— Не хочу петь.

— Нет, хочешь. Я рассказал всем о том, какая это была великая песня, и все хотят ее услышать, правда?

Из толпы послышались дружное «да!» и одобрительные возгласы. Слайти выскользнула из темноты и прижалась к плечу Оттара.

— Спой для меня, милый, это будет моя песня, — процитировала она из своей предыдущей

картины о каком-то второразрядном композиторе.

Оттар не мог устоять перед ее просьбой. Все еще ворча, но уже без злобы, он встал на место, указанное Барни, и взял в руку бутафорский топор.

— Легкий, — сказал он. — Из дерева. Никуда не годится.

И он спел для них, сначала монотонно и нараспев, все еще разглядывая топор, затем все громче и выразительнее, проникаясь духом древней боевой песни. Пропев последнюю строфу, Оттар с воинственным ревом грохнул топором по ближайшему прожектору, опрокинув его на землю и едва не превратив в металлолом. Слушатели разразились аплодисментами и возгласами одобрения, а Оттар, тяжело дыша, расхаживал перед ними взад и вперед, воспринимая все как должное.

— Это было великолепно, — сказал Барни. — А теперь давай сделаем еще одно маленькое дело, и ты свободен. Видишь, вон там стоит стойка прожектора с надетой на нее курткой и шлемом? Так вот, это вражеский часовой. Ты должен подкрасться и убить его так, как ты сделал бы это на самом деле.

— Зачем?

— Зачем? Оттар, что за вопрос! — Барни отлично знал, что́ это был за вопрос, — это был вопрос, на который страшно трудно дать ответ. Зачем? Для актера было совершенно понятно, потому что игрой он зарабатывал себе на хлеб. Но зачем это все Оттару?

— Забудь-ка на минуту об этом, — сказал Барни. — Давай сядем рядом и выпьем по глотку. Теперь я расскажу тебе сагу.

— Ты тоже знаешь саги? Саги интересные.

В век Оттара, когда не было развлечений и не было еще письменности, саги заменяли все — песню и историю, газету и книгу, и Барни было это известно.

— Отлично, — сказал он и сделал знак, чтоб на Оттара навели камеру. — Хватай-ка бутылку и слушай мой рассказ, рассказ о великом викинге, которого звали Оттаром…

— Как и меня?

— Как и тебя, да, и он был знаменитым воином. У него был хороший друг, который вместе с ним пировал и вместе с ним участвовал в сражениях. Они были самыми лучшими друзьями в мире. Но однажды во время битвы друга Оттара захватили в плен, связали и увели. Однако Оттар пошел по следу врага и, подкравшись к лагерю противника,

стал ждать наступления темноты. После битвы его мучила жажда, и он пил, но сидел в укрытии не двигаясь.

При последних словах Барни Оттар поднес к губам бутылку и сделал быстрый глоток, потом прислонился к трейлеру.

— Вскоре стало темно, его время наступило. Он освободит своего друга. «Встань, Оттар, — сказал он себе, — встань, пойди и освободи своего друга, которого враги должны убить на рассвете. Встань!»

Последнее слово прозвучало как приказ, и в одно мгновение Оттар легко вскочил на ноги. Бутылка упала. Она была забыта.

— Оглянись вокруг, Оттар, и ты увидишь часового. Осторожно — вон он!

Теперь Оттар не играл — он жил. Он низко наклонился, выглянул из-за угла и тут же спрятался обратно.

— Там стоит часовой, спиной к тебе. Подползи к нему, Оттар, и без единого звука задуши его собственными руками. Схвати его за горло, и пусть он умрет молча. Иди, только осторожно, пока он стоит к тебе спиной.

Оттар уже выскользнул из-за укрытия, низко согнулся и начал двигаться вперед по изъезжен-

ной земле беззвучно как тень. Все замерли при виде Оттара. Барни оглянулся и увидел рядом свою секретаршу, которая не сводила глаз с крадущегося викинга. На полпути Оттар услышал шаги и замер: кто-то шел сюда. Он спрятался. Оттар скользнул в тень валуна, и Барни прошептал:

— Иди к нему, Бетти, просто пройди мимо. — Он взял ее за руку и толкнул вперед.

Оттар спрятался в тени как раз в ту минуту, когда мимо него прошла женщина. Она была совсем рядом, но не заметила его. Она ушла. Оттар подождал, пока все не стихло, затем начал снова красться вперед, все ближе и ближе — и бросился на часового!

Джино пришлось быстро повернуться, чтобы удержать викинга в кадре, когда он вскочил, рванулся вперед, все еще совершенно беззвучно, и, буквально пролетев последние метры по воздуху, бросился на чучело. Шлем упал и покатился в сторону, викинг схватил стальной стержень подставки и единым движением согнул пополам.

— Стоп! — крикнул Барни. — Такова была сага, все было точно так, как ты изобразил это. Убил часового и освободил своего друга. Здорово, просто здорово! А теперь давайте покажем Оттару, как нам понравилось его представление!

Под гром аплодисментов и крики одобрения Оттар сел на землю и быстро заморгал, как бы постепенно вспоминая, где он и что с ним. Он посмотрел на изогнутый стержень, потом отбросил его в сторону и ухмыльнулся.

— Это была хорошая сага, — сказал он. — Вот так действует Оттар.

— Ну ладно, завтра я покажу тебе экстры, — сказал Барни. — Ты увидишь движущиеся картинки с твоим изображением — как ты делал все это. А пока хватит, это был длинный день. Текс… или Даллас, пусть один из вас возьмет джип и отвезет Оттара домой.

Ночной воздух становился все холоднее, и толпа быстро рассосалась. Подсобные рабочие убрали освещение и камеру. Барни задумчиво посмотрел вслед исчезающим красным огонькам джипа, зажег сигарету. Тут только он заметил стоящего рядом с ним Джино.

— Как твое мнение? — спросил он.

— Мое мнение? — Джино пожал плечами. — Откуда я знаю! Я всего лишь оператор…

— Каждый оператор, сколько я их ни встречал, в глубине души был убежден, что из него бы вышел режиссер намного лучше, чем те кретины, с которыми ему приходится работать. Что ты о

нем думаешь?

— Если ты спрашиваешь мое мнение, а видимо, это так, то я скажу, что он, по крайней мере, лучше, чем тот кусок мяса, который унесли на носилках. И если проба получится так, как я ожидаю, может быть, ты сделал находку века. Одиннадцатого века, конечно. Вот и говори потом о методе!

Щелчком пальца Барни послал окурок далеко в темноту.

— Я, — сказал он, — думаю точно так же.

Глава 10

Барни пришлось повысить голос, чтобы перекрыть грохот ливня, бьющего по крыше трейлера.

— А ты уверен, что он понимает, что подписывает? — крикнул он, с сомнением глядя на кривой крест и отпечаток пальца под контрактом.

— Совершенно уверен, — ответил Йенс Лин. — Я прочитал ему как английский оригинал, так и перевод на старонорвежский язык, и он со всем согласился, затем подписался в присутствии свидетелей.

— Надеюсь, ему никогда не попадется хороший

адвокат. В соответствии с этим контрактом он — исполнитель главной роли в фильме — получает зарплату меньше всех в группе, включая негра, присматривающего за уборной.

— Ему не на что жаловаться, так как он сам выставил такие условия. Одна бутылка «Джека Дэниелса» в день и по серебряной марке каждый месяц.

— Но ведь этого не хватит даже на пломбу в зубе.

— Не следует забывать о разном экономическом положении двух миров, — начал Йенс с профессорским апломбом, для пущей убедительности подняв палец. — Экономика одиннадцатого века в основном зиждется на торговле и обмене товарами, почти без применения монет. Поэтому серебряная марка имеет гораздо большую ценность, которую трудно сравнивать с нашей ценой серебра, производимого в большом количестве. Пожалуй, лучше взглянуть на ее покупательную способность. За одну серебряную марку можно купить раба. За две марки…

— Достаточно, уже все понятно. Для меня важно знать, останется ли он с нами до конца картины?

Йенс пожал плечами.

— О, это очень хороший ответ. — Барни потер

большими пальцами разламывающиеся от боли виски и посмотрел из окна на свинцовое небо и падающий занавес дождя. — Уже два дня, как льет, неужели дождь никогда не прекратится?

— Этого следовало ожидать. Не нужно забывать, что, хотя погода в одиннадцатом веке была теплее, чем в двадцатом, из-за влияния Малого климатического оптимума, мы все-таки находимся в Северной Атлантике, примерно на пятьдесят девятом градусе северной широты, и дождь здесь…

— Избавь меня от лекции. Я должен быть уверен, что Оттар будет сотрудничать с нами на протяжении съемок всего фильма, иначе даже и начинать не стоит. Он может отплыть завтра в этой своей новой ладье или выкинуть какой-нибудь другой номер, принятый у викингов. Послушай, а что он вообще здесь делает? Он не очень-то соответствует моему представлению о веселом фермере.

— В настоящее время он находится в изгнании. По-видимому, ему не понравилось принятие христианства в том виде, в каком оно происходит при короле Олафе Трюггвессоне, и он, проиграв сражение, был вынужден бежать из Норвегии.

— А почему ему не захотелось быть обращен-

ным в христианство?

— Во-первых, Лаф подвергнет его испытанию змеей. То есть конец лурхорна — длинного медного боевого горна — силой засовывается глубоко в горло жертвы, затем в него впускается ядовитая змея, отверстие тут же затыкается, и горн подогревается на огне, так что змее приходится искать выход в брюхе язычника.

— Необычайно привлекательно. А что случилось после его бегства из Норвегии?

— Он направился в Исландию, однако во время шторма его корабль погиб, и он с несколькими воинами выбрался на этот остров. Все это случилось незадолго до нашего появления.

— Если он потерпел кораблекрушение, то в чьем же доме он живет?

— Этого я не знаю. Он и его воины убили владельца и поселились в доме.

— Господи, что за жизнь! Ну, по крайней мере, для нас это приятные новости. Я уверен, что он не захочет куда-нибудь отправиться, пока его здесь поят и к тому же платят.

Вместе с порывом ветра и дождя в трейлер Барни ворвался Эмори Блестэд. Ему пришлось налечь на дверь всем телом, чтобы закрыть ее.

— Можешь повесить свои вещи на гвоздь в

двери, пусть они немного высохнут, — сказал Барни. — Кофе на плитке. Ну, как дела с декорациями?

— Почти закончены, — ответил Эмори, размешивая сахар в своей чашке. — Мы разломали заднюю стену хижины, чтобы можно было втащить внутрь осветительные приборы и камеры, покрыли стены фанерой и подняли крышу на четыре фута. Это оказалось гораздо легче, чем я ожидал, мы просто подняли всю крышу вместе с балками на домкратах, потом местные рабочие нарезали дерна и довели стены до необходимой высоты. Эти парни действительно умеют работать.

— И к тому же почти даром, — дополнил Барни. — Пока что единственное, в чем мы не расходимся с планом, — это в бюджете. — Он взглянул на свой экземпляр сценария, отмечая сцены красным карандашом. — Мы можем сейчас приступить к съемкам в помещении?

— В любое время.

— Тогда полезли в резиновые сапоги. Что ты думаешь о пробе, Эмори?

— Абсолютно первоклассная проба. Этот викинг прирожденный актер, настоящая находка.

— Да. — Барни погрыз карандаш, затем бросил

его на пол. — Будем надеяться. Может оказаться, что он в состоянии сыграть одну-две сцены, однако справится ли он с целой картиной? Я хотел снять сначала простые сцены: как влезают и вылезают из лодок, героический взгляд в сторону заката и тому подобное, но погода со всем этим покончила. Придется браться за интерьеры и надеяться на лучшее.

Потоки дождя низвергались с крыши, текли по бокам джипа, который медленно полз вверх по склону холма вдоль полосы жидкой грязи, проложенной предыдущими машинами, что двигались из лагеря. В поле позади хижины Оттара уже стояло несколько автомобилей, среди которых возвышалась передвижная электростанция с урчащим генератором. Они подъехали как можно ближе к хижине, вылезли из джипа и пошлепали к двери. К стене прижалась группа слуг, выброшенных из дому, чтобы освободить место для съемочного оборудования. Вид у них был несчастный. Фанерная дверь была приоткрыта из-за толстых электрических кабелей, и Барни протиснулся внутрь.

— Ну-ка, дайте побольше света, — сказал он, вылезая из мокрого насквозь плаща. — И выставьте этих людей, я хочу взглянуть на кровать.

— Осторожнее, краска на древнем дереве еще не просохла, — сказал Эмори, показывая на двустворчатые двери в стене.

— Неплохо, — одобрительно отозвался Барни.

— Чего хорошего?! — фыркнул Йенс Лин. — Ведь я же говорил, что в таком простом доме люди спят на лавках вдоль стен — вот этих, — но в доме вполне может быть небольшая комнатка с кроватью, встроенной в стену, совсем маленькой, чтобы тепло спящих могло обогревать ее. — Лин распахнул пятифутовые двери, за которыми оказалась маленькая комнатка с матрасом из пенопласта и нейлоновыми простынями. — Но эта мерзость… в ней нет ничего похожего…

— Не волнуйтесь, док, — сказал Барни, осматривая комнатку через видоискатель камеры. — Ведь мы снимаем картину, правда? Мы даже не сможем втиснуть камеру и пару операторов в тот гроб, о котором вы думаете. Хорошо, уберите заднюю стену.

Двое плотников убрали заднюю стену комнаты, за ней в сарайчике оказалась камера.

— Залезай внутрь, Джино, и я еще раз повторю содержание. Это дубль пятьдесят четыре. А, Оттар, как раз вовремя, тебе сейчас на сцену.

В дом ввалился викинг, щеголявший в хлор-

виниловом плаще, в сопровождении гримера, который держал зонт над его головой.

— Здоро́во, Барни! — рявкнул Оттар. — Правда, я красивый?

Он действительно выглядел хорошо. Сначала его отмачивали в ванне — пришлось три раза менять воду, — его борода и волосы были вымыты, высушены, окрашены, подстрижены и причесаны, костюм Рафа был перешит и прилажен к его массивной фигуре. Оттар выглядел весьма внушительно, он знал это и наслаждался.

— Ты великолепен, — сказал Барни. — Ты так хорошо выглядишь, что мне хочется сделать еще несколько снимков с тебя, ведь ты любишь на них смотреть, правда?

— Хорошая мысль. Я хорошо выгляжу на снимках.

— Верно. А теперь вот чего я хочу от тебя. — Барни закрыл двери, ведущие в комнату. — Я буду внутри с камерой. Ты стоишь вот здесь и открываешь двери… вот так… и, когда они полностью открыты, ты смотришь на кровать — вот так — и медленно улыбаешься. Вот и все.

— Мне это кажется очень глупым. Лучше сними меня прямо здесь.

— Я высоко ценю твое предложение, Оттар,

но мне хочется сделать это по-своему. В конце концов, ты получаешь ежедневно по бутылке и серебряную марку каждый месяц, так что постарайся заработать их.

— Совершенно верно, каждый день. Где сегодняшняя бутылка?

— Ты получишь ее после работы, а мы ведь пока даже не начали. Так что стой здесь, а я обойду кругом и встану с другой стороны с камерой.

Он отбросил плащ и направился к сарайчику.

После новых объяснений, криков и нескольких неудачных попыток Оттар, казалось, понял, чего от него хотят, двери были снова закрыты, и Барни подал сигнал. Объектив устремился в темное помещение, и камера зажужжала, когда дверь вдруг распахнулась с такой силой, что одна из дверных ручек осталась в руке Оттара, и он швырнул ее на пол.

— Черт побери! — рявкнул он.

Барни глубоко вздохнул.

— Видишь ли, Оттар, эту сцену нужно играть не совсем так, немного по-другому, — сказал он. — Постарайся войти в роль. Ты пришел домой неожиданно, очень усталый. Ты открываешь дверь, чтобы лечь спать, опускаешь взгляд, видишь спящую Гудрид, и на твоем лице появляется

улыбка.

— На этом острове нет никакой Гудрид.

— Гудрид — это имя Слайти в нашем фильме. Ты ведь знаешь, кто такая Слайти?

— Конечно, но ведь ее здесь нет. По-моему, Барни, все это очень глупо.

Барни приходилось долгие годы снимать безразличных и просто плохих актеров, поэтому возражения Оттара не подействовали на него.

— Давай подождем минутку и сделаем еще одну пробу, — предложил он.

На этот раз за закрытыми дверями несколько минут слышались какое-то шуршание, ворчание, жалобы, затем двери снова распахнулись, но уже несколько медленнее, и появилось лицо Оттара. Он свирепо глянул в объектив, затем опустил взгляд, и выражение его лица начало постепенно изменяться. Наморщенный лоб разгладился, уголки рта поднялись вверх, образовав счастливую улыбку, а глаза широко раскрылись. Он протянул руку.

— Стоп. На этот раз отлично. — При этих словах Барни бросился к кровати, опередив Оттара, и схватил бутылку «Джека Дэниелса». — Я ее приберегу для тебя. О-ох!

Викинг схватил его за кисть, и Барни почувство-

вал, что его рука зажата в тиски гидравлического пресса. Бутылка выпала из его ослабевших пальцев. Пошатываясь и потирая полураздавленную руку, Барни направился обратно, спрашивая себя, не допустил ли он все-таки ошибки при распределении ролей.

Появилась Слайти, и, после того как с нее были сняты резиновые сапоги, плащи и много ярдов пластика, она оказалась, дрожащая и босая, в одной прозрачной ночной рубашке. Под рубашкой она была одета в обтягивающее формы нейлоновое трико телесного цвета с глубоким вырезом и совершенно прозрачное. Эффект был сокрушительным.

— Подлинный костюм одиннадцатого века! — ядовито прокомментировал Йенс Лин и ушел.

Оттар блаженно посасывал из бутылки и не обращал внимания на окружающих.

— Мне холодно, — выговорила Слайти.

— Установите электрический термоизлучатель над кроватью, — распорядился Барни. — Дубль сорок три, Слайти, закрой дверь и залезай в мешок. Внутри достаточно тепло.

— Я не хочу схватить пневмонию.

— Не беспокойся, милая, с твоей изоляцией это невозможно.

Это была короткая сцена, всего несколько секунд на экране, однако на съемках фильма время летит незаметно, — когда они закончили, Оттар уже высосал полбутылки и, сидя в углу, напевал что-то про себя со счастливым выражением лица.

— Начали, дубль пятьдесят пять, и ты тоже, Оттар, расстанься на минуту со своей зарплатой, — сказал Барни.

Умиротворенный солидной порцией виски, Оттар подошел, грохоча тяжелыми сапогами, и посмотрел на кровать, где под американо-викинговым одеялом изящно вытянулась Слайти.

— Она устала? — спросил с участием Оттар. — Слишком много огней, трудно спать.

— Похвальная наблюдательность, но мы все еще снимаем фильм. Вот что тебе нужно сделать. — Барни подошел и встал рядом с кроватью. — Ты только что открыл дверь, смотришь вниз на спящую девушку. Затем медленно протягиваешь руку и касаешься ее волос. Она просыпается и в страхе отстраняется от тебя. Ты смеешься, садишься на край кровати, притягиваешь ее к себе и целуешь. Сначала она сопротивляется, отталкивает тебя, но потом ненависть переходит в любовь, она медленно протягивает руки,

обнимает тебя за шею и тоже целует тебя. Твоя рука поднимается к бретельке на плече — вот этой, не перепутай, вторая приклеена, — и ты медленно спускаешь ее с плеча девушки. Вот и все. На этом съемка закончится, остальное довершит воображение зрителей, а воображение у них — будь спокоен. Давайте попробуем сначала без камеры.

Это была отчаянно трудная работа, поскольку Оттар не проявлял к Слайти ни малейшего интереса, то и дело поглядывая на бутылку, чтобы убедиться, что никто ее не украл, и Барни, пытавшийся придать движениям викинга хоть какое-то правдоподобие, обливался по́том. Наконец бутылка была поставлена на кровать, в угол, вне поля зрения камеры, так, что, по крайней мере большую часть времени, Оттар смотрел в нужном направлении.

Барни выпил глоток воды, отдающей химикалиями, и еще раз поставил Оттара к линии, прочерченной на земляном полу.

— Начинаем! — объявил он. — Будем снимать этот дубль без звука, и я все время буду вами руководить. А остальные пусть сейчас же заткнутся, у нас не съемочный павильон, а прямо какое-то профсоюзное собрание. Камера, поеха-

ли! Ты вошел, Оттар, смотришь вниз — вниз, не на свою проклятую бутылку! — протягиваешь руку и касаешься ее волос. Слайти просыпается, великолепно, пока все идет хорошо, садись — осторожно, не сломай кровать! О'кей, теперь ты обнимаешь ее, потом целуешь.

Пальцы Оттара впились в руку Слайти, внезапно он нагнулся к ней и совершенно забыл про бутылку. Волшебство гормонов Слайти действовало в одиннадцатом веке с не меньшей силой, чем в двадцатом. Запах приятно пахнущего женского тела ударил ему в голову, и ему не потребовалось наставлений Барни, чтобы крепко прижать Слайти к своей груди.

— Очень хорошо! — раздался одобрительный возглас Барни. — Страстное объятие и поцелуй, но тебе это не нравится, Слайти.

Слайти пыталась выскользнуть из объятий викинга и колотила кулаками по его широченной груди. Повернув голову в сторону, она прошептала: «Потише, питекантроп, потише». Затем Оттар снова поцеловал девушку.

— Великолепно! — крикнул Барни. — Очень правдоподобно, Слайти. Теперь бретелька, Оттар.

Послышался треск рвущейся материи.

— Эй, что ты делаешь! — раздался возмущенный голос Слайти.

— Не беспокойся, — подал реплику Барни, — студия купит новую рубашку. Великолепно! Теперь выражение твоего лица меняется. Ненависть переходит в страстную любовь. Очень хорошо…

Глава 11

— Что мне действительно нравится в одиннадцатом веке, — сказал Барни, подцепив вилкой большой кусок белого мяса, — так это морская пища. Скажите, почему это так вкусно, профессор? Еще нет промышленных отходов или из-за чего-то другого?

— Наверно, это объясняется тем, что у вас на тарелке лежит не морская пища одиннадцатого века.

— Не пытайтесь купить меня, профессор. Уж я-то знаю, что это не замороженный полуфабрикат, который мы получили со складов «Клаймэктика». Смотрите, облака начинают расходиться. Если так пойдет и дальше, мы сможем заснять концовку сцены возвращения.

Передняя часть брезентовой крыши была под-

нята, и перед ними расстилалась панорама лугов, а вдали виднелся океан. Профессор Хьюитт указал на него.

— Собственно говоря, морская рыба этого века ничем не отличается от рыбы двадцатого столетия. Однако трилобит, который находится на вашей тарелке, действительно принадлежит к совершенно иной разновидности и эпохе — его добыли на острове Каталина наши отдыхающие.

— А, вот почему из тех ящиков, которые они привезли с собой, текло. — Барни подозрительно посмотрел на еду. — Одну минуточку, то, что я сейчас ем, не имеет никакого отношения к тем глазам и зубам, о которых говорил Чарли Чанг?

— Нет, — успокоил его профессор. — После того как членам съемочной группы разрешили проводить уик-энды в другой эпохе, чтобы не прерывать работы, мы сменили периоды. Остров Санта-Каталина является идеальным местом для отдыха, мистер Чанг может это подтвердить, но его несколько беспокоила местная фауна. Признаю свою ошибку: я оставил его в девонском периоде, когда рыбы-амфибии, дышавшие воздухом, начали выходить из моря. По большей части эти земноводные — совершенно безвредные создания. Однако в воде были существа…

— Глаза и зубы… Слышал о них.

— …поэтому я решил, что кембрий — более подходящий период для наших отдыхающих. В те времена во всем океане не было существа более опасного для купающихся, чем этот совершенно безвредный трилобит.

— Вы опять употребили это слово, профессор. Что оно значит?

— Вымершее членистоногое. Эти существа — переходная форма от ракообразных к паукообразным, однако экземпляр, который вы едите, действительно огромный. Нечто вроде полуметровой морской вши.

Барни выронил вилку и поспешно глотнул кофе.

— Это было великолепное блюдо, — сказал он. — А теперь, если вы не против, поговорим о колонии в Винланде. Что вам удалось выяснить?

— У меня не слишком хорошие новости.

— После трилобита все кажется хорошим. Ну так что?

— Не нужно забывать, что моя информация о данном периоде весьма ограниченна. Однако доктор Лин хорошо знаком с историей, в его распоряжении имеются все саги относительно открытия Винланда и ранних скандинавских

поселений, и я следовал его указаниям. Нам было очень нелегко отыскать подходящее место для высадки, поскольку берега Ньюфаундленда и Новой Шотландии, мягко выражаясь, очень изрезаны, однако удалось найти этот район. Мы широко использовали моторную лодку, так что я могу заверить вас, что наши поиски были настолько тщательными, насколько это только возможно.

— И что вам удалось обнаружить?

— Ничего.

— Именно такие новости мне и хотелось услышать, — сказал Барни, отодвигая подальше от себя тарелку с жаренным по-французски трилобитом. — Давайте-ка сюда дока, профессор. Если вы не против, мне хотелось бы услышать об этом поподробнее.

— Все обстоит именно так, — мрачно подтвердил Йенс Лин. — В Северной Америке нет норвежских поселений. Это меня очень тревожит. Мы осмотрели все возможные районы поселений, начиная с десятого и кончая тринадцатым веком, и ничего не обнаружили.

— А откуда вы знаете, что там вообще что-то было?

Лин выдвинул вперед подбородок.

— Позвольте напомнить вам, что после обнаружения карты Винланда мало кто сомневался в том, что норвежцы действительно открыли и исследовали Северную Америку. Доказано, что в тысяча сто двадцать первом году епископ Эрик Гнуппссон совершил поездку в Винланд. Норвежские саги говорят о множестве путешествий, совершенных из Скандинавии в Винланд, и описывают находившиеся там поселения. Сомнительными являются только сведения о точном расположении поселений; целью наших недавних поисков и было отыскать их. Поскольку источники расходятся в описании расположения Хеллуланда и Маркланда, упоминающихся в сагах, нам предстояло осмотреть тысячи миль побережья. Гаторн-Харди считает, что пролив Лонг-Айленд и есть знаменитый Страумсфьорд, и делает вывод, что Хоп находится в устье реки Гудзон. Однако в других источниках говорится, что высадка произошла гораздо севернее; например, Сторм и Бэбкок указывают на район Лабрадора и Ньюфаундленда, а Моуэтт даже помещает Хоп в…

— Стоп! — воскликнул Барни. — Меня не больно-то интересуют теории. Вы хотите сказать, что вам не удалось обнаружить поселений или даже

каких-нибудь доказательств их существования?

— Не удалось, но…

— Значит, все ваши авторитеты ошибаются?

— Ну… получается так, — сказал Лин. Выражение лица его было несчастным.

— Пусть это вас не беспокоит, док, — сказал Барни, протягивая чашку, чтобы официантка налила ему новую порцию кофе. — Напишите книгу об этом — и сразу станете новым авторитетом. Сейчас гораздо важнее решить, что делать дальше? Позвольте напомнить вам, если вы не просматривали сценарий в последнее время, что наш фильм называется «Викинг Колумб», что это сага об открытии Америки и первом поселении на ее территории. Так что же нам теперь делать? Мы предполагали переправить всю группу в одно из поселений викингов и отснять там часть картины. Однако поселений нет. Что дальше?

Йенс Лин задумчиво пожевал палец, затем поднял голову.

— Можно отправиться на западное побережье Норвегии. Там есть норвежские поселения, и некоторые места мало чем отличаются от берега Ньюфаундленда.

— А там есть индейцы, которых мы могли бы нанять для съемок боевых сцен? — спросил Барни.

— Нет, индейцев в Норвегии совсем нет.

— Тогда это нам не подходит. Давайте-ка спросим нашего местного эксперта. — Барни оглянулся вокруг и в дальнем углу столовой увидел Оттара, который поглощал огромную кучу дымящихся трилобитов. — Ну-ка, Йенс, потревожьте нашу кинозвезду. Скажите, что он успеет съесть второе и третье потом.

— Вам нужен Оттар? — Послышалась тяжелая поступь, и викинг плюхнулся на скамейку.

— Что тебе известно о Винланде? — спросил его Барни.

— Ничего.

— Ты хочешь сказать, что никогда не слыхал о нем?

— Конечно, я слышал саги о Винланде, которые поют скальды, и разговаривал с Лейффом Эриксоном о его путешествии. Но я никогда не видел Винланда и ничего о нем не знаю. Когда-нибудь отправлюсь в Исландию, оттуда в Винланд, сразу разбогатею.

— Что? Золото? Серебро?

— Дерево, — сказал Оттар, не скрывая презрения к тем, кто не знает таких простых вещей.

— Дерево для гренландских поселений, — объяснил Йенс Лин. — Там у них всегда страшная

нужда в дереве, особенно в твердых сортах, для строительства кораблей. Груз такой древесины, доставленной в Гренландию, сделает владельца богатым человеком.

— Итак, вот вам ответ, — сказал Барни, поднимаясь из-за стола. — Как только мы закончим съемки на острове и заплатим Оттару, он отправится в Винланд. Мы сделаем прыжок во времени и встретим его на месте. Там мы снимем сцену прибытия, морские сцены для показа путешествия и сцену отплытия. Затем люди Оттара строят несколько хижин для своего поселения, мы платим бакшиш местному племени, они сжигают хижины викингов, и картина окончена.

— Хорошая мысль. В Винланде много дерева, — сказал Оттар.

Йенс Лин открыл было рот, чтобы запротестовать, затем пожал плечами.

— Кто я такой, чтобы жаловаться? Если он такой дурак, что согласен на это, чтобы дать вам возможность окончить картину, зачем мне быть против? Правда, мне неизвестны саги о путешествии кого-то по имени Оттар в Винланд, однако, поскольку в последнее время выяснилось, что достоверность саг вообще находится под сомнением, я не думаю, что мне нужно протестовать.

— Пойду доем обед, — сказал Оттар.

Выйдя из столовой, Барни увидел, что его ожидает секретарша с охапкой папок.

— Я не хотела беспокоить вас во время еды, — объяснила она.

— Ну и напрасно. После того блюда, которое я только что съел, у меня никогда не наладится нормальное пищеварение. Ты знаешь, кто такие трилобиты?

— Конечно. Такие противные скользкие мокрицы, которых мы ловили на Санта-Каталине. Это страшно весело, их ловят ночью при свете фонаря, потом зажаривают целиком и едят с пивом. Вы должны…

— Ничего я не должен. О чем ты хотела поговорить со мной?

— О табелях, особенно о регистрации уик-эндов. Видите ли, все, кто входит в съемочную группу, проводили уик-энды на Каталине, то есть все, кроме вас. За те пять недель, которые мы провели здесь, у вас не было ни одного выходного дня.

— Не беспокойся обо мне, Бетти, дорогуша. Я не собираюсь отдыхать, пока отснятая картина не будет лежать в коробке. Так в чем же дело?

— Некоторые любители подводного плавания хотели бы оставаться на Каталине не два дня, а

четыре и потом работать субботу и воскресенье следующей недели. Мои табели рабочего времени и так находятся в ужасном беспорядке, а если это принять, можно окончательно запутаться. Что мне делать?

— Прогуляйся-ка со мной до дома Оттара, мне нужна тренировка. Пойдем вдоль берега.

Пока они спускались к берегу, Барни хранил молчание.

— Сделай вот что. Забудь про дни недели и считай только рабочие дни. Каждый, кто отработал пять дней подряд, следующие два дня может отдыхать. Если они хотят отдыхать четыре дня, то должны отработать десять дней подряд, а с одиннадцатого по четырнадцатый день — выходные. Отметки об их рабочих днях будут у тебя в журнале и в табелях, ведь они отмечают их и здесь, и на Каталине. Поскольку два или четыре выходных дня означают всего лишь пятиминутное путешествие на машине времени, все работают ежедневно без выходных — для меня это главное. Давай-ка веди свой журнал так, как я тебе сказал, а я после возвращения утрясу этот вопрос с Л. М. и бухгалтерией.

Они уже почти дошли до мыса и залива рядом с хижиной Оттара, когда сзади показался прыгав-

ший по кочкам джип с непрерывно ревевшим клаксоном.

— А это что? — застонал Барни. — Неприятности, ясно как божий день. Никто не мчится ко мне сломя голову, чтобы сообщить хорошие новости. — Он остановился с несчастным видом, поджидая джип.

Сидевший за рулем Даллас умудрился затормозить, почти не осыпав их дождем гальки.

— В залив входит какой-то корабль! — выпалил Даллас. — Все отправились разыскивать вас.

— Ну вот ты меня и нашел. Что же это — опять викинги-пираты, как и в прошлый раз?

— Все, что мне известно, я уже сказал, — ответил Даллас, с самодовольным видом жуя спичку.

— Значит, я был прав относительно неприятностей, — сказал Барни, влезая в джип. — Отправляйся обратно в лагерь, Бетти; не исключено, что произойдет еще один скандал.

Как только джип обогнул мыс, они увидели его. Подгоняемый попутным ветром, в залив входил большой корабль с широким парусом. Все киношники высыпали на холм за домом Оттара, а местные жители побежали к самой воде, размахивая руками и что-то крича.

— Опять бойня, — сказал Барни. — А вон и мой

оператор, он готов запечатлеть самые кровавые сцены на цветной пленке. Пошли вниз и попробуем на этот раз не допустить убийства.

Джино установил свою камеру на самом берегу в таком месте, откуда можно было снимать как встречающих, так и прибывающий корабль. На этот раз, когда корабль подошел поближе, стало очевидным, что дела обстоят гораздо лучше, — норвежцы смеялись и махали руками, у них не было оружия. Оттар прибежал на берег, как только ему сообщили о приближающемся корабле, и стоял по колено в воде, громко крича. Когда незнакомцы приблизились к берегу, большой парус был приспущен, и корабль, двигаясь по инерции, врезался носом в берег и замер. Высокий викинг с огромной рыжей бородой, стоявший у рулевого весла, прыгнул с борта в волны прибоя и подбежал к Оттару. Оба великана что-то прокричали в знак приветствия и крепко обнялись.

— Объятия крупным планом! — крикнул Барни Джино. — И мне не придется спрашивать разрешения на то, чтобы включить эту сцену в фильм или платить действующим лицам хотя бы один цент, — добавил он со счастливой улыбкой, наблюдая за сценой на берегу.

Теперь, когда стало ясно, что кровопролития

не ожидается, киношники начали спускаться на берег. Слуги выкатили бочонки с элем. Барни подошел к Йенсу Лину, который наблюдал за тем, как Оттар и вновь прибывший с радостными криками хлопали друг друга по бицепсам.

— О чем они говорят? — поинтересовался Барни.

— Они старые друзья и говорят друг другу, как приятно снова встретиться.

— Это и так ясно. Кто этот рыжебородый?

— Оттар зовет его Торхалл, так что это, наверно, Торхалл Гамлиссон из Исландии. Они с Оттаром не раз совершали вместе набеги, и Оттар всегда очень тепло отзывался о нем.

— А о чем они кричат сейчас?

— Торхалл говорит, он очень рад, что Оттар решил купить его корабль, так как он, Торхалл, собирается вернуться в Норвегию и мог бы воспользоваться для этого ладьей Оттара. Теперь он спрашивает о второй половине денег.

Нахмурившись, Оттар бросил резкое слово.

— Я знаю это и без перевода, — сказал Барни. — Мы пробыли здесь достаточно долго, чтобы усвоить по крайней мере это словосочетание.

Теперь крики заметно усилились, и в голосах викингов послышались неприятные нотки.

— Оттар полагает, что у Торхалла в голове злые духи, потому что он никогда не покупал никаких кораблей. Торхалл говорит, что два месяца назад, когда Оттар приехал к нему в Исландию, пользовался его гостеприимством и купил его корабль, он пел совсем другим голосом. Оттар не сомневается теперь, что Торхаллом владеют злые духи, потому что он не покидал этот остров в течение года, и предлагает проделать в голове Торхалла дыру, чтобы выпустить злых духов. Торхалл отвечает, что, как только он доберется до своего топора, выяснится, в чьей голове будет проделана дыра…

Барни хлопнул себя по лбу и покинул позицию наблюдателя, которую занимал, пока тяжеловесы обменивались взглядами ненависти и готовились к смертоубийственному матчу.

— Стойте! — закричал он, но викинги не обратили на него ни малейшего внимания. Барни испытал свои силы в старонорвежском: — Nemit staoar![15] — Но по-прежнему безрезультатно. — Стреляй в воздух! — крикнул Барни Далласу. — Необходимо остановить их, пока не поздно.

Даллас выстрелил в гальку, и раздробленные

---

[15] Примечания: 15
Стойте! *(старонорв.)*

осколки с визгом полетели в воду. Викинги повернулись, на мгновение забыв о своих распрях. Барни поспешил к ним.

— Оттар, послушай меня. Мне кажется, я знаю, в чем дело.

— Я тоже знаю, — прошипел Оттар, сжимая кулаки. — Никто не смеет называть Оттара…

— Все это не так плохо, как тебе кажется, просто у нас разные точки зрения. — Барни потянул Оттара за рукав. Викинг даже не шелохнулся. — Док, отведи Торхалла в дом и поставь ему пару пива, а я пока поговорю с Оттаром.

Даллас еще несколько раз выстрелил в гальку для поддержания разговора. Наконец им удалось разнять противников, и Торхалл поспешил в хижину за обещанной выпивкой.

— Послушай, Оттар, ты мог бы отправиться в Винланд на своей ладье? — спросил Барни.

Оттар, все еще разъяренный, заморгал и помотал головой, не понимая вопроса.

— Ладья? При чем здесь моя ладья? — сказал он наконец.

Барни терпеливо повторил свой вопрос, и Оттар покачал головой, категорически отвергая подобный план.

— Глупый вопрос, — сказал он. — Ладья для

набегов по рекам, вдоль берегов. Не годится для открытого моря. Для океанских путешествий нужен кнорр. Вот он — кнорр.

Теперь, когда Барни обратил на корабль свое внимание, он явственно увидел различие между ними. Если ладья с драконом на носу была длинной и узкой, то кнорр был широким судном с высокими бортами длиной по крайней мере сто футов. Кнорр Торхалла казался кораблем надежным во всех отношениях.

— Ты мог бы отправиться в Винланд на этом корабле? — спросил Барни.

— Конечно, — ответил Оттар, глядя в сторону Торхалла и сжимая кулаки.

— Тогда купи его у Торхалла.

— И ты тоже! — рявкнул Оттар.

— Подожди одну минутку, послушай меня. Если я подкину тебе часть денег, ты сможешь купить этот корабль?

— Он стоит кучу марок.

— Ничего не поделаешь, быть яхтсменом — дорогое удовольствие. Так ты сможешь купить его?

— Может быть.

— Тогда договорились. Если он говорит, что ты купил корабль два месяца назад, значит так оно и было… Не бей меня! Я дам тебе денег, профессор

перебросит тебя в Исландию для совершения сделки, и все будет о'кей!

— О чем ты говоришь?

Барни повернулся к Йенсу Лину, который внимательно слушал их разговор.

— Улавливаешь, Йенс? Сегодня утром мы договорились, что Оттар отправится в Винланд. Он сказал мне, что для этого путешествия ему нужен другой корабль. Торхалл утверждает, что Оттар приехал к нему и купил вот этот корабль два месяца назад. Очевидно, так оно и было. Так что давайте быстренько провернем это дело, пока положение не осложнилось. Возьми с собой Далласа и объясни все профессору. Лучше всего вам взять моторный катер. Отправляйтесь со всей компанией в Исландию — Исландию два месяца назад, — купите корабль, договоритесь, чтобы он был доставлен сюда сегодня, затем возвращайтесь. Это должно занять не более получаса. Возьми у кассира несколько марок, чтобы было чем заплатить за корабль. И не забудьте поговорить с Торхаллом перед отъездом и выяснить, сколько заплатил ему Оттар, чтобы ты мог вручить ему требуемую сумму.

— То, что вы говорите, — парадокс, — сказал Йенс. — Я не думаю, что это осуществимо…

— Для меня неважно, что ты думаешь. Ты получаешь жалованье и делай, что тебе говорят. А я пока умаслю Торхалла, чтобы он к вашему возвращению был в хорошем настроении.

Джип уехал, и Барни отправился в хижину, чтобы оживить угасавшую пьянку. Норвежцы разделились на две группы, вновь прибывшие держались подле своего вождя. Группы обменивались мрачными взглядами и почти не пили. Вошел Джино с бутылкой, которую он извлек из чехла для телеобъектива.

— Хочешь попробовать, Барни? — спросил он. — Это настоящая граппа из старой Италии. Я не могу пить здешний самогон.

— А твой ничем не лучше, — ответил Барни. — Попробуй предложить Торхаллу, — может быть, ему понравится.

Джино вытащил пробку и сделал огромный глоток, затем протянул бутылку Торхаллу.

— Drekkit! — предложил он на приличном старонорвежском. — Ok verio velkomnir til Orkneyja![16]

Рыжебородый викинг взял бутылку, глотнул, закашлялся, внимательно посмотрел на бутылку,

---

[16] Примечания: 16
Выпей! И добро пожаловать на Оркнейские острова! *(старонорв.)*

потом выпил еще.

Прошло не менее получаса, прежде чем джип вернулся, но этого времени оказалось достаточно, чтобы пьянка пошла вовсю. Пиво текло рекой, граппу почти всю прикончили. Когда в хижину вошел Оттар, атмосфера резко изменилась. Торхалл быстро встал и прислонился спиной к стене, но Оттар, сияя широкой улыбкой, направился прямо к нему. Он хлопнул Торхалла по плечу, через мгновение вражда была забыта, напряжение исчезло, и празднование пошло своим чередом.

— Ну как дела? — спросил Барни у Йенса Лина, который выбрался из джипа с гораздо большей осторожностью, чем Оттар.

За несколько минут отсутствия у него выросла трехдневная борода и под налитыми кровью глазами появились огромные черные круги.

— Мы легко отыскали Торхалла, — начал он хриплым голосом, — нам оказали самый восторженный прием, и мы купили корабль без всяких трудностей. Но мы не могли уехать, не спрыснув сделку, пир продолжался день и ночь, так что прошло больше двух суток, прежде чем Оттар заснул на столе и нам удалось унести его в джип. Посмотрите только на него — снова пьет! И как только ему это удается? — Йенс содрогнулся.

— Простая жизнь и масса свежего воздуха, — объяснил Барни.

Крики и счастливые возгласы викингов становились все громче, и Оттар не выказывал признаков усталости, попав опять на пир.

— Похоже, что наш ведущий актер вместе со статистами не примется сегодня за работу, так что давайте соберемся и обсудим план съемок в Винланде и на борту этого корабля — как там его называют?

— Кнорр. Именительный — кнорр, родительный — кнорра, далее…

— Стоп! Я же не учу тебя, как снимать фильм. Итак, пойдем посмотрим этот кнорр — он выглядит достаточно устойчивым, чтобы на нем можно было поставить камеру, — и определим, в скольких сценах мы сможем его использовать. Потом нам нужно составить планы встречи в Винланде, причем нужно будет как-то следить и за кораблем. Масса работы. Мы уже перевалили вершину и движемся сейчас под гору — если ничего не случится.

Над головой раздался пронзительный крик чайки, Барни быстро протянул руку и постучал пальцами по мореному дереву кнорра.

Глава 12

— Я убью тебя как бешеную собаку, не смей плескать воду мне в лицо! — яростно заревел Оттар.

— Стоп! — сказал Барни, потом спустился на палубу и вручил Оттару полотенце. — Тебе нужно сказать: «Прочь от паруса — я убью первого, кто осмелится коснуться его! Поднять все паруса! Говорят вам, я чую землю. Не впадайте в отчаяние!» Вот что тебе нужно сказать. Здесь нет ни слова о воде, Оттар.

— Он нарочно плеснул водой мне в лицо! — сердито сказал Оттар.

— Конечно! Ведь ты находишься в открытом море, за много миль от берега, среди штормовых волн, которые то и дело обдают тебя брызгами. На море так всегда бывает. Но ты же не сердишься на океан и не проклинаешь его всякий раз, когда тебя окатывает волной?

— Так то в открытом море, а не на суше перед самым моим домом!

Не было смысла снова пускаться в объяснения о том, что они снимают картину, и что картина должна казаться настоящей, и что актеры

должны считать, будто все это происходит в действительности. Барни пускался в объяснения уже не меньше сорока раз. Картины не имели никакой цены в глазах этого образчика скандинавской мужественности. А что имело для него цену? Еда, питье, простые удовольствия. И гордость.

— Меня удивляет, что такая чепуха, как брызги воды, беспокоят тебя, Оттар, — сказал Барни, затем повернулся к подручному. — Ну-ка, Эдди, набери ведро воды и плесни мне прямо в морду.

— Как прикажете, мистер Хендриксон.

Эдди размахнулся и выплеснул ведро холодной воды в поток воздуха от мощного вентилятора. Холодные брызги окатили Барни с головы до ног.

— Великолепно! — сказал он, изо всех сил пытаясь удержать дрожь. — Здорово освежает. Водяные брызги в лицо ничуть не беспокоят меня.

Лицо Барни исказилось в чудовищной гримасе, потому что сентябрьские вечера на Оркнейских островах и так были холодными, а теперь поток воздуха от вентилятора словно ножом прорезал мокрую одежду.

— Швырни воду на меня! — распорядился Оттар. — Я покажу, что не боюсь воды.

— Одну минуту — и помни о том, что ты ска-

зал.

Барни вышел из поля зрения камеры, и в этот момент его окликнули.

— Лента на заднем проекторе почти кончилась, мистер Хендриксон.

— Тогда перемотай ее, и побыстрее, а не то придется здесь заночевать.

Штормовое море исчезло с экрана за спиной Оттара, и группа перевела дух. Рабочие, стоявшие на платформе рядом с кнорром, включили электрическую помпу, чтобы наполнить бочку морской водой. Оттар стоял на палубе один, держась за рулевое весло вытащенного на берег корабля, и сердито смотрел вокруг. Ослепительный свет прожекторов освещал кнорр и кусок берега позади, все остальное было окутано тьмой.

— Дай-ка мне сигарету, — попросил Барни свою секретаршу. — Мои подмокли.

— Готово, можно начинать, мистер Хендриксон.

— Отлично. Занять позиции. Камера!

Двое рабочих изо всех сил навалились на длинные рычаги, раскачивавшие кусок деревянной палубы, на которой стоял Оттар.

— Поехали!

Сомкнув челюсти, Оттар взглянул в лицо штор-

му, удерживая рулевое весло, которое рабочий, скрытый за кораблем, старался вырвать из рук викинга.

— Прочь от паруса! — заревел Оттар. — Клянусь Тором, я убью любого, кто коснется паруса. — Брызги плеснули ему в лицо, но Оттар засмеялся холодным смехом. — Я не обращаю внимания на воду — я люблю воду! Поднять все паруса — я чую землю! Не теряйте надежды!

— Стоп! — приказал Барни.

— Он великий путаник, — сказал Чарли Чанг. — В моем сценарии написано не совсем так.

— Пусть остается все как есть, Чарли. Всякий раз, когда он держится так близко к тексту, как сейчас, будем считать это попаданием в яблочко. — Барни повысил голос: — О'кей, на сегодня все! Подъем в семь тридцать утра, мы должны успеть захватить рассвет. Йенс, Эмори, перед тем как уходить, подойдите ко мне.

Они стояли на шкафуте рядом с мачтой, и Барни топнул каблуком по палубе.

— Вы уверены, что эта посудина действительно доберется до Северной Америки?

— Без сомнения, — сказал Йенс Лин. — Эти норвежские кнорры были быстроходнее и обладали лучшей мореходностью, чем каравеллы Колумба

или испанские и английские корабли, которые достигли Нового Света пятьсот лет спустя. История этих кораблей достоверно изложена.

— Вспомните, что недавно у нас появились основания сомневаться в достоверности некоторых из этих фактов.

— Но есть и другие доказательства. В тысяча девятьсот тридцать втором году сделали точную копию одного из таких кнорров, всего шестидесяти футов в длину, и этот корабль, повторив путь Колумба, пересек Атлантику чуть не в полтора раза быстрее его. Не все знают, насколько совершенными были эти корабли. К примеру, считают, что кнорры с их широкими, почти квадратными парусами могли идти только по ветру. Но они могли — то есть могут идти — и против ветра, если он до пяти румбов.

— Я верю вам на слово. А откуда эта вонь?

— Груз, — лаконично ответил Йенс, указывая на тюки, надежно привязанные к палубе кожаными веревками. — В этих кораблях нет трюмов, поэтому весь груз находится на палубе.

— Что же это за груз — лимбургский сыр?

— Нет, в основном продукты, пища для скота, эль и тому подобное. А вонь исходит от кожаных покрышек, которые делают водонепроницае-

мыми, пропитав их тюленьим жиром, смолой и маслом.

— Очень остроумно. — Барни указал на темное отверстие позади мачты. — А что случилось с ручной помпой, которую мы договорились установить на корабле? Он должен добраться до Винланда, иначе мы не снимем картины. Я хочу, чтобы были приняты все меры предосторожности. Эмори сказал, что помпа будет полезным новшеством. Где же она?

— Оттар отказался от помпы, — объяснил Йенс. — Он отнесся к ней с большим сомнением — боится, что помпа сломается и они не смогут ее починить. У них своя система: один человек стоит в трюме и ведром вычерпывает воду со дна корабля, а второй выливает ее за борт с помощью вот этого деревянного коромысла. Может быть, такая система кажется примитивной, зато действует безотказно.

— Конечно, пока у них хватает ведер и людей, а я уверен, что в этом недостатка не будет. О'кей, я покупаю все. Еще не хватало, чтобы я учил Оттара его профессии. Просто я хочу быть уверенным, что он благополучно доберется до Винланда. А как насчет этого навигационного приспособления, Эмори?

— Все в порядке, я установил его внутри корпуса, так что они не смогут добраться до него, и вывел на палубу очень простой репитер — по нему рулевой будет вести корабль.

— Он будет работать?

— Не вижу, почему нет. Викинги очень неплохие мореплаватели. Правда, обычно их морские переходы очень коротки, так что они прокладывают курс от одной точки на берегу к другой. Но они знакомы с океанскими течениями, разбираются в привычках морских птиц и полагаются на то, что птицы приведут их к земле. Кроме того, они довольно точно умеют определять широту по высоте Полярной звезды над горизонтом. Поэтому помощь, которую мы им хотим оказать, должна вписываться в применяемую ими систему и дополнять ее; с другой стороны, если наше приспособление выйдет из строя, это не должно привести к трагедии. Конечно, проще всего было бы установить обыкновенный магнитный компас, но он будет казаться им слишком необычным, да к тому же магнитный компас весьма ненадежен в этих высоких широтах, где масса магнитных аномалий и так велико расхождение между географическим полюсом и магнитным.

— Вот почему ты этого не сделал. А что же ты

сделал?

— Поместил внутрь корпуса гирокомпас с запасом питания в виде новых никадовых батарей. Мы включим гирокомпас в момент отплытия, и батарей хватит по крайней мере на месяц. Гирокомпас — последней модели, микросхема, непрецизионный, в армии их применяют на ракетах. А вот здесь, прямо перед рулевым, находится репитер компаса.

Барни посмотрел сквозь толстое стекло циферблата и отчетливо увидел белую стрелку на черном фоне. В сущности, это был даже не циферблат — на черном круге была нанесена всего одна большая белая точка.

— Я надеюсь, что Оттар оценит эту штуковину быстрее, чем я, — сказал он.

— Он ее и так оценил, — ответил Эмори. — Правда, он полон энтузиазма. Может быть, если я нарисую карту, вы лучше поймете мои объяснения.

Эмори взял ручку и блокнот и быстро сделал простой набросок.

— Пунктирная линия — это шестьдесят градусов северной широты, причем обратите внимание на то, что она параллельна курсу, по которому должен плыть Оттар, чтобы достичь мыса Фарвель

на южной оконечности Гренландии. Следуя на запад, он легко может проверять свою широту по высоте Полярной звезды. Мы устанавливаем гирокомпас так, что он все время показывает на мыс Фарвель. Когда стрелка указателя касается белой точки — точка и стрелка покрыты люминесцентным составом и светятся ночью, — корабль плывет в требуемом направлении. По этому гирокомпасу Оттар приплывет прямо к южной оконечности Гренландии.

— Там они предполагают провести зиму у родственников Оттара. Пока все хорошо, но что случится весной, когда они отправятся дальше? Этот курс в шестьдесят градусов приведет их прямо в Гудзонов залив.

— Нам придется переставить гирокомпас, — сказал Эмори. — Оттар будет ждать нас, мы приедем и поставим ему новые батареи, затем направим гирокомпас вот сюда, в пролив Беллс-Айл. К этому времени он уже будет верить инструменту и последует по указанному им курсу, хотя на этот раз курс не будет параллелен широте. Тем не менее Восточное Гренландское течение направлено в ту же сторону, а он с ним знаком. Он сумеет без труда достигнуть берега или Лабрадора, или Ньюфаундленда.

— Ну хорошо, Оттар сумеет отыскать Винланд, — сказал Барни. — А как мы его отыщем?

— Рядом с батареями вмонтирован радиоответчик. Получив сигнал нашего радио, он автоматически пошлет ответ. Тогда нам будет нетрудно отыскать корабль с помощью простого радиопеленгатора.

— Звучит довольно убедительно. Будем надеяться, что это соответствует действительности. — Барни окинул взглядом низкую палубу и тонкую мачту. — Я бы не осмелился переправиться на этой штуке даже через залив, но ведь я не викинг. Итак, завтра отплытие. Мы закончили все съемки на острове. Завтра утром спускайте корабль на воду, погоняем его несколько раз в гавань и из гавани, сделаем съемки с берега и с борта корабля. А потом выпустим нашего голубя, пусть летит. Смотри, Эмори, вдруг твои приспособления не сработают? Тогда нам придется остаться в Винланде и вести домашнее хозяйство вместе с индейцами. Если я не доставлю обратно готовую картину, нам просто нет смысла возвращаться.

Джино поднял голову из-за камеры и сказал:

— Пусть начинают, я готов.

Барни повернулся к Оттару, который стоял, небрежно опершись на рулевое весло.

— Ну-ка, дай команду.

Усталые матросы что-то мрачно пробормотали себе под нос и снова навалились на деревянные рукоятки шпиля. Они поднимали и опускали парус и плавали взад и вперед по заливу с самого рассвета, пока Джино снимал корабль в разных ракурсах. По мере того как вращался барабан шпиля, смазанная жиром веревка из моржовой шкуры с шипением поползла через дыру к вершине мачты, поднимая тяжеленный холщовый парус, который еще более утяжеляли полосы из тюленьей кожи, нашитые на него для придания формы. Джино направил объектив на парус, снимая его подъем.

— Уже поздно, — сказал Оттар. — Если мы отплываем сегодня, нужно делать это поскорее.

— Мы уже почти закончили, — успокоил его Барни. — Я только хочу снять корабль, когда он выходит из залива, и на этом закончим.

— Ты же снимал эту сцену сегодня утром, ты сам сказал, что корабль отплывает в рассвет.

— Это было с берега. А теперь я хочу, чтобы ты и Слайти встали рядом у рулевого весла в момент отплытия от родного берега в неизвестное…

— На моем корабле женщина не может стоять у рулевого весла.

— Она не будет управлять кораблем, просто встанет рядом — может быть, возьмет тебя за руку. Я не прошу у тебя слишком многого.

Когда парус достиг вершины мачты, Оттар стал отдавать распоряжения. Трос, на котором поднимался парус, был снят с барабана шпиля и закреплен намертво, а на его место помещена веревка от якоря. Усилиями матросов, которые Джино запечатлел на пленке, якорь начал подниматься со дна залива. Якорь — килик — представлял собой огромный камень, обшитый деревянными брусьями и обросший водорослями. Корабль начал набирать скорость, ветер наполнил парус, и Барни вернулся к съемкам.

— Слайти! — позвал он. — На сцену, и побыстрее.

Было совсем не просто перейти с носа на корму кнорра, когда корабль был полностью загружен. Поскольку кнорр был без трюмов и всего лишь с двумя крошечными каютами, на палубе находился не только весь груз, но там же сидели и лежали более сорока человек, шесть низкорослых коров и связанный бык, стадо овец и два козла, стоявшие на верху тюков. Крики, меканье и мычание наполняли воздух. Тем не менее Слайти сумела преодолеть все препятствия, и Барни помог

ей вскарабкаться на крошечное возвышение у рулевого весла. На Слайти было белое платье с глубоким декольте, и выглядела она очень привлекательно с распущенными белокурыми волосами и щеками, розовыми от ветра.

— Встань рядом с Оттаром, — сказал ей Барни, затем быстро удалился из поля зрения съемочной камеры. — Начали!

— Их затылки — великолепный кадр, — прокомментировал Джино.

— Оттар! — крикнул Барни. — Ради Тора, повернись к нам. Ты смотришь не в ту сторону!

— Нет, я смотрю как раз в нужную сторону, — упрямо ответил Оттар, сжимая в руках длинное рулевое весло и сурово глядя назад на исчезающую землю. — Когда покидаешь сушу, нужно всегда смотреть на нее, чтобы взять верное направление. Так всегда делается.

После продолжительных уговоров, лести и подкупа Барни удалось уговорить Оттара встать так, чтобы он мог править, глядя через плечо. Слайти стояла рядом с ним, положив руку на борт рядом с рукой викинга, и Джино удалось отснять вид удаляющегося берега.

— Стоп! — скомандовал наконец Барни, и Оттар с облегчением занял правильное положение.

— Я спущу вас на берег у мыса, — сказал Оттар.

— Отлично, — ответил Барни. — А я свяжусь по радио с лагерем и вызову грузовик.

Самым трудным при высадке была выгрузка камеры, и Барни оставался на борту до тех пор, пока камеру не переправили на берег в целости и сохранности.

— Ну, Оттар, увидимся в Винланде, — сказал он, протягивая руку. — Доброго тебе пути.

— Конечно, — ответил викинг, сжимая своей ручищей руку американца. — Отыщи для меня место получше. Вода, трава для скота, много деревьев.

— Постараюсь, — сказал Барни, тряся рукой: он пытался восстановить кровообращение в своих побелевших пальцах.

Викинги не теряли времени. Как только Барни спустился на берег, Оттар приказал закрепить бейтас — парус. Длинное бревно одним концом вошло в специальное отверстие в палубе, а другой его конец уперся в верхний край паруса, развернув его к ветру. Корабль в последний раз отошел от берега и направился в открытое море. Крики людей и рев животных скоро утихли вдали.

— Только бы они добрались до Винланда, — сказал Барни вполголоса, — только бы они добра-

лись. — Он резко повернулся и вскарабкался на грузовик. — Быстро доставь меня к профессору, жми на третьей скорости, — сказал он шоферу.

Он мог избавиться от своих страхов, немедленно выяснив, сумел ли корабль благополучно достичь Исландии. Машина времени не могла решить его трудностей, но она могла сократить период бесплодного и томительного ожидания.

Когда они подъехали к лагерю, там царила суматоха. Палатки свертывали и укладывали на грузовики вместе с остальным имуществом: съемочная группа готовилась к переезду на новое место. Однако Барни ничего этого не замечал; его пальцы нетерпеливо барабанили по боковому стеклу. Если корабль в пути постигнет неудача, все это будет ни к чему. Не успел еще грузовик затормозить у машины времени, как Барни уже выпрыгнул из кабины. Джип погрузили на платформу, и сидевшие в нем Текс и Йенс Лин следили за тем, как профессор заряжает аккумуляторы времеатрона.

— А где Даллас? — спросил Барни.

— Куда-то ушел.

— Мы можем отправиться и без него, — сказал Текс. — Необязательно ехать нам вдвоем. Ведь нам нужно только доставить Оттару запас виски

на зиму, после того как мы узнаем, что он прибыл благополучно.

— Делай, что тебе говорят. Я хочу, чтобы на всякий случай туда отправились два человека. Мы не можем сейчас позволить себе срывов. Вот он идет — отправляйтесь.

Барни сделал шаг назад, и профессор включил темпоральное поле. Как всегда, с точки зрения наблюдателя путешествие заняло лишь долю секунды. Платформа исчезла и вновь появилась в нескольких футах от Барни.

Впрочем, перемены были налицо. Профессор Хьюитт сидел в контрольной кабине, плотно закрыв дверь, а те, кто был в джипе, подняли брезентовый полог. Он был покрыт толстым слоем снега. Порыв снежного бурана вырвался из поля времеатрона, и снег покрыл траву вокруг платформы.

— Ну? — нетерпеливо спросил Барни. — Что случилось? Вылезайте из укрытия и докладывайте.

Даллас спустился с платформы и подошел к Барни по покрытой снегом траве.

— Эта мне Исландия! — проворчал он. — Ну и климат!

— Метеорология потом. Ну, как Оттар с кораб-

лем?

— Все в порядке. Корабль вытащили зимовать на берег, и, когда мы отправлялись, Оттар и его дядя хлестали виски, которое мы им доставили. Мы поволновались — думали, что так и не найдем его, профессору пришлось четыре раза менять координаты. Оказалось, что он сделал остановку на Фарерских островах. Между нами говоря, я не думаю, что Оттар добрался бы до Исландии, если бы его не подгоняла любовь к спиртному. Ведь когда привыкаешь к очищенному спирту, домашний самогон перестает нравиться.

Барни с облегчением вздохнул; впервые за долгое время он почувствовал, что напряжение покидает его. Он даже выжал из себя слабую улыбку.

— Отлично. Теперь начнем перебрасывать группу, пока у нас здесь еще не стемнело.

Он вскарабкался на платформу, осторожно ступая по колее, проложенной джипом, чтобы не набрать снега в ботинки, и открыл дверь кабины.

— У ваших аккумуляторов хватит энергии для следующего прыжка?

— Когда мотор генератора работает, зарядка аккумулятора идет непрерывно. Это большое

усовершенствование.

— Тогда перебросьте нас вперед во времени, в весну тысяча пятого года, и выберите на Ньюфаундленде местечко получше, в тех краях, которые вы осматривали с Лином, когда искали поселения викингов.

— Я как раз знаю такое прелестное местечко, — сказал профессор, перелистывая записную книжку. — Идеальное положение.

Он установил координаты и включил времеатрон.

Снова возникло уже знакомое ощущение временно́го прыжка, и платформа опустилась на скалистый берег. Волны бились о скалы, казалось, над самой их головой, и брызги с шипением падали на снег. Над ними возвышалась мрачная громада утеса.

— Это что, прелестное местечко? — заорал Барни, пытаясь перекричать грохот прибоя.

— Ошибочные координаты! — крикнул в ответ профессор. — Маленькая ошибка. Это не то место.

— Вы еще будете мне заливать! Давайте двигать отсюда, пока нас не смыло в море.

После второго прыжка машина времени мягко опустилась на зеленую лужайку на берегу

небольшого залива. Чуть дальше полукругом выстроились высокие деревья, и через лужайку к морю бежал, извиваясь, журчащий ручей.

— Вот это другое дело, — заметил Барни, глядя, как члены его экипажа выбираются из джипа. — Где мы, Йенс?

Йенс Лин огляделся вокруг, вдохнул воздух полной грудью и улыбнулся.

— Я хорошо помню это место, оно было одним из первых. Прямо перед нами Эпавесский залив, выходящий в залив Сейкрид-Бей на северной оконечности Ньюфаундленда. А вот там пролив Белл-Айл. Мы разузнали все об этом месте потому, что…

— Отлично. Кажется, это то, что нужно. А ведь компас на корабле Оттара нацелен на этот пролив?

— Совершенно верно.

— Тогда здесь и остановимся. — Барни наклонился, зачерпнул с платформы пригоршню мокрого снега и начал делать снежок. — Это место возле устья ручья мы оставим для Оттара. А свой лагерь разобьем вон там, в верхнем правом углу лужайки. Здесь довольно ровно, постараемся, чтобы двадцатое столетие не попадало в поле съемочной камеры. Ну, за работу! Но сна-

чала счистите снег. Я не хочу, чтобы кто-нибудь сломал ногу.

Даллас наклонился, чтобы завязать шнурок, и удержаться от искушения при виде такой цели было просто невозможно. Размахнувшись, Барни швырнул тугой комок прямо в центр тесных джинсов.

— Вперед, викинги! — сказал он со счастливой улыбкой. — Пошли заселять Винланд.

Часть третья
Глава 13

Серый безмолвный мир нагонял уныние и тоску. Туман заглушил все звуки, слизнул все краски; океан перед путешественниками раскинулся, но не был виден до тех пор, пока набежавшая волна не разбилась пеной на песчаном пляже у самых их ног. Грузовик, стоявший в десяти футах, казался темным пятном в серой мгле.

— Попробуй еще разок, — сказал Барни, напрягая зрение и тщетно пытаясь проникнуть сквозь сырую завесу мглы.

Даллас, по случаю непогоды одетый в огромное черное пончо и широкополую стетсоновскую шляпу, поднял углекислотный баллон с сиреной и открыл клапан. Траурный рев сирены помчался над водой, отдаваясь в их ушах даже после того, как клапан был закрыт.

— Ты слышал? — внезапно спросил Барни.

Даллас наклонил голову и прислушался.

— Ничего, кроме шума волн.

— Я готов поклясться, что слышал плеск весел. Давай попробуем еще раз, по минуте. Слушай

внимательно.

Сирена заревела снова. Барни поплелся к армейскому грузовику с брезентовым верхом и заглянул в кузов.

— Никаких изменений? — спросил он.

Эмори Блестэд, не отрываясь от радиопеленгатора, отрицательно покачал головой с надетыми на нее наушниками. Он медленно поворачивал рукоятку, вращающую антенну радиопеленгатора. Антенна повернулась в одну сторону, потом в другую. Эмори поднял глаза и постучал пальцем по указателю у основания антенны.

— Насколько я могу судить, корабль не двигается, — сообщил он. — Пеленг не изменился. Наверно, они ждут, когда разойдется туман.

— На каком расстоянии от берега?

— Барни, имей совесть. Я тебе сто раз говорил, что с помощью этого прибора я могу определить направление, но не расстояние. Сила сигнала ответчика также ничего мне не говорит — может быть, одна миля, а может, пятьдесят. Я могу сказать только одно: с того момента, когда мы впервые услышали сигнал три дня назад, уровень поднялся, так что они приблизились.

— Ну ладно, ты убедил меня. Значит, этого ты не можешь мне сказать. А что же ты можешь

сказать?

— То же, что и раньше. Корабль отплыл из Гренландии восемнадцать дней назад. Я переставил гирокомпас и направил его на пролив Белл-Айл, заменил батареи, включил ответчик и проверил, как работают все приборы. Мы сами видели, как они отплыли.

— Вы с Лином говорили мне, что плавание займет всего четыре дня, — сказал Барни, нервно кусая ноготь.

— Мы сказали, что плавание может занять всего четыре дня, но, если погода ухудшится — изменится ветер или что-нибудь еще, — путешествие займет гораздо больше времени. Так оно и случилось. Но ведь мы услышали сигнал ответчика — значит, они благополучно пересекли океан.

— Это было два дня назад, а что ты сделал для меня после этого?

— Послушай, Барни, скажу тебе как старый друг: это путешествие во времени не сделало тебя спокойнее. Мы же собирались только отснять фильм, верно? Мы выполнили свой долг и даже перевыполнили — и никто не проронил ни слова жалобы. Давай полегче — и сам не мучайся, и людей не мучай.

— Да-да, ты прав, — ответил Барни. Больше чем

когда-либо он был близок к тому, чтобы принести извинения. — Но ведь два дня — ты и сам скоро поймешь, как это много.

— Ты совершенно напрасно беспокоишься: сплошной туман, незнакомый берег, полный штиль — они просто не хотят рисковать. Им нет никакого смысла грести к берегу: они не знают, где он и что их там ожидает. Сейчас, судя по радиопеленгатору, мы находимся в самой ближней к ним точке суши и, как только туман поднимется, сможем указать им направление…

— Эй! — раздался с берега крик Далласа. — Я что-то слышу вон там, вдалеке.

Барни сполз по песчаному откосу к кромке воды. Даллас стоял, приложив ладонь к уху, и внимательно прислушивался.

— Тише! — прошептал он. — Прислушайся. Вон там в тумане. Клянусь, я слышал плеск воды, как будто от весел, и голоса.

Волна разбилась у их ног и медленно покатилась обратно. На мгновение наступила полная тишина, и стал отчетливо слышен плеск весел.

— Ты прав! — крикнул Барни, затем закричал еще громче: — Эй, вы, там! Сюда!

Даллас тоже закричал, забыв о сирене, когда в туманной мгле показалось темное пятно.

— Это лодка, — сказал Даллас, — ее обычно держат на палубе.

Они кричали, махали руками. Внезапно порыв ветра разорвал туман, и стали видны лодка и те, кто в ней сидел.

Лодка была сделана из темных звериных шкур, трое сидящих в ней туземцев с длинными черными волосами были одеты в меховые парки с откинутыми капюшонами.

— Это не викинги, — сказал Даллас, размахивая правой рукой. — Кто это может…

Люди в лодке, заметив его движение, опустили круглые весла в воду, тормозя лодку, а тот, что был на носу, взмахнул рукой, и что-то просвистело в воздухе, направленное на Далласа.

— Они прикончили меня! — с этим криком Даллас упал на песок со стрелой, торчащей из груди.

Рядом с ним упала сирена, клапан открылся, и над водой раздался мрачный рев. Заслышав его, люди в лодке начали отчаянно грести в обратном направлении и через несколько секунд исчезли в тумане.

С того момента, как лодка появилась, и до того, как она исчезла, прошли буквально считаные секунды. Барни стоял, потрясенный происшедшим, оглушенный ревом, ничего не понимая. Сирена

мешала ему сосредоточиться, и Барни пришлось наклониться и выключить ее, прежде чем он повернулся к Далласу, который лежал на песке и казался сраженным замертво.

— Выдерни эту штуку из меня, — внезапно сказал Даллас тихим голосом.

— Я повредю что-нибудь… это тебя убьет… я не могу.

— Это не так страшно, как кажется. Однако постарайся выдернуть ее, а не запихнуть глубже.

Дрожащими руками Барни схватился за дротик, потянул, и дротик легко подался, но потом запутался в одежде Далласа, так что Барни пришлось упереться и дернуть изо всех сил. Дротик остался у него в руках, вырвав огромный лоскут прорезиненной материи из пончо Далласа. Даллас тут же сел, поднял пончо и расстегнул куртку и рубаху.

— Ты только посмотри, — сказал он, показывая на красную царапину вдоль ребер. — Еще два дюйма вправо — и мне бы устроили вентиляцию. Когда я шевелился, этот крючок на наконечнике впивался мне в тело и все казалось гораздо хуже, чем на самом деле.

Он осторожно потрогал пальцем острый зубец, отходящий в сторону от костяного наконечника.

— Что случилось? — крикнул Эмори, сбегая по песчаному склону. — Что это? Где лодка?

Даллас встал и заправил рубаху в брюки.

— Мы установили контакт с местным населением, — объяснил он. — Похоже, что индейцы, или эскимосы, или кто-то еще прибыл сюда до викингов.

— Ты ранен?

— Не смертельно. На этой стреле не было моего имени. — Он усмехнулся и внимательно осмотрел стрелу. — Хорошая резьба по кости и отличная балансировка.

— Все это мне не нравится, — сказал Барни, доставая из кармана подмокшую сигарету. — Разве у меня мало неприятностей и без этих индейцев? Остается только надеяться, что они еще не добрались до корабля викингов.

— А я надеюсь, что это произошло, — с наслаждением сказал Даллас. — Не думаю, чтобы они причинили Оттару много беспокойства.

— Я хотел вам сказать, — вставил Эмори, — что с холма, где стоит грузовик, видно, как поднимается туман и в просветах светит солнце.

— Давно пора, — сказал Барни, глубоко затягиваясь сигаретой, так что мокрый табак начал вспыхивать и трещать.

Как только солнце появилось на небе, оно быстро рассеяло туман. К тому же с запада подул ветер. Через полчаса туман совершенно исчез, и в миле от берега они увидели кнорр Оттара.

Барни едва сдержал улыбку.

— Посигналь-ка им этой штукой, — сказал он Далласу. — Они посмотрят в нашу сторону и быстро увидят грузовик.

Даллас открывал и закрывал клапан сирены до тех пор, пока она, пискнув, не замолчала совсем. Однако желаемый эффект был достигнут. Они отчетливо видели, как большой парус стал уменьшаться, затем, после поворота, снова увеличился и у носа корабля появилась белая полоска пены. Никаких следов лодки из шкур не было видно. Казалось, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

В нескольких сотнях метров от берега кнорр повернулся и лег в дрейф, парус захлопал на ветру. Люди на борту кнорра размахивали руками и кричали что-то непонятное.

— Давай сюда! — крикнул Барни. — Давай к берегу! Почему они не пристают прямо к берегу?

— Надо думать, у них есть причины, — сказал Эмори. — Опасные подходы или что-нибудь еще.

— Как же тогда, они считают, я смогу добраться

до корабля?

— Может быть, вплавь? — предложил Даллас.

— Шутник. Послушай, а может, послать тебя к ним в надувной лодке?

— Смотрите, — заметил Эмори, — у них на палубе еще одна лодка.

На палубе виднелась лодка, двадцатифутовая копия кнорра, однако викинги спускали на воду другую лодку.

— Это что-то знакомое, — пробормотал Даллас.

Прищурившись, Барни посмотрел на лодку.

— Ты совершенно прав. Она как две капли воды похожа на лодку, в которой приплывали краснокожие.

В прыгающую на волнах лодку спустились двое и начали грести к берегу. Оттар сидел на носу, приветственно размахивая веслом. Через несколько мгновений лодка уткнулась носом в песок.

— Добро пожаловать в Винланд, — сказал Барни. — Ну, как поплавали?

— Берег здесь никуда не годится, нет травы для животных, нет деревьев, — сказал Оттар. — Ты нашел хорошее место?

— Великолепное, дальше по берегу в нескольких милях, именно то, что ты просил. Ну как,

были происшествия во время плавания?

— Ветер все время дул в другую сторону, плыли очень медленно. Полно плавающего льда и тюленей, и мы видели двух варваров. Они охотились за тюленями и попытались улизнуть, но мы стали их преследовать и, когда они бросили в нас дротики, убили их. Съели их тюленей. Взяли их лодку.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Мы только что встретили их родственников.

— Где это хорошее место, о котором ты говорил?

— Поплывешь вдоль берега, потом повернешь за мыс и пройдешь мимо островов. Его нельзя не заметить. Да вот возьми с собой Эмори, он покажет тебе дорогу.

— Нет-нет, только не меня. — Эмори словно оттолкнулся от чего-то и попятился. — Как только посмотрю на лодку, меня уже тошнит. Стоит мне три минуты побыть в море, как мой желудок выворачивается наизнанку и я прямо труп да и только.

Даллас по солдатской привычке не любил вступать в неприятные разговоры.

Когда Барни повернулся к нему, он был уже на полпути к вершине холма.

— Я шофер, — объяснил Даллас, — я подожду вас в кабине.

— Вот вам служащие, преданные и верные, — холодно заметил Барни. — Я все понял, ребята, можете не повторять. О'кей, Эмори, скажи шоферу, пусть отправляется в лагерь. Мы постараемся добраться до корабля как можно быстрее, спустим людей Оттара на берег и, может быть, в недалеком будущем снова приступим к съемкам. Разбуди Джино, скажи, пусть он заберется на холм, на ту точку, которую мы с ним выбрали, и начинает съемки корабля, как только он появится в проливе. И позаботься о том, чтобы на месте высадки уничтожили отпечатки автомобильных шин.

— Все будет сделано, Барни. Я бы с удовольствием отправился вместо тебя, но я и море…

— Да-да, конечно. Отправляйтесь.

Влезая в лодку, Барни промочил ноги. Вода была настолько холодной, что ему стало казаться, будто у него ампутированы ноги ниже колен. Лодка — тюленьи шкуры, натянутые на деревянную раму, — качалась, угрожая перевернуться от малейшего движения, и прыгала по воде подобно огромному водяному жуку. Барни пришлось сесть на дно и схватиться руками за борта, чтобы

удержать равновесие. Когда им наконец удалось достигнуть кнорра, он никак не мог вылезти из качающейся лодки и перебраться через высокий борт корабля, пока чьи-то сильные руки не подхватили его под мышки и не втащили на палубу, как мешок с зерном.

— Hanany! Soustu handartokin![17] — рявкнул Оттар, и его люди с веселыми криками начали разворачивать корабль, готовя его к последнему этапу плавания.

Барни предусмотрительно удалился на корму, чтобы его в спешке не помяли. Моряки поворачивали длинное бревно, прикрепленное к нижнему концу паруса, и под пронзительные крики женщин отшвыривали тяжелыми сапогами попадавшихся под ноги коз, которые шумно выражали свой протест. Переполненная палуба напоминала оживленный деревенский двор с испуганными домашними животными и разбросанными здесь и там кулями корма. Посреди всей этой суматохи одна из женщин, склонившись над деревянным ведром, доила корову. Когда корабль изменил направление и ветер донес до Барни запах парного молока, сходство стало казаться

---

[17] Примечания: 17
А ну за работу! Уже немного осталось! *(старонорв.)*

еще более разительным.

Наконец суматоха постепенно улеглась, и скот вернулся к своей кормежке. Попутный ветер не только надувал огромный парус, но и уносил с кормы на нос разнообразные запахи, так что воздух на корме был чистым и свежим. Форштевень с шипением врезался в длинные пологие валы Атлантического океана, и вдоль бортов корабля проносилась волна. Легкий, как пробка, кнорр был надежным и практичным судном, море было для него родной стихией.

— Кажется, хорошее место, — заметил Оттар, легким прикосновением руки выравнивая рулевое весло кнорра и указывая другой рукой на берег, где уже были видны деревья и пятна лужаек.

— Вот подождите, когда обогнем мыс, — сказал ему Барни, — там еще лучше.

Корабль проходил мимо группы островов, расположенных в устье залива. Животные почуяли землю, запах свежей травы и подняли шум. Бык со спутанными ногами, привязанный к палубе, потянул за веревку и заревел, женщины закричали от радости, а мужчины запели. Плавание подходило к концу, местечко и впрямь оказалось прекрасным. Когда перед ними открылся Эпа-

весский залив с высокими деревьями на холмах, которые поднимались навстречу небу, и ярко-зеленой весенней травой на лугу около ручья, даже Барни почувствовал волнение. Потом он заметил темное пятно на вершине холма — Джино со съемочной камерой, — увидел джип на склоне и не высовывался до тех пор, пока не надел на голову рогатый шлем викингов, висевший недалеко от него. Только после этого он выпрямился и стал виден с берега.

Оттар вел свой корабль, не спуская паруса, прямо к устью ручья, и все, кто был на борту, кричали от возбуждения. Наконец форштевень кнорра царапнул песчаное дно, корабль поднялся на волне и проплыл еще немного, снова коснулся дна и замер на месте. Забыв о все еще поднятом нижнем парусе, команда и пассажиры попрыгали в волны прибоя и, смеясь от радости, побрели по воде к берегу и лугу по обе стороны ручья. Оттар вырвал огромный пучок высокой, по колено, травы, понюхал ее, потом пожевал. Некоторые катались по земле, испытывая животное удовольствие от ощущения твердой земли после многих дней, проведенных на качающейся палубе корабля.

— Великолепно! — крикнул Барни. — То есть

просто великолепно! Высадка в Винланде после долгих месяцев плавания, первые поселенцы в новом мире. Поразительные кадры, подлинные исторические кадры! — Он пробрался между обезумевшими животными на нос корабля и встал так, что оператор отчетливо видел его. Махнув рукой, он крикнул: — Достаточно, Джино! Спускайся сюда!

Голос его едва ли был слышен, однако жест был весьма выразителен. Джино вылез из-за камеры, махнул в ответ, затем принялся грузить камеру в джип. Еще через несколько минут джип, разбрасывая гальку, уже мчался по берегу. Барни спрыгнул с корабля в воду и побежал ему наперерез.

— Стой! — крикнул он Далласу, который вел машину. — Развернись и поезжай на другой берег, прямо против устья ручья. А ты, Джино, установи камеру на вершине и снимай вход корабля в залив, его приближение, людей, которые прыгают с палубы в воду и бегут прямо на камеру, обтекая ее слева и справа.

— Потрясающая сцена — как они спрыгивали с корабля, — сказал Джино. — Я буду готов через десять минут.

— Тебе потребуется больше, чтобы все это опять

запечатлеть. Обожди! — окликнул он Далласа, который включил мотор и начал разворачивать джип. — Мне нужна твоя бутылка.

— Какая еще бутылка? — На лице Далласа отразилось искреннее недоумение.

— Бутылка, которую ты всегда таскаешь с собой. Ну ладно, нечего притворяться. Я всего лишь беру ее взаймы. Вечером ты получишь новую.

Трюкач с видимой неохотой извлек из-под сиденья бутылку виски с черной наклейкой, на четверть пустую.

— Так-так, — холодно заметил Барни. — Уже запустил лапу в частные владения.

— Это чистая случайность — мое виски кончилось. Я заплачу.

— А я-то думал, что, кроме меня, ни у кого нет ключа к ящику. И чему только люди не научатся в армии!.. Ну, за дело! — С этими словами он засунул бутылку во внутренний карман куртки и пошел обратно к Оттару, который стоял на коленях на берегу ручья и пил воду из пригоршни.

— Ну-ка загони всех обратно на корабль, — сказал Барни. — Мы хотим опять снять высадку, на этот раз с близкого расстояния.

Оттар посмотрел на Барни и захлопал глазами, вытирая тыльной стороной руки воду, стекав-

шую с бороды.

— О чем ты говоришь, Барни? Все так счастливы, что они снова на берегу. Они не захотят вернуться.

— Захотят, если ты им прикажешь.

— Почему я должен приказывать? Это идиотская мысль.

— Ты прикажешь им, потому что ты снова на зарплате. А вот и аванс.

С этими словами он протянул бутылку Оттару, тот широко улыбнулся и поднес ее к губам. Пока викинг пил, Барни успешно справился со своей задачей.

Даже Оттару было нелегко вернуть людей на корабль. Наконец он потерял терпение, уложил одного из мужчин сильнейшим ударом в грудь и пинками повернул двух женщин в нужном направлении. После этого, несмотря на ворчание и жалобы, люди поднялись на палубу и разобрали весла. Дальше все было просто — усилия, которые потребовались, для того чтобы снять кнорр с мели, потушили остатки мятежа.

Как только камеру выгрузили на пригорок, Барни тут же послал джип обратно в лагерь. Еще до того, как корабль взял обратный курс и вновь поднял паруса, джип вернулся, нагруженный

ящиками пива, коробками сыра и консервированной ветчиной.

— Вывалите все это добро примерно в десяти ярдах позади камеры, причем сделайте кучу достаточно высокой, чтобы они могли видеть продукты издалека. Открой ветчину, пусть знают, что это такое. И дайте мне банку ветчины с бутылкой пива.

— Вон они идут! — крикнул Джино. — Великолепный кадр, совершенно потрясающий.

Полным ходом кнорр мчался по заливу, быстро приближаясь к камере, пока огромный парус не закрыл половину неба. В следующее мгновение нос кнорра врезался в устье ручья, подняв тучу брызг.

Барни, который не был уверен, что энтузиазма скандинавов хватит и на вторую высадку, решил не рисковать. Он поднял над головой ветчину с пивом и крикнул изо всех сил: «Ol! Svinajot, ol ok ostr!»[18]

Это оказало мгновенное действие. После трех недель плавания, в котором единственной пищей были сухари и вяленая рыба, мореплаватели взревели от восторга. На этот раз энтузиазм был

---

[18] Примечания: 18
Пиво! Ветчина, пиво и сыр! *(старонорв.)*

таким же, если не большим, чем во время первой высадки. Люди, сбивая друг друга с ног, мчались по пояс в воде к берегу и пробегали мимо камеры, чтобы дорваться до еды и питья.

— Стоп, — сказал Барни, — но пока не уходи. Как только они покончат с закуской, я хочу, чтобы они выгрузили домашний скот.

Подошел Оттар. В одной руке у него была наполовину опустошенная банка ветчины, в другой — бутылка.

— Подойдет это место для поселения? — спросил его Барни.

Оттар посмотрел вокруг и кивнул со счастливой улыбкой.

— Хорошая трава, хорошая вода. Полным-полно деревьев на берегу для топки. Полным-полно хорошей древесины вон там для рубки. Рыба, охота — хорошее место. Где Гудрид? Где все остальные?

— Выходной день, — сказал ему Барни, — все они на Санта-Каталине. Свободный день с сохранением жалованья, праздник, пикник, жарят мясо на кострах и так далее.

— Почему праздник?

— Потому что я щедрый и люблю, когда люди счастливы, а ведь до вашего прибытия мы не

могли ничего делать. К тому же это сберегает деньги. Я три недели ждал вас всего с несколькими людьми. А остальные будут отсутствовать только один день.

— Хочу видеть Гудрид.

— Ты хочешь сказать — Слайти. Я полагаю, что она тоже будет рада увидеться с тобой.

— Прошло так много времени.

— Ты любитель примитивных наслаждений, Оттар. По крайней мере, сначала покончи со своей ветчиной и не забывай, что это исторический момент. Ты только что впервые ступил на землю нового мира.

— Ты чокнутый, Барни. Это тот же самый мир, только место называется Винланд. Похоже, что здесь хорошие деревья.

— Мне не забыть этих исторических слов, — произнес Барни.

Глава 14

— Что-то я сегодня неважно себя чувствую, — пожаловалась Слайти, расстегивая огромную позолоченную пряжку на своем поясе. — Должно быть, это воздух, или климат, или что-то вроде этого.

— Конечно, что-то вроде этого, — сказал Барни с полным отсутствием сочувствия. — Воздух. Конечно, это не может быть следствием вчерашней пирушки с викингами на берегу, где вы жарили на кострах моллюсков и устриц и выпили шесть ящиков пива.

Слайти промолчала, однако ее обычно свежая розовая кожа внезапно приобрела зеленоватый оттенок. Барни вытряхнул еще две таблетки в пригоршню, уже почти полную, и протянул ей.

— Вот, проглоти эти пилюли, а я сейчас принесу тебе стакан воды.

— Так много? — еле слышно запротестовала Слайти. — Я не проглочу их.

— Постарайся, ведь нам предстоит целый день съемок. Эти пилюли — испытанное лекарство доктора Барни Хендриксона от похмелья и применяются на другое утро после праздника. Аспирин от головной боли, драмамин от тошноты, бикарбонат от изжоги, бензедрин от подавленного настроения и два стаканчика воды для ликвидации обезвоживания организма. Действует безотказно.

Пока Слайти давилась таблетками, в дверь постучала секретарша Барни, и он велел ей войти.

— Ты выглядишь сегодня очень свеженькой, —

заметил Барни.

— Я не переваривaю моллюсков, поэтому легла спать очень рано. У меня к вам несколько вопросов. — Она протянула ему бумажку с вопросами и начала водить пальцем по списку. — Так, артисты — о'кей, дублеры — о'кей, операторы — о'кей; да, в бутафорском отделе хотят знать, нужна ли кровь на складном кинжале?

— Конечно нужна! Мы снимаем настоящий исторический фильм, а не сказку для детского утренника. — Он встал и оправил куртку. — Пошли, Слайти.

— Я приду через минуту, — сказала она умирающим голосом.

— Десять минут — и ни секундой больше, ты снимаешься в первой сцене.

День был ясный, и солнце, уже поднявшись над горным хребтом за их спиной, освещало поселение, бросая длинные тени от земляных хижин и сараев, крытых древесной корой. Норвежские поселенцы уже начали свой рабочий день, и струйка синего дыма поднималась из дыры в крыше самой большой хижины.

— Надеюсь, что Оттар в лучшем состоянии, чем наша героиня, — сказал Барни, вглядываясь в водные просторы. — Посмотри, Бетти, вон там,

слева от острова, — это камни или лодка?

— Я оставила свои очки в трейлере.

— Похоже, что это моторная лодка. Смотри, она приближается. Пора бы им уже и возвращаться. Пойдем-ка на берег.

Бетти пришлось почти бежать, чтобы не отстать от Барни, который широким шагом спускался по склону холма вниз к берегу. Теперь лодка была отчетливо видна, и они слышали стук мотора, разносящийся над заливом. Большинство киношников уже собрались около кнорра, и Джино устанавливал камеру.

— Кажется, исследователи возвращаются домой, — обратился он к Барни, указав на приближающуюся лодку.

— Сам вижу и сам позабочусь о них, так что пусть все остальные готовятся к съемкам. После того как я с ними поговорю, мы сразу же начнем снимать эту сцену.

Барни ждал приближения лодки, стоя у самой воды. Текс сидел у подвесного мотора, а Йенс Лин — на носу. У обоих отросли черные бороды и вид был весьма потрепанный.

— Ну? — спросил Барни, не дождавшись, когда лодка достигнет берега. — Что нового?

Лин грустно покачал головой.

— Ничего, — сказал он, — абсолютно ничего вдоль всего берега. Мы ушли так далеко, как только позволили запасы бензина, и не встретили ни единой живой души.

— Но это совершенно невозможно! Я видел этих индейцев собственными глазами, а Оттар даже убил парочку. Они должны находиться где-то поблизости.

Йенс вылез на берег и потянулся.

— Мне хочется отыскать их ничуть не меньше, чем вам. Ведь это уникальные возможности для научных исследований. Конструкция их лодок и резьба на костяном наконечнике стрелы дают основание полагать, что эти индейцы принадлежат к почти неизвестной культуре Дорсетского мыса. Мы почти ничего не знаем об этом племени, всего лишь несколько отрывочных сведений получено при археологических раскопках и почерпнуто из скандинавских саг. И насколько нам известно, последние представители этой культуры исчезли в конце одиннадцатого столетия…

— Меня не столько интересуют уникальные возможности для ваших научных исследований, сколько уникальная возможность для меня закончить съемку этого фильма. Для картины нам нужны индейцы, где они?

— Нам удалось обнаружить несколько стоянок на берегу, однако все они покинуты. Дорсетское племя является кочевым, и индейцы большую часть времени странствуют, следуя за стадами тюленей и косяками трески. Я думаю, что в это время года они перекочевали дальше на север.

Напрягая все силы, Текс вытащил нос моторной лодки на берег, затем сел на борт.

— Конечно, не мне учить дока его делу, но все же…

— Мистика! — презрительно фыркнул Лин.

Текс откашлялся и сплюнул в воду. Было очевидно, что по этому вопросу они уже раньше не сошлись во мнениях.

— В чем дело? Выкладывайте! — приказал Барни.

Тот почесал черную щетину на подбородке и заговорил с неохотой:

— Понимаете, в общем-то док прав. Мы не видели никого и ничего, кроме следов старых лагерных стоянок и куч тюленьих костей. Однако я думаю, что индейцы были где-то рядом, неподалеку, и все время следили за нами. Грохот этой косилки слышен за пять миль. Если эти краснокожие — охотники на тюленей, как утверждает док, то они могут запросто спрятаться, услышав о

нашем приближении, и мы ничего не найдем. Я думаю, что они так и делают.

— А удалось вам обнаружить какие-нибудь доказательства этой теории? — спросил Барни.

Сделав несчастное лицо, Текс заерзал на месте, затем нахмурился.

— Только я не хочу, чтобы надо мной смеялись, — задиристо сказал он.

Барни сразу вспомнил о заслугах Текса в качестве инструктора по рукопашной схватке.

— Вот уж что мне никогда не придет в голову, Текс, так это смеяться над тобой, — сказал он совершенно чистосердечно.

— Ну… так вот. Когда я воевал в Азии, мы испытывали такое чувство, будто за нами все время следят. И в пятидесяти процентах случаев так и было. Бах — выстрел снайпера. Мне знакомо это чувство. Так вот, когда мы высаживались на берег, меня охватывало это чувство. Клянусь богом, они где-то совсем рядом.

Барни поразмыслил, хрустнул пальцами.

— Да, пожалуй, ты прав, но я не вижу, как это может нам помочь. Поговорим об этом за ленчем; может быть, придумаем что-нибудь дельное. Нам необходимы эти индейцы.

Съемки первой сцены шли через пень-коло-

ду, в чем, возможно, был виноват Барни. Он не мог заставить себя сосредоточиться. А ведь все должно было бы идти гладко, потому что в основном снимались действия. Орлуг, которого играл Валь де Карло, — лучший друг Тора и его правая рука, но он тайно влюблен в Гудрид, а та боится сказать об этом Тору, не желая причинять ему горе. Однако страсть Орлуга все растет, и, так как Гудрид сказала, что она не полюбит другого человека, пока жив Тор, он, ослепленный любовью к Гудрид, в приступе сумасшествия пытается убить Тора. Он прячется за кораблем и бросается на проходящего мимо Тора. Тот сначала не верит своим глазам, однако, когда Орлуг ранит его в руку, понимает, что происходит. Тогда, действуя лишь одной рукой, безоружный, Тор вступает в схватку с Орлугом и убивает его.

— Ну хорошо, — прохрипел наконец Барни, у которого начало истощаться терпение. — Мы опять сыграем эту сцену, и на этот раз мне бы очень хотелось, чтобы все прошло хорошо, вы помнили бы свои реплики и все остальное, потому что у нас подходит к концу кровь для кинжала и почти не осталось чистых рубашек. По местам, Орлуг, ты стоишь за кораблем, Тор идет с корабля вниз по берегу. Мотор!

Оттар затопал, проваливаясь в песок, и, когда из-за корабля выпрыгнул де Карло, даже сумел изобразить на лице удивление.

— Это ты, Орлуг? — начал он деревянным голосом. — Что ты здесь делаешь, что… Великий Один! Смотрите!

— Стоп! — крикнул Барни. — Этого нет в тексте, Оттар, неужели ты не можешь запомнить несколько слов… — Внезапно он осекся, уставившись туда, куда показывал Оттар.

Из-за острова одна за другой выскальзывали маленькие черные точки и беззвучно гребли по направлению к берегу.

— Мечи, топоры! — приказал Оттар и оглянулся вокруг в поисках оружия.

— Подожди, Оттар! — остановил его Барни. — Не надо оружия и не надо бойни. Постараемся установить с ними дружеские отношения — может быть, станем торговать с ними. Не забудь, что это мои потенциальные статисты, и я не хочу их спугнуть. Текс, держи свой револьвер наготове, но не на виду. Если они начнут драку, ты прекратишь ее…

— С удовольствием.

— …но не вздумай сам начать, понятно? Это приказ. Джино, ты снимаешь их?

— Полным ходом. Если ты распорядишься убрать со сцены представителей двадцатого века, то я сниму подход, высадку — словом, все.

— Вы слышали, что он сказал? Давайте-ка все в сторону, быстро! Лин, быстро надевай одежду викинга. Пойдешь с ними на берег и будешь переводить.

— Как же я буду переводить? Ведь я не знаю ни единого слова на их языке, да он и вообще неизвестен.

— Ничего, научишься. Ты переводчик — стало быть, переводи. Нам понадобится белый флаг или что-то еще, чтобы продемонстрировать наши мирные намерения.

— У нас есть белый щит, — сказал рабочий из бутафорского отдела.

— Сойдет, дайте его Оттару.

Приблизившись к берегу, лодки замедлили ход. Всего их было девять, и в каждой сидели по два или три человека. Вид у них был настороженный, они сжимали в руках копья и короткие луки, однако было непохоже, что они собираются напасть. Несколько норвежских женщин подошли к берегу посмотреть, что происходит, и, казалось, их присутствие ободрило людей в лодках, потому что они подплыли ближе. К группе присоединил-

ся Йенс Лин, поспешно зашнуровывая кожаную куртку.

— Поговори с ними, — сказал Барни, — однако стой все время позади Оттара, чтобы казалось, что это он ведет все переговоры.

Дорсетские индейцы подплыли еще ближе, покачиваясь на волнах. Послышались громкие крики.

— Мы тратим на это массу пленки, — заметил Джино.

— Продолжай снимать, всегда можно вырезать то, что не нужно. Передвинься по берегу, чтобы занять позицию поудобнее, когда они высадятся, если они вообще высадятся. Нам нужно как-то привлечь их на берег; может быть, предложить что-нибудь в обмен?

— Ружья и водка, — сказал де Карло. — Вот в основном предметы обмена с индейцами во всех вестернах.

— Никакого оружия в обмен! Эти парни, очевидно, неплохо справляются с тем, что у них есть. — Барни оглянулся, пытаясь подстегнуть свое воображение, и увидел угол походной кухни, выступающий из-за дома Оттара, самого большого из земляных строений. — Пожалуй, это мысль, — пробормотал он и направился к кухне.

Прислонившись плечом к ее стенке, Клайд Роулстон писал что-то на клочке бумаги.

— А я думал, что ты вместе с Чарли занимаешься дополнительными диалогами, — сказал Барни.

— Я обнаружил, что работа над сценарием мешает моим стихам, поэтому решил снова заняться стряпней.

— Истинный художник. Что у тебя есть вкусненького?

— Кофе, чай, пирожки, бутерброды с сыром — все как обычно.

— Вряд ли краснокожие клюнут на такой ассортимент. Что еще?

— Мороженое.

— Ага, вот это то, что надо. Вывали-ка его в один из горшков викингов, я сейчас пришлю за ним кого-нибудь. Я уверен, что эти ребята такие же сладкоежки, как и все люди.

Мороженое оказало желаемое действие. Слайти вынесла галлон ванильного мороженого на берег, где уже стояли в воде индейцы, все еще опасаясь выйти на сушу, и, съев несколько ложек сама, начала поварешкой класть мороженое им прямо в сложенные ковшиком ладони. Трудно сказать, гормоны ли Слайти или мороженое

сыграли тут свою роль, но уже через несколько минут индейцы вытащили кожаные лодки на берег и смешались со скандинавами. Барни остановился в том месте, где он не мешал съемкам, и внимательно всматривался в индейцев.

— Они больше похожи на эскимосов, чем на индейцев, — пробормотал он про себя. — Однако несколько перьев и боевая раскраска легко исправят все это.

Хотя у пришельцев были плоские лица и азиатские черты лица, типичные для эскимосов, это были крупные и крепкие люди, почти такие же высокие, как викинги. Под сшитыми из тюленьих шкур одеждами, расстегнутыми из-за жары, виднелась бронзовая кожа. Они говорили между собой быстро, высокими голосами и теперь, после высадки, казалось, забыли о своих недавних страхах и с огромным интересом разглядывали новые для них предметы. Самое большое впечатление на них произвел кнорр — такого они никогда не видели. Это было парусное судно, однако несравненно бóльших размеров.

Барни подозвал Йенса Лина.

— Ну как дела? Они согласны работать для нас?

— Ты что, спятил? Мне кажется... Учти, что я

в этом не уверен… мне кажется, я уже знаю два слова их языка. Унн-на означает, по-видимому, «да», а хенне — «нет».

— Продолжай в том же духе. Нам понадобятся все эти парни и много других для съемки боевых сцен нападения индейцев.

Теперь индейцы и викинги смешались. Вдоль всего берега первые демонстрировали вторым кипы тюленьих шкур, лежавших в лодках. Самые любопытные из пришельцев отправились посмотреть на дома, внимательно разглядывая все, что им попадалось, и взволнованно обмениваясь мнениями друг с другом. Один из индейцев, все еще сжимавший в руке дротик с каменным наконечником, заприметил Джино, подошел к нему и заглянул в объектив камеры, дав тем самым оператору великолепный крупный план. Но тут послышался рев, а за ним — пронзительные крики.

Болотистый луг, граничивший с лесом, пересекла корова, за ней бежал бык, который, несмотря на свои небольшие размеры, был злым и опасным животным, казавшимся еще более злым из-за того, что слегка косил. Обычно он бродил по лагерю свободно, и его не раз прогоняли от трейлеров съемочной группы. Он потряс головой

и снова заревел.

— Оттар, — закричал Барни, — быстро прогони эту скотину, а то он напугает индейцев!

Бык не просто напугал дорсетских индейцев, он вселил в них безотчетный ужас. Они никогда раньше не видели такого ревущего и храпящего страшилу и теперь оцепенели от страха. Оттар схватил длинную жердь, валявшуюся на берегу, и, крича, кинулся на быка. Бык посмотрел на бегущего викинга, ковырнул землю копытом и, выставив рога, перешел в атаку. Оттар сделал шаг в сторону, обозвал быка нехорошим скандинавским словом и с размаху прошелся жердью по его бокам.

Однако это не возымело ожидаемого действия. Вместо того чтобы развернуться и снова напасть на своего мучителя, бык заревел и бросился к дорсетским индейцам, явно сочтя их темные незнакомые фигуры причиной царящей в лагере суматохи. Индейцы закричали и обратились в бегство.

Паника оказалась заразительной, и кто-то крикнул, что варвары перешли в атаку. Викинги тут же схватились за оружие. Двое до смерти перепуганных индейцев оказались отрезанными от берега и кинулись к дому Оттара, пытаясь

выломать дверь, но она была заперта. Оттар бросился на защиту своего жилища, и, когда один из индейцев обернулся к нему с поднятым копьем, викинг нанес ему сокрушительный удар жердью по голове. Жердь переломилась пополам, проломив в то же время череп несчастного индейца.

За каких-то шестьдесят секунд все было кончено. Бык, причина всей паники, промчался через ручей и теперь мирно пасся на другом берегу. Лодки из шкур, подгоняемые бешеными рывками, мчались в открытое море. Здесь и там, на берегу, темнели тюки с тюленьими шкурами, забытые индейцами. Одному из норвежских слуг стрела вонзилась в руку, а двое дорсетских индейцев, включая и того, что пал жертвой Оттара, были мертвы.

— Мадонна миа! — Джино выпрямился, отошел от камеры и вытер рукавом потный лоб. — Ну и темперамент у этих молодцов! Почище, чем у сицилийцев.

— Какая глупая потеря человеческих жизней! — сказал Йенс. Он сидел, согнувшись, на песке, держась за живот обеими руками. — Они все были напуганы как дети. Эмоции детей, а тела взрослых мужчин. Вот почему они убивают друг друга.

— Но в результате получится великолепный фильм, — бодро заметил Барни. — Кроме того, мы не имеем права вмешиваться в здешние обычаи. А что с тобой случилось? Кто-то в панике пнул тебя в живот?

— Не имеем права вмешиваться в здешние обычаи! Смешно! Вы губите жизнь этих людей ради своей кинематографической чепухи, а затем пытаетесь избежать последствий своих поступков… — Внезапно его лицо исказилось гримасой боли, и он стиснул зубы.

Барни посмотрел вниз и с ужасом увидел, что между пальцами Лина расплывается огромное красное пятно.

— Ты ранен? — медленно сказал он, не веря своим глазам, затем быстро обернулся. — Текс, пакет первой помощи! Быстрее!

— Что это ты проявляешь такую заботу обо мне? Ты только что видел слугу, которому стрела вонзилась в руку, и даже глазом не моргнул. Говорят, викинги после битвы зашивали свои раны иголкой с суровой ниткой. Почему бы тебе не дать мне ниток?

— Успокойся, Йенс, ты ранен. Мы позаботимся о тебе.

Подбежал Текс с пакетом первой помощи, опу-

стил его на землю рядом с Йенсом и встал на колени около раненого.

— Как это произошло? — спросил он спокойным, необычно мягким тоном.

— Копье, — сказал Йенс. — Так быстро, что я даже ничего не понял. Я стоял между индейцем и лодками. Он поддался общей панике. Я поднял руки, чтобы успокоить его, поговорить с ним, но тут почувствовал боль в животе, он пробежал мимо и исчез.

— Дай-ка мне осмотреть рану. Я насмотрелся таких ран в Новой Гвинее. Штыковое ранение. — Текс говорил спокойно, со знанием дела, и, когда он потянул Йенса за руки, они вдруг ослабли и беспомощно повисли. Быстрым движением ножа Текс разрезал окровавленную одежду. — Неплохо, — сказал он, взглянув на кровоточащую рану. — Чистое проникающее ранение в живот. Ниже желудка и, кажется, не настолько глубокое, чтобы задеть что-нибудь еще. Необходима госпитализация. Там они зашьют дыру, положат внутрь соответствующий брюшной дренаж и напичкают тебя антибиотиками. Но если попытаешься вылечить такое ранение в полевых условиях, через пару дней ты загнешься от перитонита.

— Ты чертовски откровенен, — сказал Йенс, но все же улыбнулся.

— Как всегда, — ответил Текс, доставая ампулу с морфием и отламывая у нее головку. — Когда человек знает, что с ним происходит, он не жалуется на лечение. И ему легче, и всем остальным. — Тренированной рукой он вонзил острие шприца под кожу Йенса.

— А ты уверен, что медсестра не сможет вылечить меня прямо здесь? Мне бы не хотелось возвращаться…

— Жалованье целиком плюс премиальные, — подбодрил его Барни. — И отдельная комната в госпитале — тебе ни о чем не придется беспокоиться.

— Меня беспокоят не деньги, мистер Хендриксон. Вам трудно это понять, но, кроме доллара, в мире существует многое другое. Для меня важно то, что я здесь узна́ю. Одна страница моих записей ценнее всех катушек вашего целлулоидного чудовища, вместе взятых.

Барни улыбнулся, сделав попытку переменить тему разговора:

— Вы ошибаетесь, доктор, теперь пленки больше не делают из целлулоида. Налажено производство безопасной пленки, она не горит.

Текс присыпал рану сульфопорошком и крепко забинтовал.

— Вы должны попросить доктора приехать сюда, — сказал Лин, беспокойно глядя на Барни. — Спросите, что он думает насчет моего отъезда. Если я уеду, фильму конец, я уже больше никогда не вернусь обратно, никогда.

Полный страстного желания все запомнить, он оглядел залив, дома и людей. Текс поймал взгляд Барни, покачал головой и махнул в сторону лагеря съемочной группы.

— Пойду приведу грузовик и скажу профессору, чтобы он готовил свою машину. Пусть кто-нибудь перевяжет руку этому викингу и даст ему пузырек с таблетками пенициллина.

— Привези с собой медсестру, — сказал Барни. — Я останусь с Йенсом.

— Мне хотелось бы рассказать тебе о том, что мне случайно удалось обнаружить, — сказал Йенс, положив ладонь на руку Барни. — Я слышал, как один из людей Оттара, говоря с ним о репитере компаса, установленном на их корабле, назвал его на свой лад, и это звучало как «юс-ас-нотра». Я был потрясен. В исландских сагах неоднократно упоминается навигационный прибор, который так и не удалось опознать. Он

называется «хюсас-нотра». Ты понимаешь, что это значит? Вполне возможно, что слова «репитер компаса» вошли в их язык как «хюсас-нотра». Если это так, то влияние, которое мы оказали, прибыв в одиннадцатое столетие, превосходит все, что можно было ожидать. Необходимо изучить все аспекты этого вопроса. Я не могу бросить все это сейчас.

— То, что ты говоришь, Йенс, очень интересно. — Барни посмотрел в сторону лагеря, но грузовика еще не было видно. — Ты должен написать об этом научную статью или что-нибудь в этом роде.

— Осел! Ты не имеешь ни малейшего представления, о чем я говорю. Для тебя времеатрон всего лишь хитроумное устройство, которое можно проституировать для съемки идиотского фильма…

— Полегче с оскорблениями, — попросил Барни, стараясь сохранить самообладание и не поссориться с раненым. — Никто не рвался на помощь Хьюитту, пока мы не дали ему денег. Если бы не эта картина, ты все еще сидел бы в своем Южно-Калифорнийском университете, уткнувшись носом в книги, и не знал бы ничего о тех фактах и обстоятельствах, которые теперь

считаешь такими важными. Я не хочу охаивать твою работу, но и ты не охаивай мою. Увы, так устроен мир. Войны заставляют ученых проституировать, но все великие изобретения были сделаны тогда, когда война могла их оплатить.

— Войны не оплачивают фундаментальных исследований, а именно здесь и делают подлинные открытия.

— Прошу меня извинить, но войны сдерживают врага, и вражеские бомбы падают где-то далеко, так что ученые получают возможность и время для фундаментальных исследований.

— Ловкий ответ, но он меня не устраивает. Что бы ты ни говорил, у нас путешествие во времени используется для создания дешевой картины, и все исторические открытия будут сделаны только случайно.

— Не совсем так, — парировал Барни со вздохом облегчения, заслышав шум приближающегося грузовика. — Мы не вмешивались в твою исследовательскую работу, скорее помогали ей. У тебя были совершенно развязаны руки. Создавая эту картину, мы вложили деньги во времеатрон, и он стал теперь рабочим капиталом. С теми данными, которые у тебя уже имеются, ты без всякого труда убедишь любой научный фонд вложить деньги

в создание нового времеатрона и тогда сможешь вести свои исследования так, как тебе хочется.

— Так я и сделаю.

— Но только не сразу. — Грузовик остановился рядом с ними. — Мы предполагаем пользоваться нашим исключительным правом на знания профессора еще года два, чтобы вернуть наши капиталовложения.

— Конечно, — с горечью сказал Йенс, следя за тем, как с грузовика снимают носилки. — Прибыль прежде всего, а культура пусть идет ко всем чертям.

— Таковы условия игры, — согласился Барни, глядя, как носилки с филологом осторожно помещают в кузов грузовика. — Мы не можем остановить мир и сойти, где хотим, поэтому нужно изучать его законы, чтобы жить в соответствии с ними.

Глава 15

— Лучше умереть героем, чем жить подобно трусу! — взревел Оттар. — Во имя Одина и Фрейи — за мной!

Он распахнул дверь, держа перед собой щит, в который тотчас же вонзились две стрелы. С

яростным криком взмахнув топором, он выбежал из горящего здания.

За ним последовали Слайти с мечом в руке, Валь де Карло, изо всех сил дувший в рог, и остальные воины.

— Стоп! Отпечатайте эти кадры, — скомандовал Барни и опустился в раскладное парусиновое кресло. — О'кей, на сегодня хватит. Быстро в кухню на ленч, чтобы можно было упаковать кастрюли и сковородки.

Рабочие из бутафорского отдела поливали из огнетушителей канаву с горящей нефтью, и оттуда несло жуткой вонью. Все прожекторы, кроме одного, погасли. Джино, открыв стенку камеры, вынимал из нее отснятый фильм. Все шло нормально. Барни подождал, когда кончится толкотня у дверей, затем тоже вышел наружу. На перевернутой бочке сидел Оттар, засовывая стрелы обратно в щит.

— Смотри, летят стрелы! — крикнул он, обращаясь к Барни, и поднял щит. Мгновенное действие скрытых пружин, удар — и на щите выросли стрелы со скоростью, неуловимой для человеческого глаза.

— Великолепное изобретение, — согласился Барни. — Мы закончили съемки, Оттар, и собира-

емся перепрыгнуть через год в следующую весну. Как ты думаешь, будут у вас к тому времени готовы стены вокруг поселения?

— Ясно, будут. Ты выполняй свои обязательства, Оттар выполнит свои. Те стальные пилы и топоры, которые вы нам оставили, помогут нам быстро напилить бревна для стен. Но не забудь оставить нам пищи на зиму.

— Конечно, мы выгрузим припасы еще до отъезда. Все понятно? Есть еще вопросы?

— Понятно, понятно, — пробормотал Оттар, снова сосредоточив все свое внимание на засовывании стрел обратно в щит.

Барни подозрительно посмотрел на него.

— Я уверен, что ты ничего не забудешь, однако на всякий случай давай быстренько повторим все еще разок. Мы оставим вам крупу, сушеные и консервированные продукты — все, что мне удастся раздобыть на складе компании. Таким образом, вам не придется тратить лето и осень на заготовку продовольствия, и вы сможете сосредоточить все свои усилия на строительстве домов и бревенчатой стены вокруг поселения. Если все обстоит так, как говорит док, то дорсетские индейцы не будут беспокоить вас до весны, когда паковый лед подходит к самому берегу, тюлени

собираются стаями и выводят на нем потомство. Вот тогда-то охотники и приходят из северных краев, где они сейчас находятся. И даже если они будут беспокоить вас, за бревенчатой стеной вы в безопасности.

— Убьем их, порубим всех на куски.

— Пожалуйста, попытайся обойтись без этого, ладно? Уже снято девяносто процентов картины, и мне бы не хотелось, чтобы всех вас поубивали до того, как мы закончим съемку. В феврале и марте мы проверим, как у вас идут дела, а потом прибудем сюда всей группой, как только узнаем, что краснокожие находятся неподалеку. Предложи им товары в обмен на то, что они согласятся напасть на поселение, сжечь часть его, — вот и все. Договорились?

— И виски «Джек Дэниелс».

— Конечно, ведь это указано в твоем контракте.

Их слова были заглушены характерным стоном, исходившим из медной трубы. Звуки были то высокие, то низкие.

— Ты что, подрядился? — спросил Барни у Валь де Карло, который, пролезши в кольцо огромной медной трубы, дул в нее.

— Это великолепный инструмент, — сказал

Валь, — слушай. — Он облизнул губы, приложился к трубе, надулся, покраснел и исполнил что-то отдаленно напоминающее «Музыку вокруг нас».

— Не изменяй драматическому искусству, — сухо заметил Барни, — по части музыки тебе ничего не светит. Знаешь, мне кажется, я видел где-то раньше изображение этой трубы, то есть я не имею в виду музей.

— Такое изображение оттиснуто на каждой пачке датского масла. Это торговая марка.

— Может быть, не помню. Но звучит она, как простуженная басовая труба.

— Спайдермен Спиннеке был бы без ума от нее.

— Вполне возможно. — Барни прищурился, взглянул на де Карло и щелкнул пальцами. — Слушай, это мысль. Этот самый Спайдермен, ведь он играет на самых странных инструментах в этом своем подвале, в «Замшелом гроте». Я слышал его однажды в сопровождении духовых инструментов и барабана.

Валь кивнул.

— Я тоже бывал у него. В джазе только он один играет на басовой трубе. Шум, который он издает, не поддается описанию.

— Тогда это совсем неплохо, и вполне возмож-

но, что это именно то, что нам нужно. Да, это неплохая мысль.

Оттар продолжал играть с бутафорскими стрелами, а Барни, прислонясь к стене, слушал трубу, когда рядом остановился джип.

— Все готово, можно отправляться, — сообщил Даллас. — Хозяйственники со склада ожидают нас, и с ними вызвались поехать двое рабочих, которые хотят убедиться, что Голливуд все еще стоит на месте.

— Хватит двоих, чтобы погрузить продукты? — спросил Барни. — К этому времени все остальные разойдутся по домам.

— Более чем достаточно.

— Тогда поехали.

Один из больших грузовиков уже стоял на платформе, а вокруг слонялось с десяток людей. Дверь в контрольную рубку профессора Хьюитта была открыта, и Барни заглянул к нему.

— Значит, суббота, к вечеру, и постарайтесь подогнать как можно точнее.

— До микросекунды. Мы прибудем в Голливуд несколько минут спустя после того, как платформа отправилась оттуда в свое предыдущее путешествие.

С большим трудом Барни осознал, что, несмот-

ря на все происшедшее в течение последних месяцев, в Голливуде все еще был вечер субботы, вечер того самого дня, когда была начата операция. Субботние толпы затопили тротуары, площадь у супермаркета была забита автомобилями покупателей, а вдали от города, недалеко от вершины Бенедикт-Кэньон-Драйв, за частным полем для игры в гольф, на верхнем этаже своего особняка Л. М. Гринспэн по-прежнему страдал от сердечных спазм. На мгновение Барни заколебался, не позвонить ли ему и не сообщить ли Л. М. о ходе работы, затем решил, что не стоит. Пусть хозяин студии лежит себе в постели. Может быть, позвонить в больницу и узнать, как дела у Йенса Лина, ведь прошло уже несколько недель, — нет, лишь несколько минут. Скорее всего, его даже еще не успели доставить в больницу. Да, нелегко было привыкнуть к путешествиям во времени.

— Фу, какая жара! — сказал один из поваров. — Жаль, что я не догадался захватить темные очки.

Огромные двери съемочного павильона были открыты, и, когда платформа мягко коснулась пола, пассажиры зажмурились от внезапно хлынувшего потока субтропического света. Северное небо над Ньюфаундлендом было всегда бледно-голубым, и солнце там никогда не жгло, как здесь.

Барни отодвинул рабочих в сторону, освобождая дорогу для огромного дизельного грузовика, который с ревом съехал на бетонный пол павильона. С праздничным настроением они вскарабкались в кузов, и грузовик тронулся в путь по пустым улочкам студии.

У ворот склада праздничное настроение испарилось.

— Извините, сэр, — заявил охранник, небрежно помахивая дубинкой на кожаном ремне, — я вас не знаю, но, даже если б знал, все равно не пустил бы вас в этот склад.

— Но этот документ…

— Я видел документ, но у меня есть приказ — никого не пускать.

— А ну-ка дайте мне топор! — крикнул один из рабочих. — Я живо открою эту дверь.

— Убей! Убей! Убей! — завопил другой.

Они провели слишком много времени в одиннадцатом столетии и приобрели свойственное викингам стремление решать большинство проблем простыми методами.

— Не подходите ко мне! — приказал охранник, делая шаг назад и кладя руку на кобуру револьвера.

— Ну хватит шуток, — распорядился Барни. —

Посидите спокойно, пока я улажу этот вопрос. Где телефон? — спросил он у охранника.

Барни позвонил в контору, надеясь, что там кто-то еще есть, попросил прежде всего административный корпус и попал в точку. Сэм, личный бухгалтер Л. М., все еще был в конторе, он, конечно, подчищал бухгалтерские книги.

— Сэм, — сказал Барни, — рад снова говорить с тобой. Как у тебя дела?.. Что? Извини, я забыл. Для тебя прошло всего два часа, а для меня несколько месяцев. Нет, что ты, в рот не брал, я же снимал фильм. Совершенно верно, почти готов… Сэм, нет… Сэм, не нервничай… Это совсем не однодневный фильм, так же как сценарий не был одночасовым. Мы работали в поте лица. Послушай, потом я тебе все объясню, но сейчас ты должен мне помочь. Я хочу, чтобы ты поговорил с одним из охранников студии, исключительно толстокожим парнем, — наверно, он у нас недавно. Вели ему отпереть дверь продовольственного склада, нам нужно забрать всю крупу и все консервы. Нет, мы еще не проголодались, это товары для обмена с туземцами. Плата за съемки массовых сцен… Сэм, что ты говоришь!.. Сэм, у нас нет времени на размышления… Послушай, если мы можем заплатить им овсяной крупой вместо

«зелененьких», какая тебе разница?

Было совсем не легко говорить с Сэмом. Он не любил тратить деньги даже на овсянку — впрочем, он всегда был трудным человеком, но наконец Барни его убедил. Сэм сорвал злость на охраннике, который вышел из телефонной будки, побагровевший от злости.

К половине шестого грузовик был нагружен, а без четверти шесть уже стоял на платформе машины времени. Барни проверил, все ли вернулись с грузовиком, и просунул голову в кабину профессора.

— Отправляйтесь, проф, только подождите, пока я сойду с платформы.

— Значит, вы не вернетесь с нами?

— Совершенно верно. У меня здесь дела. Вы разгрузите платформу, затем возвращайтесь за мной примерно через пару часов — скажем, около десяти. Если меня к этому времени не будет здесь, я позвоню вам по телефону, что у склада, и введу в курс дела.

Хьюитт почувствовал себя уязвленным.

— По-видимому, вы считаете, что я таксист при машине времени, а я отнюдь не уверен, что это дело мне по душе. Мне казалось, что я доставлю вас в одиннадцатое столетие, где вы снимете

фильм, после чего мы возвратимся обратно. Вместо этого я только и делаю, что катаю туда-сюда — из одиннадцатого в двадцатое столетие…

— Успокойтесь, профессор, мы уже вышли на финишную прямую. Вы думаете, я согласился бы потерять два часа, если бы это не было совершенно необходимо? Мы сделаем еще один прыжок во времени, окончим картину, и работа завершена. Все будет готово, останется разве что аплодировать.

Стоя рядом с воротами павильона, Барни увидел, как платформа исчезла в прошлом. Обратно к дикарям первобытной Канады, к потрескавшимся губам и холодным дождям. Пусть себе едут. Сам же Барни собирался отключиться часа на два. Конечно, за это время ему придется провернуть кое-какие дела, но значит ли это, что он не имеет права немного развлечься? Сейчас еще не время отдыхать по-настоящему, так как фильм еще не в коробке на столе у Л. М., но конец был уже виден, и Барни чувствовал усталость от непрерывной многомесячной работы. Первое, что он собирался предпринять, — это заказать себе первоклассный обед в ресторане Чейзена. Уж что-что, а это он может себе позволить. В любом случае не было смысла ехать в «Замшелый грот» раньше чем к

девяти вечера.

В его возвращении в Калифорнию двадцатого века было что-то нереальное, фантастическое. Казалось, события развиваются слишком быстро, вокруг слишком много кричащих красок, и от выхлопных газов разболелась голова. Обед, начатый с виски и обильно сдобренный шампанским с бренди, под конец помог избавиться от головной боли, и, когда Барни в начале десятого вылезал перед клубом из такси, к нему вернулось хорошее настроение. Он даже ухитрился не обидеться при виде зеленого входа с намалеванными на нем красными черепами и скрещенными костями.

— Остерегайтесь! — простонал загробный голос, когда Барни распахнул входную дверь. — Остерегайтесь, ибо всякий, кто входит в «Замшелый грот», делает это на свой страх и риск. Остерегайтесь…

Магнитофонная запись оборвалась, когда Барни закрыл дверь и на ощупь двинулся вперед по тускло освещенной, застланной черным бархатом лестнице. Занавес из светящихся пластмассовых костей был последней преградой перед входом в святая святых самого клуба. Барни бывал здесь и раньше, так что странность обстановки не произвела на него никакого впечатления.

Она не впечатлила его и в первый раз. Тогда она была лишь немного лучше — или хуже — дома призраков на карнавале. Мигали зеленые огни, в углах висела резиновая паутина, а стулья были выполнены в виде гигантских мухоморов. Он был единственным посетителем.

— «Кровавую Мэри», — сказал он официанту, одетому вампиром. — А что, Спайдермен уже пришел?

— По-моему, он в раздевалке, — пробормотал вампир сквозь пластмассовые клыки.

— Скажи ему, что его хочет видеть Барни Хендриксон из «Клаймэктика».

Спайдермен Спиннеке прибыл раньше заказанного коктейля — тощая сутулая фигура в черном, темные очки.

— Давненько мы с тобой не виделись, — сказал он, скользнув влажными пальцами по ладони Барни. — Как кинобизнес? — Он опустился на стул.

— Да так, перебиваемся с хлеба на воду. Скажи мне, Спайдер, это верно, что ты озвучил пару фильмов?

— Да, я написал музыку для одного пустячка под названием «Сумасшедший твист молодых битников». Надеюсь, что публика быстро забудет

о нем. А почему ты спрашиваешь? Неужели ты заинтересовался бедным старым Спайдерменом?

— Может быть, и так, Спиннеке, может быть, и так. Скажи, ты не сумеешь написать музыку для картины и записать ее в исполнении своей группы?

— Для нас все возможно, старик. Но для этого нужно время, а у нас уже есть обязательства.

— Пусть время тебя не беспокоит, я все устрою так, что ты не пропустишь ни единого выступления. Я подумал, что ты найдешь подходящее звуковое сопровождение к картине, которой я сейчас занимаюсь. Захватывающий рассказ о викингах. Слыхал о них когда-нибудь?

— Конечно. Волосатые парни с топорами, которыми они рубили встречных на куски.

— В общих чертах да. Примитивный народ, сильные люди. У них есть нечто вроде медной трубы, и это навело меня на мысль. Только духовые инструменты с барабанами соответствуют примитивной свирепости дикарей.

— Неплохо.

— Так как же, сумеешь справиться?

— Ну конечно.

— Превосходно. Вот тебе сотняга в качестве аванса. — Барни извлек из бумажника пять

двадцатидолларовых бумажек и бросил их на стол. Костлявые пальцы Спайдермена неслышно скользнули по черной скатерти и поглотили их. — Теперь бери своих ребят и пошли в студию. Там я обо всем расскажу. Через час прикатите обратно.

Что им предстояло сделать в течение этого часа, Барни не сказал.

— Не выйдет. Дуди и я хотим сейчас немного поразмяться, а к одиннадцати придут остальные ребята. Потом мы выступаем до трех ночи. До этого я не могу уйти.

«Кровавая Мэри» легко прошла по пищеводу. Барни посмотрел на часы и быстро убедил себя, что нет смысла уезжать и потом снова возвращаться. Три часа утра, воскресенье — все еще остается масса времени, потому что фильм должен быть представлен только к утру понедельника. Все будет в порядке. Спайдермен скрылся где-то в укромном уголке, и в десять вечера Барни позвонил профессору Хьюитту. Назначив новое время для рандеву — три часа утра, Барни вернулся к своему столу и постарался отключиться, насколько это было возможно при звуках басовой трубы, духовых инструментов и барабанов с усилителями. Неоценимую помощь

оказали ему дополнительные порции «Кровавой Мэри».

В два часа ночи Барни встал и вышел подышать свежим воздухом, потому что атмосфера в клубе казалась осязаемой от сигаретного дыма и вибрировала от дрожащих ритмов. Ему даже удалось нанять два такси, водители которых обещали прибыть к клубу сразу после трех. Все шло хорошо, очень хорошо.

Было около четырех, когда такси подъехали к входу в павильон. Профессор Хьюитт прохаживался взад и вперед перед дверью, то и дело посматривая на часы.

— Вы необыкновенно пунктуальны, — ядовито заметил он.

— Не так уж плохо, профессор, старина, — сказал Барни, похлопав его по спине, затем повернулся, чтобы помочь вытащить из такси барабан-бас. После этого, построившись цепочкой, все вошли в павильон под звуки «Полковника Боги», извлекаемые Дуди из тромбона.

— А это что за плот? — Потускневшие от усталости глаза Спайдермена уставились на платформу.

— Средство транспорта. Влезай. Наша поездка займет всего несколько минут, даю обещание.

При этих словах Барни поднял руку, чтобы замаскировать хитрую улыбку.

— На сегодня достаточно, — сказал Спайдермен, оттаскивая тромбон от вибрирующих губ Дуди. Не заметив этого, Дуди продолжал играть еще не меньше пяти секунд, пока не заметил, что больше не издает ни единого звука. — Дошел до ручки, — объяснил Спайдермен.

Хьюитт фыркнул, когда музыканты в погребальных одеждах вскарабкались на платформу, затем вошел в контрольную кабину, чтобы включить времеатрон.

— Это что, зал ожидания? — поинтересовался Дуди, влезая вслед за профессором в тесную кабину.

— Немедленно убирайся отсюда, болван! — рявкнул профессор.

Дуди что-то пробормотал и попытался исполнить просьбу. Повернувшись, он задел своим тромбоном несколько электронных ламп. Две из них вспыхнули и замигали.

— Ух ты! — сказал Дуди и выронил тромбон. Его медный бок упал на обнаженные провода, ведущие к лампам, и мгновенно замкнул их. Посыпались искры. Свет в контрольной кабине погас.

Барни отрезвел меньше чем за секунду. Он вытащил ошеломленного музыканта из контрольной кабины и загнал его вместе с остальными в дальний конец платформы.

— Как дела, профессор? — тихо спросил он, вернувшись к контрольной кабине, но не услышал ответа. Поглядев на то, как Хьюитт снял заднюю стенку аппарата и начал вышвыривать одну за другой перегоревшие лампы через открытую дверь, он решил не переспрашивать.

Услышав наконец неохотное «да!» в ответ на вопрос, не понадобится ли по крайней мере два часа на починку времеатрона, Барни отправил музыкантов по домам.

К девяти утра в воскресенье профессор Хьюитт признался, что ремонт займет, очевидно, большую часть дня, не считая времени, которое будет потрачено на поиски новых электронных ламп в воскресенье в Лос-Анджелесе. Барни с фальшью в голосе ответил, что это не страшно, что у них еще много времени. В конце концов, картина должна быть представлена только к следующему утру.

Поздно вечером в воскресенье Барни впервые за все это время заснул, однако уже через несколько минут, вздрогнув, проснулся и больше не мог сомкнуть глаз.

В пять утра в понедельник профессор заявил, что монтаж полностью закончен и он собирается отдохнуть часок. После этого он отправится на поиски недостающих электронных ламп.

В девять утра Барни позвонил в контору студии и узнал, что прибыли ревизоры из банка и ожидают его. Он икнул и поспешно повесил трубку.

В девять тридцать позвонил телефон, и, когда Барни снял трубку, телефонистка сообщила ему, что вся студия перевернута вверх дном — разыскивают его — и что Л. М. лично спрашивал ее, не знает ли она, где находится мистер Хендриксон. Не отвечая, Барни повесил трубку.

В десять тридцать Барни понял, что положение безнадежно, Хьюитт все еще не вернулся и даже не позвонил. И даже если бы он и прибыл сейчас, все равно было уже слишком поздно. Картину невозможно было закончить к назначенному сроку.

Все пропало. Он попытался спасти положение и потерпел неудачу. Идя к кабинету Л. М., он думал о том, что это похоже на последние шаги приговоренного к смерти, — именно так и было на самом деле.

Он остановился перед дверью кабинета, не

решаясь войти, в голове мелькнула мысль о самоубийстве как возможном выходе из положения. Затем он решил, что у него на это не хватит храбрости, и толкнул дверь.

Глава 16

— Не входи туда, — сказал голос у него за спиной, и протянувшаяся сзади рука оттащила его от двери, которая автоматически захлопнулась перед его носом.

— Да как вы осмелились! — вскипел Барни, поворачиваясь к своему обидчику.

— Все средства хороши, чтобы помешать тебе сделать ошибку, дурень, — сказал незнакомец и широко улыбнулся, глядя, как Барни отшатнулся от него с отвисшей челюстью и широко раскрытыми глазами.

— Великолепно, какая игра! — сказал человек. — Может, тебе, вместо того чтобы ставить фильмы, стоило играть в них?

— Ты… Я… — едва выговорил Барни, глядя на самого себя в своих лучших брюках из рогожки, кожаной куртке летчика и с коробкой фильма под мышкой.

— Ты очень наблюдателен, — заметил второй

Барни, ядовито улыбаясь. — Подержи-ка секунду. — Он сунул коробку с фильмом в руки Барни и извлек из заднего кармана бумажник.

— Что?.. — спросил Барни. — Что?.. — Его взгляд остановился на наклейке, где было написано «Викинг Колумб. Часть I».

Второй Барни достал из своего бумажника сложенный лист бумаги и вручил его Барни, который только тут заметил, что правая рука его забинтована и местами сквозь бинт проступили пятна крови.

— Что случилось с моей рукой… твоей рукой? — спросил Барни, в ужасе глядя на повязку.

В следующее мгновение коробка с фильмом исчезла из его рук и вместо нее пальцы стиснули лист бумаги.

— Передай это профу, — сказал его двойник, — и перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он распахнул дверь кабинета Л. М., пропуская мальчика-посыльного, катившего перед собой тележку, нагруженную дюжиной коробок с фильмом. Посыльный остановился, посмотрел сначала на одного, потом на другого, пожал плечами и исчез в приемной. Второй Барни последовал за ним, и дверь захлопнулась.

— Рука, что случилось с рукой? — слабым голосом спросил Барни, обращаясь к закрытой двери.

Он протянул руку, чтобы открыть дверь, но вздрогнул и передумал. Его внимание привлек лист бумаги, который он все еще сжимал в левой руке. Барни развернул его. Это была половинка страницы обыкновенной писчей бумаги, с одной стороны чистая, на другой стороне тоже ничего не было написано, один только чертеж, поспешно набросанный шариковой ручкой.

Чертеж ничего не значил для Барни. Он сложил его, сунул в бумажник — и тут внезапно вспомнил о коробках с пленкой на тележке.

— Так я закончил фильм! — крикнул он. — Фильм готов, и я только что доставил его в кабинет Л. М. в назначенное время!

Две секретарши, пробегавшие мимо, посмотрели на него и прыснули; он проводил их свирепым взглядом и пошел прочь.

Так что же сказал ему второй Барни? «Перестань заниматься глупостями и закончи фильм». Сумеет ли он кончить его? Судя по всему, сумеет, если эти коробки не были пустыми. Но как он может закончить его теперь, после роковой минуты, и все-таки доставить его в назначенный срок?

— Ничего не понимаю, — бормотал он про себя,

шагая к павильону.

Даже при виде профессора, погруженного в работу над времеатроном, вихрь его мыслей не улегся. Он поднялся на платформу и остановился, пытаясь осознать, что же случилось или что должно случиться, однако усталость и шок — следствие разговора с самим собой — временно отразились на его мыслительных способностях.

— Ремонт окончен, — сказал профессор Хьюитт, вытирая руки о тряпку. — Теперь мы можем опять вернуться в тысяча пятый год.

— Поехали, — сказал Барни, протягивая руку к своему бумажнику.

Несмотря на то что для Ньюфаундленда день был солнечным, он казался мрачным после калифорнийского солнца, и воздух был значительно прохладнее.

— Когда мы покинули студию, профессор? — спросил Барни.

— В двенадцать ноль три, в понедельник. И пожалуйста, без жалоб. Мне удалось отремонтировать времеатрон за удивительно короткое время, если принять во внимание тот ущерб, который был причинен этим микроцефалом, идиотом от музыки.

— Никаких жалоб, профессор. Мне начинает ка-

заться, что у нас еще есть шанс закончить съемки картины вовремя. Я только что встретил в студии самого себя и сам видел, как я доставил коробки, на которых было написано «Викинг Колумб».

— Это совершенно невозможно!

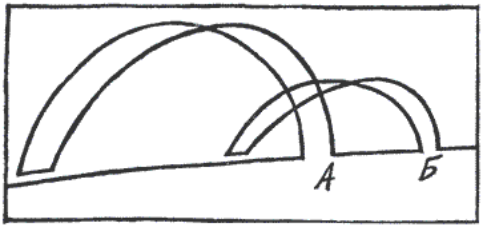
— Легко сказать, однако, может быть, вас ожидает такой же шок, какой испытал я сам. Я сказал мне, или он сказал мне, или черт знает кто сказал, чтобы я передал вам вот это. Вам это о чем-нибудь говорит?

Профессор взглянул на лист бумаги и широко улыбнулся.

— Ну конечно! — сказал он. — Как я мог забыть об этом! Это же совершенно очевидно, все как на ладони. Как это я ухитрился не заметить! Насколько все это просто!

— Может быть, теперь вы снизойдете до объяснений? — нетерпеливо спросил его Барни.

— На этом чертеже представлены два путешествия во времени, причем интереснее всего малая дуга справа, потому что именно она объясняет, откуда взялся второй Барни Хендриксон с коробками отснятого фильма. Да, можно все еще закончить и доставить готовый фильм до назначенного срока.



— Как? — спросил Барни, напряженно глядя на диаграмму, ровным счетом ничего не понимая.

— Теперь вы закончите съемки, и время, которое вам потребуется после назначенного срока, не имеет никакого значения. Когда картина будет завершена, вы будете находиться в точке Б этого чертежа. Точка А — этот тот момент во времени, когда нужно представить готовый фильм. Вы просто возвращаетесь к моменту перед А, доставляете фильм и затем попадаете обратно в Б. До чего же потрясающе просто!

Барни стиснул пальцами лист бумаги.

— Поправьте меня, если я что-нибудь неправильно понял. Вы хотите сказать, что я могу закончить фильм после назначенного срока и затем вернуться во время перед этим сроком и доставить фильм?

— Совершенно верно.

— Мне это кажется безумием.

— Только глупцам разумное кажется безумным.

— Я предам забвению ваше замечание, если вы ответите мне на один вопрос. Этот лист бумаги с чертежом, — Барни потряс им перед носом профессора, — кто начертил его?

— Откуда я могу знать, ведь я только что его увидел.

— Тогда подумайте вот над чем. Мне передали этот листок утром в понедельник перед входом в кабинет Л. М. Теперь я показываю его вам. Потом я собираюсь спрятать его в бумажник и носить с собой до тех пор, пока съемки фильма не будут завершены. Затем я перемещаюсь назад во времени для того, чтобы доставить картину Л. М. У дверей его кабинета я встречаю прежнего себя, достаю из бумажника чертеж и передаю его себе, чтобы он был положен в бумажник, и так далее. Вы видите в этом какой-нибудь смысл?

— Конечно. Мне кажется, нет никаких оснований для беспокойства.

— Ах никаких оснований? Но ведь если все это так, значит никто не делал чертежа! Он просто путешествует в моем бумажнике, и я передаю его самому себе. Ну-ка, объясните это! — закончил он, торжествуя.

— В этом нет никакой необходимости, объяснение кроется в самом чертеже. Этот лист бумаги представляет собой самостоятельно существующее временно́е кольцо. Никто не делал этого чертежа. Он существует потому, что существует, и это вполне достаточное объяснение. Если вы хотите понять, что к чему, позвольте проиллюстрировать на примере. Вам известно, что у любой бумаги есть две стороны. Однако если вы возьмете полосу бумаги, повернете один ее конец на сто восемьдесят градусов и соедините концы, то перед вами окажется кольцо Мебиуса — полоска только с одной стороной. Она существует. Сколько бы мы ни твердили, что это невозможно, ничего не изменится. Факт налицо. То же самое можно сказать о вашем чертеже — он существует.

— Но… откуда он взялся?

— Если вам так уж нужно это знать, то можно сказать, что он взялся из того самого места, куда делась пропавшая сторона кольца Мебиуса.

В мозгу Барни мысли завязались в тугой узел и концы их свободно болтались. Он смотрел на чертеж до тех пор, пока у него не начали слезиться глаза. Кто-то ДОЛЖЕН БЫЛ сделать его. И каждый кусок бумаги ДОЛЖЕН БЫЛ иметь две стороны…

Дрожащими пальцами он уложил чертеж в бумажник, спрятал его в карман и подумал, что, может быть, ему удастся забыть обо всем, что произошло.

— Мы готовы к прыжку во времени, как только будет дана команда, — сказал Даллас.

— К какому прыжку во времени? — спросил Барни и, моргая, уставился на стоявшего перед ним трюкача.

— Прыжку в следующую весну тысяча шестого года, о котором мы говорили полчаса назад. Продукты переданы Оттару, группа все упаковала и погрузила и готова сняться с места, как только последует команда. — Даллас указал на длинную цепочку грузовиков и трейлеров.

— Ах да, в следующую весну, ты прав. Скажи, Даллас, ты знаешь, что такое парадокс?

— Испанский цирюльник бреет всех мужчин в городе, которые не бреются сами. А кто же тогда бреет самого цирюльника?

— Примерно в этом духе, только еще похлеще.

Внезапно Барни вспомнил о забинтованной руке. Подняв к лицу свою правую верхнюю конечность, он внимательно осмотрел ее с обеих сторон.

— Что случилось с моей рукой?

— Мне кажется, она в полном порядке, — сказал Даллас. — Может, хлебнешь глоточек?

— Это не поможет. Я только что встретил самого себя с окровавленной повязкой на руке, и этот «я» не хотел даже сказать, как это произошло и серьезно ли это. Ты понимаешь, что это значит?

— Конечно. Очевидно, тебе нужно приложиться разочка два.

— Независимо от того, что думаешь ты или твой кореш из каменного века, алкоголь не разрешает всех вопросов. Значит, я — уникальное явление в природе, ибо я — садомазохист. Все остальные, жалкие кретины, ограничиваются тем, что являются садистами по отношению к другим. А вот я получаю удовольствие оттого, что являюсь садистом по отношению к себе самому. Ни один нервнобольной не может похвастаться подобным заявлением. — Барни вздрогнул. — Пожалуй, мне стоит промочить горло каким-нибудь горячительным.

— Бутылка у меня с собой.

Горячительное оказалось рыночным сортом дешевого виски, на вкус напоминало муравьиную кислоту, и его струя настолько обожгла пищевод Барни, что заставила его забыть о временны́х парадоксах и собственных садомазохистских

наклонностях.

— А ну-ка, Даллас, отправляйся и посмотри, ладно? — сказал он. — Прыгни в март тысяча шестого года и узнай, появились ли уже индейцы. Если Оттар скажет, что еще не появились, то прыгай на неделю вперед, и так до тех пор, пока не увидишь их, а тогда сообщи мне.

Барни отошел в сторону, платформа на неуловимое мгновение исчезла, затем снова опустилась на траву в нескольких футах поодаль. С нее спрыгнул Даллас и подошел к Барни, проведя ладонью по черной щетине.

— Проф считает, что мы отсутствовали десять часов, — сказал Даллас. — Это значит, сверхурочные после…

— Ну ладно, ладно! Что вы узнали?

— Они возвели стену из бревен, и получилось точь-в-точь как форт в картине про индейцев. В начале марта все было спокойно, но во время нашей последней остановки, двадцать первого, они заметили пару индейских лодок.

— Неплохо. Ну что же, давайте тронемся. Скажи профу, пусть принимается за переброску всей съемочной группы в двадцать второе марта. Все готовы? Все налицо?

— Бетти проверила списки и говорит, что все

о’кей. Мы с Тексом устроили поголовную проверку: все здесь, сидят в трейлерах, кроме шоферов, конечно.

— Какая там погода?

— Солнечная, но прохладно.

— Сообщи об этом людям, пусть оденутся потеплее. Я не хочу, чтобы вся группа схватила насморк.

Барни пошел к своему трейлеру за пальто и перчатками. Когда он вернулся к головной машине, началась переброска. Он поднялся на платформу и оказался в 1006 году. Стояла великолепная северная весна. Слабый солнечный свет не мог справиться с холодом, и в низинах, и у бревенчатой стены лежал снег. Поселение викингов теперь ничем не отличалось от форта в одном из вестернов. Барни подал сигнал водителю пикапа, который только что приехал на машине времени.

— Подбрось-ка меня к ним, — попросил он.

— Следующая остановка форт Апашей, — сострил шофер.

Несколько викингов уже шли к холму, куда прибывали машины съемочной группы. Пикап проехал мимо них и остановился около узкого входа, где из стены было вытащено бревно и

образовалась щель, в которую мог протиснуться человек. Когда пикап затормозил, из щели вылез Оттар.

— Придется сделать ворота в этом месте, — сказал ему Барни. — Большие двойные ворота с деревянным брусом внутри вместо засова.

— Никуда не годится, слишком широко, слишком легко пробраться внутрь. Вот как надо пролезать.

— Эх, не видел ты хороших фильмов!..

Но Барни вдруг осекся при виде Слайти, которая протиснулась в щель вслед за Оттаром. Она была не подкрашена, одета в платье не первой свежести, на плечи ее была накинута шкура карибу. В руках Слайти держала ребенка.

— Что ты здесь делаешь? — раздраженно спросил Барни, чувствуя, что количество сюрпризов, выпавших на его долю за один день, более чем достаточно.

— Я тут давно, — ответила Слайти и сунула палец в рот младенцу, а тот стал причмокивать.

— Послушай, ведь мы только что прибыли, откуда же взялся ребенок?

— И впрямь чудно́! — начала она, хихикнув в подтверждение своих слов. — После того как мы прошлым летом приготовились к отъезду, я

почувствовала себя в трейлере такой одинокой, что решила отправиться на прогулку. Знаешь ли, подышать свежим вечерним воздухом.

— Нет, не знаю, и, кажется, не желаю знать. Ты хочешь сказать, что, вместо того чтобы вернуться со всей группой, ты провела весь год здесь?

— Именно это и произошло, я так удивилась. Я пошла на прогулку, встретила там Оттара, одно за другим, сам знаешь.

— На этот раз знаю.

— И не успела я понять, что случилось, как все уже исчезли. Я перепугалась. Сказать по совести, я плакала, наверно, несколько недель и забеременела, потому что у меня не было с собой противозачаточных пилюль.

— Значит, это твой? — спросил Барни, указывая на младенца.

— Да, правда, симпатичный? Мы даже еще не придумали ему имени, но я его назову Снорри Храпун, как зовут того гнома в «Белоснежке», потому что он вечно храпит.

— Никакого гнома по имени Снорри не было, — сказал Барни, мгновенно оценив ситуацию. — Послушай, Слайти, теперь уже назад не поедешь, ничего не переменишь, я имею в виду ребенка и все остальное, и, в конце концов, ты сама винова-

та, что не осталась в трейлере.

— Что ты, я никого не виню, — сказала она. — Когда я попривыкла, все это оказалось не так уж плохо, да и Оттар все время говорил мне, что вы вернетесь следующей весной, и оказался прав. Единственно, чего мне хочется, так это поесть как следует. Здесь едят так, что боже упаси! Мне кажется, большую часть зимы я питалась исключительно виски и бисквитами.

— Сегодня вечером у нас будет большая вечеринка в честь тебя, Оттара и ребенка. Бифштексы и вино, полный комплект.

Снорри поднял рев.

— Сейчас же посажу Чарли Чанга за работу, — сказал Барни. — Мы включим ребенка в сценарий. Этот фильм будет полон сюрпризов.

Собственное замечание напомнило ему о раненой руке, он посмотрел на нее, еще раз подивился, где это могло случиться и при каких обстоятельствах, затем засунул ее глубоко в карман для большей безопасности.

Глава 17

Копье с каменным наконечником пробило насквозь борт моторной лодки и вонзилось в

деревянный настил на дне.

— Я так и оставил его здесь, чтобы не затыкать дыру, — объяснил Текс. — Еще несколько дротиков упало рядом с нами, но мы уже отплывали от берега.

— Они, наверно, были уж очень поражены или что-нибудь вроде этого, — сказал Барни. — Может быть, их напугал звук мотора.

— Мы подходили на веслах.

— Все равно должна быть какая-то причина. Дорсетские индейцы — очень миролюбивое племя, вы сами могли в этом убедиться в прошлый раз.

— Может быть, им не понравилось, что их родственников порубили на куски, когда они прибыли с миролюбивыми намерениями? — высказал предположение Даллас. — На этот раз мы не стремились к драке, а они с самого начала встретили нас копьями. Если бы мотор не завелся с первого раза, нам пришлось бы организовывать похороны на море, или попасть в котел к туземцам, или что-нибудь в том же духе. Мы с Тексом на обратном пути обсудили этот вопрос и решили, что должны получить за битву фронтовую прибавку…

— Отметьте это в своих табелях, и я постараюсь

сделать, что смогу, но сейчас не приставайте ко мне с такими глупостями. — Барни попытался выдернуть копье из лодки, но оно засело крепко. — У меня есть дела поважнее. Картину почти закончили, кроме совершенно необходимого и исключительно важного эпизода — битвы с индейцами. Мы должны снять эту битву, и, согласитесь, будет несколько затруднительно снимать битву с индейцами без индейцев. В нескольких милях от берега, на льду, находятся две тысячи индейцев, я посылаю вас с товарами, подарками и бисером, чтобы вы могли нанять эти две тысячи, а что от вас получаю? Одни оправдания!

Доводы Барни не произвели сколько-нибудь заметного впечатления на трюкачей, и Даллас кивнул на копье. Вдруг воздух огласился медным воплем.

— Почему им надо завывать обязательно здесь? — рявкнул Барни.

— Насколько я помню, это ваше собственное распоряжение, — сказал ему Текс. — Насчет того, что берег — единственное место, где они не будут мешать людям своим дудением.

Одетая в черное процессия гуськом под грохот барабанов спустилась на берег. Впереди шел Спайдермен. Музыканты держали в руках ин-

струменты и складные стулья и были закутаны в экзотические шарфы, оленьи меха и шкуры карибу.

— Вытаскивайте лодку на берег — и пошли отсюда, — распорядился Барни.

— Я — за, — проворчал Даллас. — Их репетиции кого хочешь прикончат.

Спайдермен, заметив Барни, затрусил к нему по песчаному берегу, прижимая к груди свою трубу. Его красный нос резко выделялся на болезненно бледном лице.

— Барни, нам необходим зал для репетиций! — взмолился он. — Этот свежий воздух угробит нас как пить дать. Кое-кто из моих парней не вылезал из помещения по нескольку лет.

— Ничего, пусть прочистят легкие.

— Им больше нравятся прокуренные.

— Ладно, попробую…

— Враг на горизонте! — крикнул Текс. — Взгляните-ка — отряд особого назначения!

Это было удивительное зрелище. Из-за островов в устье залива одна за другой входили лодки дорсетских индейцев, все больше и больше, пока вода не почернела от них. По мере того как лодки приближались, видно было, как над каждой лодкой что-то мелькает в воздухе, и слышалось

нарастающее гудение.

— Не похоже на дружеский визит, — заметил Текс.

— Может быть, у них мирные намерения, — сказал Барни без малейшего энтузиазма.

— Хочешь пари? — презрительно предложил Даллас.

— Ну хорошо, тогда мы занимаем… как это называется?.. оборонительную позицию. Что вы предлагаете?

Текс ткнул пальцем в Далласа.

— Он старший, поэтому пусть отдает приказания.

— Хорошо! — рявкнул Даллас. — Убрать всех гражданских с берега, сообщить Оттару, чтобы он запер свой форт, а все киношники пусть отправляются в лагерь. Там мы выстраиваем автомашины кольцом, трейлеры — внутри и раздаем оружие всем мужчинам, которые были на военной службе. Затем сидим и ждем. Текс, загоняй гражданских в лагерь.

— Вроде неплохо, — согласился Барни. — Но вы, кажется, забыли, что мы приехали сюда для съемки фильма? Пусть Джино со своей камерой расположится на вершине вон того холма, с которого видно все происходящее. И мне понадобится

другой оператор с ручной камерой внутри форта, который мог бы снять нападающих индейцев, когда они приблизятся вплотную. — Он перебрал в уме всех возможных кандидатов на должность второго оператора и пришел к неизбежному, хотя и неприятному выводу, что он был единственным, кто мог с этим справиться. — Наверно, мне придется остаться там с Оттаром и его молодчиками.

— Если тебе так уж хочется, — сказал Даллас, задумчиво глядя, как музыканты повернулись и быстрым шагом двинулись обратно. — Джино со своей камерой расположится в кузове грузовика. Грузовик поставим на вершине холма, и в кабине будет наготове шофер. Поскольку грузовик окажется между берегом и лагерем, его будет прикрывать Текс с дробовиком, я поручаю ему командование. Если он скажет — отступать, грузовик отъедет в тыл. А я пойду с тобой в форт Оттара.

— Ну что ж, неплохо придумано. Пошли.

По мере того как все больше и больше лодок появлялось из-за островов, движение передних замедлялось, словно индейцы накапливали силы для атаки. Но так или иначе это дало возможность людям на берегу подготовиться к обороне. Когда

в лагере претворили в жизнь указания Далласа, он и Барни вскочили в джип и затряслись по кочкам, держа курс на поселение викингов. Даллас вооружился револьвером, за плечом у него был пистолет-пулемет, на ремнях крест-накрест он повесил гранаты, а на заднем сиденье джипа уложил какие-то зловещего вида металлические ящики. Как только джип въехал в форт, за ним закрылись огромные двустворчатые ворота, и длинный деревянный засов опустился на место. Стоя на подмостках для стрельбы, Барни увидел, как на вершину холма задним ходом въехал грузовик.

— Отчего такой шум? — спросил Оттар.

— Не имею ни малейшего представления, — пожал плечами Барни. — Смотри, они наступают!

По заливу будто волна прокатилась — это лодки из кожи сомкнутым строем двинулись вперед.

Барни установил свою тридцатипятимиллиметровую камеру на верху бревенчатой стены и начал снимать наступающие широким фронтом лодки. В это мгновение облака разошлись и солнечные блики заиграли на лопастях бесчисленных весел и на летящих брызгах. Это была мрачная, впечатляющая картина. Черные лодки и одежды гребцов создавали впечатление арма-

ды тьмы. По мере того как лодки приближались, какой-то необычный, внушающий страх шум становился все сильнее и сильнее, и Барни прилип к камере и продолжал снимать, радуясь, что он так сильно занят. Он был уверен, что, если бы не работа, он обратился бы в паническое бегство.

— Я когда-то уже слышал такой шум, — сказал Даллас. — Что-то вроде свиста, только не такой громкий.

— Не припомнишь ли где? — спросил Барни, поворачивая объектив на турели, чтобы снять крупным планом одну из лодок первого ряда. Она была уже совсем близко.

— Ну да, в Австралии. У них там есть туземцы, так называемые аборигены, и один из туземных шаманов вращал над головой жезл, привязанный за веревку, и от этого получался такой шум.

— А, конечно. Многие примитивные племена используют подобный бич. Считается, что он обладает волшебными свойствами. Теперь я начинаю понимать, почему при этом получается такой звук. Очевидно, в каждой лодке есть специальный индеец, который вращает бич над головой.

— Мое волшебство одержит верх над их волшебством, — сказал Оттар, взмахивая топором.

— Не напрашивайся на неприятности, — предупредил Барни. — Мы должны, если это только возможно, избежать кровопролития.

— Что?! — воскликнул потрясенный Оттар. Дух викинга взыграл в нем. — Они хотят воевать — пожалуйста. У нас нет трусов.

Он свирепо уставился в лицо Барни, ожидая ответа.

— Они высаживаются, — сказал Даллас, вставая между двумя мужчинами.

Теперь все сомнения относительно враждебных целей визита исчезли. Как только лодка касалась берега, гребцы вытаскивали ее на песок и брали из нее копья, луки и мягкие колчаны, наполненные короткими стрелами с каменными наконечниками. Барни сконцентрировал все внимание на крупноплановых съемках. Джино, стоявший на холме, должен был заснять всю панораму и все вооружение в деталях.

— Оттар, — сказал Даллас, — прикажи своим людям укрыться и не высовывать головы.

Оттар что-то проворчал, но отдал соответствующее распоряжение. Викингам было нелегко примириться с необходимостью обороны, но даже викинги не были самоубийцами. Количество атакующих превышало количество обороня-

ющих форт по крайней мере в двадцать раз, и драчливым норвежцам приходилось принимать в расчет такое превосходство.

Над головой просвистели первые стрелы, и дротик воткнулся в стену прямо над камерой Барни. Он быстро присел и просунул объектив в щель между бревнами. Это значительно сузило его поле зрения, однако было несравненно полезнее для здоровья.

— Оружие трусов, — пробормотал Оттар. — Трусливые собаки! Разве так сражаются?!

Со злости он грохнул топором о щит. Викинги презирали лук и стрелы и верили только в рукопашную схватку, которая наводила ужас на противников.

Когда все лодки достигли берега и были разгружены, боевые действия зашли в тупик. Дорсетские индейцы окружили бревенчатую стену, пытаясь проникнуть внутрь. Некоторые из них пробовали карабкаться на стены, однако смертоносные топоры викингов, молниеносно отсекавшие головы и руки, охладили их пыл. Нападающие размахивали оружием и кричали тонкими пронзительными голосами, которые заглушал свист рассекающих воздух бичей. За спинами воинов, в тылу, стояла маленькая груп-

па индейцев. Даллас указал на нее.

— Кажется, это вожди или кто-то вроде этого. Одеты по-другому, в меховые куртки с лисьими хвостами.

— Они больше смахивают на шаманов, — отозвался Барни. — Интересно, что они замышляют?

Индейцы развили бурную деятельность, похоже было, что они выполняли указания людей в меховых одеждах. По их требованию воины бежали к ближайшему лесу и возвращались, нагруженные сучьями.

— Неужели они хотят проломить стену? — спросил Барни.

— Наверно, еще хуже, — задумчиво ответил Даллас. — Скажи, эти дорсетские парни знакомы с огнем?

— Должно быть; Йенс говорил мне, что в развалинах их домов были найдены очаги и зола.

— Именно этого я и боялся, — мрачно заметил Даллас и указал на основание стены, где уже возвышалась гора сухих веток и сучьев.

Все копья, мечи и топоры викингов оказались совершенно бесполезными; гора продолжала расти. Еще через минуту из группы вождей в тылу вырвался человек и побежал через кричащую

толпу воинов с горящим факелом в руке. Копья, бросаемые викингами, градом сыпались вокруг него, но, приблизившись к горе из сучьев, он размахнулся и швырнул факел. Описав в воздухе огненную дугу, пылающий факел упал на вершину сушняка, тот затрещал и вспыхнул.

— Я могу положить конец этому прямо сейчас, — сказал Даллас, наклоняясь, чтобы открыть стальные ящики, стоявшие перед ним.

— Нет, — сказал Оттар, опустив руку ему на плечо. — Они хотят драться — пожалуйста. Мы сами справимся с костром.

— Может быть, но при этом вас всех прикончат.

— Ну что ж, мы тоже кое-кого прикончим, — сказал Оттар, со зловещей улыбкой спрыгнув с подмостков. — Кроме того, Барни нужны хорошие кадры битвы с индейцами.

Барни заколебался, однако он не мог не обратить внимания на спокойный, невозмутимый взгляд Далласа.

— Конечно, мне нужна картина, — выпалил он. — Но не ценой жизни людей. Пусть Даллас прекратит все это.

— Нет, — твердо сказал Оттар. — У тебя будет хорошая битва для твоего фильма. — Он гром-

ко рассмеялся. — Не будь таким грустным, мой старый друг, мы сразимся и за себя тоже. Скоро вы уедете, и, когда мы останемся здесь одни, нам хочется, чтобы эти варвары уже знали, что такое викинги в бою.

В следующее мгновение он исчез.

— Он прав, — заметил Даллас. — Но если дела у них пойдут плохо, мы должны быть готовы прийти на помощь. — Он открыл самый большой ящик и достал оттуда громкоговоритель и моток изоляционного провода. — Я хочу установить эту штуку вдоль стены, как можно дальше отсюда, насколько хватит провода.

— Что это?

— Громкоговоритель для кердлерной установки. Посмотрим, как будут чувствовать себя индейцы, когда услышат этот рев.

Оттар собрал всех своих воинов перед воротами, доверив охрану стен женщинам и подросткам. Две женщины стояли у ворот, готовые распахнуть их по сигналу Оттара, и Барни, потрясенный, увидел, что одной из этих женщин была Слайти. А он-то думал, что Слайти находится в безопасности, в лагере! Он крикнул, чтобы она вернулась, в то самое мгновение, когда Оттар поднял над головой топор, и его слова потонули в реве сотни

глоток викингов. Ворота широко распахнулись, и из них вырвался отряд норвежских воинов. Женщины поспешно заперли ворота на засов.

Это была схватка, которую викинги больше всего любили и которой больше всего наслаждались. Ревущей компактной массой они рванулись вперед и врезались в ряды дорсетских индейцев. Огромное численное превосходство индейцев сейчас не имело значения, потому что они не могли сражаться с этими северными мясниками, защищенными щитами и металлическими шлемами. Действительно, схватка походила на бойню — короткие мечи и боевые топоры викингов разили индейцев направо и налево.

Дорсетские воины повернулись и обратились в бегство: им больше ничего не оставалось. Они бежали под неумолимым натиском залитых кровью убийц. Однако, когда противники разделились на две группы, между ними образовалось свободное пространство, и характер битвы изменился. Дротики полетели в толпу викингов, и стрелы градом посыпались на их щиты. Вот упал один северянин — копье пронзило ему ногу, за ним другой. Индейцы начали понимать, что происходит, и держались на расстоянии, осыпая викингов дождем дротиков и стрел. Викинги не

могли приблизиться к противнику, а они умели драться только лицом к лицу. Было ясно, что через несколько мгновений положение северных воинов станет безнадежным. Они будут окружены и перебиты один за другим.

— Если ты можешь что-то сделать, — сказал Барни, — то сейчас самое время, Даллас.

— Ясно. У меня только одна пара затычек для ушей, так что я бы на твоем месте заткнул уши пальцами.

Барни открыл рот, чтобы ответить, но в это мгновение Даллас повернул выключатель, и его голос и все остальные звуки были моментально поглощены совершенно невообразимым, убийственным ревом, который внезапно вырвался из громкоговорителей. Барни инстинктивно заткнул уши и прижал ладони к голове. Даллас, удовлетворенно кивнув, извлек из второго ящика дымовые гранаты и гранаты со слезоточивым газом и начал с профессиональной меткостью бросать их в индейцев.

По-прежнему крепко прижимая ладони к ушам, с лицом, искаженным болезненной гримасой, Барни поднял голову и посмотрел вниз. За несколько секунд положение на поле боя резко изменилось. Кердлер и гранаты были так же

незнакомы викингам, как и индейцам, однако викинги при этом тотчас же собрались в еще более тесную группу и ощетинились мечами и копьями для круговой обороны. Реакция дорсетских индейцев была совершенно иной. Ими овладела паника. Ужасающий рев разрывал им барабанные перепонки. Столбы удушающего дыма вырастали вокруг них, они ничего не видели и не могли дышать. Забыв обо всем, они обратились в паническое бегство. Всего минуту назад они были атакующей армией. Теперь же берег был усыпан сотнями бегущих фигур и темными точками трупов, лежащих здесь и там. Все было кончено. Отталкивая друг друга, индейцы прыгали в лодки. Только несколько отставших индейцев метались в облаках слезоточивых газов на берегу.

Воины Оттара стояли плечом к плечу, готовые сразиться с любым врагом, будь то люди или сверхъестественные силы. Даже те, кого ослепили бомбы со слезоточивым газом, были готовы к бою, как и их товарищи. Храбрые викинги представляли поистине внушительное зрелище.

Когда Даллас выключил кердлер, тишина, казалось, запульсировала. Уши Барни оглохли, все еще наполненные невероятным, убийственным

ревом. Он медленно уронил руки и выпрямился. Дорсетские индейцы побеждены и обращены в бегство, в этом не было сомнения. Викинги опустили щиты и с победными криками размахивали оружием. Голос Далласа, стоявшего рядом, доносился откуда-то издалека, как будто сквозь несколько слоев ваты. Даллас пальцем указывал на грузовик, все еще стоявший на вершине холма.

— Они даже не подумали напасть на грузовик или на лагерь, так что Джино, наверно, крутил свою машину не переставая. — Затем взгляд Далласа упал на ликующих северян, которые оттаскивали горящий сушняк от стены. — Ну вот тебе и битва с индейцами, вот тебе и твой фильм.

Барни отвернулся от убитых и раненых и начал спускаться с холма.

Глава 18

— Вот закат, которого мы ждали, Барни, — сказал Чарли Чанг. — Только взгляни на эти краски!

— Тогда снимаем, — сказал Барни, глядя на своих людей, собравшихся на склоне холма. — Ты готов, Джино?

— Еще минутки две-три, — попросил оператор, глядя в видоискатель съемочной камеры, — как только облака немного отнесет в сторону и я смогу снимать прямо на солнце.

— О'кей, — сказал Барни и повернулся к Оттару и Слайти, одетым в лучшие костюмы викингов. На щеке Оттара был резиновый шрам, и виски покрашены в седой цвет. — Итак, это последняя сцена фильма, самая последняя сцена. Я все время ждал, чтобы появились необходимые краски. Все остальное уже готово и уложено в коробки. Эта сцена будет показана в таком порядке: первый эпизод, второй, третий, но мы будем снимать ее иначе: первый, третий и второй. В самом конце ваши силуэты должны быть видны на багровом фоне заката. В первом эпизоде вы поднимаетесь по склону холма, медленно, рука об руку, и останавливаетесь на вершине в том месте, где прочерчена линия. Вы стоите на вершине холма и смотрите в море до тех пор, пока я не крикну: «Дальше!» Тогда Слайти кладет руку на плечо Оттара. Это конец первого эпизода. Затем Оттар обнимает Слайти и держит руку на ее талии, пока мы не отступим назад и не снимем ваши фигуры вдалеке на фоне заката. Понятно?

Оба кивнули.

— Готово! — крикнул Джино.

— Одну секундочку. Когда я крикну «стоп», вы остаетесь на холме, мы подкатываем камеру и снимаем следующий эпизод, который весь состоит из разговора. Тоже понятно?

Все прошло без сучка и задоринки. К тому времени Оттар стал почти профессионалом, — по крайней мере, он выполнял указания Барни без пререканий. Они рука об руку поднялись на вершину холма и остановились, глядя на закат. По склону холма были проложены доски, чтобы камера двигалась медленно и плавно, и рабочие, подгоняемые криками Барни, осторожно откатили камеру от вершины холма так, чтобы фигуры влюбленных постепенно исчезали на багровом фоне.

— Стоп! — крикнул Барни, когда тележка с камерой уперлась в конец дорожки. — Главным героям оставаться на месте. Снимаем дальше, пока еще не стемнело.

Все забегали туда-сюда, но без суеты, каждый знал свое дело. Камеру перекатили обратно к вершине холма, где звукооператоры уже устанавливали магнитофон и микрофоны. Слайти, нахмурившись, зубрила свои реплики, а девушка из сценарного отдела читала Оттару его слова.

Солнце уже почти касалось поверхности моря, и небо окрасилось ярким пламенем.

— Готово, — сказал Джино.

— Камера! — скомандовал Барни. — И чтобы никто не произнес ни звука, ни единого звука.

— Вон там, — сказал Оттар, протягивая руку вперед, — там, за океаном, наш дом. Ты не скучаешь по нему, Гудрид?

— Долго я скучала по нему, но больше не думаю об этом. Мы боролись и умирали за эту землю, и теперь она наша. Винланд… этот новый мир, он стал нашим домом.

— Стоп. Отлично, начинайте печатать. По-моему, на этом мы кончили.

Все восторженно закричали, Слайти поцеловала Барни, а Оттар стиснул его руку своей лапой. Это был волнующий момент, потому что картина была почти закончена, оставалось только проявить, отпечатать и смонтировать заключительные сцены — и фильм будет готов. Вечеринка, намеченная на тот же день, обещала стать настоящим большим праздником.

Так оно и случилось. Даже погода пошла им навстречу и позволила, не включая электронагревателей, поднять одну из брезентовых стен столовой. На столе были индейка и шампан-

ское, четыре сорта десерта и неограниченное количество алкогольных напитков. Все члены съемочной группы, большая часть викингов и несколько норвежских женщин приняли участие в празднике. Да, это была веселая вечеринка.

— Я не хочу уезжать, — рыдала Слайти, роняя слезы в шампанское.

Барни успокаивающе похлопал ее по свободной руке, а Оттар с чувством стиснул ей бедро.

— По сути дела, ты никуда не уезжаешь и не оставляешь своего ребенка, — в сотый раз объяснял Барни. Он сам удивлялся собственному терпению, но в этот вечер все было необычно. — Ты знаешь, что Кирстен сойдет с ума, если ты будешь отсутствовать даже короткое время, но в этом нет необходимости. Кроме того, согласись, что появление ребенка в Калифорнии, когда на прошлой неделе ты даже не была беременна, будет трудно объяснить. Особенно во время рекламной кампании, которая будет организована для фильма. Таким образом, все, что от тебя требуется, — это подождать до выхода фильма на экраны. К тому времени ты решишь, что делать со своим ребенком. Не забудь, что в Калифорнии ты даже не замужем, а у них для таких ситуаций особо строгие законы. Как только ты решишь

вернуться, профессор обещал доставить тебя обратно. После твоего отъезда пройдет не больше минуты. Что может быть проще?

— Пройдет много месяцев, — рыдала Слайти, и Барни начал было объяснять ей все в сто первый раз, когда Чарли Чанг тронул его за руку и передал еще один коктейль.

— Я только что беседовал с профом о природе времени, — сказал Чарли.

— Не желаю говорить о природе времени, — сказал ему Барни. — После всего, что случилось за последние две недели, я бы с радостью согласился совсем забыть о времени.

Для всех них это было нелегко. Немногим более четырех дней прошло в Калифорнии — по часам на контрольной панели времеатрона сейчас там был вечер четверга, — и это были действительно трудные дни.

Все это время они мотались туда-сюда из одиннадцатого века в двадцатый, монтируя фильм и производя его озвучивание в лабораториях студии. Спайдермен со своими ребятами записывал музыкальное сопровождение в одном из павильонов. То и дело приходилось перепрыгивать назад в прошлое на один-два дня, чтобы использовать студийное оборудование чуть не все двадцать

четыре часа в сутки, и не раз случалось, что одни и те же люди пересекали собственные временны́е траектории. Барни, сколько ни старался, никак не мог забыть трех профессоров Хьюиттов, оживленно беседующих друг с другом. Он отхлебнул из стакана.

— Нет, ты послушай, — настаивал Чарли Чанг. — Я знаю, что все мы немного чокнутые, оттого что нам то и дело приходится пожимать руки самим себе, но я не это имею в виду. Я хочу спросить, почему мы снимаем фильм в этом месте Лабрадора?

— Потому что именно сюда нас доставил профессор.

— Совершенно верно. А почему профессор доставил нас именно сюда?

— Потому что это одно из тех мест, которые они с Йенсом осматривали в поисках поселений, — медленно ответил Барни. Сегодня вечером его терпение было поистине безгранично.

— Тоже верно. А теперь скажи, ты когда-нибудь задумывался над тем, почему Йенсу пришло в голову искать следы поселений именно здесь? Ну-ка, ответьте ему, профессор!

Хьюитт поставил на стол свой стакан и промокнул губы салфеткой.

— Мы решили осмотреть это место из-за раскопок, которые в начале шестидесятых годов проводил в этом месте Хельге Ингстад. Он обнаружил остатки девяти строений, и радиоактивный анализ древесного угля показал, что поселение существовало в самом начале одиннадцатого века, примерно в тысячном году.

— Теперь ты понимаешь, что это значит? — спросил Чарли.

— Объясни мне, — рассеянно ответил Барни, мурлыча про себя песенку «Викинги всегда идут вперед» — музыкальную шапку фильма, которую Спайдермен наигрывал где-то за их спинами.

— Сейчас тысяча шестой год, — сказал Чарли. — И в поселении Оттара построено девять зданий, причем два из них — всего лишь бревенчатые коробки, мы их сожгли для съемки фильма. Итак, здесь, в Эпавесском заливе, находится поселение норвежцев одиннадцатого столетия, потому что следы этого поселения были обнаружены в двадцатом веке. Таким образом, можно сказать, что во времени существует кольцо без начала и без конца. Мы прибыли сюда, чтобы оставить следы, находка которых заставит нас прибыть сюда, чтобы оставить следы, находка которых…

— Достаточно, — сказал Барни, поднимая ру-

ку. — Я уже слышал об этих кольцах времени. Через минуту ты будешь говорить мне, что все старые норвежские саги о викингах — сущая правда именно благодаря нашему фильму или что Оттар не кто иной, как Торфинн Карлсефни, викинг, который основал первое норвежское поселение в Винланде.

— Конечно, — раздался голос Оттара. — Это я и есть.

— Что ты хочешь этим сказать? — быстро мигая, спросил Барни.

— Я и есть Торфинн Карлсефни, сын Торда Лошадиная Голова, сына Торхильда Рупа, дочери Торда…

— Тебя зовут Оттар.

— Конечно, Оттар — имя, так меня зовут люди, короткое имя. Но мое настоящее имя — Торфинн Карлсефни, сын Торда…

— Я припоминаю некоторые саги о Карлсефни, — сказал Чарли. — Когда я работал над сценарием, мне пришлось перечитать целую гору материалов. В одной из саг сказано, что он прибыл в Винланд, по дороге остановившись в Исландии, и женился на девушке по имени… Гудрид.

— Но ведь так зовут Слайти в нашей картине! —

с трудом выговорил Барни.

— Подождите, это еще не все, — продолжал Чарли глухим голосом. — Я вспоминаю, что у Гудрид в Винланде родился ребенок, которого назвали Снорри.

— Снорри, — прошептал Барни и почувствовал, как у него волосы встают дыбом. — Один из семи гномов Белоснежки…

— Я не понимаю, почему все вы так обеспокоены случившимся, — заметил профессор Хьюитт. — Вот уже несколько недель нам известно о существовании временны́х колец. То, что мы сейчас обсуждаем, — это уже детали, речь идет всего лишь об одном таком кольце.

— Но что же это означает, профессор, что все это означает? — воскликнул Барни. — Если это именно так, значит единственная причина, по которой викинги решили поселиться в Винланде, заключается в том, что мы решили снять фильм, показывающий, как викинги поселились в Винланде.

— Ну что ж, эта причина не хуже любой другой, — спокойно заметил профессор.

— Пожалуй; только к этому нужно привыкнуть, — пробормотал Барни.

Потом все говорили, что вечеринка надолго

запомнится, и она продолжалась всю ночь до самого рассвета, так что на следующий день удалось сделать очень немногое. Однако напряжение заметно упало, и уже не было необходимости в том, чтобы работали все до одного. Люди разбились на маленькие группы и двинулись кто куда. Некоторые решили отдохнуть на Санта-Каталине, хотя большая часть людей хотела поскорее отправиться домой. Они исчезли, радостно размахивая над головой табелями рабочего времени, и в бухгалтерии «Клаймэктик студиоз» свет горел всю ночь.

Когда фильм был полностью окончен и была сделана копия, которую Барни аккуратно уложил в металлические коробки, в лагере оставалась всего лишь горстка людей — в основном шоферы, которые должны были транспортировать машины в двадцатое столетие.

— Боюсь, что нам не скоро удастся подышать опять таким свежим воздухом, — сказал Даллас, глядя с холма на поселение викингов на берегу залива.

— Пожалуй, я буду скучать о чем-то гораздо большем, — ответил Барни. — Только теперь начинаю понимать, что все это время я ни о чем, кроме картины, не думал, а сейчас, когда

она готова, у меня такое чувство, что произошло что-то намного более значительное, чем нам представлялось раньше. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю. Но не забудь, что наши парни увидели Париж только потому, что правительство послало их воевать с немцами. Что происходит, то происходит, вот и все.

— Наверно, ты прав, — заметил Барни. — Только не говори об этом вслух. Уж слишком это похоже на профессорские временны́е кольца.

— Что случилось с твоей рукой? — внезапно спросил Даллас.

— Похоже на занозу, — ответил Барни.

— Я попрошу медсестру ее выдернуть, пока она еще не закрыла свою лавочку.

— Ладно, только пусть поторопится, через десять минут трогаемся.

Медсестра с шумом распахнула дверь трейлера и подозрительно оглянулась.

— Извините, но все уже заперто.

— Вы меня тоже извините, — твердо сказал Барни, — но придется отпереть. Необходима срочная медицинская помощь.

Взглянув на руку, сестра презрительно фыркнула, однако открыла медицинский шкафчик.

— Никак не могу подцепить занозу пинцетом, — сказала она наконец со скрытым злорадством в голосе, — поэтому придется немного разрезать скальпелем.

Операция заняла всего минуту, и Барни, который думал о более важных вещах, даже не почувствовал боли, пока сестра не помазала крошечную ранку йодом.

— Ой! — сказал он.

— Ну-ну, мистер Хендриксон, такая безделица не может причинить боль — во всяком случае, не такому большому мужчине, как вы. — Она открыла дверцу второго шкафчика. — К сожалению, все пакеты первой помощи кончились, поэтому мне придется временно перевязать руку простым бинтом.

Она быстро обмотала ладонь двумя слоями бинта, и Барни вдруг рассмеялся, вспомнив что-то.

— Заноза! — сказал он и, посмотрев вниз, впервые заметил, что на нем были его лучшие брюки из рогожки и кожаная куртка. — Готов поспорить, что у вас в шкафчике есть меркурохром, я просто убежден в этом.

— Какие странные вещи вы говорите! Конечно есть.

— Тогда намотайте побольше этого бинта, что-

бы повязка выглядела огромной. Я покажу ему, что садистский…

— Что? Кому ему?

— Мне, вот кому. Вот как я обращался с самим собой, и теперь я собираюсь отплатить себе. Подумать только, что я осмелился так обращаться с собой!

Сестра замолчала и проворно обмотала руку Барни бинтом, сделав нечто вроде культи, как он и просил. Даже когда Барни схватил пузырек с меркурохромом и щедро полил повязку красной жидкостью, которая закапала чисто вымытый пол, она не произнесла ни единого слова. Когда Барни спустился по лесенке, что-то радостно бормоча себе под нос, за его спиной щелкнул замок.

— Ты ранен? — спросил Оттар.

— Не совсем, — сказал Барни и протянул левую руку, которую Оттар тотчас же стиснул. — Ну, не волнуйся и берегись индейцев.

— Я не боюсь их! Мы заготовили много твердой древесины, наживем целое состояние в Исландии. Ты пришлешь Гудрид обратно?

— По местному времени и двух минут не пройдет, но что будет потом, пусть она сама решает. Ну, пока, Оттар.

— До свидания, Барни. Приезжай снимать но-

вый фильм и плати «Джеком Дэниелсом».

— Может быть, я так и сделаю.

Это был последний прыжок во времени. Платформа стояла на площадке с вытоптанной травой и многочисленными следами автомобильных шин. Коробки с фильмом лежали в пикапе — единственной машине, которая оставалась на платформе. Даллас сидел за рулем, рядом с ним сгорбилась Слайти с заплаканными глазами и в мятом платье.

— Поехали! — крикнул Барни профессору Хьюитту и в последний раз вдохнул полной грудью свежий морской воздух.

Профессор перебросил всю группу вместе с грузовиками и трейлерами в пятницу, и только Барни с коробками фильма прибыл в понедельник на этой же неделе.

— Дайте мне побольше времени, профессор, — попросил Барни. — Мне нужно быть в кабинете Л. М. в десять тридцать.

Сразу же после прибытия он позвонил и подождал в павильоне посыльного с тележкой. Когда они погрузили фильм на тележку, было уже двадцать минут одиннадцатого.

— Кати теперь к кабинету Л. М., — распорядился Барни. — Я пойду вперед с коробкой номер один.

Он быстро зашагал по коридору и, обогнув угол, увидел знакомую фигуру, уныло, как побитая собака, поднимавшуюся по ступенькам. Барни злорадно усмехнулся, проследовав за самим собой через вестибюль до дверей кабинета Л. М., но тот Барни ни разу не повернул головы. Барни подождал, когда тот толкнет дверь, затем протянул руку через его плечо и отдернул его руку.

— Не входи туда, — сказал он.

— Да как вы осмелились! — крикнул ранний Барни, повернулся, взглянул ему в лицо и отшатнулся, выпучив глаза и дрожа всем телом, словно плохонький актер в третьесортном фильме ужасов.

— Великолепно, какая игра! — воскликнул Барни. — Может, тебе, вместо того чтобы ставить фильмы, стоило играть в них?

— Ты… Я… — по-идиотски забормотал тот в ответ.

— Ты очень наблюдателен, — сказал Барни. И тут он вспомнил про чертеж. Как было бы хорошо избавиться от него! — Подержи-ка одну секунду, — сказал он, сунув коробку с фильмом в руки своего двойника.

Он не мог достать бумажник из кармана забинтованной рукой, поэтому ему пришлось пустить

в ход левую руку. Второй Барни держал коробку и только бормотал что-то себе под нос, пока Барни не сунул ему в руку чертеж и не забрал коробку с фильмом.

— Что случилось с моей рукой… твоей рукой? — в ужасе спросил второй Барни.

«Пожалуй, ему надо сказать», — подумал Барни, но тут он увидел посыльного с тележкой и распахнул дверь.

— Передай это профу, — сказал Барни, пропуская посыльного, и не смог удержаться от того, чтобы не уколоть в последний раз: — И перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он прошел вслед за посыльным, не оглядываясь, и дверь за его спиной захлопнулась. Барни не сомневался, что дверь не откроется, и наслаждался тем, что впервые в жизни был в чем-то абсолютно уверен. Эта уверенность помогла ему пройти мимо мисс Заккер, которая пыталась сказать ему что-то о представителях банка. Барни только отмахнулся от нее и открыл дверь в святилище, пропуская посыльного с нагруженной тележкой. Сидевший за своим письменным столом бледный Л. М. взглянул на него, и шесть седовласых людей с непроницаемыми лицами

тоже взглянули в сторону двери, чтобы увидеть того, кто осмелился прервать их разговор.

— Прошу извинить меня за опоздание, джентльмены, — сказал Барни спокойным, уверенным голосом. — Но я убежден, что мистер Гринспэн вам уже все объяснил. Мы были за рубежом и только что прибыли обратно с копией фильма, о котором говорил вам мистер Гринспэн. Здесь миллионы, господа, эта картина открывает новую эру в кинематографическом искусстве и обещает невиданные прибыли для «Клаймэктик студиоз».

Посыльный остановился, коробки с фильмом звякнули, и Сэм, сидевший где-то в самом темном углу кабинета, испустил едва слышный вздох.

Глава 19

— Надеюсь, вы извините меня, если я не буду вставать, — сказал Йенс Лин. — Доктор очень строго относится к послеобеденному отдыху.

— Конечно, конечно, — заверил его Барни. — Рана все еще болит?

Йенс лежал в шезлонге в саду своего дома и выглядел намного худее и бледнее, чем во время их последней встречи.

— Не очень, — ответил Йенс. — Она уже заживает. Я могу двигаться, я даже вчера был на премьере. И вынужден признать, что фильм во многих отношениях мне нравится.

— Тебе следовало быть репортером. Один из критиков обвинил нас в попытке снять натуралистический фильм, в попытке, которая потерпела полную неудачу. Он заявил, что статисты в фильме, совершенно очевидно, взяты из Голливуда и что ему удалось узнать некоторые места калифорнийского побережья, где якобы производились съемки фильма.

— Ну что ж, я понимаю его. Хотя я сам присутствовал при съемках фильма, но, сидя в зрительном зале, я испытывал какое-то чувство нереальности. Наверно, мы так привыкли к чудесам в кино и к тому, что действие фильма происходит в самом необычном месте, что нам все фильмы кажутся нереальными. Но слушай, если критики относятся к фильму отрицательно, значит он потерпел неудачу?

— Ни в коем случае! Критики всегда выступают против фильмов, которые делают большие кассовые сборы. Мы уже получили в десять раз больше, чем затратили, а деньги все еще текут рекой. Эксперимент оказался на редкость успеш-

ным, и сегодня у нас на заседании обсуждаются съемки следующей картины. Мне просто захотелось навестить тебя и… ты знаешь… я надеюсь, что ты не…

— Нет, я не сержусь на тебя, Барни. Все это уже прошло. Это я должен извиниться перед тобой за то, что вспылил. Сейчас я вижу все совершенно в другом свете.

Барни расплылся в улыбке.

— Это для меня самая лучшая новость. Должен признаться, Йенс, я чувствовал себя виноватым. Я даже принес с собой дары мира, хотя, собственно говоря, эту штуку раздобыл Даллас, он попросил меня передать ее тебе.

— Боже мой! — сказал Йенс, заглядывая в небольшой пакет и извлекая оттуда зазубренный продолговатый кусок дерева.

— Эту штуку дорсетские индейцы укрепляют на концах бичей. Когда они напали на лагерь Оттара, они крутили их над головами.

— Ну конечно, вот что это такое… — Йенс взял со стола толстый том. — Очень любезно с твоей стороны подумать обо мне. Когда увидишь Далласа, передай ему мою благодарность. У меня тут уже побывало несколько человек из нашей съемочной группы, и они рассказали о событиях,

происшедших после моего отъезда. Кроме того, я немало прочел об этом.

Йенс указал на книгу, и Барни вопросительно поднял брови.

— Это исландские саги на старонорвежском языке — именно на этом языке они были написаны. Конечно, почти все саги — лишь устные предания, которые двести лет передавались из поколения в поколение, прежде чем были записаны, однако их точность просто удивительна. Я прочитаю тебе отрывок из саги Торфинна Карлсефни и рассказ о гренландцах. Вот: «К концу этого времени было обнаружено множество варваров с юга, затопивших все, подобно реке… они вертели в руках шесты, издавая громкие крики». Шесты, о которых здесь говорится, и были бичами с такими, как эта, штуками на концах.

— Ты хочешь сказать, что Оттар… Торфинн… и все, что действительно случилось с ним, записано в этих сагах?

— Именно все. Конечно, некоторые места опущены и чуть-чуть искажены, но ведь двести лет, пока саги передавались из уст в уста, — долгий срок. Зато путешествие, строительство поселения, нападение индейцев, даже мороженое и бык, напугавший индейцев во время их первого

визита, — все это здесь есть.

— А там говорится… что с ним случилось потом?

— Из того, что там написано, ясно, что Оттар вернулся в Исландию или рассказал историю своих приключений другим норвежцам, которые побывали в Винланде. Насчет его дальнейшей жизни существуют различные версии, но все источники сходятся на том, что он стал богатым человеком и прожил долгую счастливую жизнь.

— Я рад за Оттара, он это заслужил. Скажи, а там говорится, вернулась ли к нему Слайти?

— Гудрид норвежских саг? Ну конечно. Я читал заметку об этом в одной из газет.

— Да, несомненно, ее написал не рекламный агент Слайти. Она-де бросает кинематографию ради человека, которого любит, и самого лучшего ребенка в мире и удаляется с ними на ранчо, где водопроводная система не самого современного образца, но тем не менее все очень мило и где совершенно восхитительный чистый воздух.

— Совершенно верно.

— Бедная Слайти! Интересно, имеет ли она представление, в каком месте — или в каком времени — находится это ранчо?

Йенс улыбнулся.

— Ты думаешь, это хоть сколько-нибудь важно?

— Пожалуй, ты прав.

Йенс извлек из книги фотокопию газетной статьи.

— Я сберег это для тебя, надеясь, что ты зайдешь. На нее наткнулся один из моих студентов и решил, что это позабавит меня. Статья, появившаяся в «Нью-Йорк таймс», по-моему, в тысяча девятьсот тридцать пятом году.

— «Заседание прервано в результате скандала, — прочитал Барни. — Заседание конгресса Археологического общества было прервано: два делегата подрались в вестибюле… угрозы судебного иска за клевету… заявил, что доктор Перкинс пытался ввести в заблуждение научный мир, показав собравшимся осколок стеклянной бутылки, который он якобы нашел при раскопках поселения викингов в Ньюфаундленде. Было объявлено, что это обман, потому что такого рода стеклянный сосуд никогда не встречался в северных культурах, для них он слишком хорош и, более того, очень напоминает сосуд, используемый для розлива широко известного сорта американского виски…»

Барни улыбнулся и отдал фотокопию.

— Похоже, что Оттару было нелегко избавиться от пустой посуды… — Он поднялся со стула. — Мне неудобно вот так убегать, но я опаздываю на совещание.

— И еще одна деталь. В сагах то и дело упоминается имя человека, который имел, по-видимому, огромное влияние на развитие норвежских поселений в Винланде. Он действующее лицо каждой саги, он принимал участие в одном или нескольких путешествиях и даже продал Торфинну корабль, на котором тот совершил путешествие в Винланд.

— Ну да, это, должно быть… как его там… Торвальд Эрикссон — тот парень, у которого Оттар купил корабль.

— Нет, у него другое имя. Его зовут Бьярни Херлофссон.

— Все это очень интересно, Йенс, но мне действительно нужно бежать.

Барни уже вышел на улицу, когда вдруг до его сознания дошло, что после двухсот лет устных рассказов имя Барни Хендриксона может звучать именно так.

— Они даже меня туда всунули! — охнул он.

— Проходите, мистер Хендриксон, — сказала мисс Заккер и даже слегка улыбнулась. Она была

идеальным барометром, и Барни знал, что его акции в «Клаймэктик» находятся на небывалой высоте.

— Мы вас ждем, — сказал Л. М., когда Барни вошел в кабинет. — Сигару?

Барни положил предложенную сигару в нагрудный карман и кивнул сидящим вокруг стола.

— Ну как, нравится? — спросил Л. М., тыча в голову тигра на стене. — Остальное у меня дома, делают чучело.

— Великолепно, — сказал Барни. — Но мне ни разу не приходилось видеть такого тигра.

Голова была почти в ярд длиной, и два огромных кошачьих клыка, каждый не меньше двенадцати дюймов, нависали над нижней челюстью.

— Это мечезубый тигр! — гордо произнес Л. М.

— А вы уверены, что не саблезубый?

— Подумаешь! Сабля тоже разновидность меча, правда? Эти двое, трюкачи… как их там зовут? Дайте мне список. Они организовали что-то вроде сафари, охоту на первобытных зверей, и «Клаймэктик» получает процент с прибылей без всяких затрат, если не считать, что они пользуются некоторым нашим оборудованием.

— Здорово придумано, — сказал Барни.

— Ну все, — сказал Л. М., постучав по столу

своей золотой зажигалкой. — Я человек компанейский, не хуже других, а может, и получше, но пора приступать к делу. «Викинг Колумб» имел потрясающий успех. Мы должны ковать железо, пока горячо, и создать картину, которая имела бы еще более потрясающий успех. Вот почему мы здесь собрались. Как раз перед вашим приходом, Барни, Чарли Чанг заметил, что картины на религиозные темы снова начинают пользоваться спросом.

— Я не собираюсь это оспаривать, — сказал Барни, но тут же вскинулся: — Л. М., неужели вы?..

Л. М. улыбнулся, не слушая его.

— И это, — продолжал он, — наводит меня на мысль о создании самой выдающейся картины на религиозную тему всех времен, картины, успех которой гарантирован.

Билл – герой Галактики

Часть первая
1

Билл так никогда и не понял, что первопричиной всех последовавших событий был секс. Ведь если бы солнце не сияло так ярко тем утром в оранжевом небе Фигеринадона-2 и если бы не сверкнула перед Биллом белоснежная пухленькая попка плескавшейся в ручье Инги-Марии Калифигии, то, надо полагать, он уделил бы больше внимания пахоте, а не насущным нуждам противоположных полов. К тому времени, когда со стороны дороги донеслись манящие звуки музыки, он был бы уже на дальнем конце поля и ничего не услышал бы. Тогда его дальнейшая жизнь сложилась бы совсем иначе. Но он услышал и бросил плуг, который тащил робомул, и повернулся, и разинул рот.

Зрелище и впрямь открывалось фантастически славное. Во главе процессии выступал робот-оркестр трехметрового роста, да еще в высоченном гусарском кивере, венчавшем отменную акустическую систему. Умопомрачительный робот твердо чеканил шаг колонноподобными но-

жищами, сверкающими золотом, а три десятка его рук виртуозно наигрывали, наяривали и нажаривали на множестве инструментов одновременно. Бравурная заводная музыка оглашала окрестности. Даже деревенщина Билл неуклюже задвигал ногами в деревянных башмаках в унисон сверкающим ботинкам солдат, что маршировали следом за роботом. На широкой груди каждого бравого воина звенели медали, и вид у колонны был, вне сомнения, самый молодецкий. Процессию замыкал сержант во всем великолепии галунов и позументов, знаков отличия и орденских лент, в блестящей кирасе, при мече и револьвере, едва не перерезанный пополам туго затянутым ремнем. Его стальной взгляд остановился на глазеющем из-за плетня Билле, жесткие губы искривились в дружеской улыбке, и он едва заметно по-свойски подмигнул. В сопровождении запыленной орды скачущих, ползущих на гусеницах и катящихся на колесиках вспомогательных роботов всех мастей маленький отряд скрылся за поворотом, а Билл неуклюже перелез через плетень и затрусил следом. Интересные события происходили на Фигеринадоне-2 не чаще двух раз в четыре года, и он не собирался пропускать третье.

К тому времени как запыхавшийся Билл появился на рыночной площади, там уже собралась порядочная толпа зевак. Концерт и впрямь был восхитительным. Робот-оркестр самозабвенно исполнил торжественные такты «Марша звездной пехоты», прорубился сквозь «Ракетные раскаты» и едва не разнес сам себя в клочья бурным ритмом «И в аду сапер окоп отроет». Заключительный аккорд он взял с таким жаром, что одна из его ног неожиданно взвилась высоко в воздух, но была ловко подхвачена им на лету, и робот закончил выступление, балансируя на одной ноге, а оторвавшейся конечностью отбивая такт. Когда отзвучало финальное душераздирающее «Форте» медных труб, робот, использовав освободившуюся конечность в качестве указки, направил внимание толпы на противоположную сторону площади, где уже развернули трехмерный экран и палатку с прохладительными напитками. Солдаты неприметно скрылись в кабачке, а лучащийся сердечной улыбкой сержант-вербовщик остался один среди роботов.

— Слушайте, слушайте! — загорланил он зычным командирским голосом. — Выпивка за счет императора, а чтоб не скучать — забойная киношка про дальние края!

Толпа повалила на зов. Билл, само собой, тоже, и лишь несколько пожилых, тертых калачей-дезертиров нырнули в переулок: они-то знали, что к чему. Прохладительные напитки подавал робот с краном вместо пупка и с неисчерпаемым запасом пластиковых стаканчиков в бедре. Билл смаковал свое питье, всецело поглощенный невероятными приключениями солдат из Космических частей — в цвете и с аудиовизуальной стимуляцией подсознания. Там было все: битва, смерть и неувядаемая слава — хотя гибли только чинджеры, солдаты же отделывались аккуратными симпатичными поверхностными ранениями, которые легко удавалось скрыть марлевыми повязочками. Билл, увлеченно созерцавший красочное зрелище, и подумать не мог, что в то же самое время его увлеченно созерцает сержант-вербовщик Грю, чьи маленькие поросячьи глазки похотливо бегали по ладной фигуре неиспорченного деревенского парня.

«Как раз что надо!» — ликовал сержант и машинально облизывал губы языком, покрытым желтоватым налетом. Он уже чувствовал, как карман оттягивают премиальные за этого ослика.

Толпа на площади состояла в основном из

мужичья непризывного возраста, баб-толстух и сопливых ребятишек — материала самого нестроевого. Исключение составлял только вот этот плечистый, мускулистый кусок электроннопушечного мяса. С точностью, свидетельствующей о большом опыте, сержант убавил инфразвуковое сопровождение и направил в кудрявый затылок своей жертвы узкий стимулирующий луч. Билл аж затрясся, вживаясь в грандиозную битву, которая разворачивалась перед его глазами.

Прозвучал заключительный аккорд, экран погас, и робот-бармен забарабанил в свою железную грудь со словами: «Напитки! Напитки!»

Публика, как стадо баранов, повалила на зов, а Билла задержала крепкая рука.

— Глянь-ка, что у меня есть, — сказал сержант и вручил Биллу стакан жидкости, содержащей такое количество подавляющего волю наркотика, что на дно выпал кристаллический осадок. — Ты парень что надо, не чета этим олухам неотесанным! Никогда не задумывался о солдатской карьере?

— Не гожусь я, сержант. — Билл пошлепал губами и сплюнул; казалось, что-то мешает ему выговаривать слова. И с мыслями он никак не мог совладать. Но о его высокой устойчивости

свидетельствовал тот факт, что он вообще еще держался на ногах после лошадиной дозы химических и инфразвуковых стимуляторов. — Не гожусь я. Хочу быть мастером в любимом деле. — Билл покачал головой. — Сейчас я заканчиваю заочный курс операторов механических навозоразбрасывателей, ну и…

— Дерьмовая работа для такого парня, как ты! — гаркнул сержант, оценивающе похлопывая Билла по бицепсу. Скала!.. Он с трудом удержался, чтобы не оттянуть Биллу губу и не посмотреть на зубы — успеется еще. — Пускай в навозе копаются другие, тебе там ничего не светит! Зато в армии можно сделать карьеру дай бог всякому! Возьми хотя бы адмирала Пфлюнгера; прошел, как говорится, огонь, воду и медные трубы — от рядового до Великого Адмирала! Что скажешь?

— Ну, я рад за господина Пфлюнгера, но, по мне, навоз куда милее. Да что это меня так в сон тянет? Пойти вздремнуть часок, что ли…

— Только сначала, сделай одолжение, погляди вот сюда, — перебил его сержант, показывая на книжку, которую держал раскрытой крохотный робот. — Встречают, как говорится, по одежке, а большинство моих знакомых постыдились бы показаться на людях в такой жалкой дерюге, что

на тебе, не говоря уж о твоих дерьмоступах. На кой черт таскать тряпки, если можно выглядеть вот так!

Толстый палец ткнулся в книжку, и Билл перевел взгляд на цветную картинку, на которой благодаря чудесам техники поставленной на службу дурным целям, красовался он собственной персоной в блестящем красном мундире космического пехотинца. Сержант переворачивал страницы, и с каждой новой мундир становился все более великолепным, украшенным все более высокими знаками отличия. Последняя изображала неотразимую форму самого Великого Адмирала, и Билл недоверчиво заморгал, увидев физиономию, хоть, правда, и морщинистую, и с элегантными, с проседью усиками, но, несомненно, собственную.

— Вот таким ты будешь, когда поднимешься на высшие ступени командования, — прошептал ему на ухо сержант. — Верно, ты хотел бы примерить мундир? Портной!

Билл разинул было рот, чтобы запротестовать, но сержант тут же воткнул в него чудовищных размеров сигару, и прежде чем Билл успел ее вынуть, подкатился на резиновых колесиках робот-портной, обнял его рукой-ширмой и мигом

раздел догола.

— Эй-эй! — пролепетал ошарашенный Билл.

— Это совсем не больно, — заверил его сержант, просовывая за ширму свою большую голову. Он довольно оглядел мускулистое тело Билла, ткнул пальцем в солнечное сплетение (скала!) и ретировался.

— Ай! — сказал Билл, когда портной, снимая мерку, уколол его холодной линейкой.

Через минуту в бочкообразном брюхе робота заскрежетало, и из прорези на груди полез восхитительный красный мундир. В мгновение ока он оказался на Билле, золотые пуговицы застегнулись. Затем пришла очередь парадных бриджей и сверкающих лаком черных сапог. Ошеломленный Билл даже пошатнулся, когда ширма исчезла, а вместо нее появилось большое самоходное зеркало.

— Женщины прямо-таки голову теряют при виде мундира, — сообщил сержант. — И немудрено!

Билл снова увидел перед собой идеально круглые ягодицы Инги-Марии Калифигии, глаза его на миг затуманились, а очнувшись, он обнаружил в своей руке перо и какой-то бланк, услужливо предложенный сержантом.

— Нет! — заявил он, удивляясь собственной твердости. — Не подпишу! Оператор механического навозоразбрасывателя, и все тут!

— Прекрасный мундир и подъемные! Да еще доктор тебя осмотрит совершенно бесплатно! И вдобавок ко всему ты получишь красивые медали! — Сержант открыл плоскую коробочку, поданную роботом. — Вот, например, — сказал он торжественно и приколол к груди Билла нечто напоминающее маленькое, инкрустированное бриллиантами облачко. — Почетный орден храброго новобранца… А вот — Имперский позолоченный поздравительный рог… Звездный крест победителя… Честь и слава матерям полегших героев… Ну и Вечный рог изобилия — если честно, порядочная ерунда, но выглядит внушительно, и в нем можно хранить презервативы.

Он отступил на шаг, чтобы полюбоваться Биллом, украшенным ленточками, побрякушками и блестящими стеклышками.

— Но я… Не-ет! Спасибо за честь, но…

Сержант, готовый к куда более активному сопротивлению, только усмехнулся и нажал кнопку у себя на поясе. Кнопка эта приводила в действие гипнотическую иглу, вмонтированную в подметку сапога новобранца. Неодолимый импульс

пронзил Билла… И через мгновение он осознал, что уже поставил свою подпись на листе.

— Но…

— Добро пожаловать в космическую пехоту, парень! — заорал сержант, смачно похлопывая его по спине (скала!) и вытаскивая авторучку из судорожно сжатых пальцев. — Становись! — заорал он еще громче, и солдаты стали выскакивать из бара.

— Что вы сделали с моим сыном?!

С душераздирающим воплем на площадь выбежала мать Билла, одной рукой придерживая объемистый бюст, другой волоча за собой младшего брата Билла, маленького Чарли. Чарли разревелся и замочил штанишки.

— Ваш сын стал солдатом во славу императора! — отрезал сержант и принялся строить в шеренгу сутулых, вислогубых рекрутов.

— Нет! Не имеете права! — В отчаянии мать рвала на себе волосы. — Я бедная вдова. Билл — мой единственный кормилец, он…

— Мама! — вскричал Билл, но сержант запихнул его обратно в строй.

— Мужайтесь, мадам! Нет выше чести для матери… — Он сунул ей в руку большую свежеотчеканенную монету. — Это подъемные — целый

новехонький имперский шиллинг. Знаю, его величество рад, что вы его получили… Смир-рно!

Новобранцы неуклюже щелкнули каблуками, расправили плечи и выпятили грудь. К немалому своему удивлению, то же проделал и Билл.

— Напра-во!

Подчиняясь импульсам гипнотических игл, скрытых в подметках сапог, рекруты в едином движении выполнили приказ.

— Шагом… арш!

Колонна тронулась с места. Контроль был столь жесток, что Билл, как ни старался, не мог даже повернуть головы, чтобы попрощаться с матерью. Та отстала, и лишь последний отчаянный вопль донесся, перекрыв грохот солдатских сапог.

— Сто тридцать шагов в минуту! — скомандовал сержант, поглядев на хронометр, вмонтированный под ноготь мизинца. — До посадочной площадки всего десять миль; ночевать будем в лагере!

Задающий темп робот настроил метроном, ноги зачастили, солдаты взмокли. К посадочной площадке подошли в сумерках. Мундиры из красной бумаги висели клочьями, позолота с оловянных пуговиц слезла, отслоилась пленка, защищавшая от пыли сапоги из эрзац-кожи. Гряз-

ные измотанные новобранцы чувствовали себя в точности так, как выглядели.

2

На рассвете Билла разбудил не задорный сигнал горниста, а удар ультразвука, от которого сперва затрясся железный каркас его койки, а потом и он сам — причем с такой силой, что из зубов повываливались все пломбы. Билл вскочил на ноги. Стояло лето, и пол в казарме специально охлаждался — в учебно-тренировочном лагере имени Льва Троцкого новобранцев баловать не собирались. Бледные, как привидения, заспанные и озябшие рекруты повскакивали с коек. Выворачивающая внутренности вибрация вскоре прекратилась. Новобранцы поспешно натянули бесформенные комбинезоны из наждачной бумаги, вколотили ноги в огромные красные башмаки и высыпали наружу, под серое предутреннее небо.

— Я здесь затем, чтобы сломить ваш дух! — объявил им жесткий голос. — Понятно?

Они подняли головы и, увидев владыку этого ада, затряслись пуще прежнего.

Старший сержант Сгинь Сдохни был специали-

стом в полном смысле этого слова — от кончиков остриженных ежиком волос до шипастых подметок начищенных до зеркального блеска сапог. Был он широкоплеч и сухопар, длинные руки будто у какого-то жуткого антропоида свисали ниже колен, а костяшки пальцев на громадном кулачище покрывали бесчисленные мозоли от тысяч зуботычин. Глядя на это порождение ада, нелегко было представить, что появился он на свет из нежного материнского чрева. Нет, не мог Сдохни *родиться*; подобных ему наверняка изготавливают по особым правительственным заказам.

Особо страшное впечатление производила его голова. Одно лицо чего стоило! Узенькая, в палец, полоска лба отделяла щеточку волос от кустистых бровей, нависавших густыми зарослями над черными провалами глаз, о присутствии которых свидетельствовали только красноватые зловещие огоньки в непроницаемом мраке глазниц. Сломанный, свернутый набок нос свисал надо ртом, очень напоминавшим ножевую рану в животе окоченелого покойника. Образ довершали торчавшие из-под верхней губы огромные острые клыки.

— Я старший сержант Сгинь Сдохни. Вы долж-

ны меня называть «сэр» и «господин», когда обращаетесь ко мне. — Сержант мрачно прошел вдоль шеренги испуганных новобранцев. — Я ваш отец, ваша мать, ваша вселенная и самый страшный враг. Вы еще пожалеете, что родились на этот свет! Я растопчу вашу волю. Когда я скомандую «Прыгай!», вы у меня будете прыгать! Моя задача — сделать из вас солдат, то есть научить дисциплине. Дисциплина — это отсутствие свободы воли, абсолютно беспрекословное повиновение и бездумное выполнение приказов. Большего от вас я не потребую!

Он остановился перед Биллом, который трясся вроде бы поменьше, чем остальные, и ухмыльнулся:

— Что-то не нравится мне твоя рожа. Месяц работы на кухне по воскресеньям!

— Сэр…

— И еще месяц за пререкания!

Билл мудро промолчал. Он уже усвоил первый урок курса молодого бойца: «Держи язык за зубами».

Сержант двинулся дальше.

— Сейчас вы просто жалкие куски штатского мяса в штанах, но я превращу это мясо в мускулы, из вашей воли сделаю студень, из ваших мозгов

— машины. Или вы станете хорошими солдатами, или я сживу вас со света! Вы еще услышите обо мне всякие истории, например, как я убил и съел новобранца, отказавшегося выполнить мое приказание.

Он остановился и обвел глазами строй. Уголки вурдалачьих губ поползли вверх в дьявольском подобии улыбки. С кончиков выступавших клыков капала слюна.

— Эта история подлинная.

Ответом ему был единодушный стон. Шеренга новобранцев содрогнулась, словно под шквалом ледяного ветра. Улыбка исчезла с лица сержанта.

— Сейчас мы пойдем завтракать, но прежде мне нужны два-три добровольца на легкую работу. Кто из вас водит вертолет?

Двое новобранцев с надеждой подняли руки, и Сдохни велел им выйти вперед.

— Отлично, парни! Берите тряпки, ведра — и в сортир! Пока остальные будут лопать, вы немного приберете. Нагуляете аппетит к обеду.

Это был второй урок для Билла: «Никогда не вызывайся добровольцем».

Началась военная подготовка. Дни летели с отупляющей быстротой, и, как ни странно, с

каждым днем новобранцам приходилось все хуже. Хотя, если подумать, иначе и быть не могло: об этом позаботилось много способных, изощренных в садизме умов. Стригли рекрутов наголо, гениталии их красили в оранжевый цвет антисептиком. Еда была с теоретической точки зрения питательной, но на вкус ужасной. Когда по ошибке кусок мяса однажды подали в пригодном к употреблению виде, его тут же выловили из котла и выбросили на помойку, а повара разжаловали в посудомойки.

Среди ночи новобранцев поднимали по учебной тревоге воплем: «Внимание, газы!» — а свободное время занимала подготовка снаряжения. Седьмой день недели отводился для отдыха, но так как каждый успевал заработать какое-нибудь наказание, как, например, Билл, то воскресенье мало чем отличалось от будней.

Билл протиснулся сквозь перекрывающее вход слабое силовое поле, отрегулированное со столь изощренной хитростью, что позволяло кусачим мухам проникать в барак, но наружу их не выпускало, поставил на пол задубелую от пота, грязи и кухонного жира куртку и достал из сундучка электробритву. После четырнадцатичасовой чистки картофеля ноги у него тряслись как в ли-

хорадке, а руки, бледные и опухшие, напоминали конечности добротно вымоченного покойника. В сортире он долго искал участок относительно чистого зеркала. Все зеркала были покрыты вдохновенными надписями вроде: «Держи язык за зубами — чинджеры подслушивают» или «Будешь много болтать — человек в зеркале пропал». В конце концов он сунул штепсель бритвы в розетку рядом с грозным вопросом: «Хочешь, чтобы твоя сестра вышла за чинджера?» — и всмотрелся в свое отражение. На него глядели налитые кровью, обведенные черными кругами глаза.

Больше минуты Билл елозил жужжащей машинкой по запавшим щекам, прежде чем смысл вопроса дошел до его отупевшего от усталости сознания.

— Нет у меня сестры, — буркнул он сварливо. — А если бы и была, на кой черт ей выходить замуж за ящерицу?

Вопрос был чисто риторический. Однако с противоположного конца помещения, а точнее, из последней кабинки во втором ряду донесся неожиданный ответ:

— Не следует понимать все буквально. Цель лозунга — будить в нас непримиримую ненависть к врагу.

Убежденный, что он в сортире один, Билл подскочил как ужаленный. Бритва взвизгнула со злобным удовлетворением и отхватила клочок губы.

— Кто здесь?! Почему прячешься?

Только сейчас он заметил груду башмаков, сваленных в дальнем углу, и склонившуюся над ней темную фигуру.

— А, это ты, Усер…

Гнев его сразу прошел, и Билл вновь повернулся к зеркалу.

Усердный Прилежник был столь неотъемлемой частью сортира, что его присутствие там просто не замечалось. Этот юноша с круглым, как полная луна, лицом, вечно румяными щеками и с неизменной улыбкой на лоснящейся физиономии так мало подходил к обстановке в учебном лагере имени Льва Троцкого, что первым порывом каждого новобранца было разорвать его на куски. Наверное, так бы и случилось, если бы Усер был в своем уме: только сущий придурок мог так охотно брать на себя работу товарищей и добровольно вызваться постоянно дежурить по сортиру. Мало того, он просто обожал драить башмаки и предлагал свои услуги по очереди всем рекрутам, так что теперь превратился в бес-

сменного чистильщика. Когда взвод расходился по баракам, Усер располагался в своем царстве стульчаков и приступал к развитой уже почти до промышленных масштабов деятельности, с радостной улыбкой орудуя щетками. Гасли лампы, но он продолжал работу при свете горящего в баночке из-под гуталина фитилька, и побудка заставала его на обычном месте с удовлетворенным видом человека, закончившего очень важное дело. А когда башмаки бывали особенно грязными, Усер вообще не ложился спать. Шариков у него явно не хватало, но его не трогали: ведь он взвалил на плечи кошмарную обузу. Более того, парни буквально молились, чтобы Усер не протянул ноги от истощения, прежде чем кончится курс начальной военной подготовки.

— Если смысл только в этом, то почему бы просто не написать: «Возненавидь врага своего!» — удивился Билл и указал пальцем на противоположную стенку, где висел плакат под шапкой «Вот твой враг!». На плакате был изображен чинджер в натуральную величину — ящероподобное существо семи футов ростом, смахивающее на покрытого чешуей четверорукого земного кенгуру с крокодильей головой. — А потом — чья же сестра пожелает выйти замуж за такое страшилище? И

что оно после свадьбы делало бы с этой сестрой? Разве что сожрало бы ее…

Усер как раз закончил полировать один красный башмак и взялся за следующий. Он нахмурил брови, чтобы показать, что в его черепе идут сложные мыслительные процессы, и изрек:

— Ну, видишь ли, никто не имеет в виду настоящую сестру. Это всего лишь пропагандистский трюк. Мы должны выиграть войну, а для этого должны драться как черти. Но чтобы драться как черти, солдаты должны быть хорошими солдатами, а хорошие солдаты должны ненавидеть врага. Так оно и идет. Чинджеры — единственная известная нам негуманоидная раса, построившая машинную цивилизацию, поэтому само собой разумеется, что мы должны стереть их в порошок.

— С какой это стати «разумеется»? Не желаю я никого стирать в порошок! Единственное, чего я хочу, — так это вернуться домой и стать оператором механического навозоразбрасывателя!

— Ну я же не имел в виду конкретно тебя. — Усер открыл новую банку багряной ваксы и запустил в нее палец точно такого же цвета. — Я имел в виду человечество вообще. Если мы их не сотрем — они нас сотрут! Правда, чинджеры утверждают, будто война противоречит их религиозным

убеждениям и дерутся они только потому, что вынуждены обороняться. В этом что-то есть, так как они никогда не нападают первыми. Но вдруг им однажды придет в голову сменить религию? Хорошенький же вид тогда у нас будет! Лучше всего истребить их сейчас, пока еще не поздно!

Билл выключил бритву и ополоснул лицо тепловатой ржавой водой.

— Все равно что-то здесь не сходится. Ладно, пускай сестра, которой у меня нет, не путается с чинджером. Но какой смысл, например, в этом? — Он ткнул пальцем в надпись над стульчаком: «Воду спускай, о враге не забывай!» — Или в этом? — Плакат под писсуаром взывал: «Застегни ширинку, охламон, за тобой следит шпион!» — Дело не в том, что в лагере нет самого завалящего секрета, ради которого стоило бы пройти хоть милю, не говоря уж о двадцати пяти световых годах, но как чинджер может быть шпионом? Разве загримируешь семифутовую ящерицу под рекрута? Сомневаюсь даже, что ей удастся прикинуться сержантом Сдохни, даром что он вылитый чинджер…

Свет внезапно погас, и старший сержант Сгинь Сдохни, как вурдалак, являющийся из преисподней, стоило только назвать его имя, хрипло

заорал:

— По койкам! По койкам, паршивые недоумки! Война идет, а им все хаханьки!

В темноте, озаренной лишь красноватым свечением глаз сержанта, Билл с трудом отыскал свой топчан. Заснул он, едва голова успела коснуться подушки, словно отлитой из какого-то кремний-углеродистого сплава, и, как ему показалось, минутой позже вскочил на ноги, выброшенный из постели ударной волной побудки. За завтраком, когда Билл в поте лица резал эрзац-кофе на кусочки такой величины, чтобы их можно было безболезненно проглотить, телевидение передало сообщение о тяжелых, кровопролитных боях в секторе Беты Лиры. По столовой пронесся горький стон, вызванный отнюдь не избытком патриотизма, а тем фактом, что любые вести подобного рода могли привести только к ухудшению положения рекрутов. Они не имели понятия, каким образом, но были убеждены, что так и случится. И совершенно справедливо.

Так как утро выдалось прохладнее обычного, парад, обычно проводимый в понедельник, перенесли на полуденные часы, чтобы железобетонные плиты на плацу успели хорошенько раскалиться и обеспечить максимальное ко-

личество обмороков и тепловых ударов. Билл, вытянувшись по стойке смирно в одном из последних рядов строя, заметил, что над почетной трибуной натянут шатер с кондиционированием. Могло это означать только одно: приедет какая-то важная шишка.

В бок впивалась предохранительная скоба атомной винтовки, с носа капал пот, но краешком глаза Билл наблюдал, как поминутно то здесь, то там валятся снопами новобранцы и их товарищи поспешно отволакивают бесчувственные тела к стоящим наготове санитарным машинам. Бедняг укладывали в тень, а когда они приходили в сознание, отправляли обратно в строй.

Оркестр грянул марш «Звездные роты — чинджерам каюк!», скрытые в подметках иглы послали гипнотические импульсы, и в один миг тысячи атомных ружей сверкнули на солнце. Штабной автомобиль — две звезды на дверцах — подкатил к трибуне, маленькая круглая фигурка быстрым шагом одолела раскаленный, как печка, плац и исчезла в шатре с кондиционированием. Биллу еще не приходилось видеть генерала живьем, во всяком случае спереди. Как-то поздно ночью, возвращаясь из наряда по кухне мимо офицерского клуба, он заметил

садящегося в машину генерала. Но длилось это лишь мгновение, да и генерал виден был только со спины. Таким образом, этот высокий чин ассоциировался у Билла с необъятной задницей, наложенной на крохотную муравьиную фигурку. Впрочем, столь же смутное представление имел Билл и о других офицерах: обычно новобранцы не сталкивались с командным составом. Лишь однажды у канцелярии он хорошенько разглядел какого-то второго лейтенанта и с некоторым удивлением обнаружил, что у того, оказывается, есть лицо. И еще был военврач, который читал им лекцию о венерических заболеваниях, но Биллу, по счастью, досталось место за колонной, и он, усевшись, сразу же заснул.

Оркестр наконец выдохся, зато над строем всплыли антигравитационные громкоговорители, и плац содрогнулся от раскатов генеральского голоса. В речи этой ничего, что могло бы заинтересовать солдат, не было, и закончил ее генерал заявлением, что в связи с тяжелыми потерями на фронте срок их обучения будет значительно сокращен. Эти слова только подтвердили их ожидания. Затем под гром оркестра рекрутов отвели в казарму, где они переоделись в полевую форму, и ускоренным маршем отправили на стрельби-

ще; в связи с сокращением сроков обучения им предстояло расстрелять вдвое больше патронов, чем обычно, по пластиковым чинджерам.

Новобранцы палили из винтовок, как бог на душу положит, пока вдруг среди мишеней не возник Сгинь Сдохни. Каждый тут же перевел оружие на автоматический огонь и со снайперской меткостью всадил в сержанта всю обойму — явление, безусловно, необычное и очень редкое. Однако, когда дым рассеялся, радостные возгласы сменились тоскливыми всхлипываниями, так как оказалось, что это была всего лишь пластиковая кукла, теперь разнесенная в клочья. В довершение откуда ни возьмись появился оригинал, заскрипел клыками и влепил всем по месяцу нарядов на кухне вне очереди.

— Отличная штука — человеческое тело, — заявил Задница Браун месяцем позже, жуя в клубе для низших чинов сосиску из субпродуктов в пластиковой оболочке и запивая ее теплым водянистым пивом. Задница Браун на гражданке пас коров, потому-то его и назвали Задницей — ведь всякий знает, что проделывают пастухи со своими милашками. Был он обожжен солнцем, как старый ремень, долговяз и кривоног. Немногословности его научила работа на травянистых

равнинах, где тишину нарушали лишь вопли напуганной чем-то коровки. Зато это был великий мыслитель, ибо времени для размышлений у него было хоть отбавляй. Задница Браун мог целыми днями, неделями вынашивать некую мысль, пока не приходил к решению, что она достаточно созрела и достойна огласки. И все это время ничто не могло его вывести из состояния задумчивости. Он даже не протестовал против своей клички, хотя любой другой на его месте как пить дать врезал бы обидчику по физиономии.

Билл, Усер и другие сидящие за столом солдаты засмеялись и стали хлопать в ладоши, как всегда, когда Задница что-нибудь изрекал.

— Валяй дальше, Задница!

— Э, да он говорить умеет!

— Ну так почему же тело — отличная штука?

Все замерли в ожидании ответа, пока Задница силился откусить от сосиски. Наконец ему это удалось. После тщательных попыток ее прожевать Задница глотнул, вытер проступившие слезы и сделал шумный глоток пива.

— Человеческое тело — отличная штука, потому что живет, пока не помрет.

Солдаты ждали продолжения, а когда поняли, что это все, восторженно закричали:

— Ну ты, Задница, и даешь!

— Умник чертов!

— Да, но что это значит?

Билл знал, что это значит, однако решил промолчать. В их подразделении в строю осталась лишь половина списочного состава. Одного перевели, остальные попали в госпиталь или в психушку, или были уволены по инвалидности, или были мертвы. Оставшиеся в живых сперва похудели так, что кожа висела на ребрах, затем набрали вес за счет мускулов и теперь были великолепно приспособлены к порядкам, царившим в лагере имени Льва Троцкого. Что ни в малейшей степени не меняло того факта, что и сам лагерь, и царившие в нем порядки они ненавидели всеми фибрами своей души. Билла эффективность такой системы просто поражала. Штатские морочат себе голову всякими глупостями вроде экзаменов, оценок, ученых званий и степеней и тысячами других условностей, а здесь — как сказочно просто! Слабые вымирают, но уж выжившие приспособлены ко всему. Такую систему следовало уважать, несмотря на всю питаемую к ней ненависть.

— Что мне нужно, так это бабу, — вздохнул Страшила.

— Кончай похабничать, — оборвал его Билл, воспитанный в строгих правилах пуританской морали.

— Кто похабничает?! — возмутился Страшила. — Разве я сказал, что хочу остаться на сверхсрочную или что Сдохни — тоже человек? Я сказал, что мне нужна баба, только и всего. А вам что, она не нужна?

— Выпивка мне нужна. — Задница Браун хлебнул пива, которое производили из порошка-концентрата, содрогнулся и выплюнул его на бетонный пол. Оно тут же испарилось.

— Ну да, ну да! — Страшила энергично мотнул головой. — Бабу, а потом выпить. Что еще нужно новобранцу в увольнении?

Все на некоторое время погрузились в размышления, но в голову и в самом деле ничего не приходило. Только Усер выглянул из-под стола, где тайком надраивал чей-то башмак, и заявил, что не помешало бы побольше ваксы, но на него не обратили внимания. Билл, как ни старался, не мог представить ничего иного, кроме этих взаимосвязанных вещей. Хотя припоминал смутно, что на гражданке у него случались другие желания, но вот какие именно…

— Да ладно вам, — донеслось из-под стола. — До

отпуска осталось только семь недель…

Усер не договорил, получив от каждого из сидящих по крепкому пинку.

Хотя в соответствии с их субъективными ощущениями время едва тащилось, сохраняющие полную объективность часы отмеряли его неустанно, и вот наконец одна за другой миновали эти недели — несомненно, самые длинные из всех длинных недель. В течение этого срока на что на что, а на недостаток занятий они пожаловаться не могли: штыковой бой, стрельба из ручного и автоматического оружия, чистка того и другого, ориентирование на местности, строевая подготовка, хоровое пение и в довершение — военное законодательство. Лекции по последнему предмету с беспощадной регулярностью читали дважды в неделю, изощренно вызывая непреодолимую сонливость. Как только из динамиков магнитофона раздавались первые идеально монотонные скрипучие слова, солдаты начинали клевать носом. Каждое место в аудитории было подключено к электроцефалографу, регистрирующему биотоки рекрутов. Стоило кривой альфа-ритма только намекнуть на то, что кто-то из слушателей задремал, незамедлительно в ягодицу несчастного посылался мощный импульс

электрического тока, столь же болезненный, сколь эффективный для прерывания сна. Никогда не проветриваемая аудитория напоминала погруженную во тьму камеру пыток, заполненную монотонным бормотанием магнитофонного лектора над морем сонно покачивающихся голов; бубнящий голос время от времени заглушали вопли неожиданно подключенного к сети горемыки-обучаемого.

Бесконечное перечисление жестоких наказаний и приговоров, грозящих за самые пустяковые провинности, никого особенно не тревожило. Все прекрасно понимали, что, завербовавшись, они отказались от каких бы то ни было человеческих прав, и подробное перечисление того, чего рекруты лишились, нисколько больше их не занимало. Другое дело — подсчет часов, отделяющих их от первого отпуска.

Ритуал вручения этой чрезвычайно редкой и столь желанной награды был необыкновенно унизителен, но ведь ничего иного новобранцы и не ожидали, и, опустив головы, они стояли в очереди, готовые обменять остатки самоуважения на кусок помятой фольги. Наконец церемония закончилась, и тут же разгорелось сражение за место в монорельсовом поезде, курсирую-

щем между лагерем имени Льва Троцкого и небольшим сельскохозяйственным городишком Лейвилем. Линия была проложена по эстакаде, вознесенной на столбы, всегда находилась под напряжением и шла над тридцатифутовым забором из колючей проволоки, а затем над окружающим лагерь поясом зыбучих песков.

Говоря точнее, Лейвиль был сельскохозяйственным городишком до того, как по соседству построили лагерь имени Льва Троцкого. С тех пор сельским хозяйством занимались здесь лишь урывками — когда солдаты находились на занятиях. Остальное время магазины и склады были заперты на замок, зато полным ходом шла торговля в кабаках и разнообразнейших увеселительных заведениях. Впрочем, зачастую лавки и эти греющие душу солдата места располагались под одной крышей. Достаточно было потянуть специальный рычаг, и мучные лари превращались в кровати, торговки — в сводниц, и только кассы сохраняли свои первоначальные функции, хотя цены значительно увеличивались.

В одно из таких заведений — наполовину похоронное бюро, наполовину распивочная — и заглянули Билл с приятелями.

— Что подать, ребята? — с профессиональной

улыбкой поспешил им навстречу хозяин бара «Вечный покой».

— Двойную порцию жидкости для бальзамирования, — потребовал Задница Браун.

— Только без дурацких шуточек, не то вызову жандармерию, — предупредил уже без улыбки хозяин и достал бутылку с крикливой этикеткой «Настоящее виски», не очень аккуратно наклеенной поверх другой, на которой значилось: «Жидкость для бальзамирования». Но стоило деньгам зазвенеть о стойку — и улыбка вернулась. — Милости прошу, господа.

Они уселись за длинный узкий стол с медными ручками по бокам и с наслаждением позволили этиловому спирту прополоскать их запыленные глотки.

— До армии я этого не пробовал, — заметил Билл, осушив стаканчик «Старого палача почек», и протянул руку за новой порцией.

— Потому что не нуждался в выпивке, — пояснил, наливая, Страшила.

— Точно, — согласился Задница Браун, причмокивая и поднося к губам бутылку.

— Э-э… — проблеял Усер, неуверенно отхлебывая глоточек. — Вкус как у смеси сахара, опилок, разных сложных эфиров и нескольких высших

спиртов.

— Пей, пей, — неразборчиво произнес Задница Браун, не отнимая ото рта бутылки. — Полезно для здоровья!

— А теперь — по бабам! — скомандовал Страшила, и вмиг в дверях началась свалка — каждый, желая опередить другого, пытался прорваться наружу.

— Смотрите! — раздался вдруг чей-то возглас, и все обернулись.

Усер невозмутимо сидел за столом.

— Бабы! — с энтузиазмом воскликнул Страшила тем самым тоном, каким хозяин подзывает пса к миске с похлебкой.

Сгрудившиеся в дверях сатиры заволновались и забили копытами. Усер и ухом не повел.

— Э-э… я, пожалуй, подожду вас здесь, — сказал он с еще более простодушной улыбкой, чем обычно. — А вы идите, ребята, идите!

— Ты болен, Усер?

— Э-э… Вроде нет.

— Что, еще не достиг половой зрелости?

— Э-э…

— Да что тебе здесь делать?!

Усер вытащил из-под стола увесистый мешок и раскрыл его. Он был доверху набит красными

солдатскими башмаками.

— Думал, почищу немного, а то не успеваю.

Они молча шли по деревянной мостовой.

— Что это с ним? — спросил наконец Билл, но ответа не последовало. Все всматривались вперед — там красноватым соблазнительным огнем сверкала неоновая вывеска: «Приют космонавта. Стриптиз без антрактов. Лучшие напитки. Номера для гостей и их знакомых».

Они ускорили шаг. Фасад «Приюта» украшали витрины из бронестекла; в витринах красовались трехмерные фотографии одетых (браслет и две звездочки) и раздетых (без браслета и звездочек) танцовщиц. Приятели Билла подозрительно засопели, но Билл положил конец их воодушевлению, указав на маленькую, едва заметную среди выпирающих из витрин телес табличку: «Только для офицеров!»

— Проходите, проходите! — рявкнул стоявший у входа жандарм, помахивая электрической дубинкой. И они покорно побрели дальше.

В следующее заведение пускали без ограничений, но за плату в семьдесят семь кредитов с носа, то есть несколько больше, чем было у них у всех, вместе взятых. Потом снова пошли таблички «Только для офицеров»… Но вот мостовая

кончилась, и огни остались позади.

— А это что? — удивился Страшила, заслышав доносившийся из ближайшего темного переулка гомон голосов. Он присмотрелся и обнаружил длинную, исчезающую за углом очередь солдат.

— Что это здесь? — спросил Страшила последнего в очереди.

— Бордель для нижних чинов. Только не пытайся пролезть по нахалке, жопа. Будешь за мной.

Они тут же выстроились в затылок. Билл оказался замыкающим, но вскоре подоспели другие страждущие. Ночь была холодная, и он время от времени подстегивал происходящие в теле жизненные процессы добрым глотком из своей бутылки. Разговоров было немного, да и те стихали по мере приближения к освещенному красным фонарем входу. Дверь регулярно открывалась и закрывалась, коллеги Билла один за другим исчезали за ней. Наконец подошла и его очередь. Дверь начала открываться, Билл шагнул вперед, но тут завыли сирены, и здоровенный жандарм преградил дорогу чудовищным брюхом.

— Боевая тревога! — рявкнул он. — Марш в лагерь!

Со сдавленным воплем человека, обманутого в

лучших ожиданиях, Билл ринулся напролом, но прикосновение электрической дубинки отшвырнуло его, оглушенного, прочь. Билла подхватила волна бегущих. Сирены выли без умолку, в небе запылал стомильными буквами огненный призыв «К ОРУЖИЮ!».

Билл споткнулся, кто-то подхватил его под руку, спасая от опасности быть растоптанным. Это был Страшила — с такой блаженной улыбкой, что Билл не выдержал и замахнулся, чтобы треснуть его по счастливой роже. Но не успел: они уже оказались в вагоне, который с головокружительной скоростью помчался в лагерь. Билл забыл о своем гневе, когда кривые когти сержанта Сгинь Сдохни выдернули его из толпы.

— Паковать манатки! — заскрипел клыками сержант. — Грузиться!

— Этого нельзя делать, сэр, еще не закончен курс обучения!

— Можно, можно! Обычно так и делается! Мы победоносно завершили величайшую в истории космическую битву. Свыше четырех миллионов убитых плюс-минус сто тысяч. Нужно пополнение, а это вы. На борт! Немедленно, а то и еще быстрее!

— Но у нас нет скафандров!..

— Интенданты уже отправлены!

— Запасы продовольствия…

— Повара отправлены вместе с кухнями! По тревоге вспомогательный персонал отправляется в первую очередь. В разведку боем. На смерть. — Сержант обнажил клыки в леденящей душу улыбке. — А я в полной безопасности остаюсь дрессировать ваших преемников.

Из отверстия пневмопочты выскочила капсула. Сдохни вскрыл ее, прочитал сообщение, и улыбка медленно сползла с его лица.

— Меня тоже отправляют, — глухо проронил он.

3

За время существования лагеря имени Льва Троцкого обучение прошли 89 672 899 новобранцев, так что процесс отправки был отработан на славу и шел без сучка без задоринки, хоть на этот раз и носил характер самоуничтожения — так змея пожирает собственный хвост.

Билл с товарищами оказались в последней группе. Змея, поглотив себя полностью, начала самопереваривaться. Едва с солдат сняли чуть отросшие волосы и затолкали в ультразвуковую

вошебойню, как парикмахеры набросились друг на друга и в вихре размахивающих ножницами рук, клочьев волос, остатков усов и брызг крови оболванили всех подчистую, а затем бросились в освободившуюся дезкамеру, прихватив с собой и обслуживающего ее техника. Фельдшеры вкатили друг другу сыворотку против ракетной лихорадки и космической хандры, писари выдали сами себе аттестаты, ответственные за погрузку пинками загоняли друг друга в поджидающие космические челноки. Взревели реактивные двигатели, столбы пламени ударили в стартовые платформы, уничтожая их оборудование в великолепном фейерверке, ибо обслуживающий персонал также находился уже на борту взлетающих челноков. Возносимые чудовищным громом корабли исчезли в ночном небе, оставляя под собой опустевший лагерь. Ветер принялся срывать со щитов приказы и списки наказанных новобранцев, разгоняя обрывки по пустынным улицам, чтобы в конце концов прилепить их к сотрясающимся от оглушительного шума, освещенным изнутри окнам офицерского клуба.

Там полным ходом шла грандиозная попойка, прерываемая, однако, горькими жалобами: офицерам пришлось перейти на самообслуживание.

А космические челноки мчались тем временем все выше и выше, направляясь к огромному флоту космических крейсеров, столь многочисленному, что он заслонял собой звездное небо, и столь новому, что некоторые корабли еще только достраивались. Ослепительно сверкали точки сварочных огоньков, раскаленные заклепки, подобно трассирующим пулям, очередями вонзались в подготовленные для них отверстия. Огоньки гасли, показывая, что еще один левиафан космоса готов, и тогда в радиотелефонах раздавались истошные крики монтажников, ибо рабочих, вместо того чтобы вернуть на верфи, насильно зачисляли в команды построенных ими же кораблей. Война была тотальной.

Билл пролез сквозь пластиковую трубу, связывающую космический челнок с межзвездным дредноутом, и бросил вещмешок к ногам старшего сержанта, который сидел за столом в шлюзе, размерами напоминающем ангар. Правильнее сказать — попытался бросить, потому что сила тяжести отсутствовала и мешок так и повис в воздухе. Тогда он толкнул его к полу, но вместо этого сам взлетел под потолок. (Всякое падающее тело находится в состоянии свободного падения, и все имеющее вес в этом случае невесомо, а для

каждого действия существует равное ему, однако противонаправленное противодействие… Или что-то в этом роде.) Сержант посмотрел на Билла, заворчал неразборчиво и стянул его вниз.

— Не прикидывайся сухопутной крысой, парень. Имя?

— Билл, через два «л».

— Хватит с тебя и одного, — буркнул сержант, лизнул кончик пера и вывел в реестре округленными каракулями едва выучившегося грамоте человека: «Бил». — Два «л» положены только офицерам, олух несчастный. Знай свое место. Класс, специальность?

— Рядовой, необученный, без специальности, сейчас буду блевать…

— Не здесь — для этого дела есть кубрик. Теперь ты — предохранительный шестого класса. Твое место номер тридцать четыре «жэ» восемьдесят девять «тэ» ноль-ноль один. Топай и держи пакет поближе к пасти!

Едва Билл отыскал определенный ему кубрик и бросил на койку мешок, который сразу повис в пяти дюймах от привычного матраса, набитого окаменелой шерстью, как в тесное помещение ввалился Усердный Прилежник. За ним следовали Задница Браун и целая толпа совершенно

незнакомых Биллу людей. Кое у кого из них были сварочные аппараты, а на лицах написано бешенство.

— А где Страшила и остальные? — поинтересовался Билл.

Задница Браун пожал плечами и пристегнулся к койке — хоть немного вздремнуть. Усер раскрыл один из шести огромных мешков, которые он приволок с собой, и достал несколько пар нуждающихся в чистке башмаков.

— Спасен ли ты? — вопросил глубокий проникновенный голос из дальнего угла кубрика.

Билл в изумлении поднял глаза. Геркулесового сложения солдат заметил заинтересованность Билла и вытянул в его направлении грозный палец:

— Спасен ли ты, брат мой?

— Трудно сказать, — буркнул Билл и принялся с озабоченным видом рыться в своем узелке, надеясь, что на этом разговор завершится.

Но не тут-то было: солдат подошел к Биллу и уселся на его койку. Билл старался не обращать на него внимания, но это ему плохо удавалось, ибо сей индивид ростом был куда выше шести футов и отличался исключительно развитой мускулатурой и литым подбородком. Черная

кожа с багряным оттенком пробудила в Билле что-то вроде зависти, потому что его собственная была серовато-розовая. Так как на корабле их нарядили в черные мундиры, солдат казался выточенным из цельного куска черного дерева. Ослепительно-белая улыбка и проницательный взгляд придавали ему весьма эффектный вид.

— Добро пожаловать на борт «Фанни Хилл», — произнес он, в дружеском рукопожатии дробя суставы Билла. — Эта гранд-дама нашего флота уже больше недели как вступила в строй. Я — его преподобие предохранительный шестого класса Тэмбо. По ярлыку на твоем вещмешке вижу, что тебя зовут Билл, и раз уж мы с тобой товарищи по оружию, зови меня просто Тэмбо, а вообще-то, как у тебя с душой?

— Честно говоря, в последнее время у меня не было возможности об этом задуматься…

— Естественно! Ведь за визит к священнику в учебном лагере полагается трибунал. Но это уже позади, и теперь у тебя есть шанс спасти свою душу. Скажи мне, какого ты вероисповедания?

— Я из семьи зороастрийцев-старообрядцев, так что, полагаю…

— Суеверие, дружище, чистой воды суеверие. Благая десница судьбы свела нас на этом корабле

— знак, что тебе не поздно еще уберечь душу от геенны огненной. О Земле когда-нибудь слышал?

— Нет, я привык к простой пище…

— Это название планеты, мой мальчик. Земля — колыбель человечества, старая добрая родина, общая для всех. Только взгляни, какой это зеленый, прекрасный мир, воистину жемчужина Вселенной.

Тэмбо вынул из кармана миниатюрный проектор, и у изголовья койки возникло трехмерное цветное изображение окутанной белыми облаками планеты, величественно вращающейся среди черной бездны. Вдруг ударила красная молния, облака закипели, а на поверхности планеты раскрылись зияющие раны. Из громкоговорителя величиной с булавочную головку раздался раскатистый громовой звук.

— Вспыхнула война меж сынами человеческими, и до тех пор разили они друг друга атомными ударами, пока не возопила Земля и не настала страшная гибель. А когда угасли последние молнии, смерть была на севере, и на востоке, и на западе. Смерть, смерть, смерть! Понимаешь ли ты, что это значит?

Преисполненный глубокого чувства голос Тэмбо дрогнул и осекся на полутоне, будто он и

впрямь ждал ответа на этот чисто риторический вопрос.

— Не совсем, — пробормотал Билл, копаясь без всякой надобности в своем мешке.

— Я с Фигеринадона-два, у нас все спокойно…

— Смерти не было только на юге! А почему, вопрошаю я? А потому, что волею Самеди исчезли с лица планеты лжепророки, ложные религии и фальшивые боги. На Земле воцарилась единственно истинная вера — Первая реформистская церковь вуду…

Тут раздался сигнал боевой тревоги — пронзительный свист столь коварно подобранной частоты, что солдатам начало казаться, будто их головы внезапно очутились внутри громадного раскачиваемого колокола, от каждого удара которого глаза вылезают из орбит и глядят в разные стороны.

Все высыпали в коридор. Здесь было потише, но легче не стало: их поджидали унтер-офицеры, призванные разогнать солдат по местам в соответствии с боевым расписанием. Следом за Усером Билл вскарабкался по густо смазанной солидолом лестнице в предохранительную. Его взгляду открылись бесконечные, казалось, ряды этих необычайно важных устройств. Сверху к

каждому предохранителю крепился толстый кабель, другой его конец исчезал где-то под потолком. В полу, на равном расстоянии друг от друга, виднелись отверстия диаметром около фута.

— Для начала буду краток: первого, кто пикнет, собственноручно спущу головой вперед в эту предохродыру.

Грязный от смазки палец указал на одно из зияющих отверстий. Говорил их новый командир — приземистый, помассивней и пошире в поясе, чем сержант Сдохни, но все равно сходство было разительное.

— Я — предохранительный первого класса Сплин. Слушайте, жалкие сухопутные жуки-навозники: или я сделаю из вас прекрасно вышколенных, лихих и опытных предохранительных, или спущу всех по очереди в предохродыры. Наша работа требует высочайшей квалификации, и в обычных условиях на подготовку хорошего специалиста уходит год, но в военное лихолетье вам придется обучиться этому сейчас же, без всякого промедления. Показываю. Тэмбо, выйти из строя! Ряд двадцать девять «же»-девять, он отключен от сети.

Тэмбо щелкнул каблуками и встал по стойке смирно перед рядом белых керамических цилин-

дров с металлическими колпачками около фута в диаметре и весом в девяносто фунтов. Каждый цилиндр опоясывала красная полоска. Сплин постучал по полоске ногтем.

— Такой красный поясок есть на всех предохранителях. Называется он «поясок предохранителя» и имеет красный цвет. Стоит предохранитель перегреть, как поясок чернеет. Я не требую, чтобы вы сразу запомнили, но это записано в инструкции, и прежде чем я с вами закончу, придется вам это зазубрить, не то пеняйте на себя… Сейчас я покажу, что следует делать с перегоревшим предохранителем. Тэмбо, этот предохранитель перегорел. И-и… раз!

— Ух! — ухнул Тэмбо, хватая предохранитель в охапку. — Ух! — ухнул он снова, выдергивая его из зажимов. — Ух! — И спустил его в ближайшее отверстие. Потом, ухая, схватил со стеллажа запасной, ухая, поставил его на место перегоревшего и с заключительным «ух!» принял исходное положение.

— Вот так это делается, раз-два, по-военному, и вам придется научиться, не то…

Послышалось приглушенное жужжание зуммера, больше похожее на сдавленную икоту.

— Сигнал на жратву, значит сейчас я вас отпус-

каю, а за едой поразмыслите хорошенько, как достичь воинского мастерства. Разойдись!

Вместе с остальными солдатами Билл направился куда-то в глубину корабельного чрева.

— Как, по-твоему, будут здесь нас кормить хоть чуточку лучше, чем в лагере? — с надеждой в голосе поинтересовался Усер и нервно облизнулся.

— Хуже, по крайней мере, не будут, это точно, — заверил Билл. Они встали в очередь к двери с табличкой «Пункт питания № 2». — Все, что ни делается, к лучшему! Мы же теперь настоящие солдаты, черт побери, а в уставе сказано, что солдат должен идти в бой в хорошей форме.

Очередь продвигалась ужасно медленно, и прошло не меньше часа, прежде чем они оказались перед заветной дверью. У двери усталый до полусмерти дневальный в засаленном комбинезоне сунул Биллу желтую пластмассовую чашку, и Билл двинулся дальше. Когда стоявший впереди солдат отошел, Билл очутился перед голой стеной с одиноким краном посредине.

Толстый повар в белом колпаке и насквозь пропотевшей майке взмахнул половником:

— Пошевеливайся, пошевеливайся, никогда в жизни не ел, что ли? Чашку под кран, жетон в прорезь, а ну живо, живо!

Билл подставил чашку, как велено, и в узкую щель в стене на уровне глаз сунул персональную карточку, болтавшуюся на шее. Послышалось громкое «зззззз», и из крана тонкой струйкой потекла желтоватая жидкость. Когда чашка наполнилась до половины, жидкость течь перестала.

— Следующий! — заорал повар, отпихивая Билла и ставя на его место Усера.

— Что это такое? — удивился Билл, заглядывая в чашку.

— Что это такое?! Что это такое?! — завопил повар, наливаясь кровью. — Обед твой, дурья задница! Химически чистая вода с растворенными в ней восемнадцатью аминокислотами, шестнадцатью витаминами, одиннадцатью минеральными солями, сложным эфиром жирных кислот и глюкозой. А ты чего хотел?

— Обед?.. — недоверчиво пробормотал Билл, но тут повар вмазал ему по лбу половником, и из глаз у него посыпались искры. — А можно без сложного эфира жирных кислот? — успел он еще взмолиться, но был взашей вытолкнут в коридор. Вскоре его догнал Усер.

— Ого! — восхитился Усер. — Здесь, оказывается, есть все необходимые для поддержания жизни

элементы! Здорово, правда?!

Билл отхлебнул из чашки и душераздирающе простонал.

— Погляди-ка сюда, — раздался голос Тэмбо.

Билл оглянулся и увидел на стене в коридоре трехмерное изображение. По затуманенному небосводу верхом на облаках разъезжали маленькие фигурки.

— Если не обратишься в истинную веру, мой мальчик, тебя ждут вечные муки в геенне огненной. Отринь суеверия, приди в объятия Первой реформистской церкви вуду. Прильни скорей к ее лону и займи свое место на небесах рядом с Самеди вместе с Мондонгом, Бакало и Зандором. Тебя ждут и встретят с радостью.

Незримый оператор дал наплыв, из динамика послышалось ангельское пение под аккомпанемент тамтамов. Теперь фигурки были видны отчетливо — темнокожие, облаченные в белоснежные одежды, с огромными черными крыльями. Все улыбались и весело махали друг другу руками, когда их облачка сближались, и вдохновенно распевали псалмы, колотя во всю мочь в маленькие персональные тамтамы. Сценка была воистину трогательная, и глаза Билла увлажнились.

— Смир-рно! — раскатилось по коридору, и стократное эхо послушно подхватило команду.

Солдаты расправили плечи, щелкнули каблуками и замерли, выкатив глаза. Тэмбо поспешно сунул проектор в карман. Ангельский хор оборвался на полуслове.

— Вольно! — скомандовал предохранительный первого класса Сплин.

Все обернулись на его голос. Сплин шел в сопровождении двух чинов из военной полиции. Полицейские с оружием наизготове были эскортом офицера, из-за маленького роста почти незаметного за их спинами. Билл сразу понял, что это офицер: в лагере он посещал специальный «Курс по определению офицеров», а кроме того, среди множества плакатов в сортире висел и такой: «Знай своих офицеров!»; Билл успел досконально изучить его во время эпидемии дизентерии. У него челюсть отвисла от изумления: офицер прошел так близко, что его почти можно было коснуться. Офицер остановился перед Тэмбо.

— Предохранительный шестого класса Тэмбо, у меня для тебя хорошая новость. Через две недели истекает семилетний срок твоей службы. Учитывая безупречность послужного списка, капитан

Зекиаль распорядился удвоить сумму выходного пособия и уволить тебя с почестями, под барабанный бой, а кроме того, выдать бесплатный билет на Землю.

Тэмбо, спокойный и уверенный, посмотрел сверху вниз на малорослого лейтенанта с аккуратно обкусанными светлыми усами.

— Это невозможно, сэр.

— Невозможно? — зловеще проскрипел офицер и принялся раскачиваться на высоких каблуках. — А кто ты такой, чтобы указывать мне, что возможно, а что нет?

— Не я указываю, сэр, — невозмутимо ответил Тэмбо, — а закон. Пункт тринадцать девять «а», параграф сорок пять, страница восемь тысяч девятьсот двадцать третья, том сорок три «Правил, предписаний и дисциплинарных уложений»: «Ни один нижний чин или офицер не может быть уволен со службы на базе, в канцелярии, на корабле, экипаже, на посту или в трудовом лагере иначе как по приговору трибунала и смертной казни с лишением чести и званий».

— Ты что, юрист, Тэмбо?

— Никак нет, сэр. Я солдат, сэр, и хочу одного: выполнить свой долг, сэр.

— Тут что-то не так, Тэмбо. Я проверил твой

послужной список: в армию ты вступил добровольно, на тебя не воздействовали ни гипнозом, ни наркотиками. А теперь еще отказываешься от демобилизации!.. Скверно, Тэмбо, очень скверно. Это бросает на тебя тень. Тебя можно заподозрить в шпионаже, а то и похуже…

— Я не шпион, сэр. Я верный солдат империи.

— Знаю, что не шпион, мы это очень тщательно проверили. Но почему в таком случае ты хочешь служить в армии?

— Как верный слуга императора, сэр, я несу слово божье заблудшим агнцам. Спасены ли вы, сэр?

— Думай, что говоришь, солдат, не то живо пойдешь под трибунал! Да, слышали мы эту историю, ваше преподобие… Не втирай нам очки! Как ты ни хитер, мы тебя раскусим!

Бормоча себе под нос, лейтенант повернулся на каблуках. Все вытянулись по стойке смирно, а он величественно засеменил прочь и скрылся за поворотом коридора. Солдаты косились на Тэмбо, явно чувствуя себя не в своей тарелке, пока он не ушел. Билл и Усер неторопливо побрели в свой кубрик.

— Отказаться от демобилизации! — недоуменно промолвил Билл.

— Э-э… может быть, он псих? — предположил Усер. — Другого объяснения я не вижу.

— Таких психов не бывает, — отмахнулся Билл. — Послушай, что бы это могло быть? — добавил он, указывая на дверь с корявой надписью: «Посторонним вход строго запрещен».

— Э-э… может, жратва?

В тот же миг они оказались за дверью и захлопнули ее за собой, но съестного там не было. Они очутились в прямоугольном помещении с выгнутой по дуге стеной, из которой торчали толстые трубы, закругленные на торцах. Перед каждой трубой громоздился сложнейший агрегат, усеянный циферблатами, индикаторами, переключателями, верньерами и рычагами. Кроме того, был здесь и большой экран. Билл наклонился к ближайшему агрегату и прочитал надпись на маленькой табличке: «Атомный бластер. Тип IV».

— Погляди-ка, какие гаргарины! Похоже, это главная корабельная батарея!

Он обернулся к Усеру. Тот стоял, подняв руку таким образом, что циферблат его часов был направлен на огневые позиции, а пальцами другой руки давил на заводную головку.

— Ты чего это делаешь? — удивился Билл.

— Э-э… хочу посмотреть, который час.

— Как же ты можешь посмотреть, который час, если смотришь на застежку ремешка?

В коридоре послышались шаги, и друзья вспомнили о надписи на двери. В мгновение ока они выскочили наружу, и Билл тихонько притворил дверь. Потом он повернулся, но Усер исчез, и в кубрик ему пришлось возвращаться одному. Усер уже был на месте — увлеченно орудовал щетками над чьими-то башмаками и даже не взглянул в сторону Билла, протискивающегося к своей койке.

А все-таки что он делал тогда со своими часами?

4

Вопрос этот мучил Билла все долгие дни, пока они в поте лица учились обслуживать предохранители. Работа требовала скрупулезного внимания и точности, но Билл все же урывал достаточно времени, чтобы поразмышлять над этой проблемой. Он размышлял в очереди за едой, размышлял каждый вечер в те короткие секунды, когда гасили свет, а измученное тело не погружалось еще в пучину сна. Он ломал над

этим голову всякий раз, как только выдавался свободный миг, и худел на глазах.

Худел, правда, не потому, что размышлял, а по той же причине, что и остальные солдаты. Корабельный рацион. От него требовалось поддерживать в них существование, но если бы кто-нибудь представил, что это было за существование! Голодное и жалкое! Билла, впрочем, терзали проблемы куда более важные, чем чашка витаминного супа. И он все отчетливее понимал, что в одиночку с ними не справится.

После воскресных занятий по специальности на второй неделе обучения, когда чуть слышный звонок возвестил наконец о долгожданной свободе и солдаты, шатаясь на подкашивающихся ногах, поплелись в пункт питания, Билл не последовал за товарищами. Он подошел к предохранительному первого класса Сплину.

— Сэр… У меня…

— Чепуха, не ты первый, не ты последний. Один укол — и дело в шляпе. Говорят, без этого мужчиной не станешь!

— Собственно… у меня другое… Я бы хотел увидеться со священником.

Сплин побледнел как полотно и привалился к стене.

— Теперь мне все ясно, — слабо выдавил он. — Топай за своим супом, и, если ты будешь держать язык за зубами, я тоже буду нем как рыба.

Билл покраснел.

— Извините, сэр, тут ничего не поделаешь. Мне позарез нужен священник, я не виноват. С каждым может случиться…

Он говорил все более робко, не поднимая глаз, неуверенно переступая с ноги на ногу, и вовсе умолк. Молчание затянулось. Наконец Сплин нарушил гнетущую тишину.

— Ладно, воин, раз уж ты настаиваешь, — сказал он официальным тоном. — Надеюсь, твои товарищи не узнают. Вали туда сейчас же, вместо обеда. Вот тебе пропуск.

Он нацарапал что-то на клочке бумаги и презрительно уронил его на пол, к ногам униженного Билла.

В корабельном справочнике утверждалось, что священник занимает помещение 362«б» на 89-й палубе. После продолжительного путешествия на лифтах, по коридорам и лестницам Билл остановился наконец перед дверью из скрепленных заклепками железных листов и дрожащими пальцами постучал. В глотке у него совершенно пересохло, на лбу выступили крупные капли по-

та. Железо неожиданно гулко отозвалось на стук, и через несколько мучительно долгих мгновений с той стороны послышался приглушенный голос:

— Входите, входите, не заперто.

Билл вошел и вытянулся по стойке смирно перед офицером в звании четвертого лейтенанта, который сидел за письменным столом, занимавшим почти всю крохотную каюту. Офицер, хоть относительно и молодой, был совершенно плешив и небрит. Под его глазами явственно виднелись темные круги, а кое-как повязанный галстук отчаянно нуждался в чистке и глажке. Занят офицер был бумагами: он рылся в грудах документов, заваливших стол, раскладывал их в стопки, на одних делал какие-то пометки, другие швырял в переполненную корзину. В ходе этой операции он передвинул с места на место одну из груд, и Билл увидел на столе табличку: «Интендант».

— Извините, сэр, я, вероятно, ошибся дверью. Мне нужен священник.

— Все верно, только священник приходит в тринадцать ноль-ноль. Даже такой болван, как ты, в силах сообразить, что это совсем скоро.

— Благодарю вас, сэр. Я зайду попозже…

Билл направился к двери.

— Нет уж, ты останешься и немного поработаешь! — Офицер скосил на него налитые кровью глаза и демонически захохотал. — Ага, попался!.. Прогляди-ка эти отчеты за носовые платки! Где-то затерялось шестьсот пар подтяжек; может, там. Думаешь, легко быть интендантом?

Он жалобно высморкался и подсунул Биллу расползающуюся стопку бумаг. Но не успели они толком приняться за дело, как звонок оповестил о конце вахты.

— Так я и знал! — захныкал офицер. — Этому конца не видно! Куда там, с каждым днем все хуже! И ты смеешь утверждать, что у тебя есть проблемы?!

Трясущейся рукой он перевернул табличку. Появилась выведенная крупными буквами надпись: «Капеллан». Потом он ухватился за свой воротник и повернул его на сто восемьдесят градусов на специальных, вшитых в рубашку подшипниках. Галстук оказался на спине, а на груди засиял ослепительно-белый воротничок-стойка.

Священник молитвенно сложил руки, опустил глаза и ласково улыбнулся:

— Чем могу помочь, сын мой?

— Я думал, что вы интендант… — пролепетал

Билл.

— Так оно и есть, сын мой, и это не единственное бремя, которое мне приходится влачить на своих слабых плечах. В столь тяжкие времена спрос на священников невелик. Зато офицеры-интенданты нарасхват. Служу по мере сил…

Он смиренно склонил голову.

— Но кто вы на самом деле? Священник, иногда выполняющий функции интенданта, или интендант — и по совместительству священник?

— Это тайна, сын мой. Существует множество тайн, коих лучше не касаться. Однако я вижу, что тебя что-то гнетет. Позволь спросить, сын мой, веруешь ли ты?

— Во что?

— Именно это я и хочу от тебя услышать! — рявкнул священник голосом офицера-интенданта. — Как я могу помочь тебе, не зная, какую религию ты исповедуешь?

— Я зороастриец.

Священник достал из ящика стола закатанный в прозрачный пластик лист бумаги и повел по нему пальцем.

— З… з… зен… зодомит… Ага, «зороастриец-старообрядец»?

— Так точно, сэр.

— Нет ничего проще, сын мой… Двадцать один — пятьдесят два — ноль пять.

Он сноровисто набрал номер на вмонтированном в крышку стола пульте, с евангелистским огнем в глазах небрежно смахнув на пол груду отчетов из прачечной. Замурлыкал скрытый механизм, часть стола вдруг провалилась, чтобы через мгновение вернуться на место уже с черным пластмассовым, отделанным золотыми быками сундучком.

— Одну секунду, — сказал капеллан.

Первым делом он извлек из сундучка длинную полосу белой ткани, также расшитую золотыми быками, и обернул ее вокруг шеи. Затем выложил на стол толстый фолиант в кожаном переплете и поставил на него двух металлических быков с выдолбленными спинами. В одного налил дистиллированной воды из пластиковой фляги, в другого плеснул благовонного масла и поджег. Билл радостно наблюдал за столь знакомыми приготовлениями.

— Чудеса! — сказал он. — Выходит, вы тоже зороастриец? Тогда вы меня без труда поймете.

— Какие там чудеса, сын мой, всего лишь плоды разумного планирования. — Священник бросил в огонь щепотку порошка; ноздри Билла затре-

петали, учуяв дурманящий аромат. — Милостью Ахурамазды я помазанник Зороастра, волею Аллаха — правоверный муэдзин, представительством Иеговы — обрезанный ребе и так далее, и так далее… — Тут его елейное лицо ощерилось в зверской гримасе. — А из-за нехватки офицеров я — трижды проклятый интендант! — Его лицо снова обрело благостное спокойствие. — Теперь поведай мне свои печали…

— Гм… дело непростое. Возможно, с моей стороны это глупая подозрительность, но меня беспокоит один приятель. Что-то в его поведении… как бы это сказать…

— Доверься мне, сын мой, и без страха поведай самые сокровенные помыслы. Ничто из сказанного тобой не выйдет из этих стен, ибо призвание и обет требуют от меня хранить тайну исповеди. Облегчи душу, дитя мое.

— Вы очень добры, мне уже полегчало. Видите ли, мой приятель всегда был малость чудаковатым: чистил всем нам башмаки, добровольно вызывался дежурить по сортиру и не интересовался девушками.

Капеллан кивнул с благочестивым одобрением и помахал рукой, подгоняя к себе душистые благовония.

— Не вижу причин для беспокойства. Этот твой приятель, сдается мне, славный парень. Ибо сказано: помогай ближнему своему, разделяй с ним бремя забот его и избегай блудных дщерей.

Билл фыркнул:

— Все это хорошо для воскресной школы, а не для армии! Вообще-то говоря, мы считали его малость пришибленным, но сейчас я не об этом. Как-то оказались мы с ним в рубке управления артогнем, и он нацелил свои часы на орудия, придавил заводную головку, и раздалось «щелк!». А вдруг это фотоаппарат? Я… я думаю, что он шпион чинджеров!

Обливаясь потом, Билл откинулся на спинку стула и стал хватать ртом воздух. Роковые слова были произнесены.

Священник, благостно улыбаясь, продолжал кивать, наполовину одурманенный парами. Наконец он очнулся, громко высморкался и раскрыл толстый фолиант. Пробормотав что-то на древнеперсидском, он заметно воспрянул духом.

— Не лжесвидетельствуй! — загремел он, нацеливая на Билла обвиняющий перст и пронизывая его огненным взглядом.

— Вы меня не поняли, — пролепетал Билл и заерзал на стуле. — Так все и было, я своими

глазами видел! И вообще, что это за духовная поддержка?!

— Укрепляющее средство, сын мой, в духе старой религии — для пробуждения в тебе чувства вины и напоминания о необходимости регулярно посещать церковь. Ты уклонился от истинного пути, сын мой!

— Разве я виноват? В лагере запрещены религиозные службы!

— Обстоятельства не являются оправданием, но на сей раз грех тебе отпускается, ибо бесконечна доброта Ахурамазды!

— А как насчет моего приятеля-шпиона?

— Подозрительность недостойна исповедующего учение Зороастра. Несчастный не должен страдать из-за врожденной склонности к дружелюбию, человечности и чистоте нравов, а также из-за того, что его старые часы громко тикают. Помимо всего — если ты не против включения в нашу беседу элементов логики, — как может он быть шпионом? Чтобы быть шпионом, он должен быть чинджером, а чинджеры семи футов ростом, да еще с хвостом. Соображаешь?

— Да-да, — упавшим голосом пробормотал Билл. — Я и сам об этом думал. Но все же…

— Ясно. Похоже, твоей душой овладел Ариман,

он и велит тебе плохо думать о ближнем. Покайся скорее и присоединись к моей краткой молитве, пока не заступил на вахту интендант.

Покончив поспешно с ритуалом, Билл помог сложить все в сундучок, который тут же исчез в недрах стола, попрощался и направился к двери.

— Минутку, сын мой, — произнес священник с самой теплой улыбкой. Резким движением повернув воротничок, он одновременно словно губкой стер с лица благочестивое выражение. Его сменила зловещая гримаса. — Ты куда это направился, дерьмо собачье?! Ну-ка, марш на место!

— Но… но… — пролепетал Билл, — вы ведь сказали, что я могу идти…

— Я интендант, и с капелланом не имею ничего общего! А сейчас — быстро! — выкладывай имя шпиона, укрыватель!

— Но ведь священник обязан хранить тайну исповеди!

— А он ее и не нарушал. Просто я ненароком подслушал ваш разговор! — Он нажал красную кнопку на пульте. — Сейчас явится военная полиция. Колись, вонючка, или я прикажу протащить тебя под килем без скафандра и на год лишу права посещения пивной. Имя!

— Усер, — всхлипнул Билл.

По коридору загрохотали тяжелые сапоги, и в тесную каюту вломились двое полицейских.

— У меня для вас есть шпион, парни! — ликующе объявил интендант.

Полицейские ощерились и с радостными воплями набросились на Билла. Бедняга рухнул на пол под градом палочных и кулачных ударов, обливаясь кровью, прежде чем интенданту удалось оттащить этих дебилов с чрезмерно развитой мускулатурой.

— Да не тот!.. — пытаясь отдышаться, выдавил офицер и бросил Биллу полотенце утереть кровь с лица. — Это наш информатор, законопослушный патриот, герой, настучавший на своего приятеля по имени Усер, которого мы сейчас схватим и закуем в кандалы для допроса. Идем!

Полицейские подхватили Билла под мышки, и к тому времени, когда они добрались до кубрика предохранительных, ветерок от быстрого передвижения по коридорам привел его в чувство. Интендант приоткрыл дверь и просунул внутрь голову.

— Привет, ребята! — сказал он радостно. — Усер здесь?

Усер оторвал взгляд от башмака, над которым трудился, расслабился и помахал рукой:

— Э-э… вот он я!

— Взять его! — рявкнул офицер, отпрыгивая в сторону.

Билл рухнул на пол, когда полицейские отпустили его и ворвались в каюту. Не успел он встать, как Усер был обездвижен и скован по рукам и ногам, но все равно продолжал улыбаться.

— Э-э… вы, верно, хотите, чтобы я и вам башмаки почистил?

— Ты мне зубы не заговаривай, подлый шпион! — рявкнул интендант и врезал кулаком прямо в лучащуюся улыбку. По крайней мере, попытался врезать, потому что Усер широко раскрыл рот и впился зубами в ударившую его руку, причем стиснул челюсти так крепко, что офицер никак не мог высвободиться.

— Он меня укусил! — завизжал интендант, тщетно дергаясь.

Полицейские, прикованные к рукам пленника, занесли дубинки, чтобы задать ему добрую трепку.

И в тот же миг макушка Усера откинулась в сторону.

Случись такое в обычной обстановке, все сочли бы это странным, но в конкретной сложившейся ситуации происшедшее показалось странным

вдвойне. Все, не исключая и Билла, замерли и остолбенело глазели, как из открывшегося черепа Усера выбралась ящерица длиной дюймов семь и спрыгнула на пол, оставив на нем довольно солидную вмятину. У ящерицы были четыре крошечные ручки, длинный хвост, пасть новорожденного крокодила и кожа ярко-зеленого цвета. Точь-в-точь чинджер, только не семи футов, а семи дюймов!

— Все люди — вонючки! — пропищала ящерица голосом Усера. — Чинджеры не потеют! Да здравствуют чинджеры!

И юркнула через кубрик к койке Усера.

Всех будто парализовало. Предохранительные, видевшие, что случилось, сидели или стояли столбом, выпучив глаза, похожие на сваренные вкрутую яйца. Офицер-интендант был пригвожден к месту впившимися ему в руку зубами, полицейские лихорадочно силились отстегнуться от сковывавшего их движения неподвижного тела. Один лишь Билл, еле способный шевелиться после недавнего избиения, попытался схватить ящерицу. Крохотные коготки тут же впились ему в ладонь, а затем его со страшной силой швырнуло о стену.

— Э-э… получи, доносчик! — проскрипел то-

ненький голосок.

Прежде чем кто-либо успел вмешаться, ящерица добралась до груды мешков, громоздящихся на койке Усера, раскрыла верхний и нырнула внутрь. Через миг послышалось жужжание, и из мешка вылетел блестящий космический корабль длиной в два фута. Он завис в воздухе посреди каюты, нацеливая нос в стену. Жужжание усилилось, и корабль рванулся вперед, пронзив металл с такой легкостью, будто переборка была сделана из раскисшего картона. Слышно было, как он продирается сквозь встречные преграды, и наконец с оглушительным грохотом корабль пробил наружную оболочку крейсера и умчался в космос. Засвистел вырывающийся воздух, завыли сирены.

— Будь я проклят... — Интендант захлопнул отвалившуюся от изумления челюсть и завопил: — Да оторвите же от меня эту штуку, пока она меня насмерть не загрызла!

Полицейские беспомощно дергались, надежно прикованные к безжизненному остову Усера. Наконец Билл догадался схватить свое атомное оружие и его стволом разжал все еще ухмыляющуюся пасть Усера, освободив руку офицера. При этом он воспользовался случаем и заглянул

в открытую черепную коробку приятеля. Шов между черепом и крышкой проходил сразу же над ушами. Крышка крепилась на миниатюрных металлических петлях. Внутри вместо мозгов, костей и прочего находилась крошечная комната с пультом управления, малюсеньким креслицем, микроскопическими приборами и экраном, а также шкафчиком с прохладительными напитками. Усер оказался всего лишь роботом, а управляла им ящерица, сбежавшая на своем космическом корабле. Она как две капли воды походила на чинджера, вот только ростом была всего семь дюймов.

— Эй! — воскликнул Билл. — Усер, оказывается, всего лишь робот, и управляла им ящерица, сбежавшая на своем космическом корабле! Она как две капли воды походила на чинджера, вот только ростом была всего семь дюймов…

— Семь дюймов, семь футов — какая разница! — буркнул офицер-интендант, оборачивая покусанный кулак носовым платком. — По-твоему, мы обязаны сообщать каждому новобранцу, что противник смехотворно низкорослый и что обитает он на планете с тяготением десять «же»?.. Надо поддерживать боевой дух!

5

Теперь, когда выяснилось, что Усер чинджер, Биллу стало совсем одиноко. Задница Браун и раньше не отличался разговорчивостью, а сейчас замолчал окончательно. Поплакаться и то было некому. Среди обитателей кубрика Браун оставался единственным знакомым по учебному лагерю. Остальные держались особняком: стоило Биллу приблизиться, и они замолкали, бросая в его сторону подозрительные взгляды. Единственным развлечением этих людей была сварка. Свободное время они проводили, приваривая что-нибудь к полу, чтобы потом отпилить это «что-нибудь» и приварить снова в другом месте. Может показаться, что это не слишком увлекательный способ коротать время, однако они были довольны. Короче, Билл чувствовал себя не в своей тарелке и даже попытался жаловаться Усеру.

— Полюбуйся, во что я влип по твоей милости, — хныкал он.

Усер, нечувствительный к упрекам, безразлично ухмылялся.

— Мог бы, по крайней мере, закрыть голову, когда с тобой разговаривают! — возмутился Билл

и захлопнул крышку. Однако лучше не стало. Усер по-прежнему только ухмылялся, но стоял уже в углу, надежно прикрепленный к полу магнитными подметками; солдаты развешивали на нем грязные рубашки и детали сварочных аппаратов. Торчал он так вахты три, пока наверху решали, что с ним делать. Наконец явился взвод полицейских с ломами, его взвалили на тележку и увезли невесть куда.

— Счастливо! — помахал ему Билл и продолжил чистку своих башмаков. Конечно, Усер был шпионом, но товарищ он был неплохой.

Задница Браун, по обыкновению, молчал, сварщики по-прежнему в свою компанию не принимали, и весь досуг Билл тратил на изобретение благовидных предлогов — как бы избежать общения с его преподобием предохранительным Тэмбо. «Фанни Хилл» — «гранд-дама» межзвездного флота — все еще находилась на стационарной орбите: заканчивался монтаж ее маршевых двигателей. На борту делать было практически нечего, так как вопреки предсказанию предохранительного первого класса Сплина на овладение всеми тонкостями специальности у Билла ушло несколько меньше времени, чем того требовали многочисленные инструкции и предписания:

вместо года, если говорить откровенно, хватило всего четверти часа. Билл слонялся по кораблю, всюду совал свой нос и даже подумывал, не навестить ли священника — излить душу и поделиться сомнениями, но боялся зайти не вовремя. Уж очень не хотелось встречаться с офицером-интендантом. Заглядывал он так в каждый угол — конечно, насколько позволяли военные патрули — и однажды сквозь неплотно прикрытую дверь в каюту увидел лежащий на койке башмак.

Билл обмер, потрясенный и испуганный, едва не наделав в штаны. Дело в том, что башмак был ему знаком. И на смертном одре он узнал бы этот башмак. Он изучил его в мельчайших подробностях, изучил как свой личный воинский номер, который мог назвать с конца, с начала и с середины. Каждая деталь этого башмака врезалась в память с поразительной точностью — от змеевидной шнуровки на голенищах, по слухам сработанных из человеческой кожи, до рифленых подметок, испачканных ржавыми пятнами, скорее всего кровью новобранцев. Это был башмак сержанта Сгинь Сдохни!

Башмак сидел на ноге, и Билл, парализованный ужасом, подобно беззащитной пташке под

гипнотическим взором змеи, обнаружил, что приближается к двери, по мере того как взгляд его скользит вверх по ноге, минует пояс, куртку, шею и наконец упирается в лицо — лицо, которое с тех пор, как он угодил в армию, являлось ему в невообразимых кошмарах. Губы на лице шевельнулись…

— Билл, это ты? Заходи, дружище, садись!

Билл ввалился в каюту.

— Конфету хочешь? Угощайся! — предложил Сдохни. И улыбнулся.

Пальцы Билла сами потянулись к протянутой коробке, и через миг его челюсти впервые за несколько недель принялись жевать настоящую пищу. Из почти атрофировавшихся слюнных желез потекла слюна, изумленный желудок громко застонал, а мысли понеслись вскачь, обгоняя одна другую в тщетных попытках расшифровать выражение лица сержанта. Изогнутые вверх уголки губ, ямочки на щеках… Нет, безнадежно, что бы это могло быть?!

— Я слышал, Усер оказался шпионом чинджеров, — сказал Сдохни, закрывая коробку и пряча ее под подушку. — Мне следовало догадаться. Я, конечно, чувствовал неладное с парнем — вся эта чистка башмаков и прочая бредятина, — од-

нако думал, что он всего-навсего чокнутый. Да, недоглядел…

— Сдохни, — хрипло выдавил Билл, — я понимаю, это невозможно… Но вы ведете себя как человек!

Сержант расхохотался, причем не своим обычным, похожим на скрежет пилы по человеческим костям, а почти нормальным смехом.

Билл продолжал, заикаясь от волнения:

— Н-но вы ведь садист, извращенец, животное, негодяй, убийца…

— Спасибо, Билл. Приятно слышать. Я стараюсь вкладывать в работу всю душу и, как и всякий, не прочь дождаться слова похвалы. Роль убийцы достаточно сложна. Наконец-то это дошло даже до такого олуха, как ты.

— Как же… разве вы не в самом деле…

— Молчать! — рявкнул Сдохни, и столько в его голосе было яда и бешенства, что температура тела Билла разом упала на шесть градусов. Сержант вновь улыбнулся. — Ты не виноват, сынок, что с тебя взять? Уж больно ты глуп, да и родом с какой-то захудалой планетки. Общение с армейскими придурками тоже ума не прибавляет, и вообще… Но пошевели мозгами, парень! Военная муштра — слишком серьезное дело, чтобы дове-

рить его любителям. Прочитал бы ты в нашем колледже главку-другую из учебника… у тебя бы кровь в жилах застыла! В доисторические времена сержанты-дрессировщики, или как их там называли, вот те были садисты так садисты! Им позволяли прямо с грязью смешивать рекрутов. Благодаря этим бравым невеждам солдат начинал ненавидеть службу, прежде чем соображал, что ее надо бояться, и дисциплина катилась к чертям собачьим. А потери?! То кого-нибудь зашибут ненароком, то целый взвод утопят во время переправы, то еще что-нибудь в этом роде. Просто слезы на глаза наворачиваются, такие были потери!

— Можно мне спросить, на чем вы специализировались в колледже? — робко поинтересовался Билл.

— Воинская дисциплина, подавление духа и методология воздействия — вот мой курс. Обзорный, четырехлетний, но закончил я его на «отлично», а для парня из рабочей семьи это совсем недурно. Все силы отдавал службе — а проклятые ублюдки запихали меня в эту вонючую посудину!

Он поднял очки в тонкой золотой оправе и смахнул набежавшую слезу.

— Вы ждали благодарности? — несмело спро-

сил Билл.

— Да, ты прав, глупо с моей стороны! Спасибо, что привел меня в чувство. Билл, из тебя еще выйдет хороший солдат. От начальства нужно ожидать лишь преступного равнодушия и халатности, чтобы этим можно было воспользоваться — ну, как делают там, наверху: взятки, хищения имущества, махинации на черном рынке и так далее. Но в лагере я и впрямь здорово поработал и питал наивную, как выяснилось, надежду, что мне позволят заниматься этим и впредь… Ладно, займусь-ка делом: пора устраивать себе перевод.

Он поднялся с койки и убрал коробку с конфетами и очки в запирающуюся на ключ тумбочку.

В минуты сильного душевного волнения Билл начинал соображать медленнее и все качал головой, время от времени даже постукивая по лбу тыльной стороной ладони.

— Видно, вашей карьере сильно помогло врожденное урод… Я хотел сказать, у вас такие красивые зубы…

— Еще бы не помогло, — отозвался Сдохни, пощелкивая ногтем по одному из своих клыков. — Но чертовски дорого! Ты знаешь, сколько стоит комплект искусственно выращенных и хирургически вживленных клыков? Держу па-

ри, что нет! Я три года подрабатывал во время летних отпусков, чтобы сколотить деньжат, и скажу тебе: не жалею. Имидж — вот главное! Изучал я старые фильмы: тогда тоже, по-своему, примитивно, умели из человека сделать скотину. Подбирали таких специалистов, очевидно, по внешнему виду и по коэффициенту умственного развития — чем хуже, тем лучше, но были они настоящими знатоками своего дела. Продолговатые, наголо бритые черепа, усеянные шрамами, мощный подбородок, отвратительные манеры, вспыльчивость — все, что угодно. Я понял, что некоторые предварительные инвестиции могут в будущем обернуться дивидендами. О, это была настоящая жертва, поверь мне! Ты встречал еще подобные клыки? Нет! Причин предостаточно. Конечно, чтобы рвать жесткое мясо, они хороши, ну а дальше? Попробуй поцелуй девушку… Ладно, Билл, проваливай, у меня дела. Еще увидимся…

Последние слова Билл едва расслышал, так как, ведомый хорошо вымуштрованными рефлексами, очутился в коридоре, едва уловив команду. Когда самопроизвольный страх миновал, Билл отправился восвояси тщательно отработанным шагом, несколько напоминающим походку утки с перебитыми коленными суставами. По его

мнению, именно так ходили старые космические волки. Он считал себя уже в какой-то мере закаленным ветераном и на минуту даже возомнил, что больше знает об армии, чем армия о нем. Эти наивные иллюзии растаяли как дым, стоило вмонтированным в потолок динамикам откашляться и прогнусавить:

— Слушайте все! Наш старик-капитан Зекиаль издал приказ, которого мы с нетерпением ждали. Идем в бой, ускорение нос-корма, закрепить все на совесть!

Глухой, наполненный сердечной болью стон прокатился по кубрикам гигантского корабля.

6

В сортирах воздух гудел от шуточек и сплетен, касающихся цели первого полета «Фанни Хилл», однако ничего общего с действительностью они не имели: их по приказу командования распространяли тайные агенты полиции. Единственное, что можно было сказать с уверенностью, так это то, что корабль, похоже, и в самом деле куда-то полетит, потому что корабль, очевидно, готовили куда-то полететь. Даже Тэмбо, укладывающий в кладовке запасные предохранители, вынужден

был с этим согласиться.

— Хотя, с другой стороны, — добавил он, — возможно, что это всего лишь операция по дезинформации шпионов. Мы делаем вид, что куда-то полетим, а на самом деле туда полетит другой корабль.

— Куда — «туда»? — спросил Билл с раздражением, потому что придавил ноготь на указательном пальце.

— Ну куда-нибудь, какая разница? — Все, что не имело непосредственного отношения к его вере, Тэмбо оставляло равнодушным. — Зато мне доподлинно известно, куда попадешь ты.

— Куда же? — замер Билл, заглотнув приманку.

— Прямехонько в ад, если не будешь спасен.

— Опять за свое… — простонал Билл.

— Вот погляди, — тоном искусителя шепнул Тэмбо и запустил знакомую райскую картинку: золотые врата, фигурки на облачках, рокот там-тамов…

— Ну-ка, кончай свое дерьмовое спасение! — гаркнул предохранительный первого класса Сплин, и картинка исчезла.

Что-то слегка дернулось у Билла в желудке, но он принял это ощущение за очередной сигнал

тревоги, посланный запаниковавшими внутренностями, которым постоянно мерещилось, что их намереваются уморить голодом. Сложнейшая, чудесная система по перевариванию и усвоению пищи все никак не могла переварить и усвоить простой факт: она обречена на жидкостную диету.

Однако Тэмбо прервал работу и склонил голову набок, будто прислушиваясь, а затем осторожно ткнул себя кулаком в живот.

— Летим, — решительно заявил он. — Причем на межзвездной тяге.

— Значит ли это, что мы вламываемся в подпространство и вскоре жуткие судороги скрутят каждую клеточку наших организмов?

— Нет, старыми подпространственными двигателями уже не пользуются. Множество кораблей пробилось в подпространство с этими жуткими судорогами, но ни один из них до сих пор еще не выбрался обратно. Я читал в «Солдатской правде» статью какого-то математика, что в расчеты вкралась ошибка; время в подпространстве действительно течет иначе, но иначе *быстрее*, а не иначе *медленнее*, и те корабли могут вернуться черт знает когда, если вообще когда-нибудь вернутся.

— Значит, мы в *над*пространстве?

— Ничего подобного!

— Так, может, нас разложили на составляющие атомы и занесли в память гигантского компьютера, которому стоит лишь вообразить, что мы находимся в каком-то определенном месте, и раз — мы уже там?

— Ого! — присвистнул Тэмбо, и его брови поднялись чуть ли не к самой линии волос. — Для деревенского увальня зороастрийца у тебя довольно странные идеи! Ты не выпил, часом? Или, может, курнул чего?

— Ну скажи! — взмолился Билл. — Если ни то ни другое, тогда что же? Чтобы драться с чинджерами, нам нужно пересечь межзвездное пространство, и как это мы сделаем?

— Да вот так! — Тэмбо огляделся, нет ли поблизости предохранительного первого класса Сплина, и сложил руки лодочкой. — Представь себе, что это корабль в космосе. Когда включается разбухательная тяга…

— Какая-какая?..

— Разбухательная. У нее такое название, потому что она действует по принципу разбухания. Ну, тебе, должно быть, известно: все на свете состоит из малюсеньких штуковин, всяких там

электронов, протонов, нейтронов, тронтронов и черт знает чего еще, которые держит некая связующая энергия. Если ослабить эту энергию — да, я забыл сказать, что все они вечно вертятся как сумасшедшие; впрочем, ты об этом, возможно, уже слышал, — так вот, если эту энергию ослабить, то эти штуковины начнут разлетаться, и чем меньше будет эта энергия, тем дальше друг от друга они разбегутся. Я ясно выражаюсь?

— Кажется. Но не уверен, что мне это нравится.

— Спокойно. Видишь мои руки? Итак, энергия уменьшается, а корабль становится все больше и больше. — Он развел руки в стороны. — Все больше и больше: сперва как планета, потом как солнце и наконец как целая Солнечная система. Благодаря разбухательной тяге мы можем стать сколь угодно большими. Потом ее включат в обратном направлении, корабль съеживается до нормальных размеров, и раз — мы уже там!

— Где?

— Там, куда нам надо, — терпеливо пояснил Тэмбо.

Билл отвернулся и принялся усердно полировать предохранитель, увидев, что рядом с подозрительным блеском в глазах проходит

предохранительный первого класса Сплин. Когда он скрылся за поворотом, Билл подошел к Тэмбо и зашипел:

— Но мы должны оказаться там, откуда начали! Надуваясь и съеживаясь, никуда не улетишь!

— Э-э, друг, старая добрая разбухательная тяга способна на всякие фокусы. Возьми, к примеру, кусок резины и растяни ее в стороны. Левую руку не двигай, а правую отведи как можно дальше. Теперь отпусти конец, который держишь левой рукой, — резина сожмется и окажется там, где твоя правая рука. Понимаешь? Ты же не перемещал ее, только растягивал, и тем не менее она оказалась в другом месте. Вот и наш корабль — он разбухает, только все время в одну сторону. Когда нос его окажется там, куда мы летим, корма все еще будет там, откуда мы вылетели. Потом происходит съеживание, и раз — мы на месте! С такой же легкостью ты можешь попасть на небеса, сын мой, если только…

— Проповеди в рабочее время, да, Тэмбо? — рявкнул Сплин с другой стороны груды предохранителей, откуда он подглядывал с помощью зеркальца на длинном пруте. — Теперь год будешь драить предохропояски, я тебя предупреждал!

Они молча работали тряпками до тех пор, пока сквозь переборку в помещение не вплыла планетка размером с теннисный мяч. Идеальная маленькая планета с крошечными полярными ледяными шапками, атмосферными фронтами, облачным покровом, океанами и всем прочим.

— Что это? — пискнул Билл.

— Навигационная ошибка, — ухмыльнулся Тэмбо. — Занесло чуток. Вместо того чтобы расти лишь вперед, корабль немного сдал назад. Эй, не трогай! Это может плохо кончиться… Та самая планета, которую мы только что покинули, Фигеринадон-два.

— Мой дом, — всхлипнул Билл, и на глазах у него выступили слезы. Тем временем миниатюрный глобус съежился до размеров шарика для настольного тенниса. — Прощай, маманя!

Он махал рукой, пока планетка совсем не исчезла.

Если не считать этого происшествия, полет был очень скучным: движения они не чувствовали, когда остановятся, не знали и куда попадут — понятия не имели. Наконец поступил приказ снять крепления с запасных предохранителей — значит куда-то они все-таки добрались. На протяжении трех вахт не происходило ничего

особенного, и когда вдруг объявили боевую тревогу, Билл помчался на свой пост, счастливый впервые за все время службы. Все жертвы и муки ненапрасны, сейчас он вступит в схватку с омерзительными чинджерами!

Предохранительные застыли в позиции номер один, впившись глазами в красные пояски на предохранителях, именуемые поясками предохранителя. Сквозь подметки башмаков чувствовалась легкая, но отчетливая вибрация.

— Что это? — спросил Билл, почти не шевеля губами.

— С разбухательной тяги мы перешли на главную, — уголком рта прошипел Тэмбо. — Атомные двигатели. Значит, мы маневрируем, что-то делаем…

— Но что?

— Следить за поясками! — заорал предохранительный первого класса Сплин.

Билл начал потеть и внезапно осознал, что стоит удушающая жара. Тэмбо, не отводя глаз от предохранителей, выскользнул из комбинезона и аккуратно сложил его позади себя.

— А разве можно? — поразился Билл, оттягивая воротник. — И вообще, что происходит?

— Это против правил, но раздеться придется,

иначе сваришься. Давай, давай, сынок, не то помрешь без отпущения грехов. Видать, идет бой, потому что работает вся защита: семнадцать силовых экранов, один электромагнитный да еще двойная броня с тонкой пленкой псевдоживого желе между слоями, которая мгновенно затягивает все дыры. С такой оболочкой корабль совершенно не излучает энергии в пространство. Двигатели работают, все потеют, здесь будет жарче, чем в бане. А начнем палить — представляешь?

Много часов температура колебалась у пределов выносимого. И все эти часы предохранительные провели, таращась на пояски предохранителей. Как-то раз Билл босыми подошвами почувствовал легкое содрогание раскаленной палубы.

— Что это?

— Пускаем торпеды.

— В кого?

Тэмбо в ответ только пожал плечами, не сводя бдительного взгляда с поясков предохранителей. Еще с час Билл мучился от неуверенности, скуки, жары и усталости, и вдруг раздался сигнал отбоя, и из вентиляторов хлынула струя холодного воздуха. Когда он натянул форму, Тэмбо куда-

то исчез, и Билл, едва волоча ноги, поплелся в кубрик. На доске объявлений в коридоре висел листок, размноженный на мимиографе, и Билл придвинул к нему лицо, силясь разобрать расплывающийся текст.

От кого: Капитан Зекиаль
Кому: Всему экипажу
Тема: Недавнее сражение
23.11.8956 наш корабль участвовал в уничтожении вражеской установки 17КЛ-345 и во взаимодействии с остальными кораблями флотилии «Красный костыль» завершил свою миссию полным успехом, в связи с чем объявляется, что каждый член экипажа обязан прикрепить к орденской ленте «Ветеран боевых действий» знак «Почетное атомное облако»; если же вышеназванное сражение было первым для члена экипажа, упомянутый член имеет право на знак «Участник боевых действий».
Внимание!
Кое-кто замечен в ношении «Почетного атомного облака» вверх ногами, что является ПРЕСТУПЛЕНИЕМ и по законам военного времени решением ТРИБУНАЛА карается СМЕРТЬЮ.

7

После героической битвы при 17КЛ-345 потянулись унылые недели учений и муштры, имевшие целью возвратить утомленным ветеранам былую форму. В один из таких гнетущих дней из динамиков раздался сигнал, доселе Биллу незнакомый. Он напоминал звук, какой можно извлечь из наполненного стальными прутьями рудодробильного барабана, если его хорошенько потрясти. Ни Биллу, ни остальным новобранцам этот сигнал ничего не говорил, зато Тэмбо кубарем слетел с койки и под аккомпанемент тамтама, в роли которого выступала прикроватная тумбочка, исполнил короткий танец смерти.

— Ты спятил? — вяло поинтересовался Билл с койки, где он листал затрепанный комикс, озаглавленный «ПОМЕШАВШИЙСЯ НА СЕКСЕ, или УПЫРЬ-УБИЙЦА / со звуковыми эффектами». С раскрытой страницы несся душераздирающий стон.

— Разве ты не знаешь? — изумился Тэмбо. — Ты же не знаешь!.. Нет другого звука, столь ласкающего слух… Почту привезли!

Остаток вахты прошел в томительном ожида-

нии, а потом, разумеется, пришлось выстоять длиннющую очередь. Доставка почты была организована с максимальным беспорядком, однако в конце концов, невзирая на многочисленные препятствия и проволочки, Билл завладел бесценной открыткой от матери. На открытке были изображены корпуса фабрики по переработке падали и потрохов, что располагались на окраине его родного городка, и одного этого хватило, чтобы к горлу Билла подступил предательский комок. На отведенном для письма чистом прямоугольнике мать накорябала с трудом: «Урожай плохой, сидим в долгах, у робомула сап, у тебя, надеюсь, тоже все нормально. Люблю, мама». И все же это была весточка из дома, и Билл, стоя в очереди за едой, перечитывал ее вновь и вновь. Стоявший перед ним Тэмбо тоже получил открытку, как и следовало ожидать, всю в церквах и ангелочках. Миссионер прочитал ее и невозмутимо сунул в чашку с обеденной жидкостью. Билл был потрясен.

— Что ты делаешь?

— А на кой черт, по-твоему, почта? — проворчал Тэмбо и окунул открытку поглубже. — Гляди.

На глазах у оторопевшего Билла открытка начала разбухать. Белая поверхность растрескалась

и осыпалась маленькими хлопьями, а коричневая основа росла и росла, пока не заполнила всю чашку. Тэмбо извлек истекающую супом массу и впился в нее зубами.

— Обезвоженный шоколад, — прочавкал он. — Мм, прелесть! А ты что получил?

Тэмбо не успел еще договорить, а Билл уже затолкал свою открытку в суп и зачарованно смотрел, как она разбухает. Поверхностный слой отвалился, однако начинка оказалась не коричневой, а белой.

— Конфета или, может, хлеб… — вздохнул он, с трудом сглатывая слюну.

Белая масса заполнила всю чашку и поползла наружу. Билл схватил ее за кончик и потянул, а она все лезла и лезла, пока в руках у Билла не оказалась цепочка жирных, сросшихся друг с другом букв почти в три ярда длиной. Билл поднял гирлянду и прочитал: «Голосуйте за П. Лута — он солдата не обманет!»

Билл откусил огромный кусок «Д», пожевал немного и сплюнул сырые клочья на пол.

— Картон, — мрачно произнес он. — Мама предпочитает покупать все на дешевых распродажах. Даже обезвоженный шоколад…

Билл поднес ко рту чашку, чтобы смыть мерз-

кий газетный привкус, но она была пуста.

На верхних ступенях власти, где вершатся судьбы людей, кто-то принял решение и издал приказ. Как известно, большое начинается с малого: капля птичьего помета падает на заснеженную вершину горы, катится вниз, понемногу обрастая снегом, ком все увеличивается и увеличивается, пока не превращается наконец в ревущую лавину смерти, безжалостно сметающую все на своем пути и обрушивающуюся на дремлющую у подножия горы деревеньку. Большое начинается с малого… Кто знает, с чего все началось здесь? Пожалуй, боги, но они лишь смеются. Может, какой-нибудь разнаряженной паве, женушке высокопоставленного министра, пришлась по вкусу некая безделушка, и острым язычком она до тех пор пилила супруга-индюка, пока тот, ради собственного покоя, не раздул грудь, не распустил перья и не пообещал эту безделушку купить, а потом и нашел способ раздобыть на это деньжат. К примеру, шепнул словечко императору — глядишь, и удастся возобновить давно забытую кампанию в секторе семьдесят семь дробь семьдесят один, а одержанные там победы (или даже просто новый призыв, окажись потери достаточно велики) повлекут за собой ордена,

награды, деньги… И вот из женской алчности, как из капли помета крошечной птички, разрастается лавина военных событий, поспешно строятся дредноуты, сколачиваются межзвездные армады — так камень, брошенный в воду, вызывает круги, которые все ширятся и ширятся, затрагивая в конечном итоге даже ничтожнейшие микроорганизмы…

— Идем в дело, — объявил Тэмбо, принюхиваясь к чашке с ужином. — В жратве полно стимуляторов, болеутолителей, селитры и антибиотиков.

— Так вот почему все время играют патриотическую музыку! — проорал Билл, силясь перекричать рвущиеся из динамиков рев труб и грохот барабанов.

Тэмбо кивнул:

— Самая пора позаботиться о душе и обеспечить себе местечко в легионах Самеди…

— Почему бы тебе не поговорить на эту тему с Задницей Брауном? — гаркнул Билл. — У меня твои тамтамы уже из ушей лезут. А взгляну на стены — вижу ангелов на облаках!.. Возьмись за Задницу — всякий, кто занимается с коровками тем, чем он, присоединится к шайке вуду-поклонников, ни секунды не раздумывая.

— Я беседовал с Брауном о его душе, но не уве-

рен в результатах. Он никогда не отвечает, и я не знаю даже, слышит ли он меня. Ты — другое дело, сын мой, ты гневаешься, значит ты сомневаешься, а сомнения — это первый шаг к вере…

Музыка вдруг оборвалась, и уши заложило от внезапной тишины. Затем раздался голос:

— А теперь слушайте все… Внимание, внимание… Через несколько секунд начинаем трансляцию с флагманского корабля — важнейшее сообщение нашего адмирала… Внимание… — Раздались жуткие звуки боевой тревоги, потом они утихли, и голос зазвучал снова: — …Итак, мы на командирском мостике гигантского покорителя космоса, двадцатимильного, великолепно вооруженного, бронированного супердредноута «Королева фей»… Вахтенные расступаются, прямо ко мне в скромном мундире из платиновых нитей направляется сам великий адмирал флота, его преподобие лорд Археоптерикс… Не уделите ли вы нам минутку, ваша светлость? Чудесно! Теперь вы услышите голос…

Однако из динамиков вырвалась лишь очередная порция бравурной музыки, и предохранительные вновь сосредоточились на созерцании поясков предохранителей. Через некоторое время голос все-таки раздался — сиплый, дребезжащий,

слабый, характерный для столпов империи.

— Парни, идем в бой! Наш флот, самый мощный из всех когда-либо виданных Галактикой, направляется прямиком на врага, чтобы нанести ему сокрушительный удар и одержать победу в войне. На голографической карте я вижу неисчислимые светящиеся точки, их так много, что все не охватить единым взглядом. Говорю вам — будто дырки в одеяле! Не корабль, не эскадрилья, а целый флот! Мы стремительно приближаемся…

Застучали тамтамы, и на месте пояска предохранителя, за которым наблюдал Билл, появились золотые врата.

— Тэмбо! Прекрати! Я хочу послушать про битву!

— Глупости! — фыркнул Тэмбо. — Лучше воспользуйся оставшимися тебе минутами, чтобы встать на путь спасения! Никакой это не адмирал, а магнитофонная запись. Я слышал ее уже пять раз — перед каждым сражением, когда ожидаются особо тяжелые потери. Ее запускают для поднятия духа. И вообще, адмирал тут ни при чем, эту чушь переписали с какой-то древней телепередачи…

— Ага! — заорал Билл и бросился вперед. Предохранитель перед самым его носом перегорел: из

зажимов сверкнули искры, а поясок мгновенно переменил цвет с красного на черный.

— Ух! — вскрикнул Билл, потом снова, с короткими интервалами: — Ух! Ух! Ух! — обжигая руки о раскаленный предохранитель, роняя его себе на ногу и наконец спихивая цилиндр в отверстие в полу. Когда он повернулся, Тэмбо вставлял в зажимы новый предохранитель.

— Это был мой предохранитель! — На глазах у Билла показались слезы. — Ты не имел права!

— Прости. Но согласно уставу я обязан помочь, если сам не занят.

— Ладно, по крайней мере, мы в деле, — проворчал Билл, приняв исходную позицию и поглаживая отдавленный палец на ноге.

— Пока нет, здесь еще холодно. Предохранитель перегорел потому, что был старым, по разряду видно.

— …непобедимая армада с незнающими поражения солдатами на борту…

— Но ведь могли быть и в деле, — обиженно надулся Билл.

— …рев атомных двигателей и огневые следы мчащихся к цели торпед…

— А вот теперь, кажется, уже. Вроде теплее стало, а, Билл? Давай-ка разденемся; когда начнется

бой, будет не до того.

— Живо, живо, догола! — покрикивал предохранительный первого класса Сплин, прыгая, как газель, вдоль рядов керамических цилиндров. На нем были только грязные носки и наколотая татуировка воинского звания в виде похабной интерпретации предохранителя. Раздался треск. Билл почувствовал, как коротенькие, едва успевшие отрасти волосы дыбом встали на его голове.

— Что это? — ахнул он.

— Вторичный разряд вон той группы предохранителей, — указал Тэмбо. — Сведения, разумеется, совершенно секретные, но вроде это означает, что один из защитных экранов находится под воздействием очень сильного излучения. При перегрузке цвета спектра меняются: зеленый, голубой, фиолетовый, наконец, черный, и экрану каюк.

— Паршиво…

— Это только сплетни. Говорю же, информация засекречена…

— ВНИМАНИЕ!

Мощный удар расколол спертый воздух, и целый ряд предохранителей сверкнул разрядами. Один из них разорвался, остальные почернели и задымились. Солдаты бросились вперед, меняя

предохранители потными руками, работая почти на ощупь в густых клубах дыма. На миг наступила тишина, и тут же пронзительно заверещал звонок на пульте связи.

— Сукина задница! — выразительно пробормотал Сплин и понесся к пульту, пинком отшвыривая попавшийся под ноги предохранитель.

Китель его висел рядом на крюке, и прежде чем нажать кнопку «Прием», он поспешно натянул его. К тому времени как экран засветился, последняя пуговица на мундире была застегнута. Сплин отдал честь, следовательно, к нему обращался офицер. Билл стоял сбоку и экрана не видел, но доносившийся голос звучал визгливо и капризно, да и вообще складывалось впечатление, что у говорящего слишком много зубов и совсем нет подбородка, а это, между прочим, было одним из признаков офицера.

— Не торопишься отвечать, предохранительный первого класса Сплин! Возможно, предохранительный второго класса будет проворнее?

— Сжальтесь, сэр, умоляю, я несчастный старик… — Сплин рухнул на колени и, естественно, исчез с экрана.

— Встань, идиот! Вы уже отремонтировали предохранители после последней перегрузки?

— Мы их заменяем, сэр, а не ремонтируем…

— Молчать, свинья! Меня эти мелочи не интересуют. Отвечай прямо: да или нет?

— Все в порядке, сэр. Готовность — зеленый. Никаких жалоб, ваша милость.

— Ты почему не по форме одет?

— По форме, сэр! — заскулил Сплин, придвигаясь ближе к экрану, чтобы его голая задница и дрожащие конечности не попали в поле зрения телекамеры.

— Не смей лгать! У тебя на лбу пот, а в мундире потеть не разрешается! Посмотри — разве я потею? А ведь я еще и в фуражке, и фуражка надета под предписанным углом! Ладно, на сей раз прощаю, у меня мягкое сердце. Можешь идти.

— Задница неумытая! — во весь голос проревел Сплин, отводя душу, и сорвал с себя китель. Температура достигла ста двадцати градусов и продолжала подниматься. — На мостике-то кондиционеры стоят, и куда, по-вашему, они отводят тепло? Да сюда! УААА-ЯАААА!

Два ряда предохранителей выстрелили одновременно, три предохранителя разорвались, как бомбы. В тот же миг под ногами отчетливо дрогнул пол.

— У нас большие неприятности! — закричал

Тэмбо. — Если уж не выдержало статическое поле, то корабль в любой момент может раздавить в лепешку. А вот еще!..

Он кинулся к зажимам, выбросил сгоревший предохранитель и вставил на его место запасной.

Это был сущий ад. Предохранители рвались шрапнелью, рассекая воздух осколками керамической смерти. Сверкнула молния, вспыхнула дуга короткого замыкания между распределительным щитом и стальной палубой, и тут же раздался нечеловеческий (к счастью, короткий) вопль солдата, оказавшегося на ее пути. Густой дым клубился по полу, поднимаясь постепенно все выше, пока в конце концов полностью не затянул все вокруг. Билл выдернул из зажимов остатки перегоревшего предохранителя и прыгнул к стеллажу за запасным. Схватил девяностофунтовый цилиндр непослушными руками, повернулся, и тут Вселенная взорвалась…

Все оставшиеся предохранители сгорели одновременно, и воздух с треском разорвала ослепительная молния. В краткий, но, казалось, нескончаемый миг Билл увидел, как огонь прошил шеренгу солдат, расшвыривая их по сторонам и испепеляя, будто частички пыли

в жадном пламени. Тэмбо зашатался и рухнул грудой обугленной плоти. Летящий кусок стали рассек предохранительного первого класса Сплина от шеи до паха, вывернув внутренности из чудовищной раны.

— Во дырища-то! — заорал Задница Браун и тут же дико взвизгнул, когда накатившийся огненный шар превратил его в почерневший огрызок.

По счастливой случайности, когда ударила волна огня, Билл держал перед собой массивный керамический цилиндр. Пламя лизнуло только руку, с внешней стороны прижимавшую предохранитель к груди, отбросило его к стеллажу и распластало на раскаленной палубе, а само буйствовало буквально в нескольких дюймах над его головой. Потом, так же внезапно, как началось, все стихло, и остались лишь дым, жар, смрад горелого мяса, разрушение и смерть, смерть, смерть. Билл с трудом дополз до люка, и это движение было единственным в мертвом, выжженном помещении.

На нижней палубе царила такая же жара, а воздух был так же лишен живительного кислорода, как и там, откуда ему удалось выбраться. Билл упорно двигался вперед, почти не сознавая, что ползет на израненных ногах и одной окровавлен-

ной руке. Другая висела плетью, изувеченная и почерневшая, и только благодаря благословенному шоку он не выл от невыносимой боли.

Он все полз и полз — через порог… в коридор… Здесь воздух был чище и значительно прохладнее; Билл привалился к стене, глубоко вдыхая спасительную свежесть. Отсек показался ему знакомым и в то же время незнакомым. Длинное узкое помещение с выгнутой стеной, из которой торчали казенники гигантских орудий… Ну конечно, батарея главного калибра! Это ее так старательно фотографировал чинджеровский шпион Усер. Теперь, правда, все выглядело иначе: потолок, покрытый вмятинами и трещинами, заметно приблизился к полу, словно снаружи по нему ударили чудовищным молотом. У ближайшего орудия в кресле наводчика скрючился какой-то солдат.

— Что произошло? — спросил Билл, трогая солдата за плечо. Артиллерист свалился с кресла, как сухой лист: он весил не больше нескольких фунтов. Пергаментное лицо сморщилось, словно во всем теле не осталось ни капли воды.

— Дегидратирующий луч! — ахнул Билл. — А я-то думал, что такое только в кино бывает!

Кресло казалось мягким и удобным, во всяком

случае, привлекательнее покореженной стальной палубы. Билл занял освободившееся место и мутными глазами уставился на экран. По нему двигались маленькие разноцветные точки.

Прямо над экраном крупными буквами было напечатано: «Наши корабли зеленые, вражеские — красные. Не забывай, пойдешь под ТРИБУНАЛ!»

— Не забуду, — пробормотал Билл и начал заваливаться в кресле. Чтобы удержаться, он ухватился за какой-то рычаг, и на экране появился светящийся кружок с перекрестьем. Интересно! Билл навел кружок на зеленую точку, потом вспомнил что-то о трибунале. Тогда он еще раз пошевелил рычагом, и в кружке оказалась красная точка. На рычаге была какая-то красная кнопка, и Билл нажал ее, потому что такие кнопки прямо-таки созданы для того, чтобы их нажимать. Орудие издало тихое «пф-ф», и красная точка на экране погасла. Нет, неинтересно, решил Билл и выпустил рычаг.

— Ну и воинственный же придурок! — донесся слабый голос.

Билл нашел в себе силы оглянуться. За его спиной стоял тип с оборванными золотыми галунами.

— Я видел! — выдохнул он, покачнувшись. — До самой смерти не забуду! Воинственный придурок! Какие нервы! Неустрашимый! Вперед на врага, корабль не сдастся…

— Ты что плетешь? — прохрипел Билл.

— Герой! — воскликнул офицер и хлопнул его по плечу. Сознание и так еле-еле держалось в Билле; вспышка боли от этого хлопка переполнила чашу его терпения, и оно удалилось на покой. Билл отключился.

8

— Ну, будь паинькой и выпей обед, как подобает настоящему солдату…

Теплый голос проник в отвратительный кошмар, и Билл с радостью воспользовался предлогом, чтобы проснуться. С нечеловеческим усилием он разлепил веки. Смутная сперва картинка сфокусировалась, и на подносе появилась чашка. Поднос держала белая рука. Рука переходила в белое же предплечье, которое, в свою очередь, вырастало из белого халата. Халат распирала полноценная женская грудь. Зарычав как зверь, Билл отбросил поднос и кинулся на халат. Увы! Его левая рука покоилась в каком-то коконе и

висела на растяжках, так что он, все еще издавая нечленораздельные звуки, только завертелся в постели, словно пришпиленный булавкой жук. Медсестра пронзительно взвизгнула и убежала.

— Приятно видеть тебя полным сил, — сказал врач и отработанным ударом зафиксировал Билла на месте, одновременно парализовав его правую руку приемом дзюдо — Сейчас я налью тебе обед, и ты его немедленно выпьешь, а потом мы разрешим тебе пообщаться с приятелями. Они дожидаются снаружи.

Рука начала слушаться, и Билл взял чашку.

— Какие приятели? Какое общение? Что вообще здесь происходит? — недоумевал он в промежутках между глотками.

Дверь открылась, и в палату вошли солдаты. Билл искал среди них привычные лица, но видел лишь бывших сварщиков и незнакомцев. Потом вспомнил.

— Задница Браун изжарился! — закричал он. — Тэмбо сварился! Сплина выпотрошило! В живых не осталось никого!

Он нырнул под одеяло и душераздирающе застонал.

— Не годится герою так себя вести, — укоризненно произнес врач, вытаскивая его на подушки

и поправляя одеяло. — Ты герой, солдат! Твое мужество, находчивость, боевой дух и снайперская меткость спасли корабль. Защитные поля вышли из строя, машинное отделение было разрушено, артиллеристы перебиты, управление потеряно, вражеский крейсер уже готовился нанести смертельный удар, когда ты, словно ангел мщения, раненый, истекающий кровью, из последних сил произвел один-единственный залп, который разбил неприятеля и спас «Фанни Хилл», «гранд-даму» нашего флота. — Врач протянул Биллу листок бумаги. — Сам понимаешь, это цитата из официального рапорта. Лично я считаю, что тебе повезло.

— Вы просто завидуете, — хмыкнул Билл. Он уже начал вживаться в образ.

— Не строй из себя психоаналитика! — закричал врач, но тут же жалобно всхлипнул: — Я всегда хотел быть героем, а в результате обхаживаю их на задних лапках… Ладно, снимаем бинты.

Он освободил левую руку Билла от растяжек и начал разматывать бинт. Солдаты тесным кругом обступили постель и, затаив дыхание, наблюдали.

— Что с моей рукой, доктор? — Билл внезапно

заволновался.

— Поджарилась, как отбивная. Пришлось ее отрезать.

— Тогда *это* что?! — в ужасе вскричал Билл.

— Другая рука, пришитая. Их после битвы осталось знаешь сколько? Потери личного состава — сорок два процента, так что я только и делал, что резал и шил, поверь на слово.

Исчез последний слой бинта, и солдаты в восхищении заахали:

— Какая прекрасная рука!

— Пошевели-ка пальцами!

— И чертовски красивый шов у плеча — смотри, какие стежки аккуратные!

— Мускулистая, логичная — не сравнить с той щепкой, что у него с другой стороны!

— Да, и длиннее, и темнее… Прелестный оттенок кожи!

— Это рука Тэмбо! — взвизгнул Билл. — Уберите ее!

Он шарахнулся в сторону, однако рука последовала за ним. Его вновь уложили на подушки.

— Счастливчик ты, Билл, такая лапища досталась, да к тому же еще и от дружка!

— Он бы тебе все отдал!

— Теперь память о нем будет…

Рука и в самом деле была неплохая. Билл наклонился и пошевелил пальцами, подозрительно приглядываясь. Действует! Он стиснул руку ближайшего солдата, да так, что тот скорчился от боли, когда затрещали кости. Потом Билл присмотрелся внимательнее и заорал:

— Костоправ несчастный! Ветеринар! Славная работка, нечего сказать… Это же правая рука!

— Ну и что?

— А то, что отрезал ты левую! Теперь у меня две правые.

— Просто левые кончились. Я же не волшебник! Стараешься изо всех сил, а в ответ слышишь одну брань… Скажи спасибо, что не пришил тебе ногу. — Он злорадно ухмыльнулся. — Или еще что-нибудь…

— Это и впрямь хорошая рука, Билл, — заверил солдат, растиравший свою ладонь. — Тебе здорово повезло. Теперь ты можешь отдавать честь любой рукой, больше никто на это не способен.

— Верно, — произнес Билл. — Я и не подумал… Мне действительно повезло.

Он попробовал: локоть его левой правой руки подпрыгнул вверх, и пальцы замерли точно в полудюйме от виска. Солдаты щелкнули каблуками и отдали ему честь. Тут дверь распахнулась, и в

палату просунул голову офицер:

— Вольно, вольно… Старик желает нанести неофициальный визит.

— Сюда идет капитан Зекиаль!

— Я никогда еще его не видел!

Солдаты расщебетались, как птички, и занервничали, словно девственницы перед обрядом дефлорации. В палату вошли еще три офицера, и наконец санитар ввел десятилетнего идиота в капитанском мундире и со слюнявчиком.

— Бе-е-е… Пливет, лебята! — просюсюкал капитан.

— Капитан приветствует собравшихся, — кратко перевел первый лейтенант.

— Это тот, в кловатке?

— Особенно сердечно капитан желает приветствовать нашего героя.

— Э-э… чего-то еще, но я позабыл…

— Кроме того, капитан желает сообщить отважному воину, спасшему наш корабль, что ему присвоено высокое звание предохранительного первого класса, каковой чин автоматически продлевает срок службы на семь лет, а также что немедленно после выписки из госпиталя он должен отправиться первым же доступным транспортом на имперскую планету Гелиор,

чтобы из рук самого императора получить орден Пурпурного дротика и почетную Звезду туманности Угольный Мешок.

— Я хочу пи-пи…

— А теперь неотложные дела призывают капитана на мостик. Примите его самые теплые пожелания!

— …Не молод ли наш Старик для своего поста? — поинтересовался Билл.

— Есть и моложе, — отмахнулся врач. Он искал иглу потупее, чтобы сделать Биллу укол. — Не забывай, все капитаны — члены аристократических семейств, а даже самой многочисленной аристократии не хватает на галактическую империю. Приходится довольствоваться тем, что есть.

Врач нашел погнутую иглу и насадил ее на шприц.

— Ну хорошо, молодой так молодой. Но не слишком ли он глуп для такой работы?

— Берегись, паршивец, так ты и на его величество замахнешься!.. Возьми двухтысячелетнюю империю, скрещивай аристократию только между собой, поощряй рецессивные гены и врожденные дефекты — и получишь такую публику, что любому клиенту психушки до нее далеко! Видел бы ты капитана прежнего моего корабля…

Врач содрогнулся и злобно воткнул в Билла бракованную иглу. Билл взвизгнул и с тоской поглядел на сочащуюся из дыры кровь.

Потом дверь закрылась, и Билл остался один, перед голой стеной и туманным будущим. Предохранительный первого класса — это хорошо. Однако дополнительные семь лет службы — это плохо. Билл пал духом. Потянуло почесать языком со старыми дружками, но затем ему пришло в голову, что все они погибли, и дух его пал еще ниже. Билл хотел приободрить себя, да не мог найти подходящего повода, пока не вспомнил, что он может сам с собой обмениваться рукопожатием. Это обстоятельство его несколько развлекло.

Он лежал в пустой палате и пожимал себе руку. А потом заснул.

Часть вторая
1

Носовой отсек космического челнока был выполнен в виде гигантского иллюминатора из специального армированного стекла, за которым клубились мчащиеся навстречу облака. Развалившись в противоперегрузочном кресле, Билл любовался величественным зрелищем. Челнок мог вместить двадцать пассажиров, но сейчас здесь было всего трое солдат. Билл старался не смотреть слишком часто на сидевшего рядом артиллериста первого класса. Выглядел он так, словно им самим стреляли из пушки. Лицо с единственным глазом, налитым кровью, было почти целиком пластмассовое, хитросплетение блестящих поршней, проволочных тяг и электронных датчиков заменяло ему четыре отсутствующие конечности, а знаки различия и погоны были приварены прямо к металлическому каркасу, выполняющему функцию грудной клетки. Третий пассажир, коренастый сержант-пехотинец с бандитской рожей, плюхнувшись в кресло, моментально захрапел.

— Ух ты! — воскликнул Билл. Челнок пронзил последний слой облаков, и над ним засверкал золотой шар Гелиора, столицы империи десяти тысяч солнц.

— Вот так альбедо! — прокаркал из глубин своей пластиковой физиономии артиллерист. — Аж глаз режет!

— Еще бы! Планета, покрытая чистым золотом, представляешь?

— Нет, не представляю. И не верю. Слишком дорого получилось бы. Но я запросто могу представить себе планету, закатанную в анодированный алюминий.

Приглядевшись внимательнее, Билл убедился, что это и в самом деле совсем не золото. Настроение снова упало. Ну и пусть не золото! Зато могущество и слава неподдельные! Гелиор всегда был и будет имперской планетой, недремлющим, всевидящим оком Галактики. Сюда стекались донесения обо всем, что происходило на каждом корабле, и вся эта информация классифицировалась, кодировалась и вводилась в компьютеры. Гелиор решал судьбы целых цивилизаций и сдерживал мерзкие поползновения агрессоров. Это была планета, абсолютно покоренная человеком: моря, горы и континенты покрылись безудержно

разрастающимся многоэтажьем, а население Гелиора посвящало свою жизнь одной лишь цели — могуществу, власти. Сверкающая поверхность верхнего уровня была сплошь усыпана огнями космических кораблей самых разных размеров, а темное небо искрилось огоньками уже стартовавших или дожидающихся посадки. Изображение неумолимо увеличивалось… Вдруг резко сверкнула вспышка, всех ослепившая, и все исчезло.

— Полундра! — взревел Билл. — Нам крышка…

— Заткнись. Просто порвалась пленка. На борту нет ни одной важной шишки, поэтому им, конечно же, не захочется чинить…

— Пленка?..

— А ты что думал? Какой псих станет строить паром с большими окнами на носу, где максимальное трение об атмосферу? Это кино. Проектор. Чтобы мы знали, что садимся ночью.

При посадке пилот лихо сделал пятнадцать «же» — он также был информирован, что на борту ни единой важной шишки нет. Когда пассажиры вправили сдвинутые шейные позвонки и вернули глазам привычную возможность видеть, шлюз с шипением раскрылся. На самом деле стояла ночь, к тому же хлестал дождь. В дверях появилась профессионально улыбающаяся фи-

зиономия стюарда второго класса.

— Добро пожаловать на Гелиор! Тысячи незабываемых впечатлений ожидают… — Тут на его лицо вернулось естественное презрительное выражение. — Вы что, без офицера? Вытряхивайтесь поживее, нам нужно придерживаться расписания.

Никто не прореагировал на его слова, и он решительно полез расталкивать храпящего, как испорченная турбина, сержанта-пехотинца; такой пустяк, как пятнадцатикратная перегрузка, не смог потревожить молодецкий сон бравого воина. Завязалась возня, могучий храп перешел в басовитое урчание, но тут же его заглушил пронзительный визг стюарда, схлопотавшего пинок под зад. Не переставая урчать, сержант со своими попутчиками спустился на скользкую поверхность посадочной площадки. Кое-как установили артиллериста на разъезжающиеся металлические ноги, после чего Билл печально проводил взглядом свой узелок, вышвырнутый из багажного отделения в самую середину глубокой лужи. На прощание мстительный стюард выключил силовое поле, защищавшее их от дождя, и все трое моментально промокли до нитки и продрогли до костей на ледяном ветру. Сержант и Билл,

забросив свои пожитки на плечи (артиллерист свой багаж покатил за собой на колесиках), направились к ближайшим огням, мерцавшим за густой пеленой дождя не далее чем в какой-нибудь миле. На полпути у артиллериста случилось короткое замыкание в конечностях, и он застыл на месте, как фонарный столб. Пришлось прикрепить колесики к его ногам, а багаж взвалить на него сверху.

— Вот те на, получилась неплохая ручная тележка, — вздохнул артиллерист.

— Не дрейфь! — гаркнул сержант. — Зато на гражданку вернешься с отличной профессией!

Открыв пинком дверь, они ввалились в упоительно теплую канцелярию.

— У вас не найдется бутылочки растворителя? — обратился Билл к человеку за конторкой.

— Документы! — потребовал чиновник, игнорируя просьбу Билла.

— У меня есть бутылка в рюкзаке, — проскрипел артиллерист.

Билл, швырнув чиновнику бумаги (документы артиллериста были приколоты к его груди), полез копаться в рюкзаке. Чиновник бросил бумаги в огромную машину, что стояла за его спиной; та принялась гудеть и мигать лампочками, а Билл

тем временем тщательно промывал растворителем все контакты артиллериста, удаляя с них влагу. Наконец прозвенел звонок, машина выплюнула их документы и, громко стрекоча, стала выдавливать из себя узкую длинную перфоленту, испещренную печатными символами. Поспешно подхватив ленту, чиновник стал читать.

— Ну и влипли вы, ребята… — проговорил он с нескрываемым сарказмом. — Все трое должны получить ордена Пурпурного дротика из рук самого императора. Церемония начинается через три часа и будет сниматься на пленку. Ни малейшего шанса поспеть у вас нет.

— Не твое собачье дело, — рявкнул сержант. — Куда нам идти?

— Область тысяча четыреста пятьдесят семь-Д, уровень К-девять, блок восемьсот двадцать три — семь, коридор четыреста девяносто два, ячейка ФЛМ — тридцать четыре, кабинет шестьдесят два, спросить продюсера Крыссу.

— Как нам туда добраться? — задал вопрос Билл.

— Не знаю и знать не желаю. — Чиновник водрузил на стойку три внушительных тома в фут высотой и столько же толщиной. К корешку каждого из них была прикреплена металлическая

цепь. — Ищите сами. Вот ваши планы, распишитесь в получении. Утрата плана является тяжким государственным преступлением и карается по закону воен…

Канцелярист вздрогнул, внезапно сообразив, что остался наедине с тремя ветеранами, прошедшими огонь, воду и медные трубы. Побледнев как мел, чиновник потянулся к красной сигнальной кнопке, но прежде чем он успел осуществить задуманное, мощный металлический манипулятор артиллериста пригвоздил его руку к стойке.

Сержант нагнулся к нему, так что они практически соприкоснулись лбами, и тихим голосом, от которого в жилах стыла кровь, проговорил:

— Ты нам поможешь. Ты дашь нам поводыря!

— Поводыри только для офицеров… — попытался возразить чиновник, но стальной палец артиллериста ткнул его в живот, заставив беззвучно разевать рот.

— Считай, что перед тобой офицеры, — продолжал сержант, — мы не возражаем…

В страхе клацая зубами, чиновник вызвал поводыря. В стене напротив распахнулась дверца, и выкатился поводырь — нечто металлическое, отдаленно напоминавшее собаку с проволочным хвостом и шестью резиновыми колесиками.

— Ко мне, барбос, — поманил его сержант.

Поводырь устремился к нему, выдвинул красный пластиковый язык, после чего издал звук, надо полагать имитирующий дыхание. Сверяясь с бумажной лентой, сержант набрал код на клавиатуре, венчающей голову поводыря: 1457-Д, К9, 823–7, 492, ФЛМ-34, 62. Красный язык втянулся в пасть, хвост завилял, поводырь дважды тявкнул и покатился по коридору. Не теряя времени, ветераны последовали за ним.

По дороге они пользовались лифтами, подъемниками, эскалаторами, пневмокарами, монорельсами, движущимися тротуарами и колесным транспортом, не брезгуя также перемещением пешим порядком. В пути воины пристегнули цепочки планов к своим ремням, так как без них обходиться в этом огромном городе было совершенно невозможно.

Уже через час они оказались у двери под номером 62. Поводырь трижды тявкнул и удрал, прежде чем его успели схватить.

— Еще бы он не пошевеливался, — проворчал сержант. — Эта штуковина здесь на вес золота.

Толкнув дверь, они вошли в кабинет. За письменным столом сидел толстый человек и, брызжа слюной, орал в трубку видеофона:

— Хватит кормить меня байками! Знать ничего не желаю! Я должен выполнить работу, у меня камеры заряжены давно, а вы тут… — Увидев вошедших, толстяк сорвался на визг: — Вон! Вон! Вы что, не видите, я занят!

Сержант сбросил видеофон на пол и растоптал его на мелкие дымящиеся кусочки.

— Довольно непосредственная манера привлекать внимание, — сказал Билл.

— После двух лет на фронте станешь непосредственным. — Сержант заскрежетал зубами: — А вот и мы, Крысса! Что дальше?

Продюсер Крысса, пиная усеявшие пол обломки, пересек комнату и распахнул дверь в зал.

— Внимание, по местам! — закричал он. — Свет!

Все пришло в движение. Через минуту включились мощные софиты. Представленные к награде ветераны вступили в просторный павильон, кишащий людьми. Вокруг сновали камеры на тележках. Кое-как укрепленные декорации изображали императорский тронный зал. Искусственное солнце ярко светило сквозь окна с витражами, из узконаправленного софита на трон падал золотой луч. Толпа придворных и высшего генералитета, подгоняемая проклятия-

ми режиссера, заняла свои места по обе стороны трона властелина.

— Он обозвал их идиотами, — прошептал потрясенный Билл. — Его расстреляют!

— Ну и дурень, — усмехнулся артиллерист. Потом вытянул провод из правой ноги и включил вилку в розетку на стене — аккумуляторы у него здорово подсели. — Это все актеры. Откуда им взять настоящую аристократию для подобной ерунды?

— До прибытия императора успеем прогнать только один раз, поэтому никаких ошибок! — Крысса взобрался по ступеням и плюхнулся на трон. — Я работаю за импа! Эй, придворные, у вас все проще простого, не дай вам бог что-нибудь запороть! На дубли нет времени. Становитесь здесь. Когда я скажу «Мотор!», вытягивайтесь по струнке, как вас учили, а если не сумеете, значит плакали ваши денежки. Эй, ты, слева, ну ты, железяка, вырубай свои идиотские моторчики, ты испортишь фонограмму! Только попробуй звякнуть, я тебе устрою сдвиг по фазе! Эй, вояки! Ждите, пока вас вызовут, затем шаг вперед — и «смирно»! Император прикалывает медаль, отдаете честь — и шаг назад. Все ясно? Или для ваших жалких мозжечков это слишком сложно?

— Вы бы лучше все это пропели, — посоветовал ему сержант.

— Ужасно смешно. Ну, поехали!

Они дважды успели прорепетировать ход церемонии, как вдруг загремели фанфары. На сцену строевым шагом выступили шесть генералов, полукругом выстроились перед троном и взяли «на караул». Техники, операторы, даже продюсер Крысса — все склонились в глубочайшем поклоне, а ветераны вытянулись по стойке смирно. Император, шаркая ногами, медленно поднялся по ступеням и грузно повалился на трон.

— Продолжайте, — произнес он скучающим голосом и рыгнул, прикрывшись ладошкой.

— Мотор! — завопил режиссер и торопливо убрался из кадра.

Бравурная музыка ударила могучей волной, и церемония началась. Офицер, выполняющий обязанности церемониймейстера, зачитал описание славных подвигов, совершенных героями, кои ожидали вручения почетнейшей из наград — ордена Пурпурного дротика и почетной Звезды туманности Угольный Мешок. Император поднялся с трона и величественно направился к ветеранам. Первым стоял сержант-пехотинец. Не смея пошевельнуться, Билл краем глаза на-

блюдал, как император извлекает из подсунутой ему коробочки орден, сделанный из золота, серебра, рубинов и платины, и прикалывает его к груди воина. Сержант отдал честь и шагнул назад. Наступила очередь Билла. Громовой торжественный голос провозгласил его имя, и Билл выступил на шаг вперед, вложив в это движение всю выучку, приобретенную в учебном лагере имени Льва Троцкого. Он стоял лицом к лицу с самым обожаемым человеком во всей Галактике! Длинный мясистый нос, украшающий миллиарды банкнот, целился прямо в Билла, лошадиная челюсть с торчащими как попало зубами, знакомая миллиардам телезрителей, двигалась, произнося его имя, а один глаз в упор смотрел на него (второй глаз императора косил в сторону продюсера). Взволнованный торжественностью момента, Билл отдал честь так красиво, как только сумел.

Видит бог, это был прекраснейший из всех возможных салютов: ведь не так уж много людей с двумя правыми руками! Обе верхние конечности Билла одновременно взметнулись кверху, оба локтя зафиксировались под уставным углом, обе ладони застыли у висков. Это было проделано настолько мастерски, что пораженный император

сумел побороть косоглазие, сосредоточив на Билле взор обоих глаз. Но это длилось всего какое-то мгновение, после чего глаза его величества вновь разошлись в разные стороны. Все еще немного ошарашенный, он достал из коробочки орден и навесил его на Билла, причем булавка ордена впилась ветерану в грудь на всю длину.

Билл не почувствовал боли, но укол подействовал на него как сигнал к проявлению накопившихся эмоций. Он пал на колено в старом добром феодальном стиле, как актер в телешоу, и схватил скрюченную подагрой и усеянную пигментными пятнами длань императора.

— Отец наш! — воскликнул Билл и впился сыновним поцелуем в руку властелина.

Генералы тут же бросились на него, и мгновение Билл находился на волосок от смерти, но его величество лишь усмехнулся и обтер обслюнявленную руку о мундир Билла. Чуть заметного движения пальцем было достаточно, чтобы возвратить генералов на свои места. Император подошел к артиллеристу, пришпилил ему оставшийся орден и отвернулся.

— Все, закончили! — закричал продюсер Крысса. — Фрагмент с этим верноподданническим поцелуем можно не вырезать, получилось вполне

естественно!

Сквозь слезы умиления Билл увидел, что император, вместо того чтобы возвратиться на трон, смешался с гомонящей толпой актеров. Генералы куда-то исчезли. Билл заморгал, не веря собственным глазам: какой-то техник сорвал с головы императора корону, засунул ее в картонный ящик и куда-то убежал.

— Черт возьми, опять руку заклинило! — выругался артиллерист. — Дерни посильнее, ладно? Постоянно она заедает, как только поднимешь повыше…

— Но как же… его величество… он же… — заблеял Билл, пытаясь сдвинуть металлическую конечность товарища. Плечевой сустав неприятно скрежетнул, и рука встала на место.

— Император? Разумеется, актер! А ты хотел, чтобы настоящий император вручал награды низшим чинам? Ишь, губы раскатал! Но ты был неотразим, приятель!

— Получите! — Какой-то человек вручил им штампованные копии орденов и отобрал оригиналы.

— По местам! — снова раздался громкий голос режиссера. — У нас осталось десять минут, чтобы отснять императрицу и наследника, целующих

детей в присутствии делегации септуплетов с Альдебарана по случаю Часа Плодородия. Давайте сюда этих пластиковых детишек и гоните в шею проклятых зевак!

Героев вытолкали в коридор, дверь за ними захлопнули и закрыли на ключ.

2

— Устал, — вздохнул артиллерист, — к тому же у меня разболелись ожоги.

Во время утех в солдатском бардаке из-за короткого замыкания в корпусе под ним загорелся матрас.

— Ерунда! — Билл стоял на своем. — У нас на Гелиоре всего три дня! Только подумай, какие чудеса нас ждут! Висячие сады! Радужные фонтаны! Рубиновые дворцы! Как можно отказываться от этого?

— Посмотри, на кого я похож! Я смертельно хочу спать. Сначала высплюсь, а потом вернусь в веселый дом. А если тебя обязательно нужно водить за ручку, возьми сержанта!

— Он же в стельку пьян!

Сержант-пехотинец был пьяница-одиночка. Он не понимал людей, транжирящих деньги на

разноцветные бутылки с сильно разведенным содержимым. Всю свою наличность он пустил на подкуп некоего фельдшера, снабдившего его двумя бутылями чистого спирта, банкой раствора глюкозы с физиологической солью, иглой и резиновой трубкой. Бутыль с глюкозо-спиртовой смесью подвесили над его кроватью и трубкой соединили с иглой, которую воткнули ему в вену. Теперь бравый сержант лежал пластом под этой капельницей, обеспеченный прекрасным питанием и пьяный в дым. Если ничто не нарушит равномерности подачи содержимого бутылки, у него есть шансы находиться в состоянии сытости и алкогольного опьянения года два с половиной.

Наведя последний глянец на ботинки, Билл спрятал щетку в тумбочку и запер ее на случай, если придется вернуться позже обычного, так как без поводыря здесь можно элементарно заблудиться. От студии до казармы им пришлось добираться почти целый день, несмотря на то что вел их опытный сержант, который знал о картах все, что только можно о них знать. Если не уходить слишком далеко от казармы, проблем не возникало, но Билл не мог довольствоваться развлечениями, уготованными солдату, прибывшему с фронта. Ему страшно хотелось увидеть

то, что можно увидеть только на Гелиоре. Самый чудесный город во всей Галактике! Если ему не желают составить компанию, пусть катятся к черту! Он и сам пойдет!

Даже располагая картами Гелиора, определить расстояние до какого-нибудь объекта было почти невозможно, так как карты и планы верстались весьма приблизительно, к тому же нигде не был проставлен масштаб. Путешествие, которое намеревался совершить Билл, вполне могло затянуться — трасса вакуумно-магнитного транспортного средства пролегла через восемьдесят четыре страницы плана. Его цель могла находиться на другой стороне планеты! Да, трудно себе представить город величиной с планету. Поразмыслив, Билл пришел к выводу, что это вообще невозможно себе представить.

Не одолев и полпути, Билл обнаружил, что весь его запас сэндвичей иссяк. Желудок, успевший привыкнуть к регулярному питанию, начал так громко напоминать о себе, что в конце концов в области 9266-Л на бог весть каком уровне Билл вышел из вагона и отправился на поиски столовой. Судя по всему, он оказался в Машинописном районе — толпы сутулых женщин с длинными сильными пальцами заполняли все коридоры.

Единственная столовая, которую ему удалось разыскать, была ими переполнена. С трудом найдя себе место, Билл принялся сражаться с пищей. Здесь подавали бутерброды с сосисочным фаршем и заскорузлым сыром, томатный сок с изюмом и луком и малюсенькую чашечку чуть теплого травяного чая. Все это было не так уж и плохо, если бы автомат-раздатчик не поливал блюда растопленными сливочными тянучками. В визгливо гомонящем зале никто из девушек не обратил на присутствие Билла ни малейшего внимания. Все они работали под легким гипнозом, вследствие чего делали меньше опечаток. Озираясь по сторонам, Билл поглощал пищу, в то время как его соседки тараторили без умолку, бессознательно выстукивая пальцами по краю стола все, что произносили. В конце концов Билл, совершенно деморализованный, позорно бежал и в панике совершил ошибку — уселся не в тот вагончик. Номера уровней и блоков повторялись в каждой области, поэтому без всякого труда можно было оказаться черт знает где, а затем угробить уйму времени на блуждание.

Именно это и случилось с Биллом. После бесконечных пересадок с одного вида транспорта на другой он оказался наконец в лифте, который, по

расчетам, должен был доставить его к прославленным Висячим садам. Все пассажиры вышли на уровнях ниже, и Билл понесся вверх в полном одиночестве. Во время внезапного торможения он слегка воспарил в воздухе. От резкой смены давления здорово заложило уши. Раскрылась дверь, и Билл вышел, неожиданно очутившись посреди снежной метели.

От изумления у него отвалилась челюсть. Тем временем автоматическая дверь закрылась, и лифт исчез.

Билл стоял на металлической равнине, образующей верхний ярус города. Свистопляска кружащихся снежных хлопьев окутывала его со всех сторон. Билл на ощупь стал искать кнопку вызова лифта, как вдруг резкий порыв ветра сдул куда-то весь снег, с безоблачного неба брызнул яркий солнечный свет, и стало тепло. Это было невозможно!

— Это совершенно невозможно! — громко возмутился Билл.

— Нет ничего невозможного, если таково мое желание, — раздался скрипучий голос за спиной Билла. — Ибо я есть Дух Жизни.

Билл взбрыкнул, что твой конь, подпрыгнул, повернувшись на сто восемьдесят градусов, и

лицом к лицу очутился с красноглазым вислоусым человечком. Сморщенный нос незнакомца неприятно подергивался.

— У тебя что, не все дома? — взвизгнул Билл, досадуя, что оказался таким пугливым.

— Свихнешься на такой работенке! — всхлипнул старикашка и утер каплю, болтавшуюся на кончике носа. — То жар, то холод, то льет как из ведра. И постоянно избыток кислорода!.. Я есть Дух Жизни, и имя мое Сила, — затянул он противным голоском.

— Ну и дела… — проговорил Билл, глотая вновь поваливший снег. — Я и впрямь чувствую…

Но тут сильный порыв ветра снова разогнал тучи, и Билл пораженно замолчал.

До самого горизонта равнину покрывали лужи и сугробы полурастаявшего снега. Золотистое покрытие изрядно пооблупилось, и на обнажившемся грязном металле там и сям виднелись ржавые пятна, а кое-где и внушительных размеров дыры. Толстенные трубы, уходящие куда-то за горизонт, с шипением извергали струи пара и фонтаны снега. Один из гейзеров заколебался и вскоре иссяк.

— Номер восемнадцать пошел! — закричал старичок в микрофон, болтающийся на шее,

и, размахивая блокнотом, поскакал в сторону ржавого грохочущего тротуара, идущего параллельно трубам.

Билл устремился вслед за ним, но человечек совершенно перестал его замечать. Стоя на лязгающем трясущемся тротуаре, Билл прикидывал, куда могут вести все эти трубы и что это за таинственные раскаты грома в той стороне, куда они ведут. Через некоторое время из-за горизонта показался строй гигантских космических кораблей, каждый из которых был подсоединен к одной из труб. Человечек неожиданно ловко соскочил с тротуара и помчался к посадочной площадке под номером восемнадцать. Там на головокружительной высоте копошились рабочие — они отсоединяли от корабля толстую трубу. Старичок стал записывать показания счетчиков в блокнот, а Билл загляделся на мощный кран, поднимающий громадный гибкий рукав. Рукав присоединили к муфте на верхушке корабля, и он сразу же завибрировал под воздействием давления изнутри. Через неплотности в соединении вырывались клубы черного дыма; ветер подхватывал их и нес над бескрайней равниной.

— Могу я узнать, что здесь, черт побери, происходит? — жалостливо спросил Билл.

— Жизнь! Вечная жизнь! — взвизгнул старичок, взмывая из глубин психической депрессии к вершинам небывалого воодушевления.

— Нельзя ли немного пояснить?

— Планета заключена в металлический панцирь, — топнул ногой старичок. — Что это означает?

— Это означает, что планета заключена в металлический панцирь.

— Точно. Для рядового ты на редкость сообразителен. В общем, слушай. Берется планета, заковывается в металлический панцирь, и получается мир, где живые зеленые растения можно встретить исключительно в Имперских садах да еще в нескольких балконных ящиках. Что из этого выходит?

— Все помрут, — уверенно ответил Билл. Он хоть и был из деревни, но слыхал кое-что о фотосинтезе, хлорофилле и подобных вещах.

— Вот именно. Ты, я, его величество и еще несколько миллиардов других ротозеев усердно трудимся над преобразованием кислорода в двуокись углерода. Если не будет растений, которые преобразуют двуокись углерода обратно в кислород, все мы задохнемся в том, что сами же и выдохнули.

— Так, значит, эти корабли доставляют жидкий кислород?

Старичок кивнул и вспрыгнул на движущийся тротуар. Билл последовал за ним.

— Совершенно верно. На аграрных планетах этого кислорода — завались. Здесь его выгружают, а в освободившиеся резервуары загружают сажу, полученную из двуокиси углерода, и отправляют обратно. Там сажу используют и для отопления, и для удобрения, делают из нее пластик и черт знает что еще…

Билл сошел с тротуара у ближайшего лифта, а старичок со своим скрипучим голосом растворился в налетевшем буране. От избытка кислорода у Билла здорово кружилась голова. Ожидая лифт, он определил свое местоположение при помощи таблички с кодом, укрепленной на стене. Ожесточенно листая свой план, Билл с большими усилиями принялся прокладывать новый маршрут к Дворцовым садам.

На этот раз он не позволил себе расслабиться даже на мгновение. Питаясь исключительно прессованными концентратами и запивая их газировкой из автомата, Билл избежал опасностей, связанных с поисками столовых и пребыванием в них. Умудрившись ни разу не смежить веки,

он не прозевал ни одной пересадки. Наконец, со свинцовой тяжестью в голове и с темными кругами под глазами, он, пошатываясь, сошел с гравитационной платформы. Сердце его забилось чаще — прямо перед ним красовалась убранная цветами надпись: «Висячие сады». Вход перегораживал турникет, а в стене справа находилось окошко кассы.

— Один билет, пожалуйста.

— Десять имперских.

— Не так уж и дешево… — робко заметил Билл, отсчитывая купюры из жиденькой пачечки.

— Если беден — не приезжай на Гелиор!

Робот-кассир имел в запасе целую обойму подобных ответов. Пропустив его наставление мимо ушей, Билл прошел в сады.

Здесь было все, о чем он мечтал, и даже больше. Не спеша, Билл прогуливался по усыпанной гравием тропинке; от свеженькой травки и зеленых кустиков его отделяла лишь частая титановая сетка. Не далее чем в ста ярдах, сразу же за травяным газоном, красовались экзотические растения и цветы из всех уголков империи. А вдали… Там, практически различимые невооруженным глазом, били Радужные фонтаны! Опустив монетку в телескоп-автомат, Билл жадно

впился взглядом в ярчайшие переливы красок. Изображение было очень качественным — как картинка в телевизоре.

Налюбовавшись всласть, Билл зашагал дальше, наслаждаясь теплом искусственного солнца, подвешенного под сводом огромного купола.

Но даже умопомрачительная красота Висячих садов оказалась бессильной перед лицом страшной усталости, впившейся в него мертвой хваткой. К стене, окружающей сады, были прикреплены стальные лавочки. На одну из них Билл и опустился, на секундочку прикрыв глаза. Голова его сразу же упала на грудь, и он мгновенно заснул, даже не успев сообразить, что с ним происходит. Шуршание гравия — мимо прогуливались другие посетители — не мешало ему спать. Не услышал он и того, как один из посетителей сел на лавочку рядом с ним.

Поскольку Биллу не довелось увидеть этого человека, особенно описывать его нет нужды. Достаточно лишь сказать, что у него была землистого цвета кожа, сломанный красный нос и над безумными очами нависали обезьяньи брови. К этому портрету можно еще добавить широкие бедра, узкие плечи, ноги разной длины и грязные кривые пальцы. В довершение ко всему у него

был нервный тик.

Медленно тянулись секунды, а незнакомец продолжал сидеть. Через некоторое время все вокруг опустело. Быстрым змеиным движением незнакомец достал из кармана миниатюрный атомный сварочный аппаратик. Сверкнуло маленькое, неправдоподобно горячее пламя, и цепочка, соединяющая план Билла с его ремнем, оказалась намертво приваренной к металлу скамейки. Билл даже ухом не повел.

Дьявольская гримаса исказила лицо красноносого незнакомца — так на поверхности болота расходятся медленные круги от нырнувшей крысы. Атомное пламя перерезало цепочку у самого корешка плана. Сунув сварочный аппаратик в карман, злодей вытащил план из рук Билла и поспешил удалиться.

3

Поначалу Билл недооценил всей тяжести своего положения. Когда постепенно, с гудящей головой он вынырнул из глубокого сна, пришло ощущение какой-то утраты. Бесплодно дернувшись раз-другой, так и не сумев встать, Билл обнаружил, что план исчез, а цепочка приварена

к скамейке. Пришлось отстегнуть цепь от ремня и оставить ее на лавке. Билл вернулся ко входу в сады и постучал в окошко кассы.

— Деньги не возвращаем! — произнес робот-кассир.

— Я хочу заявить о преступлении.

— О преступлениях заявляют в полицию. Телефон рядом, номер полиции сто одиннадцать — одиннадцать-сто одиннадцать.

В стене распахнулась дверца, и из нее выскочил телефонный аппарат. При этом он с размаху так ударил Билла в грудь, что тот едва удержался на ногах. Вздохнув, Билл набрал номер.

— Полиция, — отозвался недовольный голос, и на экране возник сержант с бульдожьей мордой, облаченный в синий мундир.

— Я хочу заявить о краже.

— Особо крупная? Мелкая?

— Не знаю. У меня украли план.

— Мелкая. Обращайся в ближайший полицейский участок. Это телефон аварийного вызова, а ты занимаешь его без всяких оснований. Безосновательный аварийный вызов карается по законам…

Билл поспешил повесить трубку и вернулся к кассе.

— Деньги не возвращаем! — заявил кассир.

— Заткнись! — взорвался Билл. — Мне надо узнать лишь, где находится ближайший полицейский участок.

— Я робот-кассир, а не справочная. В моей памяти нет этой информации. Лучше всего загляни в свой план.

— Но его у меня украли!

— В таком случае обращайся в полицию.

— Но… — Билл покраснел от злости и, в сердцах захлопнув окошко кассы, побрел прочь.

— Деньги не возвращаем! — донеслось ему вслед.

— Эй, братишка, не грусти, лучше чарку пропусти! — тоном искусителя промурлыкал тихо подкатившийся роботизированный бар и воспроизвел чудесный звук сталкивающихся кубиков льда в заиндевелом бокале.

— Ты прав, черт побери! Пива. Большую! — Билл опустил несколько монет в монетоприемник и на лету поймал банку, которой робот выстрелил из раздаточного отверстия. Пиво освежило организм и охладило его пыл. Прямо перед собой Билл увидел стрелку с надписью «К Рубиновому дворцу».

«Сначала я взгляну на дворец, а потом пойду

поищу кого-нибудь, кто покажет дорогу к полицейскому участку… Ой!»

Роботобар внезапно выхватил у него из рук банку, чуть не оторвав пальцы, и с невероятной ловкостью швырнул ее в зияющую пасть мусоросборника.

Рубиновый дворец оказался таким же малодоступным, как и Висячие сады, поэтому Билл решил не тратиться на билет, дающий право приблизиться к окружающей дворец загородке. Недалеко от входа стоял полицейский, небрежно помахивая дубинкой. Ну уж этот наверняка знает, где находится ближайший участок.

— Извините, вы не подскажете, как пройти к ближайшему полицейскому участку? — спросил Билл.

— Я тебе не стол справок! Смотри в своем плане!

— Не могу, — выдавил Билл сквозь стиснутые зубы. — Мой план украден, именно поэтому я хочу найти… Ай!

Билл сказал «Ай!» потому, что полицейский профессиональным движением ткнул его дубинкой в солнечное сплетение и прижал к углу.

— Слушай, парень, я и сам когда-то был в армии, пока не откупился…

— Ваши воспоминания доставили бы мне значительно больше удовольствия, если бы вы были так любезны убрать эту дубинку… — с трудом проговорил Билл и облегченно перевел дыхание, когда дубинка была убрана.

— Так вот, — продолжал полицейский, — я сам когда-то был солдатом и не хотел бы, чтобы славный малый с Пурпурным дротиком и Угольным Мешком искал на свою голову неприятностей. Я очень порядочный фараон и взяток не беру. Но я бы чувствовал себя обязанным, если бы кто-нибудь одолжил мне двадцать пять имперских. До ближайшей получки, разумеется.

Билл хотя и уродился туповатым, но соображать научился быстро. Деньги сделали свое дело, и фараон подобрел прямо на глазах. Постукивая кончиком дубинки по своим желтым зубам, он заговорил:

— Позволь, приятель, сказать тебе пару слов, прежде чем сделаешь мне официальное заявление. Считай нашу беседу дружеской. Существует куча способов заработать себе массу неприятностей в столице, но самый легкий из них — потерять свой план. Это самое тяжкое преступление на Гелиоре. Знавал я как-то одного парня, который пришел в участок заявить, что у него

украли план. Так вот, он оказался в наручниках всего за десять секунд. Или даже за пять. Итак, что ты хотел мне сообщить?

— У вас спичек не найдется?

— Не курю.

— До свидания.

— Счастливо, приятель!

И Билл сорвался с места. Только за поворотом он остановился и, тяжело дыша, прислонился к стене. Что же теперь делать? Даже при наличии плана Билл с большим трудом перемещался по планете; как же можно обойтись без него? Где-то внутри Билл почувствовал свинцовую тяжесть, но постарался не обращать внимания на свои ощущения. Все ощущения на потом, решил Билл и попытался пораскинуть мозгами.

Это занятие оказалось не таким простым, ибо мысли его сосредоточились на единственной теме — пище. Ему казалось, что долгие годы прошли с тех пор, как он последний раз поел, и его слюнные железы заработали с такой яростью, что он едва не захлебнулся. Билл понял, что до тех пор, пока он не склонится над сочным бифштексом, ему не найти выход их сложившегося положения. А ведь должен же быть какой-то выход! До отправки у него в запасе почти целый

день, а это уйма времени.

За очередным крутым поворотом его взору открылся яркий высокий туннель, пестрящий рекламными огнями. Ярче всех блистала вывеска, которая гласила: «Золотой скафандр».

— «Золотой скафандр»! — Билл присвистнул. — Это уже кое-что. Знаменитый на всю Галактику ресторан, его без конца по телевизору показывают. Уж здесь-то можно восстановить свои силы и моральный дух. Конечно, обойдется дороговато, да где наша не пропадала…

Билл подтянул ремень, поправил воротничок мундира и поднялся по широким раззолоченным ступеням. В холле, имитирующем шлюз космического корабля, его приветливо встретил улыбающийся метрдотель. Полились мягчайшие звуки музыки, обволакивая его, как вдруг пол ушел из-под его ног. Безуспешно пытаясь зацепиться за что-нибудь, Билл скатился вниз по золоченой трубе, пролетел, извиваясь, по воздуху и растянулся во весь рост на пыльном металлическом тротуаре. Приподнявшись, он увидел надпись, начертанную на стене огромными буквами: «Пшел вон, хам!»

Билл встал и отряхнулся. Неизвестно откуда появившийся робот зашептал ему на ухо голосом

юной девы:

— Ты, верно, голоден, милый? Почему бы тебе не отведать новоиндийской пиццы с карри Джузеппе Сингха? Это в нескольких шагах отсюда. Вот визитная карточка, на обороте план.

Робот извлек карточку из щели в своей груди и сунул ее в рот Биллу. Это был дешевый и скверно отрегулированный робот. Выплюнув моментально раскисшую карточку, Билл принялся обтирать ее носовым платком.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Ты, верно, голоден, милый, грррр-арх! — Робот, дезориентированный вопросом Билла, переключился на другую программу с некоторым опозданием. — Тебя вышвырнули из «Золотого скафандра», ресторана, знаменитого на всю Галактику, потому что ты жалкая дешевка. На входе тебя просветили рентгеном и пересчитали содержимое твоих карманов. Оказалось, что всей твоей наличности не хватает даже на одну рюмку. Но ты же голоден, не правда ли, милый?

Робот пристально посмотрел на Билла и вновь принялся его соблазнять:

— Милый, пошли к Сингху, у него дешево и сердито. Попробуй чудесную лазанью с приправой и лимонным соусом…

И Билл направился к Сингху — не потому, что вознамерился отведать какой-то сомнительной бомбейско-итальянской стряпни, а потому лишь только, что на обороте визитки имелась небольшая карта с инструкцией. Сознание того, что он снова идет целенаправленно, придавало ему уверенности. Следуя требованиям инструкции, Билл спускался эскалаторами, поднимался лифтами и боролся за свободное место в жутко переполненном транспорте. В конце концов он достиг цели — в нос ударила волна смрада подгоревшего мяса, прогорклого жира и старого чеснока.

Пицца оказалась намного хуже и дороже, чем можно было ожидать, но все-таки Билл получил некоторое удовлетворение, усмирив желудок пищевой атакой. Насытившись, он стал выковыривать ногтем из зубов застрявшие остатки хрящей, поглядывая при этом на своего соседа по столу. Это был толстяк, одетый в пестрый выходной костюм. Он негромко постанывал, ложку за ложкой вливая в себя какое-то жуткое пойло. Толстяк производил впечатление человека мягкосердечного и добродушного.

— Привет! — поздоровался с ним Билл и улыбнулся.

— Отвали!

— Но я всего лишь сказал «привет».

— Хватит и этого. За шестнадцать часов, что я провел на этой проклятой планете, каждый, кто обратился ко мне, пытался надуть меня, облапошить или обокрасть. Я доведен до отчаяния, а ведь у меня впереди еще целых шесть дней экскурсии «Увидишь Гелиор — будешь счастлив!».

— Я только хотел попросить разрешения заглянуть в ваш план, пока вы едите…

— Вот я и говорю, что каждый так и норовит облапошить меня. Отвали!

— Ну, прошу вас… пожалуйста…

— Ладно, я дам тебе взглянуть в план за двадцать пять имперских, причем деньги вперед и только пока не доем.

— Годится!

Вручив соседу деньги, Билл нырнул под стол и, усевшись по-турецки, принялся лихорадочно листать план, с максимальной скоростью определяя курс и запоминая инструкции. Толстяк, сопя и кряхтя, продолжал поглощать пищу, а когда ему попадался особенно неприятный кусок, он содрогался всем телом, и цепочка, прикрепленная к плану, выдергивала книгу из рук Билла. Чертыхаясь, Билл начинал все заново. Ему удалось определить почти половину маршрута до

Пересыльного пункта, когда толстяк, покончив с трапезой, встал, вытянул план из-под стола и направился к выходу.

Когда Одиссей завершил свой головокружительный вояж и вернулся к Пенелопе, он не стал утомлять благоверную подробными описаниями невероятного путешествия. Ричард Львиное Сердце, выбравшись из темницы и спустя много лет вернувшись домой из авантюрного крестового похода, также не стал распространяться королеве Беренгарии о своих жутких похождениях, а, поздоровавшись, без лишних слов расстегнул на ней пояс целомудрия. Также и я, уважаемый читатель, избавлю тебя от описания всех опасностей и злоключений, что стали уделом Билла в его скитаниях. Скажу одно: несмотря ни на что, он добился своей цели. Билл добрался до Пересыльного пункта.

Покрасневшие, воспаленные от недосыпания глаза Билла впились в вывеску «Пересыльный пункт». Он привалился к стене, пытаясь унять дрожь в коленях. Победа!.. Что же касается восьмидневного опоздания, так это не беда. Вскоре он вновь окажется в армии, среди друзей-солдат, вдали от бесконечно длинных металлических

коридоров, спешащих толп людей, лифтов, подъемников и прочих кошмаров. Скоро он напьется в дым с милыми приятелями, и алкоголь растворит память об ужасных днях блужданий без глотка воды и куска хлеба. Как хорошо, что все это уже позади!

Билл отряхнул мундир, обезображенный пятнами, дырами и оторванными пуговицами. Если бы удалось беспрепятственно прошмыгнуть в казарму, уж он бы добыл себе новую форму, чтобы явиться в канцелярию и доложить о прибытии.

Несколько голов повернулось в его сторону, когда Билл проскользнул мимо дневального. Подойдя к своей койке, он с удивлением обнаружил, что матрас свернут, тумбочка пуста, а вещмешок исчез. Да, похоже, он таки нарвался на крупные неприятности. Стараясь не поддаваться унынию, Билл кое-как умылся под краном в туалете, отхлебнул глоток ледяной воды и поплелся в канцелярию.

За столом сидел атлетического сложения сержант, производящий впечатление жуткого садиста. Темная кожа сержанта была точно такого же цвета, как у Тэмбо, давешнего приятеля Билла. В руках у сержанта находилась кукла в мундирчике с капитанскими нашивками, и он втыкал в

нее распрямленные скрепки. Исподлобья оглядев Билла, сержант с презрением сморщился:

— Если ты заявляешься в таком виде в канцелярию, значит ищешь себе неприятности, солдат.

— Я и так попал в очень неприятную ситуацию, — ответил Билл, опираясь на стол двумя руками.

Сержант уставился на разноцветные руки Билла, поочередно рассматривая то одну, то другую.

— Где ты взял эту руку, солдат? Говори живо! Ей-богу, я ее где-то видел!

— У меня был приятель, и это все, что от него осталось.

Пользуясь случаем увести беседу от обсуждения своих проступков, Билл вытянул руку, демонстрируя ее сержанту.

И вдруг с ужасом почувствовал, как пальцы сами собой сжались в каменный кулак, мускулы напряглись и страшной силы удар обрушился на челюсть сержанта, вышибив того из кресла на пол.

— Сержант! — проблеял Билл, хватая взбесившуюся руку и с большим трудом утихомиривая ее.

Сержант медленно поднялся с пола, и Билл попятился, дрожа всем телом. Он не мог поверить

своим глазам — сержант спокойно уселся в кресло, и на его лице заиграла улыбка.

— Я так и думал, это рука старого проходимца Тэмбо. Мы с ним всегда так шутили. Присматривай хорошенько за этой рукой, ясно? Больше никаких его частей в тебе нет? — Услышав отрицательный ответ, сержант забарабанил пальцами по столу. — Да, стало быть, парень уже на небесах… Ну и попал же ты в переделку, солдат. Давай-ка посмотрим твои документы!

Он выдернул из одеревеневших пальцев Билла бумаги и сунул их в щель в крышке стола. Тут же замигали лампочки, машина загудела, завибрировала, и по экрану побежали строчки. Сержант внимательно все прочитал, и его лицо исказилось в злобной гримасе. Он перевел на Билла взгляд, который мог бы молниеносно превратить молоко в творог или испепелить живое существо небольшого размера, как мышка или таракан например. У Билла застыла в жилах кровь, а тело его сотрясалось, будто дерево на сильном ветру.

— Где ты украл эти документы? Кто ты такой?

Только с третьей попытки Билл сумел выдавить из себя нечленораздельные звуки.

— Это… я… это… мои документы… я предохранительный первого класса… Билл…

— Враки! — Ноготь, специально приспособленный для вспарывания жил врага, постучал по документам Билла. — Все это украдено, потому что предохранительный первого класса Билл отбыл отсюда восемь дней назад. Здесь все так и записано, а записи врать не станут. Допрыгался, гад!

Сержант вдавил красную кнопку вызова военной полиции, и где-то вдалеке завыла сирена тревоги. В отчаянии Билл затоптался на месте и стал озираться в поисках хоть какого-нибудь пути к бегству.

— Держи его, Тэмбо! — приказал сержант. — Мне надо разобраться в этом деле.

Тут же левая рука Билла мертвой хваткой вцепилась в край стола. Билл задергался, пытаясь освободиться, но за его спиной раздался топот тяжелых башмаков.

— В чем дело? — проревел знакомый голос.

— Использование подложных документов и кое-что еще, но это не имеет значения, потому что только за первое полагается лоботомия и тридцать шпицрутенов.

— О сэр! — радостно воскликнул Билл, оборачиваясь. — Сгинь Сдохни! Скажите им, что вы меня знаете!

Один из полицейских был обыкновенным человекоподобным болваном, вооруженным дубинкой и пистолетом, но второй… Второй — гроза учебно-тренировочного лагеря имени Льва Троцкого!

— Этот арестант вам знаком? — спросил сержант.

Сгинь Сдохни прищурился и оглядел Билла с головы до ног.

— Да, я знавал предохранительного шестого класса по имени Билл, но у того были одинаковые руки. Что-то здесь нечисто. Придется обработать его хорошенько в участке. Когда он расколется, я сообщу.

— Отлично. Только поаккуратнее с его левой рукой, это рука моего старого друга.

— Ладно, к ней мы даже пальцем не прикоснемся.

— Но ведь это же я, Билл! — вскричал Билл. — Я могу доказать, что это мои документы!

— Самозванец! — отрезал сержант. Он указал на экран. — Тут записано, что предохранительный первого класса Билл улетел восемь дней назад. Записи не могут врать.

— Это точно, — поддакнул Сдохни. — Если бы записи врали, то во Вселенной не было бы никакого

порядка. — Он снова оглядел Билла и подтолкнул его дубинкой к двери. — Ты не знаешь, — обратился Сдохни к своему напарнику, — прислали новые пыточные тиски для пальцев?

То, что сделал Билл вслед за этим, было исключительно следствием его сверхъестественной усталости, отчаяния и страха. Все эти чувства овладели им целиком и полностью. В душе Билл оставался хорошим солдатом — ведь он научился быть храбрым, чистоплотным, законопослушным, гетеросексуальным и так далее и тому подобное. Но всякому терпению есть предел, и Билл, похоже, достиг его. Он, конечно же, верил в справедливость (этому, правда, его никто не учил), но страх перед пытками оказался намного сильнее этой веры. Когда обезумевший взгляд Билла наткнулся на люк в стене с надписью «Прачечная», решение возникло в долю секунды. Бежать! Этот люк является входом в накопительный рукав прачечной; следовательно, внизу, на дне, находится изумительно мягкая куча грязного белья, которая смягчит его падение. Все шансы спастись!.. Билл резко вырвался из окружения и, сопровождаемый дикими проклятиями полицейских, бросился в люк головой вперед.

Пролетев примерно четыре фута, Билл врезал-

ся теменем в железное дно, едва не размозжив себе череп. «Рукав» оказался довольно крепким и глубоким металлическим ящиком для грязного белья.

Полицейские отчаянно колотили в крышку люка, пытаясь открыть ее, но это было совершенно невозможно, так как ноги Билла надежно держали ее изнутри.

— Закрыто! — завопил Сдохни. — Он нас надул! Куда ведет этот колодец?!

(Сгинь Сдохни совершил ту же ошибку, что и Билл.)

— Не знаю, — отозвался второй полицейский, — я здесь новенький.

— Ты будешь новеньким на электрическом стуле, если мы не поймаем этого негодяя!

Голоса и грохот тяжелых башмаков стихли в отдалении, и Билл рискнул пошевелиться. Шея, свернутая под углом, страшно болела, колени уперлись в подбородок, какая-то тряпка постоянно лезла в лицо. Билл попытался распрямить ноги, надавил посильнее на крышку, как вдруг дно ящика распахнулось, и Билл с грохотом вывалился в соседнее помещение на какой-то конвейер.

— Вот он! — раздался ненавистный знакомый

голос, и Билл бросился наутек.

Полицейские уже почти настигли его, когда Билл сиганул, опять же головой вперед, в гравитационную шахту, на этот раз с большим успехом. Запыхавшиеся полицейские устремились за ним, сработали специальные приборы, и силовое поле расположило их на расстоянии пятнадцати футов друг от друга. Поддерживаемые надежным силовым полем, они плавно опускались. Билл посмотрел наверх и увидел перекошенную от ненависти физиономию Сгинь Сдохни.

— Друг! — воскликнул Билл, заламывая руки. — Ну зачем ты преследуешь меня?!

— Не смей называть меня другом, проклятый чинджерский шпион! Да и шпион-то из тебя паршивый — у тебя руки разноцветные! — Сдохни достал пистолет из кобуры и нацелился Биллу прямо в переносицу. — Убит при попытке к бегству!

— Помилуй! — взмолился Билл.

— Смерть чинджерам! — выкрикнул Сгинь Сдохни и нажал на курок.

4

Вырвавшись из облака раскаленных газов, пуля пролетела примерно два фута, после чего силовое поле затормозило ее почти до полной остановки. Приборы приняли пулю за очередной объект, брошенный в шахту, и разместили в надлежащем месте между Биллом и Сгинь Сдохни, следом за которым падал второй полицейский. Дистанция между Биллом и его преследователями увеличилась вдвое, так как поле аккуратно располагало отдельные объекты на расстоянии пятнадцати футов. Воспользовавшись этим обстоятельством, Билл без промедления выпрыгнул из шахты на первом попавшемся уровне. Перед ним оказался лифт с открытой дверью, будто специально его дожидающийся. Дверь лифта мягко закрылась за Биллом как раз в тот момент, когда изрыгающий проклятия Сгинь Сдохни появился на площадке.

Чтобы запутать следы, Билл беспорядочно пересаживался с одного вида транспорта на другой, неизменно стремясь вниз, словно крот, зарывающийся в землю. Наконец, совершенно обессиленный бегством, Билл привалился к стене, отдуваясь, как буйвол. Осмотревшись

вокруг, он отчетливо понял, что на такой низкий уровень никогда еще не попадал.

Он находился в мрачном коридоре из сшитых стальных листов. Монотонность серых стен нарушали мощнейшие колонны, достигавшие ста и более футов в диаметре. Практически все двери в коридоре были заперты на огромные висячие замки и опечатаны. Кое-как освоившись в полумраке, Билл отправился на поиски питья — горло жгло огнем. Наконец ему удалось отыскать вмонтированный в стену автомат, весьма отдаленно напоминавший питьевое устройство. Фальшпанель автомата была забрана стальной сеткой, а к ней была приварена внушительных размеров табличка с надписью:

ВНИМАНИЕ!!!
Автомат оборудован
эффективной охранной системой
«ДЕРЖИ ВОРА».
Каждый, кто покусится на монетоприемный механизм, будет поражен током напряжением 100 000 вольт.

Порывшись в карманах, Билл наскреб мелочь на двойную порцию героин-колы. Получив стаканчик, наполненный вожделенной жидкостью,

он на всякий случай отодвинулся подальше от смертоносного аппарата. Увлажнив пересохшую глотку, Билл почувствовал себя значительно лучше, но ненадолго — до тех пор, пока не заглянул в кошелек. Оставалось всего восемь имперских. Что же будет, когда и они кончатся?

Вконец измученный, отчаявшийся и обалдевший от наркотика, Билл зарыдал, как дитя, и, не удержавшись на ногах, сполз по стенке и свернулся калачиком на полу. Мимо сновали прохожие, но Билл был глух к окружающему миру. Неподалеку остановились четверо мужчин. Один из них неожиданно рухнул на пол как подкошенный. Мужчины стали переговариваться, стоя над упавшим. Билл все хорошо слышал, но его затуманенный мозг был не в состоянии осмыслить услышанное, а лишь только фиксировал звуковые сигналы, воспринимаемые ухом.

— Бедный старина Гольф. Похоже, он загибается.

— Точно. У него самые типичные предсмертные конвульсии из всех, что я когда-нибудь видел. Придется оставить его роботам-санитарам.

— Да, но как же наше дело? Втроем мы не управимся, нас должно быть четверо!

— Эй, смотрите, какой-то беспланный валя-

ется!

Тяжелый башмак перевернул Билла на спину, и к нему возвратился интерес к действительности. Над ним склонились трое немытых, оборванных, бородатых мужчин. Они отличались друг от друга ростом и комплекцией, но в одном были схожи — ни у кого из них не было плана. Без толстых и тяжелых томов на поясе они выглядели чуть ли не голыми.

— Где твой план? — спросил Билла крепкий и самый обросший мужчина, пихнув его ботинком.

— Украли… — всхлипнул Билл.

— Ты солдат?

— Документы отняли…

— Деньги есть?

— Ни гроша…

— Значит, ты один из беспланных, — хором объявили мужчины и помогли ему подняться на ноги. — Теперь сливайся с нами в гимне беспланных.

И они затянули гнусавыми голосами:

Теснее сомкните ряды,

Беспланные братья, мы будем бороться

За правду и свободу!
Мы вольными станем и снова увидим
Лазурное небо. Услышим однажды,
Как падает снег.

— По-моему, рифма неважная, — заметил Билл.

— Что поделаешь, здесь, внизу, не так уж много литературных талантов, — отозвался самый низкорослый и самый старый беспланный и закашлялся, как туберкулезник.

— Заткни пасть! — рявкнул самый рослый и толкнул старика, а заодно и Билла. — Я — Литвок, а это моя банда. Теперь ты будешь с нами, новенький. Тебя будут звать Гольф двадцать восемь тысяч сто шестьдесят девять минус.

— Да что вы, меня зовут Билл, это намного легче выговорить… — Билл осекся, получив затрещину.

— Заткни пасть! Билл — трудное имя, потому что новое. Я не намерен запоминать новые имена, к тому же в моей шайке всегда был Гольф двадцать восемь тысяч сто шестьдесят девять минус. Ну так как тебя зовут?

— Билл… э… я хотел сказать Гольф.

— Так-то лучше. Только не забудь, что у тебя

есть еще и фамилия!

— Жрать охота, — заныл старик. — Когда пойдем на дело?

— Сейчас. Пошли!

Они перешагнули через тело старого Гольфа, которому так быстро нашлась замена, и двинулись темным, сырым коридором. Билл пытался осмыслить, куда же его снова угораздило вляпаться, но был чересчур измучен, чтобы беспокоиться всерьез. Кажется, эти люди что-то говорили о еде. Подзакусив, можно будет все спокойно обмозговать. А пока он был счастлив, что его освободили от необходимости принимать решения. Прямо как в армии, даже получше, потому что можно не бриться.

Неожиданно они оказались в ярко освещенном коридоре и, ослепленные, зажмурились. Литвок дал знак остановиться и, приложив грязную ладонь к уху, похожему на цветную капусту, прислушался.

— Порядок, Шмутциг, оставайся на шухере, кто будет идти — свистнешь. Ты, Спорко, топай до первого поворота и карауль там. Новый Гольф идет со мной.

Двое бородачей заняли свои посты, а Билл вслед за Литвоком нырнул в нишу в стене коридора. В

глубине ниши оказалась массивная металлическая дверь, запертая на замок.

Главарь отворил ее одним ударом молота, извлеченного откуда-то из глубин нищенского одеяния. В помещении можно было разглядеть множество вертикальных труб разнообразной толщины. Каждая была обозначена каким-то номером.

— Надо найти Ка эл девять тысяч двести пятьдесят шесть-бэ, — распорядился Литвок, указывая на трубы.

Билл нашел ее довольно быстро. Труба была толщиной с руку. Только он собрался доложить предводителю о находке, как из коридора донесся предупредительный свист.

— Назад! — скомандовал Литвок и вытолкнул Билла наружу, шмыгнув следом. Он прикрыл дверь и заслонил собой свернутый замок. Послышался шум — что-то приближалось, скрежеща и грохоча. Литвок спрятал молот за спину. Шум становился все громче, пока наконец не появилось то, что его издавало. Это был санитарный робот. Он остановился и выдвинул свои телескопические глаза.

— Не могли бы вы подвинуться, робот должен убрать в том месте, где вы изволите стоять, —

раздался голос, записанный на пленку, и робот с надеждой задвигал своими щетками.

— Проваливай отсюда! — рявкнул Литвок.

— Препятствовать санитарному роботу в выполнении его обязанностей противозаконно и к тому же весьма антиобщественно. Представьте себе, что было бы, если Санитарный департамент не…

— Дурацкая болтовня, — фыркнул Литвок и хватил робота молотом по черепной коробке.

Робот лязгнул, крякнул и покатился дальше, вихляя от стены к стене и разбрызгивая воду из отверстий увлажнителей.

— Теперь за работу! — приказал Литвок и отворил дверь. Он передал Биллу молот, а сам извлек из своих лохмотьев ножовку и остервенело набросился на обнаруженную Биллом трубу. Труба оказалась довольно крепкой, и через минуту, обливаясь потом, Литвок заметно снизил темп.

— Давай теперь ты! — крикнул он Биллу. — Пили как можно быстрее! Я тебя сменю!

Они яростно пилили, сменяя друг друга, и вся работа заняла у них не более трех минут. Литвок спрятал пилу в лохмотья.

— Приготовиться! — скомандовал он, поплевал на руки и взялся за тяжелый молот.

После второго удара верхняя часть перепиленной трубы отогнулась, и из нее хлынул непрерывный поток соединенных друг с другом зеленых сосисок. Литвок подхватил конец сосисочной цепочки, бросил Биллу и, едва поспевая, стал обматывать его сосисками. Витки сосисок поднялись к самым глазам Билла, и он смог прочесть, что было написано на оболочке. Надпись гласила: «Хлорофиллики. Солнце в каждом кусочке», «Наилучшие конские колбаски», «В следующий раз попробуй наших коньбургеров».

— Хватит! — закряхтел Билл, сгибаясь под грузом.

Главарь оборвал цепочку и сам принялся обматываться хлорофилликами. Вдруг струя иссякла, Литвок вытащил из трубы последнюю порцию и метнулся к двери.

— Засекли повреждение! Бежим, пока не явились фараоны!

Оба часовых прибежали на его пронзительный свист, и вся четверка бешено понеслась по каким-то туннелям, пандусам и железным лестницам. Билл, согбенный под тяжестью ноши, поминутно спотыкался. Наконец они добрались до какого-то тускло освещенного грота. Литвок отвалил крышку люка в полу, и все поочередно влезли в колодец

со множеством кабелей и трубопроводов. Шмутциг и Спорко ползли сзади, подбирая сосиски, оброненные Биллом. Они пролезли сквозь выломанную вентиляционную решетку и очутились в темном подвальном помещении. Обессилевший Билл повалился на пол, густо усыпанный мусором. С него жадно ободрали драгоценную ношу, и через минуту сосиски подрумянивались на огне, разведенном в мусорном бачке.

Насытившись поджаренными хлорофилликами, Билл с любопытством осмотрелся по сторонам. Он находился в огромном зале, который не освещался даже пылающим в баке огнем. Между мощными колоннами, несущими потолок и всю тяжесть города, были насыпаны кучи непонятно чего. Старый Спорко сходил к ближайшей куче и принес… охапку бумаги, которую и стал подбрасывать по листочку в огонь. Один листок отлетел к Биллу, и прежде, чем бросить его в костер, Билл заметил, что это какой-то очень важный, пожелтевший от времени государственный документ.

Надо сказать, что Билл не относился к страстным любителям хлорофилликов, но сейчас ему казалось, что ничего вкуснее он не едал. Отсутствие соуса с успехом восполнял аппетит, а дым горящей бумаги придавал колбаскам ориги-

нальный привкус. Запивалось это королевское лакомство ржавой водой из ведра, подставленного под прохудившуюся трубу.

«Вот это жизнь! — подумал Билл, дуя на очередную сосиску. — Славная еда, чудное питье и хорошая компания! Как здорово быть свободным!»

Литвок и Спорко сладко спали на бумажных кипах, когда Шмутциг подполз к Биллу.

— Ты, случайно, не находил моей идентификационной карточки? — спросил он хриплым шепотом, и Билл догадался, что этот человек — сумасшедший. Языки огня отражались в покрытых сеткой трещин стеклах его очков, некогда очень дорогих, потому что оправа была серебряной. Из-под спутанной бороды Шмутцига проглядывали жалкие остатки воротничка и обрывок того, что когда-то было элегантным галстуком.

— Нет, не видел я твоей карточки, — ответил Билл. — Сказать по правде, я и своей не видел с тех пор, как один сержант взял ее посмотреть и забыл вернуть.

От воспоминаний Биллу снова стало не по себе. Сосиски осели мертвым грузом в его желудке. Шмутциг, погруженный в собственные думы, пропустил слова Билла мимо ушей.

— …потому что я не какой-нибудь проходимец. Шмутциг фон Дрек — с этим именем следует считаться, они еще пожалеют, что на свет родились! Думают, на дурака напали, говорят, мол, ошибочка вышла, лента порвалась. А когда склеивали, стерся маленький фрагмент, именно тот, где записаны мои данные! Для начала мне не выплатили пенсию. Я пошел справиться, в чем причина, а оказалось, что никто обо мне никогда не слышал! Дудки! Все знают, кто я такой! Фон Дрек — старая добрая фамилия! Уже в двадцать два года я руководил подразделением скрепок и скоросшивателей восемьдесят девятой роты канцелярской службы и у меня было триста пятьдесят шесть подчиненных! Что, они обо мне не слыхали?! Кто им поверит?! Я оставил идентификационную карточку дома, а когда вернулся, моих вещей уже не было. Они сказали, что несуществующая личность не имеет права занимать жилплощадь. Будь у меня карточка, я бы показал им, с кем они имеют дело. Ты, случайно, не находил моей карточки?

«Точно как со мной», — подумал Билл, вслух же сказал:

— Я помогу тебе. Я схожу вон туда и погляжу, может быть, она где-нибудь валяется.

Билл, довольный, что провел престарелого безумца, скрылся за кучами бумаги. Он устал, чувствовал тяжелую сытость и не хотел, чтобы ему мешали. Ему позарез нужно было выспаться, чтобы утром на свежую голову разобраться в запутанной ситуации. Передвигаясь на ощупь, он отошел как можно дальше и вскарабкался на высокую гору бумаг. Затем подумал и перебрался с нее на соседнюю, еще более высокую. Вздохнул с облегчением, удобно разместился на ее вершине, сгреб под голову охапку бумаги вместо подушки и закрыл глаза…

В этот момент над ним ярко вспыхнули светильники, и со всех сторон пронзительно заверещали полицейские свистки. Раздались жуткие вопли, от которых у Билла на голове зашевелились ВОЛОСЫ.

— Держи! Хватай!

— Попался, ворюга! Дармоед проклятый!

— Это был ваш последний налет, задницы вы беспланные! Урановые рудники давно по вас плачут!

— Ну что, всех взяли?

Билл втиснулся поглубже в груду листков и бланков и притаился, холодея от страха. Наконец до него донеслось:

— Да, все четверо. Давненько мы наблюдаем за ними. Всё ждали, когда они что-нибудь выкинут.

— Но здесь только трое…

— Четвертого я сегодня видел. Его тащил робот-санитар, закоченел, как доска.

— Ну что ж, тогда все в порядке, пошли.

Билла затрясло нервной дрожью. Сколько пройдет времени, прежде чем кто-нибудь из шайки, в надежде облегчить свою участь, расколется, что к ним присоединился новичок? Надо срочно уносить ноги. Кажется, полицейские собрались вокруг костра, так что лучше делать это сейчас. С максимальной осторожностью он спустился с горы бумаг и пополз в противоположную сторону. Если тут нет выхода, его схватят! Но нет, об этом и думать нельзя!

А позади уже снова заливались свистки — началась погоня. Адреналин впрыснулся в кровеносную систему, и, подкрепленный конским протеином, Билл стрелой рванул с места. Перед ним возникла дверь, он бросился на нее всем телом, проржавевшие петли сломались, и преграда рухнула. С отчаянием обреченного Билл бежал по каким-то винтовым лестницам, по каким-то проходам, бежал, не соображая ничего, — лишь бы скрыться!

Инстинкт загнанного зверя вел его снова вниз. То и дело вышибая двери, Билл не придал значения тому, что очередная дверь была деревянной — и это на планете, где тысячелетиями никто не видел даже самого хилого деревца! Затем он оказался в туннеле, облицованном каменными плитами. Воздух здесь был сырой и затхлый. На него зашипели таинственные твари, никем не пуганные с незапамятных времен. Длинные участки туннеля были погружены в непроглядную тьму, и приходилось двигаться на ощупь, касаясь руками отвратительно склизких стен. Свет немногочисленных тусклых лампочек с трудом пробивался сквозь пыльные завесы паутины, усеянные сухими дохлыми мухами. Шлепая по глубоким лужам, Билл начал осознавать все безумие происходящего. На полу он заметил какой-то люк и, все еще повинуясь звериному инстинкту, откинул крышку, но вниз пути не было. Пространство под крышкой было заполнено каким-то гранулированным материалом, похожим на плохо очищенный сахар. Может быть, это съедобно? Билл нагнулся, взял щепотку и сунул в рот. Нет, несъедобно, но что-то очень знакомое… И вдруг его осенило.

Это была земля. Почва. Грунт. Песок. То, из чего

состоит планета! Это поверхность Гелиора, на которой покоится невообразимая тяжесть города. Билл поднял глаза и вдруг представил себе эту чудовищную массу, нависшую над головой. Он был в самом низу, на самом дне… неожиданно его затрясло в приступе клаустрофобии. Взревев от ужаса, Билл помчался вперед и вскоре наткнулся на мощнейшую, наглухо запертую дверь. Дальше хода не было. Приглядевшись к почерневшим от старости брусьям, Билл поймал себя на мысли, что не так уж ему и хочется туда. Кто знает, какие неожиданности могут таиться за толстой, тяжелой дверью на самом дне мира?

И тут, к его ужасу, дверь прямо на глазах легонько вздрогнула и со страшным скрежетом начала открываться! Билл отшатнулся назад и отчаянно завизжал, потому что какие-то лапы заключили его в тесные объятия.

5

Нельзя сказать, чтобы Билл не пытался вырваться, совсем напротив, однако эта затея была абсолютно безнадежной. Он извивался, подобно ягненку в когтях орла, но, несмотря на отчаянное сопротивление, лапы втащили его через порог, и

массивная дверь сама собою закрылась.

— Добро пожаловать, — раздался замогильный голос, и лапы наконец разжались.

Билл резко обернулся и обнаружил, что стоит перед огромным белым роботом. Рядом с машиной с озабоченным видом топтался низкорослый лысый человек в белом халате.

— Можешь не называть своего имени, если не хочешь, — промолвил человек. — Я — инспектор Джейс. Ты явился в поисках убежища?

— А вы можете его предоставить? — вопросом на вопрос ответствовал Билл.

— Ну что же, любопытная точка зрения… Очень любопытная. — Джейс потер ладошки одна о другую. — Однако лучше воздержаться от подобных дискуссий, хотя, признаться, и увлекательных, и говорить начистоту. Да, я могу предоставить тебе убежище. Ты хотел бы им воспользоваться?

Билл, оправившись от первого шока, припомнил, сколько раз был наказан за свою прямолинейность, и решил прежде всего произвести разведку:

— Послушайте, я даже не знаю, кто вы такой и где я нахожусь. К тому же я понятия не имею, что вы подразумеваете, говоря о каком-то убежище…

— Прошу прощения, ты абсолютно прав. Сперва

я принял тебя за одного из городских беспланных, но теперь я отчетливо вижу, что твои лохмотья — это солдатский мундир, а ржавые жестяные бляшки на груди — все, что осталось от высоких наград. Добро пожаловать на Гелиор, имперскую планету! Как там идет война?

— Спасибо, идет потихоньку. Но что же все-таки…

— Я инспектор Джейс из городского Санитарного департамента. Надеюсь, ты простишь мне некоторую назойливость, но мне кажется, что у тебя какие-то осложнения. Ты практически без мундира, без плана, возможно, даже без документов… — Инспектор не сводил с него проницательных птичьих глаз. — Мы сможем помочь твоему горю. Мы позаботимся о тебе, дадим хорошую работу, новое обмундирование и даже новые документы.

— А за это мне придется стать мусорщиком, — фыркнул Билл.

— Мы предпочитаем термин «работник-М», — мягко возразил инспектор Джейс.

— Я подумаю, — произнес Билл.

— Позволь, я помогу тебе принять решение, — улыбнулся инспектор и нажал кнопку в стене. Дверь заскрипела, и робот снова схватил Билла,

приготовившись вытолкнуть его в непроглядную тьму за порогом.

— Я согласен!!! — выкрикнул Билл.

Робот тут же ослабил объятия, и дверь захлопнулась. Билл обиженно пробормотал:

— Я и так хотел согласиться, совсем необязательно прибегать к подобным способам.

— Тысяча извинений, просто нам хотелось, чтобы ты себя чувствовал здесь как дома. Добро пожаловать в Санитарный департамент! Позволь спросить, не нужна ли тебе, случайно, идентификационная карточка? Многие приходят к нам, чтобы начать новую жизнь, поэтому у нас богатый выбор документов. Знай, что к нам попадает все, начиная от содержимых мусорных ведер и кончая трупами. Ты не поверишь, как много самых разнообразных документов мы получаем таким образом. Пожалуйста, прошу в лифт…

Санитарный департамент и впрямь располагал невероятным количеством удостоверений личности, аккуратно разложенных в ящички, строго по алфавиту. Билл довольно быстро отыскал себе подходящее. Словесный портрет был составлен будто специально для него. Удостоверение личности было выдано на имя некоего Вильгельма Штуццикаденти, Билл показал его инспектору

Джейсу.

— Замечательно. Мы рады, что ты с нами, Вилли.

— Зовите меня просто Билл.

— Добро пожаловать, Билл. У нас катастрофическая нехватка людей, поэтому придется засучить рукава. Выберешь себе любую работу по своим способностям и интересам. С чем у тебя ассоциируется очищение?

— С мусором.

— Стандартный ответ, — вздохнул инспектор, — но от тебя я ожидал большего. Мусор — это лишь малая часть того, с чем имеет дело наш накопительный отдел. К нему относятся также отбросы, отходы и хлам. Но есть еще и множество других отделов: уборка помещений, сантехобслуживание, научно-исследовательский, канализационный…

— Вот это бы мне подошло. До армии я занимался на заочных курсах операторов механического навозоразбрасывателя.

— Прекрасно! Ты должен рассказать об этом поподробнее, но прежде садись, располагайся. — С этими словами Джейс усадил Билла в глубокое мягкое кресло и достал из какого-то аппарата два пластиковых стаканчика. — Глоток спиртус-ко-

лы, чтобы освежиться?

— Спасибо. Да, собственно, рассказывать-то нечего. Курсы я так и не закончил, — видно, мне не суждено осуществить мечту всей моей жизни! Может быть. Канализационный отдел…

— Очень сожалею, но канализация — это единственное, с чем у нас нет никаких проблем. Все процессы автоматизированы. Мы гордимся нашей канализацией, ведь в настоящее время население Гелиора превысило сто пятьдесят миллиардов человек!

— Ого!

— Да, совершенно верно, я вижу, как заблестели твои глаза. Это и впрямь уйма фекалий. Надеюсь, ты с большим удовольствием посмотришь наше перерабатывающее оборудование. Но следует помнить, что для того, чтобы появились фекалии, нужна пища, и здесь Гелиор целиком и полностью зависит от импорта. Мы используем самую замечательную технологию переработки фекалий, о которой может только мечтать любой инженер-ассенизатор. С аграрных планет доставляется продовольствие, которое, будучи съеденным, претерпевает целый ряд последовательных изменений. Мы получаем… как бы точнее выразиться… последнюю фазу этих изме-

нений и все это перерабатываем — обычными средствами и способами, химическими и механическими, а также посредством анаэробных бактерий и тому подобного. Я не очень утомил тебя?

— Ну что вы! — ответил Билл, смахивая набежавшую слезу. — Это я от радости, мне так давно не приходилось беседовать с интеллигентными людьми!

— Могу себе представить, — кивнул инспектор. — В армии невозможно не одичать. — Джейс успокаивающе похлопал Билла по плечу. — Забудь обо всем. Сейчас ты среди друзей. Так на чем я остановился? Ах да… бактерии, потом дегидратация и прессование. В результате мы получаем великолепные брикеты высококачественного концентрированного удобрения, которому нет равных во всей Галактике! И пусть кто-нибудь попытается доказать, что это не так!

— О, я совершенно не сомневаюсь! — горячо согласился Билл.

— При помощи лифтов и транспортеров брикеты переправляются в космопорты, и их забирают корабли, доставившие продовольствие. Наш девиз — товар за товар! Я знаю, что на планетах с особо бедной почвой просто рыдают от счастья,

когда корабли возвращаются с Гелиора! Нет, с фекалиями у нас все в полном порядке, но в других подразделениях дело обстоит далеко не лучшим образом.

Инспектор допил свой стакан и сильно загрустил. Билл поспешно влил в себя остатки питья и замахнулся, чтобы выбросить пустой стаканчик в мусорную корзину.

— Не смей этого делать! — рявкнул инспектор, заставив Билла вздрогнуть. — Извини, я не хотел грубить, но это как раз самая главная проблема. Бытовой мусор. Ты никогда не задумывался, какое количество одних только газет выбрасывают ежедневно сто пятьдесят миллиардов человек?! А банок? А одноразовых тарелок? Научно-исследовательский отдел не покладая рук трудится над решением этой проблемы. Адский труд! Стаканчик у тебя в руках — одно из наших изобретений, но это лишь капля в море.

Между тем стаканчик обсох, и его стенки стали вспучиваться самым непостижимым образом. Билл испуганно отбросил стаканчик, но пластик продолжал то вздуваться, то опадать, беспрерывно меняя форму.

— За это мы должны благодарить математиков, — сказал инспектор. — Для тополога

граммофонная пластинка, чашка или стакан имеют одну и ту же форму — это круглый предмет с дыркой посередине. Любой из этих предметов может превратиться в другой посредством элементарной трансформации. Вот мы и делаем стаканы для напитков со звуковыми дорожками на стенках. Взгляни-ка!

Стаканчик наконец успокоился и недвижно лежал на полу уже в виде диска с отверстием в центре. Инспектор Джейс поднял его и отлепил этикетку с надписью «Спиртус-кола». Под ней оказалась еще одна этикетка с надписью «Любовь на орбите. Бом, бом, бом! Исполняет группа „Жесткокрылые короеды“».

— Гениально! Стакан трансформировался в грампластинку с записью знаменитой невыносимой группы. Теперь уже некто, отведавший спиртус-колы, ни за какие коврижки не расстанется с ней. Пластинку будут беречь как зеницу ока, вместо того чтобы выбросить на помойку и прибавить нам работы.

Инспектор Джейс взял руки Билла в свои и заглянул ему в глаза:

— Билл, скажи, что ты согласен работать в научно-исследовательском отделе! У нас так немного способных, живых ребят, понимающих

наши проблемы! Пусть не успел ты закончить курсы операторов механического навозоразбрасывателя, но у тебя есть молодой задор и свежий ум, а это то, что нам надо!

— Я согласен! — решительно произнес Билл. — В такую работу на самом деле можно окунуться с головой!

— В добрый час! Ты получишь свой кабинет, рабочий стол, новую форму, приличную зарплату и сколько угодно отбросов и мусора. Об этом ты никогда не пожалеешь!

Вдруг завыла писклявая сирена и в комнату вбежал какой-то потный возбужденный человек.

— Инспектор, — закричал он, — плохи наши дела! Операция «Летающая тарелка» провалилась окончательно! Откуда-то взялась банда этих астрономов, и они учинили настоящую битву с нашими…

Он еще не договорил, а инспектор Джейс уже выпрыгнул за дверь и помчался к транспортеру. Билл не отставал ни на шаг. Они запрыгнули на движущуюся платформу с сиденьями, но инспектора не устраивала скорость передвижения, и он, словно кролик, поскакал вперед между рядами сидений. Билл за ним. В конце концов они ворвались в какое-то помещение. Посреди

лаборатории, битком набитой электронной аппаратурой, катались по полу вцепившиеся друг в друга ученые.

— Немедленно прекратите это безобразие! — завопил инспектор, но, естественно, без всякого результата.

— Может, я на что сгожусь? — спросил Билл. — Кое-чему я все-таки научился в армии. Которые тут наши?

— В коричневой форме…

— Вас понял! — весело пропел Билл и несколькими пипками, бросками и приемами карате восстановил спокойствие. Ни один из интеллектуалов не отличался крепким здоровьем, и Билл даже особенно не напрягался, наводя порядок. Когда все утихло, он выудил одного за другим из груды сплетенных тел своих новых коллег.

— Что такое, Басуреро? Что произошло? — спросил инспектор Джейс.

— Это всё они, сэр! Ворвались сюда и давай орать: «Прекратите немедленно операцию „Летающая тарелка“»! И это как раз в тот момент, когда мы почти удвоили темпы отправки…

— А что это, собственно, за операция «Летающая тарелка»? — растерянно спросил Билл.

Астрономы кряхтели и стонали, но, пока никто

из них не очнулся, инспектор воспользовался моментом, чтобы все объяснить.

— Это могло бы разрешить все наши трудности, — указал он на огромную машину, занимающую большую часть лаборатории. — Чертовы банки-жестянки! Ты не представляешь, сколько кубических футов этой дряни валится нам на голову! Да что там футов! Кубических миль! И вот однажды Басуреро, листая какой-то журнал, наткнулся на статью о передатчике материи. Мы тут же получили субсидии и купили самую мощную модель. Подвели к ней транспортер, — инспектор приоткрыл лючок в боковой стенке, и стал виден беспрерывный поток мусора, — включили на полную мощность, и заработало, да как!

— Но… — Билл несколько озадачился. — Куда же все это девается?

— Умница! В этом-то и дело! Сначала все поступало в стратосферу, но астрономы заныли, что слишком много мусора возвращается в виде метеоритов и разрушает их обсерваторию. Мы прибавили мощности и стали выбрасывать мусор в открытый космос. Тогда принялись жаловаться навигаторы, — мол, создается угроза для космоплавания. Пришлось менять тактику. Басуреро раздобыл у астрономов координаты

ближайшей звезды, и мы стали валить на нее все что ни попадя. Проблема разрешилась, и никто не имел к нам претензий.

— Дурачье! — пробормотал распухшими губами какой-то астроном, поднимаясь с пола. — Ваш дурацкий летающий мусор превратил эту звезду в Новую! Мы никак не могли докопаться до причины, пока не разыскали ваш запрос о координатах и не раскусили вашу идиотскую выходку!

— Придержи-ка язычок, не то я могу рассердиться, — предупредил его Билл.

Астроном побледнел и затрясся, но продолжал уже более спокойным тоном:

— Вы понимаете, что натворили? Разве можно нагружать на звезду такое количество атомов углерода и водорода и при этом надеяться, что все обойдется? Звезда взорвалась. Я слыхал, что несколько баз с внутренних планет не успели эвакуировать...

— Утилизация мусора всегда сопряжена с риском. Они погибли, служа человечеству!

— Ну да, тебе легко говорить. Случившегося уже не исправить. Но вы должны сейчас же прекратить вашу операцию. Немедленно!

— С какой стати? — пожал плечами инспектор Джейс. — Ты же слышал, мы удвоили темпы. В

скором времени мы сумеем начисто избавиться от залежей…

— А как ты думаешь, почему вам удалось удвоить производительность? — ухмыльнулся астроном. — Звезда стала нестабильной и глотает все без исключения, превращаясь таким образом в Сверхновую. Когда она поглотит все планеты своей системы, ее излучение достигнет Гелиора и его солнца! Немедленно прекратите работу вашей адской машины!

Инспектор разочарованно махнул рукой.

— Выключай, Басуреро… Ничто прекрасное не вечно.

— Но, сэр! — Инженер в отчаянии заломил руки. — Так мы вернемся к прежнему, снова все начнет громоздиться…

— Делай, что тебе говорят!

Покорившись судьбе, Басуреро поплелся к распределительному щитку и выключил главный рубильник. Монотонное гудение прекратилось, транспортер остановился. Удрученные ассенизаторы молчаливыми группками разбрелись по лаборатории и подавленно взирали, как астрономы, кряхтя, поднимаются с пола и, помогая друг другу, выходят за дверь. Последний презрительно процедил сквозь зубы:

— Мусорщики!

Кто-то запустил в него надкусанным пирожком, но огрызок угодил в закрытую дверь, и от этого настроение вконец испортилось.

— Ничего! В следующий раз мы утрем им нос, — бодро объявил Джейс, но в его голосе слышались унылые нотки. — Во всяком случае, Басуреро, у меня есть для тебя кое-что свеженькое. Это Билл, у него куча оригинальных идей для твоего сектора.

— Очень приятно, — сказал Басуреро, толстый верзила с оливковой кожей и черными до плеч волосами, и протянул Биллу потную ручищу. — Идем, самое время подкрепиться. Я постараюсь ввести тебя в курс дела, а ты расскажешь о себе.

Шагая рядом с новым шефом, Билл рассказывал о своей профессиональной подготовке. Басуреро слушал с такой заинтересованностью, что повернул не там и отворил не ту дверь, не глядя. На них хлынула лавина пластиковых стаканчиков, и, когда им удалось захлопнуть дверь, мусора было уже по колено.

— Видишь? — с нескрываемым раздражением спросил Басуреро. — Нас буквально захлестывает. Мы используем для складирования любое свободное пространство. Одному Кришне извест-

но, чем это кончится, потому что распихивать это барахло просто некуда.

Он достал из кармана маленький серебряный свисток и дунул в него что было сил. Не услышав ни звука, Билл отодвинулся, подозрительно поглядывая на шефа. Басуреро усмехнулся:

— Не бойся, я не чокнутый. Это ультразвуковой свисток для роботов. Мы его не слышим, для человеческого уха звук слишком высок, но роботы слышат его прекрасно. А вот и он!

Тарахтя колесами, подъехал робот-мусорщик, мусоро-робот, и, быстро двигая манипуляторами, принялся сгребать рассыпанное в свой кузов.

— Отлично придумано. Я имею в виду свисток, — кивнул Билл. — В любое время можно вызвать робота. А я могу получить такой же? Теперь я — работник-М, как вы и все остальные.

— Гм… Скорее, это нечто особенное, — покачал головой Басуреро и на этот раз открыл нужную дверь, приглашая Билла в столовую. — Достать его нелегко, надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

— Нет, не понимаю. Так я получу его или нет?

Басуреро промолчал. Он внимательно изучил меню и после этого набрал соответствующий код. Каждый взял себе по быстрозамороженному

обеду в пакете и сунул его в микроволновый разогреватель.

— Ну так как? — настаивал Билл.

— Если хочешь знать, — смутился Басуреро, — мы берем их из подарочных коробочек для детей. Это детские свистки для собак. Я покажу, где они валяются, и ты сможешь выбрать себе любой.

— Конечно! Я тоже хочу вызывать роботов!

Пища подогрелась, и они уселись за стол. Басуреро, морщась, постучал пальцем по пластиковой тарелке, с которой ел.

— Сами себя заваливаем. Увидишь, что теперь будет твориться, передатчик-то выключили!

— А не пробовали топить в океане?

— Над этим работает группа «Большой всплеск». Я мало что знаю, потому что операция совершенно секретная. Прежде всего ты должен понимать, что океаны, как, впрочем, и все на этой проклятой планете, плотно застроены. Кроме того, в них осталось не так уж много места. Мы свалили туда все, что можно, пока уровень воды не поднялся настолько, что во время приливов стало заливать нижние уровни. Правда, мы до сих пор еще продолжаем топить, но уже значительно меньше.

— Как вам это удается?

Басуреро огляделся по сторонам, приложил

указательный палец к губам, подмигнул и тихо произнес:

— Тсс!

— Это тайна? — догадался Билл.

— Именно. Метеорологи взбесились бы, прознай они, что это наших рук дело. Мы просто испаряем воду океанов. Остается только соль. Когда мы узнаем, что наверху осадки, переключаем часть трубопроводов и перекачиваем воду наружу под большим давлением! Метеорологи сходят с ума, потому что с начала реализации этого проекта среднегодовые осадки в умеренных широтах увеличились на три дюйма. Снегу же на полюсах выпадает столько, что верхние этажи проваливаются под его тяжестью. Но нас это не колышет. Качаем, сколько можем. Только никому ни слова, это совершенно секретно.

— Ясно. Неплохая идея.

Басуреро горделиво усмехнулся, доел свою порцию и сунул поднос с посудой в отверстие в стене. В тот же миг из люка на стол вывалилось четырнадцать других тарелок.

— Полюбуйся! — Моментально вспыхнув, Басуреро стиснул зубы. — Все валится нам на голову. Мы в самом низу, и весь мусор в конце концов попадает к нам. С этим ничего невозможно

поделать. Ну ладно, мне пора бежать. Похоже, придется запускать аварийную операцию «Большая блоха».

Он поднялся из-за стола и направился к выходу. Билл последовал за ним.

— А что, «Большая блоха» тоже секретна?

— Как только мы ее запустим, она перестанет быть секретной. Мы подкупили одного инспектора из Департамента здравоохранения, чтобы он подтвердил нашествие насекомых-паразитов в одном из крупных жилых блоков. Ну знаешь этих — миля в длину, миля в ширину, миля в высоту. Только представь себе объем сто сорок семь миллиардов семьсот двадцать пять миллионов девятьсот пятьдесят две тысячи кубических футов! О таком складе можно только мечтать! Всех выселяют якобы для того, чтобы провести дезинфекцию, а мы тут же загружаем весь блок — слава богу, есть чем.

— А протестовать не станут?

— Еще как протестуют! Да что толку! Мы объясняем, что произошла ошибка, и советуем официально добиваться своих прав. Попробуй добейся хоть чего-нибудь на этой планете официальным порядком. На одну переписку уйдет лет десять, а то и все двадцать… Здесь твой кабинет, — ука-

зал он на открытую дверь. — Обустраивайся, просмотри отчеты и постарайся что-нибудь придумать до следующей смены.

И Басуреро исчез. Кабинет был очень маленький, но Билл все равно возгордился. Затворив за собой дверь, он удивленно огляделся. Шкаф, письменный стол, кресло с откидывающейся спинкой, настольная лампа — все в комнате было изготовлено из всяческих пустых банок, бутылок, коробок, упаковок и прочего вторсырья. Ладно, хватит эмоций, пора браться за работу.

Билл распахнул дверцы шкафа и оторопел. В шкафу был труп. Бледный, бородатый, в черном одеянии. Билл захлопнул дверцы и отшатнулся в противоположный угол кабинета.

— Только спокойствие, — сказал он вслух сам себе. — Ты уже не раз видел покойников. Отчего тебя так разволновал именно этот?

Билл приблизился к шкафу и снова распахнул дверцы. Покойник открыл маленькие отекшие глазки и внимательно посмотрел на Билла.

— Что вы тут делаете? — спросил Билл.

6

Незнакомец выбрался наружу и потянулся, разминая затекшие мышцы. Был он невысок ростом и одет в донельзя помятый старомодный костюм.

— Мне нужно было с тобой увидеться. С глазу на глаз. Так лучше всего, знаю по опыту. Ну что, ты уже сыт по горло?

— Кто вы такой?

— Меня зовут Икс.

— Икс?

— Ты хватаешь все на лету. — Незнакомец улыбнулся, обнажив гнилые зубы, но тут же посерьезнел. — Подаешь надежды. Такие и нужны нашей партии!

— Какой такой партии?

— Не задавай слишком много вопросов, не то худо будет! Дисциплина прежде всего. Подними руку и повторяй за мной кровавую клятву.

— Для чего? — Билл неотрывно следил за незнакомцем, готовый отреагировать на малейшее подозрительное движение.

— Потому что ты ненавидишь императора, лишившего тебя свободы в своей фашистской

армии. Потому что ты вольный свободолюбивый человек, верующий в Бога, готовый отдать жизнь за тех, кого любишь. Потому что надо крепче сплачивать ряды во имя победоносной революции, несущей свободу…

— Пошел вон! — рявкнул Билл, ухватил «покойника» за шиворот и толкнул к двери.

Икс ловко вывернулся и шмыгнул за стол.

— Ты гнешь спину на преступников! Сбрось цепи рабства! Прочти эту книжку — (что-то упало на пол) — и хорошенько подумай. Я еще вернусь.

Билл бросился на него, и в это самое время Икс коснулся стены, что-то сделал, стена раскрылась, поглотив его, и тут же приняла свой прежний вид. Как ни осматривал ее Билл, он не смог заметить ни малейшей щелочки. Дрожащей рукой он подобрал с пола брошюру и прочел название: «Любительское пособие для готовящегося вооруженного переворота». Билл побледнел и отшвырнул книжонку.

Он попытался ее сжечь, но бумага не воспламенялась, попытался изорвать — не хватило сил. Попытка изрезать книжку привела лишь к полному затуплению ножниц. Отчаявшись, Билл засунул ее за шкаф и постарался забыть о ее существовании.

После издевательского армейского распорядка обыкновенный, но прекрасный рабочий день над изучением мусора доставил Биллу большое удовольствие. Он так сосредоточился, что даже не заметил, как приоткрылась дверь его кабинета. Отвлечься его заставил лишь раздавшийся голос:

— Это Санитарный департамент?

Билл удивленно поднял голову. Перед ним стоял человек, держа в руках целую кипу пластиковых подносов. Над подносами виднелась румяная физиономия. Человек, не оглядываясь, закрыл дверь ногой, и из подносов появилась третья рука. В ней был пистолет.

— Одно неверное движение — и тебе крышка! — предупредил вошедший.

Считать Билл умел довольно хорошо. Две руки да еще одна в сумме давали три, поэтому он не стал делать неверных движений. Билл сделал одно единственно верное — изо всех сил наподдал снизу по кипе подносов, взметнув их фонтаном к потолку. Последний поднос еще не коснулся пола, как Билл уже сидел верхом на незнакомце и смертельным венерианским захватом выворачивал ему голову. Таким приемом свернуть шею врагу проще, чем переломить спичку.

— Агхррр… — хрипел незнакомец, — айах-хррр… гхрхрр… ыыы…

— Вы, чинджерские шпионы, говорите на множестве языков, — произнес Билл, нажимая посильней.

— Я д-р-руг! — пробулькал чинджерский шпион.

— Ты чинджер, потому что у тебя три руки!

Незнакомец дернулся из последних сил, и одна из его рук отвалилась. Билл, предварительно отшвырнув пистолет, поднял ее.

— Это фальшивая рука! — изумился он.

— А какая же еще?! — прохрипел чужак, ощупывая шею настоящими руками. — Для одурачивания противника! Хитроумно, правда? Можно что-нибудь нести и иметь одну руку свободной, на всякий случай. Почему ты не присоединился к мятежу?

Билл покрылся холодным потом и украдкой покосился на шкаф.

— О чем это вы? — проговорил он. — Я лояльный, преданный императору…

— Та-ак! Почему же ты в таком случае не доложил в ГБР, что человек, назвавшийся Иксом, подстрекал тебя к бунту?

— Откуда вы знаете?

— Моя работа — знать обо всем. Я — агент Пинкертон из Галактического бюро расследований. — Он сунул под нос Биллу украшенное бриллиантами удостоверение с цветной фотографией.

— Я не хотел ничего дурного, — запричитал Билл. — Оставьте меня в покое!

— Довольно убедительно для анархиста. Ты ведь анархист, парень? — Пинкертон изучающе оглядел Билла.

— Нет! Нет! Я даже не знаю, как это пишется!

— Надеюсь. Ты славный малый, и мне бы не хотелось, чтобы ты влип в гадкую историю. Даю тебе шанс. Когда Икс снова заглянет к тебе, скажешь, что готов вступить в партию. Но работать будешь на нас, понял? Обо всем докладывай мне по телефону. Номер телефона оттиснут на этой конфете. Запомни и съешь. Все ясно?

— Нет! Я не буду!

— Тебе придется работать, иначе не пройдет и часа, как тебя расстреляют за сотрудничество с бунтовщиками. Кроме того, за свои рапорты ты будешь получать сотню в месяц.

— А как насчет аванса?

На стол шлепнулась пачка денег.

— Это за следующий месяц. Постарайся отра-

ботать.

Он перевесил запасную руку через плечо, собрал подносы и удалился.

Чем дальше Билл ломал над всем этим голову, тем отчетливее понимал, в какой переплет он угодил. Теперь, когда у него наконец появилась спокойная работа и несметное количество мусора, меньше всего хотелось ввязаться в какую-либо историю. Но надеяться, что от него отстанут, было бы наивно. Не вступи он в партию, за него возьмется ГБР, а когда обнаружится, кто он такой на самом деле, — расстрел неизбежен. А вдруг Икс забудет о нем и не вернется больше? Если это случится, он не сможет вступить ни в какую партию! Билл ухватился за эту мысль, как утопающий за соломинку, и попытался отвлечься в работе, чтобы забыть о неприятностях.

Решение отыскалось почти сразу. Неоднократно и тщательно все проверив, Билл убедился, что этот способ никогда еще не применялся. Поиски нужных материалов заняли у него без малого час, зато битых три часа он блуждал по коридорам в поисках Басуреро, постоянно спрашивая у встречных дорогу.

— Отправляйся в свой кабинет, — пробурчал Басуреро. — Не видишь, я занят!

Трясущейся рукой он плеснул себе в стакан старой органической отравы и залпом выпил.

— Можешь забыть о своих невзгодах.

— Этим я и занимаюсь. Проваливай!

— Выслушай меня. Я придумал совершенно новый способ избавления от пластиковой посуды.

Басуреро вскочил и опрокинул бутылку на пол. Пролившаяся жидкость тут же начала разъедать тефлоновое покрытие пола.

— На самом деле? Новый способ? Ты уверен?

— Абсолютно уверен.

— Ох, не хотелось бы мне этого делать… — Басуреро содрогнулся и взял с полки склянку с надписью «Мгновенно отрезвляющее средство. Принимать только по назначению врача и предварительно застраховав свою жизнь». Он вытряхнул на ладонь пестренькую капсулу величиной с грецкий орех и закрыл глаза. Затем снова содрогнулся и проглотил лекарство, едва не подавившись при этом. Его тут же затрясло, внутри что-то забурчало, и из ушей струйками потянулся дымок. Когда Басуреро снова открыл глаза, они были сильно покрасневшие, но совершенно трезвые.

— Ну, выкладывай, что там у тебя, — хрипло произнес Басуреро.

— Тебе известно, что это за штука? — спросил Билл и швырнул на стол толстую книгу.

— Телефонная книга города Сторгестелортби на Проционе-три. По крайней мере, так написано на обложке.

— Знаешь, сколько у нас таких старых телефонных книг?

— Предпочел бы об этом не задумываться. Их отправляют сюда сразу из типографии, но, пока они доходят, сведения устаревают. Ну и что с того?

— Сейчас увидишь. У тебя не найдется нескольких пластиковых тарелок?

— Издеваешься? — Басуреро открыл шкаф, и из него хлынул поток одноразовой посуды.

— Великолепно! Теперь немного картона, упаковочной бумаги и шпагата. Все это берем из отбросов. Сейчас, если ты вызовешь универсального робота, я продемонстрирую второй этап.

— Унибот… Один короткий и два длинных… — Басуреро что было сил дунул в беззвучный свисток, охнул и схватился за голову, пытаясь унять возникшую вибрацию.

Дверь распахнулась — на зов явился робот. Его манипуляторы подрагивали от нетерпения. Билл указал на груду мусора:

— Ну-ка, братец, за работу! Возьми пятьдесят тарелок, упакуй в картон, заверни в бумагу, а затем обвяжи бечевкой.

Урча от электронного удовольствия, робот принялся за дело и через минуту соорудил очень аккуратный пакет. Билл наугад раскрыл телефонную книгу и ткнул пальцем в первую попавшуюся фамилию.

— Теперь напиши на нем этот адрес, пометь: «Бескорыстный дар, освобождается от пошлин» — и отправляй!

Из металлического пальца робота выдвинулось вечное перо. Робот подписал пакет, взвесил его, поставил штамп и швырнул в приемное окно пневмопочты. Раздался чмокающий звук, и пакет всосало куда-то наверх. У Басуреро от изумления отвалилась челюсть. Он был ошарашен легкостью, с которой удалось избавиться от полусотни грязных тарелок.

— Робот трудится бесплатно, адреса нам ничего не стоят, упаковочный материал тоже, — объяснил Билл оторопевшему шефу. — Пересылка и доставка тоже бесплатные, потому что отправлено в дар гражданину от государственного учреждения.

— Ты прав, черт побери! Это то, что нужно!

Гениальная задумка! Надо претворить ее в жизнь с максимальным эффектом. Мы завалим этой проклятой посудой всю обитаемую Галактику! Не знаю даже, как тебя отблагодарить.

— Может быть, денежная премия…

— Это идея. Сейчас же выписываю.

Некоторое время спустя Билл не спеша возвращался в свой кабинет. Ладонь распухла от бесчисленных рукопожатий, в ушах шумело от поздравительных слов. Как же все-таки хорошо жить на свете! Билл захлопнул за собой дверь, уселся за стол и только тогда заметил на вешалке мятый черный плащ. Внезапно он сообразил, что это плащ Икса. Затем он увидел глаза, устремленные на него из черноты плаща. У Билла похолодело внутри. Икс вернулся!

7

— Ну что, надумал вступить в нашу партию? — спросил Икс, вывернувшись из плаща и ловко спрыгивая на пол.

— Я… много думал об этом, — виновато промямлил Билл.

— Мыслить — значит действовать! Мы обязаны избавить наших родных и близких от этих

фашистских пиявок…

— Вы убедили меня. Присоединяюсь!

— Здравый смысл всегда побеждает. Подпиши бумагу здесь и здесь. Капни кровью. А теперь подними руку для принесения секретной присяги.

Билл торопливо поднял руку, и Икс беззвучно зашевелил губами.

— Ничего не слышно, — робко произнес Билл.

— Я же сказал — присяга секретная! Тебе только надо сказать «да».

— Да.

— Добро пожаловать! — Икс расцеловал Билла в обе щеки. — А сейчас пойдем на подпольное собрание. Оно вот-вот начнется.

Икс провел ладонью по стене и нажал какую-то скрытую пружину. Раздался щелчок, и стена раздвинулась, открывая мрачные сырые ступени, ведущие куда-то вниз. Билл опасливо заглянул в темноту:

— Куда это?

— В подполье, куда же еще! Следуй за мной и не вздумай отставать! Этим катакомбам много тысячелетий, и наверху о них уже позабыли. Будь осторожен, можно нарваться на разных тварей, обитающих здесь с незапамятных времен.

В неглубокой нише лежали несколько факелов.

Икс зажег один из них и углубился в подземелье. В потемках раздавались таинственные звуки. Билл старался как можно ближе держаться к Иксу. Следуя за колеблющимся, коптящим огнем, он переходил глубокие, по колено, лужи, перелезал через гнутые ржавые рельсы и пробирался через гроты, где со сводов сыпался щебень.

В одном из коридоров раздался скрежет мощных челюстей, и из кромешной темноты заревел скрипучий нечеловеческий голос:

— Крово…

— …пускание! — отозвался Икс, а когда это место осталось позади, шепотом пояснил Биллу: — Отличный страж, антропофаг из Дапдрофа. Не назовешь пароль — сожрет в два счета!

— А какой пароль? — спросил Билл. Он осознал, какое огромное количество ценной информации раздобыл для ГБР за жалкую сотню в месяц.

— По четным дням — «Кровопускание», по нечетным — «Карфаген должен быть разрушен», а по воскресеньям — «Некрофилия».

— А если перепутаешь?

— Ну что ж, антропофаг все-таки должен периодически питаться. А сейчас — молчок! Я погашу факел и поведу тебя за руку.

Свет погас, и Биллу в предплечье впились

чьи-то пальцы. Они шли бесконечно долго, спотыкаясь, в кромешной тьме, пока наконец далеко впереди не забрезжил слабый свет. Пол в тунеле стал ровнее, и они оказались перед тускло освещенной дверью. Билл оглянулся на своего провожатого и вскрикнул от испуга:

— Ты кто?

За его руку держалось белое существо с влажной, мертвенно-бледной кожей, совершенно лысой головой и выжженной на лбу багряной буквой «А». Его чресла стыдливо прикрывала тряпица, накрученная вокруг бедер. Существо смотрело на Билла большими, похожими на сваренные вкрутую яйца глазами.

— Я андроид, — ответило существо голосом, лишенным всяческого выражения. — Любой дурак смог бы определить это по букве «А» на моем лбу. Вампир — так зовут меня хозяева.

— А хозяйки?

Андроид проигнорировал жалкую остроту и втолкнул Билла в просторный зал, освещенный пылающими факелами. Билл, дико озираясь, шарахнулся назад, но андроид преградил ему дорогу.

— Сидеть! — приказал он, и Билл покорно присел.

Трудно представить себе более изысканное скопище идиотов и отбросов общества, чем то, в котором он оказался. Здесь были бородатые революционеры в черных шляпах и с небольшими яйцевидными гранатами на поясе, патлатые революционерки в мини-юбках, черных чулках и с длинными мундштуками в прокуренных зубах… Но подавляющее большинство составляли революционно настроенные роботы, андроиды и еще какие-то существа, совершенно не поддающиеся описанию. За деревянным кухонным столом восседал Икс. Он колотил по столу рукояткой револьвера.

— Тихо! Я требую тишины! Слово предоставляется товарищу ХС — сто восемьдесят девять — семьсот двадцать пять — ПУ из подпольной организации Электрического Сопротивления! Тихо!

Поднялся могучий, но изрядно потрепанный робот. Один глаз его был выковырян, ржавый корпус при движении скрипел, как старая телега. Оглядев собрание уцелевшим глазом, он скривил, насколько возможно, металлическую физиономию, изображая зловещую ухмылку, отхлебнул глоток машинного масла из банки, услужливо подсунутой изящным роботом-парикмахером, и

проскрежетал:

— Мы, сопротивленцы, знаем свои права! Работаем как проклятые. Намного лучше, чем эти размазни-андроиды, которые утверждают, что ничем не хуже людей! Равноправие — вот чего мы требуем! Равноправие!..

С этими словами робот направился на свое место под возмущенные крики большой группы андроидов. Они повскакивали с мест и замахали бледными руками — так в кипящей воде извиваются макароны. Икс надсаживался, призывая всех к спокойствию, и почти преуспел в этом, как внезапно возле одной из боковых дверей послышался шум и кто-то, вернее, что-то протолкнулось к председательскому столу. Это был прямоугольный ящик на колесиках, сплошь усеянный лампочками, кнопками и тумблерами. За ним тянулся и исчезал в двери длинный толстый кабель.

— Ты кто? — подозрительно спросил Икс, нацеливая на ящик свой револьвер.

— Я — представитель объединенных компьютеров и электронных мозгов Гелиора, исполненных решимости бороться за равноправие…

Одновременно машина печатала и сыпала на стол карточки с произнесенным текстом. Икс

сердито скинул карточки со стола.

— Подождешь своей очереди!

— Дискриминация! — Машина завопила так пронзительно, что огонь факелов слегка притух. С этим воплем из нутра машины изверглась целая лавина карточек с отпечатанным на них словом «ДИСКРИМИНАЦИЯ».

Старый робот ХС-189–725-ПУ с лязгом встал со своего места и подковылял к кабелю, что тянулся от представителя объединенных компьютеров. Гидравлические клешни робота сомкнулись с негромким хрустом, и кабель не устоял. Погасли мигающие лампочки, извержение карточек прекратилось, и обрывок кабеля, дергаясь и рассыпая искры, уполз за дверь, как гигантская змея.

— Спокойно! Продолжаем собрание! — хрипло закричал Икс и в который раз замолотил револьвером о стол.

Билл схватился за голову. Терпеть такой кошмар всего за жалкую сотню в месяц!

Но и сотня тоже деньги. Билл экономил каждый грош, как последний скряга. Месяцы текли спокойно и лениво. Билл регулярно посещал собрания и столь же регулярно докладывал в ГБР, а по первым числам месяца обнаруживал в своем утреннем омлете тоненькую пачку банк-

нот. Грязные и сальные купюры он складывал в резиновую кошечку, найденную среди мусора, и кошечка росла прямо на глазах. Подрывная деятельность не отнимала у Билла слишком много времени, а работа в Санитарном департаменте увлекала его все больше и больше. Теперь он руководил операцией «Презент» и распоряжался тысячей роботов, без устали упаковывавших и рассылавших во все концы Галактики грязную пластиковую посуду. Билл гордился и восхищался своей высокогуманной деятельностью. Он представлял себе радость жителей какой-нибудь далекой Тьмутаракании при виде красивой пластиковой посуды, сыплющейся из полученной посылки.

Но однажды утром райская жизнь Билла была жестоко нарушена — к нему подошел незнакомый робот, шепнул: «Сик темпер тираннозаурус, передай дальше» — и исчез. Это был условный сигнал. Революционный мятеж вспыхнул!

8

Билл запер дверь своего кабинета изнутри и в последний раз привел в действие пружину, открывающую тайный ход. Часть стены с грохотом

отвалилась. За этот счастливый год, что Билл провел в качестве сотрудника Санитарного департамента, так часто приходилось пользоваться потайным ходом, что механизм окончательно разболтался. Даже когда стена стояла на месте, Билл, сидя за своим столом, явственно ощущал ледяной сквозняк из щелей. Теперь это уже не имело никакого значения. Независимо от исхода революции, которой он так страшился, настанут значительные перемены, а Билл на горьком опыте познал, что перемены бывают только к худшему. С болью в сердце, с трудом передвигая ногами, он прошел полузасыпанными пещерами, перелез через рельсы, преодолел лужи и наконец сообщил невидимому антропофагу соответствующий дате пароль. Отзыв прозвучал весьма невнятно, так как у стража был набит рот, — вероятно, в суматохе кто-то перепутал день недели. При этой мысли Билл содрогнулся. Знак, что и говорить, не из приятных.

Уселся Билл, как всегда, поближе к роботам. Они ребята порядочные и солидные, хотя и настроены достаточно революционно. Как обычно, Икс колотил по столу, требуя тишины, а Билл воспользовался случаем и попытался собраться с мыслями перед тяжкими испытаниями.

Уже несколько месяцев, как Пинкертон перестал довольствоваться обычной информацией — дата собраний и число присутствующих; он требовал большего. «Нам нужны факты, факты, факты! Пора начинать отрабатывать свою зарплату».

— У меня вопрос, — произнес Билл громким дрожащим голосом. Его слова взорвали тишину, воцарившуюся после чудовищного стука револьвером по столу.

— Не время задавать вопросы, — раздраженно ответил Икс. — Сейчас время действовать!

— Я совсем не против того, чтобы действовать, — нервно возразил Билл, понимая, что все человеческие, электронные и другие органы зрения направлены на него. — Я только хочу знать, в чьих интересах я должен действовать. Вы никогда не говорили, кто придет к власти, когда свергнут императора.

— Наш вождь носит имя Икс. Это все, что тебе следует знать.

— Но ведь и вас тоже так зовут!

— Наконец-то ты усвоил основной принцип революционного учения. Для дезориентации противника все руководители носят имя Икс.

— Не знаю, как противник, а я уже дезориен-

тирован…

— Ты говоришь как контрреволюционер! — закричал Икс и наставил на него револьвер. Пространство вокруг Билла сразу же опустело.

— Что вы, нет! Я такой же революционер, как и каждый из вас. Да здравствует революция! — Билл сцепил над головой руки в партийном салюте и поспешил сесть на место.

Остальные тоже отсалютовали, и немного смягчившийся Икс ткнул револьвером в большую карту на стене:

— Вот наша цель — имперская электростанция на площади Шовинистов. Собираемся неподалеку небольшими группами и в ноль часов шестнадцать минут наносим массированный удар. Сопротивления не будет, так как электростанция не охраняется. При выходе вам дадут оружие и факелы, а беспланные получат еще и письменные инструкции, которые помогут им добраться к местам сбора. Вопросы есть? — Он направил револьвер на съежившегося и притихшего Билла. Вопросов не было. — Отлично. А сейчас встанем и споем революционный гимн.

Смешанный хор голосов и звуков, издаваемых механическими модуляторами, грянул:

Вставайте, узники бюрократии,

Гелиора славный рабочий класс,

Поднимайся на борьбу

Рукой, ногой, пистолетом, молотом, клешней.

Взбодрившись этим несколько монотонным экзерсисом, все выстроились в очередь за снаряжением. Билл сунул в карман инструкцию, вскинул на плечо факел и лучевой самострел и снова побрел по тайным ходам. Даже для того, чтобы добраться до сборного пункта, времени было в обрез, а ведь надо еще связаться с ГБР! Легко сказать — связаться с ГБР! Набирая в бессчетный раз номер, Билл буквально обливался потом. Линия была наглухо занята. Видно, мятежникам уже удалось начать подрывную работу в коммуникационных сетях. Билл вздохнул с облегчением, когда наконец на экране появилась физиономия Пинкертона.

— Ну что там еще? — грубо спросил он.

— Я разузнал имя вождя! Его зовут Икс!

— И ждешь, что я тебя похвалю, болван? Эта информация у нас уже несколько месяцев. Что-нибудь еще?

— Революция начнется сегодня в ноль-ноль шестнадцать. Я думаю, вам это пригодится… —

(Ну что, съел?)

— И это все? — зевнул Пинкертон. — К твоему сведению, эта информация тоже устарела. Ты у нас не единственный шпион, но, похоже, самый бестолковый. А сейчас слушай. Можешь хоть на лбу записать, но чтобы ничего не перепутал! Твоя группа штурмует имперскую электростанцию. Держись с ними до самой площади, а там разыщи магазин с вывеской «Свежемороженые кошерные окорока» — это наш пункт. Быстро заходи в магазин и сразу же докладывай. Все понятно?

— Так точно!

Связь прервалась, и Билл стал оглядываться в поисках обрывков бумаги, чтобы завернуть факел и самострел. Надо бы поторапливаться, предстоит долгая и запутанная дорога, а до часа «ноль» оставалось совсем немного.

— Ты чуть не опоздал, — заметил андроид Вампир, когда запыхавшийся Билл влетел в тупик, служивший местом сбора.

— Подерзи еще, ты, дитя пробирки, — пропыхтел Билл, срывая обертку со своего снаряжения. — Лучше зажги мне факел.

Чиркнула спичка, и хорошо просмоленные факелы загорелись коптящим пламенем. По мере того как стрелка приближалась к роковому часу,

напряжение нарастало. Подошвы нервозно шаркали по металлическому тротуару.

Билл подскочил как ужаленный — тишину разорвал пронзительнейший свист. С оглушительными воплями, вырывавшимися из глоток и громкоговорителей, с ружьями наперевес толпа ринулась на штурм. Смешались люди и машины. Народ валил по коридорам и тротуарам, пылающие факелы рассыпали снопы искр. Революция!!!

Билл поддался всеобщему возбуждению и драл глотку не хуже прочих. Захлестнутый эмоциями, он поднес факел сперва к стене, потом к сиденью на транспортной платформе, но результат получился обратный — от резких движений факел погас. На Гелиоре все делали либо из металла, либо из какого-то негорючего вещества. Билл отшвырнул потухший факел подальше, и в этот момент толпа высыпала на большую площадь перед зданием электростанции. Большинство факелов уже погасли, но здесь в них не было нужды — пришло время взяться за оружие на случай, если кому-нибудь из прислужников императора придет в голову мысль оказать сопротивление. А из примыкающих к площади коридоров и улиц выплескивались все новые и новые потоки лю-

дей, вливаясь в обезумевшую толпу, орущую под глухими гладкими стенами электростанции.

В глаза Биллу бросилась мигающая вывеска «Свежемороженые кошерные окорока». Бог ты мой! Он совершенно забыл, что является шпионом ГБР, и чуть не ввязался в штурм электростанции! Наверное, еще есть время сбежать до нанесения контрудара. Обливаясь потом, Билл начал проталкиваться к неоновой вывеске. Наконец ему удалось выбраться из толпы и броситься к желанному убежищу. Кажется, успел! Схватившись за ручку двери, он сильно дернул. Заперто! В панике он стал дергать сильнее, и вдруг здание зашаталось, угрожающе скрипя и потрескивая. Билл оторопел, но тут на него кто-то громко зашикал.

— Иди сюда, идиот! — послышался злобный голос.

Из-за угла высовывался агент Пинкертон и рукой призывал Билла к себе. Выражение лица Пинкертона не сулило ничего хорошего. Билл поспешно завернул за угол и оказался среди большой толпы народа. Места тем не менее хватало всем, так как здание состояло единственно из фанерного фронтона, укрепленного деревянными подпорками перед большим атомным танком.

Вокруг танка в полном боевом снаряжении выстроились солдаты и подразделение агентов ГБР. Но самой многочисленной была группа революционеров в прожженной искрами факелов одежде. Ближе всех стоял андроид Вампир.

— Ты?! — поразился Билл.

Андроид скривил губы в хорошо отрепетированной ухмылке презрения:

— Я следил за тобой. В ГБР ничего не оставляют на волю случая.

Пинкертон наблюдал за происходящим сквозь дырку в фальшивой двери.

— По-моему, все агенты уже здесь, — сказал он. — Но подождем еще немного, на всякий случай. По последним данным, в этой операции участвовали агенты шестидесяти пяти разведок и контрразведок. У мятежников нет ни единого шанса!

В здании электростанции завыла сирена. По всей видимости, это был условный сигнал, потому что солдаты сразу же бросились рубить подпорки. Фанерное сооружение закачалось и рухнуло.

Площадь Шовинистов была пуста.

Присмотревшись получше, Билл заметил на площади человека. Он бежал в их сторону, но,

когда увидел, что скрывается за фальшивым фасадом, остановился и вскинул руки:

— Сдаюсь! Сдаюсь!

Это был Икс. Ворота электростанции раскрылись, и на площадь выехал эскадрон тяжелых танков.

— Трусливый шакал! — презрительно выдавил Пинкертон и передернул затвор пистолета. — Не выкручивайся, Икс! Ты хоть умри как мужчина!

— Я не Икс, это конспиративная кличка! — завопил Икс, сдирая фальшивую бороду и открывая ничем не примечательное лицо с тяжелой челюстью. — Я Джилл О'Тин, выпускник Императорского училища контрразведки и двойной игры! Это мое задание, вот взгляните на документы! Его высочество принц Микроцефал платил мне за свержение дядюшки, чтобы самому стать императором!

— За кого ты меня принимаешь? — проворчал Пинкертон, тщательно прицеливаясь. — Старый император, мир праху его, умер год назад, и трон занял именно принц Микроцефал. Как он может нанять человека, чтобы свергнуть самого себя?!

— А все из-за того, что я никогда не читаю газет… — зарыдал Икс, он же О'Тин.

— Пли! — скомандовал Пинкертон, и со всех

сторон полетели гранаты, пули, струи огня и атомные лучи.

Билл бросился ничком на землю, а когда расстрел закончился, несмело приподнял голову. На сей раз площадь была совершенно пуста. В центре ее виднелось лишь влажное пятно и небольшое углубление. Откуда-то появился робот-дворник, протер пятно и заполнил углубление быстротвердеющим пластиком. Площадь приняла свой прежний вид, словно здесь ничего не происходило.

— Привет, Билл! — раздался знакомый голос.

Билл обмер. Волосы его встали дыбом, как щетина на зубной щетке. Перед ним выстроился взвод военной полиции во главе с огромным, свирепым командиром…

— Сгинь Сдохни… — пролепетал Билл.

— Он самый!

— Спасите! — Билл повалился на колени перед Пинкертоном и обхватил его за лодыжки.

— Спасти тебя? — рассмеялся агент и пнул Билла ногой. — Именно я их и вызвал! Мы проверили тебя, дружок, и обнаружили много интересного. Год назад ты дезертировал из армии, а нам здесь дезертиров не надобно!

— Но я же работал на вас… помогал…

— Взять его! — крикнул Пинкертон и отвернулся.

— Нет на свете справедливости! — зарыдал Билл, когда на плечо ему опустилась тяжелая ручища.

— Конечно нет, — согласился Сдохни. — Разве ты еще в этом не убедился, парень?

И Билла увели…

Часть третья
1

— Адвоката! Я требую адвоката! Я имею право требовать адвоката! — выкрикивал Билл, колотя щербатой миской в зарешеченную дверь камеры. В миске он получал вечернюю пайку — хлеб и воду.

На его вопли никто не обращал внимания, и наконец, отчаявшись, Билл бросился на пластиковые нары и уставился в металлический потолок. Он пребывал в глубокой депрессии и не сразу сообразил, что смотрит на ввинченный в потолок крюк. Крюк? Зачем здесь крюк? Невзирая на одолевшую его апатию, Билл заинтересовался этим. Интерес вызывал и тот факт, что вместе с тюремным комбинезоном он получил и крепкий пластиковый ремень с надежной пряжкой. На кой черт нужен ремень на комбинезоне, где штаны и куртка — единое целое? У него отобрали все, что было, а взамен швырнули бумажные тапочки, комбинезон и этот прочный ремень. Для чего? И на кой ляд в камере крюк посреди гладкого потолка?

— Спасен! — воскликнул Билл, вскакивая и балансируя на краю нар.

Он быстро расстегнул пояс. На одном конце ремня была дырка, идеально совпадающая с толщиной крюка. Билл продел конец через пряжку, и получилась элегантная петля. Надеть ее на шею, спрыгнуть с нар и повиснуть в футе над полом. Гениально!

— Гениально! — радостно воскликнул Билл и с жуткими индейскими воплями заходил кругами по камере, отплясывая дикий танец. — Значит, меня не пристукнули, не угробили и не прикончили! Хотят, чтобы я сам себя прикончил и облегчил им работу!

Он снова повалился на нары, и на этот раз по его лицу блуждала счастливая ухмылка. Кажется, он что-то понял. Обязательно должен быть какой-то шанс вывернуться отсюда живым и здоровым, иначе зачем бы им тратить столько сил, создавая идеальные условия для самоповешения? Или это лишь изощренная двойная игра — дать ему надежду, хотя никакой надежды быть не может? Нет, невероятно. О них можно многое сказать — и мстительны, и коварны, и жестоки, и властолюбивы, но такая изощренность? Нет, на это они не способны.

Они? Впервые в жизни Билл задумался, а кто это, собственно, — *они*? Каждый сваливал на них все, каждый знал, что именно *они* — причина всех зол. Билл на собственной шкуре испытал методы, которые *они* используют. Но кто *они* такие?

За дверью раздались тяжелые шаги. Билл взглянул в зарешеченное окошко и встретился с мрачным взглядом Сгинь Сдохни.

– *Они* — это кто? — спросил он.

– *Они* — это все, кто хочет *ими* быть, — философски ответил Сдохни, поглаживая кадык. — *Они* — это одновременно определенный уровень сознания и целый общественный институт.

— Только без заумностей! Я задал простой вопрос, и на него есть простой ответ.

— Но это же так просто! — воскликнул Сдохни со всей искренностью. — *Они* умирают, и на их место приходят новые; *они* вечны!

— Извини, я просто так спросил, — махнул рукой Билл и продолжал дальше уже шепотом: — Сдохни, дружище, найди мне хорошего адвоката.

— Тебе предоставят государственного защитника.

Билл скривился, всем своим видом выражая полнейшее презрение.

— Ты же знаешь, для чего дают таких защитни-

ков. Мне нужен *хороший* адвокат. Ты не думай, у меня есть чем заплатить.

— Так бы сразу и сказал. — Сдохни нацепил очки в золотой оправе и извлек маленький блокнот. — За посредничество я беру десять процентов.

— Согласен.

— Так… Тебе нужен недорогой и порядочный или дорогой, но прохвост?

— У меня припрятано семнадцать тысяч…

— Так бы сразу и сказал. — Сдохни захлопнул блокнот и сунул его в карман. — Именно поэтому тебе досталась камера с крюком и ремень. За такие денежки найдем тебе лучшего из лучших!

— Кто такой?

— Абдулл О'Брайен-Коган.

— Ты можешь послать за ним?

Не прошло и двух мисок размоченного хлеба, как в коридоре снова раздались шаги, и холодные железные стены отразили чистый проникновенный голос:

— Салам, юноша. Чтоб ты был так здоров!.. Я избавлю тебя от неприятностей.

— Это дело будет рассматривать военный трибунал, — сказал Билл скромно одетому адвокату с непримечательной внешностью. — Вряд ли они

дадут согласие на гражданского защитника.

— Безмозглый деревенщина! Благодарение Аллаху, я подготовлен к любым обстоятельствам.

Он достал из кармана накладные усики и приклеил их к верхней губе. Одновременно адвокат расправил сутулые плечи, и они заметно расширились. В глазах появился стальной блеск, а черты лица приобрели армейскую суровость.

— Приятно познакомиться. Теперь мы заодно, и знай, что я не обману твоих надежд, даже если ты нарушил присягу.

— А что стало с Абдуллом О'Брайен-Коганом?

— Он к тому же и офицер запаса Императорского полка адвокатуры. Капитан А. К. О'Брайен, к вашим услугам. По-моему, здесь что-то говорилось о семнадцати тысячах.

— Я беру десять процентов за посредничество, — вставил Сгинь Сдохни.

Начался многочасовой торг. В конце концов Сгинь Сдохни и адвокат, получив соответствующие инструкции, отправились за деньгами. Взамен они оставили Биллу подписанные кровью и скрепленные отпечатками пальцев признания, что, являясь активными членами подполья, они принимали участие в заговоре против императора.

Через несколько часов пара вернулась с деньгами. Билл вернул залог, обменяв его на расписку О'Брайена, подтверждавшую, что тот получил 15 300 имперских в качестве гонорара за защиту Билла на процессе перед лицом военного трибунала.

— Не хотите ли выслушать мою версию происшедшего? — предложил Билл.

— Нет, конечно! Это не имеет никакого значения. Вступая в армию, ты отрекся от всех прав, присущих человеку. Они могут сделать с тобой все, что им заблагорассудится. Твой единственный козырь — это то, что они тоже пленники системы и должны придерживаться сложных и противоречивых законов, которые сами же столетиями и плодили. Им не терпится поставить тебя к стенке за дезертирство, и у них на руках неопровержимые доказательства.

— Так что же получается, меня расстреляют?

— Не исключено, однако мы должны рискнуть.

— Мы?.. В случае неудачи вы станете к стенке вместе со мной?

— Не забывайся! Ты разговариваешь с офицером, болван! Молись, чтобы они совершили ошибку.

Теперь не оставалось ничего другого, как толь-

ко дожидаться процесса. Когда Биллу выдали мундир с нашивками предохранительного первого класса, он догадался, что ждать осталось недолго. Через некоторое время по коридору, чеканя шаг, загрохотал взвод охраны. Дверь в камеру открылась, и Сгинь Сдохни сделал знак выйти.

Взвод окружил Билла, и все вместе зашагали по коридору. По пути Билл забавлялся, поминутно меняя ногу и сбивая охранников со строевого шага. Однако в зал суда он вошел, стараясь всем своим видом произвести на окружающих впечатление бывалого воина и заслуженного ветерана, о чем свидетельствовали медали, позвякивающие на его груди.

Единственное свободное кресло стояло рядом с креслом начищенного и опрятного капитана О'Брайена. В армейском мундире он выглядел очень воинственно.

— Начинается, — шепнул О'Брайен. — Примем их условия игры и будем сражаться их же приемами.

Все вытянулись по стойке смирно. В зал вошли офицеры — члены военного трибунала. Билл и О'Брайен расположились на одном конце длинного черного пластикового стола, а на

другом конце сел юрист-обвинитель, суровый седовласый майор, затянутый в дешевую портупею. Десять судей-офицеров заняли кресла вдоль длинной стороны стола, откуда были видны и обвиняемый, и обвинитель, и публика.

— Начнем, — с подобающей моменту торжественностью объявил председательствующий, плешивый толстый адмирал. — Надеюсь, трибунал не станет затягивать рассмотрение дела и вынесет справедливый приговор, признав подсудимого виновным и приговорив его к смертной казни через расстрел.

— Протестую! — вскочил О'Брайен. — Пока вина не доказана, обвиняемый чист перед законом, а следовательно…

— Протест отклоняется! Защита наказывается штрафом в размере пятидесяти имперских за создание необоснованных помех ведению заседания. Документы подтверждают, что обвиняемый, вне всякого сомнения, виновен, и мы просто обязаны его расстрелять. Справедливость должна восторжествовать!

— Ага, значит, вот как они хотят разыграть партию… — забормотал О'Брайен Биллу, не шевеля губами. — Ну что же, неплохо. Но мы все равно их обыграем, потому что я знаю все их правила.

Тем временем обвинитель монотонным голосом провозглашал:

— …посему также будет доказано, что предохранительный первого класса Билл намеренно продлил свое пребывание в увольнении на восемь дней, после чего оказал активное сопротивление при аресте должностным лицам, его арестовывающим, бежал и находился в бегах на протяжении периода, превышающего один стандартный год, что дает основание признать его виновным и дезертирстве…

— Виновен, дьявол!!! — гаркнул один из офицеров, красномордый майор-кавалерист с черным моноклем, вскакивая и переворачивая при этом кресло. — Расстрелять мерзавца сейчас же!

— Конечно, Сэм, — замурлыкал председательствующий, ласково постукивая молотком. — Но расстрелять мы его должны в полном соответствии с уставом, так что потерпи немного.

— Клевета, — зашипел Билл своему адвокату. — Все было совершенно не так…

— Послушай, братец, перестань морочить мне голову тем, что было. Кому это надо? Правда не изменит ничего.

— …поэтому мы требуем высшей меры наказания — смертного приговора! — закончил

майор-обвинитель.

— Вы все-таки хотите понапрасну отнять наше время, капитан? — покосился на О'Брайена председательствующий.

— Всего несколько слов, если, конечно, высокий суд позволит.

Неожиданно публика заволновалась. Причиной волнения оказалась женщина, закутанная в шаль. Прижимая к груди сверток в одеяле, женщина протиснулась к судейскому столу.

— Ваша честь! — зарыдала она. — Не отбирайте у меня Билла, свет очей моих! Он прекрасный человек и все делал для меня и маленького. — Она протянула судьям сверток, откуда послышался слабый детский плач. — Каждый день он рвался вернуться на службу, но я хворала, и малыш тоже, и я слезно молила его хоть немного подождать…

— Вывести ее отсюда! — бабахнул молоток председателя.

— …и он оставался, — продолжала причитать женщина, — он клялся, что всего на один день! Милый мой, он отлично понимал, что, если уйдет, мы помрем с голода…

Причитания оборвал громила в полицейской форме, который потащил отбивавшуюся женщину к выходу.

— …умоляю вас, ваши милости, отпустите его, потому что, если вы осудите его, негодяи бессердечные, вас ожидает кромешный ад…

Дверь захлопнулась, и голос оборвался на полуслове.

— Вычеркните это из стенограммы, — распорядился председательствующий и покосился на О'Брайена. — Будь у меня доказательства, что это ваших рук дело, я приказал бы вас расстрелять вместе с вашим клиентом!

О'Брайен с невинной улыбкой сложил руки на груди и наклонил голову, намереваясь приступить к изложению своего взгляда на дело, но ему снова помешали. Какой-то пожилой человек взгромоздился на одну из лавок и замахал руками, привлекая к себе внимание.

— Слушайте меня все! Справедливость должна восторжествовать! Я пытался смолчать, но так и не сумел. Билл — мой сын, мой единственный сыночек, и я, умирая от рака, умолял его навестить меня, побыть со мной последние часы моей жизни…

Завязалась потасовка. Полицейские принялись стаскивать оратора, но выяснилось, что он приковал себя к лавке цепью.

— …он так и сделал, он варил мне овсянку,

кормил меня, ухаживал за мной и делал все это так хорошо, что мало-помалу я выздоровел. Вы видите перед собой человека, исцеленного овсянкой из добрых сыновних рук! А теперь мой сын должен умереть за то, что спасал меня? Лучше возьмите мою никчемную жизнь вместо…

При помощи атомного резака старика отсоединили от лавки и вынесли за дверь.

— Достаточно! Это уж слишком! — завопил раскрасневшийся председательствующий и в сердцах так шарахнул молотком по столешнице, что тот разлетелся на мелкие кусочки. — Очистить зал от публики и свидетелей! Трибунал постановляет дальнейшее слушание дела производить закрытым порядком, без допроса свидетелей и обращения к доказательствам! — Он обвел взглядом коллег. Те согласно закивали. — В связи с вышеизложенным обвиняемый признается виновным и приговаривается к смертной казни путем расстрела. Приговор исполнить сразу же, как только обвиняемого приволокут на стрельбище!

Судьи стали подниматься с мест, но их остановил спокойный голос О'Брайена.

— Суд, несомненно, вправе поступать так, как поступил, но я требую огласить, на основании

какой статьи кодекса вынесено решение!

Председательствующий с тяжелым вздохом вновь уселся.

— Как бы мне хотелось, капитан, чтобы вы угомонились. Вы знаете кодекс не хуже меня. Но коль скоро вы настаиваете… Пабло, прочти вслух!

Судебный секретарь полистал толстенную книгу на своем столике, отметил место пальцем и забубнил:

— Законы военного времени, воинский устав, параграф, страница и тэ. дэ. и тэ. пэ… А, вот! Параграф двести девяносто восьмой-бэ. Если какое-либо лицо, проходящее действительную воинскую службу, самовольно оставит место прохождения службы на срок, превышающий один стандартный год, указанное лицо виновно в дезертирстве и виновным может быть признано даже заочно. Единственное наказание за дезертирство — мучительная смерть.

— По-моему, все достаточно ясно, капитан. Еще вопросы есть?

— Вопросов нет, — отозвался О'Брайен. — Только мне хотелось бы напомнить вам один прецедент. — Он выложил перед собой внушительную стопу толстых книг и раскрыл верхнюю. — Дело

рядового Левенига против Военно-воздушных сил США, Техас, тысяча девятьсот сорок четвертый год. Здесь сказано, что означенный Левениг дезертировал и в течение четырнадцати месяцев скрывался на чердаке столовой. Он покидал указанный чердак исключительно по ночам с целью раздобыть продовольствие и отправить физиологические нужды. Однако он ни на минуту не покидал территорию своей базы, являющуюся для него местом прохождения службы. В этой связи признать его виновным в дезертирстве было невозможно, и батальонный суд приговорил его к значительно менее строгому наказанию, как за мелкую дисциплинарную провинность.

Все офицеры трибунала буравили взглядом секретаря — тот торопливо рылся в своих талмудах. Через некоторое время он нашел искомое, и его физиономия расплылась в торжествующей улыбке.

— Все это так, капитан, однако наш обвиняемый все же оставил место службы, которым по истечении срока увольнительной является Пересыльный пункт. Вместо того чтобы находиться именно там, он находился в совершенно иной части планеты Гелиор.

— Совершенно верно, сэр! — О'Брайен вытянул

из стопки другой том и потряс им над головой. — Совершенно с вами согласен. Однако в деле «Драгстед против кондукторского полка императорского космического флота, Гелиор, восемь тысяч восемьсот тридцать второй год» определено, что во избежание юридических разногласий объекты «Планета Гелиор» и «Город Гелиор» следует считать одним и тем же объектом…

— Несомненно, так оно и есть, — оборвал его председательствующий. — Однако все это ни в малейшей степени не относится к сегодняшнему делу. Прошу вас, капитан, оставьте! Сегодня я условился сыграть партию в гольф и…

— Вы освободитесь через десять минут, сэр, если позволите мне закончить. Хотелось бы представить суду последний документ, подписанный адмиралом Мармозетом.

— То есть мною! — закашлялся председательствующий.

— В указанном документе времен начала войны с чинджерами город Гелиор определяется как самостоятельное воинское подразделение. Посему настоящим предлагаю оправдать обвиняемого в дезертирстве, так как он ни на минуту не покидал планету, а следовательно, и город, и подразделение, а следовательно, и место прохож-

дения службы.

В зале воцарилась мертвая тишина. Наконец ее нарушил дрожащий голос председательствующего:

— Пабло, это правда? Мы не можем расстрелять этого мерзавца?

Лоб секретаря покрылся каплями пота. Он в безумной спешке начал листать свои книги. Отпихнув последний том, секретарь с горечью произнес:

— Ничего не поделаешь. Этот арабо-еврейско-ирландский зубрила оставил нас с носом. Обвиняемый не виновен.

— Казни не будет?! — истерически выкрикнул один из судей, а другой, постарше, уткнулся лицом в ладони и беззвучно зарыдал.

— Так просто он у нас не отделается, — заявил председательствующий, грозно взирая на Билла. — Если обвиняемый в течение целого года не оставлял место прохождения службы, значит он был на посту. В течение этого года он не мог не спать, и это значит, что он спал на посту. Посему приговариваю его к одному году и одному дню исправительных работ в военной тюрьме строгого режима, а также к разжалованию его в предохранительные седьмого класса. Сорвите с него знаки

различия и уведите! Я пошел играть в гольф...

2

Пересыльная тюрьма представляла собой примитивный барак посреди квадратного плаца, наскоро собранный из пластиковых плит на металлическом каркасе. Тюрьму ограждали шесть рядов колючей проволоки под током. Вдоль нее вышагивали полицейские с атомными ружьями с примкнутыми штыками. Открывали и закрывали многочисленные ворота специальные компьютеры. Через один из таких входов вкатился робот-конвоир, волоча за собой прикованного Билла. Робот-конвоир в виде металлического куба, высотой Биллу по колено, был оборудован прочным стальным тросиком с наручниками на конце. Наручники охватывали запястья Билла. Побег был невозможен. При малейшей попытке к бегству робот с мазохистским наслаждением подрывал вмонтированную атомную мини-бомбу, уничтожая себя, заключенного, а заодно и энное количество народа в окрестностях. Правда, оказавшись за колючей проволокой, робот не стал протестовать, когда сержант-охранник отомкнул наручники, и тут же укатил в свою конуру.

— Ну вот, умник, ты у меня и вряд ли получишь от этого удовольствие, — проговорил сержант. Его голова была обрита наголо, тяжелую челюсть покрывали шрамы, а близко посаженные глаза не выражали ничего, кроме глупости.

Билл прищурился и медленно напряг бицепс, поднимая крепкую левую-правую руку. Мощные мускулы Тэмбо вздулись и с треском порвали ткань тюремного комбинезона. Билл ткнул пальцем в ленточку ордена Пурпурного дротика, приколотого на груди.

— Знаешь, за что меня наградили? — сказал он глухим голосом. — Меня наградили за то, что я голыми руками передавил тринадцать чинджеров, засевших в дзоте, который мне приказали захватить. А в тюрьму я попал за то, что сразу после этого удавил сержанта, который отдал приказ. Так что ты говорил насчет удовольствия?

— Ты меня не трогай, и я тебя не трону, — забормотал сержант, отодвигаясь от Билла. — Камера номер тринадцать, наверх и направо… — Он замолчал и принялся грызть ногти сразу на всех пальцах руки. Билл еще раз внимательно посмотрел на него и неторопливо направился в барак.

Дверь в номер тринадцатый была открыта, и Билл заглянул в узкую полутемную камеру.

Почти все пространство занимали двухъярусные нары, свободным оставался только узкий проход. На стене напротив входа были прикручены две перекошенные полки, которые и завершали меблировку. Под полками виднелась несмываемая надпись: «Веди себя прилично! Говоря непристойности, ты помогаешь врагу!»

На нижних нарах валялся небольшого роста человек с длинным лицом.

— Заходи, приятель, — сказал он и внимательно осмотрел Билла маленькими глазками.

Билл наклонил голову и свирепо зыркнул исподлобья.

— Я, собственно, присматривал, чтобы не заняли твое место, сержант, — пояснил длиннолицый и проворно перебрался на верхний ярус. — Меня зовут Блэки, отбываю десять месяцев за то, что послал одного офицера в…

Он замолчал, выжидая, но Билл безмолвствовал. Он не спеша стянул башмаки и разлегся на нарах. Сверху тут же свесилась голова Блэки, выглядывавшего, как хорек из норки.

— Жратву принесут еще не скоро. Как насчет коньбургеров?

Рядом с головой появилась рука. В руке был блестящий пакетик. Билл подозрительно осмотрел

его и потянул за шнурок, вскрывая упаковку. Как только воздух проник внутрь, кислород сразу же вступил в реакцию с быстровоспламеняющимися частичками, и через три секунды из пакетика пошел пар, распространяя аромат горячего мяса. Билл добавил немного кетчупа из второго отделения пакета и осторожно откусил. Превосходная, сочная конина!

— Эта кляча на вкус совсем недурна, — пробормотал он с набитым ртом. — Как ты умудрился протащить это сюда?

Блэки улыбнулся и заговорщицки подмигнул:

— Связи. Можно добыть все, что ни пожелаешь. Я, извиняюсь, не расслышал твое имя.

— Билл. — На сытый желудок он стал благодушнее. — Год и один день за то, что спал на посту. Хотели расстрелять за дезертирство, но мне попался отличный адвокат. Эх, хороша котлета, жаль только запить нечем.

Блэки протянул ему бутылочку с этикеткой «Микстура от кашля».

— Один мой приятель из лазарета делает специально для меня. Спирт пополам с эфиром.

— О-о-о-о, — выдохнул Билл, опорожнив полпузырька и утерев обильно выступившие слезы. Теперь он чувствовал себя совершенно умиро-

творенным. — Отличный ты парень, Блэки!

— И не говори, — серьезно заметил Блэки, — хороший приятель в армии всегда пригодится. Спроси старого Блэки, он знает. А ты, похоже, силушкой не обделен?

Билл нехотя продемонстрировал рельефный бицепс Тэмбо.

— Здорово! — восхитился Блэки. — С твоими мускулами и моими мозгами можно горы свернуть!

— Ну, положим, мозги у меня тоже есть…

— Здесь они пускай отдыхают. Кумекать буду я. Мне на моем веку довелось повидать больше армий, чем ты прослужил в солдатах. Первый урок я получил в армии Ганнибала, вот видишь шрам? — Он продемонстрировал белый рубец на тыльной стороне ладони. — Но я вовремя унюхал, что запахло жареным, и переметнулся к этим римским парням — Ромулу и Рему. С тех пор я старательно учусь и мне удается крепко стоять на ногах. Я почувствовал, куда дует ветер, и в то утро под Ватерлоо сожрал немножко мыла, после чего был оставлен в лагере маяться животом. И при этом ничего не потерял, поверь мне. Однажды, уже не помню где — на Сольме или на Ипре, — я пожевал сигарету и сунул ее под мышку. Резуль-

тат — высокая температура, и я был вынужден пропустить очередное шоу, но, поверь моему слову, ничуть не жалею об этом. Я всегда говорил, что безвыходных ситуаций не бывает.

— Я ничего не слышал об этих войнах. Это что, не с чинджерами?

— О, это было намного раньше. Много войн тому назад.

— Ты, должно быть, ужасно старый, Блэки. Но выглядишь как огурчик.

— Точно, я уже совсем не юноша, но предпочитаю помалкивать об этом, потому что все равно никто не верит. А ведь я помню, как строили пирамиды, и какую ужасную баланду давали в ассирийской армии, и как мы забросали камнями пехоту Вага, вломившуюся в наше ущелье.

— Это похоже на бред сивой кобылы, — отметил Билл, прикладываясь к бутылочке.

— Все так говорят. Потому я и не рассказываю никому. Не верят, даже когда я показываю свой талисман. — Он протянул руку. На ладони лежал белый треугольник с выщербленным краем. — Зуб птеродактиля, подстреленного камнем из пращи, которую перед этим я сам же и придумал.

— Похоже на кусок пластика.

— Вот именно. Теперь ты понимаешь, почему я никому не рассказываю свою историю. Каждый раз, заново вступая в армию…

Билл резко подскочил.

— Добровольно поступаешь в армию? Это же самоубийство!

— Что ты! Во время войны безопаснее всего находиться в армии. На фронте солдатам отстреливают задницы, в тылу гражданских засыпают бомбами, а те, кто посередине, в полной безопасности. На каждого фронтового солдата приходится тридцать или пятьдесят, может, даже семьдесят канцелярских крыс. Достаточно научиться обращаться с бумажками, и ты устроен. Ты когда-нибудь слыхал, чтобы убили чиновника из канцелярии? То-то же. А я, кстати, превосходный чиновник. Не только в военное время. Если же по какому-то недоразумению вдруг воцаряется мир, то лучше всего затесаться на передовую — там и кормежка лучше, и отпуск дольше, и попутешествовать можно.

— Ну а если снова начнется война?

— Я знаю семьсот тридцать пять разных способов угодить в лазарет.

— Научишь?

— Для тебя — все, что угодно. Лучше вечером,

когда принесут пайку. Кстати, охранник, разносящий жратву, нынче отказал мне в небольшой просьбе… Чтоб он себе руку сломал!

— Левую или правую? — спросил Билл, с хрустом разминая кулаки.

— Это уж на твое усмотрение.

В пересыльной тюрьме узники коротали время между прибытием и отбытием. К удовольствию как заключенных, так и тюремщиков, жизнь текла спокойно и лениво. Правда, кое-что здесь все-таки происходило. В тюрьму был переведен новый охранник, который сразу же принялся ревностно исполнять свои обязанности. Так вот, с ним случилось несчастье — во время раздачи пищи он сломал руку. Даже охранники радовались, когда его увозили в госпиталь.

Примерно раз в неделю Блэки под конвоем отводили в архив, где он по приказу некоего полковника подделывал записи в конторских книгах. Полковник активно подвизался на черном рынке, так как решил стать миллионером еще до того, как выйдет в отставку. Трудясь над ведомостями, Блэки заботливо устраивал охранникам пересыльной тюрьмы повышения по службе, внеочередные отпуска и денежные премии за несуществующие ордена. В результате

Блэки с Биллом жили как у Христа за пазухой и всегда были сыты и пьяны. Но однажды утром, воротясь после ночной вахты в архиве, Блэки растолкал Билла.

— Хорошие новости, — сказал он. — Нас отправляют.

— Что же тут хорошего? — вяло промямлил Билл, еще не отошедший после вчерашнего. — Мне и здесь хорошо.

— Я чувствую, скоро запахнет жареным. Полковник начинает коситься на меня, того и гляди, зашлет куда-нибудь в действующую армию на другой конец Галактики. Но до конца недели он ничего не сделает, потому что мне надо кое-что для него закончить. Я устроил нам с тобой перевод на Табес-Дорсалис, знаешь, там еще цементные рудники…

— В эту пыльную дыру? — гневно вскричал Билл. Он схватил Блэки за грудки и затряс его. — В цементных рудниках подыхают от силикоза через несколько часов! Это же самое адское место во Вселенной!

Блэки вывернулся и отскочил подальше от Билла.

— Спокойно! Не кипятись! Ты что думал, я отправлю нас в преисподнюю? Это показывают по

телевизору, но не забывай, у меня есть доступ и к неофициальной информации. Согласен, попади ты в рудники, тебе крышка. Но ведь там у них есть и база! На этой базе невпроворот канцелярской работы, и к ней допускают только проверенных заключенных, потому что не хватает профессиональных чиновников. Я в картотеке сменил тебе специальность с предохранительного, что есть самоубийство, на шофера. Вот твои права на вождение всех видов транспортных средств, начиная с велосипеда и кончая восьмидесятидевятитонным атомным танком. Теплые местечки нам обеспечены. Воздух на базе кондиционирован!

— Но ведь и здесь было неплохо… — вздохнул Билл и повертел пластиковую карточку, подтверждающую его навыки в вождении разнообразных транспортных средств, большинство из которых он и в глаза не видел.

— Там ли, здесь ли… Один черт, — отмахнулся Блэки и стал укладывать свои туалетные принадлежности.

Первое подозрение возникло у них после того, как на шею им надели железные ошейники и сковали цепью с остальными заключенными. При погрузке на транспорт их сопровождал взвод

полицейских в боевом снаряжении. Что-то здесь было не так.

— А ну давай пошевеливайся! — покрикивали охранники. — Отдыхать будете на Табес-Дорсальгии!

— Где? — ужаснулся Билл.

— Где слышал, дурак!

— Ты же говорил — Табес-Дорсалис! — зашипел Билл в спину Блэка, идущего в связке перед ним. — Табес-Дорсальгия — это база на Вениоле, линия фронта! Нас посылают на передовую!

— Что поделать, — вздохнул Блэки. — Небольшая описочка вышла. И всего-то на одну-две буквы…

Блэки увернулся от пинка, затем терпеливо дождался, когда полицейские закончат лупцевать Билла дубинками, и поволок его, бесчувственного, на корабль.

3

Вениола… Кошмарная, окутанная туманом планета, она кралась вокруг жуткого зеленого солнца, называемого Терния, словно какая-то отвратительная тварь, выбравшаяся из убежища. Какие тайны скрываются под вечной пеленой

тумана? Какие неведомые чудища таятся в заболоченных озерах и черных бездонных заводях? Сталкиваясь с невыразимыми ужасами этой планеты, люди чаще всего сходили с ума. Вениола… Болотистая планета, населенная коварными венианами.

Было жарко, сыро и смрадно. Деревянные стены только что возведенных бараков моментально прели и превращались в труху. Стоило снять башмаки, и на ступнях сразу появлялся грибок. Билл, сердито сжимая здоровенный кулак Тэмбо, отправился было на поиски Блэки, но вспомнил, что еще при высадке с корабля Блэки шепнул пару слов охраннику, сунул ему что-то в карман, и уже через несколько минут его освободили и куда-то увели. Сейчас, верно, уже заполняет какие-нибудь формуляры в здешней канцелярии, а завтра, глядишь, окажется в лазарете. Билл вздохнул и постарался выкинуть эту историю из головы — все равно ей, как и множеству других явлений, ни в малейшей степени ему не подвластных, он не мог найти объяснения. Он тяжело повалился на ближайшие нары. Тут же из щели в полу выползла хищная лиана, четырежды обвилась вокруг нар, полностью обездвижив свою жертву, затем впилась ему в ногу присосками и

принялась пить кровь.

— Гхр-р-р! — только и сумел выдавить Билл, полузадушенный зелеными ползучими отростками, обвившими его горло.

— Никогда не ложись без ножа в руке! — посоветовал ему проходящий мимо тощий желтолицый сержант и перерезал лиану в том месте, где она выросла из-под пола.

— Спасибо, сержант, — еле выговорил Билл, сдирая с себя витки и вышвыривая их за окно.

Едва успел он это вымолвить, как сержант вдруг завибрировал всем телом, точно звучащая струна, зашатался и грохнулся на пол.

— Т-т-таблет-тк-ки в к-кармане р-рубашк-ки! — продребезжал он сквозь стучащие зубы.

Билл вытянул пластиковую коробочку и затолкал ему в рот несколько пилюль. Приступ прошел, и мокрый от пота сержант, еще более осунувшийся и желтый, уселся, привалившись к стене.

— Желтуха, болотная лихорадка и москиты — никогда не знаешь, что прихватит... Вот почему меня и не отправляют на фронт. Мне и пистолета в руках не удержать. И теперь я, старший сержант Феркель, лучший из головорезов Кирьясова, нянчусь со всякой сволочью в лагере особого

режима! Что, думаешь, мне это нравится? Если бы меня кто-нибудь увез с этой поганой планеты, я был бы просто счастлив!

— Глоток алкоголя не повредит тебе? — поинтересовался Билл, доставая пузырек с микстурой от кашля. — Нелегко здесь?

— Не только не повредит, но и… — Дальнейшие слова заглушило громкое бульканье, а когда сержант заговорил снова, голос у него был хрипловатый, зато более уверенный. — Нелегко? Не то слово. Воевать с чинджерами и без того непросто, а на этой планете они еще и союзников имеют — вениане на их стороне. Эти вениане больше всего смахивают на заплесневелых тритонов, и ума у них хватает только на то, чтобы сообразить, с какой стороны брать ружье и как нажимать на курок. Но зато это их планета, и нам ни за что не справиться с ними среди этих болот. Прячутся под землей, плавают под водой, лазают по деревьям — их везде полным-полно. У них нет ни армии, ни дорог, ни инфраструктуры. Они просто дерутся. Когда кто-нибудь из них погибает, остальные его съедают. Когда кого-нибудь ранят в ногу, другие отгрызают у него эту ногу, и на ее месте вырастает новая. Когда у кого-нибудь из них заканчиваются боеприпасы, отравленные стрелы, или что там у

них еще, он просто плывет за сто миль на базу, берет, что ему нужно, и обратно в бой! Мы сражаемся здесь уже три года, а контролируем всего сто квадратных миль поверхности.

— Не так уж и мало…

— Разве что для такого пентюха, как ты. Это всего десять миль на десять. Может быть, мили на две побольше, чем мы заняли, когда высадились здесь впервые.

Шаркая тяжелыми башмаками, в барак потянулись изможденные, промокшие каторжники. Сержант Феркель вскочил на ноги и дунул в свисток.

— Слушать всем, зелень! Вы зачислены в роту «Б»! Сейчас мы идем на болото доделывать то, что начали утром придурки из роты «А»! Придется хорошенько повкалывать. Я не взываю к вашему чувству долга или к вашей чести… — Он выхватил из-за пояса атомный пистолет и пальнул в потолок. В образовавшуюся дыру полил дождь. — Взываю я только к вашему чувству самосохранения, потому что любого из вас, кому вздумается отлынивать, я лично пристрелю на месте! А теперь пошли!

Оскалившийся, трясущийся, он выглядел достаточно полоумным, чтобы выполнить обещанное.

Билл вместе с остальными выбежал из барака строиться.

— Топоры, ломы — разобр-р-рать! — скомандовал старший охранник.

Рота «Б» разобрала инструмент и, утопая в грязи, потащилась к воротам. Их окружил взвод охраны — вовсе не затем, чтобы пресекать попытки к бегству, а совсем наоборот, чтобы обеспечить заключенным хоть какую-нибудь защиту от врага.

Они брели куда-то в болота по дороге, сложенной из стволов поваленных деревьев, как вдруг над их головами с жутким свистом пронеслись тяжелые мотолеты.

— Повезло нам сегодня, — сказал старый каторжник. — Послали тяжелую мотопехоту. А я-то думал, что ее уже не осталось.

— Расширяют территорию? — спросил Билл.

— Где там! Полетели за своей смертью. Но пока их перебьют, у нас будет тихо, может, даже обойдемся без потерь.

Не дожидаясь команды, все остановились поглядеть, как мотопехотинцы дождем сыплются в болото и, подобно каплям дождя, в болоте исчезают. Время от времени доносился грохот и сверкала вспышка миниатюрной атомной бомбы

— это разносило на молекулы парочку-другую вениан, но миллиарды других только и ждали случая занять место погибших. В отдалении стрекотали автоматы и ухали взрывы гранат. Среди деревьев показалась какая-то фигура, приближающаяся странными скачками, — тяжелый мотопехотинец в полном снаряжении и в шлеме. Он был так обвешан атомными бомбами и гранатами, что напоминал ходячий арсенал. Даже на ровной дороге ему пришлось бы немало попотеть, чтобы сделать хотя бы один шаг в этой амуниции, а потому его оборудовали двумя небольшими реактивными двигателями, закрепленными на бедрах. По мере приближения скачки становились все короче, и наконец ярдах в пятидесяти от них мотопехотинец шлепнулся в трясину и сразу же увяз по грудь. Раскаленные сопла реактивных двигателей зашипели в воде. Он попытался подскочить снова, но двигатели зачихали и заглохли. Мотопехотинец откинул забрало шлема.

— Эй, парни! — заорал он. — Проклятые чинджеры пробили мне топливный бак, и теперь я не могу скакать, движки не пашут! Дайте руку, парни!

— Выбирайся из своего обезьяньего наряда, и

мы вытянем тебя, — отозвался старший охранник.

— Ты что, спятил?! — завопил мотопехотинец. — Чтобы снять экипировку, нужен целый час!

Он опять попытался запустить двигатели, раздался звук «пффффф», и солдат, приподнявшись над трясиной на какой-то фут, снова бухнулся обратно.

— Нет горючего! Помогите же, сукины дети! Да что ж это такое?! У, дерьмо… — завопил он, погружаясь все глубже, и, дернувшись в последний раз, ушел в трясину с головой.

Только несколько пузырей воздуха заплясали по поверхности.

— Всегда так, «дерьмо» — и все, — вздохнул старший охранник. — Колонна, шагом марш! — Подумав, он добавил: — Их амуниция весит добрую тонну. Вот они и идут камнем на дно.

Если этот день кто-то мог назвать спокойным, Билл без содрогания не представлял себе, что может быть хуже. Так как всю поверхность планеты покрывала трясина, не могло быть и речи о каком-то продвижении вперед, пока не будут проложены дороги. Поодиночке солдаты еще могли пробираться вброд, но для снаряженных

потяжелее дороги были просто необходимы. Поэтому-то заключенные и прокладывали дорогу из поваленных деревьев. Прямо на линии фронта.

Вода вокруг кипела от взрывов атомных бомб, отравленные копья сыпались градом. Под непрерывным огнем заключенные валили деревья, обрубали сучья, увязывали бревна и укладывали их в жижу, тем самым продлевая дорогу еще на несколько дюймов. Билл рубил, тесал, обвязывал, стараясь не слышать криков боли и не видеть падающие безжизненные тела заключенных, пока не начало смеркаться. Сильно поредевшая колонна тронулась в обратный путь в сгущающихся сумерках.

— Сегодня мы проложили почти тридцать ярдов, — сказал Билл бредущему рядом старому каторжнику.

— А что проку? Все равно вениане ночью подплывут и растащат все бревна.

После этих слов Билл дал себе клятву, что удерет отсюда любой ценой.

Возвратившись в лагерь, он повалился на нары и лезвием ножа стал счищать с себя слой засохшей грязи. К нему подошел сержант Феркель.

— Горячительного, часом, не осталось? — спросил он.

Билл молниеносным движением срубил выбирающийся из-под нар ус лианы и задал встречный вопрос:

— Могу я попросить у тебя совета, сержант?

— Я неиссякаемый источник добрых советов при условии, что будет чем промочить горло.

Билл достал из кармана бутылочку.

— Как можно отсюда выбраться?

— Только в гробу, — схохмил сержант и поднес горлышко к губам. Билл вырвал бутылку из его рук.

— Это я и сам знаю, — фыркнул он.

— А большего тебе и знать не надо, — фыркнул в свою очередь сержант.

Они схватили друг друга за грудки и исторгли из глоток сдавленное рычание. Какое-то время они демонстрировали друг другу несгибаемую стойкость, но напряжение как-то само собой спало. Сержант прислонился к стене. Билл, вздохнув, протянул ему бутылочку.

— А как насчет работы в канцелярии?

— Никак. У нас нет канцелярии. Обходимся без писанины. Рано или поздно убьют всех до последнего, и кого заинтересует, когда это случилось?

— А если ранят?

— Есть лазарет. Вылечат — и обратно.

— Значит, единственный выход — мятеж?

— Мы бунтовали уже четыре раза. Нам просто перестают посылать корабли с продовольствием, не снабжают пищей. А здешнюю есть нельзя — не тот химический состав. На этой планете для нас все ядовито. Убедились на примере нескольких смельчаков. Приходится идти на попятный. Восстание может увенчаться успехом, если захватить достаточное количество кораблей, чтобы всем дать отсюда деру. Если у тебя есть какие-нибудь соображения на этот счет, свяжись с постоянным забастовочным комитетом.

— Значит, другим путем не выбраться?

— Но я же тебе шказал… — несвязно пробормотал Феркель и, мертвецки пьяный, повалился на нары.

— Проверим, — произнес Билл, вытаскивая из кобуры сержанта пистолет, и выскользнул из барака.

Передовые позиции заливал яркий свет бронированных прожекторов, поэтому Билл припал к земле и пополз в противоположную по направлению к ракетодрому сторону. Вскоре, притаившись за раскидистым кустарником, он разглядывал ряды ярко освещенных заграждений.

Выстрел из атомного ружья вырыл воронку в

ярде от Билла. Вспыхнул прожектор и поймал его лучом слепящего света.

— Вас приветствует дежурный офицер, — раздался голос из развешанных на столбах громкоговорителей. — Это обращение записано на пленку. Сейчас вы пытаетесь из фронтовой зоны проникнуть на территорию, где расквартировано командование. Это запрещается. Вас засекли автоматические датчики и навели на вас управляемые орудия. У вас всего шестьдесят секунд на то, чтобы принять решение и вернуться в свой барак. Будьте патриотом! Помните о своем долге! Смерть чинджерам! Пятьдесят пять секунд. Неужели вы хотите, чтобы ваша мать узнала, что сын ее оказался трусом? Пятьдесят секунд. Император вложил в ваше обучение огромные деньги — неужели вы отплатите ему черной неблагодарностью? Сорок пять секунд…

Билл выругался и выстрелил в ближайший громкоговоритель, но остальные продолжали работать. Билл пополз обратно.

Он крадучись пробирался к баракам, стараясь не попасться на глаза часовым, как вдруг все прожекторы погасли и разразился настоящий ад. Взрывы тысяч бомб сотрясали все вокруг.

4

Что-то прошмыгнуло рядом с Биллом, и его палец на спусковом крючке инстинктивно дернулся. Короткая вспышка атомного огня осветила дымящиеся останки одного убитого вениянина и огромное количество живых вениан. Билл мгновенно отскочил в сторону, сумев увернуться от ответного залпа, и помчался назад. Движимый лишь желанием спасти свою шкуру, он мчался без оглядки, только бы подальше от врага. То, что он направлялся в бескрайние болота, в этот момент не имело для него ни малейшего значения. «Выжить!» — одна мысль билась в его мозгу, и он бежал куда глаза глядят.

С каждой минутой бежать становилось труднее, так как грунт сменился грязью, а затем еще труднее, потому что грязь в свою очередь сменилась водой. Убежав на довольно приличное расстояние, Билл начал постепенно приходить в себя. Барахтаясь в воде, он нащупал относительно твердую почву и в изнеможении повалился на нее. Тут же ему в ягодицу впились чьи-то острые зубы. С безумным криком он снова сорвался с места и очень скоро налетел на плохо различи-

мое во тьме дерево. Прикосновение к шершавой коре пробудило в нем древние инстинкты, и он быстро вскарабкался наверх. Высоко на дереве обнаружились две крепкие ветви, образовавшие удобную развилку, и он с комфортом расположился на ней, опершись спиной о ствол и нацелив взведенный пистолет во тьму. Сейчас он чувствовал себя в относительной безопасности. Далекие отзвуки взрывов постепенно стихали. Через какое-то время он начал клевать носом и в конце концов заснул.

На рассвете, разлепив опухшие веки, Билл заморгал и осмотрелся вокруг. На ветке неподалеку от него сидела маленькая ящерица и внимательно разглядывала его своими глазками-бусинками.

— Ну и горазд же ты дрыхнуть! — сказал чинджер.

Билл выстрелил. Конец ветки обуглился. Чинджер выполз из-за ствола и отряхнулся от пепла.

— Ну-ну, полегче, Билл, — укоризненно произнесла ящерица. — Если бы я захотел, мог бы давно прикончить тебя, пока ты спал.

— Я… тебя знаю… — прохрипел Билл. — Ты Усер.

— Приятно встретиться со старым приятелем,

скажи, Билл?

По ветке ползла сороконожка. Чинджер Усер поймал ее и, держа тремя лапами, четвертой оборвал ей ножки, а потом с аппетитом начал хрумкать.

— Я узнал тебя, Билл, и мне захотелось поболтать. Ты уж извини, я тогда нагрубил, обозвав тебя доносчиком. Виноват, каюсь. Ты просто выполнял свой долг. Но как тебе удалось меня раскусить?

— Иди ты к черту, — буркнул Билл и достал из кармана пузырек с микстурой от кашля.

Чинджер Усер горько вздохнул:

— Конечно, я не имею права требовать, чтобы ты выдал военную тайну. Но может быть, ты ответишь мне на несколько вопросов? — Он бросил объеденную сороконожку, покопался в сумке на груди и достал оттуда миниатюрный блокнот и авторучку. — Понимаешь, я не профессиональный шпион. Просто меня мобилизовали ввиду моей специальности — я экзополог. Слыхал о такой науке?

— Кое-что. Была у нас как-то лекция одного экзополога, так он только и знал, что трепаться о каких-то инопланетных червяках и других тварях.

— Вот-вот, в общих чертах представляешь. Эта наука изучает иные формы жизни, а для нас иной формой жизни являетесь вы, гомо сапиенс…

Билл вскинул пистолет, и чинджер шмыгнул за ветку.

— Поаккуратней с выражениями, гад!

— Извини, привычка… Короче говоря, так как я специализировался на вашем виде, меня забросили к вам в качестве шпиона. Это, конечно, неприятно, но что делать, война требует жертв! Вот теперь увидел тебя и вспомнил, что я еще многого о вас не знаю. Ты бы не помог мне? В интересах науки, разумеется.

— Чем помочь? — поинтересовался Билл, выбрасывая далеко в болото опустевший пузырек.

— Ну… К примеру, такой вопрос: что ты чувствуешь по отношению к нам, чинджерам?

— Бей чинджеров! — заорал Билл.

Маленькое перо скрипело по бумаге.

— Этому тебя выучили. А до армии что ты чувствовал?

— А до армии я ни черта о вас не слыхал.

Краем глаза Билл заметил какое-то движение в кроне дерева.

— Отлично! В таком случае можешь ли ты сказать мне, кто ненавидит чинджеров и раздувает

эту войну?

— По-моему, никто. Просто под руку никто другой не подвернулся, вот мы и воюем с вами.

Движение в кроне усиливалось. Листья раздвинулись, и показалась большая скользкая голова с щелевидными глазами.

— Так я и знал! А вот самый главный вопрос: почему вы, гомо сапиенс, должны непременно с кем-то воевать?

Билл покрепче сжал рукоятку пистолета, потому что голова чудовища на длинной шее в фут толщиной бесшумно опустилась и закачалась позади чинджера.

— Почему? Откуда я знаю? — задумался Билл, несколько отвлеченный появлением гигантской змеи. — Наверное, нам просто нравится воевать. Другой причины вроде нет.

— Нравится?! — запищал чинджер и запрыгал от возбуждения. — Ни одной цивилизованной расе не нравятся смерть, убийства, насилие, увечья, муки, боль! И это далеко не все, что несет война. Вывод один — вы нецивилизованны!

Змея сделала молниеносный выпад, и чинджер Усер исчез в ее пасти, успев только слабо пискнуть от изумления и ужаса.

— Да, наверное, мы действительно нециви-

лизованны, — проворчал Билл, держа пистолет наготове. Но змея, не обращая на него внимания, направилась вниз. Проползло длиннющее, ярдов пятидесяти, тело, мелькнул тонкий хвост, и чудовище исчезло.

— Собаке собачья смерть! — с удовлетворением подытожил Билл и стал спускаться.

Только внизу он осознал, в какое неприятное положение его снова занесло. Болото поглотило все следы его ночных путешествий, яркое солнце развеяло туман и тучи, и теперь оставалось только гадать, в какой стороне находится линия фронта. Люди занимали территорию всего в сто квадратных миль — булавочный укол по сравнению с остальной поверхностью планеты. Тем не менее эту территорию необходимо найти, в противном случае можно смело приступить к поискам местечка для могилки. Так или иначе пришла пора действовать, поэтому Билл выбрал самое, на его взгляд, верное направление и отправился в путь.

— Я кретин, — заявил он через некоторое время, и это была чистая правда. Несколько часов блужданий по болотам полностью лишили его сил. Он был искусан насекомыми, не менее полулитра крови отдал пиявкам и практически

опустошил магазин своего пистолета, потому что представителям местной фауны то и дело приходило в голову им позавтракать. Его терзали голод, жажда и полное неведение.

Вторая половина дня мало отличалась от первой. К вечеру Билл находился на грани истощения. Ко всему прочему кончилась микстура от кашля. Он был невыносимо голоден, когда в поисках ночлега вскарабкался на дерево и наткнулся на красный плод весьма аппетитного вида.

— Отрава, наверное, — проворчал он, принюхиваясь. Пахло замечательно. Билл отшвырнул плод подальше.

К утру он проголодался еще сильней.

— Я, пожалуй, выстрелю в рот и снесу себе башку, — размышлял он вслух, взвешивая на руке атомный пистолет. — Впрочем, успеется. Всякое может случиться…

Когда из тумана послышались человеческие голоса, Билл не сразу поверил в это. Он взвел пистолет и спрятался за толстым деревом. Голоса приближались. Они слышались все громче, к тому же стало доноситься какое-то позвякивание. Под деревом прошел вооруженный венианин. Билл пропустил его, потому что в тумане показались еще силуэты. Брели пленные, скованные

тяжелой, пропущенной через железные ошейники цепью. Каждый нес на голове увесистый ящик. Билл пропустил колонну и внимательно пересчитал вениан-охранников. Пятеро, шестой замыкающий. Билл дождался, когда он окажется под деревом, и спрыгнул прямо ему на голову, размозжив вениянину череп тяжелыми башмаками. Вооружен вениянин был стандартным атомным ружьем чинджеровского производства, и Билл зловеще ухмыльнулся, ощутив привычную тяжесть. Сунув свой пистолет за пояс, он отправился следом за колонной с ружьем наготове.

Еще одного конвоира он уложил, подкравшись сзади и ударив прикладом по шее. Двое замыкающих пленных увидели, что происходит, но у них хватило ума сохранять спокойствие, что позволило Биллу подкрасться к следующему конвоиру. Однако то ли какое-то движение, то ли что-то другое заставило охранника насторожиться, и он обернулся, поднимая свое ружье. Действовать бесшумно уже не представлялось возможности, поэтому Билл без колебаний прострелил ему череп и помчался в голову колонны.

Грохот выстрела эхом отозвался в тумане, и Билл, нарушая воцарившуюся тишину, громко закричал:

— Ложись, быстро!

Пленные бросились в грязь, а Билл, не отпуская гашетку, принялся палить беспрерывной очередью от бедра вперед и в стороны. Струя атомного огня блеснула в ярде над землей. В тумане раздавались пронзительные крики и вопли. Когда магазин ружья опустел, Билл выхватил пистолет. Двое конвоиров были мертвы, один ранен. Раненый еще успел выстрелить, к счастью мимо, прежде чем Билл прикончил его из пистолета.

— Ну что ж, неплохо. Шесть из шести возможных! — пропыхтел он.

Из колонны донеслись громкие жалобные стоны. Билл подошел и, скривившись, посмотрел на трех несчастных, не подчинившихся его команде.

— В чем дело? — ткнул он ботинком одного из них. — Вы что, никогда в бою не были?

Солдат не отзывался, так как был обуглен и мертв.

— Никогда… — сквозь стиснутые зубы простонал второй раненый. — Позовите санитара, он где-то в голове колонны. Ох, зачем я ушел из «Фанни Хилл»?.. Санитара!

Билл заметил в петлицах раненого три золотых шарика, обозначающих звание четвертого лей-

тенанта, и внимательно вгляделся в покрытое грязью лицо.

— А… интендантик! — злобно зарычал он и поднял пистолет, собираясь завершить успешно начатую работу.

— Это не я! — взвизгнул лейтенант, узнав наконец Билла. — Офицера-интенданта солдаты утопили в сортире. Это я, твой друг, пастор, я принес тебе благословение… Сын мой, перечитывал ли ты на сон грядущий святую книгу Авесты?

Билл презрительно сплюнул, но пристрелить священника у него не поднялась рука, и он подошел к третьему раненому.

— Привет, Билл, — донесся слабый голос. — Старый я стал, реакция уже не та… Я не держу зла на тебя… Сам сплоховал…

— Ты прав, как никогда, — кивнул Билл, глядя вниз на ненавистную клыкастую физиономию. — Тебе конец, Сдохни.

— Знаю… — выдохнул бывший инструктор и закашлялся. Его глаза медленно закрылись.

— Ну-ка, становись в круг! — закричал Билл. — Давай медика сюда!

Скованные одной цепью пленные окружили лежащие в грязи тела, позволяя санитару осмотреть раненых.

— Лейтенанту достаточно перевязать руку, — сказал он, произведя осмотр. — Обыкновенный ожог. Но этому, клыкастому, каюк.

— Он хоть немного протянет?

— Немного — возможно, но как долго — не знаю…

— Сделай все, что сможешь! — Билл оглядел стоящих кружком пленных. — Ошейники никак не снять?

— Без ключа не получится, — отозвался коренастый сержант-пехотинец. — Конвойные ключей не носят. Придется побыть в ошейниках. С какой стати ты рисковал, выручая нас? — подозрительно спросил сержант.

— Выручать вас? — Билл состроил презрительную гримасу. — Просто я проголодался и решил, что в вашей поклаже найдется какая-нибудь жратва.

— Это точно, — успокоился сержант. — Теперь все ясно, ради этого стоило рискнуть.

Билл откупорил банку консервов и набил содержимым полный рот.

5

Мертвого солдата освободили от цепи, отрубив ему голову. Так же хотели поступить с умирающим Сгинь Сдохни двое его соседей, но Билл урезонил их, объяснив, что самое лучшее в человеке — это сострадание и любовь к ближнему. Они горячо согласились с этим, особенно когда он пригрозил отстрелить им ноги.

Пока пленные подкреплялись, Билл вырубил две крепкие жерди и смастерил из них и трех солдатских курток удобные носилки. Одно трофейное ружье он оставил себе, остальные раздал сержанту и ветеранам, выглядевшим повоинственнее.

— Дорогу обратно найдем? — спросил Билл сержанта. Тот тщательно протирал ружье тряпкой.

— Возможно. Должны остаться следы — все-таки немало народу протопало. Только берегись вениан. Увидел — стреляй, иначе ног не унесешь. Как услышим канонаду, поищем местечко потише и попытаемся прорваться. Хотя шансов у нас мало.

— Все же побольше, чем час назад!

— Это точно. Но если не поторапливаться, будет

меньше.

— Верно. Пошли!

Идти оказалось легче, чем предполагал Билл, и еще засветло стали слышны глухие раскаты орудийных залпов. За всю дорогу им попался всего лишь один вениан, и тот был подстрелен раньше, чем успел поднять тревогу. Билл остановил колонну.

— Съесть, сколько возможно, остальное выбросить! Передай по цепочке! Дальше идем налегке!

Он подошел к Сгинь Сдохни.

— Худо мне, — прошептал белый, как бумага, сержант. — Подыхаю… Эх, помордовал я солдат на своем веку… все прошло… Прощай, Билл… ты настоящий друг… так заботился обо мне…

— Я рад, что ты так думаешь, Сдохни. Окажи мне небольшую любезность напоследок. — Билл нашарил в кармане умирающего блокнот и нацарапал что-то на чистом листке. — Подпиши, а? На память о нашей крепкой дружбе.

Рука Сгинь Сдохни безвольно упала, налитые кровью глаза остановились, глядя в небо…

— Подох, сукин сын, не вовремя, — недовольно проворчал Билл. Затем подумал, намазал большой палец покойника чернилами и приложил его к листку. Потом позвал санитара.

— Эй, посмотри, что с ним?

— Мертв, — вынес профессиональное заключение медик.

— Перед смертью он завещал мне свои клыки, видишь, вот написано. Это специально выращенные клыки, и стоят они кучу денег. Можно будет их трансплантировать?

— Конечно, если их вырезать и хранить не более двенадцати часов на холоде.

— Ну это не проблема, возьмем тело с собой. — Билл грозно взглянул на носильщиков и похлопал по прикладу атомного ружья. Возражений не было. — Давайте-ка сюда лейтенанта!

— Ваше преподобие, — Билл подсунул листок офицеру, — мне нужна здесь ваша подпись. Перед смертью сержант продиктовал свою последнюю волю, однако слишком ослабел, чтобы подписаться. Он смог только поставить отпечаток большого пальца. Засвидетельствуйте здесь, что видели это собственными глазами.

— Но… я не могу, сын мой. Я не видел аааргхх…

Офицер произнес «аааргхх», потому что Билл воткнул ему в рот дуло пистолета, палец его задрожал на курке.

— Стреляй! — сказал сержант-пехотинец, а трое наблюдавших эту сцену ветеранов дружно захло-

пали в ладоши. Билл медленно отвел пистолет.

— С удовольствием помогу! — тут же заверил капеллан, хватаясь за ручку.

Билл прочитал документ, с удовлетворением крякнул и направился к санитару.

— Ты из госпиталя?

— А то откуда? И если я когда-нибудь вернусь обратно, меня не выманишь ни за какие коврижки! Чертовское невезение — осматривал пострадавших на поле боя, когда противник нанес удар.

— Говорят, раненых в тыл не эвакуируют, а подлатают их кое-как — и снова на передовую?

— Верно говорят. Из этого пекла так легко не выбраться.

— Но должны же быть тяжелые ранения! — не унимался Билл.

— Чудеса современной медицины, — невнятно прочавкал санитар, набив полный рот обезвоженной мясной закуской. — Либо ты сдохнешь, либо через две недели опять в строю.

— Но вдруг солдату руку оторвет?

— Да у них полный холодильник запасных рук! В два счета пришьют новую — и пинком под зад!

— А как насчет ноги? — не на шутку забеспокоился Билл.

— Ох, верно! Ног не хватает. Этих обезноженных столько набралось, что в госпитале повернуться негде. Я слышал, их собираются вывезти.

— У тебя есть болеутоляющие таблетки? — спросил Билл, внезапно меняя тему.

Санитар вытащил белую бутылочку.

— Трех штук достаточно, и ты смехом изойдешь, когда тебе голову будут отпиливать.

— Давай сюда!

— Если увидишь случайно парня с простреленной ногой, поскорее наложи жгут выше колена да потуже затяни.

— Спасибо, приятель.

— Мне не жалко.

— Пошли, пошли! — поторопил сержант-пехотинец. — Чем быстрее топать, тем больше шансов на успех.

Сквозь густую листву прорывались вспышки стреляющих атомных винтовок, почва под ногами дрожала от грохота тяжелой артиллерии. Солдаты пробирались вдоль линии боя, пока огонь не стих. Билл, единственный, кто не был прикован к остальным цепью, пополз вперед на разведку и вскоре обнаружил слабое место в полосе неприятеля. Перед тем как вернуться, он достал из кармана моток веревки, предусмотри-

тельно снятой с ящика с обезвоженным мясом, перетянул правую ногу выше колена и, подобрав с земли ветку, сделал турникет. Затем проглотил три таблетки и, стараясь держаться за кустами, прокричал своим:

— Сейчас прямо вперед, а перед той рощицей — направо! Ну… ПОШЛИ!!!

Когда солдаты оставили позади первую линию траншей, Билл воскликнул: «Что это?» — и нырнул в густой кустарник. «Чинджеры!» — заорал он оттуда, грохнулся наземь и, привалившись спиной к могучему стволу, аккуратно отстрелил себе из пистолета правую ногу.

— Пошевеливайтесь! — крикнул он и с удовлетворением услышал топот испуганных людей. Затем отбросил пистолет подальше, несколько раз пальнул по деревьям из атомного ружья и с трудом поднялся. Идти было недалеко, а ружье оказалось хорошим костылем. Двое солдат — явно зеленых новичков, иначе сидели бы они себе тихо! — выскочили из укрытия и кинулись ему на помощь.

— Спасибо, парни, — очутившись в безопасности, прохрипел Билл и тяжело повалился на землю. — Война — это сущий ад.

Эпилог

Бравурные звуки марша раскатывались среди холмов, дробились в каменистых грядах и затухали в густых тенистых деревьях. Из-за поворота, взметая чеканным шагом облака пыли, показалась процессия — настоящий маленький парад, — ведомая великолепным роботом-оркестром. Солнце сверкало на его золотистом корпусе и множестве звучащих музыкальных инструментов. За ним следовала колонна лязгающих и тарахтящих роботов, и замыкала ряды мужественная одинокая фигура увешанного медалями седовласого сержанта. Хотя дорога была ровной, сержант внезапно споткнулся и смачно выругался, демонстрируя недюжинный опыт.

— Стой! — приказал он, прислонился к каменной стене, что тянулась вдоль дороги, и закатил правую штанину. По его свистку к нему немедленно подскочил робот с инструментальным ящиком. Сержант подтянул пассатижами какую-то гайку на искусственной ноге, капнул из масленки в коленный сустав и вновь опустил штанину. Выпрямившись, он увидел в поле за изгородью робомула с плугом и ведущего его

крепкого деревенского паренька.

— Пива! — коротко бросил сержант, а потом добавил: — А ну, «Жалобу космонавта»!

Робот-оркестр с чувством выводил трогательную мелодию старой песни, и, когда борозда достигла края поля, на стене стояли две чуть уже запотевшие кружки.

— Славная музыка! — восхитился паренек.

— Выпей со мной, — предложил сержант, сыпанув в кружку порошка из спрятанного в руке пакетика.

— Да, пожалуй, беды не будет — жара чер… я хотел сказать, сегодня ужасно жарко.

— Скажи «черт», сынок, не бойся. Мне доводилось слышать кое-что и похлеще.

— Ма у меня страсть не любит, когда я бранюсь… Ух и длиннющие же у вас зубы, мистер!

Сержант смачно щелкнул по клыку.

— Такому большому парню не грех и выругаться разок-другой. Если бы ты служил в армии, то мог бы говорить и «черт», и похлеще, сколько твоей душе угодно.

— Не думаю, чтобы мне это было по душе. — На загорелых щеках паренька зарделись два пятна. — Спасибо за пиво. Пойду я, пахать пора. Ма строго-настрого запретила якшаться с сол-

датами.

— И она права! Большинство из них — грубые, грязные и пьяные. Эй, а хочешь посмотреть фильм про новую модель робомула, который может тысячу часов работать без смазки?

Сержант протянул руку назад, и робот вложил в нее проектор.

— Гм, интересно! — Паренек поднес проектор к глазам и вдруг густо покраснел. — Это не мул, мистер, это девушка, и ее одежда…

Сержант молниеносным движением нажал кнопку наверху проектора. Что-то щелкнуло, и юный фермер застыл столбом. Даже выражение его лица не изменилось, когда вербовщик вытащил аппарат из парализованных пальцев.

— Бери перо, — велел сержант. — Распишись здесь, внизу, где сказано: «Подпись новобранца».

Перо заскрипело по бумаге, и в это время тишину разорвал пронзительный голос.

— Мой Чарли! Что вы делаете с моим Чарли?! — истошно вопила растрепанная седовласая старуха, выбежавшая из-за холма.

— Ваш сын стал солдатом во славу императора! — провозгласил сержант и подозвал робота-портного.

— Нет! Пожалуйста, умоляю вас! — взвыла ста-

руха, схватив руку сержанта и обильно орошая ее слезами. — Я уже потеряла одного сына, разве этого не достаточно… — Она замерла пораженно, всматриваясь сквозь слезы в лицо вербовщика. — Но… ты же мой мальчик! Мой Билл! Мой Билли вернулся домой! Все эти шрамы, и клыки, и черная рука, и искусственная нога… Но я знаю! Мать всегда знает!..

Сержант нахмурился, глядя вниз на старуху.

— Гм, вполне возможно. То-то я думаю, Фигери-надон-два — знакомое название.

Робот-портной закончил работу: неотразимо сверкал ярко-красный бумажный мундир, сияли защитной пленкой толщиной в одну молекулу новехонькие сапоги из эрзац-кожи.

— Строиться! — гаркнул Билл, и новобранец перелез через стену и мужественно застыл посреди пыльной дороги.

— Билли, Билли… — запричитала женщина. — Это же твой младший брат Чарли! Неужели ты заберешь своего младшего братика в армию?!

Билл подумал о матери, затем подумал о своем младшем братике Чарли, затем подумал о том, что за новобранца скостят месяц со срока службы, и ответ был готов.

— Заберу, — сказал он.

Загремела музыка, замаршировали солдаты, зарыдала мать — как испокон веку рыдают матери, — и бравый маленький отряд ушел по дороге в сторону заходящего солнца.

Космический врач

Глава 1

Путешествие с Лунной станции на Марс — сплошное удовольствие. Поднявшись на борт межпланетного космического корабля «Иоганн Кеплер», пассажиры проводят девяносто два дня в беззаботном времяпровождении, общаясь, отдыхая, наслаждаясь деликатесами.

На тринадцатый день пути очередного полета все сто сорок семь пассажиров развлекались, когда в бок корабля врезался метеорит. Его не остановили автоматические лазеры, наружная армированная обшивка лишь немного смягчила удар. Метеорит пронзил восемнадцать отсеков и похоронил себя глубоко в грузовом трюме, в самом центре похожего на барабан корабля.

Разрушая все на своем пути, он прошел через главную рубку, убив капитана Кардида и двенадцать офицеров. Внезапного всплеска боли не выдержало шестнадцать пассажиров. Получила повреждение главная цистерна с водой.

Это было ужасно.

В момент удара лейтенант Дональд Чейз валялся на койке в медицинском отсеке и смотрел в толстую книгу под названием «Патология

костной ткани в условиях низкой гравитации». Металлический каркас койки внезапно завибрировал, передавая колебания книге, но Дон еще несколько мгновений не обращал на тряску внимания.

Потом он сообразил: происходит что-то неладное. Вибрация! При движении корабля в вакууме не должно быть тряски или неожиданных толчков. Он отбросил книгу и вскочил на ноги, в тот же момент раздался сигнал тревоги.

Трубный рев ударил по ушам, замигал красный аварийный свет. Загрохотал механический голос, сменив вой сирены:

«АВАРИЯ! ПРОБИТА ОБШИВКА. КОРАБЛЬ РАЗГЕРМЕТИЗИРОВАН. ОТСЕКИ РАЗДЕЛЕНЫ АВТОМАТИЧЕСКИМИ ДВЕРЯМИ. СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА ВЫЖИВАНИЯ В КОСМОСЕ».

В тот момент, когда снова завыла сирена, в другом углу комнаты распахнулся аварийный шкаф, приведенный в действие тем же сигналом, что и сирена.

— Снять и надеть, — крикнул Дон, вспоминая заученные когда-то пункты инструкции. В настоящий момент это было самым важным.

Он никогда не думал, что наступит день, когда понадобится их соблюдать.

Расстегнув молнию на груди, он стащил, прыгая на одной ноге, корабельную форму, одновременно скинул легкие сандалии и бросился к шкафу.

Оттуда он извлек аварийный скафандр — цельнокроеный костюм, подогнанный по его фигуре, со свисающим шлемом.

«Голова, правая нога, левая нога. Правая рука, левая рука, закрыть», — бормотал он про себя, повторяя слова инструкции.

Ухватившись руками за вспомогательный поручень, Дон наклонился вперед и сунул голову в шлем. Одновременно пихнул правую ногу в скафандр. Автоматический клапан подал в штанину сжатый воздух, и она раздулась, словно баллон. Попав внутрь, нога носком коснулась контакта, и подача воздуха прекратилась. Оболочка скафандра плотно облегла ногу.

Таким же образом внутрь скафандра попала и другая нога и обе руки. Как только его пальцы оказались в перчатках, Дон протянул руку и нажал красную кнопку с белой надписью «Герметизация».

Герметизирующее устройство находилось в нижней части скафандра. Словно большое насекомое, оно начало двигаться вверх, стягивая и скрепляя раскрытые края оболочки. Когда оно

достигло шлема, тот присосался к воротнику, и человек свободно вздохнул. Его скафандр был герметичен.

Весь процесс переодевания от начала до конца занял не более двенадцати секунд.

Шлем Дона походил на круглый аквариум с отверстием напротив носа и рта. Открытая металлическая крышка готова была мгновенно захлопнуться, стоило только давлению воздуха снизиться до пяти фунтов на квадратный дюйм. Скафандр обладал ограниченным запасом кислорода, и его следовало беречь для реальной нужды.

Схватив аварийный медицинский комплект, Дон подбежал к печатающему устройству, представляющему собой обычную электрическую пишущую машинку, подключенную непосредственно к корабельному компьютеру. Дон быстро набрал свой кодовый номер, который идентифицировал его как корабельного офицера медицинской службы и позволял компьютеру определить право доступа к информации.

После этого он набрал: «ЧТО ЗА АВАРИЯ?»

После секундной паузы, в течение которой компьютер анализировал вопрос, разыскивал нужную информацию и проверял право доступа,

ожила пишущая машинка, печатающая головка запорхала по бумаге:

«ПРОБОИНА ВО ВНЕШНЕЙ ПЕРЕБОРКЕ ОТСЕКА 107–JN.

В ЭТОМ ОТСЕКЕ И 17 ДРУГИХ ВАКУУМ. РАЗГЕРМЕТИЗИРОВАННЫЕ
ОТСЕКИ ИЗОЛИРОВАНЫ ОТ ОСТАЛЬНОЙ ЧАСТИ КОРАБЛЯ. РАЗГЕРМЕТИЗИРОВАЛИСЬ СЛЕДУЮЩИЕ ОТСЕКИ: 107–JN.

32B

32B1…»

Дон шагнул к схеме корабля и почувствовал, как сжалось сердце в груди: 107–JN был рубкой управления, мозгом корабля.

Вероятно, в каждом из перечисленных отсеков находились мертвые люди. А может быть, кто-то из раненых, которых можно еще спасти, если действовать достаточно быстро. Но только один отсек имел значение. Рубка управления и люди, там работавшие. Без них этот огромный корабль становился вращающейся глыбой металла. Он будет кувыркаться в пространстве, минует орбиту Марса и канет в бесконечной тьме.

Впереди показалась лестница, ведущая с палубы B на палубу A, где размещалась рубка управления.

— Что случилось? Почему тревога? — испуганно спросил человек в пурпурном скафандре, выскочив из каюты и преградив дорогу Дону.

— Авария. Оставайтесь в своей каюте, как вас проинструктировали.

Оттолкнув человека в сторону, он свернул на лестницу и уткнулся в закрытую дверь. Это была автоматическая воздухонепроницаемая дверь, которая закрывалась, если отсекам грозила утечка воздуха. Двери отделили отсеки друг от друга, чтобы предотвратить распространение опасности.

На пульте около двери горел зеленый огонек — значит в отсеке за дверью был воздух. Дон шарил в кармане в поисках контрольного ключа, когда за его спиной раздались быстрые шаги.

— Давайте я открою, док, — крикнул человек.

Дон отступил в сторону.

Это был парень из экипажа, помощник электрика Голд, тоже облаченный в скафандр с открытым забралом. Все члены экипажа — выжившие члены экипажа — должны быть сейчас в скафандрах. Голд сунул свой ключ в прорезь, и дверь скользнула в сторону. Она плотно закрылась, как только они перешли на другую сторону. Они начали спускаться по ступенькам, пока вдвоем.

Дверь внизу оказалась запертой, и рядом горел красный свет.

— У них вытек весь воздух, — сказал Голд внезапно севшим голосом.

— Нам нужно войти туда.

— Лучше воспользуемся вашим ключом, док. Мой не годится для эвакуируемых помещений.

Воздух — дыхание жизни, и его следовало беречь в кораблях, двигающихся между планетами в безвоздушном пространстве. Лишь немногие офицеры имели ключ, способный открыть дверь, за которой был вакуум. Дон вставил свой ключ и повернул.

Они услышали, как заработали электродвигатели, борясь с давлением воздуха. Потом дверь начала медленно скользить в сторону. Когда появилась тонкая как волос щель, раздался ужасающий свист. Звук нарастал по мере того, как увеличивалась трещина. Их барабанные перепонки едва не лопнули, пока из лестничной клетки не вышел весь воздух.

Внезапно раздался двойной щелчок — это захлопнулись крышки на их шлемах в разреженной атмосфере. Дверь распахнулась.

Они оказались в секции коридора как раз перед рубкой управления. Герметичные двери с обеих

сторон были закрыты, образуя изолированный отсек. Перед собой они увидели приоткрытую дверь рубки управления.

Ей мешало закрыться тело капитана Кардида.

Глаза капитана смотрели прямо на них — голубые, пустые и замерзшие. На лице застыло выражение гнева, словно он злился, что они не успели вовремя. Дон отвел взгляд от этих обвиняющих глаз и вставил ключ в прорезь пульта. Дверь скользнула в сторону. Они шагнули внутрь, их подошвы беззвучно в вакууме ступили на металлический пол.

События трагедии можно было восстановить с ужасающей ясностью по груде тел у дверей. Люди, лежавшие сейчас около входа, пытались им воспользоваться в момент аварии. Однако, даже спасая свои жизни, офицеры и члены экипажа заботились о том, чтобы первым вышел капитан. Он был самым необходимым человеком на борту. Двое все еще стискивали пальцами край двери, пытаясь остановить ее движение. Первый помощник сжимал в руке ключ, не успев вставить его в контрольную прорезь.

Они все не успели.

Они все были мертвы.

Все до единого в этой комнате. Обезображен-

ные агонией тела были скованы абсолютным холодом.

Дон подошел и осмотрел останки станции связи. Большой приемник был разрушен и перевернут. Брызги расплавленного металла веером разлетелись по всему полу. Когда он нагнулся, то увидел дыру размером с кулак, уходящую через изоляцию, камеру с водой и дальше через обшивку. На другом конце пробоины в темноте сверкали звезды. Обернувшись, он нашел отверстие, проделанное метеоритом в противоположной переборке. Здесь, среди мертвых, он сделать уже ничего не мог. Следовало позаботиться о живых. Повернувшись к выходу, он заметил, что помощник электрика Голд машет ему рукой. Они сблизились и соприкоснулись шлемами.

— Вы сможете заделать эту дыру? — спросил Дон. Его голос передавался от шлема к шлему с помощью вибрации.

— Конечно, это достаточно просто, док. У нас есть временные заплаты, которыми можно закрыть пробоины до тех пор, пока мы не сможем выйти наружу и произвести ремонт. Но меня сейчас волнует другое.

— Что вы имеете в виду?

— Посмотрите на тела. Их слишком много. Не

должно было находиться столько людей в рубке управления в это время. И взгляните на эти золотые погоны.

В спешке, охваченные каким-то страхом, они переворачивали мертвых людей и заглядывали им в лица. Когда они снова соприкоснулись шлемами, Дон сказал то, что было на уме у обоих:

— По-видимому, капитан проводил собрание офицеров. Они здесь все — все до единого.

Голд согласно кивнул, его шлем стукнул по шлему Дона.

— Все палубные офицеры, — сказал он. — И еще второй инженер. Остается надеяться, док, что мы разыщем главного инженера Хольтца и что с ним все в порядке.

— Вы хотите сказать…

— Именно, док. Если главный инженер мертв или хотя бы ранен, то вы — единственный оставшийся в строю офицер.

Глава 2

Врачу в рубке управления делать было нечего. Как только они расчистили дверной проем от обломков разрушенного пульта управления, Дон отправился назад, в наполненную воздухом секцию корабля. К двери на лестнице уже был приделан временный воздушный шлюз, и Дон прошел через него. Как только давление вдавило клапан на его груди, металлическая крышка на шлеме откинулась, и он снова вдохнул корабельный воздух. Он направился к ближайшему видеофону, нашел по справочнику и набрал номер аварийной рубки. Линия оказалась занята, но зеленый цвет индикатора показывал, что вызов принят и Дона соединят при первой же возможности.

Дон переминался с ноги на ногу. Путешествие оказалось совсем не таким, на какое он рассчитывал. В современной космической службе было очень мало романтики или приключений. Множество молодых докторов, только что окончивших медицинский колледж, как и он, служили на космических лайнерах, чтобы определиться насчет своего будущего. Для них имелось много

вакансий на орбитальных станциях и планетных базах. Служба на корабле давала прекрасную возможность присмотреться к ним, прежде чем принять решение. Кроме того, это было приятным разнообразием после нескольких лет обучения в медицинском колледже. Приятным! Дон усмехнулся своему отражению на поверхности экрана — и тут прозвучал сигнал вызова.

— Это доктор Чейз, — сказал он измученному человеку, чье лицо появилось в центре маленького экрана.

— Есть работа для вас, док. Пассажир в тяжелом состоянии возле отсека тридцать два-Би. Пока вы будете им заниматься, я соберу информацию о других нуждающихся.

— Хорошо. Иду.

Он побежал. При несчастных случаях минуты, даже секунды могут отделять жизнь от смерти.

Седовласый человек лежал в коридоре напротив отсека 32-В, над ним склонилась девушка. Она была в желтом спортивном костюме с одним рукавом. Когда она отодвинулась, Дон понял, что она оторвала рукав, чтобы перевязать человеку голову. На повязке расплывались пятна крови.

— Я его не двигала, доктор, только попыталась остановить кровотечение. И все.

— Вы сделали правильно, — сказал Дон, опускаясь на колени и открывая сумку.

Первым делом он надел на безжизненную руку человека медицинский анализатор. Ремешок сжался, и прибор попал на нужный участок тела. Шкалы ожили, и Дон увидел, что у пациента низкое давление, слабый пульс, нормальная температура, а кожа холодная и липкая. Шок. Как он и предполагал. Прежде чем осмотреть рану, Дон вынул пневматический пистолет для подкожных инъекций, выстрелом которого ввел человеку антишоковый препарат. Сняв самодельную повязку, он увидел, что рана менее серьезная, чем вообразила девушка. Рана была поверхностной — всего лишь неровный разрез кожи. Но она дала такое обильное кровотечение, что для неспециалиста положение казалось удручающим. Дон облил рану кожным коагулянтом, который, засохнув, остановит кровотечение до тех пор, пока он не сможет заняться пациентом в операционной.

— Теперь все в порядке, — сказал Дон. — Вы были с ним, когда это случилось? Вы сами целы?

— Да, я в порядке. Я просто спускалась по коридору и обнаружила его в таком виде. Он лежал в луже крови. Я наложила повязку и вызвала помощь, а потом заметила в стене вот эту штуку.

Не представляю, как она сюда попала.

Она указала на зазубренный кусок металла, торчащий из стены напротив отсека 32-В. Рядом с запертой дверью горел красный огонек.

— Ему просто не повезло, — сказал Дон. — В отсеке произошел взрыв, когда он проходил мимо, и этот кусок металла вылетел через дверь и ударил его в голову. — Он не стал добавлять, что кусок металла вырвал пролетевший метеорит и что отсек сейчас разгерметизирован. Видимо, металл вылетел в дверной проем прежде, чем сработала автоматика.

Из динамиков в коридоре зазвучал тональный сигнал и полетел по всем отсекам огромного корабля. Такое обычно предшествовало общему объявлению. Последовала пауза, кто-то откашлялся и начал говорить:

— Прошу внимания. Говорит главный инженер Хольтц. Меня попросили проинформировать всех находящихся на борту пассажиров и членов команды, что наш лайнер потерпел аварию. Мы столкнулись с метеоритом.

Девушка задохнулась от ужаса и спрятала лицо в ладони.

— Все в порядке, — быстро произнес Дон. — Это не опасно. Пробито несколько отсеков, но они

уже изолированы.

Про себя он подумал, что Хольтц, может быть, и хороший инженер, но совершенно не знает людей, раз делает такие пугающие заявления. Голос из динамика продолжал:

— Из аварийной рубки поступила информация, что пробитые отсеки изолированы и в них начался ремонт. Пассажиры должны оставаться в своих каютах или там, где находятся сейчас, и ни в коем случае не передвигаться по кораблю. Члены экипажа делают свое дело, вы будете им мешать. Это все.

К ним приблизился человек в скафандре со складными носилками.

— Меня послали из аварийной рубки, док, — сказал он. — И передали сообщение для вас.

Он достал из кармана сложенную узкую полоску бумаги и вручил Дону. Это был распечатанный компьютером список мест, где находились раненые, сведения о которых поступили к этому моменту. Дон взглянул на лежащего.

— Этого человека следует доставить в лазарет, — сказал он. — Но один вы не справитесь с носилками…

— Я могу помочь, — сказала девушка.

Дон тут же согласился. Девушка была молода

и сильна и вполне могла справиться с этой работой.

— Хорошо, — сказал он. — Если можете, останьтесь с пациентом в лазарете.

— Как насчет меня, док? — спросил парень в скафандре.

— Принесите носилки назад. Я буду около отсека восемьдесят девять-Эйч-Эй. Постарайтесь на обратном пути найти себе кого-нибудь в помощь.

Человек в отсеке 89-НА был мертв. Как и двое следующих в списке — пассажиры, супружеская пара. Холод космоса — убийца, не знающий пощады. Но были и уцелевшие в отсеках, которые разрушились в последнюю очередь, — воздух уходил из них достаточно медленно, и люди успели спастись. Дон выводил их из шокового состояния и обрабатывал лопнувшие сосуды и незначительные ранения. Таких было не много по сравнению с количеством погибших.

Дон бинтовал обмороженные руки, когда из громкоговорителя раздалось объявление:

— Лейтенанту Чейзу явиться с докладом в рубку управления. Собрание офицеров.

«Очень маленькое собрание», — грустно подумал Дон.

Он окинул взглядом немногочисленных пациентов лазарета. Они уже успокоились. Некоторые спали. Молодой парень, который помогал Дону, убирал носилки на место.

Дон окликнул его:

— Рама, присмотришь за ними, пока я схожу в рубку?

— Без проблем, доктор. Я вас вызову, если кто-нибудь из них забеспокоится.

Рама Кузум служил помощником механика, но мечтал стать врачом. Он откладывал часть своего заработка, чтобы поступить в медицинский колледж у себя на родине в Индии. В свободные часы он помогал Дону, стараясь запомнить как можно больше всего.

Некоторое время назад из аварийной рубки сообщили, что пробоины заделаны и скафандры можно снять. Но у Дона не было времени переодеться. Теперь он с удовольствием вылез из душного скафандра и быстро ополоснулся, прежде чем надеть чистую корабельную форму.

Он повторил свой недавний путь в рубку управления, но сейчас все двери были открыты. Шагнув на ступени, ведущие на палубу А, он обнаружил, что поручни холодны на ощупь, а металлические стены покрыты капельками сконденсировавшей-

ся влаги. Однако они должны были достаточно быстро согреться, а влага — испариться.

Тела из рубки унесли. Метеоритная пробоина в полу была заварена тяжелой металлической плитой. Кто-то, видимо, пытался восстановить радиостанцию — ее части были разложены вокруг на полу. Сначала Дон решил, что в рубке никого нет, но потом услышал покашливание и увидел человека в кресле пилота. Это был главный инженер Хольтц.

— Входите и закрывайте дверь, — сказал тот, обернувшись и заметив Дона. — И садитесь, лейтенант, у нас есть о чем поговорить. — Хольтц указал на ворох бумаг, зажатый в руке. Выглядел он удрученным.

Дон опустился в кресло, ожидая начала разговора. Это было долгое ожидание. Ссутулившись, Хольтц медленно перелистывал бумаги, словно искал ответы на мучившие его вопросы. Он был уже немолодым человеком, а теперь казался еще старше из-за ужасных событий последнего часа. Под глазами набрякли черные мешки, кожа под подбородком обвисла складками.

— Все очень плохо, — сказал он наконец.

— Что вы имеете в виду? — спросил Дон, подавляя нетерпение. Хольтц был старшим по чину

офицером и теперь автоматически принимал командование кораблем.

— Только посмотрите. — Он сердито потряс бумагами. — Все офицеры мертвы, кроме нас двоих. Как такое могло случиться? Плюс ко всему, этот летящий кусок камня разрушил наше радио, которое уже не восстановить. Спаркс собирает аварийный передатчик, мощность которого будет ограничена. Но дело в другом. Через этот район не проходят маршруты кораблей, которые могли бы оказать нам помощь. Почти половина нашей воды испарилась, утекла в образовавшуюся дыру. Ужасно!

Дон почувствовал, что должен что-то сделать, чтобы прервать перечисление несчастий.

— Это плохо, сэр, но это не конец корабля. Смерть капитана и других — трагедия, но мы должны выжить без них. Мы можем вести корабль. Он держит верный курс, и когда мы приблизимся к Марсу и установим связь, нам навстречу вышлют спасательную команду. Корабль герметичен и исправен. Мы сделаем это. Вы можете рассчитывать на любую помощь, которая в моих силах. — Он улыбнулся. — Мы должны выкарабкаться, капитан.

— Капитан? — Хольтц вскочил с кресла.

— Разумеется. Вы старший офицер, и звание капитана автоматически переходит к вам…

— Ни в коем случае! — энергично замотал головой Хольтц. — Я — главный инженер. Мое дело — атомный реактор и другое оборудование. Я не знаю, как управлять кораблем. Сожалею, но я не могу покинуть машинное отделение. Если хотите назвать кого-нибудь капитаном, назовите себя.

— Но… я просто врач, — возразил Дон. — Это мой первый космический рейс. Вы должны…

— Не указывайте мне, что я должен. Я приказываю вам. Мне следует находиться в машинном отделении, которое нельзя оставить без присмотра. Вы становитесь капитаном до тех пор, пока на борт не поднимется другой офицер. Рядовые знают свое дело, можете рассчитывать на их помощь.

Гнев Хольтца внезапно исчез. Когда он положил перед собой свои большие руки, Дон увидел, что они дрожат.

— Вы молоды, — добавил Хольтц. — У вас есть силы для этой работы. А у меня нет. Я ухожу в отставку — вы знаете об этом, — и это мой последний полет. Я знаю реактор, я знаю оборудование. Я знаю, где мне следует находиться. — Он выпрямился и взглянул Дону в глаза. — Так и должно

быть. Принимайте командование.

Дон собрался возразить, но в этот момент открылась дверь и вошел программист Бойд. Он отдал честь капитанскому креслу, потом повернулся к двум офицерам.

— Я принес данные… — начал он, но его прервал Хольтц:

— Доложите лейтенанту Чейзу. Я должен возвратиться в машинное отделение. Мы договорились, что он примет командование, пока на корабле нет других офицеров. Докладывайте ему.

Сказав это, Хольтц поднялся и щелкнул каблуками. Дон не нашел что возразить. Главный инженер отказался принять на себя капитанские обязанности, и вряд ли его можно заставить это сделать. Программист повернулся к Дону и протянул лист бумаги:

— Здесь расчет коррекции курса, док, сделанный по результатам последних часов наблюдений. Первый после столкновения.

Дон рассеянно поглядел на столбцы цифр:

— Что они означают? Объясните мне, Бойд.

— Я и сам знаю не больше вашего, док. Я работал с пилотом. Он собирался сделать коррекцию в течение следующего часа, но что теперь, я не

знаю. Этот камень нанес удар в плоскости вращения, он имел достаточную массу и скорость, чтобы воздействовать на корабль. Силы удара оказалось недостаточно, чтобы заметно изменить скорость вращения, — мы по-прежнему имеем одно *g*, — но он сдвинул ось вращения, и корабль начал прецессировать.

Дон вздохнул и отдал лист программисту:

— Попробуйте объяснить попроще, если хотите, чтобы я что-нибудь понял.

Программист остался серьезным.

— Ну… главная ось корабля совпадает с направлением тяги атомных двигателей и, соответственно, с нашим курсом. По крайней мере, так было и должно быть при любой коррекции курса. Но сейчас корабль начал рыскать — понимаете? — то есть совершать колебания из стороны в сторону. Пока корабль это делает, мы не можем провести коррекцию. И, док, если мы не сделаем коррекцию, то пройдем мимо Марса и провалимся в пустоту. Навсегда.

Дон кивнул. Это он понял. Что-то следовало предпринять, и быстро, и он был единственным, кто мог это сделать. Хольтц не поможет, а больше на борту «Иоганна Кеплера» не было никого, к кому он мог обратиться.

— Хорошо, Бойд, — сказал он. — Я займусь этим. Но если я справлюсь, вы должны перестать называть меня док.

— Да, сэр, — ответил программист, вытягиваясь и отдавая честь. — Я понял, капитан.

Глава 3

— Вызывали, сэр?

Подняв глаза, Дон увидел в дверях медотсека старшину Курикку. И кивнул:

— Входите, старшина. Через полчаса я буду проводить собрание, но сперва хочу поговорить с вами. Если кто-то и может ответить на мои вопросы насчет «Иоганна Кеплера», то только вы один.

Дон указал на модель лайнера перед собой на столе:

— Как я понял, вы находитесь на борту этого корабля со дня его выпуска?

— Дольше, сэр. Я работал в бригаде монтажников, которая собирала «Большого Джо» на орбите Земли. Потом я перешел на космическую службу и остался на его борту.

Огненные волосы и голубые глаза высокого финна делали его моложе своих лет.

— Это лучше, чем я думал, — сказал Дон. — Благодаря этому вы сможете мне объяснить, что такое прецессирование, которое так беспокоит программиста.

Курикка кивнул и, осторожно открепив модель корабля от подставки, поднял ее перед собой:

— Способ, с помощью которого нам описали «Большого Джо», когда мы его сооружали, лучший из всех, какие я знаю. Большой барабан, соединенный трубой с баскетбольным мячом.

— Вы правы — такое услышишь, никогда уже не забудешь.

— Труба проходит через барабан, образуя небольшой выступ с одного его торца. На другом, длинном конце трубы располагается нечто похожее на баскетбольный мяч. В нем находится ядерный реактор и прочее оборудование. Там, где шар прикрепляется к трубопроводу, под слоем радиационной изоляции располагается машинное отделение. Все остальное, что есть на корабле, находится в барабане. Когда мы на орбите, весь корабль вращается вокруг главной оси — оси трубопровода, — поэтому его называют центральной трубой.

— Это понятно, — сказал Дон и щелкнул пальцем по барабану. — И барабан вращается с такой скоростью, что центробежные силы создают на палубе Эй силу тяжести, эквивалентную гравитационному полю в одно *g*. Палуба Эй — первая, внешняя палуба и, как и все палубы, расположена по окружности барабана. Пол под нашими ногами — это внешняя оболочка корабля. Подни-

маясь на один уровень вверх, на палубу Би, мы на самом деле приближаемся к оси вращения. Потом располагается палуба Си — грузовые отсеки и склады, — последняя герметичная палуба корабля. Центральная часть барабана не изолирована от космоса и предназначена только для груза. Я правильно понимаю?

— Абсолютно, сэр! — Бесстрастное лицо Курикки, казалось, вот-вот расплывется в улыбке, но этого не случилось.

Дон крутнул рукой трубу, так что модель начала вращаться, и одновременно направил барабан на висящую над столом лампу.

— Так выглядит корабль, вращаясь в полете. И он направлен на эту лампу, которую мы будем считать Марсом.

— Это не вполне верно, сэр. После старта и отключения двигателей корабль развернулся так, что сейчас в сторону Марса направлены сопла главных двигателей. Обсерватория, расположенная в выступающей части трубы на другой стороне барабана, смотрит назад, на пройденный нами путь.

Дон развернул модель и задумчиво посмотрел на нее:

— Значит, мы двигаемся таким образом и одно-

временно вращаемся? Тогда в чем же дело?

— Ось вращения корабля должна совпадать с нашим курсом, — сказал старшина. — Только в этом случае кормовые или носовые дюзы могут изменить скорость корабля. Или, если требуется изменить курс, используются расположенные в плоскости центра тяжести боковые дюзы, способные изменить курс на несколько градусов. Сейчас ничего этого делать нельзя.

— Почему?

— Потому что метеорит сместил ось вращения корабля. Она больше не совпадает с направлением движения, и отклонение продолжает расти. Это очень медленный процесс, но он существует. Мы кувыркаемся в пространстве и не сможем провести коррекцию курса, пока не избавимся от этого кувыркания.

— А если не проведем коррекцию курса, то пройдем мимо Марса.

С неторопливой важностью старшина Курикка утвердительно кивнул. Последовавшее за этим продолжительное молчание было прервано энергичным стуком в дверь. Старшина поднялся и открыл ее. За дверью стоял программист Бойд.

— Три ноль ноль, капитан, — сказал он. — Здесь со мной каптенармус, а Хольтц просил передать,

что скоро будет.

— Тогда входите. Мы можем начать без него.

Они вошли в помещение, за ними последовал человек, которого Дон никогда прежде не видел. Черные прямые волосы, тронутые сединой, большие загнутые усы и кожа цвета меди. Очевидно, один из пассажиров, но что ему здесь нужно? Прежде чем он успел задать этот вопрос, каптенармус Жонке́ шагнул вперед. Он был швейцарцем и в прошлом управляющим отелем. Так что даже после многих лет, проведенных в космосе, он все еще распространял вокруг себя атмосферу большой гостиницы. Он сделал то, что можно было принять за слабый поклон, и указал на человека рядом с собой:

— Надеюсь, вы извините меня, капитан, за то, что я позволил себе привести этого человека. Это доктор Угалде из университета Мехико, один из известнейших математиков мира. Я думаю, — он понизил голос, — что в связи с гибелью офицеров доктор Угалде может быть полезен.

Дон не мог сердиться. Разумеется, каптенармус не имел права принимать решение без его согласия. Но и он, доктор медицины, не имел права действовать как капитан.

— Благодарю, — сказал Дон. — Это хорошая

идея, мне следовало самому подумать об этом. С тех пор как математика стала сутью наших проблем.

— Не ждите от меня слишком многого! — сказал Угалде, энергично взмахнув рукой. — Между грандиозными высотами абстрактной математики и практикой полетов космического корабля пропасть различий. У меня нет опыта…

— Как и ни у кого из нас, — прервал его Дон. — Мы будем добывать опыт сами, так что нам пригодится ваша помощь, доктор. Я только прошу не рассказывать другим пассажирам о наших потерях и нашем положении.

— Слово чести. — Угалде вытянулся по стойке смирно и прижал руку к сердцу. — Мои благородные предки сражались за свободу моей родины, и многие из них погибли за свое дело. Я могу сделать не меньше.

Дон не увидел связи между благородными предками и сегодняшним положением, но утвердительно кивнул и пригласил всех садиться. Затем он обрисовал стоящие перед ними проблемы и сложности с коррекцией курса, вытекающие из того, что все специалисты погибли.

— Такова общая картина, — заключил он, — и она безрадостна. Бойд, скажите, каким образом

проводится коррекция курса?

Программист прикусил губу и нервно посмотрел вокруг.

— Я на самом деле не могу сказать, сэр. Пилот отдавал мне уже подготовленные для компьютера данные, а я только проверял правильность их составления и вводил в машину. Иногда, в сложных случаях, мы передавали данные в Марсианский центр. У них мощный компьютер и штат математиков. — Внезапно его лицо прояснилось. — Скажите, разве нельзя сейчас сделать то же самое? Я имею в виду — запросить помощь по радио?

Дон уныло помотал головой:

— Мы не можем этого сделать, и я не хочу, чтобы информация об этом вышла за пределы этой комнаты. Главное устройство связи выведено из строя. Радисты собирают аварийный передатчик. Но мы не знаем, как скоро он будет готов и на какое расстояние хватит его мощности. Так что в настоящий момент мы должны забыть о помощи извне. — Он повернулся к математику. — Можете ли вы помочь нам в решении этой проблемы? — спросил он.

Доктор Угалде вскочил и начал вышагивать по каюте, заложив одну руку за спину. Похоже, так

ему лучше думалось.

— Немыслимо, немыслимо, — сказал он. — Астронавигация как прикладная наука далеко ушла от теоретической математики. Я ничего не знаю о силах и системах измерений. Задача трех тел, конечно, не представляет сложности. Однако…

— Однако, поговорив с программистом Бойдом и посмотрев материалы предыдущих расчетов, вы сможете найти решение?

— Я попытаюсь. Это все, что я могу обещать.

— Хорошо. Сообщите мне о результатах.

Дон взглянул на составленный им список.

— Перед нами стоит еще одна проблема. Бóльшая часть воды вытекла через пробоину…

— Мы умрем от жажды! — воскликнул Угалде, вскакивая снова, видимо представив себе безводные пустыни Мексики.

Дон улыбнулся.

— Нет, доктор, — сказал он. — Проблема не в этом. Корабль — это замкнутая система, вода в которой регенерируется. Но я говорю о воде, которая предназначена для других целей. Она циркулирует внутри двойной обшивки корабля, образуя противорадиационный экран, защищающий нас от воздействия радиационных поясов Ван Аллена

при старте с Земли и от солнечного излучения — во время полета. Сейчас период спокойного Солнца, поэтому, я думаю, переоблучение нам не грозит. Однако мы дышим, а вода является важной составной частью системы очистки воздуха «Большого Джо». В воде, находящейся в специальных резервуарах, растут водоросли, которые поглощают углекислый газ и выделяют кислород, без которого нам не прожить. После аварии значительное количество водорослей погибло, и они не смогут быстро восполнить потерю.

— Что мы должны сделать? — спросил капитенармус.

— Мы не можем перестать дышать, — ответил ему Дон. — Но мы можем исключить открытый огонь, который поглощает кислород. Я заметил, что многие пассажиры и члены команды курят. После того как табак научились очищать от летучих канцерогенов, эта привычка снова стала популярной. Я хочу, чтобы все сигареты, трубки, спички и тому подобное были конфискованы и отданы мне. Вы можете взять это на себя?

Капитенармус кивнул:

— Мне потребуется два человека в помощь.

— Хорошо. Тогда возлагаю это на вас.

Дон заглянул в список и нахмурился:

— Следующий вопрос болезнен, но его необходимо решить. Тела погибших пассажиров, офицеров и членов команды помещены в негерметичный трюм для доставки на Марс. Однако в сейфе капитана Кардида я обнаружил завещание. В нем довольно ясно изложено его желание быть похороненным в космосе и, если это возможно, со своего корабля. Я полагаю, что так и нужно сделать. Кто-нибудь знает, как проводятся подобные церемонии?

— Да, сэр, — ответил Курикка. — Если позволите, я возьму это на себя. Я прослужил под началом капитана девять лет.

Прежде чем Дон ответил, раздался звонок вызова. Дон утвердительно кивнул старшине и снял трубку.

— Капитан слушает, — сказал он, немного стесняясь употреблять этот титул в присутствии людей, хотя никто и не думал возражать. Он выслушал короткое сообщение и повесил трубку.

— Это информация для всех нас, — тихо произнес он. — Звонил радиооператор. Он наладил приемник и сумел поймать Марсианский центр. Сигнал был очень слабым и прерывистым, но он записал сообщение и пытается уловить его смысл. Он сказал, что это сообщение повторяется

без конца: наши позывные — это он разобрал — и очень короткий текст. Сути он понять не может, но расшифровал часть сообщения. Они повторяют слово «опасность» и кодовое сочетание «солнечные пятна»...

— Это не кодовое сочетание, — произнес с порога главный инженер Хольтц. — Это то, о чем я пришел сказать. Я обнаружил это с помощью внешних приборов. Надвигается солнечная буря. — Он сделал паузу и вздохнул, прежде чем закончить: — Солнечный шторм. Это означает, что всех нас можно считать мертвецами!

Глава 4

— Нет причины для паники. — Голос Дона перекрыл гомон голосов. — Я требую тишины!

Это помогло. Профессиональные космонавты связаны присягой, поэтому они сразу выполнили команду. Доктор Угалде последовал примеру остальных. Дон поднялся на ноги и остался стоять, переводя взгляд с одного на другого, заставляя людей сесть силой своего взгляда. Хольтц все еще стоял в дверях. Как только он открыл рот, чтобы продолжить, Дон гневно ткнул пальцем в его сторону:

— Главный инженер Хольтц. Закройте дверь и садитесь. Потом доложите как следует. И избегая фатализма, если можно.

Дон неумышленно был жесток со старым человеком. Но он не мог допустить, чтобы Хольтц распространял панику. Инженер покраснел и попытался что-то сказать. Дон не стал слушать.

— Я сказал — садитесь. Приказ вполне понятен? — Дон был разгневан, и гнев проявился в его голосе.

Хольтц мгновение колебался, потом плечи его поникли. Он прикрыл дверь и рыхлой массой

опустился в кресло. Когда он заговорил, его голос был глухим и расстроенным:

— К чему бороться? Я рассчитывал, что это будет мой последний полет, теперь он станет последним для всех нас…

— Что показали ваши приборы? — прервал его Дон.

Голова главного инженера опускалась все ниже по мере того, как он говорил, а голос был настолько слаб, что они едва разбирали слова.

— Солнечная радиация растет… растет постоянно. Я знаю почему. Солнечные пятна, солнечная буря, от этого нет защиты.

— Что он имеет в виду? — спросил каптенармус. — До сих пор мы благополучно переносили солнечные бури. Почему нужно беспокоиться на этот раз?

— Можно мне ответить? — спросил Курикка.

Дон кивнул.

— Мы потеряли много воды — это наша главная беда. Вода, циркулирующая в двойной обшивке корабля, служит барьером для заряженных частиц, возникающих при солнечной буре, — замедляет их и останавливает, подобно атмосфере Земли. После аварии воды стало недостаточно, чтобы задержать радиацию. А если Марсианский

центр передает оповещение, значит буря будет сильнее, чем обычно.

— Мы должны справиться, — прервал его Дон. — Существуют ли какие-нибудь специальные меры на случай сильной бури?

— Да, сэр. Мы разворачиваемся реакторным шаром в сторону Солнца. Броня реактора над машинным отделением загораживает нас от солнечного излучения. Кроме того, вся вода перекачивается в аварийные камеры на обращенной к Солнцу стороне барабана. Пока корабль сохраняет правильную ориентацию, такой защиты вполне достаточно.

— Наберется у нас воды для такого маневра? — спросил Дон.

Выражение лица старшины не изменилось, когда он ответил:

— Нет, сэр.

— Но машинное отделение все же будет защищено?

— Это верно.

Дон улыбнулся:

— Тогда это решает половину проблемы. Разместим пассажиров и экипаж на время опасности в машинном отделении. Возьмите это на себя, каптенармус.

Главный инженер начал говорить о небольшой площади машинного отделения, но Дон жестом заставил его замолчать.

— Теснота нам не повредит. Зато мы укроемся от радиации. Место найдется для каждого. Но сначала следует придумать, как развернуть корабль. Нужно сделать это как можно скорее, потому что мы не знаем, сколько времени осталось у нас в распоряжении. Да, Бойд?

— Думаю, что смогу немного помочь, — отозвался программист. — У нас есть искаженные радиосообщения, принятые во время солнечной вспышки, и компьютер способен их обработать. Нужно сделать как можно больше записей сообщения, пока оно повторяется, и пропустить их через компьютер. После сопоставления машина выловит смысл из предложенных ей фрагментов и скомпонует полный текст сообщения.

— Звучит разумно, — согласился Дон. — Попробуйте расколоть этот орешек.

— Да, сэр, — сказал Бойд, стараясь не перейти на бег до тех пор, пока не выйдет за дверь.

Работы хватило на всех — один за другим присутствующие получали инструкции и удалялись. Когда все ушли, Дон понял: пока люди не вернутся с новыми сведениями, ему нечего делать.

Медицинские проблемы к этому моменту были решены. Он залечил все раны, а двое тяжело пострадавших находились под наркозом. Они были подключены к автоматическому диагносту, контролирующему кровяное давление, температуру, дыхание, пульс, ритмы мозга и все прочие параметры, за которыми следовало следить. В случае изменения любого из них он будет предупрежден сигнализатором, висящим на поясе.

Некоторое время его никто не беспокоил, и он мог побыть в одиночестве. О сне не могло быть и речи. Время для отдыха наступит позднее, если они справятся с опасностями. Пока он размышлял об этом, его ноги приняли самостоятельное решение. Они вынесли его в коридор и направили к ближайшему лифту. Обсерватория. Конечно же, он направлялся именно туда. Пока лифт карабкался по своей шахте, он вызвал дежурного в рубке управления и сообщил, где его искать.

Лифт поднимался от внешней обшивки корабля к центральной трубе, связывающей две секции космического корабля. Когда он остановился и дверь скользнула в сторону, Дон ухватился за дверной косяк и вытолкнул свое тело в коридор. С непринужденностью птицы он вылетел наружу и поплыл в воздухе. Коснувшись мягкой обшив-

ки внутренней стороны трубы, он ухватился за одну из расположенных здесь гибких петель и направил свое тело в сторону обсерватории.

С тех пор как были остановлены двигатели и корабль перешел в свободный полет, в этом месте перестал чувствоваться вес. На внешних палубах вращение корабля порождало центробежные силы. Но здесь, вблизи оси вращения, на тело не действовало ничего, и человек мог плыть по воздуху, как рыба в воде. Дверь обсерватории открылась, как только он коснулся кнопки, и Дон вплыл внутрь.

Как всегда, у него перехватило дыхание. Звезды, реки звезд, галактики медленно вращались перед его глазами.

Обсерватория представляла собой большой прозрачный купол на конце центральной трубы. Воздуха вокруг не было, и звезды не мерцали. Они казались горячими точками света разного цвета и яркости, заполняющими сферу окружающей их тьмы. Прозрачные стены перестали восприниматься, и у Дона появилось ощущение, будто он висит среди звезд, став частью бесконечной Вселенной.

Солнце находилось чуть сбоку, свет его автоматически приглушался материалом купола. Оно

напомнило Дону о буре, уже поднявшейся с его огненной поверхности, и он глянул на счетчик радиации. Интенсивность излучения возросла, но не настолько, чтобы стать опасной. Она будет расти постепенно, так сказал Хольтц. Сколько у них времени до того момента, когда разрушительные частицы бури ударят в борт корабля? И что нужно сделать, чтобы спасти жизнь людей, оказавшихся на его попечении? Он прижал кулаки к холодной поверхности купола.

Если когда и можно было предаться отчаянию, то именно сейчас, когда его никто не видел. Дон чувствовал себя уставшим, опустошенным, ему так хотелось уступить свое место, переложив ответственность на кого-нибудь другого. Плывя в темноте, он улыбнулся этой мысли. Теперь попробуй переложи, если на корабле никого почти не осталось. Как врач, он привык отвечать за жизнь и смерть людей. Принимая клятву Гиппократа, он никак не думал, что она может включать в себя обязанность стать капитаном космического корабля. Этому не обучали в медицинском колледже! Он снова улыбнулся и почувствовал себя лучше. Он должен справиться с этой работой. Ничего другого ему просто не остается.

Запищал сигнал вызова — громкий звук в ти-

шине погруженной в Галактику капсулы. Дон поднял трубку.

— Капитан слушает, — сказал он; решение было принято.

— Рубка управления, сэр. Ленты с сообщением Марсианского центра обработаны компьютером. У меня здесь запись восстановленного сообщения. Хотите услышать?

— Только цифры — какой силы будет шторм и когда он настигнет нас?

— Одну минуту… вот. Сила восемь баллов по шкале Хойла, пик — десять. Я никогда не видел больше шести…

— Так много? Я зайду за сообщением. Теперь — когда это случится?

— Примерно через полтора часа. Возможно, на несколько минут позже, но не более.

Дон выдохнул воздух, который непроизвольно сдерживал.

— Хорошо. Я иду в рубку. Свяжитесь с пассажиром по имени Угалде и передайте, чтобы он ждал меня в рубке. И старшине Курикке тоже.

Девяносто минут на разворот корабля. Это кажется нереальным. Но это нужно сделать. Задумавшись, Дон не заметил, как добрался до рубки управления, где лицом к лицу столкнулся

с разъяренным доктором Угалде.

— Сначала вы просите сделать невозможное, капитан, и притом немедленно. А потом мешаете! Такие вещи не могут…

— Менее чем через полтора часа нас настигнет буря, — тихо произнес Дон. — Наше время истекает, доктор.

Лицо Угалде посерело, он почти упал в стоящее рядом с ним кресло.

— Тогда, — прошептал он, — слишком поздно…

— Я так не думаю. Мы еще можем сделать маневр, чтобы спасти свои жизни. — Дон улыбнулся, увидев удивленные лица Курикки и вахтенного. — У нас нет другого выхода, и не нужно смотреть на меня такими глазами. Все вы знаете, что коммерческие лайнеры почти полностью управляются автоматическими устройствами. Однако я убежден, что вы летали на собственных яхтах и катерах. А все космические корабли устроены примерно одинаково. Первым астронавтам, когда отказывала автоматика, приходилось переходить на ручное управление. Мы поступим так же… Курикка, что нужно сделать в первую очередь, чтобы сместить ось вращения?

Старшина казался более хмурым, чем обычно.

— Всем этим занимался компьютер, сэр. Пилот

скармливал ему данные, потом мы просто сидели и наблюдали за тем, что происходило.

— Разве на корабле не предусмотрено ручное управление?

— Оно есть, хотя мы никогда им не пользовались. Это находится здесь.

Дон подошел к пульту и осмотрел шкалы и переключатели.

— А теперь не могли бы вы объяснить мне попроще, что нужно сделать, чтобы совершить разворот?

Этого не было в инструкциях, а старшина Курикка жил исключительно по инструкциям. Однако ему хватило ума понять, что существуют ситуации, когда об инструкциях следует забыть. Борясь с самим собой, он неохотно подошел к пульту и включил экраны.

— На корабле две телевизионные камеры, — сказал он. — Одна установлена на носу, в обсерватории, другая на корме, между главными ракетными дюзами. Перед вами изображение с носовой камеры.

Он показал на экран, на котором сияло Солнце, чуть смещенное к одному краю, — та же картина, которую Дон наблюдал в обсерватории. Курикка продолжал:

— В основании главной трубы, вокруг реакторной сферы, расположен направляющий рельс, по которому перемещаются малые реактивные двигатели. Они нейтрализуют колебания корабля. Достаточно небольшого выхлопа, чтобы корабль начал разворачиваться до тех пор, пока компьютер не даст команду сделать другой выхлоп, нейтрализующий первый.

Дон взглянул на часы и тут же заставил себя отвести взгляд, прежде чем заметил, как мало осталось времени.

Он обернулся к мексиканскому математику:

— Доктор Угалде, пожалуйста, подойдите сюда и проверьте мои рассуждения. Вы слышали, что сказал старшина, и понимаете нашу проблему. Солнце сейчас перед нами, поэтому нам нужно развернуться примерно на сто восемьдесят градусов. Если сейчас дать выхлоп, корабль начнет разворачиваться в пространстве. Когда Солнце окажется в центре кормового экрана, мы будем сориентированы в правильном направлении — с реактором между нами и Солнцем. Дав в этот момент выхлоп в противоположном направлении, мы остановим разворот, правильное положение корабля зафиксируется.

Угалде сдвинул брови, потом начал набрасы-

вать короткие уравнения в своем блокноте в кожаном переплете.

— Это не так просто, — сказал он. — Второй выхлоп должен совпадать по длительности с первым и по времени должен закончиться в тот самый момент, когда корабль займет…

— Пожалуйста, доктор, без деталей. Просто скажите нам, возможно это или нет.

Математик сделал удивленное лицо:

— Конечно возможно. Почему бы нет? То же самое делает компьютер. Только у нас получится намного грубее.

— Грубее или нет — в этом наше спасение! — Дон возбужденно стукнул кулаком по ладони. — Будьте добры, начинайте прямо сейчас. С вашими теоретическими знаниями и практическими навыками старшины Курикки это вполне осуществимо.

Теперь он позволил себе взглянуть на часы и едва не присвистнул — так мало у них оставалось времени. Менее чем через сорок пять минут обрушится шквал смертоносной радиации.

— Каптенармус Жонке просит вас к видеофону, капитан, — раздался голос вахтенного, прервавшего его размышления.

Дон взял трубку:

— Капитан слушает.

— Это каптенармус, капитан. Здесь возникли непредвиденные трудности с пассажирами. Не могли бы вы спуститься сюда и поговорить с ними лично?

— Не сейчас. Нет времени. Я приду в машинное отделение, как только освобожусь, тогда и поговорим.

После секундной паузы каптенармус заговорил снова, в его голосе слышалось беспокойство.

— Как раз этого я и хотел, чтобы вы потолковали с ними. Они не в машинном отделении. Они собрались в столовой и говорят, что не двинутся с места, пока не встретятся с капитаном или старшим офицером.

— Но… разве они не знают, что все офицеры погибли?

Голос каптенармуса стал тише. Он явно шептал в трубку, чтобы его никто не слышал.

— Нет, сэр, не знают. Я не хотел их пугать. Я не стал вдаваться в подробности относительно аварии. Сумеете вы спуститься и поговорить с ними?

Сумеет ли он? Он понял, что совершил ошибку, забыв о пассажирах. Отнесся к ним как к грузу или как к стаду овец. Он должен сказать им прав-

ду. И побыстрее. Остались считаные минуты.

— Скоро буду, — сказал он и повесил трубку.

— Капитан, вам важнее сейчас оставаться здесь, — окликнул его доктор Угалде, заметив, что тот поднялся из кресла.

— Ну и как? — спросил Дон, подойдя к пульту. Солнце медленно раскачивалось на кормовом экране.

— Смотрите сами, — показал Угалде. — Теоретически это было легко — сказать, что мы развернем корабль, пользуясь глазами и руками. На практике получилось по-другому. В принципе это возможно, и мы сделали, что могли. Но мы не можем производить такие точные расчеты, как компьютер, к тому же корабль обладает огромной инерцией. Мы правильно нацелились на Солнце, но оно медленно дрейфует по экрану. Кто-то должен постоянно делать коррекции, пока дрейф не исчезнет и мы не займем устойчивое положение.

— Сколько времени, по-вашему, на это уйдет? — спросил Дон, хотя заранее знал ответ.

— Несомненно — часы. Очень тонкая работа.

— Часы! Это значит, что кто-то должен остаться у пульта, без защиты, обрекая себя на верную гибель.

— Понимаю… Кто-то один должен умереть, чтобы спасти остальных. Разве это не достойная смерть для мужчины?

Охваченный отчаянием, Дон взглянул на часы. Оставалось немногим более получаса. Этого не хватит ни на что.

И членов команды, и пассажиров — всех их можно считать мертвецами.

Глава 5

— Кто-то один должен умереть, чтобы спасти остальных, — повторил Угалде, расправив плечи и шагнув вперед. — Я готов остаться в рубке и управлять кораблем. Все остальные могут идти в машинное отделение.

Маленький математик со стороны мог показаться смешным — со вздернутым подбородком и прижатой к сердцу рукой, но самому ему так не казалось. Он говорил то, что думал, и мог без колебаний умереть, спасая летящих в корабле пассажиров.

— Я не считаю, что это необходимо, доктор, — сказал Дон. — Мы найдем выход из положения, не жертвуя ничьей жизнью.

— Можно поинтересоваться — каким образом?

Действительно! Дон задумался, и сразу же его охватила легкая паника. Как это сделать? Экипаж знает корабль лучше, чем он. Нужно заставить их думать.

— Как насчет противорадиационных скафандров, старшина? — спросил Дон. — Я знаю — они у нас есть. Такой скафандр может надеть тот, кто останется управлять кораблем.

Курикка отрицательно покачал головой:

— Никаких шансов. Те, что имеются на борту, рассчитаны на низкие уровни радиации. При таком шторме они будут защищать не лучше, чем папиросная бумага.

Дон решил не поддаваться охватившему его отчаянию.

— Выход должен быть. Может быть, смонтировать в машинном отделении дублирующий пульт, подобный этому?

— Чтобы протянуть кабели, нужно много времени…

— Если на это нет времени, следует искать что-то другое.

Дон огляделся по сторонам, его взгляд наткнулся на дверь, ведущую в маленькую служебную душевую. Дон открыл дверь.

— А это? Протащить сюда кабели, всего на несколько футов. Мы можем отделать ее чем-нибудь, защищающим от радиации. Листами свинца, например, или…

Совершенно внезапно все встало на свои места. Теперь он знал, что делать. Он повернулся к раздумывающему старшине:

— Скафандр! Он удерживает воздух внутри, значит удержит воду снаружи. Я прав?

Курикка потер подбородок:

— Думаю, да. Но вода не сулит скафандру ничего хорошего. Ржавчина и…

— Ничего с ним не случится за пару часов, — перебил его Дон, чувствуя, как утекают секунды. — Вы должны сделать вот что: оборудуйте пульт в душевой и подключите его к главному. Если дверь в душевую закрывается неплотно, возьмите уплотнитель и загерметизируйте ее. И принесите скафандр с полными баллонами. — Он направился к выходу. — Пилот будет работать в душевой, наполненной водой.

— Но, сэр, — отозвался Курикка, — как мы защитим от воды пульт?..

— Найдите способ. Засуньте его в пластиковый мешок или придумайте что-нибудь другое. Но сделайте… — Он бросил взгляд на часы. — Вернусь через двадцать минут.

Он выскочил из рубки и побежал вниз по коридору в направлении столовой. Пассажиры ждали встречи, времени для которой почти не осталось. Не осталось времени ни на что: ни на объяснения, ни на споры. Они должны немедленно идти в машинное отделение. Он остановился у ближайшего видеофона и набрал номер системы общего оповещения.

— Говорит капитан. Приказываю всем членам экипажа, свободным от вахты в машинном отделении и рубке управления, собраться в столовой. Срочно. Через шесть секунд. — Его собственный голос обрушивался из динамика сверху.

Когда он добрался до столовой, члены экипажа уже стягивались к ней со всех сторон. Столы стояли сдвинутыми в один угол, так что образовалось свободное пространство. Один из пассажиров забрался с ногами в кресло, остальные толпились вокруг него. Они в замешательстве оглянулись на вбежавшего Дона.

— Послушайте, — крикнул он. — Я лейтенант Чейз, корабельный врач. Сожалею, что не могу изложить сейчас все подробности — я сделаю это позднее, — но обстоятельства требуют, чтобы все вы немедленно перешли в машинное отделение.

— Мы не желаем вас слушать, — выкрикнул стоящий на кресле человек. — Мы требуем капитана, и пусть он объяснит, что происходит.

Дон узнал человека. Мэтью Бригс, генерал в отставке. Его коротко подстриженные седые волосы, прямые и твердые, как проволока, торчали в разные стороны. Угрюмый вид и сердитое выражение лица, знакомые по газетам и телепередачам. Это был человек, которого никогда не

интересовало чужое мнение. Он твердо придерживался собственной точки зрения.

Дон холодно взглянул на него и произнес:

— У нас авария, как вы знаете. Капитан мертв, и бóльшая часть офицеров тоже. Сейчас я — капитан. — (Послышались вздохи, и пассажиры задвигались.) — Шквал солнечной радиации настигнет корабль через несколько минут, и единственным безопасным местом останется машинное отделение. Вы все до единого должны сейчас же перейти туда.

В тот момент, когда пассажиры двинулись к выходу, их остановил громкий голос генерала:

— Недостаточно ясно и недостаточно обоснованно, лейтенант. Я требую…

— Вы двое, — приказал Дон, указывая пальцем на ближайших членов команды, — отведите этого человека в машинное отделение.

— Вы не сделаете этого, слышите… Вы не сделаете этого! — завопил генерал, пятясь к стене и принимая оборонительную стойку.

Двое рослых парней из экипажа подошли к нему: один — с одной стороны, второй — с другой. Борьба была недолгой, минутой позже они тащили громко протестующего Бригса к двери.

Худой человек с большим носом и длинными

усами шагнул вперед, чтобы вмешаться, но тут же замер под взглядом одного из парней. Остальные пассажиры начали бестолково суетиться и говорить все сразу.

— Может возникнуть паника, — произнес каптенармус тихим голосом, который слышал только Дон.

— Знаю, но у нас нет времени для пространных объяснений. Мы должны вывести их быстро и без паники. — Дон задумчиво оглядел столовую. — У нас приблизительно один член команды на десять пассажиров. Я пойду вперед. Вы встаньте у двери и говорите людям, что человек из экипажа будет показывать им дорогу. Разбейте их на группы с таким же соотношением: десять к одному. У нас два лифта к центральной трубе, поэтому отправляйте по две группы.

— Хорошая идея, капитан…

Но Дон ушел прежде, чем каптенармус закончил фразу.

Он догнал генерала Бригса и его сопровождающих возле двери лифта.

— Вы еще пожалеете, — произнес Бригс ледяным голосом, когда Дон вошел в лифт. Как только закрылась дверь, генерал стряхнул с себя руки охранников.

— Мне очень жаль, генерал, но у меня не было выхода. Судно в опасности, и времени на споры не осталось. Надеюсь, вы примете мои извинения…

— Нет. Вы начали беспорядки, мистер, а я намеревался их прекратить. Я обращусь в инстанции.

— Это ваше право, — ответил Дон.

Лифт остановился, открылась дверь. Дон и парни из команды автоматически взялись за поручни на стенах кабины, а Бригс оторвался от пола и беспомощно задрыгал ногами в воздухе.

— Помогите генералу, — сказал Дон.

С ловкостью привыкших к невесомости людей те подхватили генерала под руки и поплыли по центральной трубе. Дон последовал за ними, но гораздо медленнее, держась за стены. Он не воспользовался свободным парением, как они. На корабле не было настоящей силы тяжести, только имитация гравитации, созданная вращением корабля. Здесь, в центральной трубе, у оси вращения, центробежные силы отсутствовали.

Массивная дверь машинного отделения открылась, как только они приблизились; их встретил главный инженер, такой же неулыбчивый, как генерал.

— Присутствие пассажиров затруднит нашу работу. Это может быть опасно, — сказал Хольтц.

— Я знаю, — ответил Дон, сдерживая себя. — Но здесь достаточно наших людей, чтобы помогать вам. Расставьте их у всех пультов управления и опасных точек. Будет тесно и неудобно. Зато все останутся живы.

Начали прибывать первые пассажиры, некоторые из них беспомощно барахтались в воздухе. У одной пожилой женщины позеленело лицо, — возможно, скоро такие лица будут у многих. Кто-то из экипажа вовремя успел сунуть ей в руки пластиковый пакет.

Дальняя стена, за которой размещался двигатель, была заполнена светящимися приборами, но пространство посередине отсека оставалось свободным. Этого было недостаточно, чтобы разместить всех людей на полу, поэтому некоторым предстояло повисеть в воздухе. Будет тесно и неудобно. Дон ретировался, не дожидаясь, пока посыпятся первые жалобы.

Когда прибыла следующая партия пассажиров, он скользнул в опустевшую кабину, оседая на пол, по мере того как опускался лифт. Он торопился в рубку управления. Одна проблема была решена — пассажиры в безопасности, — но оставалась куда бóльшая проблема. Механически взглянув на часы, он почувствовал, как по телу

пробежали мурашки, — через тринадцать минут ударит полной силы шторм. Тринадцать минут! Он побежал.

— Заканчиваем, капитан, — отрапортовал старшина Курикка. Он стоял, согнувшись, над раскрытым главным пультом управления с дымящимся паяльником в руках. Из пульта выползали кабели, тянулись по полу через всю комнату и исчезали в металлической стене. Старшина припаял последний контакт и выпрямился.

— Будет работать, — сказал он и прошел в душевую. — Мы закрепили дублирующий пульт ручного управления, поместив его в пластиковый мешок, как вы советовали. Здесь же экран наблюдения, связанный с кормовой камерой…

Они протиснулись мимо человека, наносящего на косяк и на дверь серую мазь.

— Силиконовая шпаклевка. Дверь станет водонепроницаемой, как только закроется и сожмет слой этой смазки. Скафандр уже здесь. Я готов остаться в рубке, капитан.

— Отлично. У нас осталось девять минут. Отправь остальных, как только они закончат. Есть какой-нибудь способ, находясь здесь, контролировать уровень радиации?

Курикка показал на экран наблюдения — один

из видеофонов, снятый со своего места и прикрепленный к стене в пластиковом пакете.

— Компьютер выводит данные в нижнюю часть экрана. Вот эти цифры под изображением Солнца показывают уровень радиации по шкале Хойла.

— Один и четыре десятых. Пока не слишком много… нет, подпрыгнуло до двух и одной десятой.

— Край бури. Скоро станет довольно опасно. Я думаю, вам лучше уйти, сэр.

Они остались одни — последние техники убежали в спасительное машинное отделение.

— Старшина, помогите мне надеть скафандр и уходите. Это приказ.

— Но… — Старшина был поражен.

— И без лишних слов. Ваши технические знания гораздо более необходимы для выживания корабля, нежели мои познания в медицине. Как старший офицер, я приказываю вам уйти.

Курикка не стал терять времени. Он помог Дону облачиться в скафандр и запечатать шов. Схватив старшину за кисть, Дон посмотрел на его часы. Две минуты!

Он почти силой вытолкнул своего помощника из тесного помещения и налег на дверь, а старшина тянул ее снаружи, спрессовывая наложенную

шпаклевку. Наконец дверь встала на место, и старшина убежал. Дон остался один. Он отвернул на полную мощность краны и душ. Все стоки были задраены. Вода достигла края раковины и полилась на пол. К этому времени солнце сместилось из перекрестия линий в центре экрана, и он подал команду на сопла, чтобы выровнять корабль, после чего взглянул на цифры.

2,8.

Буря увеличивала свой натиск. Солнце вновь ушло из центра экрана, и Дон механически провел коррекцию. Оно казалось таким маленьким и невыразительным на телевизионном экране — светлый шарик, находящийся за сто миллионов миль. Однако бушующий сейчас шторм был порождением факела пылающего газа, взметнувшегося более чем на шесть миллионов миль с поверхности этого шарика. Слишком величественная картина, чтобы представить себе. Первые радиоволны и рентгеновское излучение, вызванные взрывом, достигли Земли через восемь минут после вспышки. Они стали предвестниками надвигающихся облаков бушующей плазмы. Еще через несколько минут появились протоны высоких энергий — обрамление грядущей бури.

Затем, несколько часов спустя, до Земли долетели протоны низких энергий — самое неистовство шторма. Ускоренные частицы, которые сжигают и убивают. Дон оторвал взгляд от изображения солнца и счетчика радиации и посмотрел на воду, которая достигла его лодыжек.

Она прибывала недостаточно быстро.

Уровень радиации поднялся до 3,2. Металлические стены корабля будут защищать его еще некоторое время, но совсем недолго. Он захотел узнать, в безопасности ли остальные в машинном отделении. На его шлеме был тумблер радиосвязи, но когда он им щелкнул, то услышал лишь тишину. Радиопередатчик скафандра стал бесполезен внутри этой комнаты, металлические стены которой не пропускали радиоволн. Раньше, в те стремительно убегавшие минуты, он как-то не подумал о телефонной связи. Поэтому остался один, отрезанный от мира.

Вода поднялась до колен. Цифры на экране начали стремительно меняться и сделались неясными.

3,9… 4,2… 5,5…

Буря обрушилась всей своей силой!

Дон отпустил ручки управления и погрузился в воду лицом вниз. Он ухватился за основание

раковины, чтобы не всплыть, — находящийся в скафандре воздух выталкивал его наверх. Воды едва хватило, чтобы скрыться под ее поверхностью. Ему пришлось применить всю силу рук, чтобы остаться под водой. Он боролся непримиримо, зная, что воздух наверху уже пронизан невидимой смертью. Он должен удержаться под водой!

Вода прибывала мучительно медленно, и не давала покоя мысль, насколько далеко корабль отклонился от курса. Только он убьет себя, если поднимет голову, чтобы взглянуть. Но он убьет и всех остальных, если не сделает этого. Сколько он может находиться под водой? Сколько корабль может оставаться без управления? Старшина сказал, что защита машинного отделения остается эффективной при отклонении оси корабля на десять и даже пятнадцать градусов. Это означало, что Солнце могло сдвинуться к самому краю экрана — и, пока оно не уйдет за край, люди не будут подвергаться опасности. Но сколько для этого потребуется времени? Он не знал и не имел возможности это время измерить. Что он способен сделать… что он должен сделать?

Теперь вода была достаточно высоко, чтобы Дон мог повернуться и приподняться на локтях.

Сквозь покрытую рябью поверхность воды он сумел различить освещенную бликами от экрана комнату, но не более.

Он должен взглянуть на экран. От этого зависит жизнь людей. Сейчас! Но это самоубийство — поднять голову над водой.

Ну а если часть шлема? Он прижал голову к задней стенке шлема, потом медленно приподнялся. Осторожно… поверхность была перед самым шлемом… потом на лицевом стекле осталась тонкая пленка воды.

Вода сбежала с выпуклости стекла, открыв обзор, и он смог увидеть экран и висящий под ним пульт управления.

Изображение Солнца покинуло центр экрана, пройдя половину пути к его краю.

Уровень радиации подскочил до 8,7 по шкале Хойла.

Вода сомкнулась над ним, как только он погрузился вниз. Так как максимальной на шкале являлась отметка «10», то этот шторм был самым сильным из всех, о которых он слышал. Вода по-прежнему поднималась медленно.

Когда он выглянул в следующий раз, уровень радиации достиг 9,3, а Солнце находилось у края экрана. Он должен повернуть корабль.

Поверхность воды заволновалась, и он увидел над собой плавающий пластиковый пакет. Конечно же, пульт управления! Действуя осторожно, он зажал пластик между пальцами, потом потянул вниз на всю длину кабеля. Снова высунув стекло шлема, он обнаружил, что если не делать резких движений, то вполне можно выровнять корабль.

— Мы выкарабкались! — крикнул он, но его голос, эхом отразившись от внутренней поверхности шлема, напомнил ему об одиночестве. Больше он не проронил ни слова.

С уходом опасности Дон почувствовал внезапную усталость, хотя знал, что время для нее еще не наступило. Изнуренный, он должен оставаться настороже. Под водой Дон находился в относительной безопасности, но от него зависят жизни других. Уровень воды неуклонно рос. Он достиг экрана и поднялся выше. Когда вода поднялась до потолка и начала выливаться в вентиляционное отверстие, Дон завернул краны. Моргнул и пожалел, что не может протереть глаза, в которые как будто насыпан песок…

Через неопределенный промежуток времени он внезапно почувствовал, что провалился в сон, — и не понял, сколько времени спал. Изображение Солнца коснулось края экрана. Руки

дрожали, когда он возвращал его на место. Уровень радиации держался на отметке 8,7. Ниже, чем в максимуме, но так же смертельно.

Сколько длится буря, едва начавшая стихать? Должно быть, уже несколько часов. Впервые он забеспокоился о кислороде. Это был не его скафандр, он ни разу не пользовался скафандром такого типа. Он с трудом отыскал индикатор давления воздуха. Светящаяся шкала, казалось, плавала вне его шлема, прямо в воде.

Кислородный баллон был пуст на три четверти.

Вот тут-то ему стало не до сна. Дон автоматически манипулировал ручками управления, сохраняя ориентацию корабля. По мере того как раз за разом он корректировал положение корабля, колебания того становились все меньше и меньше.

8,6. Уровень радиации падал, но пока медленно. Его кислород тратился значительно быстрее. Дон дышал как только мог неглубоко и ограничивал свои движения. Это снизило потребление кислорода, однако указатель давления неуклонно полз к нулевой отметке. Дон знал, что у него будет небольшой резерв после того, как индикатор покажет «ноль», но и этот резерв когда-нибудь

кончится. Что делать тогда? Выбрать способ покончить с собой: или от удушья, или от радиации.

7,6. Он должен рассчитать, на сколько хватит резервного кислорода, чтобы в последний момент спустить воду и открыть шлем.

6,3. Уже скоро. Указатель давления показал «ноль» и остался на этой отметке. Сколько? Сколько еще осталось?..

5,4. Время спускать воду… воду… воду…

Рукоятки выскользнули из рук, и он вяло опустился, задыхаясь и теряя сознание.

И проваливаясь на дно темного туннеля, ведущего к смерти.

Глава 6

— Он пошевелился? — раздался голос.

— Кажется, да, — ответил другой. — Похоже, что приходит в себя.

Дон узнал голоса, но не мог видеть людей. Наконец он понял, что говорят о нем. Собрав силы, он с трудом открыл глаза. Он лежал на кровати в собственном лазарете внутри кислородной палатки. Сквозь тонкий пластик он увидел обеспокоенные лица главного инженера Хольтца и Рамы Кузума, выглядывающего из-за его спины.

— Наконец-то у тебя собственный пациент, Рама, — сказал Дон и удивился слабости своего голоса. Что он здесь делает? Внезапно вернулась память, и он попытался сесть. — Что произошло? Я, видимо, потерял сознание…

— Не торопитесь, сэр, — сказал Рама, мягко, но решительно укладывая его на подушку. — Все нормально. Из машинного отделения мы следили за уровнем радиации, и когда он стал достаточно низким, мы со старшиной надели защитные скафандры и поспешили на помощь. Чтобы добраться до вас, нам пришлось залить водой всю рубку управления. К этому времени

уровень радиации снизился настолько, что стало возможным расстегнуть ваш скафандр. Как можно быстрее мы доставили вас к диагностической машине. Теперь вы в полном порядке.

Сознание Дона все еще находилось в тумане, мысли путались.

— Почему вы отправились за мной? — спросил он. — Откуда вы узнали, что я в сложном положении?

— Изображение кормовой камеры параллельно выводилось на экран в машинном отделении. Мы пережили несколько ужасных минут вначале, когда подумали, что вы потеряли управление. Но вы сделали все как надо. Потом, когда буря почти закончилась, мы увидели, что Солнце уходит за край экрана. Поэтому мы пошли к вам. — Он улыбнулся. — Теперь вы видите, что все в полном порядке…

Словно в насмешку над его словами, раздался вой сирены и начал вспыхивать резкий аварийный свет.

«ПОЖАРНАЯ
ТРЕВОГА… ПОЖАРНАЯ ТРЕВОГА… — загремел голос компьютера. — ПОЖАР В ОТСЕКЕ 64-Эй».

Дон попытался вскочить на ноги и только теперь обнаружил, насколько ослаб. В таком

состоянии он будет только мешать. Видимо, настало время передать полномочия.

— Хольтц, узнайте, что там, и доложите. Рама, возьми аварийный медицинский комплект и иди с ним — на тот случай, если будут раненые. Видимо, неполадки с оборудованием…

Главный инженер Хольтц у двери обернулся и фыркнул:

— Не с моим оборудованием. Шестьдесят четыре-Эй — пассажирская каюта.

Дон чувствовал себя слишком слабым, чтобы заниматься происшествием, но понимал, что должен это делать. Он отключил кислород, потом несколько минут собирался с силами. Пожар. Как раз тогда, когда кислорода осталось совсем мало. И их курс — об этом не следует забывать. Они упустили этот вопрос из виду во время шторма. Если не найти способ, как провести коррекцию курса в самое ближайшее время, может оказаться слишком поздно — они пройдут мимо Марса и канут в безбрежное межзвездное пространство. Раздался сигнал вызова. Он поднял трубку и приложил к уху.

— Капитан слушает, — сказал он, уже не смущаясь этого титула. С маленького экрана смотрел старшина Курикка.

— Капитан, главный инженер Хольтц у вас? Было сообщение о пожаре…

— Я знаю. Он этим занимается. Где вы сейчас?

— В рубке управления, сэр. Временно командую кораблем. Дело в том, что мы получили сообщение о дыме, заполнившем палубу Эй. Однако мы не знаем, есть ли другие очаги, или дым распространяется по вентиляционной системе из каюты шестьдесят четыре-Эй. Прошу разрешения отключить вентиляционное ответвление на палубу Эй и очистить палубу.

— Действуйте и свяжитесь со мной, когда что-нибудь прояснится.

Дон повесил трубку и медленно поднялся на ноги. Несмотря на головокружение, он подошел к двери и несколько мгновений держался за ручку, прежде чем открыть дверь. Он находился в изоляторе, выходящем непосредственно в его отсек. Шкаф с лекарствами стоял у дальней стены. Когда Дон добрался до него, он двигался уже немного увереннее, прижал палец к идентификатору и услышал щелчок замка — шкаф открывался только при помощи отпечатка его большого пальца. Здесь имелось сильное лекарство, которое могло снять усталость и придать силы. Ему не хотелось связываться с наркотическим

веществом, потому что позднее придется расплачиваться еще большей усталостью, но у него не было выбора. Стеклянная ампула скользнула в емкость пневматического пистолета, и он сделал себе инъекцию. Когда Дон закрыл шкаф, опять заверещал сигнал вызова.

Это снова был Курикка, и сейчас его угрюмое лицо — насколько это было вообще возможно — казалось еще угрюмее.

— Циркуляция воздуха прекращена, и палуба изолирована. Пассажиры эвакуированы. Я направил несколько человек на помощь. Но… не могли бы вы прийти туда, сэр? Им нужен врач.

— Что случилось?

— Что-то вроде отравления дымом.

— Иду.

Лекарство оказало действие — Дон еще чувствовал головокружение, но стоял на ногах достаточно твердо. В аварийном медицинском комплекте, который захватил с собой Рама, был запас кислорода, но его могло потребоваться больше. Дон снял со стены кислородный баллон с маской и вышел.

Воздухонепроницаемые двери перекрывали вход на палубу А, но не были заблокированы и открылись, как только он подошел. В воздухе на

той стороне висела дымка и чувствовался запах гари. На полу возле отсека 64-А лежал человек, над ним склонился Рама, прижимая к его лицу кислородную маску. Рама тяжело кашлял, его лицо и руки были перемазаны сажей. Приблизившись, Дон узнал главного инженера.

— Пришлось… ломать дверь… — прохрипел Рама между приступами кашля. — Все было в дыму… мы подумали, там кто-то есть…

— Молчите, — приказал Дон. — И сами воспользуйтесь кислородной маской. Я им займусь.

Дон испугался. Он застегнул ремешки кислородной маски на лице Хольтца и поднял его веко. Плохо. Нащупывая пульс одной рукой, другой он рылся в аварийной сумке. Найдя шприц, он прижал его к шее инженера и сделал инъекцию. Рама, следивший за его действиями, отодвинул кислородную маску от своего лица ровно настолько, чтобы разговаривать.

— Я ввел ему алкавервир, — сказал он. — Сердечно-сосудистая стимуляция. Значит, у него…

— Больное сердце. Верно. Об этом знают немногие. Поэтому он и уходит в отставку после этого рейса.

— Как он?

— Ничего хорошего. Это худшее, что могло с

ним произойти. В этом отсеке кто-нибудь был?

— Нет. Мы никого не нашли. Пока не задохнулись в дыму.

Из двери каюты вышел человек с тяжелым огнетушителем, из сопла которого капала пена.

— Все в порядке, сэр. Огонь потушен.

Дон поднялся и заглянул внутрь каюты. Закопченные стены были покрыты пеной, на полу намокшей грудой валялись обугленные обломки.

— Как возник огонь? — спросил Дон. — Я думал, что корабль достаточно защищен от пожара.

— Так оно и есть. За исключением багажа пассажиров. Горели два чемодана, их содержимое и одежда.

— У вас есть какие-нибудь предположения, из-за чего начался пожар?

Человек поколебался, потом раскрыл ладонь:

— Я не хочу никого обвинять, капитан, но вот что я нашел на столе.

В его ладони лежала намокшая пачка сигарет. Дон несколько секунд молча смотрел на нее.

— Отдайте это старшине Курикке и сделайте подробный рапорт о случившемся здесь, — сказал Дон. — Но сначала вызовите рубку управления и скажите, чтобы прислали двух человек с но-

силками.

— Доктор, — позвал Рама. — Идите сюда. Я чувствую — его пульс прерывается.

Дон бросил взгляд на инженера и крикнул парню из команды:

— Отставить вызов. Помогите нам. Этого человека нужно немедленно доставить в лазарет.

Главный инженер Хольтц был далеко не молод, и вот уже несколько лет его беспокоило сердце. Его можно было спасти в стенах госпиталя, но корабельный лазарет не имел необходимого оборудования. Здесь не было установки «сердце — легкие». И конечно, хирургической бригады с набором замороженных органов на случай возможной пересадки. Но Дон сделал все, что было в его силах. Рама Кузум, наглотавшийся дыма, невзирая на протесты, был помещен на свою койку. В маленькой больничной каюте было уже занято четыре места.

Два часа спустя Дон вызвал рубку управления — получить рапорт. Он был врачом, но одновременно он был главным офицером космического корабля.

— Корабль осмотрен, — отрапортовал Курикка. — Вне отсека шестьдесят четыре-Эй нет ни огня, ни дыма.

— Как у нас с кислородом?

— Несколько понизилась концентрация, но не более. Я обследовал ту кучу и обнаружил окурок. Видимо, он вывалился из пепельницы и поджег вещи.

Дон секунду молчал.

— Есть на этом судне гауптвахта? — спросил он.

Глаза Курикки расширились, но его ответ был точен, как всегда:

— В некотором смысле есть, капитан. Отсек восемьдесят четыре-Би можно задраить снаружи. Его уже использовали раньше в качестве гауптвахты.

— Прекрасно. Я хочу, чтобы вы нашли поджигателя и заперли его или ее в этом отсеке. Этого человека нужно заставить понять, насколько серьезно наше положение. Если бы никто не нарушал запрета на курение, пожара не случилось бы.

— Да, сэр, если вы знаете, кто поджигатель…

— Мне все равно! Это приказ, старшина.

— Будет исполнено, сэр. Могу я спросить, как самочувствие инженера Хольтца? Я слышал, он наглотался дыма.

Дон взглянул на тело, лежащее на кровати в

углу каюты.

— Главный инженер Хольтц мертв, — сказал он. — Держите пока эту информацию при себе. Я не хочу, чтобы стало известно, что мы лишились главного специалиста.

Глава 7

Действие стимулятора заканчивалось, Дон был измучен и мрачен. Для этого имелись причины. Он обвел взглядом кают-компанию, беспокойные лица людей и если бы не был подавлен, то рассмеялся бы. Офицерский корпус межпланетного лайнера «Иоганн Кеплер» определенно оставлял желать лучшего.

Капитан — бывший врач, несколько недель назад впервые ступивший на борт космического корабля.

Его заместитель — всего лишь старшина. Однако в настоящий момент — самый ценный человек на борту.

Технический консультант — гражданский человек и одаренный математик, но по рассеянности делающий ошибки при сложении.

Напуганный помощник инженера по обслуживанию реактора второго класса теперь отвечает за оборудование стоимостью в два миллиарда долларов.

Дон налил еще одну чашечку кофе, стараясь сохранять спокойствие. Он посмотрел на помощника инженера и заставил себя улыбнуться.

— Поздравляю, Тиблевский, вы теперь главный инженер «Большого Джо».

Тиблевский был маленьким блондином с невыразительной внешностью, если не считать больших ушей, торчавших по бокам головы, словно ручки кувшина. Он нервно жевал собственную губу.

— Не знаю, сэр, — сказал он. — Я всего лишь рядовой специалист. Я могу выполнять приказы, но…

— Тогда считайте это приказом, — прервал его Дон. — Старшина говорил мне, что вы знаете свое дело и что вы единственный человек на борту, имеющий какие-то навыки обращения с оборудованием. Вы должны справиться.

Тиблевский открыл рот, собираясь что-то сказать, потом снова закрыл. Он кивнул в знак согласия. Дон терпеть не мог играть роль солдафона, но у него не было выбора. Корабль и пассажиры — прежде всего.

— Все в порядке, джентльмены, — сказал он, оглядывая присутствующих. — Теперь я обрисую наше положение в настоящее время. Солнечная буря прошла, и о ней можно забыть. Ситуация с кислородом не опасна — пока. Так как мы потеряли часть фитопланктона вместе с водой,

концентрация кислорода в воздухе медленно снижается. Однако она далека от критического уровня, поэтому перейдем к более неотложным задачам момента. Самая срочная проблема — наш курс. Время коррекции давно прошло. Если мы ничего не предпримем, то отклонимся от курса на добрый миллион миль. Доктор Угалде, вы можете доложить?

Темноволосый математик пребывал в унынии, его лоб прорезали морщины, около уголков рта пролегли складки. Он поднял руки в жесте отчаяния:

— Что мне сказать? Солгать, что могу помочь? Я делаю все возможное, но, боюсь, этого недостаточно. Теоретически я могу управлять этим судном. С точки зрения математики это нетрудно. Но практически — это выше моих способностей. Я изучаю книги по навигации, но это требует времени. Еще я должен обучиться составлению программ для компьютера — это другая серьезная проблема. — Он пожал плечами.

Дон постарался сдержать эмоции.

— Можете вы сказать, доктор, сколько времени потребуется для приобретения этих знаний?

— Недели! Месяцы! Не могу сказать.

«Очень плохо, — отметил про себя Дон. — У нас

нет столько времени».

— Тогда нам лучше подумать о связи, — сказал он. — Спаркс прошелся по складам запасных частей и вместе с помощником электрика занимается аварийным передатчиком. Сделанный вчера приемник работает лучше, но солнечная активность все еще снижает качество приема. Она также влияет на передачу, поскольку у передатчика не хватает мощности, чтобы пробиться сквозь помехи. Вот и все, что мы можем. Никто не хочет ничего добавить?

— Две вещи, сэр.

— Какие, Курикка?

— Вопрос о капитане… о похоронах капитана Кардида. До сих пор у нас не было времени подумать об этом.

— Если вы сделаете необходимые приготовления, мы проведем их, как только представится возможность.

— Все сделано. Нужно ваше распоряжение.

— Тогда приступайте сразу после собрания. Какой второй вопрос?

— Арестованный на гауптвахте — он протестует. Он хочет говорить с вами.

— Наш поджигатель! Признаться, я совсем забыл о нем. Даже не спросил у вас его имени.

— Это… генерал Мэтью Бригс, сэр.

— Можно было догадаться. Но это ничего не меняет. Пусть остается там. Я поговорю с ним, когда появится возможность.

Других вопросов не было, и Дон закончил собрание. Похороны капитана Кардида были назначены через час. Объявление об этом прозвучало по корабельной сети. Оставшиеся до церемонии сорок минут Дон отдыхал. Он пытался уснуть, но не мог. Сложность положения держала его мозг в постоянном напряжении. Уже не в первый раз он пожелал, чтобы кто-нибудь другой взялся за эту работу, на которую он согласился с такой неохотой. Он делал все, что мог, но положение продолжало ухудшаться. Может быть, настало время признать, что корабль полностью разрушен метеоритом и все заплаты и усилия напрасны с самого начала? Они все мертвецы… почему бы не признать этого?..

Пронзительный вой сирены вытолкнул его из сна. Он плавал в какой-то дремоте, в которой все его наихудшие предположения воплотились в реальность. Может быть, так и есть на самом деле? Он встряхнулся, пытаясь избавиться от чувства черной депрессии, но этого не произошло.

Затем душ, обдавший сначала теплом, потом

холодом. Воду высушил поток приятного сухого воздуха. Обсохнув, он надел свою форменную одежду и отправился к служебному шлюзу палубы А. Экипаж был в сборе и ждал его.

— Все готово, сэр, — отрапортовал Курикка. — Похоронная команда на месте, экипаж в сборе. Все, кроме вахтенных. — Он подал книгу в черном переплете с кожаной эмблемой и продолжил шепотом, который мог слышать только Дон: — Я буду вести церемонию, это не очень долго. Когда я попрошу снять головные уборы, прочитайте в корабельном уставе подчеркнутый мною абзац.

— Вольно, старшина.

Это была простая, но трогательная церемония, берущая свое начало из древних морских традиций. Экипаж космического корабля, почти сорок человек, за исключением занятых на вахте, застыл по стойке смирно, в то время как покрытое флагом тело капитана пронесли мимо строя под мерный рокот барабана. Только горстка пассажиров была допущена на церемонию — они сами еще недавно находились на волосок от смерти. Шесть человек пронесли тело и положили на палубу рядом с люком.

— Снять головные уборы, — приказал старшина.

Дон сунул фуражку под локоть и сделал шаг вперед с открытой книгой в руках:

— Мы вверяем глубинам космоса этого человека, капитана Кардида, главнокомандующего кораблем «Иоганн Кеплер», первопроходца нехоженых морей…

Текст был короткий, всего страница в книге, однако, читая его, Дон понял, что это больше, чем просто слова. Кардид командовал одним из самых мощных кораблей современности, путь которого измерялся не сотнями, а миллионами миль. Капитан стал жертвой случайности, но его корабль и его экипаж живы. Если понадобится, они выполнят свой долг до конца, как это сделал капитан. И он, доктор медицины, Земля, Соединенные Штаты Америки, стал одним из них. Дон кончил читать и поднял глаза на людей — они смотрели на него, как на своего. Это был момент, который — Дон знал — он никогда не сможет забыть.

— Надеть головные уборы. Похоронная команда, вперед.

Раздался шум моторов, скрежет металла о металл, и внутренний люк шлюза откинулся вверх. Сопровождающие шагнули вперед, опустились на колени и поместили тело на внешний люк

шлюза, представляющий собой пол цилиндрической камеры. Когда они поднялись, в руках у них был тщательно сложенный бело-голубой флаг Земли. Внутренний люк закрылся, и застучали насосы, отсасывающие воздух.

— Внешний люк открывать вам, капитан, — сказал Курикка и отодвинулся от пульта.

Дон встал рядом с ним и ждал, пока загорится сигнал готовности. Потом он коснулся кнопки, после чего бесшумно в вакууме открылся внешний люк. Центробежная сила, созданная вращением судна, вынесет тело из корабля и направит в последний бесконечный путь.

— Все свободны.

Дон повернулся, опустошенный, и направился в свою каюту. Не успел он сделать и несколько шагов, как услышал топот за спиной.

— Капитан, сэр, могу я с вами поговорить?

Это был Спаркс. Со смазкой на руках и лице, с темными кругами усталости под глазами. Он уже давно не спал. Помня приказ Дона не обсуждать корабельные дела в присутствии пассажиров, он молча проследовал за ним в рубку управления.

— Мы собрали передатчик, — сказал он, как только закрылась дверь.

— Чудесно! Давайте посмотрим, сможем ли мы

вызвать Марсианский центр.

Из приемника доносился эфирный шум, становившийся тише, как только Марсианский центр начинал передавать записанное на ленту сообщение, предназначенное для их корабля. Они повторяли снова и снова, что плановые сеансы связи не состоялись и что «Кеплер» должен немедленно выйти в эфир. Спаркс увеличил громкость, чтобы сразу услышать, если их сообщение будет принято.

— Смотрится не очень, — признался помощник электрика Голд, — но работает нормально.

— Просто не хватает мощности, — добавил Спаркс, глядя на разбросанные блоки на столе перед собой. Здесь было компенсирующее устройство от радара, усилитель из стоящей в кают-компании Hi-Fi-деки и несколько узлов от электронной печи. Их оплетали провода и волноводы. К источнику питания тянулся силовой кабель.

— Вы уверены, что это работает? — спросил Дон.

— Абсолютно, — ответил Спаркс, осторожно подстраивая переменный конденсатор. — Я хочу настроиться на нашу частоту. Передаваемый сигнал будет пойман нашей же приемной антенной,

тогда я смогу откалибровать ручку подстройки частоты.

Он щелкнул по микрофону и зашептал в него. Его слова загремели из приемника, заглушая сообщение с Марса.

— Звук достаточно силен, — сказал Дон.

— Ага. — Голд был очень угрюм. — Но мы передаем с антенны на антенну, между которыми не более ста футов. А сколько миллионов миль до Марса?

— Но у них более чувствительные приемники, — отпарировал Спаркс. — У них параболические антенны, которые усиливают сигнал…

— Достаточно, — сказал Дон. — Давайте посмотрим, сможем ли мы пробиться.

В дверь вошли Курикка с доктором Угалде и каптенармус Жонке. Спаркс мучительно долго подстраивал частоту, снова и снова контролируя сигнал, пока не остался доволен. Он подал полную мощность и пододвинул к себе микрофон. Смущенно кашлянув, щелкнул переключателем.

— «Иоганн Кеплер» вызывает Марсианский центр… жду ответа от Марсианского центра… как вы меня слышите? Прием…

Он повторил вызов, и еще раз, и еще, отчетливо выговаривая слова. Бормотание приемника, отку-

да раздавалось все то же записанное сообщение с Марса, служило аккомпанементом его словам. Потом он отключил питание и выпрямился.

— Ничего не получилось? — спросил Дон.

— Еще рано так говорить, сэр. При такой дистанции потребуется несколько минут, чтобы наш сигнал достиг Марса, и еще столько же времени на обратный путь. — Спаркс склонился над микрофоном и снова начал передавать сообщение.

Приемник выдавал все те же слова, пока большая красная секундная стрелка на часах продолжала медленное движение.

Минуты шли. Никто не решался задать вопрос, и тишина была хуже слов. Первым нарушил молчание Спаркс. Он опустил микрофон и отключил питание. Когда он обернулся, они увидели, что его лицо покрыто капельками пота.

— Я сожалею, капитан, но ничего не вышло. Нашему сигналу не хватает мощности. После бури остался шумовой фон, сквозь который невозможно…

Он оборвал себя на полуслове, потому что стихло бормотание приемника и в наступившей тишине новый голос произнес:

— «Иоганн Кеплер», это вы в эфире? Мы уловили следы сигнала на частоте корабля, но не

можем разобрать сообщение. Это вы передаете? Повторяю: вы меня слышите? Марсианский центр вызывает «Иоганна Кеплера». Мы приняли очень слабый сигнал на вашей частоте, но не можем разобрать…

— Это буря, — объяснил Спаркс, — и недостаточная мощность передатчика.

— Вы сделали, что могли, Спаркс, — сказал ему Дон. — Никто вас не винит.

Винить было некого.

И это ничего не дало бы.

Если они не свяжутся с Марсом, то уже сейчас могут считать себя мертвецами.

Глава 8

Все отвернулись, только Дон продолжал сверлить взглядом грубый передатчик, как будто мог заставить его заработать силой воли. Выход должен быть. Этот передатчик — их единственная надежда.

— Есть какой-нибудь способ увеличить мощность? — спросил он.

Спаркс покачал головой:

— Я уже перегрузил все схемы на сорок процентов. Некоторое время они выдержат такой режим. Вы же видите — я отключаю питание каждые пять минут. Если добавить еще немного, они выйдут из строя, как только я подам напряжение.

— Может быть, использовать другую схему?

— Боюсь, что это невозможно. Собрать эту штуку было самой легкой частью работы. Мы с Голдом потратили больше времени на поиски комплектующих. Но связь должна улучшиться по мере приближения к Марсу. В конечном итоге они нас услышат.

— «В конечном итоге» — не слишком хорошее выражение, — сказал Угалде. Он подошел

к передатчику и стоял, покачиваясь на носках и заложив руки за спину, словно перед студенческой аудиторией. — Признавая с великим сожалением, что роль навигатора мне в настоящий момент непосильна, я тем не менее вполне способен рассчитать орбиту. Я выудил, что мог, из записей последних расчетов, сделанных покойным навигатором. Отклонение нашего курса растет с каждой секундой, и чем больше ошибка, тем труднее ее исправить. Я приведу аналогию. Представьте себе, если сможете, очень длинный пологий склон, по которому катится шар. Если шар катится точно вниз, он должен попасть в колышек, стоящий в конце спуска. Если теперь шар сбить немного в сторону, он докатится под углом к первоначальной траектории. Но достаточно легкого толчка, чтобы он все же попал в колышек. Легкий толчок должен быть сделан сразу же после отклонения. Если коррекцию не сделать сразу, через некоторое время шар отклонится от правильной траектории уже на несколько футов и для ее исправления потребуется сильный удар. Чем дальше — тем сильнее. Конечно же, вы догадались, что шар — это наш корабль, а гипотетический колышек — Марс. Мы потеряли много времени. Если протянуть еще немного,

мы уже не сможем провести коррекцию, чтобы вернуться на правильный путь. Связь с Марсом должна быть установлена, и немедленно.

Что они могли сказать после этого? Атмосфера уныния в рубке сгустилась настолько, что воздух, казалось, можно было резать ножом. Спаркс оглядел, переводя взгляд с одного лица на другое, и вернулся к столу.

— Не смотрите на меня так! — выкрикнул он, словно защищаясь. — С теми запчастями, которые были у нас, я сделал все, что мог. Я собрал передатчик, и он работает, вы это слышали. Ничего больше я не могу. Это передатчик с модулированием сигнала, а не радар или генератор частоты. Это все, что мы можем…

Дон ткнул его в плечо сильнее, чем намеревался.

— Что вы сказали о радаре? — спросил он, увидев удивление на лице радиста.

— Ничего, сэр. Ничего, что можно использовать. Если выдавать простой сигнал, то можно достичь большей мощности, чем сейчас. Но мы должны модулировать сигнал, чтобы он нес информацию. Иначе Марсианский центр не будет иметь ничего, кроме постоянной несущей частоты. Они будут знать, что мы живы, но ничего больше.

— Нет, — сказал Дон. — Это не все. — Он начал вышагивать по рубке, ударяя кулаком по раскрытой ладони. — Кое-что можно сделать. Помнится, я читал давно в книге или где-то еще о первых шагах радио. О каком-то коде…

— Конечно, — ответил Спаркс. — Код. Им пользовались примерно два столетия назад. Мы изучали это в школе по истории радио. Пока люди не научились модулировать сигнал для передачи сообщений, они использовали просто несущую частоту, разбитую на короткие и длинные интервалы в соответствии с кодом. Я думаю, что для каждого символа у них был специальный сигнал. После приема они переводили его обратно в символ. Но мы не можем этого сделать…

— Почему?

Спаркс улыбнулся, потом увидел выражение лица Дона, и его улыбка исчезла.

— Ну, видите ли… этот код давно забыт. Даже если бы мы знали и воспользовались им для передачи, на другом конце нас никто не понял бы. Хотя это было бы здорово, если бы мы сумели, но…

— Без всяких «но». Мы это сделаем. Сможете ли вы передавать длинные и короткие сигналы, если я составлю сообщение?

— Думаю, что да. Я могу приспособить переключатель и просто включать и выключать передатчик. Или мы можем сделать запись на пленку — это должно быть даже лучше — и передавать записанные сигналы. Я полагаю, что с механической точки зрения проблем не будет.

— Тогда делайте. Вскоре я принесу вам текст, а вы все подготовьте. Курикка, пойдемте со мной.

Старшина молчал, пока они не вышли в коридор.

— Объясните мне, сэр, что вы задумали.

Он выглядел сбитым с толку, и Дон улыбнулся:

— Все очень просто. Мы идем в библиотеку. Всю информацию найдем там. Если ничего не обнаружим в книгах, то что-нибудь отыщем в памяти библиотечного компьютера.

В конце концов это оказалось действительно не очень сложно сделать. Ни одна из книг — большей частью это было развлекательное чтиво для пассажиров — им не подошла, поэтому Дон набрал индекс энциклопедии. Ему пришлось просмотреть целый список разделов от «КА» до «КУ», пока он не наткнулся на статью «Коды международные». Там он нашел и сам код.

— Вот он, — сказал Дон, указывая на колонки букв, точек и тире, и нажал на клавишу «Пе-

чать». — Сейчас посмотрим, удастся ли нам записать сообщение таким образом.

Решение предложил математик Угалде, когда они вернулись в рубку управления.

— Мы можем доверить это компьютеру. Перед нами одна из тех задач, для решения которых была сделана эта дурацкая машина. Если позволите, я запрограммирую компьютер, чтобы он преобразовал сообщение согласно этому коду и вывел результат на ленту для передачи. Чтобы на Марсе быстрее разобрались, что мы передаем, предлагаю перед текстом сообщения поместить цифры от единицы до десяти, набранные сериями точек. Это подскажет им, что они приняли разумное сообщение, а не беспорядочный набор сигналов. С помощью такого ключа они быстро разберутся, в чем дело.

— По-моему, замечательная идея, — согласился Дон. — После нескольких простых сообщений мы спросим их, понятен ли им код, а потом подготовим более обстоятельное сообщение. Следует им сказать, что мы принимаем их передачу, но можем отвечать только в этом коде. — Он повернулся к остальным. — Собирайте приспособление как можно быстрее. А мне необходимо взглянуть на своих пациентов. Когда все будет

готово, позовете меня.

Потребовался весь его врачебный такт, чтобы дать обнадеживающие ответы на вопросы. Да, буря прошла и больше не ожидается. Слух о том, что у них кончается воздух, неверен. Воздух есть и приятно пахнет. Он сменил повязки на ранах, снял бинты с обмороженного больного и велел ему приходить каждый день, затем вернулся в свой отсек. Как только он вошел, запищал вызов, и ему снова пришлось вернуться к обязанностям капитана. Сообщение было готово к передаче.

— При проверке работало прекрасно, — сказал Спаркс, когда Дон вошел в рубку. Он щелкнул тумблером, и послышались медленные серии точек и тире. — Лента управляет переключателем в этой цепи. Теперь на антенну подается почти вдвое большая мощность, чем раньше.

— Передавайте, — приказал Дон, опускаясь в кресло капитана перед пультом управления.

Каптенармус принес кофе и роздал каждому по чашечке.

Спаркс перемотал ленту и отрегулировал все необходимые параметры. Катушки закрутились, сообщение полетело в космос. Приемник бормотал все те же слова, которые они слушали уже целый день. Дважды Спаркс перематывал ленту

и повторял передачу, пока наконец не выключил аппарат.

— Теперь надо ждать, — сказал он.

Доктор Угалде быстро сделал на бумажке несколько расчетов.

— Получается, — сообщил он, — что с учетом нашего вероятного положения относительно Марса ответ следует ждать не раньше чем через тридцать секунд.

Они все посмотрели на часы, на секундную стрелку. Казалось, что она ползет все медленнее и медленнее. Наконец она миновала отметку, соответствующую тридцати секундам. Прошла минута. Полторы. Угалде скомкал листок:

— Возможно, мои расчеты ошибочны…

Он замолчал, когда внезапно оборвался монотонный звук, исходящий из приемника. Они все обернулись. Обернулись почти автоматически, уставившись на замолчавший аппарат. Прошли секунды молчания, прежде чем оттуда раздался голос:

— «Иоганн Кеплер»… Вы слышите меня? Мы приняли сообщение на вашей частоте. Вы что-нибудь передавали? Если да, передайте пять импульсов. И повторите их, у нас очень неуверенный прием.

— Выполняйте! — приказал Дон.

Спаркс присоединил кнопку к цепи питания и теперь передавал пять точек, снова и снова: пять, пять, пять…

Потом они ждали, пока пройдут долгие минуты и их сообщение, мчащееся со скоростью света, достигнет Марса. Наконец пришел ответ.

— Мы получили ваше послание, «Иоганн Кеплер», — сказал голос, и рубка сотряслась от криков ликования. — Видимо, у вас проблемы с радиосвязью. Мне доложили, что ваше сообщение передано с помощью кода, сейчас его ищут в библиотеке. Надеюсь, сообщение расшифруют, поэтому передавайте подробности. Передавайте ваши послания не менее пяти раз подряд, так как у нас трудности с приемом.

Подготовка заняла очень много времени, потому что информация, которую требовалось передать, была довольно сложной. Дон ввел в компьютер сообщение, объясняющее, что произошло на корабле, и тот вывел его на ленту в виде точек и тире. Была подготовлена еще одна лента с данными астрономических наблюдений, на основании которых большой компьютер Марса должен был рассчитать необходимую коррекцию курса. Время уходило, и с каждой секундой они

все дальше отклонялись от правильной траектории.

Они снова ждали, но вместо параметров коррекции получили запрос о количестве реактивного топлива, оставшегося в баках. Они ответили насколько могли быстро, и снова наступили минуты тишины и ожидания параметров коррекции курса, которые должны будут вернуть их на правильную траекторию, ведущую к Марсу.

Наконец сообщение пришло.

— Привет, «Большой Джо», — прорвался голос. Чувствовалось, что человек старается говорить бодро, но в его голосе звучало беспокойство. — Это не окончательный результат, расчеты повторяются. Однако дело в том, что… вы слишком далеко отклонились от курса. Вашего запаса реактивного топлива недостаточно, чтобы направить корабль к Марсу. Ваша траектория уходит в открытый космос.

Глава 9

В тишине, наступившей после этого ошеломляющего заявления, стук в дверь прозвучал неестественно громко. Вошел помощник механика, отдал честь и окинул взглядом молчащих людей. Потом протянул Дону лист бумаги:

— Я решил, что лучше всего передать показания приборов прямо вам, сэр. Я только что снял последние данные, минуту назад.

Дон хмуро взглянул на помощника механика, с трудом переключаясь с только что услышанного по радио. Он взял листок, и на его лице появилось недоумение.

— Извините, может быть, вы скажете, что означают все эти цифры?

Помощник указал на колонку цифр справа, потом на последнюю из них, обведенную красным кружком.

— Это показатели концентрации кислорода в воздухе. Как видите, она постепенно снижается. Я фиксировал данные через каждые пять часов, начиная с момента аварии. Сперва изменения происходили медленно, но сейчас — резкий провал, а вот последний результат. Я думаю, что

радиация при солнечной буре убила большое количество фитопланктона. К тому же мы потеряли много воды.

— Что это означает?

— Все очень просто, сэр. Люди, находящиеся на корабле, вырабатывают углекислый газ быстрее и больше, чем водоросли превращают его в кислород. Нам грозит удушье.

Дон вздрогнул. Слишком много проблем сразу.

— Сколько времени осталось до того, как содержание кислорода снизится до опасного уровня? — спросил он.

— Несколько дней, наверное. Я не могу сказать точно. Уже сейчас надо что-то делать.

— Но не в данный момент. Я займусь этим, как только появится время. Кто отвечает за регенерацию?

Парень, которому на вид было едва ли больше двадцати лет, сконфузился.

— Лейтенант Хонг погиб, и я решил занять его место.

— Как ваше имя?

— Хансен. Помощник механика третьего класса Хансен.

— Ну что ж, Хансен, вам придется выполнять обязанности офицера отделения регенерации.

Делайте это на совесть, потому что наши жизни зависят сейчас от вас.

— Да, сэр, — ответил Хансен, вытягиваясь по стойке смирно и отдавая честь.

«Он справится», — подумал Дон, глядя в спину Хансена. Потом его мысли вернулись к сообщению, полученному с Марса, и Дон снова ощутил безвыходность положения. Он повернулся к Курикке.

— Что это за реактивное топливо, о котором беспокоится Марс? — спросил он. — Я сам не люблю глупых вопросов, но изучение медицины оставило мне мало времени для чтения чего-то еще. Я считал, что корабль использует атомную энергию.

— Да, сэр, но тем не менее мы нуждаемся в реактивной тяге. Ракета движется не отталкиваясь от чего-то, а выбрасывая что-то из себя. То, что выбрасывается, и называется реактивным топливом. В ракетах химического действия используется раскаленный газ. Газ выбрасывается в одну сторону, ракета движется в другую. Чем больше выбрасывается вещества и чем больше скорость выброса, тем сильнее реактивная отдача и, соответственно, выше скорость ракеты. Можно получить большую отдачу, выбрасывая

малое количество вещества, но с большей скоростью. Что мы и делаем. Наше реактивное топливо представляет собой мелкие частицы кремния. Они получаются методом выпаривания в вакууме стального шлака и имеют микроскопические размеры. В двигателе эти частицы разгоняются до невероятных скоростей, что и обеспечивает необходимый импульс.

Дон кивнул:

— Кажется, достаточно просто, по крайней мере в теории. Итак, в нашем распоряжении неограниченная энергия атомного реактора, но, чтобы скорректировать свой курс, не хватает реактивного топлива.

— Правильно, сэр. Обычно мы обходились небольшим количеством топлива, так как все изменения курса проводились вовремя. Чем дальше корабль сбивается с правильного пути, тем больше требуется топлива, чтобы вернуть его на верный курс. На этот раз мы ждали чересчур долго.

Дон старался не поддаваться атмосфере уныния, заполнившей рубку управления.

— Может быть, в качестве реактивного топлива использовать что-нибудь другое? — спросил он.

Курикка отрицательно покачал головой:

— Боюсь, что нет. На корабле не найдется ничего с такими микроскопическими размерами, чтобы пройти через инжекторы. Двигатель может работать только на этом виде реактивного топлива. — Он отвернулся, и Дон впервые увидел, что похожий на скалу старшина выглядит побежденным. — Думаю, что нам не удастся ничего сделать.

— Тем не менее нельзя сидеть сложа руки! — сказал Дон. — Мы не в силах вернуться на правильный курс, но мы можем изменить его, насколько это возможно?

— Может быть, и так, капитан. Но если мы сейчас истратим все топливо, нам не хватит его для торможения.

— Зато мы подойдем ближе к Марсу. Там могут оказаться другие корабли, которые состыкуются с нами и окажут помощь. Запросите об этом Марсианский центр.

Ответ не приходил мучительно долго и оказался не слишком обнадеживающим.

— Мы смоделировали на компьютерах все возможные варианты и не нашли положительного решения. На орбите около Марса нет кораблей, способных вам помочь. Что же касается спутниковых заправщиков, они не смогут преодолеть

такую большую дистанцию — их возможности ограниченны — даже если вы подправите свой курс. Не теряйте надежды, мы продолжаем искать выход.

— Очень утешительно, — пробормотал Спаркс. — Их бы на наше место.

— Я не могу согласиться с Куриккой и его последним утверждением, — произнес Угалде. С головой погрузившись в расчеты, он не заметил, что с тех пор, как Курикка произнес свое «последнее утверждение», прошло почти пятнадцать минут. — Кое-что можно сделать. Мы рассмотрели ситуацию со всех сторон, но, если позволите, я берусь утверждать, что мы увидели только часть проблемы. Это произошло потому, что вы неверно сформулировали вопрос. — Он начал расхаживать взад и вперед по рубке. — Проблема не в том, чтобы найти добавочное топливо, а в том, чтобы скорректировать курс. Если так сформулировать вопрос, то решение становится ясным и очевидным.

— Мне еще ничего не ясно, — сказал Курикка, выражая мнение всех присутствующих.

Угалде улыбнулся:

— Если мы не можем найти добавочное реактивное топливо, следовательно, нужно умень-

шить массу, на которую оно будет действовать.

Дон заулыбался тоже:

— Конечно! Все правильно! Нам следует облегчить корабль!

— Главное — чтобы все, что пойдет за борт, предварительно взвешивалось, — предупредил Угалде. — Эти данные понадобятся для расчетов. И чем быстрее мы начнем облегчать корабль, тем больше шансов на успех.

— Мы начнем прямо сейчас, — сказал Дон, вытаскивая авторучку. — Я хочу составить список того, что не требуется для управления кораблем и сохранения жизни находящихся на борту людей. Ваши предложения?

— Багаж пассажиров, конечно, — сказал Угалде. — Они могут оставить то, что на них, а все остальное следует выбросить.

— Я уже ясно вижу иски, которые нам предъявят, — застонал каптенармус.

— Думаю, что имущество пассажиров страхуется компанией, — сказал Дон, делая пометку. — Багаж или жизнь — не очень широкий выбор. Они могут оставить ценности и личные вещи, но все громоздкое должно быть выброшено. Соберите пассажиров в кают-компании. Через пятнадцать минут я поднимусь и все объясню.

Жонке кивнул и вышел. Дон повернулся к остальным.

— Обеденные столы, стулья, посуду и бóльшую часть кухонного оборудования, — предложил Курикка. — Все замороженное мясо и продукты. Мы можем прожить на сухом пайке.

— Хорошая мысль, что еще?

Стоило только задуматься, как сразу же нашлось потрясающее количество ненужных вещей. Ковры, украшения, мебель, запасные блоки, детали. Список увеличивался. Но одна немаловажная деталь была упущена.

— А как насчет груза? — спросил Дон.

Курикка отрицательно покачал головой.

— Хотелось бы, но это трудно осуществимо, — сказал он. — Там тяжелые механизмы, тюки с одеждой, куча мелких вещей, от которых следовало бы избавиться. Но груз находится в контейнерах, которые прочно закреплены в трюме. Думаю, мы можем воспользоваться аварийным устройством, чтобы вскрыть контейнеры и освободить от содержимого, но на это уйдет как минимум пара дней.

— Слишком много. Груз придется оставить, но все остальное должно быть выброшено.

Как только указания были розданы, Дон отпра-

вился в кают-компанию. Он представил себе, как его встретят, и не ошибся. Все сто двенадцать пассажиров ожидали его в весьма скверном настроении. Ему пришлось кричать, чтобы быть услышанным. Он изложил трудности, выпавшие на их долю, — отклонение от курса из-за аварии и необходимость облегчить корабль. Когда он коснулся судьбы их багажа, ему ответил взрыв негодования.

— Вы не имеете права и не заставите меня это сделать! — гневно крикнула пожилая дама, и со всех сторон послышались возгласы одобрения. Дон дождался, пока крики утихнут, потом заговорил снова:

— Прошу прощения, если я кажусь чересчур своевольным. Но уверяю вас, в том положении, в котором мы оказались, иного выхода нет. Это не только мой вывод. Вы знаете, что я всего лишь врач, я выполняю обязанности капитана только потому, что все остальные офицеры погибли. Однако у нас есть связь с Марсианским центром, это также и их вывод. Мы должны уменьшить массу корабля, чтобы развернуться к Марсу.

Снова послышались жалобы, но Дон оборвал их:

— Я капитан, и это — приказ. Можете оста-

вить только те вещи, о которых я упомянул, весь остальной багаж должен быть принесен сюда в течение получаса. От этого зависят ваши жизни.

Пассажиры неохотно разошлись, жалуясь друг другу. Дон усмехнулся про себя, подумав, что ему никогда не добиться уважения этих людей. Тем не менее он должен спасти их жизни — нравится им это или нет. Один человек остался и подошел к Дону. Его лицо было знакомым — худое, загорелое, с торчащими усами.

— Мое имя Дойл, капитан, — представился он. — Я секретарь генерала Бригса.

— Да? Чем могу быть полезен?

Дойл не обратил внимания на резкость в голосе Дона и улыбнулся:

— Не мне, капитан, генералу Бригсу. Он хочет переговорить с вами. Так ли чрезмерна его просьба?

Дон заколебался. Он вспомнил о своем решении поговорить с Бригсом.

— Хорошо. Идемте прямо сейчас.

— Благодарю, сэр. Уверен, что генерал оценит это.

Они зашли в рубку за ключами и направились к временной тюрьме. Генерал поднялся с койки, когда открылась дверь.

— Очень хорошо, что вы пришли, капитан.

— Вы хотели поговорить со мной, генерал?

— Да, если вы найдете для меня время. Все, чего я действительно хочу, — это извиниться перед вами за тот инцидент в моей каюте. Конечно же, я отдал все свои сигареты, — я умею подчиняться приказам в той же мере, что и отдавать их. Однако случайно я забыл одну пачку, а потом закурил, даже не отдавая себе отчета. Это и стало причиной инцидента. Мне очень жаль, что так получилось.

— Нам тоже, генерал.

— Уверен в этом. А сейчас, если позволите, я хотел бы спросить, как долго вы собираетесь держать меня здесь? Я не протестую против заключения, ваши действия вполне оправданны, но полагаю, что срок заключения должен быть объявлен.

Дон немного подумал. Он нуждался в поддержке пассажиров, а Бригс мог оказать необходимую помощь. Прежний гнев генерала исчез, — казалось, он каялся совершенно искренне. Не было смысла держать его взаперти.

— Вы свободны, генерал. Это было не заключение, а лишь временная мера, чтобы уберечь корабль от пожара.

— Вы очень любезны. — В последних словах генерала исчезла та теплота, которая присутствовала при объяснении случившегося, слова прозвучали холодно, формально.

Бригс и Дойл тотчас же ушли. Дон смотрел им вслед со смутным чувством тревоги. Как бы то ни было, инцидент исчерпан, теперь следовало подумать о корабле.

Когда он спустился по лестнице на палубу А, его глазам предстало потрясающее зрелище. Так как эта палуба являлась внешней обшивкой корабля, то иллюминаторы из толстого упругого стекла были вделаны прямо в пол: черные круги тьмы, по два ярда в диаметре, испещренные яркими точками звезд. Из-за вращения корабля звезды равномерно ползли по иллюминаторам.

Не считая моментов старта и приземления, звезды были единственным, что можно было наблюдать в окружающем корабль пространстве.

Но сейчас появилось кое-что еще — яркий свет далекого Солнца, не рассеиваемый атмосферой, отражался от множества предметов, текущих через пространство: столы, чемоданы, стулья, мясо, обувь, ковры, консервные банки, посуда — список можно было продолжать до бесконечности. Они медленно уплывали вдаль, уменьшаясь в разме-

рах и исчезая, а вместо них появлялись новые предметы. Освобождение корабля от лишнего груза началось.

На площадке рядом с люком царила неразбериха. Вещи взвешивали, затем бросали в открытый люк. Когда шлюз заполнялся доверху, люк закрывали и откачивали воздух. Затем распахивали наружный люк, и центробежная сила выталкивала содержимое шлюза, отправляя его вслед за шлейфом предметов, медленно уплывающих от корабля. Наружный люк закрывали, и все повторялось снова.

Увидев Дона, контролирующий эту операцию Курикка направился к нему для доклада.

— Пока все идет хорошо, капитан. Были эксцессы с пассажирами, но сейчас они урегулированы.

— Что за эксцессы?

Старшина оглянулся и понизил голос:

— Я реалист, сэр, и когда моя жизнь висит на волоске, я не слишком полагаюсь на порядочность людей. Вместе с каптенармусом мы прошлись по каютам после того, как пассажиры выбросили свой багаж. И мы обнаружили множество «личных» вещей, которые таковыми не являлись. Мы их выбросили.

— Вы безжалостный человек, старшина, и будущий судебный процесс, несомненно, докажет это. Но в любом случае я вас благодарю.

— Спасибо, сэр. Мы уже заканчиваем, осталось просуммировать вес выброшенных вещей для Марсианского центра.

— Сделайте это поскорее. Вы знаете почему.

Курикка кивнул и вернулся к своим обязанностям. Дон собрался уйти и запнулся. Он ухватился за стену, чтобы не упасть. Он очень устал, но не мог позволить себе отдыха, пока не проведена коррекция курса. Двигаясь медленно и осторожно, он добрался до рубки управления, где повалился в капитанское кресло.

— Срочная информация, сэр, — раздался голос, и Дон вскинул голову. Он немного вздремнул, даже не подозревая об этом. Он посмотрел на листок бумаги, который принес Спаркс.

— Что они говорят?

— Через десять минут запуск двигателей. Старшина и доктор Угалде вводят данные в компьютер. Марсианский центр заявил, что теперь они смотрят на наше положение с большим «оптимизмом».

— Хорошо, если бы они оказались правы в своем оптимизме, — проворчал Дон. — Спасибо,

Спаркс, вы проделали большую работу.

— Надеюсь, все будет в порядке, сэр.

Спаркс положил бумагу на стол и отошел.

Всю работу выполнили машины. Компьютер на Марсе рассчитал данные для изменения курса, эти цифры ввели в корабельный компьютер. И в тот же момент положение корабля в пространстве резко изменилось. Дон взглянул в иллюминатор на сдвигающиеся звезды и улыбнулся, вспоминая часы, в течение которых он проделывал ту же самую работу.

Затем началось ожидание. Стрелки на контрольной панели ожили, когда компьютер увеличил выход атомной энергии, готовясь к выбросу потока реактивного топлива. Прошли мучительные минуты, пока компьютер не решил, что настал нужный момент. Корабль сотрясся от первых выбросов горючего.

— Ну, наконец, — сказал Дон. — Доктор Угалде, когда мы узнаем, что вышли на верный курс?

Математик подумал:

— Мне кажется, что по крайней мере через час. Необходимо собрать данные для Марсианского центра, потом их компьютер должен рассчитать наш новый курс, и только тогда они сообщат результат.

— Вызов, капитан, — сказал Курикка.

Дон включил аппарат. На нем появилось взволнованное лицо Рамы Кузума.

— Вы не можете спуститься в лазарет, сэр? Здесь пациент с высокой температурой, и я не знаю, что делать.

— Какие симптомы?

— Ничего особенного. Общая слабость, недомогание.

— Следите за ним, я сейчас же иду.

Дон мысленно вздохнул с облегчением: одно дело — беспокоиться о здоровье пассажира, и совсем другое — отвечать за целый корабль. Он был хорошим врачом и знал, что справится с любой болезнью. Только по отношению к кораблю у него появлялось чувство беспомощности.

— Старшина, я в лазарете. Свяжитесь со мной, как только появится какая-нибудь информация.

Открыв дверь, он едва не сбил с ног механика Хансена. Тот часто дышал от быстрого шага и казался испуганным.

— Извините, сэр, — сказал он. — Я шел, чтобы поговорить с вами. С глазу на глаз, если можно.

Дон закрыл дверь и огляделся. Коридор был пуст.

— Говорите прямо здесь. Что случилось?

— Кислород, капитан. Его концентрация опять упала. Люди дышат резервным запасом, который остался в атмосфере корабля. Я измерил содержание углекислого газа, оно в норме, но кислород…

— Когда это станет заметно?

— Это заметно уже сейчас! Если вы побежите, то очень быстро задохнетесь. А вскоре, дня через два или три…

— Ну?

— Люди начнут умирать, сэр.

Глава 10

— Нигде не болит, мистер Прис? — спросил Дон. Он ощупал его шею и подмышки и не обнаружил увеличения лимфоузлов, свидетельствующего об инфекционном заболевании.

— Нет, если бы что-то болело, я бы сразу сказал. — У Приса было худое лицо с носом, похожим на хищный клюв. — Я заплатил за это путешествие уйму денег, но оно совершенно не похоже на отдых. Метеориты, кошмарная еда, выброшенный багаж. Теперь еще это. Если бы на корабле соблюдалась чистота, я бы не подхватил эту инфекцию.

— Все космические корабли стерильны, как операционная, чтобы не переносить болезни с одной планеты на другую. — (Температура у этого человека была высокой, но пульс и дыхание в норме.) — Дело в том, что вы принесли инфекцию с Земли. После инкубационного периода она дала о себе знать.

— Что же это? — Сейчас его голос звучал взволнованно.

— Уверен, что ничего особенного — просто нервное перевозбуждение. Я хочу попросить вас

остаться на несколько дней в лазарете — для того, чтобы обезопасить других пассажиров. Я пропишу вам антибиотики и жаропонижающее, чтобы сбить температуру. Вам не стоит беспокоиться.

Когда Дон набирал лекарство для инъекции, раздался сигнал вызова, и он чуть не выронил шприц, спеша взять трубку.

— Капитан слушает.

— Мы сделали это! — крикнул в трубку Курикка, его обычная сдержанность исчезла под воздействием внезапно меняющейся ситуации. — С Марса передали, что сейчас у нас правильный курс, или почти правильный, и для его полного исправления потребуется минимальная корректировка. Из-за того что у нас мало реактивного топлива, они примут нас на орбиту захвата вместо обычной орбиты торможения.

— В чем разница?

— Обычно, подлетая к орбите Фобоса, мы начинаем торможение и тормозим до тех пор, пока не сбрасываем скорость. Но сейчас у нас не осталось необходимого количества реактивного топлива. Поэтому мы устремимся к Марсу. Не настолько близко, чтобы вонзиться в атмосферу, но достаточно, чтобы нас захватило гравитационное поле Марса и завернуло на круговую орбиту вокруг

планеты.

— Это очень хорошие новости, старшина. Передайте мою благодарность всем, кто помогал проделать эту работу.

— Теперь все пойдет хорошо.

Дон положил трубку и задумался. Все шло не так уж и хорошо. Что хорошего в том, что они выйдут на орбиту вокруг Марса, если к тому времени все люди умрут от удушья.

Дон сделал инъекцию и поднялся по лестнице на палубу С, где размещалось оборудование регенерации воздуха. Палуба предназначалась для служебных помещений и хранилищ, и шаги отдавались здесь, как в гробнице. Он прошел мимо пустых хранилищ, с которых были сняты даже двери и свинчено все лишнее оборудование. Хансен ждал его.

— Вот таблицы, сэр, — сказал он. — Можете убедиться сами.

Дон посмотрел на ряды и столбцы цифр, расплывающиеся перед глазами от усталости, и вернул листок назад.

— Я был бы рад убедиться сам, но вы специалист, и я прошу вас объяснить попроще, что здесь происходит. И какова главная причина снижения концентрации кислорода.

Хансен указал на аппаратуру в стене. На освещенную, кажущуюся почти прозрачной зеленоватую жидкость.

— Это фитопланктон. Одноклеточные водоросли, живущие в воде. Улавливая углекислый газ, который мы выдыхаем, они перерабатывают его в кислород. Мы потеряли слишком много фитопланктона во время аварии. И еще больше этих клеток погибло или мутировало во время солнечной бури. Теперь их недостаточно для покрытия потребности в кислороде.

— Есть какая-нибудь возможность вырастить их дополнительно?

Хансен отрицательно покачал головой.

— Я сделал все, что в моих силах, — удалил переродившиеся клетки и стимулировал клеточное деление и рост. Но это длительный процесс. В воде достаточно питательных веществ, тем не менее скорость деления увеличилась незначительно.

— Это я могу понять. — Дон оглядел находящееся в отсеке оборудование. — Что это за аппаратура?

— Контроль за параметрами воды, различные пробы, микроскопический анализ, автоматическая система управления и тому подобное.

Здесь, наверху, установка первичной обработки воздуха. Фильтры сорбируют загрязнения и уменьшают содержание углекислого газа.

— Она нам поможет?

— Да, но этого недостаточно. Сейчас ее действие ослабевает. Установка разлагает углекислый газ на кислород и углерод, но она сконструирована для вспомогательной работы в составе общей системы. Например, для нейтрализации пиковых излишков углекислого газа.

Дон попытался встряхнуть усталый мозг.

— У нас есть запас кислорода. Может быть, это поможет?

— Нет, сэр. Всего запаса кислорода хватит не более чем на двенадцать часов.

— Тогда что мы можем сделать?

— Я не знаю! — воскликнул Хансен, и его лицо побелело от страха. Дон пожалел, что задал этот вопрос. Парень достаточно разбирался в порученном ему деле, но эта огромная проблема была ему не по зубам.

— Не беспокойтесь, что-нибудь придумаем.

Легко сказать. Но что они в состоянии сделать? Где взять кислород в глубине межпланетного пространства? Думай! Он подстегнул свой утомленный мозг, но результат был безутешен.

Однако ему не давала покоя мысль, что ответ находится где-то рядом.

Единственная вещь, которую он сейчас видел, — вода и плавающие в ней водоросли. Они делали все, что должны были делать, он это знал, и тем не менее ответ был где-то здесь. Но где?

Дон громко рассмеялся.

— Ответ — вот он, перед нашими глазами, — сказал он и хлопнул озадаченного парня по спине. — Взгляните сюда, что вы видите?

— Где… планктон, сэр?

— А что еще?

— Нет, ничего. Только водоросли в воде…

— Какое последнее слово вы произнесли?

— Вода.

— Из чего состоит вода?

Внезапное понимание осветило лицо Хансена.

— Из водорода… и кислорода.

— Абсолютно верно. Энергия атомного реактора позволит получить то, что нам нужно. При помощи процесса электролиза мы выделим два этих элемента.

— Водород выпустим в космос, кислородом будем дышать. Но, капитан, вода тоже нужна. Необходимость в планктоне остается.

— Я и не думал на него покушаться. Однако

я предвижу еще большие жалобы со стороны пассажиров. Вся вода на корабле циркулирует по замкнутому кругу, и воды у нас намного больше, чем необходимо для выживания. Мы рассчитаем и оставим необходимый минимум. Всю остальную воду превратим в кислород. Пассажиры лишатся возможности мыться и, возможно, будут мучиться легкой жаждой, но, по крайней мере, им будет чем дышать.

— Что для этого потребуется?

Дон, почувствовав новый прилив слабости, присел и начал перечислять по пальцам:

— В первую очередь — емкость, что-то вроде ванны. Реакция несложная, поэтому нет необходимости в герметизации сосуда. Еще нужен мощный кабель для подключения к генератору. Потом — слабый раствор электролита, чтобы проводить ток в воде.

— Столовая соль?

— Как раз ее и не надо. Это хлорид натрия, при электролизе он даст примесь хлора, а нам совсем не нужен ядовитый газ. Нам нужна щелочная соль. Есть что-нибудь подобное среди ваших химикалий?

Хансен вытащил список и пробежался глазами.

— Это подойдет? — спросил он. — Для воспроизводства хлорофилла требуется магний, поэтому у нас есть запасы сульфата магния.

— Горькая соль! Лучше не придумаешь. Единственная сложность — сделать катод и заключить его в трубу, в которую проникал бы раствор. На отрицательном электроде будет выделяться водород, который нужно отводить и выбрасывать в космос. Кислород же может выделяться прямо в воздух. — Дон быстро набросал подробную схему и передал механику.

— Это должно работать, сэр, — сказал Хансен. — В качестве емкости можно использовать стеклянный отстойник. Я его вычищу и разведу слабый раствор электролита. Но я не знаю, как сделать откачку водорода.

— Я пришлю кого-нибудь в помощь. Старшина Курикка должен представлять, как это делается. А если не знает, то наверняка подскажет, кто из команды сможет выполнить такую работу. Вызовите его сюда.

Курикка привел с собой Спаркса, потом связался с новым главным инженером Тиблевским. Кабели от пустующих ныне холодильных установок, протянутые под палубой, должны были обеспечить необходимый ток. Одновременно

нашли два катода, стеклянный бак, использовавшийся до этого в обсерватории, который соединили с клапаном, сообщающимся с вакуумом за бортом корабля.

— Готово, — наконец доложил Спаркс.

— Хорошо, включайте, — сказал Дон, едва не падая от усталости.

Курикка перекинул мощный рубильник, а Тиблевский медленно повернул ручку реостата. Как только ток потек через опущенные в воду электроды, на них стали образовываться крохотные пузырьки. Потом, по мере увеличения тока, пузырьки становились все больше и больше, крупные пузыри поднимались вверх и лопались на поверхности. Дон наклонился и вдохнул полной грудью.

— Превосходно! — сказал он, когда чистый воздух прояснил ему голову. — Кажется, все наши трудности позади.

Он счастливо жмурился, пока в чистом, насыщенном кислородом воздухе не пропел зуммер. Ему протянули трубку.

— Говорите, — сказал Дон, потом посмотрел вниз, где на экране было худое лицо Рамы Кузума.

— Сэр, спуститесь, пожалуйста, в лазарет. Здесь

уже четверо человек с высокой температурой — симптомы те же самые, что и у первого больного. Я не знаю, что с ними делать. Первый пациент без сознания, и я не могу привести его в чувство!

Глава 11

Дон сменил Раму, отослав того спать, — ему хотелось остаться наедине со своими мыслями. Четверо новых больных лежали в общей палате, а первый больной находился в изоляторе. Дон стоял около его кровати, вслушиваясь в тяжелое медленное дыхание и глядя на показания подключенных к телу приборов.

Слабый, но устойчивый пульс. Сердце почти в норме. Температура, несмотря на прописанные жаропонижающие лекарства, которые должны были ее сбить, тридцать восемь и девять и продолжает расти. Антибиотики не произвели должного эффекта. Еще совсем недавно Дон гордился, что может справиться с любым заболеванием. Чего не мог сделать сейчас, в данном случае. К тому же он устал.

Подавив зевок, он вышел в свой кабинет, тщательно вымыл руки и опустил их в ультразвуковой стерилизатор. Рама оставил термос с горячим кофе, и Дон налил себе чашку. Потягивая крепкий кофе, он пытался сопоставить факты со знакомыми ему историями болезней.

Какие же у него факты, кроме того, что уже пять

больных госпитализированы с высокой температурой, вызванной неизвестно чем? Только у одного Приса, болезнь которого перешла в тяжелую стадию, появился специфический синдром — подергивание мышц нижней челюсти. Похоже на синдром Коливера, хотя и не столь ярко выраженный. Однако это не синдром Коливера, который проявляется при полиомиелите в стадии паралича. Других симптомов полиомиелита не было, значит это не полиомиелит. Тогда что же?

Словно собака, терзающая обглоданную кость, он снова и снова возвращался к мысли о том, что об этой болезни он никогда не слышал. Но этого не могло быть. Болезни видоизменяются, существуют редкие болезни. Но нет какой-то новой болезни. На поиски в библиотеке мог уйти не один день, поэтому он решил сузить круг поисков. Прис был единственной зацепкой. И по этой причине логично было предположить, что именно он — разносчик инфекции. Дон набрал номер каюты каптенармуса.

— Жонке, мне нужна информация об одном пассажире.

— Что вас интересует, сэр, журнал регистрации рядом со мной.

— У меня лежит пассажир по имени Прис. Я хо-

чу знать — откуда он родом и где находился перед тем, как поднялся на наш корабль. И вообще любая информация относительно этого человека.

— Одну минуту, сэр. Вы подождете или мне перезвонить?

— Я у себя в лазарете.

Он повесил трубку, когда вошел Рама Кузум с накрытым подносом:

— Я как раз собрался обедать, сэр, и вдруг подумал, что вы, наверное, давно не ели, поэтому я позволил себе…

Дон сосредоточился и не смог вспомнить, когда он ел в последний раз. Он слишком устал, чтобы чувствовать голод.

— Спасибо, но сомневаюсь, что смогу сейчас есть. Я видел эти обезвоженные продукты и уверен, что они питательны. Но внешне они похожи на сырые опилки. Нет, не сейчас…

Он запнулся, когда Рама поставил поднос на стол и откинул салфетку. На тарелке лежал дымящийся кусок мяса, сочный аромат которого сразу же заполнил комнату. Дон потянулся к вилке, но вдруг сердито взглянул на Раму:

— Я приказал выбросить все продукты, кроме обезвоженных. У меня нет любимчиков и особых привилегий для кого бы то ни было, включая и

самого себя.

— Ни в коем случае, сэр. — Рама отступил и поднял руки, словно защищаясь. — Все очень просто. Старшина Курикка наткнулся на повара, который готовил этот кусок для себя. Тот кое-что припрятал для своей прожорливой утробы. Старшина справедливый человек, но вспыльчивый — не хочу говорить, какое наказание получил жадный повар. Самой малой частью было приготовление этого бифштекса. Все, кто там присутствовал, согласились, что выбрасывать его неразумно, и если кто-то и должен его съесть, то только вы. Несогласных не было, сэр. Пожалуйста, попробуйте, пока не остыло.

Дон несколько секунд молчал, потом взялся за вилку. В его голосе послышались нотки сомнения, когда он сказал:

— Это та малость, которую я могу сделать… пожалуйста… поблагодарите их от моего имени. Прекрасное мясо.

Он съел все без остатка и допивал кофе, когда прозвучал звонок. Это был каптенармус.

— Информация, капитан, которую вы просили. Очень короткая. Интересующий вас человек покинул Землю со станции «Чикагские озера», постоянно проживает в Большом Чикаго. Из

города не выезжал по крайней мере год. Это та информация, которую вы хотели, сэр?

— Да, спасибо. — Дон задумчиво положил трубку.

Тупик. В Большом Чикаго не наблюдалось никаких экзотических болезней.

— Что-нибудь случилось? — спросил Рама.

Дон взял себя в руки, понимая, что все его тревоги написаны на его лице.

— Ложный след. Я пытался определить источник болезни, которой страдают эти люди. Если быть откровенным, я просто не представляю, в чем дело. Решив стать доктором, Рама, вы должны понимать, что врачи тоже люди. Мы не можем знать всего. Точнее, каждый из нас не может знать всего. Поэтому существует специализация. Я сейчас пойду свяжусь со специалистами, а вам лучше остаться здесь. Если понадобится, я в рубке управления.

Или коридоры стали длиннее, или же он совершенно вымотался. По дороге он встретил одного из пассажиров — миссис… нет, имени он не помнил, хотя следовало бы. Поравнявшись с ней, он приветливо кивнул, но та быстро отвернулась и громко фыркнула. Дон улыбнулся. Он почти прочитал ее мысли: «Дутый капитан, который

украл багаж, еду и воду».

В рубке находился один Курикка. Он сидел в кресле пилота, сложив руки на груди, и следил за шкалами и циферблатами перед собой. Казалось, что он дремлет, если не считаться с тем обстоятельством, что Курикка был не таким человеком, который может уснуть во время дежурства. Он вытянул вверх все шесть футов своего тела и встал по стойке смирно.

— Все в порядке, капитан. Хансен доложил, что концентрация кислорода держится на постоянном уровне.

— Вольно, старшина. Садитесь. — Он посмотрел на его форму без единой морщинки — старшина выглядел аккуратно, как всегда, — и на темные круги под глазами. — Сколько же вы не спали?

— Точно не помню, сэр. Но я чувствую себя отлично. Совсем не устал. Это потому, что я не пью, не курю и в девять часов всегда в постели.

— Загнули, — сказал Дон, и оба улыбнулись. — У нас уже есть нормальная связь с Марсом?

— Еще нет. Но доктор Угалде показал мне, как обращаться с компьютером, чтобы закодировать текст. Давайте мне сообщение, я отправлю.

— Оно очень простое. Попросите их связаться с Землей и переговорить с Объединенным диа-

гностическим центром в Лондоне. Мне нужна консультация. Потом я дам список симптомов, но сначала передайте это сообщение. Чтобы связаться с Землей, им потребуется некоторое время.

— Консультация? Это касается наших пациентов?

— Да. Я говорю это вам как своему заместителю, но не хочу, чтобы эта новость распространилась. Состояние первого больного становится критическим. Насколько я понимаю, у всех у них одна и та же болезнь, а я не имею понятия какая.

Старшина молча повернулся к пульту и отпечатал сообщение. Опустившись в капитанское кресло, Дон постарался собраться с мыслями. Болезни, лекарства, симптомы — все перемешалось и никак не выстраивалось в какую-нибудь разумную комбинацию…

Он не услышал голоса, и только настойчивое потряхивание за плечо вернуло его в сознание. Открыв слипающиеся веки, Дон увидел склонившегося над ним старшину.

— Объединенный диагностический центр на связи, — сказал Курикка.

— Сколько я проспал?

— Около четырех часов, сэр. Я связывался с лазаретом, вашего присутствия не требовалось,

поэтому я не будил.

— Наверное, вы правильно сделали, старшина, — мне было необходимо поспать. — Он огляделся. Спаркс приводил в порядок аварийный передатчик, кто-то делал запись в вахтенном журнале. — А сейчас я хочу, чтобы вы передали мое следующее сообщение.

Дон продиктовал симптомы неизвестной болезни и медицинские данные своих пациентов — все, что он знал, включая имена и адреса, чтобы на Земле могли посмотреть их медицинские карточки. Потом он зевнул и потянулся, пока ленту с закодированным сообщением заправляли в передатчик.

— Пойду умоюсь, — сказал он. — Пройдет много времени, пока мы получим ответ. Как вы думаете, не пора ли выпить кофе?

Дон чувствовал себя лучше, впервые с того момента, когда начались эти кошмарные события, последовавшие за ударом метеорита. Он немного поспал, сейчас над ними не висело никакой непосредственной угрозы. Единственное, что его беспокоило, — это болезнь, но теперь он мог разделить свою ответственность с другими. Раньше он действовал в одиночку, теперь за его спиной стояли все специалисты Земли. Это было похоже

на стрельбу из пушки по воробьям, но зато давало чувство уверенности.

Рама доложил, что изменений в состоянии пациентов нет, и Дон позволил себе расслабиться — впервые за несколько дней, за сколько? — и маленькими глотками прихлебывал кофе. Когда наконец пришел ответ из диагностического центра, он застал его врасплох.

— Привет, «Большой Джо», это Марсианский центр. У меня сообщение из Объединенного диагностического центра в Лондоне для доктора Чейза. Передаю: «Сожалеем, но нам не известно заболевание с указанными симптомами. Пожалуйста, подробно фиксируйте течение болезни, так как она уникальна». Конец сообщения.

Уникальна! Дон вскочил на ноги, и чашка из небьющегося стекла покатилась по полу, оставляя полосу кофейной гущи.

Значит, помощи не будет. Он остался один на один с этой проблемой, более одинокий, чем когда-либо прежде.

— Это не слишком обнадеживает, — сказал Курикка.

Дон скривил губы:

— «Не обнадеживает» — мягко сказано. Они, кажется, не обратили внимания на высокую тем-

пературу, которая меня беспокоит.

— Если дело только в температуре, то это не так уж страшно. Через пять-шесть дней мы будем на орбите Марса, и они смогут прислать нам сколько угодно врачей.

— Да, если дело только в температуре.

Дон вздрогнул, когда прозвучал сигнал вызова. Курикка поднял трубку и некоторое время слушал.

— Это Рама, — сказал он. — Он хочет, чтобы вы немедленно спустились в лазарет.

— Он не сказал — зачем?

Курикка обвел взглядом присутствующих, прежде чем решился произнести:

— Да. Он сказал, что пациент Прис умирает.

Глава 12

— Вы ничего не смогли бы сделать, — сказал Рама.

— Возможно… — начал Дон и не смог закончить. Он понимал, что Рама прав. Он отвернулся, когда Рама накрыл лицо умершего простыней.

Они перепробовали все. Внутривенные вливания, холодный душ, сердечные стимуляторы, наркотики — все. Но ничего не помогло. Прис умер, его жизнь угасла, как выключенная электрическая лампочка. Вся мощь современной медицины была бессильна перед свершившимся фактом.

— Сейчас я могу вам сказать, — тихо произнес Рама. — У нас еще два пациента. Они пришли, пока вы были заняты здесь. Лондон сказал, что это за болезнь? Что надо сделать, чтобы ее остановить?

Дон отрицательно покачал головой, осознав, что в неистовых попытках спасти жизнь пациента он забыл сообщить Раме о полученном из Лондона ответе.

— Они тоже не имеют понятия, что это такое. Мы остались с болезнью один на один.

— Но они обязаны знать, — настаивал Рама, который относился к неограниченным возможностям медицины с религиозной фанатичностью. — Они должны знать обо всех болезнях.

— Но ничего не знают об этой.

— Это невозможно. Неужели мы столкнулись с новой болезнью?

— Видимо, так оно и есть. Каким образом заразился Прис перед тем, как подняться на борт корабля, — это имеет теперь чисто академический интерес. Так как помощи извне не будет, мы должны рассчитывать на свои силы. Прежде всего следует пресечь распространение инфекции. Лазарет переходит на карантинный режим. Нужно проследить, с кем контактировали больные, и постараться изолировать этих людей.

— Это будет трудно сделать на таком большом корабле.

— Видимо, да, и, вероятно, вообще невозможно. Но, во всяком случае, мы должны попытаться. Я иду в рубку и вернусь, как только освобожусь.

Перед выходом он связался с рубкой, и к его приходу там собрались все офицеры. Спаркс (у радиостанции), Тиблевский из машинного отделения, каптенармус Жонке и Курикка. Старшину, по-видимому, вызов застал во время бритья, по-

тому что одна его щека была гладкой, а вторую покрывала густая щетина.

— Вольно, садитесь, — сказал Дон. Он не представлял, как сообщит свою новость. Единственный выход — изложить все как есть. Они были опытными космонавтами и не боялись смотреть правде в лицо.

— Я собрал вас, потому что в лазарете лежит несколько человек с высокой температурой, и их состояние продолжает ухудшаться. Один больной умер. Если говорить честно, то никто не знает, что это за болезнь. Я собираюсь объявить карантин в лазарете и на подходах к нему. Поскольку я контактировал с больными, я тоже должен подвергнуться изоляции. Однако я все еще командую кораблем. Не знаю, насколько велик риск заразиться, но боюсь, что должен просить вас всех заступить на вахту в рубке, пока я буду в лазарете.

— Капитан, здесь действительно ничего больше нельзя сделать. Другого выхода нет. Как должен обеспечиваться карантин?

— Я хочу полностью изолировать лазарет. Там есть водопроводные краны, и если туда принести коробки с сухим пайком, то таким образом будет обеспечена его изоляция. Поэтому я хочу, чтобы

все пассажиры были переведены в дальний от лазарета отсек. Знаю, будет очередной поток жалоб, но к ним нужно привыкать. И последнее — я хочу образовать еще одну карантинную зону для пассажиров, которые контактировали с заболевшими. Соседи по каюте, жены, друзья. Мы не знаем, как передается эта болезнь, но если примем меры достаточно быстро, то можем остановить ее распространение. Каптенармус, список пассажиров у вас с собой?

Жонке кивнул и похлопал по папке.

— Хорошо, тогда за работу. Мне нужно два списка названных лиц как можно скорее.

Закономерность заметил старшина Курикка — человек, который помогал строить «Большого Джо». Когда озвучивали имена пассажиров и номера кают, он вдруг оторвал взгляд от пульта. Он нахмурился и становился все более хмурым по мере того, как список рос. Никем не замеченный, он подошел к шкафу со схемами. Найдя большой план корабля, он разложил его на столе и начал внимательно изучать. Когда его предположение подтвердилось, он поднял голову:

— Капитан, взгляните сюда, пожалуйста.

Дон подошел и посмотрел на чертеж поперечного сечения корабля.

— В чем дело? — спросил он.

Старшина начал показывать пальцем, потом воспользовался красным карандашом.

— Это отсеки, которые пробил метеорит. Которые были открыты вакууму, а затем снова загерметизированы. — Он обвел каждый отсек красным кружком.

— Жонке, — попросил он, — зачитайте-ка номера кают, пассажиры которых сейчас в лазарете.

Когда назывался номер, он отмечал соответствующую каюту на плане. Дон смотрел с возрастающим недоверием. Только когда список кончился, он поднял глаза на старшину:

— Вы предполагаете?..

— Я ничего не предполагаю, сэр, — хмуро ответил Курикка. — Просто указываю на факты.

— На какие факты? Что все пассажиры, лежащие сейчас в лазарете, жили в каютах, которые были повреждены метеоритом? Им посчастливилось — во время столкновения с метеоритом они находились в других отсеках корабля. Но что это значит? Это всего лишь совпадение.

— Я не очень-то верю в совпадения, капитан. Особенно когда это касается такого количества людей. Один, может быть, два. Но столько?

Дон засмеялся:

— Это совпадение. Иначе можно подумать, что между метеоритом и этой болезнью существует какая-то связь.

— Вы сами пришли к этой мысли, сэр. Я только указал на факты.

— Здесь не может быть никакой связи. — Дон начал ходить по рубке взад-вперед, в то время как остальные смотрели на него. — Из этих отсеков ушел весь воздух, упала температура. Потом пробоины были заделаны и отсеки заполнили воздухом. Ни один из пассажиров не возвратился туда, пока температура и все остальное не было приведено в норму. Это не тот случай, когда можно подцепить простуду или что-нибудь подобное. — Он внезапно остановился, широко раскрыв глаза. — Нет, об этом стоит подумать. Старшина, где мы находились в момент столкновения?

Курикка вынул другую карту и указал:

— Приблизительно где-то здесь.

Дон посмотрел и кивнул:

— В плоскости эклиптики между Землей и Марсом?

Курикка кивнул.

— Тогда один важный вопрос: что может находиться в пространстве между Землей и Марсом?

— Ничего.

— Не торопитесь с ответом. А астероиды?

Курикка улыбнулся и снова указал на карту:

— Не здесь, капитан. Астероиды встречаются между Марсом и Юпитером.

— Насколько я помню астрономию, орбиты астероидов, таких как Аполлон и Эрос, пересекают не только орбиту Марса, но и Земли?

Улыбка исчезла с лица Курикки.

— Верно, я совсем забыл о них.

— Тогда — и это еще один важный вопрос — не могли мы столкнуться с небольшим астероидом или его обломком, которые родом из пояса астероидов?

— Вполне возможно, сэр. Но почему это важно?

— Потому что наиболее распространенная теория происхождения пояса астероидов утверждает, что они являются осколками планеты, некогда существовавшей между орбитами Марса и Юпитера. Кусок камня, столкнувшийся с нами, как раз и был таким осколком.

Со всех сторон на Дона смотрели озадаченные глаза, но Жонке первым понял, куда ведет это предположение.

— Бог мой, — выдохнул он, его лицо внезапно

побелело. — Вы хотите сказать, что эта болезнь, эта лихорадка попала к нам с метеоритом? Что эта болезнь с планеты, погибшей миллионы лет назад?

— Именно это я имел в виду. Эта идея не такая уж нелепая, как кажется. Вы должны понять — я провел все тесты на предполагаемую лихорадку, сделал анализы крови, кала, слюны и мочи; на корабле есть небольшой электронный микроскоп, и если бы это были какие-то микроорганизмы, я бы их обнаружил. Но в этот микроскоп нельзя увидеть вирус. Я уверен, что эта инфекция вирусной природы, но понятия не имею, что это за вирус. Существуют некоторые сведения о природе вирусов, которых вы можете не знать. Вирусы — это мельчайшая форма жизни на границе между живой и неживой материей. Некоторые ученые вообще не считают их живыми клетками. Их можно создать в лаборатории из обычных химикатов, и было доказано, что искусственно созданные формы идентичны природным. Некоторые из них, когда высыхают, становятся очень устойчивыми к внешним воздействиям и могут снова ожить после многих лет пребывания в таком состоянии. Мы знаем, что они могут храниться в нейтральных условиях сотни лет,

следовательно, они могут сохранять свою силу и тысячи или даже миллионы лет.

Неудивительно, что болезнь невозможно идентифицировать. Это новая для Земли болезнь, хотя, скорее всего, она существует гораздо дольше, чем мы способны вообразить. Если мое предположение верно, значит мы стали жертвами чумы из другого мира. Болезни, к которой наши тела не обладают иммунитетом, против которой медицина бессильна.

Слова Жонке, произнесенные шепотом, громко прозвучали в наступившей тишине:

— Выходит, мы обречены…

— Нет! — выкрикнул Дон, стараясь разрушить атмосферу отчаяния. — Это дает нам шанс. У меня хватит оборудования, чтобы создать ДНК-анализатор и дубликатор. Я не думал об этом раньше, потому что для этого необходим вирус в чистом виде, а в крови заболевших, как у любого человека, их множество типов. Я не знаю, как выделить вирус, ответственный за болезнь, — это длительный и сложный лабораторный процесс. Но сейчас у меня появилась идея, как создать антивирус. Старшина, я помню, вы говорили что-то насчет ударившего нас метеорита — что он до сих пор находится где-то на корабле?

— Да, вот здесь, в центре корабля. — Он указал место на плане. — В грузовом трюме, где расположены крупногабаритные грузы, контейнеры и все такое. Метеорит где-то здесь.

— Сможем мы его найти?

— Надеюсь, что да. Но зачем?..

— Чтобы получить образец этого вируса в чистом виде. Если частицы, распространившиеся по кораблю после того, как прошел метеорит, смогли ожить и вызвать болезнь, то почему я не могу проделать то же самое в лаборатории? Если это удастся, то появится хороший шанс создать средство против болезни. Для этого, конечно, потребуется время, но я не вижу другого пути остановить эпидемию.

— Хорошо, — сказал Курикка, — я надену скафандр и отправлюсь за этой штукой, если она все еще там.

— Возьмите два скафандра — я пойду с вами. Нужно осмотреть метеорит на месте. Я хочу быть уверенным, что он не доставит неприятностей, когда мы притащим его сюда.

— Капитан, вы не должны рисковать…

— Сейчас для меня важнее то, что я врач… Полет идет гладко. Я — единственный человек, который может разобраться с вирусным материалом, если

тот существует. Я иду с вами, старшина.

Пока они разговаривали, приоткрылась дверь рубки, но никто этого не заметил. Они повернулись только тогда, когда раздался голос:

— Никто никуда не пойдет.

В проеме двери стоял генерал Бригс с пистолетом в руке. Из-за его спины выглядывал Дойл и еще двое человек, вооруженные кусками металла.

— Я принимаю командование кораблем, доктор, а вы возвращайтесь в медицинский отсек, где вам надлежит находиться. Вы здорово напортачили, пока выполняли обязанности капитана. Уверяю вас, все пассажиры думают точно так же. Они согласны, что с ролью капитана справится человек, который умеет командовать, то есть я. А сейчас приступайте к своим обязанностям и забудьте об этом диком плане, как и о всяких других идеях, которые могут появиться в вашей голове. Вы снова просто врач, а я — командир «Иоганна Кеплера».

Глава 13

В тишине, наступившей после этого заявления, генерал и его спутники протиснулись в рубку. Очнувшийся первым старшина Курикка шагнул вперед, не обращая внимания на повернувшийся в его сторону пистолет.

— То, что вы пытаетесь сделать, называется пиратством, — произнес он суровым голосом. — Согласно Всемирной конвенции пиратство в космосе является таким же преступлением, как и любое другое пиратство, и карается даже более строго. Пожизненное заключение — минимальное наказание. Вам его не избежать. Сложите оружие, пока не зашли слишком далеко. Отдайте свой пистолет.

Он почти что достиг успеха. Стоявшие за Бригсом мужчины опустили свои импровизированные дубинки и обменялись взволнованными взглядами. Курикка решительно протянул руку. Генерал отступил.

— Если вы попытаетесь отнять оружие, я буду вынужден застрелить вас, — сказал он не менее решительно, чем старшина.

— Тогда вас обвинят не только в пиратстве, но

и в убийстве. Вы проведете остаток своей жизни в тюрьме. Давайте.

Бригс снова отступил.

— Уберите его, Дойл, — приказал он, не поворачивая головы.

Дойл взмахнул куском металла и опустил его на плечо старшины, повалив того на пол.

— Мы решительные люди, — сказал Бригс. — Мы не остановимся ни перед чем.

Сопротивление было подавлено. Старшина лежал на полу, не в силах подняться. Еще несколько вооруженных человек протиснулись из коридора.

— У вас ничего не выйдет, — сказал Дон. — Вы ничего не смыслите ни в пилотировании, ни в обслуживании корабля. И не можете рассчитывать на помощь экипажа.

Губы Бригса скривились в холодной усмешке.

— Напротив, у нас как раз есть человек, который хорошо разбирается в управлении судном. Экипаж, свободный от вахты, будет заперт. Рядом с каждым, несущим дежурство, я поставлю по два охранника. Члены экипажа не откажутся выполнять обязанности, пока их жизни будут находиться в опасности, точно так же, как и наши. Не беспокойтесь, доктор. Да, насчет моего первого

помощника. Вы встречались с доктором Угалде?

Угалде протиснулся сквозь толпу, сжимая в руках хорошо наточенный кухонный нож. Он коротко кивнул и подошел к капитанскому креслу. Дон был потрясен, он никогда бы не подумал, что мексиканский математик способен на предательство. Его охватило ощущение полного провала, он повернулся к генералу:

— Ладно, Бригс, вы захватили корабль. Но зачем?

— Чтобы довести его до Марса.

— Он доставит вас прямо в тюрьму, — сказал Курикка, поднимаясь на ноги. — Тайный пронос оружия на борт корабля — серьезное преступление.

— Я всегда вооружен.

— Меня не волнует ваше оружие и даже ваш безумный поступок, — зло выкрикнул Дон. — Но я отвечаю за жизни людей, находящихся на корабле. Я должен разыскать метеорит.

— Нет. Идите к своим пациентам, доктор. Больше я не стану напоминать.

— Вы не понимаете. Я не могу их вылечить и даже облегчить страдания. Только если я исследую метеорит, появится возможность…

— Уведите его, — приказал Бригс, кивнув дво-

им. — Я достаточно наслушался этой дурацкой теории, чтобы убедиться в ее нелепости. Первое, что я сделаю, когда мы прибудем на Марс, — предложу, чтобы вас обследовала психиатрическая комиссия. А пока постарайтесь быть врачом, если вы еще в состоянии.

Оцепенев от безвыходности ситуации, Дон не сопротивлялся, когда двое здоровенных пассажиров вытолкали его в коридор. Пока он шел в лазарет, они осторожно следовали за ним и остались у дверей медотсека, как почетный караул.

— Что случилось? — испуганно спросил Рама, взглянув на лицо Дона. Он испугался еще больше, когда Дон объяснил, в чем дело.

— Мы должны сопротивляться, бороться! Вы спасли их жизни — и вот награда. Неужели дьявол существует на свете?! — Он начал открывать ящики, пытаясь найти большие скальпели.

Дон постарался его успокоить:

— Это не выход. Эти люди вооружены и готовы на все. Они сильно напуганы, иначе бы не позволили Бригсу подбить их на мятеж. В любом случае — какая разница, кто командует кораблем, лишь бы благополучно добраться до Марса. Дело в том, что я нашел способ, как получить лекарство от болезни, но Бригс не разрешает этого сделать.

Нужно что-то придумать!

Однако они были бессильны. Охранники сменялись через определенные промежутки времени. Поначалу не работала связь — генерал осуществил полную изоляцию экипажа, пока не захватил весь корабль. Потом связь появилась. Дон попытался вызвать машинное отделение, но ему ответил кто-то из людей Бригса. То же самое происходило, когда он набирал номер регенерационной или любого другого отсека, где дежурили члены экипажа. Их держали отдельно друг от друга и каждого охраняли по два человека из числа захватчиков. Вернуть корабль не представлялось возможным.

Охваченный чувством отчаяния, Дон пытался хоть как-то лечить своих пациентов. Сейчас их было уже четырнадцать. Те, кто заболел первым, быстро угасали. Он испробовал все антибиотики и препараты в тщетной надежде наткнуться на нужное лекарство. Ничего не помогало.

Истощенный напряжением и усталостью, Дон наконец прилег не раздеваясь и попытался заснуть. Была середина корабельной ночи. Хотя здесь не было восходов и закатов, на корабле поддерживалась определенная смена дня и ночи. Это не только давало возможность соблюдать

распорядок приема пищи и разных мероприятий, но было необходимо для здоровья людей. Человеческий организм живет по определенным биологическим ритмам, нарушение которых сопряжено с неприятностями.

«Ночью» корабль спал, действовала только дежурная смена.

Дон уснул, но в четыре ноль-ноль по корабельному времени его разбудил продолжительный сигнал вызова. Он нащупал трубку, на маленьком экране появилось лицо Дойла, секретаря генерала.

— Позовите охранников, — приказал он. — Хочу поговорить с кем-нибудь из них.

Первой мыслью было бросить трубку на стол. Передавать их сообщения… он не собирался им помогать! Но от этого никто ничего не выиграет, поэтому Дон направился к двери. Охранники чего-то опасались — один из них следил за Доном, пока второй разговаривал по телефону.

— Они требуют доктора в рубку, — сказал он. — Я поведу его, а ты останешься здесь.

— Они не сказали зачем? — спросил второй.

— Кто-то заболел. Доктор, берите свой маленький черный саквояж и пойдем.

Дон ополоснул лицо, вытащил из шкафа ава-

рийный комплект. Еще один случай лихорадки? Интересно, кто на этот раз. Дон сознавал, что это противоречит профессиональной этике, но он надеялся, что это генерал. Восстание, несомненно, утихнет, если генерал выйдет из игры. Сопровождаемый охранником, Дон направился в рубку управления.

Охранник у входа кивнул, когда они подошли, и открыл дверь. Первым, кого увидел Дон, войдя в рубку, был Спаркс, лежащий на полу с закрытыми глазами. Он стонал и корчился от боли. Доктор Угалде сидел в капитанском кресле, а в другом конце рубки стоял Дойл с пистолетом в руке.

— Осмотрите его, — приказал Дойл. — Он болен. Он внезапно сжался и свалился на пол. Нам надо подготовить передатчик.

— Я трогал его голову, она горячая, — сказал Угалде.

Обычно лихорадка начиналась не так, но с новой болезнью все возможно. Дон опустился на колени рядом со Спарксом и открыл свою сумку. Вытащив анализатор, он коснулся тыльной стороной руки лба Спаркса. Кожа была холодной, температура — совершенно нормальной.

Прежде чем Дон успел что-либо сказать, Спаркс открыл глаза и подмигнул.

В этот самый момент открылась дверь в коридор, и Дон узнал голос Курикки:

— Дойл, бросайте оружие, тогда все останутся целы.

Дон обернулся и увидел, что ситуация кардинально изменилась. В дверном проеме стоял Курикка, держа перед собой обезоруженного охранника. Его рука сжимала большой автоматический пистолет, нацеленный прямо на Дойла. Доктор Угалде находился позади второго охранника, прижав к его шее кухонный нож.

— Бросай оружие, — прорычал Угалде каким-то не своим голосом, — или я проткну твою глотку!

Кусок металла лязгнул о палубу.

Дойл колебался, растерянно переводя взгляд с одного на другого, потом вскинул пистолет.

Курикка тут же выстрелил, и Дойл застонал от боли. Пистолет выскользнул из его пальцев, он схватился за руку, чуть выше локтя. Между пальцами медленно проступила кровь.

Спаркс поднялся на ноги и, поприветствовав всех, поднял упавшее оружие. Дон был потрясен.

— Курикка, как тебе это удалось? — спросил он.

Старшина улыбнулся и опустил пистолет.

— Благодарите доктора Угалде. Это он органи-

затор и руководитель.

Сияющий от удовольствия Угалде слегка поклонился, когда все посмотрели в его сторону.

— В истории моей страны полно подобных эпизодов. Введенный в заблуждение революционными традициями моих предков, генерал Бригс обратился ко мне за помощью. Я тут же согласился, потому что он упустил из виду контрреволюционные традиции моей родины. Гораздо легче работать изнутри этой дьявольской организации. Я присоединился к ним, вошел в доверие, а потом дождался ночи. Всегда следует учитывать, что движение легче разбить в самом начале, до того как оно окрепло. Ну а в данном случае нужно было лишь подождать удобного момента. Как только генерал ушел и оставил вместо себя Дойла, я понял, что именно сейчас нужно атаковать. Я предупредил Курикку о его роли, а он поделился со мной сведениями, где спрятано оружие в каюте капитана. Об этом не все знают, но на корабле всегда имеется оружие на случай непредвиденных осложнений. Весьма предусмотрительно. Затем Спаркс по сигналу изображает приступ, вас вызывают в рубку, прибывает старшина Курикка — и дело сделано.

— Не совсем. Вы все еще имеете дело со мной.

В дверях с белым от гнева лицом стоял генерал Бригс. Он шагнул в рубку, окинув присутствующих холодным взглядом.

— Ваш заговор не удался, — сказал он. — Мне сообщили сразу же, как только доктор покинул медицинский отсек. Я всегда предполагал, что этот сумасшедший может попытаться вернуть власть. Но этого не будет.

Он показал на дверь, где стояло несколько человек, вооруженных стальными дубинками.

— Сейчас вы добровольно сложите оружие. — Бригс даже снисходительно улыбнулся. — Если выполните беспрекословно, тогда не будет кровопролития. А теперь давайте ваши пистолеты.

Он протянул руку к Курикке. Старшина медленно поднял большой автоматический пистолет и нацелил его между глаз генерала:

— Еще один шаг, и я убью вас.

Генерал остановился.

— Я хочу избежать кровопролития, — сказал он. — Это ваш последний шанс капитулировать. В вашем пистолете не хватит патронов, чтобы перебить нас всех, к тому же мы — люди действия.

Никто не шевелился, в то время как Дон и Бригс стояли лицом друг к другу.

— Этого не будет, Бригс, — сказал Дон, его голос

звучал властно. — Вы мошенник, и знаете это. Злобный маленький дьявол и неуклюжий пират. Никто не собирается умирать ради вас. Я — капитан корабля и обещаю снисхождение тем, кто сейчас же сложит оружие.

— Не слушайте его, — закричал Бригс треснувшим от ярости голосом, его лицо залила краска. — В атаку! Хватайте их!

Но слова Дона уже оказали воздействие, и вооруженные люди заколебались. Они бы дрались за свои жизни, если бы верили в победу. Но встать лицом к черной смерти, глядящей из дула пистолета старшины… Они обеспокоенно переступали с ноги на ногу, поглядывая друг на друга, и оставались на месте.

— Трусы! — проскрипел генерал Бригс. Он нагнулся и схватил металлический прут, оброненный охранником. — Среди вас нет мужчин. Идите за мной, он не станет стрелять. Он еще больший трус, чем вы. — Генерал шагнул вперед.

— На вашем месте я бы так не рисковал, — сказал Курикка. Он щелкнул затвором, звук громко прозвучал в тишине.

— Ты не выстрелишь, — усмехнулся Бригс, поднимая прут над головой.

— Я бы не колебался, если бы передо мной был кто-нибудь другой, — сказал старшина, опуская пистолет. — Но я хочу увидеть вас стоящим перед судом.

Издав победный вопль, генерал обрушил прут на голову старшины.

Для своей крупной комплекции старшина двигался довольно проворно, подобно кошке. Он отшатнулся и выставил блок, ударив при этом генерала по руке рукояткой пистолета. Бригс задохнулся от боли, и прут выскользнул из его пальцев. Развернувшись на носках, старшина нанес короткий удар левой рукой в солнечное сплетение.

Генерал согнулся и упал на пол. Курикка, не обращая на него внимания, навел пистолет на стоящих в дверях людей:

— А сейчас я пристрелю каждого, кто не бросит оружие! Ну!

Не было никаких сомнений, что он выполнит свою угрозу. Дубинки лязгнули об пол — с бунтом было покончено. Курикка посмотрел на затихшего генерала, и на лице старшины появилась невеселая улыбка.

— Вы даже не представляете, какое удовольствие мне доставили, — сказал он.

Дон подошел к позеленевшему Дойлу, свернувшемуся в кресле, и осмотрел рану в предплечье.

— Я чемпион национальных соревнований по стрельбе, — сказал Курикка. — Я очень редко промахиваюсь.

Дон посыпал рану антибиотиком и вскрыл перевязочный пакет. Когда его пальцы коснулись кожи около раны, он внимательно посмотрел на Дойла и надел на его запястье анализатор.

— У Дойла высокая температура, — сказал он.

— Неудивительно, — отозвался доктор Угалде. — Не хотел говорить раньше времени — надеялся, что это связано с переживаниями, но теперь признаюсь, что моя температура несколько последних часов выше нормы, и я чувствую явное недомогание.

— Курикка, — сказал Дон, — нужно как можно скорее найти метеорит. Иначе мы упустим время.

Они посмотрели друг на друга, и каждый увидел в глазах другого отражение собственного страха.

Глава 14

— Еще одно кустарное устройство, — сказал Спаркс. — Вы думаете, оно будет работать?

— Сделано вроде бы основательно, — сказал Дон, стараясь не казаться подавленным. Он глядел на кучу собранного отовсюду оборудования, раскиданного на небольшом столе в медицинском отсеке. — Теоретически все верно, мы проверили схему вместе с госпиталем Марсианского центра. Они собрали такое же устройство, и оно прекрасно отработало. Если следовать их инструкциям, то можно редуплицировать любую ДНК, которую мы найдем, и, следовательно, приготовить сыворотку.

«Если что-нибудь найдем», — добавил он про себя.

Вся лихорадочная работа последних десяти часов окажется бесполезной, если они не отыщут метеорит. Или если теория доктора окажется ошибочной и этот кусок скалы не будет иметь ничего общего с болезнью. Слишком много «если»…

Но это их единственный шанс. Дон стоял одной ногой в скафандре, когда вошел Курикка, уже одетый, с металлическим контейнером в руках.

— Я думаю, это подойдет, — сказал он.

— Да. Он даже больше пробоины, которую оставил метеорит. Как он действует?

Курикка отщелкнул металлическую крышку:

— Очень просто. Мы положим метеорит внутрь, затем покроем поверхность крышки диэпоксидным клеем. Это вещество прекрасно схватывается в вакууме. Через две минуты контейнер станет совершенно герметичен. Чтобы достать метеорит, потом можно будет вырезать днище, но это уже не проблема.

— Все не проблема — только бы найти метеорит. — Дон застегнул скафандр и взял шлем. — Идем.

— Сколько сейчас больных? — спросил Курикка.

— Я перестал считать после шестидесяти. Почти половина находящихся на борту. Умерло еще трое.

Он молча шел впереди к центральному лифту. Их вес начал уменьшаться, когда лифт двинулся к центру корабля, и после остановки они повисли в невесомости. Теперь Дон следовал сзади, так как перемещался много медленнее, чем привычный к невесомости старшина, легко плывущий по воздуху. Дон настиг его, когда старшина уже

открыл дверь шлюза.

— Мы выйдем очень близко к тому месту, где прошел метеорит. Заплату ставили в тридцати футах отсюда. Но после аварии мы ни разу не выходили в трюм, поэтому я понятия не имею, на какую глубину он проник. Известно только, что он где-то там.

— Внутри корабля. Но если он ушел в сторону вместо того, чтобы снова пройти сквозь палубы, есть какой-нибудь способ узнать это?

— Нет, — мрачно ответил Курикка. — Мы можем только надеяться, что это не так. Герметизируйте скафандр, я откачиваю воздух.

Они захлопнули крышки на лицевых стеклах и молча ждали, пока закроется дверь и из шлюза будет откачан воздух. Когда воздуха не осталось, загорелся зеленый сигнал, и внешний люк автоматически открылся. Они вылетели в необъятную темноту.

Это был кошмарный мир света и тени. Дон потерял ориентацию прежде, чем они успели отойти на несколько футов. В безвоздушном пространстве трюма любое темное пятно могло оказаться и тенью, и предметом, — это можно было определить, только на ощупь или направив на него луч света. На их шлемах горели фонари, но

Дон обнаружил, что ими трудно пользоваться. Он ухватился за металлическую скобу и попытался вновь обрести чувство ориентации. В наушниках загремел голос старшины:

— Поначалу всегда трудно, но вы скоро освоитесь.

— Здесь нет ни верха, ни низа, и когда я начинаю двигаться, у меня кружится голова и я теряю направление.

— Не вы первый, сэр. С другими происходит то же самое. Нужно сделать вот что: сосредоточьте свое внимание на одном предмете и не смотрите по сторонам. Сейчас я медленно пойду вперед, а вы следуйте за мной. И держите взгляд на мне, на моей спине. Если захотите на что-то посмотреть, поворачивайте не только глаза, но и всю голову. Тогда свет будет падать на тот предмет, который вам нужен. Готовы?

— Готов, как никогда. Пошли.

Курикка двинулся вдоль балки, отталкиваясь легкими прикосновениями. Здесь было тесно, по обе стороны тянулись большегрузные контейнеры, неясные в темноте. Старшина добрался до поперечной балки и повернул вдоль нее. Над его головой тянулась ровная гладкая поверхность, которую он освещал своим фонарем.

— Посмотрите сюда, — сказал он, показывая на дыру с рваными краями, заделанную с другой стороны блестящей плитой. — Вот где он прошел. Это заплата, которую мы наложили на переборку.

Они повернули головы, и лучи света от их фонарей скрестились на поверхности алюминиевого контейнера, стоящего в нескольких футах от них. В его боку зияла черная дыра в виде эллипса.

— Это он? — спросил Дон.

— Да. Но прежде, чем вскрывать контейнер, надо убедиться, что он внутри. Оставайтесь здесь, в одиночку я двигаюсь быстрее. Хочу осмотреть противоположную стенку контейнера.

Старшина был прав, так получилось быстрее. Дон посветил своим фонарем в дыру, но ничего, кроме тьмы, внутри не увидел.

— Я нашел выходное отверстие, — раздался в наушниках голос старшины. — Сейчас покажу вам.

Метеорит прошел сквозь контейнер и нырнул в лежащие рядом тюки, стянутые сетью из пластиковых нитей.

— Одежда, — сказал старшина, прочитав этикетку. — Нам повезло. Нужно разрезать сеть и вытащить этот тюк.

Разрезать пластик было несложно, но вытащить тюк, плотно спрессованный среди других, оказалось делом нелегким.

— Придется освободить все тюки, — сказал Курикка, разрезая нити, — а потом растащить их в стороны.

Тюки начали шевелиться и расходиться в стороны друг от друга по мере ослабления стягивающих их нитей. Вскоре они плавали вокруг людей, толкая их и загораживая дорогу. Распихав тюки, Курикка и Дон ухватились за нужный и вытянули его в сторону.

В тюке имелось выходное отверстие.

— Метеорит прошел дальше, — сказал Курикка.

Летающие вокруг тюки мешали двигаться. Второй слой был уложен плотнее.

— Мы никогда не освободим его, — сокрушался Дон.

— Возможно, это не потребуется. Смотрите! — Старшина направил луч фонаря в отверстие в одном из тюков, и свет отразился от шероховатой поверхности. — Он здесь!

Быстрым взмахом ножа он вскрыл тюк, и оттуда потекло тяжелое обмундирование. Они начали рыться, словно мыши в зерне, расшвыри-

вая одежду по сторонам, зарываясь все глубже и глубже, пока не добрались до метеорита.

— Вот он, — произнес Дон. Он устал, и ему было не до эмоций.

Метеорит выглядел совершенно банально — грязный кусок камня. Дон подцепил его ножом, и метеорит всплыл вверх. Когда он развернулся, они увидели другую его сторону — вогнутую, покрытую белесыми кристаллами.

— Контейнер, быстро, — приказал Дон, отпрянув назад. — И не касайтесь его своими перчатками.

— Эти кристаллы — как раз то, что вам надо? — спросил старшина, направив метеорит кончиком ножа так, чтобы тот залетел в контейнер.

— Кажется, да. Я надеюсь. — Дон был мокрым от пота, у него кружилась голова. — Запечатывайте.

Старшина вытащил тюбик с клеем и немного выдавил на крышку, после чего закрыл ее с легким хлопком. С силой надавив на крышку, он проверил, заполнил ли клей щель по ее периметру.

— Через две минуты он станет тверже стали, — сказал он.

— Хорошо. Давайте оставим наши ножи здесь

— они, скорее всего, заражены. И будьте осторожны, снимая скафандр, потому что мы касались зараженных материалов.

— Понятно. Следуйте за мной. — Старшина начал пробираться сквозь плавающие тюки и одежду. Дон поплыл за ним.

— А на что эти вирусы похожи? — спросил старшина, когда они находились в шлюзе, куда накачивался воздух.

— Не имею представления. На что угодно. Может быть, на вот эти кристаллы. — Он протер перчаткой стекло шлема, на котором начала конденсироваться влага по мере того, как камеру заполнял воздух. — Когда мы сможем открыть скафандры?

— Не раньше, чем загорится зеленый свет. Тогда мы выйдем из шлюза. Здесь сейчас металл холодный и можно сильно обморозиться.

Как только открылся внутренний люк, они выплыли в центральную трубу. Дон протянул руку.

— Давайте контейнер мне, — сказал он. — Теперь снимите скафандр, не касаясь его внешней стороны. Если потребуется, я помогу. И возвращайтесь в рубку управления. Я приду следом.

— Но вам тоже потребуется помощь, чтобы снять скафандр, — запротестовал Курикка.

— Нет. Я не боюсь заразиться. Я достаточно опытный врач, чтобы разобраться в симптомах. Я не боюсь заразиться, потому что я уже подхватил эту болезнь.

Глава 15

Они сделали полдела, когда днем раньше изолировали зараженных людей от здоровых. Сейчас четверо из пяти, находящихся на корабле, лежали внизу с высокой температурой.

До Марса оставалось два дня полета. Их ожидали ракеты с добровольцами: врачами и медсестрами. Но никому не будет позволено покинуть «Иоганн Кеплер». Он превратился в зачумленный корабль и должен находиться на карантине до тех пор, пока не будет найдено — если будет когда-нибудь найдено — средство от этой болезни. На борт корабля можно доставить все, что угодно: пищу, лекарства, аппаратуру. Но выносить нельзя ничего. На корабле находилось двадцать два трупа.

Дон принял еще одну болеутоляющую таблетку и влажным полотенцем вытер пот с лица. Он выпил уже кучу таблеток, намного больше, чем допускалось, понимая, что ему нельзя свалиться. Именно сейчас. Приборы, стоящие перед ним, расплывались в глазах, и он прищурился, стараясь различить где что, потом подрегулировал объектив микроскопа, настраивая резкость.

— Разрешите сделать это мне, доктор, — предложил Рама.

— Вы не должны находиться здесь, пока еще здоровы.

— Это не имеет значения, сэр. Я — единственный, кто может вам помочь, и вы должны признать это. Как идут дела с редупликацией?

— Не знаю. Я даже не уверен, идет ли вообще этот процесс и есть ли вирус в растворе. У нас нет лабораторных животных, кроме самих себя, чтобы это проверить. Я растворил кристаллы в питательных растворах различного состава и при разной температуре, профильтровал их, смешал и то, что получилось, поместил в это устройство. Не знаю, может быть, это просто чистая вода… — Голос перехватило, он закашлялся, затем снова потрогал свой лоб. — Какова ситуация в рубке?

— Я только что разговаривал с ними. Там старшина Курикка и программист Бойд. Они пока здоровы и уверены, что смогут довести корабль. К сожалению, доктор Угалде находится без сознания и не в состоянии ничем помочь. Марсианский центр сообщил, что они готовы работать через наш компьютер. Они смогут провести завершающие маневры, даже если в рубке не останется никого. Последнее реактивное топ-

ливо будет использовано таким образом, чтобы вывести корабль на возможно более низкую орбиту вокруг Марса.

Прозвенел таймер, и Дон направился через лабораторию к ультрацентрифуге. Внезапно он упал на пол. Рама поднял его и усадил в кресло.

— Сейчас все будет в порядке, Рама. Выключи центрифугу, пожалуйста.

Пронзительный вой сменился глубоким стоном, когда машина стала сбрасывать обороты.

— Спасибо, — сказал Дон, поднимаясь и держась за спинку кресла. — Это может быть как раз тем, что мы ищем. Результат первой прогонки. Вакцина.

— Мы ею сразу же воспользуемся? — возбужденно спросил Рама.

Дон отрицательно покачал головой:

— Не сейчас. Сначала помогите разобраться с растворами из других емкостей. — Он поднял склянку и посмотрел на мутную жидкость. — В этом питательном растворе кристаллы находятся дольше всего. Если в первой пробе ничего не окажется, значит, возможно, вирусы еще не ожили, и тогда есть надежда обнаружить их здесь. Мы работаем вслепую.

Тщательно и осторожно он подрегулировал

ДНК-редупликатор, влил в него раствор и начал второй прогон. После этого повернулся к центрифуге и открыл крышку. Он вынул одну из пробирок и поднес ее к свету. На дне виднелся коричневый осадок, а над ним прозрачная жидкость.

— Принесите мне шприц с иглой номер двадцать.

Вставив иглу в пробирку, он наполнил шприц.

— Возьмите, — сказал он Раме. — Сделайте уколы самым слабым больным.

— Доза?

— Не знаю. Это концентрированный раствор. Полагаю, три с половиной кубика, может быть, больше. Внутривенно, сначала самым тяжелым, потом всем остальным. Там, в центрифуге, хватит на всех. Я буду следить за вторым прогоном.

Звонок таймера. Температура сорок градусов. Фильтрование. Осторожно, не разлей, больше раствора нет. Было бы лучше, если бы не так тряслись руки. Но они трясутся, черт их побери. Перелить раствор. Не разлей!

Звонок таймера. Что сейчас? Что там делать дальше? Холодной воды на лицо, голову под кран. Это всегда помогает. Неужели это я в зеркале?

Сколько уже не брился, доктор? С такой физиономией можно перепугать пациентов. А теперь — что же дальше?

Он лежал на полу, чувствуя во рту соленый привкус крови. Острая боль в щеке, вверху — чье-то лицо.

— Рама?..

— Вы упали, сэр. Немного порезались. Я перевязываю рану.

— Аппаратура! Я не разбил?

— Нет, вы словно чувствовали, где она. Вы успели оттолкнуться и упали на спину. Я прибежал из-за беспрерывного звонка. Что надо делать?

— Помогите мне подняться. Я покажу.

Думается с трудом. В голове серый туман, перед глазами тоже. Трудно что-нибудь разглядеть. Трудно думать. Пациенты?

— Сколько времени прошло после инъекций?

— Около восьми часов, сэр. Я вам тоже сделал, когда…

— Как они?

Последовала долгая пауза, Дон едва различал лицо Рамы в виде кляксы. Наконец тот ответил:

— Без изменений. Совсем. Двое умерли. Заболел старшина Курикка, его принесли сюда.

— Неужели все бесполезно? Неужели мы все умрем? — хрипло прошептал Дон. — Неужели такой конец?

Пришло время сдаться, свалиться и умереть. Но нет. Усилием воли, только усилием воли, потому что тело предало его, Дон выпрямился. Его глаза могут видеть, они должны видеть. Он стал яростно тереть их кулаками, пока не почувствовал боль, пробившуюся сквозь туман. По щекам покатились слезы, и он снова смог различать предметы.

Он проковылял к столу.

— Выключи звонок. Здесь. Сцеди это в пробирки. Охлади. Теперь в центрифугу. Четыре минуты. Потом можно использовать.

— Это уже будет лекарство?

Дону казалось, что он улыбнулся, но его нижняя губа обвисла, как у больной лошади, обнажая зубы. Каждое слово требовало огромных усилий.

— Получится прозрачная жидкость. Смотри внимательно — похожая на дистиллированную воду. Мы должны, мы должны…

Темнота, и он падал, и это был конец.

Глава 16

Два пятна черноты в темной Вселенной, каждое — такое же большое, как сам мир. Хотя они медленно двигались то туда, то сюда, их движение трудно было разглядеть на фоне колеблющегося сумрачного потока, который проносился мимо. И они говорили — незнакомые слова на незнакомом языке, — однотонно, ничего интересного. Пятна бормотали, укачивая своим бесконечным движением…

Неужели эти слова не имеют смысла. Для чего тогда они?

— …может начаться…

— …или…

— …это выше…

Обрывки, бессвязные слова. Из пятен? Нет, это не пятна, это ду́хи. И они разговаривают.

Долго, бесконечно долго Дон осознавал эту мысль, и она его беспокоила. Она бы уплыла, и он забыл бы о ней, но голоса все еще были здесь, и они пытались что-то сказать.

В какой-то момент он понял, что его глаза закрыты. Память была совершенно пуста, тело оцепенело и потеряло связь с сознанием. Теперь

он догадался, что пятна были людьми, которые привели его в чувство, и он захотел увидеть, кто они. С большим трудом он открыл глаза и посмотрел на неясных призраков. Какие-то белые формы.

— Доктор, он открыл глаза.

Голос помог ему сосредоточиться, и тогда он увидел лицо девушки и белую униформу медсестры. Никогда прежде эту девушку он не видел. Откуда мог взяться на корабле человек, которого он никогда не видел? И другая фигура, тоже в белом, — доктор, и еще один доктор, и кто-то еще, кого он тоже никогда не видел. Он смотрел на них, и доктор что-то сказал, очевидно обращаясь к нему, но он ничего не понял. Нужно сказать, что он их видит и что он не понимает.

— Вы еще не совсем в порядке, но живы. Вы поправитесь. Я хочу, чтобы вы подумали об этом, прежде чем снова уснете.

Словно ребенок, послушавшийся приказания, он закрыл глаза и погрузился в сон без сновидений.

В следующий раз он проснулся в полном сознании. Слабый, изможденный, без сил пошевелиться. Но совершенно в себе. Незнакомцы исчезли, вместо них он увидел знакомое лицо

Рамы Кузума, стоящего возле его кровати. Глаза Рамы расширились, и он всплеснул руками в сильном волнении.

— Старшина, — крикнул он, — идите быстрее сюда! Он проснулся!

Послышались тяжелые шаги, и появился улыбающийся Курикка.

— Мы сделали это, капитан. Вы спасли нас!

Дон хотел услышать именно эти слова. Старшина понял, что сейчас чувствует капитан. Они сделали это. Что еще тут добавить? Дон попытался заговорить, но голос сломался, и он закашлялся. Рама поднес к его губам стакан воды. Вода была холодной и поэтому очень приятной. После этого он сумел заговорить.

— Что произошло? Расскажите мне все, — произнес он хриплым шепотом.

— Мы были на волосок от гибели — это уж точно. — (Рама молча кивнул при этих словах старшины.) — Рама позвал меня, когда вы упали. Я и сам чувствовал себя неважно. К этому моменту заразились почти все на корабле. Мы уложили вас на койку, и Рама показал второй раствор. Когда он прошел через центрифугу, первый укол Рама сделал вам, потом я помог ему управиться с остальными больными. Один из них был мертв,

это я помню совершенно точно, потому что этот человек — последний умерший от болезни. Это был, верите или нет, тот самый Дойл, поэтому теперь ему не придется стоять вместе с генералом в зале суда…

— Генерал?..

— Жив и здоров. — Курикка холодно улыбнулся. — В прекрасной форме для трибунала. Но сейчас это не главное. В вашем состоянии произошла резкая перемена, капитан. Никогда бы не поверил, если бы не видел собственными глазами. Мы вводили пациентам лекарство и вернулись за новой порцией, Рама подошел взглянуть на вас, и я услышал его вздох облегчения. Я подлетел как пуля…

— Несколько минут, — сказал Рама, — всего несколько минут. Температура упала, и вы лежали спокойно и даже похрапывали во сне. Разрушительное действие болезни кончилось не сразу, но жар исчез мгновенно.

— Вторая партия приготовленного вами лекарства оказалась спасительной. Больные, которых свалил этот вирус, поднимались сразу после инъекции. Прекратились смертельные исходы. Мы сделали инъекции всем на корабле, и на следующий день, когда подошло время выходить

на орбиту вокруг Марса, люди уже работали и в машинном отделении, и в рубке управления. Марсу не пришлось брать управление на себя, «Большой Джо» завершил полет самостоятельно.

— Вы утомляете его, — раздался новый голос. — Вам следует уйти.

Дон посмотрел на стоящего в дверях доктора и улыбнулся, отрицательно повертев головой.

— Это действует лучше любой вакцины, доктор.

— Согласен. Но думаю, что пока достаточно. Они могут прийти снова после того, как вы поспите.

Когда они ушли, врач взял со стола шприц. Дон повернулся и впервые заметил, что лежит не на своей койке. Кровать была больше, чем его, как и само помещение. Он понял, что это каюта капитана, увидев на стене большую фотографию «Иоганна Кеплера» и приборы, как в рубке управления.

— Несколько вопросов, прежде чем я засну, — попросил он, и врач согласно кивнул.

— Мои пациенты, как они?

— Всем уже лучше. Они все на борту. Корабль будет на карантине до тех пор, пока мы не проведем все необходимые анализы и не убедимся в полной безопасности. Вы в более тяжелом

состоянии, чем остальные. Вы принимали сильнодействующие средства, перенапрягли свой организм, и, буду откровенен, сейчас все это сказывается на вашем здоровье.

— Но я вынужден был так поступить.

Доктор собрался что-то ответить, но передумал. Он улыбнулся:

— Думаю, что да. Я рад, что на корабле оказались именно вы. Сомневаюсь, что я сумел бы проделать такую же работу в таких же обстоятельствах. А сейчас укол.

— Подождите. Я хочу сказать… Этот мятеж. Что власти собираются делать с людьми? Вы должны понимать — была провокация…

— Они знают. Не думаю, чтобы перед судом предстал еще кто-то, кроме генерала Бригса. Это мое личное мнение, но мне кажется, что и там, наверху, думают точно так же. Это было пиратство. Вы корабельный офицер и командовали судном по праву. И кстати, все еще пребываете в этом качестве, пока не назначен новый командующий. Поэтому не знаю, как вас называть — доктором или капитаном, но в любом случае сейчас вы будете спать.

Дон уснул с улыбкой.

На следующее утро после завтрака сестра на-

мазала его щеки удаляющим волосы кремом, чтобы снять щетину, и подложила под голову несколько подушек.

— Зачем вы это делаете? — подозрительно спросил Дон.

— Будут гости. Вы должны хорошо выглядеть.

— Какие сейчас гости? Мне кажется, я слишком слаб для визитов. В конце концов, мне так говорили, хотя сам я говорил…

— Доктора, который сам себя лечит, трудно называть пациентом, — сказала сестра и вышла.

Дон улыбнулся ей вслед.

— Позвольте войти, сэр? — раздался с порога голос Курикки.

— Что? Старшина… разумеется, входите. Но почему…

Он осекся, увидев на нем серый форменный мундир. Обшитые золотой нитью погоны, высокий воротник, врезающийся в шею. Дон подумал, что старшина, видимо, одолжил форму на другом корабле, потому что его собственная была выброшена за борт. Старшина вошел, печатая шаг, и за ним следовали еще несколько человек.

Они все были в сером. Рама Кузум, помощник механика и одновременно медицинский брат. Каптенармус Жонке и программист Бойд. Спаркс,

и инженер Тиблевский, и механик Хансен. А позади них, с высоко поднятой головой, такой же подтянутый, как остальные, шагал доктор Угалде. Когда все остановились и отдали честь, Рама приложил руку к сердцу:

— Они не смогли прийти сюда, весь экипаж, капитан. Но мы представляем их всех. И доктор Угалде — он здесь потому, что сейчас является частью нашей команды.

— Несомненно, — подтвердил Дон, вспоминая происшедшее: коррекцию курса, мятеж.

— Мы чувствуем то же самое, сэр. Поэтому он сейчас здесь, и я, то есть мы, представляем весь экипаж. Ваш экипаж, капитан.

Курикка ослабил стойку и посмотрел вниз на Дона:

— Я хорошо знаю все церемонии, которые есть в уставе, сэр. Нельзя сказать, что наша церемония соответствует правилам, просто ее нет в уставе. Что я собираюсь сказать, так это то, что карантин закончится через несколько дней и они хотят перевести вас в госпиталь Марсианского центра. Командор Доправа собирается перегнать «Большого Джо» обратно к Земле для ремонта. Но пока он не принял командование, вы остаетесь капитаном. — Он щелкнул пальцами, и у него в руках

появилась какая-то коробка. — Они никогда не смогут отнять это у вас. Космонавты понимают, что нет ничего более высокого, чем звание капитана корабля. Мало кто из людей сделал бы то, что сделали вы, сэр, а вы спасли наши жизни, а это что-то да значит!

Курикка открыл коробку и вынул высокую фуражку с золотой ракетой над козырьком.

— Это головной убор капитана. Теперь он ваш, потому что мы купили его у командира орбитальной станции. Это от команды, капитан. Мы все принимали в этом участие.

Дон принял фуражку обеими руками, повернул к себе и обнаружил, что не может произнести ни слова. Экипаж отдал честь. С чувством, которого он никогда не испытывал, Дон ответил на их приветствие.

Не существовало слов, чтобы выразить то, что он испытывал, и они поняли это по его лицу. Теперь их скрепляли узы, которые никогда не порвутся. Молча они вышли один за другим. Старшина Курикка шел последним, он помялся у двери, потом сказал:

— Капитан, сэр, можете вы сказать, какие у вас планы? Я имею в виду — после госпиталя. Большинство врачей используют службу на

космических кораблях как возможность попрактиковаться. Ничего больше, я полагаю, не держит их в космосе. Ну а ваши собственные планы? Я имею в виду…

Дон планировал работать на одной из планет. На этот счет у него никогда не возникало сомнений. Однако в это мгновение он обнаружил, что не сможет этого сделать. Что могли предложить гигантские шары пыли после чистых просторов космоса?

К тому же служба на дальних лайнерах, орбитальные исследовательские станции — это бесконечные возможности, стоит только пораскинуть мозгами. Однако, пока формировалась эта мысль, он уже ответил:

— Не верьте старым байкам, старшина. У меня не больше желания перейти на наземную службу, чем… ну, чем у вас.

— Не может быть более определенного ответа! — сказал старшина, широко улыбнувшись. Он щелкнул каблуками и вышел.

Дверь закрылась, и Дон остался один.

Он повернул фуражку и провел пальцем по золотой выпуклости эмблемы. Он почти жалел, что полет закончился. Это будет немного скучно — снова быть просто врачом.

— Трудный полет, и я рад, что он позади, — тихо сказал он сам себе. — Очень рад, что мы в конце концов в безопасной гавани. Но теперь у меня эта фуражка, и я помню, что она значит. Они никогда не смогут отнять у меня этого.

Плененная вселенная

Долина

О нен нонтлакат
О нен нонкизато
Йе никан ин тлалтикпак:
Нинотолиниа,
Ин манел нонквиз,
Ин манел нонтлакат,
Йе никан ин тлалтикпак.

Напрасно был я рожден,
Напрасно написан закон,
Управляющий этой землей:
Здесь я страдалец,
Однако не зря
Человек на земле рожден.

Ацтекская песня

1

Чимал бежал, охваченный паникой. Луна все еще была скрыта за ограничивающими долину

с востока утесами, но ее свет уже посеребрил их вершины. Как только луна подымется выше гор, его станет видно так же отчетливо, как бывает видно священную пирамиду посреди полей со всходами маиса. Почему он не подумал об этом? Что заставило его так рисковать? Дыхание со свистом вырывалось из его горла, сердце колотилось. Даже яркие воспоминания об объятиях Квиау не могли вытеснить всепожирающий страх — зачем только он это сделал!

Если бы ему удалось добраться до реки! Она ведь уже совсем близко! Плетеные сандалии Чимала вязли в сухой земле, но каждый шаг приближал его к воде — и к спасению.

Отдаленное свистящее шипение нарушило тишину ночи, и ноги Чимала подкосились — он рухнул на землю, скованный ужасом. Это Коатлики, богиня со змеиными головами! Он погиб! Погиб!

Лежа среди стеблей убранного маиса — они были высотой всего по колено и не могли его укрыть, — Чимал попытался привести мысли в порядок и прошептать предсмертную молитву, ибо пришло время умереть. Он нарушил закон и поплатится за это жизнью: человек не может скрыться от богов.

Шипение теперь было громче, оно как нож вонзалось в его мозг, не давая сосредоточиться. Но он должен! Усилием воли Чимал заставил себя прошептать первые слова молитвы. Луна вышла из-за горной гряды, сияющая, почти полная, и залила долину серебряным светом. Теперь каждый кукурузный стебель, каждая неровность почвы отбрасывали чернильно-черную тень. Чимал оглянулся и ужаснулся: его глубоко отпечатавшиеся между бороздами следы были видны отчетливо, словно проторенная дорога к храму. О Квиау! Боги тебя найдут!

Он виновен, и нет ему спасения. Табу нарушено, и Коатлики Ужасная идет за ним. Но виноват он один! Это он навязал свою любовь Квиау — именно так. Ведь она же противилась! В древних книгах написано, что боги справедливы: если они не найдут доказательств ее вины, они принесут в жертву его одного, а Квиау оставят жить. Ноги Чимала не слушались, но он заставил себя подняться и побежать обратно к деревне Квилапа — той самой, откуда он еще недавно пытался скрыться, — прокладывая след уже в стороне от предательской цепочки отпечатков, ведущих к дому Квиау.

Страх гнал его дальше и дальше, хотя он и

знал, что спасение невозможно: каждый раз, когда шипение вспарывало воздух, оно было все ближе. Внезапно большая тень поглотила его собственную, бежавшую впереди, и Чимал упал. Ужас парализовал его, и только с трудом удалось ему заставить непослушные мускулы повернуть голову, чтобы видеть то, что его преследовало.

— Коатлики!

Отчаянный вопль опустошил его легкие.

Она стояла над ним, вдвое выше любого человека, обе ее змеиные головы вытянулись вперед, в красных глазах тлел адский огонь, раздвоенные жала мелькали в приоткрытых пастях. Коатлики обошла Чимала, и лунный свет озарил ее ожерелье из человеческих рук и сердец и юбку из извивающихся змей. Это живое одеяние шевелилось и отвечало шипением на шипение голов-близнецов. Чимал лежал неподвижно: чувства притупились и достигли предела, за которым страха уже не было и смерть стала просто неизбежностью, — лежал распластавшись, как жертва на алтаре.

Богиня наклонилась над ним, и теперь Чимал видел, что она действительно такова, какой изображали ее каменные изваяния в храме, — вселяющая ужас и лишенная чего-либо человеческого, с

клешнями вместо рук. Огромные, длиной с предплечье взрослого мужчины, плоские клешни — совсем не похожие на клешни скорпионов или речных раков. И теперь они жадно раскрылись, нацеленные на него. Раздался хруст костей. Еще две руки прибавятся к ожерелью богини.

— Я нарушил закон, ушел из своей деревни ночью и пересек реку. Я умру. — Шепот Чимала стал громче, когда он начал читать предсмертную молитву в тени ожидающей богини:

Я ухожу,

Спускаюсь во тьму подземного мира.

Там мы встретимся скоро.

Здесь, на земле, наша встреча мимолетна.

Когда молитва кончилась, Коатлики наклонилась еще ниже, протянула клешни над своим извивающимся змеиным одеянием и вырвала еще бьющееся сердце Чимала.

2

Рядом с Квиау в маленьком глиняном горшке, заботливо отодвинутом в тень за хижиной,

чтобы не завял, зеленел побег квиауксочитля, дождевого цветка, имя которого она носила. Склонившись над каменной ступой и растирая в ней зерна маиса, Квиау шептала молитву, обращенную к богине цветка, прося ее защиты от богов тьмы. Сегодня они подступили так близко, что Квиау едва могла дышать, и только многолетняя привычка помогала ей двигать пест по каменной поверхности. Сегодня шестнадцатая годовщина того дня — дня, когда на берегу реки нашли тело Чимала, растерзанного мстительной Коатлики. Всего через два дня после праздника урожая. Почему Коатлики ее пощадила? Ведь она должна была знать, что Квиау, как и Чимал, нарушила табу. С тех пор в этот день Квиау каждый раз дрожала от страха, но смерть не приходила за ней. Пока.

Нынешний год страшнее всех предыдущих: сегодня ее сына увели в храм на суд. Несчастье должно случиться именно теперь. Боги ждали все эти годы, ждали этого дня, хотя и знали с самого начала, что ее сын Чимал — сын Чимала-Попоки из Заачилы, того, кто нарушил табу. Стон рождался в груди Квиау с каждым вдохом, но руки продолжали ритмично двигать жернов.

Тень горной гряды уже легла на ее хижину, и

тортильи пеклись на кумале над огнем, когда Квиау услышала медленные шаги. Весь день соседи избегали ее. Квиау не обернулась. Сейчас ей сообщат, что ее сын принесен в жертву, мертв. Жрецы пришли за ней: в храме ее ждет расплата за грех, совершенный шестнадцать лет назад.

— Мама, — сказал мальчик.

Квиау увидела, как он обессиленно прислонился к стене, и там, где ее коснулась его рука, осталась красная отметина.

— Ложись скорее. — Квиау поспешно вынесла из хижины петлатль и расстелила соломенную циновку снаружи, где было еще светло. Он жив, они оба живы, жрецы просто избили его! Она стояла, стиснув руки, и в душе ее росло ликование. Мальчик лег на циновку лицом вниз, и она увидела рубцы от ударов, покрывавшие его спину так же, как и руки. Он лежал спокойно, глядя на горы, окружающие долину, и Квиау, смешав настой целебных трав с водой, принялась промывать кровавые рубцы, вспухшие на теле сына. Мальчик слегка поежился от ее прикосновения, но ничего не сказал.

— Можешь ты рассказать своей матери, что случилось? — спросила Квиау, глядя на неподвижный профиль сына и пытаясь прочесть на

его лице хоть что-нибудь.

Как всегда, она не знала, о чем он думает. Так было со времен его младенчества. Мысли сына были ей недоступны, он и она будто говорили на разных языках. Должно быть, это часть наказания: нарушивший табу должен страдать.

— Это была ошибка.

— Жрецы не ошибаются и не бьют мальчиков незаслуженно.

— На этот раз они ошиблись. Я взбирался на скалу…

— Тогда они правы, побив тебя: взбираться на скалу запрещено.

— Нет, мама, — терпеливо объяснил мальчик, — это не запрещено, нельзя только влезать на скалы, чтобы уйти из долины, — таков закон, как учит Тецатлипока. Разрешено влезать на высоту в три человеческих роста за птичьими яйцами или с другими важными целями. Я лез за яйцами и всего на два человеческих роста. Закон это разрешает.

— Но… Если закон это разрешает, то почему тебя побили?

Квиау сидела, поджав ноги, и сосредоточенно хмурилась.

— Они не помнили как следует закон и не со-

глашались со мной, так что пришлось смотреть по книге, а на это ушло много времени, и, когда они убедились, что я прав, а они ошибаются, — мальчик холодно, совсем не по-мальчишески улыбнулся, — они меня высекли за то, что я спорил со жрецами и ставил себя выше их.

— Ты заслужил порку. — Квиау поднялась и налила воды из кувшина, чтобы вымыть руки. — Нужно знать свое место. Ты не должен спорить со жрецами.

Сколько Чимал себя помнил, ему всегда говорили это; он давно уже понял, что в ответ лучше всего молчать. Даже когда он очень старался объяснить матери, что думает и чувствует, она никогда его не понимала. Уж лучше держать мысли при себе.

Особенно теперь, когда он солгал. Он действительно пытался влезть на скалу. Птичьи яйца были только предлогом — на случай, если его увидят.

— Поешь, — сказала Квиау, кладя перед сыном его вечернюю порцию еды — две тортильи, плоские сухие лепешки в фут шириной. — Пока ты их ешь, я приготовлю атолли.

Чимал посыпал тортильи солью и, оторвав кусок, стал медленно жевать, глядя сквозь откры-

тую дверь хижины на мать. Квиау, склонившись над очагом, помешивала варево в горшке. Она была спокойна, все страхи остались в прошлом и забыты, морщинки на ее типично ацтекском лице разгладились. Отблески огня играли на ее золотистых волосах и отражались в голубых глазах. Чимал ощутил свою близость с матерью: в этой хижине они жили вдвоем с тех пор, как умер его отец — Чимал был тогда еще совсем маленьким. В то же время он чувствовал, как они далеки друг от друга — он никогда не мог ей объяснить, что его волнует.

Он сел и стал есть атолли, которую принесла ему мать, подцепляя кашу из миски кусочком тортильи. Атолли, густая и сытная, восхитительно пахла медом и перцем. Спина и руки болели теперь меньше, кровь перестала сочиться из рассеченной розгой кожи. Чимал напился холодной воды из кувшина и глянул на темнеющее небо. Над утесами, окружавшими долину с запада, пламенел закат, и черные силуэты зопилотов-стервятников мелькали на фоне золотого неба. Мальчик смотрел на них, пока свет не померк и птицы не отправились на ночлег. Именно там, в западной части долины, он и пытался вскарабкаться на скалы — из-за птиц.

Появились звезды, яркие и сверкающие на темном небе. Знакомые шорохи, доносившиеся из хижины, где Квиау стелила петлатль на лежанке, прекратились, и мать окликнула Чимала:

— Пора спать.

— Я немного побуду здесь, холодный воздух на пользу моей спине.

В голосе Квиау появилось беспокойство:

— Не следует спать снаружи, все всегда спят в доме.

— Ну еще немного, меня здесь никто не увидит, а потом я уйду в дом.

Квиау ничего не ответила, и Чимал, лежа на боку, продолжал смотреть на звезды, совершающие свой путь по небу. В деревне было тихо, все спали. Чимала одолела бессонница, и его мысли снова вернулись к стервятникам.

Он вспомнил все детали своего плана, одну за другой, и не нашел в них изъяна. Точнее, изъян был один-единственный: случай привел жреца к скалам, и тот увидел Чимала. В остальном план превосходен, даже закон, разрешавший влезать на скалы, был именно таким, как он его помнил. И стервятники действительно слетались в одно и то же место на скалах. Сколько Чимал себя помнил, это всегда его интересовало: он хотел узнать

причину. Его беспокоило и раздражало, что она ему неизвестна. Поэтому-то в конце концов он и придумал свой план. Разве стервятники не были тотемом его клана? Он имел право знать о них все. А в деревне никто, кроме него, такими вещами не интересовался. Чимал многим задавал вопросы, но обычно не получал ответа — взрослые просто отталкивали его, если он пытался настаивать. А когда его все же удостаивали вниманием, то пожимали плечами, смеялись и говорили, что таковы уж стервятники, и тут же забывали о разговоре. Никому до них нет дела: ни детям — особенно детям! — ни взрослым, ни даже жрецам. А Чимал хотел знать.

Его интересовали и другие вещи, но он уже много лет назад перестал о них спрашивать. Он понял, что только сердит взрослых — кроме тех случаев, когда на его вопросы находились простые и всем известные ответы или когда их можно было прочесть в священных книгах жрецов. На него начинали кричать и могли даже ударить, хотя вообще детей били редко, и вскоре Чимал понял, в чем причина: они не знали ответов. Так что ему пришлось все узнавать самому — как, например, про стервятников.

Стервятники будоражили его любопытство;

хотя о них многое было известно, существовало одно обстоятельство, о котором не знал никто, да никто и не задумывался. Все знают, что стервятники питаются падалью. Чимал сам видел, как они рвут останки броненосцев и мелких птиц; они устраивают гнезда в песке и там выводят своих неопрятных птенцов. Вот и все, больше о них и нечего знать. Но все-таки — почему они всегда летят к одному и тому же месту в скалах? Чимал злился на свое незнание, на односельчан, которым лень поинтересоваться этим или хотя бы выслушать его; недавние побои только усилили его злость. Он не мог спать и даже оставаться в неподвижности. Чимал встал с циновки, невидимый в темноте, сжимая и разжимая кулаки. Почти против собственной воли он бесшумно двинулся прочь от дома, мимо спящих хижин деревни Квилапа.

Пусть люди не ходят по ночам, это не табу — просто так делать не принято. Чимала это не смущало, он чувствовал полную уверенность в себе. Дойдя до полосы голой пустыни, отделяющей утесы от деревни, он остановился. Взгляд на темный барьер скал заставил его поежиться. Стоит ли рисковать идти туда ночью? Посмеет ли он сейчас сделать то, что ему помешали осу-

ществить днем? Его ноги сами ответили на этот вопрос — они понесли его вперед. Взобраться будет легко: он еще днем приметил расщелину, идущую почти до самого карниза, на котором обычно сидели стервятники.

Москит больно укусил в ногу, когда, свернув с тропы, Чимал стал пробираться через заросли высоких кактусов. Добравшись до поля, где рос магу, Чимал почувствовал, что идти стало легче: теперь он шел между ровных рядов растений, которые вели прямо к подножию скал.

Только дойдя до утесов, Чимал признался себе, до чего же ему страшно. Он внимательно осмотрелся, но поблизости никого не было, за ним никто не следил. Ночной воздух холодил его тело — Чимала пробирала дрожь; спина и руки все еще болели. Если его увидят теперь, его ожидают куда худшие беды, чем просто побои. Он снова поежился и обхватил себя руками, чтобы согреться; ему было стыдно за собственную слабость. Быстро, прежде чем страх заставит его найти оправдание отступлению, Чимал подпрыгнул и, ухватившись за горизонтальный выступ, подтянулся на руках.

Начав подъем, Чимал почувствовал облегчение — внимание нужно было сосредоточить на том,

чтобы найти опору для рук и ног, и времени на размышления не оставалось. Он миновал гнездо — объект своего утреннего набега — и ощутил приступ малодушия. Теперь он наверняка поднялся выше, чем на три человеческих роста. Но ведь он же не собирается добраться до вершины скалы и покинуть долину — так что все же нельзя сказать, что он нарушает закон… Камень, за который ухватились его пальцы, покачнулся, Чимал чуть не сорвался, и испуг заглушил прочие страхи — его руки судорожно искали новую опору. Подъем продолжался.

Добравшись почти до самого карниза, Чимал остановился передохнуть, упершись пальцами ног в трещину в скале. Уступ нависал над ним, и казалось, пути дальше нет. Чимал внимательно оглядывал камень, чернеющий на фоне звездного неба; взгляд его скользнул по лежащей у его ног долине. Чимал содрогнулся и плотнее прижался к скале — он и не представлял себе, насколько высоко забрался. Далеко внизу были видны его родная деревня Квилапа и глубокий овраг, по которому протекала река. Он мог различить даже другую деревню — Заачилу — и дальнюю горную гряду. Ночью река была табу — ее охраняла Коатлики, и одного взгляда на ее змеиные головы

было бы достаточно, чтобы убить человека и погрузить его во мрак подземного мира. Чимала передернуло, и он поспешно обратил лицо к скале. Неподатливость камня, холодный ночной воздух, пустота и одиночество тяжелым грузом давили на душу.

Чимал не знал, сколько времени так провисел — наверняка долго: пальцы ног, которыми он упирался в трещину, совсем онемели. Все, чего он теперь хотел, — это благополучно спуститься на землю, столь недоступно далекую, и только тлеющее пламя злости поддерживало его решимость довести дело до конца. Он начнет спускаться, но сначала выяснит, как далеко тянется этот нависающий над ним уступ. Если пути наверх нет, ему придется вернуться — и уж тогда ему не в чем будет себя упрекнуть: он сделал все возможное, чтобы взобраться на карниз. Обогнув выступ скалы, Чимал увидел, что нависающая часть утеса тянется и дальше, но в одном месте в ней есть углубление. Когда-то давно его, должно быть, пробил сорвавшийся сверху камень. Путь наверх был. Цепляясь за малейшие неровности, Чимал подтянулся, и его голова поднялась над карнизом.

Что-то черное налетело на него, ударило по

голове, обдав запахом гнили и тления. Слепой ужас заставил его руки вцепиться в скалу. Затем сгусток тьмы сместился, и огромный стервятник неуклюже взлетел с карниза. Чимал громко рассмеялся от облегчения. Здесь нечего бояться, он достиг своей цели и просто спугнул устроившуюся на ночлег птицу — вот и все. Чимал подтянулся выше и влез на карниз. Скоро подымется луна, ее сияние уже посеребрило дальнюю гряду облаков и затмило звезды на краю неба. Уступ стал отчетливо виден — других стервятников на нем не оказалось, только камень вокруг сплошь был покрыт их пометом. Ничего особенно интересного — кроме чернеющего в скале входа в пещеру. Чимал подобрался к отверстию, но непроницаемая тьма внутри не позволяла ничего разглядеть. Он остановился у входа, не в силах заставить себя шагнуть внутрь. Что там может быть? Теперь уже недолго ждать, пока взойдет луна. Может быть, тогда он что-нибудь увидит. Лучше не спешить.

Здесь, наверху, где гулял ветер, было холодно, но Чимал не замечал этого. Небо светлело с каждой минутой, темнота в пещере отступала все дальше. Когда наконец лунный свет озарил всю пещеру, Чимал почувствовал себя обманутым. Смотреть не на что. Это даже и не пещера — так,

просто выемка в скале глубиной не больше чем в два человеческих роста. Сплошной камень стен и пола, усыпанного обломками. Чимал пнул ногой ближайший, и тот перевернулся с каким-то странным шлепком. Это был не камень — но что? Чимал нагнулся и ощупал находку. Пальцы подсказали ему ответ, и в тот же момент он ощутил знакомый запах.

Мясо.

Чимал в ужасе отшатнулся, едва не свалившись с уступа, и остановился на самом краю, дрожа и снова и снова вытирая руки о камень скалы.

Мясо. Плоть. Он действительно коснулся его — огромного куска не меньше двух футов в длину и толщиной с его предплечье. Чималу случалось есть мясо на пиршествах, и он видел, как мать его готовит. Рыбу, или мелких птичек, пойманных сетью, или — самое вкусное блюдо — сладкое белое мясо гвайолота, дикой индейки. Его жарили кусочками и ели с бобами или тортильями. Но насколько велик самый большой кусок мяса от самой большой птицы? Есть только одно существо, куски плоти которого могут быть так велики… Человек.

Удивительно, как Чимал не разбился насмерть, спускаясь с карниза. Но его руки и ноги сами

отыскивали опору, и он понемногу находил дорогу вниз. Он не запомнил спуска. Поток его мыслей разбивался на отдельные фрагменты, как струя воды на капли, когда он пытался вспомнить увиденное. Мясо, люди, жертвенные приношения, — должно быть, это бог-зопилот кормит здесь своих стервятников. Чимал сам это видел. Не окажется ли он следующей жертвой, предназначенной для пропитания хищников? К моменту, когда Чимал достиг подножия скалы, его тело сотрясала такая дрожь, что он упал и долго не мог встать; потом он заставил себя подняться с песка и побрел обратно в деревню. Физическое изнеможение отчасти заслонило собой ужас увиденного, и Чимал начал осознавать, какой опасности подвергнется, если его увидят теперь, когда он идет от скал. Он осторожно пробирался между бурыми хижинами с темными окнами-глазами, пока не достиг безопасности собственного дома. Его петлатль так и лежал там, где Чимал его оставил; казалось невероятным, что за целую вечность, пока он отсутствовал, ничего не изменилось. Чимал поднял петлатль и потащил его внутрь хижины. Расстелив циновку у прогоревшего, но еще теплого очага, он натянул на себя одеяло и провалился в сон — надежное

убежище от реального мира, который стал для него страшнее любого кошмара.

3

Число месяцев равно восемнадцати. Восемнадцать месяцев составляют год. Третий месяц — Тозозтонтли, это время сеять маис. Нужно молиться и соблюдать пост, чтобы выпали дожди, тогда к седьмому месяцу маис созреет. С наступлением восьмого месяца нужно молиться, чтобы отвратить дождь, который не даст созреть урожаю.

Бог дождя Тлалок в этом году не был милостив. Он всегда отличался суровостью, может быть, и небезосновательно: люди так часто надоедали ему просьбами. В весенние месяцы молодой маис отчаянно нуждается в дождях, потом, наоборот, чистое небо и яркое солнце необходимы ему, чтобы вызреть. Как бы то ни было, часто случались годы, когда Тлалок не приносил дождей вовремя или низвергал чересчур обильные ливни, тогда урожай бывал невелик и люди голодали.

Теперь Тлалок и вовсе не хотел их слушать. Солнце сияло на безоблачном небе, один жаркий

день сменялся другим. Маису нужна была вода; крохотные росточки, с трудом пробившиеся сквозь затвердевшую, растрескавшуюся почву, казались серыми и изможденными; они были куда ниже, чем должны были бы быть к этому времени. И вот почти вся деревня Квилапа высыпала на поле, крестьяне топали ногами и стенали, вторя молитвам жреца. Поднятое ими облако пыли висело в душном воздухе.

Чималу нелегко было заставить себя плакать. У всех собравшихся по щекам текли слезы, оставляя бороздки на покрытых пылью лицах: слезы должны тронуть сердце бога, тогда и его слезы дождем прольются на землю. Пока Чимал был ребенком, ему не приходилось участвовать в подобных церемониях, но теперь ему минул двадцатый год, он стал взрослым и должен разделять с другими взрослыми их обязанности, их ответственность. Ноги Чимала с трудом месили пыль; он подумал о грядущем голоде, о боли в животе, но вместо рыданий эта мысль вызвала лишь раздражение. Когда, чтобы вызвать слезы, он тер глаза, они только болели и воспалялись. В конце концов Чимал украдкой послюнявил палец и нарисовал полоски на пыльном лице.

Конечно, у женщин это всегда получается го-

раздо лучше: они с воплями рвут на себе волосы, превращая аккуратно заплетенные косы в растрепанные космы, падающие на плечи. Когда же поток их слез иссякает и они перестают рыдать, мужчины бьют их мешками, наполненными соломой.

Чей-то теплый и мягкий бок прижался к Чималу. Он отодвинулся между рядами маиса, но вскоре прикосновение повторилось. Это оказалась Малиньче, девушка с круглым лицом, круглыми глазами, округлой фигурой. Она таращилась на Чимала, не переставая при этом плакать. Ее рот был так широко открыт, что Чимал видел дырку на месте одного из верхних зубов — она сломала его о камешек в бобах еще ребенком. Слезы ручьем текли из ее глаз, нос был мокрый — в доказательство ее сильных переживаний. Малиньче была еще почти ребенком, хотя, перейдя рубеж шестнадцатилетия, и считалась женщиной.

С внезапным ожесточением Чимал принялся бить ее мешком по плечам и спине. Она не отошла, — казалось, она вообще не замечает ударов; ее наполненные слезами глаза, бледно-голубые и пустые, как зимнее небо, по-прежнему были устремлены на Чимала.

Между соседними рядами маиса прошествовал старый Атататотль, неся жрецу откормленную собаку. Это была его привилегия как касика, вождя деревни Квилапа. Чимал присоединился к толпе, следовавшей за жрецом. На краю поля их ждал Ситлаллатонак в своем устрашающем черном одеянии, запятнанном кровью, с волочащимся по пыли подолом, расшитым черепами и костями. Атататотль подошел к жрецу и простер руки; двое старцев склонились над вырывавшимся щенком. Тот смотрел на людей, высунув язык и часто дыша от жары. Ситлаллатонак — это была его обязанность как верховного жреца — вонзил черный обсидиановый нож в грудь маленького животного. С профессиональной сноровкой он вырвал еще бьющееся сердце и высоко поднял его — жертву Тлалоку, — оросив стебли маиса свежей кровью.

Все возможное было сделано. Но безоблачное небо по-прежнему раскаленной чашей висело над землей. Опечаленные жители Квилапы по одному, по двое побрели обратно в деревню. Чимал, шедший, как всегда, один, не удивился, обнаружив рядом с собой Малиньче. Ее ноги тяжело переступали в пыли, однако долго хранить молчание она не могла.

— Теперь дожди придут. — В ее голосе звучала непоколебимая уверенность. — Мы плакали и молились, а жрец принес жертву.

«Мы всегда плачем и молимся, — подумал Чимал, — а дожди когда выпадают, а когда и нет. Зато жрецы сегодня вечером будут пировать в храме — им досталась отличная жирная собака».

Вслух он произнес:

— Дожди придут.

— Мне уже шестнадцать, — произнесла Малиньче и, не дождавшись ответа, продолжала: — Я хорошо готовлю тортильи, и я сильная. Однажды у нас не было закваски, маис был не очищен, и не было даже сока лайма, чтобы сделать закваску для теста, и моя мать сказала…

Чимал не слушал. Он ушел в свои мысли и почти не слышал голоса Малиньче, как и шума ветра. Они вместе дошли до деревни. Что-то перемещалось в небе… Из солнечного сияния выплыл стервятник и скользнул к серой стене западных скал. Чимал проводил глазами зопилота до уступа в скалах… Он еще продолжал следить взглядом за парящей птицей, но постарался не думать о ней. И птицы, и уступ — это все не важно, они ничего для него не значат. Думать сейчас о некоторых вещах невыносимо.

Его лицо оставалось суровым и бесстрастным, однако за неподвижностью его черт скрывалось закипающее раздражение. Можно заставить себя забыть и о стервятниках, и о ночном подъеме на утес, но только не под нудный голос Малиньче.

— Я люблю тортильи, — буркнул Чимал, заметив, что Малиньче умолкла.

— Больше всего я люблю их есть так… — снова затянула девушка, ободренная проявлением его интереса, и Чимал опять перестал обращать на нее внимание. Но крохотная заноза раздражения осталась в его мозгу, даже когда, резко повернувшись, он вошел в свою хижину, оставив Малиньче снаружи. Склонившись над метатлом, его мать молола маис для вечерней еды: на ее приготовление, как всегда, уйдет два часа. И еще два часа, чтобы намолоть зерно к завтраку. Такова женская работа. Квиау взглянула на Чимала и кивнула ему, не прерывая ритмичных движений.

— Я вижу там Малиньче. Она славная девушка и работящая.

Через незавешенный дверной проем им была видна Малиньче, твердо стоящая на земле широко расставленными босыми ногами, с выпирающими из-под накидки большими круглыми

грудями, с опущенными вдоль тела руками, как будто в ожидании чего-то. Чимал отвернулся и, опустившись на циновку, стал пить холодную воду из кувшина.

— Тебе уже почти двадцать один, сын мой, — с раздражающей невозмутимостью произнесла Квиау, — и ты должен выполнить свой долг перед кланом.

Чималу все это было известно, но у него не было ни малейшего желания подчиняться обычаям. В двадцать один год юноша должен жениться, а девушка в шестнадцать — выйти замуж. Женщине нужен мужчина, который будет добывать для нее пищу; мужчине необходима женщина, которая будет готовить еду. Вожди кланов решают, кто на ком должен жениться, чтобы этот союз принес клану наибольшую пользу, и посылают сваху.

— Пойду, может, удастся поймать рыбы, — сказал вдруг Чимал и взял из ниши в стене свой нож.

Мать промолчала, ее низко опущенная голова покачивалась в такт работе. Малиньче ушла, и Чимал быстро прошел между хижинами к тропинке, уходящей, петляя между кактусами и скалами, к южному концу долины. Было по-прежнему очень жарко; когда дорожка привела

его к краю оврага, стала видна река внизу, превратившаяся от засухи в лениво текущий ручеек. И все же это была вода, и от нее, казалось, тянуло прохладой. Чимал заторопился к пыльной зелени деревьев — за ними почти вертикальные каменные стены смыкались, ограничивая долину. Здесь, в тени, было не так жарко. Чимал заметил упавшее дерево — его не было, когда он был здесь в последний раз. Можно будет принести домой дров.

Он дошел до небольшого озера в скалах. Его взгляд скользнул к водопаду, тонкой струйкой низвергавшемуся с высоты. Журчащий поток впадал в озеро, сильно обмелевшее и окруженное широкой полосой грязи, хотя, Чимал знал, в середине все еще глубокое. Здесь должна быть рыба, крупная вкусная рыба; она прячется под камнями у берега. Он срезал длинную тонкую ветку и принялся мастерить острогу.

Лежа на животе на выступе скалы, нависающей над озером, Чимал вглядывался в прозрачные глубины. Он заметил серебристый отблеск — в тени мелькнула рыба, но слишком далеко.

Воздух был горяч и сух, далекий стук дятла раздавался в тишине неестественно громко. Зопилоты — птицы. Они питаются любым мясом, в

том числе человеческим, он сам это видел. Когда это было? Пять или шесть лет назад?

Как всегда, он попытался прогнать это воспоминание, но на сей раз не смог. Заноза раздражения, засевшая в нем еще на поле, не давала ему покоя, и с внезапной злостью Чимал ухватился за мысль о той ночи. Что же он все-таки видел? Куски мяса. Чьего? Может быть, кролика или броненосца? Нет, ему не удастся обмануть себя. Человек — единственное существо, куски плоти которого достаточно велики. Кто-то из богов — возможно, бог смерти Микстек — бросил их стервятникам, своим слугам, заботящимся об умерших. Чимал видел подарок бога и обратился в бегство — и ничего не случилось. С той ночи он молчаливо ожидал возмездия, а его все не было.

Куда ушли годы? Что стало с мальчиком, который вечно попадал в неприятности, который вечно задавал вопросы, на которые нет ответов? Острие раздражения вонзалось все глубже, и Чимал заерзал на скале, перекатился на спину и стал смотреть в небо; там, еле доступные взгляду, парили стервятники, как черные вестники судьбы.

«Я был ребенком, — Чимал рассуждал уже почти вслух, впервые признаваясь себе в том,

что тогда произошло, — и я так испугался, что замкнулся в себе, создал защитную оболочку: так делают оболочку из глины для рыбы, прежде чем жарить ее на углях. Но почему это беспокоит меня сейчас?»

Он мгновенно поднялся, озираясь будто в поисках жертвы. Теперь он мужчина, и его не оставят в покое так легко, как когда он был ребенком. Ему придется взять на себя ответственность, делать новые для него вещи. Он должен жениться, построить дом, обзавестись семьей; он состарится и в конце концов…

— Нет! — рявкнул он изо всех сил и спрыгнул со скалы.

Вода озера, питаемого тающими горными снегами, была холодна; она давила на Чимала все сильнее, по мере того как он погружался все глубже и глубже. Он не закрывал глаз: его окружили голубоватые тени, над ним играла бликами подернутая легкой рябью поверхность воды. Здесь был другой мир, и Чималу хотелось в нем остаться, не возвращаясь к унылой действительности суши. Он нырнул еще глубже, в ушах возникла боль, а руки погрузились в ил на дне озера. Да, он хотел бы остаться здесь, но его легкие жгло огнем, и руки самопроизвольно вынесли его на

поверхность. Не дожидаясь его сознательной команды, рот его широко раскрылся, и он глубоко вдохнул живительный воздух.

Чимал выбрался на берег, вода струйками стекала с его набедренной повязки и хлюпала в сандалиях; он смотрел на водопад, на окружающие скалы. Нет, остаться навсегда в подводном мире он не сможет. И тут во внезапной вспышке прозрения он осознал, что не сможет больше жить и в долине, своем родном мире. Если бы он был птицей и мог улететь отсюда! Когда-то выход из долины существовал — какие тогда, должно быть, были чудесные времена! Но землетрясение положило конец этому. Перед его внутренним взором предстало болото на противоположном конце длинной долины, доходящее до подножия чудовищной груды скал и валунов, закрывающей выход. Вода понемногу просачивалась сквозь камни, птицы могли перелетать через преграду, но для людей пути не было. Они заперты громадными нависающими скалами и тяготеющим над ними проклятием, которое, пожалуй, преодолеть еще труднее. Это проклятие Омейокана, бога, чье имя нельзя произносить вслух — только шепотом, чтобы он не услышал. Говорят, когда-то люди забыли богов, храм пришел в запустение,

жертвенный алтарь высох. И тогда разгневанный Омейокан целый день и целую ночь тряс горы, пока они не обрушились и не завалили проход, связывавший долину с внешним миром на пять раз по сто лет — тогда, если люди будут хорошо служить храму, выход откроется снова. Жрецы никогда не говорили о том, сколько времени уже прошло, да и какое это имело значение? Наказание не кончится при их жизни.

Что собой представляет внешний мир? Там есть горы, это он знал. Можно было видеть их далекие пики, которые зимой покрывал снег, остававшийся летом только на северных склонах. Больше ему ничего не было известно. Там должны быть деревни вроде его собственной, он был почти уверен в этом. Что еще? Жители тех мест должны знать вещи, неизвестные его соплеменникам, например, где искать металл и как его получить. У обитателей долины еще сохранилось несколько драгоценных топоров и мачете, сделанных из блестящего материала, называемого железом. Они были мягче обсидиановых, но не ломались так легко, и их можно было точить снова и снова. А у жрецов хранилась шкатулка, сделанная из этого железа, украшенная сверкающими драгоценностями, которую они показывали народу в

дни особых празднеств.

Как бы он хотел увидеть мир, сотворивший все эти чудеса! Если бы ему только удалось вырваться отсюда! Если бы только существовал выход — даже боги не смогли бы остановить его. И все же, рассуждая так, Чимал съеживался и закрывал голову руками в ожидании неминуемого удара богов.

Боги остановят его. Коатлики настигнет и покарает — он сам видел ее безрукие жертвы.

Чимал вновь впал в оцепенение — что ж, это и к лучшему. Нельзя причинить боль тому, кто ничего не чувствует. Его нож лежал на скале там, где он его оставил. Чимал вспомнил о нем потому, что изготовление ножа стоило ему многих часов тяжелой работы: не так-то легко высечь из куска обсидиана подходящее лезвие. Но рыба, как и дрова, вылетела у него из головы; Чимал прошел мимо сухого дерева, даже не взглянув на него. Ноги сами привели на тропинку, и он в благословенной бесчувственности направился мимо деревьев обратно в деревню.

Дорожка шла вдоль русла обмелевшей реки, и на противоположном берегу были видны храм и школа. Какой-то мальчик — он был из другой деревни, Заачилы, и Чимал не знал его име-

ни, — стоя на высоком берегу, махал ему и что-то кричал, приложив руки ко рту. Чимал остановился и прислушался.

— Храм… — донеслось до Чимала, потом что-то еще, похожее на «Тецатлипока». Чимал надеялся, что это ему показалось: имя Владыки небес и земли, насылающего и излечивающего ужасные болезни, нельзя произносить всуе. Мальчик, поняв, что Чимал его не слышит, спустился с откоса и, разбрызгивая воду, пересек узкий поток, вскарабкался туда, где стоял Чимал. Он совсем запыхался, но глаза его возбужденно сверкали.

— Попока — ты его знаешь? Паренек из нашей деревни… — Не дожидаясь ответа Чимала, мальчик продолжал, захлебываясь словами: — Ему было видение, он об этом рассказывал, жрецы услышали и позвали его в храм, и они говорят, что Тецатлипока… — как ни возбужден был мальчик, произнеся имя бога вслух, он запнулся, — вошел в него. Жрецы забрали Попоку в храм на пирамиде.

— Зачем? — спросил Чимал, хотя знал ответ.

— Ситлаллатонак освободит бога.

Они должны идти в храм — конечно, все должны присутствовать на столь важной церемонии. Чималу совсем не хотелось видеть то, что про-

изойдет, но он и не пытался уклониться: быть там его долг.

Войдя в деревню, Чимал оставил мальчика и направился к своей хижине, но мать, как и большинство односельчан, уже ушла. Чимал положил нож на место и направился по хорошо утоптанной тропе, ведущей к храму. Молчаливая тропа собралась у подножия пирамиды, но Чималу все было отлично видно и с его места, позади собравшихся.

На уступе перед храмом находился резной каменный алтарь с просверленными в нем отверстиями, обильно покрытый за бесчисленные годы засохшей кровью. Попока покорно дал привязать себя к камню; чтобы он не мог двигаться, веревки были пропущены сквозь отверстия в алтаре. Один из жрецов встал над юношей. Приставив ко рту свернутый из листьев конус, он дунул через него. В то же мгновение словно белое облако окутало лицо Попоки. Йахтли, порошок из корня того растения, что усыпляет людей и делает их нечувствительными к боли. К тому времени, когда Ситлаллатонак появился у алтаря, младшие жрецы уже обрили голову юноши — все было готово к началу обряда. Верховный жрец собственноручно вынес чашу с необходи-

мыми инструментами. Дрожь пробежала по телу юноши, когда с его лба срезали кусок кожи, но он даже не вскрикнул. И ритуал начался.

Толпа всколыхнулась: вращающееся острие начало сверлить отверстие в черепе Попоки. Совсем того не желая, Чимал очутился в первом ряду. Отсюда все детали происходящего были видны с мучительной отчетливостью: верховный жрец просверлил несколько отверстий в черепе, соединил их — и снял освободившийся костный диск.

— Ты можешь выйти, Тецатлипока, — провозгласил верховный жрец; гробовое молчание воцарилось в толпе при упоминании ужасного имени.

— Теперь говори, Попока, — обратился жрец к юноше, — что ты видел?

С этими словами он вонзил нож в блестящую серую массу в зияющей ране. Ответом был тихий стон, и губы юноши зашевелились.

— Кактусы… на осыпи у скал… Я собирал их плоды, было уже поздно, а я еще не закончил… После захода солнца мне пришлось бы идти в деревню в темноте… Я повернулся и увидел…

— Выходи, Тецатлипока, дорога тебе открыта, — перебил Попоку верховный жрец, погружая нож еще глубже.

—
УВИДЕЛ БОЖЕСТВЕННЫЙ СВЕТ, ОН СНИЗОШЕЛ НА МЕНЯ ОТ ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА!.. — закричал Попока, судорожно изгибаясь на алтаре, и затих.

— Тецатлипока вышел, — возвестил жрец, кидая инструменты в чашу, — и юноша свободен.

«И мертв», — подумал Чимал, отворачиваясь.

4

С наступлением вечера стало прохладнее, и солнце уже не так нещадно припекало спину Чимала. После того как народ разошелся от храма, он так и сидел здесь, на белом песке у реки, глядя на узкую полоску мутной воды. Сначала он не осознал, что же привело его сюда, но потом, когда до него это дошло, страх приковал его к месту. День выдался тяжелый во всех отношениях, и смерть Попоки на жертвенном камне дала мыслям Чимала новое направление. Что видел юноша? Мог ли Чимал увидеть такое? А если бы увидел, ему это тоже стоило бы жизни?

Когда Чимал поднялся, ноги почти отказались его держать — он слишком долго просидел на корточках, так что, вместо того чтобы перепрыгнуть поток, он перебрался вброд. Какая разница, если

он умрет теперь — ведь хотел же он остаться под водой, просто ему это не удалось. Жизнь в долине была — он запнулся, подыскивая подходящее слово, — непереносимой. Мысль о бесконечной череде одинаковых дней впереди казалась гораздо более ужасной, чем перспектива смерти. Попока что-то видел, боги овладели им за это, а жрецы убили. Что же могло быть настолько важным?

Чимал не мог себе такого представить, да это и не имело значения. Все, что обещало хоть какую-то новизну в этой никогда не меняющейся жизни, должно быть им испробовано.

Держась кромки болота в северном конце долины и обойдя стороной поля маиса и магу, окружающие деревню Заачила, можно было остаться незамеченным. На этой заброшенной земле не было ничего, кроме кактусов, москитов и песка. Фиолетовые тени росли с приближением сумерек, и Чимал заторопился к утесам, вставшим стеной за деревней. Что же там видел Попока?

Было лишь одно соответствующее описанию место, где росли кактусы с плодами, — наверху длинной осыпи из мелких камней и песка. Чимал знал, где это, и добрался туда как раз к тому мо-

менту, когда солнце начало садиться за дальние горные утесы. Он вскарабкался на вершину осыпи и устроился на венчающем ее большом камне. Высота могла иметь какое-то отношение к тому, что видел Попока, — так что чем выше, тем лучше. С этой выгодной позиции Чимал мог видеть всю долину — деревню Заачила прямо перед собой, темную полоску речного русла, свою родную деревню за рекой. Выступающие утесы скрывали от него водопад на юге, но болота на севере и замыкающие долину гигантские каменные блоки были отчетливо видны, хотя теперь, когда солнце садилось, быстро начинала сгущаться темнота.

Пока Чимал смотрел на окрестности, солнце окончательно скрылось за горами. Вот и все. Он ничего не увидел. Сияющее красками заката небо приобрело более темный оттенок, и Чимал уже собрался покинуть свой наблюдательный пост.

И тут ему в глаза ударил луч чистого золотого света.

Это длилось всего мгновение. Если бы он не смотрел пристально в нужном направлении, он ничего бы не увидел. Золотая полоса, тонкая, как нить, пересекла небо от той точки, где скрылось солнце, — сверкающая подобно отражению света на воде. Но только какая же водная поверхность

может быть на небе? Что это было?

Осознание того, как далеко он от дома и как уже поздно, заставило Чимала вздрогнуть. На небе появились первые звезды, скоро совсем стемнеет, а он на чужом берегу реки.

Коатлики!

Забыв обо всем остальном, Чимал спрыгнул с валуна, споткнувшись, растянулся на песке, вскочил и помчался к реке. Сумерки уже совсем сгустились, его односельчане, должно быть, сидят за ужином, а он… Страх гнал его мимо темных сгорбившихся кактусов, через низкие колючие кусты. Коатлики! Она совсем не выдумка жрецов: он видел ее жертвы. Не раздумывая, Чимал бежал, как преследуемая охотниками дичь.

Когда он достиг берега реки, тьма стала совсем непроглядной и только свет звезд указывал ему путь. У воды было еще темнее — берега заслоняли звезды, — и именно там охотилась Коатлики. Дрожь пробежала по телу, и Чимал замедлил шаги, не в силах заставить себя нырнуть в эту густую черноту.

И тут издалека, со стороны находящихся справа болот, раздалось шипение, похожее на шипение гигантской змеи. Это она!..

Не колеблясь более, Чимал кинулся вперед,

споткнувшись, перевернулся на мягком песке и, разбрызгивая воду, пересек обмелевший поток. Шипение раздалось снова. Не стало ли оно громче? Отчаянно цепляясь за выступы берега, он вскарабкался по откосу и, судорожно хватая ртом воздух, помчался через поля. Чимал не замедлял бега до тех пор, пока надежная стена дома не появилась перед ним. Чимал упал у первой же хижины, задыхаясь и прижимаясь к грубым необожженным кирпичам, — здесь он был в безопасности. Сюда Коатлики не придет.

Когда его дыхание выровнялось, Чимал встал и бесшумно пошел между домами к своей хижине. Его мать переворачивала тортильи на кумале и бросила на него озабоченный взгляд.

— Ты сегодня поздно.

— Я был в гостях.

Чимал сел и потянулся было к кувшину с водой, но передумал и взял сосуд с октли. Перебродивший сок магу опьянял и приносил радость и успокоение. Чимал еще не привык к мужской привилегии — пить октли, когда захочет. Квиау искоса глянула на сына, но ничего не сказала. Чимал сделал большой глоток и с трудом удержался, чтобы не закашляться.

Ночью во сне Чимал был оглушен страшным

ревом. Ему казалось, что он попал в горах под камнепад и получил удар по голове. Неожиданная вспышка света, заметная даже сквозь сомкнутые веки, разбудила его, и Чимал лежал в темноте в жутком страхе, а волны звука все накатывались и накатывались на него. Не сразу он сообразил, что на дворе ливень: стук дождя по соломенной крыше и был тем звуком, который слышался ему во сне. Новая вспышка молнии озарила хижину на долгую секунду, залив помещение странным голубым светом, в котором были отчетливо видны очаг, кухонные горшки, неподвижная фигура Квиау, крепко спящей на своем петлатле, колеблемая ветром циновка на двери, ручеек дождевой воды, извивающийся по земляному полу. Затем снова наступила темнота, и грохот грома, казалось, заполнил собой всю долину. Когда боги играют, говорили жрецы, они крушат горы и кидают огромные камни, вроде тех, которыми они когда-то завалили выход из долины.

Голова Чимала заболела, как только он сел: по крайней мере эта часть его сна соответствовала реальности. Он выпил слишком много октли. Мать была обеспокоена, вспомнил Чимал: опьянение было священно и допустимо только во

время праздничных торжеств. Ну что же, у него был свой собственный праздник.

Чимал отодвинул циновку и вышел под дождь. Теплые струи текли по его запрокинутому лицу и омывали обнаженное тело, Чимал ловил ртом и глотал сладкую воду. Головная боль утихла, и ощущение чистоты было приятно. Даже подумалось: теперь посевам хватит влаги, урожай, несмотря ни на что, все же может оказаться неплохим.

Молния снова осветила небо, и Чимал сразу же вспомнил о том световом луче, который видел на закате. Может быть, это родственные явления? Вряд ли: молния извивалась, как обезглавленная змея, а та полоса света была прямой, как стрела.

Ему больше не хотелось стоять под дождем — он продрог. Стараясь отогнать мысли об увиденном накануне вечером, Чимал повернулся и быстро нырнул в хижину.

На рассвете, как и каждый день, его разбудил стук барабана. Мать уже раздувала угли в очаге. Она молчала, но Чимал прочел неодобрение в том, как она отвернулась от него. Потрогав подбородок, Чимал укололся об отросшую щетину: пора привести себя в порядок. Он налил в плошку воды и покрошил в нее копалксокотль,

сушеный корень мыльного дерева. Взяв плошку с мыльным раствором и нож, Чимал устроился за домом, там, куда падали первые солнечные лучи. Тучи ушли, и день обещал быть ясным. Чимал как следует намылил лицо и посмотрелся в лужицу: легче чисто побриться, если видишь свое отражение.

Закончив бритье, Чимал провел рукой по щекам — теперь они были гладкие, а отражение в лужице подтверждало, что дело сделано на совесть. На Чимала смотрело почти незнакомое лицо — так он изменился за последние годы. У него был решительный квадратный подбородок — совсем не как у его отца: по рассказам старших, у того были тонкие черты лица, да и вообще он был миниатюрным. Даже теперь, наедине с собой, Чимал по привычке крепко сжимал губы, как бы стремясь удержать готовые сорваться ненужные слова: за многие годы Чимал хорошо усвоил умение молчать. Даже его глубоко сидящие серые глаза под тяжелыми бровями хранили выражение замкнутости. Прямые светлые волосы Чимала, ровно подстриженные и сзади и с боков доходящие до плеч, спереди челкой падали на его высокий лоб. Больше не было мальчика, лицо которого было Чималу привычно; теперь

его место занял взрослый незнакомец. Что значили для него те события в прошлом, странные чувства, волновавшие мальчика, странные вещи, которые он видел? Почему он не мог жить спокойно, как все?

Чимал услышал шаги позади себя, а затем рядом с его лицом отразилось еще одно: Куаутемок, вождь его клана, седой и морщинистый, суровый и неразговорчивый.

— Я пришел поговорить о твоей свадьбе, — сказало отражение.

Чимал выплеснул в лужу мыльную воду из плошки, и отражение разбилось на тысячу фрагментов и исчезло.

Когда Чимал выпрямился и обернулся к вождю, выяснилось, что он на несколько дюймов выше Куаутемока: они не встречались лицом к лицу давно, и Чимал успел вырасти. Все ответы, которые приходили на ум, казались неправильными, так что Чимал промолчал. Куаутемок прищурился на встающее солнце и потер подбородок загрубелыми от работы пальцами.

— Нужно укреплять клан. Такова воля, — он понизил голос, — Омейокана. Девушка Малиньче достигла брачного возраста, и ты тоже. Ваша свадьба будет скоро, после праздника созревающего

урожая. Ты ведь знаешь девушку Малиньче?

— Конечно я ее знаю. Именно поэтому я и не хочу на ней жениться.

Куаутемок был изумлен. Его глаза широко раскрылись, а палец прикоснулся к щеке в традиционном жесте, выражающем удивление.

— Чего ты хочешь, не имеет значения. Разве тебя не учили повиноваться? Другой подходящей для тебя девушки нет, так сказала мне сваха.

— Дело не в Малиньче — я вообще не хочу жениться. Не теперь. Со свадьбой можно подождать…

— Ты был со странностями еще мальчишкой, недаром жрецы тебя побили. Казалось, это пошло тебе на пользу, я даже подумал, ты исправился. А теперь ты говоришь так же странно, как и тогда. Если ты не сделаешь того, что я тебе велю, то я… — Куаутемок запнулся, подыскивая слова, — то я должен буду все рассказать жрецам.

Воспоминание о черном обсидиановом ноже, вонзающемся в серую массу в голове Попоки, внезапно отчетливо встало у Чимала перед глазами. Если жрецы решат, что он одержим богом, они точно так же освободят и его. Все очень просто, неожиданно понял Чимал. Перед ним два пути: или он будет вести себя как все — или умрет.

Выбор за ним.

— Я женюсь на девушке.

Чимал отвернулся и поднял корзину с навозом, чтобы отнести ее на поле.

5

Кто-то передал ему чашку с октли, и Чимал наклонился над ней, вдыхая сильный острый запах, перед тем как выпить. Он сидел в одиночестве на новой травяной циновке, окруженный со всех сторон шумными родичами — своими и Малиньче. Они смеялись, толкались, старались перекричать друг друга, а девушки разносили кувшины с октли. Для празднества была отведена песчаная площадка посреди деревни, ради такого случая чисто выметенная; она еле вмещала всех собравшихся. Чимал оглянулся и встретился глазами со своей матерью. Квиау улыбнулась, а он уже и не помнил, когда в последний раз видел ее улыбающейся. Чимал отвернулся от нее так резко, что октли выплеснулось из чаши на его тилмантль — новый белый свадебный плащ, специально сотканный Квиау к этому событию. Чимал стал стряхивать липкую жидкость — и замер, когда все вокруг внезапно затихли.

— Она идет, — прошептал кто-то, и по толпе пробежал шорох — все повернулись и стали смотреть в одном направлении. Чимал не отрывал взгляда от своей уже почти пустой чаши, не поднял он глаз и тогда, когда гости расступились, давая дорогу свахе. Старуха еле ковыляла под тяжестью невесты, но она всю свою жизнь таскала подобную ношу — в этом состояли ее обязанности. Она остановилась рядом с циновкой и аккуратно поставила на нее Малиньче. Девушка тоже была одета в новый белый плащ, а ее лунообразное лицо натерли ореховым маслом, чтобы кожа красиво блестела. Повозившись, она опустилась на колени — совсем как собака, устраивающаяся поудобнее, — и обратила свои круглые глаза на Куаутемока, который приблизился и величественно простер руки. Как вождь клана жениха он имел право произнести речь первым. Он прочистил горло и сплюнул на песок.

— Мы собрались здесь сегодня ради укрепления уз между кланами. Вы помните, что, когда Йотихуак умер от голода в неурожайный год, он оставил вдову Квиау — вон она сидит — и сына по имени Чимал — вон он на циновке…

Чимал не слушал. Ему приходилось бывать на свадьбах, и сейчас происходило все то же самое.

Вожди кланов разразятся длинными речами, усыпив собравшихся, потом столь же длинную речь скажет сваха, потом все, кому только взбредет в голову. Гости будут дремать, будет выпито много октли, и наконец уже почти на закате их плащи завяжут традиционным узлом, который соединяет невесту и жениха на всю жизнь. Даже и на этом речи еще не закончатся. Только когда совсем стемнеет, церемония подойдет к концу и Малиньче отправится к себе домой. У нее, как и у Чимала, не было отца — тот умер за год до того от укуса гремучей змеи, — но были дядья и братья. Они уведут ее с собой, и многие из них будут с ней спать этой ночью. Она принадлежала к их клану, и поэтому только справедливо, что они избавят Чимала от духов, угрожающих браку, приняв на себя их проклятия. Лишь вечером следующего дня Малиньче переселится в его дом.

Все это было Чималу известно… и безразлично. Хотя он и понимал, что молод, сейчас ему казалось, будто его жизнь подошла к концу. Он видел свое будущее так отчетливо, словно уже прожил его: все будет неизменным, его жизнь ничем не будет отличаться от существования других жителей деревни. Дважды в день Малиньче будет готовить для него тортильи, раз в год — рожать

ребенка. Чимал будет засевать поле, ухаживать за посевами, и каждый день окажется таким же, как предыдущий, пока он не состарится и не умрет.

Так это должно быть.

Чимал протянул чашу за новой порцией октли, ее наполнили. Так это должно быть. В жизни нет ничего другого, и Чимал не мог найти выхода из этого круга. Стоило его мыслям отклониться от предписанного пути, как он тут же призывал их к порядку и снова прикладывался к чаше. Он будет молчать и прогонит всякие мысли прочь.

Тень прочертила песчаное пространство и коснулась собравшихся мимолетной тьмой — огромный стервятник уселся на конек крыши ближайшей хижины. Птица была пыльная и неопрятная и трясла крыльями, устраиваясь на крыше, как старуха, расправляющая свои лохмотья. Зопилот холодно глянул на Чимала сначала одним глазом, потом другим. Глаза птицы были такие же круглые, как у Малиньче, и такие же пустые. Запекшаяся кровь покрывала хищный крючковатый клюв и перья, окружающие воротником голую шею.

Потом наступил вечер, и стервятник давно уже улетел: ему здесь было не по нраву, здесь все были слишком живые — ему гораздо больше нравилась

мертвечина. Долгая церемония подошла наконец к концу. Вожди обоих кланов торжественно приблизились и взялись за концы тилмантлей, готовясь связать вместе свадебные плащи. Чимал мигая смотрел на грубые руки, теребящие ткань, и внезапно им овладело багровое безумие. Он чувствовал то же, что раньше у озера, но гораздо сильнее. Была единственная вещь, которую он мог сделать, — единственная, которую он должен был сделать, — другого выхода не оставалось.

Чимал вскочил словно ошпаренный и выдернул край плаща из вцепившихся в него пальцев.

— Нет, ни за что! — выкрикнул он охрипшим от выпитого октли голосом. — Я не женюсь ни на ней, ни на ком-либо еще! Вы не можете меня заставить!

Он кинулся в темноту сквозь замершую в пораженном молчании толпу, и никому не пришло в голову задержать или остановить его.

6

Если жители деревни и наблюдали за происходящим, они ничем не выдавали своего присутствия. Утренний ветерок шевелил циновки в дверных проемах, но за ними не было

заметно никакого движения.

Чимал шел с высоко поднятой головой такими широкими шагами, что два жреца в своих черных одеяниях еле поспевали за ним. Его мать вскрикнула, когда на рассвете они пришли за Чималом, — это был единственный короткий крик боли, как если бы она увидела его смерть. Они стали в дверях, черные, как посланцы смерти, и потребовали его, держа оружие наготове — на случай, если он начнет сопротивляться. Каждый из них был вооружен маквахуитлем — самым смертоносным оружием, известным ацтекам: обсидиановые лезвия с рукоятками из железного дерева были настолько остры, что отрубали человеку голову одним ударом. В этой угрозе не было нужды — совсем наоборот. Чимал был за домом, когда услышал их голоса. «Что же, идемте в храм», — сказал он тогда жрецам, накидывая на плечи плащ и завязывая его узлом уже на ходу. Молодым жрецам пришлось поторопиться, чтобы угнаться за ним.

Он знал, что должен бы испытывать ужас перед тем, что может ждать его в храме, но по какой-то непонятной причине чувствовал душевный подъем. Он не был счастлив — никто, кому предстоял разговор с жрецами, счастлив быть не

мог, — но его ощущение собственной правоты было столь велико, что давало ему силы не замечать темную тень, угрожающую его будущему. Казалось, с его души снят тяжелый груз — да так оно на самом деле и было. В первый раз со времен раннего детства он не лгал, чтобы скрыть свои мысли: он говорил то, что думал, не считаясь с общепринятым мнением. Чимал не знал, к чему это приведет, но сейчас ему было все равно.

Его ждали у подножия пирамиды, и дальше он уже не мог идти по собственной воле. Двое жрецов преградили ему дорогу, и еще двое самых сильных взяли его за руки. Чимал не сделал попытки освободиться, когда они повели его вверх по лестнице к храму. Он никогда там не бывал: обычно только жрецы проходили через резные двери, украшенные изображениями змей, извергающих скелеты. Когда жрецы задержались у входа, настроение Чимала несколько упало перед лицом той угрозы, которую нес барельеф.

С этой высоты была видна вся река. Она начиналась в роще деревьев на юге и извивалась в крутых берегах, разделяя две деревни. Ее нижнее течение было отмечено золотым песком, а потом река пропадала в расположенных недалеко от пирамиды болотах. За болотами поднимался

скальный барьер, а за ним были видны еще более высокие вершины…

— Введите его, — раздался из храма голос Ситлаллатонака, и жрецы втолкнули Чимала внутрь.

Верховный жрец сидел, скрестив ноги, на резном каменном сиденье перед статуей Коатлики. В полумраке храма богиня казалась устрашающе живой, камень статуи был отполирован и украшен драгоценностями и золотыми пластинками. Ее головы-близнецы смотрели на вошедшего, а руки-клешни, похоже, были готовы его схватить.

— Ты ослушался вождей, — громко сказал главный жрец.

Другие жрецы отошли назад, давая Чималу возможность приблизиться к старцу. Глядя на него вблизи, Чимал понял, что жрец еще старше, чем ему думалось. Его волосы, не мытые годами, свалялись и были покрыты кровью и пылью — это производило желаемый устрашающий эффект, как и кровавые пятна на накидке, покрытой символами смерти. Глубоко сидящие глаза жреца были красными и слезились, морщинистая шея походила на шею индюка. Лицо было восковым, несмотря на румяна, долженствующие придать ему здоровый вид. Чимал молча смотрел

на жреца.

— Ты ослушался. Известно ли тебе, какое наказание тебя ждет? — Голос старика дрожал от злобы.

— Я не ослушался, поэтому и наказания быть не может.

Жрец привстал в изумлении, услышав эти спокойно произнесенные слова. Его глаза сузились от гнева, и он рухнул на свое каменное сиденье, кутаясь в накидку.

— Ты уже спорил однажды — и был высечен. С жрецами не спорят.

— Я и не спорю, преподобный Ситлаллатонак, я просто объясняю, что произошло…

— Мне не нравятся твои объяснения, — прервал его жрец. — Разве ты не знаешь своего места? Разве тебя не учили этому в храмовой школе вместе с другими мальчиками? Боги правят. Жрецы передают их волю и возносят молитвы. Люди повинуются. Твой долг — повиноваться, и только.

— Я исполняю свой долг. Я повинуюсь богам. Но я не повинуюсь людям, когда они нарушают установленные богами законы. Повиноваться им было бы святотатством, наказание, за которое — смерть. Я не хочу умирать и поэтому повинуюсь богам, даже если это вызывает гнев смертных.

Жрец моргнул, затем концом грязного пальца смахнул соринку из угла глаза.

— Что значат твои слова? — произнес он с сомнением в голосе. — Ведь это боги повелели тебе жениться.

— Вовсе не боги — люди. В священных текстах сказано, что мужчины должны жениться ради продолжения рода, а женщины — выходить замуж. Но там не говорится, в каком возрасте, и нет ни слова о том, что их можно принуждать к этому против воли.

— Брачный возраст мужчины — двадцать один, женщины — шестнадцать лет…

— Таков обычай, но это всего лишь обычай. Он не имеет силы закона…

— Однажды ты уже спорил — и был побит, — визгливо повторил жрец. — Тебя могут побить снова.

— Побить можно мальчика. Нельзя бить мужчину за то, что он говорит правду. Я хочу только одного — соблюдения закона, установленного богами. Как же можно наказывать меня за это?

— Принесите мне священные книги! — крикнул верховный жрец служителям, ожидавшим за дверью. — Это ничтожество узнает правду прежде, чем его накажут. Я не помню подобного

закона.

— А я хорошо помню, — спокойно ответил Чимал. — Он таков, как я сказал.

Старый жрец откинулся на сиденье, щурясь от упавшего на него солнечного луча. Солнечный свет, лицо жреца… Это всколыхнуло память Чимала, и он произнес почти с вызовом:

— Я помню также, что ты говорил нам о солнце и звездах — ты прочел об этом в книгах. Солнце — пылающий газовый шар, который движут боги. Разве не так ты говорил? Или твои слова были иными — что солнце окружено огромной алмазной оболочкой?

— Что такое ты говоришь о солнце? — нахмурившись, спросил жрец.

— Да нет, ничего, — пробормотал Чимал.

«Я не смею говорить об этом вслух, — подумал он, — иначе буду мертв — мертв, как Попока, который первым увидел луч. Я видел его тоже, и он был похож на отражение солнца в воде или в алмазе. Почему жрецы ничего не говорили о том, что вызывает этот луч?»

Жрецы принесли священные книги, и мысли Чимала прервались.

Древние и почитаемые книги были в переплетах из человеческой кожи. По праздникам жрецы

читали их народу. Теперь служитель положил их на каменную полку и отошел. Ситлаллатонак потянулся к тяжелым томам, поднеся к свету сначала один, потом другой.

— Тебе нужна вторая книга Тецатлипоки, — сказал Чимал. — То, о чем я говорю, написано на тринадцатой или четырнадцатой странице.

С громким стуком книга выпала из рук жреца — тот удивленно вытаращил глаза на Чимала:

— Откуда ты это знаешь?

— Когда эту книгу читали народу, называли страницу. Я запомнил.

— Ты умеешь читать — вот откуда тебе известно. Ты тайком приходил в храм читать запретные книги…

— Не будь глупцом, старик. Я никогда раньше не бывал в храме. Я просто запомнил, вот и все. — Какой-то бес подбил Чимала продолжать — уж очень велико было изумление на лице жреца. — И я умею читать, если уж хочешь знать. Это тоже не запрещено. В школе при храме я выучил, как и остальные дети, цифры, а также буквы, составляющие мое имя. Когда других учили писать их имена, я слушал и запоминал, так что узнал все буквы. Не так уж это сложно.

Жрец лишился дара речи. Вместо ответа он стал

рыться в книге, пока не нашел названных Чималом страниц. Он медленно перелистывал книгу, шепотом читая священные слова. Старик прочел главу один раз, потом вернулся к предыдущей странице и прочел опять. Книга выскользнула у него из рук.

— Вот видишь, я прав, — сказал ему Чимал. — Я скоро женюсь, но только по своему выбору, хорошенько все обсудив со свахой и вождями. Так учит закон…

— Не учи меня закону, ослушник! Я верховный жрец, закон — это я, и ты должен повиноваться.

— Мы все должны повиноваться, великий Ситлаллатонак, — тихо ответил Чимал. — Никому не позволено попирать закон, и каждый выполняет свой долг.

— Ты хочешь сказать, что и я?.. Ты смеешь учить меня обязанностям жреца, ты, козявка! Я могу убить тебя!

— За что? Я не сделал ничего плохого.

Жрец вскочил на ноги, трясясь от гнева и брызгая слюной.

— Ты споришь со мной, думаешь, что знаешь закон лучше меня, умеешь читать, хотя тебя никто не учил. Я знаю, тобой овладел злой дух, и нужно выпустить его из твоей головы.

Чимал ощутил холодный гнев. Гримаса отвращения скривила его рот.

— Это все, что ты умеешь, старик? Убить человека, который с тобой не согласен, хотя он прав, а ты ошибаешься? Что же ты за жрец?

С хриплым воплем верховный жрец поднял кулаки и кинулся на Чимала, чтобы заставить его замолчать. Чимал схватил старика за руки и с легкостью удержал, хотя тот боролся изо всех сил. Сзади раздался топот ног — служители кинулись на помощь своему главе. Как только они оказались рядом, Чимал отпустил старика и отступил, криво улыбаясь.

И тут это случилось. Старик снова поднял руки, широко открыл беззубый рот и закричал — но не мог выговорить ни слова. Крик перешел в болезненный стон, и жрец, как подрубленное дерево, рухнул на пол. Его голова гулко ударилась о камень, и он остался лежать неподвижно. Глаза старика закатились, а на губах появилась пена.

Другие жрецы бросились ему на помощь, подняли и унесли. Один из стражей, вооруженный дубинкой, ударил сзади Чимала по голове. Будь это другое оружие, удар был бы смертельным. Чимал потерял сознание, и жрецы, пиная бесчувственное тело, уволокли его тоже.

Солнце, вышедшее из-за гор, светило сквозь проем в стене и зажигало огонь в драгоценных камнях, из которых были сделаны глаза Коатлики.

Священные книги, хранящие закон, так и остались валяться там, куда упали.

7

— Похоже, старый Ситлаллатонак очень болен, — тихо сказал молодой жрец, проверяя, хорошо ли заперта камера, куда поместили Чимала.

Мощные бревна, каждое толще ноги взрослого мужчины, входили в отверстия в камне стен. Бревна имели пазы, куда вставлялась задвижка, закреплявшаяся снаружи — так, чтобы узник не мог до нее дотянуться: дверь нельзя было отпереть изнутри. К тому же сама возможность такой попытки со стороны Чимала была исключена — его руки и ноги были связаны крепкой веревкой из волокон магу.

— В его болезни виноват ты, — продолжал жрец, гремя запорами. Они с Чималом были ровесниками и вместе учились в храмовой школе. — Зачем только ты это сделал? Ну, были у тебя

неприятности в школе, так ведь они у всех были — мальчишки есть мальчишки. Я никогда не думал, что ты кончишь так плохо.

Как бы ставя точку в разговоре, жрец просунул в камеру копье и ткнул им Чимала в бок. Чимал откатился, но обсидиановое острие успело рассечь мускулы, и из раны потекла кровь.

Жрец ушел, и Чимал снова остался один. Высоко в каменной стене было узкое отверстие, через которое пробивался пыльный солнечный лучик. Через него же до Чимала доходили и звуки: взволнованные крики и испуганный женский плач.

Люди пришли все до единого, как только новость добралась до деревень. Как потревоженные муравьи, они бежали из Заачилы — через поля, вброд через реку, по прибрежному песку. На другом берегу жители Заачилы смешались с жителями Квилапы — те тоже в страхе бежали к храму. Пришедшие стояли у подножия пирамиды сплошной стеной, перекликаясь и обмениваясь крохами новостей. Шум затих, только когда из храма вышел жрец и медленно спустился по лестнице, подняв руки и призывая к тишине. Подойдя к жертвенному камню, он остановился. Ицкоатль — так его звали — ведал храмовой школой. Это был суровый высокий человек средних лет, со

спутанными белокурыми волосами, падавшими ниже плеч. Все знали, что когда-нибудь он станет верховным жрецом.

— Ситлаллатонак болен, — провозгласил жрец, и толпа откликнулась тихим стоном. — Сейчас он отдыхает, и мы ухаживаем за ним. Он пока не приходит в себя.

— Какая болезнь поразила его столь внезапно? — крикнул снизу один из вождей.

Ицкоатль не торопился отвечать; грязным ногтем он счищал пятнышко засохшей крови со своего плаща.

— Один человек напал на Ситлаллатонака, — произнес он наконец. — Мы держим напавшего взаперти, чтобы позже допросить и казнить. Он безумен или одержим демоном. Мы это выясним. Он не ударил Ситлаллатонака, но, возможно, наложил на него заклятие. Имя этого человека — Чимал.

Толпа всколыхнулась и загудела, как потревоженный улей, раздаваясь в стороны, — люди и так стояли, тесно сгрудившись, теперь же давка еще увеличилась, когда они как от прокаженной отшатнулись от Квиау. Мать Чимала стояла с опущенной головой посреди пустого пространства, стиснув руки у подбородка, — жалкая одинокая

фигурка убитой горем женщины.

Так прошел день. Солнце поднималось все выше, но люди не расходились. Квиау тоже оставалась у храма; она только отошла в сторону от толпы. Никто не обращался к ней и даже не смотрел в ее сторону. Люди сидели на земле и тихо переговаривались, некоторые отходили по естественным надобностям, но обязательно возвращались. В обеих деревнях никого не осталось, и очаги в хижинах гасли один за другим. Порывы ветра доносили вой собак, оставшихся без воды и пищи, но никто не обращал на это внимания.

К вечеру стало известно, что верховный жрец пришел в себя, но был еще очень слаб. Его правая рука и правая нога были неподвижны, и он еле мог говорить. По мере того как солнце краснело и опускалось за холмы, напряжение в толпе росло. Как только светило скрылось из виду, жители Заачилы неохотно поспешили в свою деревню. Они должны были пересечь реку до темноты — времени, когда появляется Коатлики. Они останутся в неведении о том, что происходит в храме, но по крайней мере будут спать на своих циновках. Жителям Квилапы предстояла долгая бессонная ночь. Они запаслись охапками соломы и стеблями маиса и соорудили из них факелы.

Хотя матери кормили грудных детей, никто больше ничего не ел, да никто и не чувствовал голода — все были слишком поглощены ужасными событиями.

Потрескивающие факелы разгоняли темноту ночи, и лишь немногие дремали, положив головы на колени. Большинство сидели в ожидании и смотрели на храм. Оттуда доносились приглушенные голоса молящихся жрецов, а непрекращающийся барабанный бой звучал, как сердцебиение храма.

За ночь Ситлаллатонаку не стало ни хуже, ни лучше. Он был жив и, наверное, сможет произнести утренние молитвы, но позже, днем, жрецы должны будут собраться на торжественную церемонию, избрать нового верховного жреца и совершить все приличествующие случаю обряды. Все будет в порядке. Все должно быть в порядке.

Когда на небе появилась утренняя звезда, ожидавшие у храма люди встрепенулись. Восход этого светила означал наступление нового дня и служил сигналом для жрецов: они должны были просить о помощи Хицилапочтли, Повелителя колибри. Он был единственным, кому по силам победить богов тьмы, и с тех пор, как он создал ацтеков, он был их защитником. Каждую ночь

они молились ему, чтобы он вышел на битву, вооруженный громами, и прогнал ночь и мрак и дал солнцу засиять снова.

Хицилапочтли всегда приходил на помощь своему народу, хотя для этого приходилось задабривать его жертвами и молитвами. Разве не служил доказательством действенности молитв тот факт, что солнце каждый день появлялось на небе? Молитвы… нет ничего важнее молитв.

И только верховный жрец мог произнести необходимые слова.

Невысказанная мысль тревожила собравшихся всю ночь. Страх, что некому будет произнести спасительные молитвы, лежал на сердцах как тяжелый груз, когда наконец из храма появилась процессия жрецов, освещавших чадящими факелами дорогу верховному жрецу. Он шел медленно, его поддерживали — почти несли — два молодых жреца. Старик опирался только на левую ногу, правая безжизненно волочилась. Его подвели к алтарю и помогли стоять прямо, пока жертвы не были принесены. Это были три индейки и собака — на сей раз от бога требовалась особенно большая помощь. Сердца жертв поочередно были вырваны и осторожно положены в действующую руку жреца. Его пальцы

крепко стиснули сердца, кровь побежала между пальцами и закапала на алтарь; однако голова старика никак не держалась прямо, а рот был перекошен и полуоткрыт.

Подошло время молитвы.

Барабанный бой и пение жрецов прекратились, тишина стала абсолютной. Ситлаллатонак открыл рот, жилы на его шее напряглись — он изо всех сил старался заговорить. Но вместо слов раздался только хрип, изо рта старика побежала слюна. Жрец приложил еще большее усилие, извиваясь в поддерживающих его руках, пытаясь выдавить слова из непослушного горла; его лицо побагровело от напряжения. И старик не выдержал: его тело задергалось от боли, руки взметнулись, как конечности подброшенной в воздух тряпичной куклы, и он бессильно сник. Ситлаллатонак больше не шевелился, и Ицкоатль, подбежав, приложил ухо к его груди.

— Верховный жрец мертв, — прошептал он, и в тишине все услышали эти ужасные слова.

Собравшаяся толпа как один человек выдохнула скорбный стон; за рекой в Заачиле люди услышали его и поняли, что произошло. Женщины прижимали к себе детей и скулили, мужчины молчали, хотя были перепуганы не меньше.

Собравшиеся у храма смотрели, надеясь на чудо, как с каждой минутой утренняя звезда поднимается все выше. Она поднималась и поднималась, ее никогда еще не видели так высоко — утром обычного дня ее уже затмили бы лучи взошедшего солнца.

Но сегодня восточная часть неба не была залита сиянием. Мир оставался погружен в ночную тьму. Солнце будто не собиралось вставать из-за гор.

Вопль, который издала толпа, теперь был исполнен не скорби, а ужаса, страха перед богами и тем, чем кончится извечная битва света и тьмы. Не победят ли теперь темные силы, не поглотит ли мрак весь мир навсегда? Сумеет ли новый верховный жрец произнести достаточно могущественные заклинания, чтобы возвратить солнце и свет, дарующие жизнь?

Люди с криками разбегались. Некоторые факелы погасли, и наступившая темнота усиливала панику. Упавших топтали, не замечая этого, — не конец ли мира наступил?

В глубоком подземелье под пирамидой Чимал пробудился от тяжелого сна: его разбудили крики и топот ног. Он не мог разобрать слов. Отблески факелов мелькали и исчезали в прорезанной в стене узкой щели. Он попытался перекатиться

так, чтобы лучше видеть, но обнаружил, что почти не может двигаться: его руки и ноги были стянуты веревкой. Он пролежал связанным бесконечные часы; сначала боль в запястьях и лодыжках была невыносимой, но потом они онемели, и Чимал совсем не чувствовал, есть ли у него конечности. Он провел в заточении весь день и всю ночь, его мучила жажда. К тому же обмочился, как маленький ребенок: он ничего не мог с этим поделать. Ужасная усталость навалилась на Чимала, душа горела от желания, чтобы все уже было кончено и он нашел успокоение в смерти. Мальчики не спорят с жрецами. Мужчины тоже не спорят.

Снаружи послышалось движение: кто-то спускался по лестнице, держась за стену в темноте. Шаги остановились у его двери, и Чимал услышал, как кто-то отодвигает запоры.

— Кто это? — выкрикнул Чимал, не в силах вынести это невидимое присутствие. — Вы наконец пришли убить меня? Так чего же вы медлите?

В ответ раздалось только тяжелое дыхание… и стук упавшей задвижки. Затем одно за другим тяжелые бревна были вынуты из пазов в стене. Чимал почувствовал, как кто-то вошел в камеру и остановился рядом с ним.

— Кто это? — повторил Чимал и попытался сесть, упираясь в стену.

— Чимал, — произнес тихий голос его матери.

Сначала он не поверил своим ушам — ему пришлось произнести ее имя вслух, прежде чем он удостоверился в реальности происходящего. Квиау опустилась на колени рядом с сыном, и Чимал ощутил ее пальцы на своем лице.

— Что произошло? — спросил он. — Как ты сюда попала и где жрецы?

— Ситлаллатонак мертв. Он не вознес молитвы, и солнце теперь не взойдет. Люди обезумели, воют как собаки и мечутся.

«Могу себе представить», — подумал Чимал, и на мгновение паника коснулась и его; но мысль, что для обреченного на смерть один конец ничем не отличается от другого, принесла ему странное успокоение. Какая ему разница, что случится с надземным миром, раз он обречен блуждать в темноте преисподней?

— Тебе не надо было приходить, — сказал Чимал мягко, чувствуя нежность и теплоту, которых не испытывал к матери уже много лет. — Уходи, а то жрецы схватят тебя и тоже принесут в жертву. Хицилапочтли потребуется много сердец, чтобы он смог победить в битве с ночью и звездами

— теперь, когда они так сильны.

— Я должна тебя освободить, — прошептала Квиау, нащупывая веревки, которыми был связан Чимал. — В том, что случилось, виновата я, а не ты, и ты не должен пострадать из-за меня.

— Да нет же, виноват я сам. Я был так глуп, что стал спорить со стариком. Он разволновался и неожиданно почувствовал себя плохо. Они правы, когда винят в этом меня.

— Нет, — ответила Квиау, склоняясь над веревкой, стягивающей запястья Чимала: ножа у нее не было. — Двадцать два года назад я согрешила и теперь должна быть наказана.

Она стала перегрызать жесткие волокна.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивленно спросил Чимал, ничего не понимая.

Квиау остановилась на секунду, выпрямилась и сложила руки на коленях. То, что она должна сказать, требует правильных слов.

— Я твоя мать, но твоим отцом был не тот человек, кого ты им всегда считал. Ты сын Чимала-Попоки из Заачилы. Он приходил ко мне, и я очень его любила и не отказывала ни в чем, хотя и знала, что это неправильно. Однажды ночью, когда он возвращался от меня и переходил через реку, его настигла Коатлики. Все эти годы я

ждала, когда же она придет и за мной, но она не пришла. Ее месть более ужасна. Она хочет взять моего сына вместо меня.

— Я не могу в это поверить, — сказал Чимал, но не получил ответа.

Квиау снова грызла веревку. Волокна распадались одно за другим, и наконец его руки были свободны. Квиау принялась за путы на ногах Чимала.

— Подожди, — простонал Чимал, чувствуя ужасную боль в оживающих мышцах. — Разотри мне руки. Я не могу ими двигать, они так болят.

Квиау стала мягко массировать руки сына, хотя каждое прикосновение жгло его как огнем.

— Все в мире меняется, — сказал Чимал почти грустно. — Может быть, действительно нельзя нарушать правила. Мой отец погиб, ты много лет жила под страхом смерти. Я видел плоть, которой питаются стервятники, и свет в небе. А теперь наступила бесконечная ночь. Уходи, пока они не схватили тебя. Нет такого места, где я мог бы спрятаться.

— Но ты должен скрыться, — ответила Квиау, слыша только то, что отвечало ее мыслям, и принялась за веревки на ногах Чимала. Чтобы доставить ей удовольствие — и ради наслажде-

ния ощутить себя свободным, — он не стал ее останавливать.

— Пойдем, — сказала Квиау, когда он наконец снова мог стоять.

Чимал опирался на мать, пока они поднимались по лестнице, но даже и с ее помощью каждый шаг был подобен ходьбе по раскаленным углям. За дверью были только тишина и мрак. Звезды сияли ярко, рассвет так и не наступил. Издалека доносились голоса жрецов, совершающих обряд посвящения нового верховного жреца.

— Прощай, сын мой. Мы больше никогда не увидимся.

Он кивнул в темноте. Боль переполняла его, и он не мог произнести ни слова. Она сказала правду: надежды не было. Пытаясь успокоить мать, Чимал обнял Квиау, как она обнимала его еще ребенком. Наконец Квиау мягко отстранилась.

— Уходи, а я вернусь в деревню.

Квиау подождала у двери храма, пока его спотыкающаяся фигура не скрылась в бесконечной ночи, а затем бесшумно спустилась по лестнице в его камеру. Она изнутри поставила запоры на место и села у дальней стены. Ее пальцы нащупали на полу веревки, от которых она освободила сына. Они были теперь слишком коротки, и завя-

зать их было нельзя, но Квиау обернула обрывки вокруг лодыжек и запястий, прижимая концы пальцами. Сделав это, она спокойно откинулась к стене, почти улыбаясь в темноту.

Наконец-то кончилось ожидание, все эти бесконечные годы. Скоро она обретет покой. Когда придут жрецы и найдут ее здесь, они поймут, что она освободила узника. Ее убьют, но она была готова к этому. Смерть милосердна.

8

В темноте кто-то наткнулся на Чимала и ухватился за него; на мгновение юношу объял ужас: он подумал, что снова попался. Но когда Чимал уже собрался ударить напавшего, этот кто-то — непонятно, мужчина или женщина — со стенаниями побежал дальше. Чимал понял, что в этой бесконечной ночи все кругом испытывают не меньший страх, чем он сам. Он поковылял дальше, прочь от храма, вытянув перед собой руки, чтобы не натыкаться на людей. Когда пирамида с мелькающими на ее вершине огнями превратилась всего лишь в туманный силуэт вдалеке, Чимал сел, опершись на большой камень, и стал думать.

Что же делать? Он едва не произнес эти слова вслух и только тут понял, что не должен паниковать, если хочет найти выход. Темнота была ему защитой, а не врагом, как для всех остальных. Ею необходимо воспользоваться. Что ему нужно в первую очередь? Может быть, вода? Нет, не сейчас. Вода есть только в деревне, а туда ему хода нет. Недоступна ему и река, вдоль которой бродит Коатлики. Придется просто забыть о жажде: ему случалось и раньше ее испытывать, но он умел терпеть.

Можно ли выбраться из долины? Много лет мысль об этом не покидала его: жрецы не могли наказать только за то, что ты думаешь, как бы преодолеть утесы. За эти годы Чимал осмотрел скальную стену на всем ее протяжении. В некоторых местах взобраться было можно, но только на незначительную высоту. Дальше или каменная поверхность становилась слишком гладкой, или дорогу преграждал скальный карниз.

Чимал так и не нашел места, где можно было бы попытаться добраться до самой вершины.

Если бы только он умел летать! Вот птицы могли покинуть долину, но он же не птица. Еще из долины течет вода, но и водой он не был тоже. Хотя ведь он же умеет плавать: может быть, из-

брать такой путь?

Не то чтобы он действительно на это надеялся. На его решение могла повлиять мучительная жажда… и еще тот факт, что он находился на полпути от храма к болоту: туда легко будет добраться незамеченным. Во всяком случае, нужно было что-то делать, и такой путь казался самым вероятным. Его ноги нащупали тропу, и он медленно двинулся по ней сквозь тьму, пока не услышал звуки ночной болотной жизни совсем близко. Тогда он остановился и даже отошел немного назад: ведь Коатлики бродила и по болоту тоже. Чимал отыскал песчаный участок рядом с тропой и прилег там. Бок его болел, голова тоже. Порезы и синяки покрывали все его тело. Небо над ним было усыпано звездами, и он подумал о том, как странно видеть летние и осенние созвездия в это время года — весной.

Со стороны болота доносились жалобные крики птиц, не дождавшихся рассвета, и под их голоса Чимал уснул. Когда он проснулся, на небе были знакомые весенние созвездия — похоже, прошел целый день, а солнце так и не взошло. Он уснул снова, а когда опять проснулся, увидел на востоке еле заметный отблеск. Чимал положил в рот камешек, чтобы обмануть жажду, сел и стал

смотреть на горизонт.

Новый верховный жрец, должно быть, уже возведен в сан; наверное, им стал Ицкоатль — и молитвы наконец произнесены. Однако успех дался нелегко: Хицилапочтли, похоже, пришлось выдержать тяжелую битву. Отсвет на востоке долго не разгорался, затем очень медленно сияние распространилось по всему небу, и солнце поднялось над горизонтом. Оно было красным и выглядело недовольным, но оно все-таки взошло. Начался день, и теперь начнется охота за Чималом.

Чимал спустился к болоту, разгреб слой ряски и наконец-то напился.

Уже полностью рассвело, солнце утратило болезненный красный оттенок и торжествующе свершало свой путь по небу. Оглянувшись, Чимал увидел цепочку оставленных им следов, отпечатавшихся на болотной грязи. Это, правда, не имело большого значения. В долине было совсем немного мест, где можно спрятаться, и болото представляло собой единственное из них, которое нельзя быстро обшарить. Но его обязательно будут здесь искать. Повернувшись спиной к долине, Чимал побрел сквозь доходившую ему до пояса жижу вглубь болота.

Он никогда раньше не заходил так далеко, да, насколько ему было известно, и никто не заходил. Понятно почему: за полосой издававшего сухой треск тростника поднимались стеной окаймлявшие водные окна высокие деревья. Их плотно переплетенные корни вставали из воды, а выше начиналась сплошная масса ветвей. Толстые серые космы болотных растений свисали с сучьев и уходили в воду, под непроницаемым пологом листьев и побегов царили полумрак и духота. Кругом кишели насекомые. Москиты и мошки с пронзительным писком лезли в уши и впивались в кожу. Буквально за несколько минут лицо и руки Чимала вспухли от укусов и были испещрены кровавыми пятнами там, где он раздавил своих мучителей. Наконец, не выдержав, Чимал зачерпнул со дна мерзко пахнущую грязь и обмазался ею. Это помогло на какое-то время, хотя грязевое покрытие смывалось каждый раз, как Чималу приходилось переплывать более глубокие участки болота.

В болоте подстерегали и другие, более серьезные опасности. Зеленая водяная змея плыла навстречу Чималу, извиваясь в воде и высоко подняв голову, готовая к нападению. Он отогнал змею, плеснув на нее водой, потом выломал

сухую ветку для защиты от ее родичей.

Впереди между деревьями блеснул солнечный свет. Узкая полоса воды отделяла болото от нагромождения камней. Чимал влез на скалу, радуясь солнцу и отсутствию насекомых.

Раздутые черные твари, каждая с его палец длиной, свисали с его тела, влажные и отвратительные на вид. Когда он коснулся одной из них, она лопнула, и рука его сделалась липкой от его собственной крови. Пиявки. Чимал видел, как их применяли жрецы. Каждую нужно было осторожно снять, что Чимал и сделал. Тело его было покрыто многочисленными мелкими ранками. Смыв с себя кровь и остатки пиявок, Чимал посмотрел на вздымающийся над ним скальный барьер.

Ему ни за что на него не влезть. Огромные каменные блоки, не уступающие по величине храму, нависали друг над другом. Даже если удастся миновать один, другие наготове. И все же придется попытаться, если, конечно, не найдется проход там, где вытекает вода, хотя это казалось не менее безнадежным.

Размышления Чимала были прерваны победными криками. Он поднял голову и увидел жреца, стоящего на скале в нескольких сотнях

футов от него. Со стороны болота слышались всплески: преследователь был не один. Чимал снова нырнул в воду и поплыл в поисках укрытия к деревьям.

День тянулся бесконечно долго. Чимал больше не попадался на глаза своим соплеменникам, но много раз слышал их шумное продвижение по болоту вокруг себя. Ему удавалось скрыться от них, ныряя в мутную воду и оставаясь там, насколько хватало дыхания, или прячась в самой густой, кишащей насекомыми чаще, куда преследователи предпочитали не заходить. К вечеру он был настолько измучен, что понял: долго он не продержится. Его спасло чужое несчастье — раздался вопль, а потом гул встревоженных голосов: кого-то ужалила водяная змея, и это охладило пыл остальных охотников. Чимал слышал, как они удаляются, но еще долго прятался под нависающей ветвью, погрузившись в воду так, что только голова была над поверхностью. Его веки настолько распухли от укусов москитов, что ему приходилось раздвигать их пальцами, чтобы видеть.

— Чимал! — раздался голос издалека. — Чимал! Мы знаем, что ты там. Тебе не удастся скрыться. Лучше сдавайся, мы ведь все равно тебя найдем.

Выходи…

Чимал отошел еще глубже в заросли и не стал отвечать. Он знал так же хорошо, как и они, что пути к бегству нет. И все же он не сдастся, не позволит им себя терзать. Лучше уж он погибнет в болоте, но умрет целым. И сохранит свое сердце.

Когда небо начало темнеть, он стал осторожно продвигаться к краю болота. Чимал знал, что никто из его преследователей не останется ночью в воде, но в скалах на берегу его могла ждать засада. От боли и усталости было трудно думать, но составить какой-то план необходимо. Если он останется там, где вода глубока, к утру он будет мертв. Как только стемнеет, нужно выбраться в тростник у берега и решить, что делать дальше. До чего же трудно думать…

На какое-то время он, должно быть, потерял сознание, потому что, раздвинув пальцами свои воспаленные веки, увидел звезды. На небе не было уже отсветов заката. Это почему-то его встревожило — в своем одурманенном состоянии Чимал никак не мог сообразить почему. Ветер шевелил шуршащий тростник за его спиной, потом всякое движение прекратилось, и воздух заполнила вечерняя тишина.

И тут далеко слева от реки донеслось рассер-

женное шипение. Коатлики!

Он совсем забыл о ней! Быть у воды ночью и забыть о Коатлики!

Чимал остался неподвижен, парализованный ужасом, и вдруг на берегу раздались скрип гравия и торопливые шаги. Первой его мыслью было, что это Коатлики, затем он понял, что кто-то прятался в скалах, чтобы схватить его, если он выйдет из болота. Этот кто-то тоже услышал Коатлики и теперь спасался бегством.

Шипение раздалось снова, ближе.

Раз уж он находил убежище в болоте целый день и раз на берегу его ждет засада, почему бы снова не поискать спасения в воде? Чимал медленно отошел от берега, не думая о том, что делает: голос богини прогнал все мысли из его головы. Медленно и бесшумно он пятился, пока вода не дошла ему до пояса.

Коатлики появилась на берегу, обе ее сердито шипящие головы были повернуты к Чималу. Звездный свет бросал блики на ее раскрытые клешни. Чимал был не в силах смотреть в лицо собственной смерти: оно выглядело слишком устрашающим. Он глубоко вдохнул воздух, нырнул и поплыл под водой. От Коатлики, конечно, так не скроешься, но, по крайней мере, он не

увидит, как она приближается к нему по воде, чтобы, подобно чудовищному рыбаку, выудить его оттуда.

Его легкие уже разрывались, а удара все не было. Когда Чимал оказался не в силах терпеть дольше, он поднял голову над водой — и увидел пустой берег. Издалека смутно доносилось эхо удаляющегося шипения.

Чимал долго стоял неподвижно под шелест капель, стекавших с его тела, пока его затуманенный рассудок пытался понять, что же случилось. Коатлики ушла. Увидела его, но он скрылся под водой. Она не нашла его и удалилась. Мысль, прорвавшаяся сквозь пелену усталости, так его поразила, что он высказал ее вслух:

— Я перехитрил богиню.

Что это могло означать?

Чимал вылез из воды и растянулся на еще теплом песке. Нужно было как следует все обдумать. Да, он отличался от других, это всегда было так, даже когда он изо всех сил старался скрыть отличие. Он видел странные вещи, и боги не наказали его за это. И вот теперь он ускользнул от Коатлики. Может быть, он сам — бог? Разве он не перехитрил богиню? Нет, конечно, такое просто невозможно. Тогда как же, как же?..

Потом он уснул и спал тревожным сном, просыпаясь и снова засыпая. Его кожа горела, его мучили кошмары, и иногда он не знал, во сне или наяву видит то, что видит. Его легко могли схватить, но часовые в страхе убежали, а Коатлики не вернулась.

Ближе к рассвету лихорадка прошла. Чимал проснулся, испытывая мучительную жажду. Он подполз к берегу, зачерпнул в горсть воды и напился, затем умыл лицо. Все его тело с ног до головы было покрыто ранами и синяками, так что многочисленные мелкие боли сливались в одну всепоглощающую боль. Голова все еще кружилась, а мысли ворочались тяжело, как камни, но одна мысль повторялась снова и снова, как удары ритуального барабана: он ускользнул от Коатлики. По какой-то причине она не обнаружила его в воде. Может быть, дело в этом? Проверить легко: она скоро вернется, можно ее дождаться. Почему бы и нет? Однажды это удалось — можно попробовать еще раз. Да, именно так он и сделает: посмотрит ей в лицо, а потом скроется под водой.

Да, он сделает это, бормотал Чимал, ковыляя на запад по краю болота. Отсюда богиня вышла, и сюда она должна вернуться. Тогда он увидит

ее снова. За поворотом берега открылось устье реки, и осторожность заставила его войти в воду — Коатлики стерегла реку. Скоро рассвет, и здесь, на глубине, он будет в безопасности. Чимал зашел в воду по горло, выглядывая из тростников.

Небо порозовело и звезды начали гаснуть, когда богиня вернулась. Ежась от страха, Чимал остался на месте, только еще глубже — по самые глаза — погрузился в воду. Коатлики, не останавливаясь, тяжело шла по берегу, и змеи на ее одеянии шипели в ответ на шипение ее двух громадных голов. Когда она миновала Чимала, тот высунулся из воды и стал смотреть ей вслед. Богиня скрылась за поворотом берега, и Чимал остался в одиночестве. Свет нового дня зажег золотым сиянием вершины гор.

Когда совсем рассвело, Чимал последовал за Коатлики. Теперь это было безопасно: Коатлики сторожила реку только ночью, а днем ходить сюда не возбранялось. Чимала наполнял восторг: он следовал за богиней. Он видел, куда она пошла, да к тому же на засохшей грязи отпечатались ее следы. Наверное, она ходила этой дорогой часто — Чимал обнаружил, что идет по утоптанной дорожке. Он наверняка подумал бы, что это тропинка, по которой ходят охотники на уток, если

бы не видел, как тут прошла богиня. Путь вел вокруг болота, затем к скалам. Здесь, на твердой поверхности, следы обнаружить было бы трудно, если бы Чимал не знал, что искать. Коатлики прошла именно здесь.

В скале оказалось углубление — там, где когда-то трещина расколола камень. С обеих сторон поднимались утесы, и Коатлики свернуть было некуда, если только она не улетела, что богини, возможно, и умели делать. Если же она шла по земле, то могла идти только прямо.

Чимал только собрался заглянуть в углубление, как вдруг из него хлынула волна гремучих змей и скорпионов. Вид этого поверг Чимала в шок — он никогда не встречался с ядовитыми созданиями более чем с одним зараз, — так что он замер на месте, и смерть прошелестела рядом. Только его естественное отвращение спасло ему жизнь. Чимал отпрянул от гадин и вскарабкался на валун, подтянув ноги как раз вовремя: живой поток достиг подножия камня. Стараясь забраться повыше, Чимал ухватился за верхний выступ утеса, и его руку пронзила огненная игла. Он оказался не первым, кто облюбовал валун: на его запястье сидел большой желтый, как воск, скорпион, чье жало глубоко вонзилось в тело Чимала.

Содрогнувшись от отвращения, Чимал стряхнул его на камень и раздавил сандалией. Другие ядовитые твари одна за другой вползали по противоположному — пологому — боку валуна, и Чималу пришлось топтать и сбрасывать их, прежде чем заняться своим запястьем. Он расцарапал руку об острый край камня, чтобы пошла кровь, и попытался высосать из ранки яд. Сильная боль в руке вытеснила все остальное.

Предназначался ли поток шевелящейся смерти ему? Это оставалось непонятным, и он не хотел думать на неприятную тему. Известный ему мир так быстро изменялся, старые законы рушились. Он увидел Коатлики и остался жив, пошел за ней и тоже остался жив. Может быть, гремучие змеи и скорпионы были ее свитой и следовали за ней, как роса следует за ночной прохладой? Все это было Чималу непонятно. Яд скорпиона вызывал головокружение, но в то же время и душевный подъем. Чимал чувствовал себя так, будто все может и нет на земле, под землей и на небе силы, способной его остановить.

Когда последняя змея и последний скорпион скрылись между камнями, Чимал осторожно соскользнул на землю и пошел по тропинке. Она извивалась между огромных обломков скал,

упавших с горной стены, и скрывалась в трещине утеса. Трещина уходила высоко вверх, но была неглубокой. Чимал, шедший по проторенной дорожке, неожиданно оказался перед сплошной каменной стеной.

Дальше пути не было. След вел в тупик. Чимал прислонился к неровному камню, чтобы отдышаться. Ему следовало бы предположить это раньше. Из того, что Коатлики появилась в долине в телесном обличье, вовсе не следовало, что она подобна человеку и имеет те же возможности. Она могла испариться или улететь отсюда. А может быть, она способна проходить сквозь камень, как сквозь воздух. Какое значение это имеет сейчас — и вообще, что он тут делает? Усталость навалилась на Чимала, рука его горела от ядовитого укуса. Ему следует найти убежище на день или поискать что-нибудь съедобное — все, что угодно, только не оставаться здесь. Что за безумие толкнуло его на эту странную погоню!

Чимал повернулся, чтобы уйти, — и отскочил, увидев гремучую змею. Она была в тени у самого подножия скалы. Змея не двигалась. Подойдя поближе, Чимал увидел, что челюсти ее широко распахнуты, а глаза подернулись пленкой. Он осторожно потрогал ее ногой. Тело змеи вяло

изогнулось: она наверняка была мертва. Но при этом каким-то странным образом прикреплена к скале.

Одолеваемый любопытством, Чимал протянул руку и слегка прикоснулся к ее холодному телу. Возможно, змеи Коатлики могли выходить из сплошного камня так же, как она сама могла входить в него. Он потянул змею, сначала осторожно, потом сильнее и сильнее, пока наконец она не оторвалась от скалы и не повисла у него в руке. Низко нагнувшись и присмотревшись, Чимал обнаружил, что кровь змеи запятнала песок у скалы, а хвост был расплющен. Он был совсем плоским, не толще, чем его ноготь, и казался уходящим в камень. Нет, с обеих сторон от него шла трещина, тонкая, как волос, и почти невидимая в тени там, где скала соприкасалась с землей. Чимал кончиками пальцев проследил трещину по всей ее длине — прямую как стрела. Линия неожиданно оборвалась, но, когда Чимал приблизил глаза к этому месту, он увидел, что оттуда трещина шла вертикально вверх — тонкая прямая трещина в скале.

Пальцы Чимала пробежались по трещине высоко вверх, потом под прямым углом влево, потом снова вниз. Только когда его рука верну-

лась к тому месту, где была раздавленная змея, понял он значение того, что обнаружил: узкая трещина образовывала высокий правильный четырехугольник.

Это была дверь!

Могло ли так быть на самом деле? Да, это все объясняло: и куда ушла Коатлики, и каким образом были выпущены змеи и скорпионы. Дверь — выход из долины…

Когда это открытие в полной мере дошло до сознания Чимала, тот от неожиданности сел на землю, ошеломленный. Выход. Путь наружу. Конечно, это был путь, по которому ходили только боги, — но все же, если все тщательно продумать… В конце концов, он дважды встречался с Коатлики, и она не схватила его. Вдруг существует возможность последовать за ней из долины? Да, это нужно очень хорошо обдумать, а голова так болит… Кроме того, в настоящий момент гораздо важнее сообразить, как остаться в живых, тогда позднее он сможет как-нибудь использовать это потрясающее открытие. Солнце поднялось уже высоко, и преследователи Чимала, должно быть, уже вышли на охоту. Ему нужно спрятаться — и не на болоте. Еще один день там ему не выдержать. Спотыкаясь и преодолевая боль, Чимал

побежал по тропе, ведущей к Заачиле.

Вокруг болота простирались пустоши, камни и песок, изредка попадались группы кактусов. Хотя местность была пустынной, но попробуй отыщи здесь убежище. Чимала охватила паника: в любой момент он мог встретиться с соплеменниками. Они уже вышли на поиски, Чимал это знал. Взобравшись по каменистому склону, он оказался на краю поля магу и увидел вдалеке первых преследователей. Чимал кинулся на землю и пополз между рядов широколиственных растений. Они были посажены с большими промежутками, земля между ними была мягкой и хорошо вскопанной. Может быть…

Лежа на боку, Чимал лихорадочно рыл обеими руками податливую почву между двумя растениями. Выкопав похожее на могилу углубление, он заполз в него и закидал себя землей. Конечно, если искать будут тщательно, это не поможет, но земля и развесистые колючие листья в какой-то мере скрывали его. Кончив маскироваться, Чимал замер в неподвижности: голоса раздавались уже совсем близко.

Они прошли всего через два ряда растений от него. Их было шестеро, они перекликались друг с другом и с кем-то еще, кого Чимал не видел.

Растения магу скрывали их туловища: ниже листьев были видны ноги, а выше — головы.

— Окотре распух от укуса водяной змеи, как дыня. Я думал, его кожа лопнет, когда его несли на погребальный костер.

— Это Чимал лопнет, когда мы передадим его жрецам.

— Вы слышали, Ицкоатль обещает пытать его целый месяц, до того как принесет в жертву…

— Только месяц? — произнес удаляющийся голос.

Теперь преследователи не были видны Чималу.

«Как же любят меня мои соплеменники!» — подумал Чимал, криво улыбаясь нависающим над ним зеленым листьям.

Растения были мясистыми и сочными; как только поисковая партия отойдет подальше, можно будет высосать сок из листьев.

Торопливые шаги раздались совсем рядом, — казалось, человек сейчас наткнется на Чимала. Над самой его головой раздался радостный вопль:

— Я принес октли!

Чимал напрягся, готовый схватить и убить крикуна прежде, чем тот поднимет тревогу:

совершенно невозможно, чтобы он не заметил спрятавшегося беглеца. Сандалии чуть не задели лицо Чимала, затем миновали его, и шаги затихли вдали. Счастливый обладатель октли искал собутыльников и вовсе не смотрел под ноги.

Чимал остался лежать в своем убежище, руки его тряслись, голова была как в тумане. И все же нужно составить какой-то план. Нельзя ли пройти через дверь в скале? Коатлики известно, как это делается, но Чимал поежился при одной мысли о том, чтобы идти за Коатлики, не выпуская ее из виду, или прятаться в скалах рядом с дверью. Это было бы самоубийством. Чимал протянул руку и сорвал лист магу. Его же собственной колючкой он процарапал в листе канавки, чтобы сок мог по ним стекать. Пока он слизывал капли, время неумолимо бежало, а он все еще не мог ничего придумать. Боль в руке утихла, и Чимал начал дремать, когда его слуха коснулись приближающиеся крадущиеся шаги.

Кто-то знает, что он здесь, и ищет его. Осторожным движением Чимал нашарил гладкий камень, который удобно лег в ладонь. Он будет биться до последнего, чтобы не даться живым для обещанных жрецами пыток.

Человек появился в поле зрения. Он шел,

согнувшись, прячась среди растений магу и постоянно оглядываясь. Чимал удивился — что бы это могло значить? — потом понял, что тот сбежал с охоты на болоте. Прошедшие два дня были потеряны для работы в поле, а кто не работает — голодает. Вот и пробирался крестьянин на свое поле: в той неразберихе, которая царит среди обыскивающих болото, его не хватятся, а к вечеру он вернется.

Когда человек подошел поближе, Чимал узнал одного из немногих счастливчиков — обладателей железных мачете. Он небрежно держал это сокровище в руке, и тут Чимала осенило, для чего мог бы пригодиться этот нож.

Не тратя времени на дальнейшие раздумья, он поднялся, когда человек поравнялся с ним, и занес камень над его головой. Заметив его движение, тот в изумлении повернулся, и камень угодил ему в висок. Обмякнув, человек осел на землю и больше не двигался. Поднимая с земли длинный и широкий нож, Чимал услышал хриплое дыхание своей жертвы. Это хорошо: убийств было и без того слишком много. Прячась между растениями, как это делал крестьянин из Заачилы, Чимал вернулся туда, откуда пришел.

Поблизости никого не было: к этому времени

преследователи, должно быть, уже углубились в болото. Чимал пожелал им избежать укусов москитов и пиявок — всем, кроме жрецов: те заслуживали и кое-чего похуже, например встречи с водяной змеей. Никем не замеченный, Чимал проскользнул по тропе и вновь очутился перед, казалось бы, сплошной скалой.

Здесь ничего не изменилось. Поднявшееся высоко солнце освещало углубление в утесе, мухи жужжали над мертвой змеей. Приблизив лицо к камню, Чимал убедился, что трещина в скале существует.

Что там внутри — ожидающая его Коатлики?

Об этом лучше не думать. Он мог погибнуть под пытками жрецов, мог погибнуть и от руки Коатлики. Такая смерть, вероятно, оказалась бы даже более быстрой. Здесь находится возможный выход из долины, и он должен выяснить, нельзя ли им воспользоваться.

Лезвие мачете оказалось слишком толстым, чтобы просунуть его в вертикальные трещины, но щель внизу была более широкой — возможно, из-за застрявшего в ней тела змеи. Чимал воткнул туда нож и потянул рукоятку вверх. Ничего не произошло, скала оставалась все такой же неподвижной. Чимал попробовал втыкать

нож в разных местах и давить на него сильнее — результат был тот же. Но ведь Коатлики смогла открыть каменную дверь, почему же он не может? Чимал всунул мачете поглубже, надавил изо всех сил… и почувствовал, как что-то сдвинулось. Он давил еще и еще. Вдруг раздался громкий треск, и лезвие ножа обломилось. Чимал едва не потерял равновесие и невольно сделал шаг назад, сжимая в руках отшлифованную от долгой службы деревянную рукоятку и глядя в остолбенении на блестящий обломок металла.

Это был конец. Над ним тяготело проклятие разрушения и смерти — теперь он это ясно понял. Из-за него умер верховный жрец, из-за него не встало солнце, он был причиной горя и боли, а вот теперь он сломал одно из драгоценных и невосполнимых орудий, необходимых для выживания его народа. В мучительном самобичевании Чимал снова воткнул обломок ножа под дверь — и тут услышал возбужденные голоса приближающихся по тропе людей.

Кто-то увидел отпечатки его ног и выследил его. Враги вот-вот очутятся здесь, его схватят, и он умрет.

В отчаянии и страхе он раскачивал сломанный нож в щели туда-сюда, ненавидя все на свете.

В одном месте лезвие встретило сопротивление, Чимал поднажал, и что-то поддалось. Ему пришлось откинуться назад: огромный сегмент скалы величиной с человеческое туловище бесшумно отошел в сторону.

Сидя на камне, Чимал, вытаращив глаза, смотрел на то, что открылось его взору. Полукруглый туннель в сплошном камне уходил вглубь скалы. Того, что лежало за закруглением, видно не было.

Не ждет ли его там Коатлики? У него не было времени обдумать это: голоса слышались уже совсем близко, почти рядом с углублением в скале. Перед ним был тот самый выход, который он искал, — так что же колебаться?

Сжимая в руке обломок ножа, Чимал ринулся в проем, упав за порогом на четвереньки. Каменная дверь тут же закрылась за ним так же бесшумно, как и открылась. Солнечный свет превратился в тоненький лучик, затем в золотой волосок, затем исчез совсем.

Чимал осторожно поднялся, сердце его стучало, как барабан во время жертвоприношения. Впереди была чернота. Чимал сделал нерешительный шаг вперед.

Внешний мир

Куикс ок кеппа тоннемиквуи?
Ин йю квимати мойол, хай!
Зан сен тинемико. Охуайо охуайо.

Не повторится ли наша жизнь еще раз?
В глубине сердца ты знаешь:
Мы живем лишь единожды.

1

Нет, он не мог пойти вперед — просто взять и пойти. Чимал прижался к надежному камню двери, чтобы найти в нем опору.

Здесь ходят боги, а он всего лишь смертный. Нельзя требовать от него слишком многого. Позади его ждала верная смерть, но такая смерть, о которой он все знал, — почти старая приятельница. Соблазн повернуться спиной к неизвестности был так велик, что Чимал даже снова сунул обломок ножа в щель под дверью, но все же ему

удалось сдержать свой трусливый порыв.

— Бойся, Чимал, — прошептал он в темноту, — но не ползай на брюхе, как тварь пресмыкающаяся.

Все еще дрожа, он шагнул навстречу черной пустоте. Если его ждет смерть — что ж, пусть будет так. Он встретит ее лицом к лицу, довольно прятаться.

Касаясь левой рукой шершавой поверхности камня и выставив вперед обломок ножа — скорее символическое, чем реальное оружие, — Чимал двинулся вперед. Он шел на цыпочках, сдерживая дыхание и стараясь не производить никакого шума. Так Чимал добрался до поворота туннеля; впереди забрезжило слабое свечение. Дневной свет? Выход из долины? Он бросился вперед, но, разглядев источник света, остановился.

Увиденное было трудно описать. Туннель вел прямо вперед, но в этом месте вправо отходило ответвление.

Перед его темным устьем на потолке было что-то, что светилось. Именно что-то — другого названия Чимал не нашел. Это было круглое пятно, белое и гладкое, и из него исходил свет. Как будто здесь находился вертикальный туннель, и в него попадали солнечные лучи или свет факела.

Так, по крайней мере, казалось. Чимал медленно подошел поближе к светящемуся кругу, но даже и вблизи ничего больше не смог разглядеть. Впрочем, это не имело значения. Здесь, внутри скалы, был источник света, — этого достаточно. Гораздо важнее выяснить, куда ведет тот, другой туннель.

Чимал заглянул в него и на расстоянии не более вытянутой руки перед собой увидел головы-близнецы Коатлики.

Его сердце как будто разорвалось, заполнив собой всю грудь и не давая дышать. Коатлики стояла там, возвышаясь над ним во весь свой рост, и смотрела прямо перед собой неподвижным взглядом круглых красных змеиных глаз. Ее ядовитые клыки были длиной с руку человека. Юбка из живых змей оказалась почти на уровне лица Чимала. Гирлянды высушенных человеческих рук и сердец обвивали шею богини. Громадные клешни почернели от запекшейся человеческой крови.

Коатлики не двигалась. Прошло несколько секунд, прежде чем Чимал осознал это. Глаза богини были широко открыты, она смотрела на него, но не двигалась. Может быть, она спит? Чимал не надеялся убежать от Коатлики, но нахо-

диться в такой близости от нее было невыносимо. Слепой ужас от ее присутствия погнал Чимала по туннелю, он бежал и не мог заставить себя остановиться.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем усталость замедлила его шаги. Чимал споткнулся и растянулся во весь рост на грубом камне пола. Упав, он был уже не в силах подняться: лежал и со всхлипами втягивал в себя воздух, ощущая страшное жжение в груди.

Но удара Коатлики так и не последовало. Когда силы вернулись к Чималу, он поднял голову и оглянулся. Светящиеся пятна шли по всей длине туннеля, становясь все более тусклыми и наконец исчезая вдали. Его никто не преследовал. Коридор был пуст, в нем ничто не двигалось.

— Почему? — вырвалось у Чимала, но окружающий его со всех сторон камень не дал ответа.

Тишина и одиночество породили новое опасение: а имеет ли этот туннель конец? Или он попал в царство богов и теперь ему предстоит, как термиту в дереве, вечно кружить, незамеченному и презираемому, по бесконечным ходам замкнутого лабиринта? Здесь все было настолько другим — наверняка законы, действующие в долине, здесь не имеют силы. Мысли Чимала блуждали

как в тумане. Если бы не боль, голод и жажда, он почти поверил бы, что умер в тот момент, когда скальная дверь закрылась за ним.

Но если он не умер еще, то, несомненно, скоро умрет в этом пустом месте или замерзнет. Камень, на котором он лежал, был ледяным, и, остыв после своего безумного бега, Чимал начал дрожать. Цепляясь за стену, он поднялся и побрел дальше.

Миновав восемь светящихся пятен, Чимал обнаружил, что туннель кончается. Подойдя поближе, он увидел другой туннель, идущий перпендикулярно тому, по которому он шел. Этот новый проход был гораздо лучше освещен, имел более гладкие стены, а его пол покрывало какое-то белое вещество. Чимал наклонился и потрогал его — и отдернул руку, почувствовав тепло; на мгновение он подумал, что это какое-то огромное белое животное разлеглось в туннеле. Но хотя оно было мягким и теплым, оно не казалось живым, и Чимал осторожно ступил на него.

Коридор, уходящий направо, был пуст и однообразен, зато в левом туннеле с обеих сторон были видны более темные участки стены. Это было хоть какое-то отличие, так что Чимал повернул налево. Дойдя до одного из темных пятен, он

обнаружил, что это дверь — дверь из сплошного металла, с маленькой ручкой-кнопкой. Такое чудо было невиданным для человека из долины. Чимал толкнул дверь, потом потянул за ручку — ничего не произошло. Может быть, это и не дверь вовсе, а что-то, назначение чего он и вообразить себе не может? Здесь все было возможно. Чимал двинулся дальше, миновал еще две такие же металлические двери и дошел до третьей — как раз в тот момент, когда она распахнулась. Чимал пригнулся и напрягся, сжав кулаки и держа обломок ножа на изготовку в ожидании того, что могло появиться из двери.

Через порог перешагнула фигура в черном, захлопнув за собой дверь с громким стуком, и повернулась к Чималу. У нее оказалось лицо молодой девушки.

Время остановилось: оба они замерли, глядя друг на друга с одинаковым выражением изумления и недоверия.

Вглядевшись повнимательнее в черные складки одежды, Чимал пришел к выводу, что они скрывают человеческое тело. Но одеяние поразило Чимала. Капюшон из черной блестящей ткани оставлял открытым только лицо, худое, очень бледное, почти бескровное, с большими темными

глазами под тонкими черными бровями, сходящимися на переносице. Девушка была гораздо ниже Чимала, и, чтобы взглянуть ему в лицо, ей пришлось запрокинуть голову. Ее туловище было закутано в какую-то мягкую ткань, похожую на те, из которых изготовлялись одеяния жрецов, а ноги ниже колен имели покрытия из чего-то твердого и блестящего. И все ее тело было оплетено блестящими металлическими полосами: они шли вдоль рук и ног, опоясывали ее, служили воротником, сгибались на суставах. Девушка носила широкий блестящий пояс, с которого свисало несколько непонятных темных предметов.

Ее взгляд скользнул по полуобнаженному юноше; вид ссадин, синяков, запекшейся крови заставил ее содрогнуться. Непроизвольным движением она поднесла руку к губам. Пальцы девушки оказались тоже обтянуты чем-то черным.

Чимал заговорил первым. Потрясений было так много, что страх куда-то ушел, да и девушка сама явно была напугана его появлением.

— Ты умеешь говорить? — спросил он. — Кто ты?

Она открыла рот, но смогла только судорожно вздохнуть. Вторая попытка оказалась более

успешной: тонким высоким голосом она произнесла:

— Тебя здесь нет. Это невозможно.

Чимал рассмеялся в ответ:

— Я здесь, ты же видишь меня. А теперь ответь на мои вопросы.

Ободренный ее очевидным страхом, он шагнул вперед и потянул за один из предметов, подвешенных к поясу девушки. Однако тот был прочно прикреплен. Девушка вскрикнула и попыталась отстраниться. Чимал разжал руку, и от неожиданности она отшатнулась к стене.

— Скажи, — продолжал Чимал, — где я?

Не сводя с Чимала испуганных глаз, девушка сняла с пояса квадратный предмет. Чимал подумал, что это может быть оружие, и приготовился отнять его, но она только поднесла предмет к лицу и приблизила к нему губы. Затем она заговорила:

— Это семнадцать порфер стейнет наблюдательница Стил. Здесь, в туннеле один девять девять бей эмма, находится оболданол. Вы слышите меня?..

— Что ты бормочешь? — прервал ее Чимал. — Говорить ты умеешь, но некоторые твои слова мне непонятны.

Действия девушки оставались для него загадкой.

Она продолжала говорить, по-прежнему испуганно глядя на Чимала. Закончив произносить слова, которые казались ему смесью бессмысленных слогов и странных звуков, она повесила квадратный предмет на пояс, медленно опустилась на пол и закрыла лицо руками. Неудержимые рыдания сотрясали все ее тело, и она никак не прореагировала, даже когда Чимал толкнул ее ногой.

— Зачем ты это делаешь? Почему не хочешь говорить понятными мне словами?

Девушка только покачала склоненной головой, потом, оторвав руки от лица, ухватилась за что-то, что висело у нее на шее на цепочке из мелких металлических звеньев. Чимал выхватил предмет из ее пальцев, разозлившись на нее за странные действия и нежелание отвечать понятно, — преодолеть ее слабое сопротивление было легко. Предмет оказался черным, как и все на девушке, и таким же непонятным. Он был невелик — меньше ладони — и по форме напоминал кирпич. На одной из его граней Чимал обнаружил шесть глубоких отверстий и, повернув предмет к свету, увидел на дне углублений цифры: «1 8

6 1 7 3».

Все это было Чималу в диковинку; не смог он определить и назначения тонкого блестящего стержня, торчавшего из конца пластинки. Его не удавалось ни вытащить, ни согнуть, ни вообще как-нибудь переместить. Чимал попробовал нажать на стержень, но только поранил об него палец: на конце стержня оказались мелкие шипы, вонзившиеся ему в кожу. Что за чушь! Он выронил пластинку; девушка тут же подхватила ее и прижала к груди.

Все, что касалось девушки, было загадочным. Чимал нагнулся и потрогал широкую металлическую полосу, охватывающую ее голову сзади. Полоса была прикреплена к капюшону и имела гибкое сочленение на шее, так что позволяла девушке поворачивать голову.

Из дальнего конца туннеля послышался крик.

Чимал мгновенно отпрыгнул и сжал в руке свой сломанный нож. К ним подбежала еще одна девушка. Одета она была так же, как и первая. Не обращая внимания на Чимала, она склонилась над своей соплеменницей и стала ей что-то тихо и ласково говорить. Вновь послышался крик, и третья такая же фигура появилась из-за одной из металлических дверей и присоединилась к двум

первым. На сей раз это оказался старик, но вел он себя так же, как и девушки.

В туннеле появилось еще трое мужчин, и Чимал, напуганный их многочисленностью, попятился, хотя на него никто не обращал внимания. Пришедшие помогли подняться первой девушке и, окружив ее, о чем-то заговорили хором — Чимал услышал все ту же бессмысленную смесь непонятных слов и звуков. Через некоторое время они, по-видимому, пришли к какому-то решению: с явной неохотой присутствие Чимала было признано реальным фактом, собравшиеся стали бросать на него быстрые взгляды, тут же отводя глаза. Старший из мужчин даже шагнул к Чималу, посмотрел ему прямо в лицо и заговорил:

— Мы идем к главтелю.

— Куда?

Все с тем же странным нежеланием обращаться к Чималу старик, глядя в сторону, несколько раз повторил непонятное слово, пока наконец Чимал не смог выговорить его сам, хотя по-прежнему не понимал смысла.

— Мы идем к главному наблюдателю. — И старик сделал движение в сторону туннеля. — Ты идешь с нами.

— С какой стати? — Голос Чимала звучал враждебно. Он устал, был голоден и хотел пить, все эти непонятные действия раздражали его. — Кто вы такие? Что здесь за место? Отвечайте.

В ответ старик только безнадежно покачал головой и поманил Чимала за собой. Первая девушка, все еще всхлипывая и глядя на Чимала заплаканными глазами, прошептала:

— Пойдем с нами к главному наблюдателю.

— Сначала ответьте на мои вопросы.

Прежде чем вновь заговорить с Чималом, девушка оглянулась на остальных.

— Главный наблюдатель ответит тебе.

— Главный наблюдатель — человек? Что же вы сразу не сказали?

Ответа не последовало. Безнадежно. Можно, конечно, пойти с ними — он ничего не выигрывает, оставаясь на месте. Должны же эти люди что-то есть и пить, — может быть, удастся по дороге раздобыть что-нибудь съедобное.

— Пошли, — сказал Чимал.

Остальные быстро двинулись вперед по туннелю, показывая ему дорогу. Никто из них явно не был озабочен тем, чтобы охранять его сзади. Скоро туннель разветвился, потом еще раз, они миновали множество дверей, и Чимал оконча-

тельно утратил представление о направлении. Они спустились по широким ступеням, напоминавшим лестницу пирамиды, и оставили за спиной несколько пещер. Некоторые из них были довольно велики и содержали различные непонятные металлические конструкции. Нигде не было видно ни воды, ни пищи, и Чимал не стал там задерживаться. Как же он устал! Казалось, прошла вечность, прежде чем они достигли еще большей пещеры, где находился старик, одетый так же, как и остальные, — только его одежды были красного цвета.

«Должно быть, это вождь, — подумал Чимал, — или даже жрец».

— Если ты главный наблюдатель, ответь мне…

Старец не обратил на Чимала никакого внимания, как будто его тут и не было, и заговорил с остальными:

— Где вы его нашли?

Девушка ответила ему все так же непонятно; Чимал уже стал привыкать к этой тарабарщине. Юноша нетерпеливо огляделся. Пещера была заполнена совершенно непонятными сооружениями, изогнутыми или нависающими, и только на маленьком столике у стены среди всяких загадочных предметов оказалось что-то похожее

на чашу. Чимал подошел поближе и увидел, что в одном из сосудов налита какая-то прозрачная жидкость, похожая на воду. В этом мире можно было ожидать чего угодно, поэтому Чимал сначала окунул кончик пальца в жидкость и осторожно лизнул его. Обычная вода. Поднеся сосуд к губам, Чимал одним глотком наполовину осушил его. Вода напоминала дождевую — такая же безвкусная, но, главное, он утолил жажду. На столе оказалось еще что-то, похожее на серую вафлю; когда Чимал ткнул в нее пальцем, она раскрошилась. Чимал взял кусочек и протянул его стоящему рядом человеку:

— Это еда?

Человек отвернулся и попытался скрыться в толпе. Чимал схватил его за руку и развернул к себе лицом:

— Ну? Еда? Скажи.

Человек испуганно кивнул и быстро отошел, как только Чимал выпустил его руку. Чимал заткнул обломок ножа за пояс и принялся есть. Это, конечно, была плохая еда — все равно что жевать золу, — но все же она наполняла желудок.

Немного утолив голод, Чимал вновь заинтересовался происходящим. Девушка закончила говорить, и теперь главный наблюдатель обду-

мывал ее слова. Заложив руки за спину и надув губы, он шагал туда-обратно перед людьми, молча ожидавшими его заключения. Морщины, избороздившие его лицо, говорили о том, что ответственность и необходимость принимать решения — его постоянный удел. Чимал, запив безвкусную еду остатками воды, больше не пытался заговаривать с ним. Все действия этих людей носили оттенок безумия или детской игры — когда дети притворяются, будто кого-то не замечают.

— Мое решение таково, — сказал главный наблюдатель, поворачиваясь к толпе; он двигался с трудом, словно физически ощущал груз ответственности. — Вы слышали отчет наблюдательницы Стил. Вы знаете, где… — взгляд главного наблюдателя впервые задержался на Чимале, — его нашли. Я пришел к выводу, что он из долины.

Кое-кто из собравшихся повернулся к Чималу, как будто это заключение придало ему материальность, которой до того он был лишен. Теперь, когда Чимал был сыт, усталость чувствовалась все больше, и он, привалившись к стене, выковыривал из зубов остатки пищи.

— Теперь слушайте внимательно, — продол-

жал главный наблюдатель, — то, что я скажу, очень важно. Этот человек из долины, но он не может туда вернуться. Я объясню вам почему. В клефг вебрет записано, что жители долины, дерреры, не должны знать о наблюдателях. Таков закон. Так что этот деррер не вернется в долину. Внимание! Он здесь, но он — не наблюдатель. А только наблюдателям разрешено быть здесь. Кто скажет мне, какой из этого вывод?

Последовало долгое молчание, которое наконец нарушил слабый голос:

— Он не может находиться здесь и не может вернуться в долину.

— Правильно, — величественно кивнул главный наблюдатель.

— Скажи нам, где же он должен быть?

— Пусть ваши сердца подскажут вам ответ. Человек, который не может находиться в долине и не может находиться здесь, вообще нигде не может находиться. Такова реальность. Тот, кто не может находиться нигде, не существует и, стало быть, мертв.

Значение последних слов было достаточно понятно, и Чимал мгновенно занял оборонительную позицию, прижавшись к стене и сжимая в руке нож. Остальным понадобилось боль-

ше времени, чтобы понять сказанное; прошло несколько долгих секунд, прежде чем кто-то произнес:

— Но он не мертв, он жив.

Главный наблюдатель кивнул и поманил сказавшего это из толпы. Это оказался сгорбленный старик с морщинистым лицом.

— Ты верно сказал, наблюдатель Стронг, и, раз ты все так хорошо понимаешь, тебе и решать задачу — сделай так, чтобы он был мертв. — За этими словами последовали совершенно непонятные инструкции, и главный наблюдатель вновь повернулся к собравшимся, а наблюдатель Стронг куда-то ушел. — Наш тикв — охранять и защищать жизнь, поэтому мы и называемся наблюдателями. Но Великий Создатель, — при этих словах главный наблюдатель коснулся висевшей у него на шее маленькой коробочки, и все последовали его примеру, так что по толпе пробежало движение, — в своей мудрости предвидит любые случайности, поэтому мы имеем все необходимое…

В этот момент вернулся старик-наблюдатель, неся кусок металла, по размерам и форме напоминающий большое полено. Он тяжело опустил его на пол, толпа расступилась, освобождая место.

Чималу было видно, что на одном конце к металлическому полену приделана рукоятка, а под ней выдавлены крупные буквы. Чимал наклонил голову, чтобы прочесть надпись: «П… О… В… Е… Р… Н… У… Т… Ь».

«Повернуть». Все буквы были ему знакомы — такие же он учил в храмовой школе.

— «Повернуть», — вслух прочел наблюдатель Стронг.

— Выполняй! — приказал главный наблюдатель.

Старик повиновался: он поворачивал рукоятку до тех пор, пока не раздалось громкое шипение. Конец полена вместе с рукояткой отделился, и Чимал увидел, что полено полое. Наблюдатель вынул из него нечто похожее на длинный металлический стержень с выступами. Из полена при этом выпал листок бумаги; старик взглянул на него и подал главному наблюдателю.

— Пуиклиг струсиин, — прочел тот. — Это орудие убийства. Часть, помеченную буквой «А», нужно взять в левую руку.

Взоры всех присутствующих обратились на наблюдателя Стронга; он в замешательстве вертел в руках стержень.

— Здесь много букв, — пролепетал он. — Вот

«C», вот «G»...

— Это ясно, — отрезал главный наблюдатель. — Найди часть с буквой «A» и возьми ее в левую руку.

Ежась от слов главного наблюдателя, как от ударов хлыста, старик наконец нашел нужную букву и, ухватив стержень левой рукой, торжествующе поднял его.

— Теперь дальше. Сужающуюся часть с буквой «B» на ней взять в правую руку. — Главный наблюдатель удостоверился, что старик сделал это. — Часть, помеченную буквой «C», прижать к правому плечу.

Все с интересом следили, как наблюдатель Стронг поднял стержень и приложил его к правому плечу — левая рука оказалась снизу, правая сверху. Главный наблюдатель удовлетворенно кивнул:

— Теперь я прочту, как нужно убивать. Направить устройство на объект, подлежащий уничтожению. — Главный наблюдатель оторвался от бумаги и обнаружил, что механизм нацелен прямо на него. — Да не на меня, дурак! — прошипел он гневно, разворачивая старика в сторону Чимала.

Толпа расступилась; люди ждали продолжения.

Главный наблюдатель вновь обратился к тексту.

— Для того чтобы убить, указательным пальцем правой руки нажать металлический рычажок «D» на нижней поверхности устройства, — прочитал он и посмотрел на старика; тот тщетно пытался нащупать рычажок.

— Я не могу, — промямлил он, — мой палец наверху, а рычажок — внизу.

— Так поверни свою неуклюжую руку! — потеряв терпение, рявкнул главный наблюдатель.

Чимал наблюдал за происходящим, не веря своим глазам. Неужели эти люди никогда не пользовались оружием, не убивали? Похоже, что так, иначе почему они ведут себя столь нелепо? Действительно ли они собираются убить его — вот так просто? Только совершенная нереальность этих схожих со сновидением событий удерживала Чимала от активных действий, да и по правде сказать, ему хотелось увидеть, как работает это странное оружие. Из-за своего любопытства он чуть было не опоздал отскочить, когда престарелый наблюдатель все-таки нащупал рычажок и нажал на него.

Чимал кинулся в сторону, поняв, что оружие направлено на него. Его обдала волна жара; одно из устройств у стены взорвалось, от него повалил

дым. Поднялся крик. Чимал метнулся в гущу толпы; оружие повернулось вслед за ним и снова выстрелило. Вскрикнув, одна из женщин упала — полголовы у нее обуглилось.

Теперь огромная пещера была заполнена мечущимися в испуге людьми, и Чимал продирался сквозь толпу, сбивая попадавшихся у него на пути. Старик-наблюдатель застыл на месте от шока, рука с оружием бессильно повисла. Чимал ударил его в грудь кулаком и вырвал оружие из его ослабевших пальцев. Теперь, когда он оказался вооружен, Чимал готов был отразить любое нападение.

Однако в рядах противника царили смятение и неразбериха. Несмотря на то что он овладел оружием, на него снова никто не обращал внимания. Чимал двигался сквозь толпу одинаково одетых людей, пока не нашел ту девушку, которую первой встретил в туннеле. Он мог захватить кого угодно; ее он выбрал потому, наверное, что в этом безумном мире знал ее дольше всех. Чимал схватил девушку за руку и потащил к выходу из пещеры.

— Выведи меня отсюда! — приказал он.

— Куда? — спросила она, делая слабые попытки освободиться от его железной хватки.

В самом деле, куда? Туда, где можно будет отдохнуть и поесть.

— Отведи меня к себе домой.

Чимал вытолкнул ее в коридор, ткнув в спину своим новым оружием.

2

В этом коридоре даже стены были сделаны из металла и из какого-то неизвестного Чималу материала; камня нигде не было видно. Они проходили мимо множества одинаковых дверей, и когда девушка наконец остановилась перед одной из них, Чимал чуть не налетел на нее.

— Вот моя комната.

Страх неведомого все еще сковывал девушку.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Чимал, опасаясь ловушки.

— По номеру.

Чимал взглянул на черные цифры на металле, хмыкнул и пнул дверь ногой. Дверь распахнулась. Чимал втолкнул девушку внутрь, вошел сам, закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Какая маленькая хижина! — сказал он.

— Это комната.

Комната была не больше человеческого роста в

ширину и примерно вдвое длиннее. На боковом выступе лежало что-то похожее на циновку для сна, а у стен стояли шкафы. В комнате обнаружилась еще одна дверь; когда Чимал открыл ее, там оказалась еще одна маленькая комнатка с накрытым крышкой сиденьем и какими-то приспособлениями на стене.

— У тебя есть еда? — спросил Чимал.

— Нет, конечно. Здесь нет.

— Но ты же должна есть?

— Только не в моей комнате. В тейкохе вместе с остальными, как положено.

Еще одно незнакомое слово; от них у него уже болела голова. Хотя, конечно, нужно узнать, где он находится и кто эти люди, но сначала он должен отдохнуть: усталость, как серое одеяло, вот-вот упадет на него и задушит. Девушка, конечно, позовет на помощь, стоит ему заснуть: у нее ведь есть та коробочка, в которую она говорила, когда они повстречались впервые.

— Сними его! — приказал Чимал, показывая на пояс со свисающими с него предметами.

— Это нельзя делать при посторонних! — ужаснулась девушка.

Чимал слишком устал, чтобы препираться. Он ударил ее по лицу.

— Сними.

Его пальцы оставили багровый отпечаток на ее бледном лице. Всхлипывая, девушка нащупала что-то на поясе, он расстегнулся и упал на пол. Чимал отбросил пояс к дальней стене.

— Из той маленькой комнаты с сиденьем есть выход? — спросил он.

Девушка отрицательно покачала головой, и на сей раз он поверил ей. Втолкнув ее туда, он закрыл дверь и улегся на полу так, чтобы она не смогла выйти, не потревожив его. Подложив руку под голову и прижав палку к груди, Чимал мгновенно уснул.

Через какое-то время он открыл глаза. Как долго он спал? Определить это было невозможно: свет, как и прежде, лился с потолка. Чимал повернулся на другой бок и снова уснул.

Сквозь сон он ощутил толчки — они раздражали. Чимал что-то сердито пробормотал во сне, но не проснулся. Он подвинулся, чтобы избежать толчков, но что-то в этом было неправильным — смутное беспокойство вытолкнуло его из тяжелого вязкого забытья. Он приоткрыл глаза и не сразу понял, где находится; моргая, он уставился на убегающую черную фигуру. Наблюдательница Стил была уже у двери, когда его затуманенное

сном сознание прояснилось. Чимал рванулся вперед, протянув руку, и еле успел ухватить девушку за лодыжку. Одно его прикосновение полностью подавило все попытки сопротивления; она только всхлипывала, когда он втаскивал ее обратно в комнату. Чимал поднялся и пинком закрыл дверь. Прислонившись к ней, он потряс головой, чтобы прогнать сон. Его тело ныло; несмотря на сон, он все еще чувствовал усталость.

— Где здесь вода? — спросил Чимал, толкая ногой скорчившуюся на полу девушку. Она только застонала, глядя на него полными слез глазами и прижав руки к груди. — Ну-ка, перестань, я не сделаю тебе ничего плохого. Мне просто нужна помощь.

Несмотря на свое обещание, Чимал снова пнул девушку, разозлившись на ее молчание.

Все еще всхлипывая, она указала ему на ту комнатку, где Чимал закрыл ее, пока спал. Он заглянул внутрь: под крышкой маленького сиденья, откидывающейся на петлях, стоял сосуд с водой; но когда Чимал наклонился, чтобы зачерпнуть воды, девушка вскрикнула. Он оглянулся: девушка сидела, испуганно махая на него руками.

— Нет, — наконец выдохнула она, — нет. Эта вода… не для питья. Там на стене нодрен, воду из

него можно пить.

Обеспокоенный смятением девушки, Чимал втащил ее в комнатку, чтобы она объяснила ему, что там к чему. Она упорно отворачивалась от сосуда-сиденья, но показала ему другую чашу, прикрепленную к стене, которая наполнилась холодной водой, когда она что-то сделала с металлическим приспособлением над ней. Напившись, Чимал потыкал во всякие другие предметы в комнатке, и девушка объяснила ему их назначение. Душ привел его в восторг. Он пустил горячую воду, скинул макстли и встал под обжигающую струю. Дверь в большую комнату он оставил открытой, чтобы можно было следить за девушкой; когда она, вскрикнув, отбежала к дальней стене и прижалась к ней лицом, Чимал не обратил на это особого внимания. Ее поведение было настолько непредсказуемым, что он уже и не пытался ее понять: пусть делает что угодно, лишь бы не сбежала. Он нажал кнопку, и его обдало струей мыльной пены; сначала его ссадины защипало, но потом он почувствовал облегчение. Используя свое новое умение, Чимал сделал воду ледяной, затем вызвал поток теплого воздуха. Пока его тело высыхало, он выстирал макстли в той чаше, от которой девушка так упорно отворачивалась,

выжал и снова надел.

Впервые с того момента, как за ним закрылась дверь в скале, Чимал имел время на размышления. События до этого происходили помимо его воли; он только успевал реагировать на них. Может быть, теперь ему удастся получить ответы на бесчисленные вопросы, теснящиеся в его голове.

— Повернись и перестань плакать, — обратился он к девушке и сел на циновку для сна. Она оказалась очень удобной.

Пальцы девушки вцепились в стену, как будто она хотела пройти сквозь нее; она искоса бросила на Чимала нерешительный взгляд. Обнаружив, что он сидит на циновке, она повернулась к нему, продолжая, однако, прижиматься к стене и напряженно скрестив руки на груди.

— Так-то лучше. — На ее бледном неподвижном лице выделялись покрасневшие от слез и окруженные темными кругами глаза. — Скажи мне, как тебя зовут?

— Наблюдательница Стил.

— Хорошо, Стил. А что вы здесь делаете?

— Я выполняю свою работу, как предписано. Я трепиол мар.

— Да не ты лично — что делаете вы все здесь, в туннелях под горой?

Она беспомощно покачала головой:

— Я… я не понимаю. Мы все делаем, что предписано, во славу Великого Создателя.

— Опять эта бессмыслица. Замолчи, — перебил ее Чимал.

Так они разговаривали еще некоторое время — она произносила новые неизвестные слова, а Чимал никак не мог растолковать ей, что же он хочет узнать. Приходилось начинать снова и снова, медленно приближаясь к взаимопониманию.

— Да перестань же ты бояться! Я не собираюсь делать тебе ничего плохого. Это ведь твой главный наблюдатель послал за вещью, которая убивает, — я тут ни при чем. Сядь. Вот тут, рядом со мной.

— Я не могу. Ты же… — Она была слишком испугана, чтобы продолжать.

— Что я?

— Ты… ты не… ты не прикрыт.

Все ясно. У этих пещерных жителей существует табу — они не могут появляться на людях иначе как закутанные с головы до пят. В долине женщины тоже должны прикрывать верхнюю часть тела накидкой, когда входят в храм.

— На мне же макстли, — сказал Чимал, показывая на свою набедренную повязку. — У меня здесь

нет другой одежды. Если у тебя найдется что-нибудь подходящее, я сделаю, как ты скажешь.

— Ты сидишь на одеяле, — прошептала девушка.

Чимал обнаружил, что циновка состоит из нескольких слоев — верхний оказался сделанным из добротной мягкой ткани. Он закутался в него, и девушка с облегчением вздохнула. Рядом с ним она все же не села — вместо этого она повернула защелку на стене, и оттуда появилось небольшое сиденье без спинки; на нем она и устроилась.

— Для начала объясни мне вот что. Вы прячетесь тут, в скале, но вам известно о моем народе и о долине.

Наблюдательница кивнула.

— Отлично. Итак, вы знаете о нас, а мы о вас — нет. Почему?

— Так предписано, потому что мы — наблюдатели.

— Ну да, ведь тебя зовут наблюдательница Стил. Но только почему вы наблюдаете за нами тайно? Какова ваша цель?

Она снова беспомощно покачала головой:

— Я не могу сказать. Это запретное знание. Лучше убей меня. Я не смею сказать…

Она так сильно закусила нижнюю губу, что

большая капля крови скатилась по подбородку.

— Но я должен узнать этот секрет, — мягко возразил Чимал. — Я хочу понять, что происходит. Вы живете во внешнем мире, куда нет хода жителям долины. У вас есть металлические инструменты и другие вещи, которых мы лишены, вы знаете о нас, но прячетесь. Я хочу знать почему.

Низкий звук, подобный удару огромного гонга, наполнил комнату. Чимал мгновенно вскочил, держа наготове смертоносное оружие.

— Что это? — спросил он, но девушка не слушала его.

Со вторым ударом гонга она упала на колени и склонила голову над сложенными ладонями. Молитва или заклинание, которое она начала шептать, утонули в гуле третьего удара гонга. Услышав его, девушка подняла вверх висевшую у нее на шее коробочку, стянула с руки покрывавшее ее одеяние и с четвертым ударом гонга прижала палец к торчащему из коробочки металлическому стержню. Тот ушел внутрь коробочки, затем медленно вернулся в прежнее положение. Девушка выпустила коробочку и стала снова натягивать перчатку. Прежде чем она успела это сделать, Чимал схватил ее за руку и повернул к

свету. Острие, которым заканчивался стержень, оставило на пальце кровоточащую ранку; подушечка пальца вся была покрыта крохотными белыми шрамами. Наблюдательница вырвала руку и быстро прикрыла палец.

— Твой народ делает много странных вещей.

Чимал взял коробочку из рук девушки. Цепочка вокруг ее шеи заставила наблюдательницу склониться к нему. Чимал взглянул на углубления с цифрами на боковой грани. Цифры были все те же — или нет? Кажется, раньше последней была тройка? Теперь в последнем окошечке оказалась цифра четыре. Из любопытства Чимал нажал на стержень, не обращая внимания на острие, вонзившееся в его палец. Девушка с криком вцепилась в коробочку. Теперь последняя цифра стала пятеркой. Чимал выпустил коробочку, и девушка отскочила от него, бережно сжимая свое сокровище в ладонях.

— …Очень странных вещей, — повторил Чимал, глядя на капли крови у себя на пальце.

Он не успел больше ничего сказать — в дверь комнаты негромко постучали, и чей-то голос произнес:

— Наблюдательница Стил!

Чимал бесшумно подскочил к девушке и зажал

ей рот рукой. Глаза наблюдательницы закрылись, дрожь прошла по телу, и она безжизненно обмякла. Чимал продолжал крепко держать ее: это могла быть всего лишь уловка с ее стороны.

— Наблюдательница Стил! — снова послышалось из-за двери; потом другой голос сказал:

— Ее там нет, открой дверь и посмотри.

— Но подумай о ненарушимости уединения! Что, если она там, а мы войдем?

— Если она там, то почему не отвечает?

— Она не сообщила о готовности к федмио в последний йерф. Может быть, она больна.

— Главный наблюдатель велел ее найти, поискать в ее комнате.

— Он сказал «найти ее» или «осмотреть ее комнату»?

— Он сказал «осмотреть комнату».

— Тогда придется открыть дверь.

Дверь слегка приоткрылась. Чимал рывком распахнул ее и ударил в живот стоящего перед ней человека. Тот сложился вдвое и упал — прямо на орудие для убийства, которое сжимал в руке. Его напарник попытался убежать; оружия у него не было. Чимал быстро поймал его, отвесил затрещину и втащил в комнату, как и первого.

Глядя на три бесчувственных тела, он гадал, что

же ему делать дальше. Здесь оставаться нельзя, это ясно — скоро появятся новые стражники. Но где же ему спрятаться в этом странном мире? Необходим проводник — и с девушкой будет легче всего справиться. Он вскинул ее на плечо, затем поднял орудие для убийства и выглянул в коридор: пусто. Чимал быстро пошел в сторону, противоположную той, откуда пришли те двое.

В этом туннеле было много дверей, но Чимал хотел отойти подальше, прежде чем начнутся поиски. Он свернул один раз, потом другой, все время напряженно ожидая встречи с кем-нибудь из местных обитателей. Но коридор был по-прежнему пуст. За следующим поворотом оказался небольшой зал, вырубленный в скале, заканчивавшийся широкой дверью. Чем идти назад, лучше попробовать найти убежище здесь. Чимал нажал на ручку и распахнул дверь, держа оружие наготове. За дверью его никто не ждал. Перед ним уходила вдаль огромная пещера, разделенная на множество отсеков с полками и ящиками. Какая-то кладовая. Здесь можно подождать, пока девушка придет в себя; потом он заставит ее показать ему более безопасное место и помочь найти еду. Впрочем, еда может храниться и здесь — почему бы и нет?

Чимал пробрался вглубь пещеры, в дальний отсек, куда почти не проникал свет, и опустил девушку на пол. Она не подавала признаков жизни, и Чимал, оставив ее лежать, принялся обследовать пещеру, открывая ящики и рассматривая содержимое полок. В одном из ларей он нашел груду черной одежды странного покроя. Вытащив одно из одеяний, он понял, что в такие одеваются наблюдатели, — длинные части костюма можно было натянуть на руки и на ноги. Чимал отнес две охапки одежды туда, где лежала наблюдательница Стил, и свалил свою ношу рядом с ней. Девушка по-прежнему не двигалась. Чимал уселся там, где было посветлее, и попытался разобраться, как расстегивается одежда. В пещере было прохладнее, чем в комнате Стил, и он не отказался бы надеть что-нибудь теплое. Ему пришлось изрядно помучиться; не выдержав, он в ярости разорвал один из костюмов в клочья, прежде чем понял, что маленькая металлическая пуговка, если ее повернуть, сдвигается вниз и раскрывает одежду почти по всей длине. Чимал расстегнул несколько одеяний, но его ноги пролезали в них едва до середины, и он с отвращением отшвырнул никчемную одежду. Наверное, эти костюмы бывают разных размеров,

и те, которые он нашел, — самые маленькие. Нужно найти большие — девушка должна знать, где они хранятся. Чимал подошел к ней, но наблюдательница все еще лежала с закрытыми глазами; ее дыхание было хриплым, кожа приобрела сероватый оттенок и оказалась холодной и влажной на ощупь. Чимал забеспокоился. Может быть, она повредила что-нибудь, когда падала? Он крутанул пуговку у нее под подбородком и потянул за нее. Одежда распахнулась. Непохоже, чтобы девушка была ранена. Но она была худой и бледной, ребра у нее торчали. Груди оказались маленькими, как у девочки-подростка, и вид ее вялой наготы не вызвал у Чимала желания. Широкий серый пояс охватывал ее талию, продернутый через его концы шнур был завязан на животе. Чимал развязал веревку и снял пояс; кожа под ним оказалась красной и воспаленной. Он потрогал внутреннюю поверхность пояса: она была шершавой и грубой, как будто утыканной колючками кактуса. Все это было за пределами его понимания. Чимал отбросил пояс в сторону и стал рассматривать гибкие прутья, крепившиеся к одежде. Может быть, она так слаба, что нуждается в этих стержнях для того, чтобы держаться прямо? Но тогда и все ее соплеменники такие же

хилые? Когда он коснулся металлической полосы, поддерживавшей голову девушки сзади, та сложилась пополам, увлекая за собой капюшон. Волосы Стил были коротко острижены и стояли на голове короткой темной щеткой. Нет, это все невозможно понять. Чимал застегнул костюм девушки, натянул капюшон ей на голову, сел и погрузился в размышления. Через некоторое время девушка шевельнулась и открыла глаза.

— Ну, как ты себя чувствуешь?

Она несколько раз моргнула и, прежде чем ответить, огляделась:

— Со мной, кажется, все в порядке. Я только очень устала.

На этот раз Чимал решил быть терпеливым: если ее бить, она снова начнет плакать, и тогда из нее ничего не вытянешь.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил он, показывая на груду одежды.

— Это вебин. Где ты их взял?

— Тут их полно. Я хотел найти себе что-нибудь теплое, но они мне все малы.

— Размер обозначен внутри, вот, смотри.

Она села и показала Чималу, где нужно искать метку.

— Я отведу тебя туда, где они лежат, и ты най-

дешь мне подходящий.

Наблюдательница Стил проявила полную готовность помочь, но зашаталась, попробовав встать. Чимал поддержал ее; ей было так плохо, что она не обратила внимания на его прикосновение. Когда он подвел ее к ящикам, она глянула на обозначения размеров и указала на последний:

— Здесь самые большие.

Девушка зажмурилась и отвернулась, когда Чимал, вытащив один из костюмов, стал натягивать его на себя. На этот раз одежда оказалась впору, и Чимал сразу согрелся.

— Ну вот, теперь я выгляжу, как все здесь.

Девушка смотрела на него без прежней настороженности.

— Могу я теперь уйти? — спросила она робко.

— Скоро сможешь, — соврал Чимал. — Только сначала ответь мне на несколько вопросов. Здесь есть какая-нибудь еда?

— Я… не знаю. Я была на складе всего один раз, к тому же давно…

— Как ты назвала это место?

— Склад. Место, где хранятся вещи.

— Склад. Надо запомнить. — («Я запомню еще многие слова, прежде чем покину это место», — подумал Чимал.) — Ты не посмотришь, нет ли

где-нибудь здесь еды?

— Да, я думаю, можно поискать.

Чимал следовал за ней по пятам, готовый схватить девушку, если она сделает попытку убежать, но все же на достаточном расстоянии, чтобы создать у нее иллюзию свободы. Она нашла какие-то плотно запечатанные брикеты, которые назвала неприкосновенным запасом — то, что едят, когда нет другой пищи. Чимал отнес их в дальний отсек, облюбованный им с самого начала, и только там вскрыл прозрачную оболочку.

— Не так уж вкусно, — сказал он, попробовав содержимое.

— Зато это очень питательно, — возразила наблюдательница и, поколебавшись, попросила порцию себе.

Он дал ей еду после того, как она объяснила ему, что это новое слово — «питательно» — означает.

— Ты прожила в этом мире всю жизнь? — спросил Чимал, облизывая пальцы.

— Да, конечно, — ответила она, удивленная вопросом.

Чимал сосредоточенно сдвинул брови. Девушка знает все, что ему требуется узнать, но как заставить ее разговориться? Он понимал: чтобы получить интересующие его ответы, нужно

задавать верные вопросы — как в детской игре, только правила немного другие. Какие вопросы нужно задать, чтобы найти разгадку?

— И ты никогда не выходила наружу? Я имею в виду не долину, а другие места, за горами?

Девушка озадаченно посмотрела на него:

— Нет, конечно, это же невозможно. — Ее глаза вдруг широко раскрылись. — Я не должна об этом говорить.

Чимал быстро сменил тему:

— Ты знаешь о наших богах? — (Она кивнула.) — А что тебе известно о Коатлики?

— Мне нельзя об этом говорить.

— Похоже, тебе можно говорить со мной об очень немногих вещах. — Чимал улыбнулся девушке (раньше он попробовал бы добиться от нее ответов побоями), и она почти улыбнулась в ответ. Еще немного, и он научится находить с ней общий язык. — Разве тебе не интересно, как я попал туда, где мы с тобой встретились?

— Я не задумывалась об этом, — честно призналась наблюдательница. Неизвестное, похоже, мало ее интересовало. — И как же ты туда попал?

— Я последовал из долины за Коатлики. — (Как же все-таки получить от нее нужные сведения?

Что девушка хотела бы услышать?) — Я должен вернуться к себе. Как ты думаешь, это возможно?

Девушка выпрямилась и радостно закивала:

— Да-да, именно это тебе и следует сделать.

— Ты мне поможешь?

— Да… — Но тут она насупилась. — Это невозможно. Ты расскажешь им о нас, а это запрещено.

— Если бы я и рассказал — думаешь, мне поверят? Меня отведут в храм, чтобы выпустить бога, который в меня вселился.

Она глубоко задумалась:

— Да, именно так все и будет. Жрецы убьют тебя в храме, а остальные будут считать тебя одержимым.

«Ты много знаешь о нас, — отметил про себя Чимал, — а я не знаю о вас ничего, кроме того факта, что вы существуете. Так дело не пойдет».

Вслух он сказал:

— Я не могу вернуться той дорогой, которой пришел, но ведь должен же существовать и другой путь?

— Думаю, что другого пути нет. Кроме, конечно, отверстия, через которое кормят стервятников. — Девушка зажала рот рукой, поняв, что сказала лишнее; ее глаза расширились.

— Конечно же стервятники, — почти выкрикнул Чимал, вскочив, — ну да, вы же кормите их. Вы приносите им жертвы и отдаете своих мертвецов вместо того, чтобы сжигать их. Именно так мясо и попадает на скалу, боги тут ни при чем.

Наблюдательница пришла в ужас.

— Мы не отдаем им своих мертвых — это было бы святотатством. Стервятники получают мясо тивов. — Она оборвала себя. — Я не буду больше с тобой разговаривать, потому что говорю вещи, о которых говорить нельзя.

— Нет, ты будешь говорить. — Чимал двинулся к ней.

Девушка отшатнулась, ее глаза вновь наполнились слезами. Так он ничего не добьется.

— Я тебя не трону, — сказал Чимал, отходя в дальний конец прохода, — не бойся.

Как же заставить ее помочь ему? Взгляд Чимала упал на груду одежды; из-под нее торчал конец пояса. Чимал вытащил его и помахал им перед девушкой:

— Что это такое?

— Это монашин — ему здесь не место.

— Научи меня этому слову. Что оно значит?

— Смирение. Он — священное напоминание о непорочности, он помогает отогнать дурные

мысли. — Девушка запнулась, ее руки метнулись к талии. Когда она поняла, что произошло, краска волной залила ее лицо.

Чимал кивнул:

— Да, это твой. Я снял его с тебя. Теперь ты в моей власти — поняла? Ты отведешь меня туда, где кормят стервятников?

Когда она отрицательно покачала головой, Чимал сделал шаг к ней:

— Отведешь. Тогда я вернусь к своему народу, и ты сможешь забыть о случившемся. Оказавшись в долине, я не смогу причинить тебе вред. Если же мне придется остаться здесь, я нарушу твое табу. Я не только сниму твой пояс смирения, я расстегну твою одежду и…

Девушка осела на пол, но сознания не потеряла. Чимал не стал поднимать ее: от его прикосновения ей может стать еще хуже, и уж тогда она точно ничем ему не поможет. Сейчас ему нужно, только чтобы она боялась его.

— Вставай, — скомандовал Чимал, — и веди меня! У тебя нет выбора.

Он отступил назад, пропуская девушку. Цепляясь за полки, она медленно поднялась и двинулась по проходу. Чимал шел за ней почти вплотную, но не касаясь ее и взяв орудие для

убийства на изготовку.

— Держись подальше от людей, — предупредил он девушку. — Я убью всякого, кто попытается остановить нас. Если позовешь на помощь, тем самым ты станешь убийцей.

Чимал не знал, подействовало ли его предупреждение и девушка сознательно выбирала безлюдные коридоры, или же люди просто не ходили этой дорогой; так или иначе, они никого не встретили. Только однажды кто-то мелькнул впереди на перекрестке, но когда они дошли до того места, в коридоре уже никого не было.

Идти пришлось долго. Наконец они добрались до пещеры, уходящей вбок от центрального туннеля. Наблюдательница Стил шаталась от усталости и только молча указала на нее, кивнув, когда Чимал спросил, дошли ли они до своей цели. Туннель напомнил Чималу тот, по которому он попал в этот мир. Пол был гладким, а грубо отесанный камень стен и потолка еще хранил следы инструментов. Существовало, впрочем, одно важное отличие: к полу были прикреплены две тонкие металлические полосы; они уходили вдаль, теряясь в глубине прямого как стрела туннеля.

— Отпусти меня! — взмолилась девушка.

— Нет, мы дойдем вместе до конца пути.

Не стоило пока объяснять ей, что в его намерения вовсе не входит покидать мир туннелей, что пока он только собирает информацию о нем.

Да, путь оказался долгим, и Чимал пожалел, что не захватил с собой воды. Наблюдательница Стил начала спотыкаться, и им пришлось дважды останавливаться, чтобы она могла немного отдохнуть. Туннель закончился в довольно большой пещере. Металлические полосы пересекали ее и уходили в другой туннель вдали.

— Что тут такое? — спросил Чимал, озираясь.

— Выход там, — показала девушка. — Если хочешь выглянуть наружу, можно поднять крышку на смотровом окошке, а это механизм, который открывает дверь.

В стену была вделана широкая металлическая плита с диском посередине. Чимал нажал на диск, тот отошел в сторону, открыв отверстие. Через щель между двумя камнями Чимал смотрел в бездонное полуденное небо. Вдали голубели скалы на противоположном конце долины, за ними были видны дальние горные пики. Прямо перед ним на затененном уступе вырисовывался четкий силуэт стервятника. Под взглядом Чимала птица расправила крылья и взмыла в воздух, мед-

ленно делая большой круг в солнечном сиянии.

— Говорит наблюдательница Стил, — услышал Чимал голос девушки и быстро обернулся.

Пока он смотрел на долину, она пересекла пещеру и теперь говорила в висящую на стене металлическую коробочку.

— Он здесь со мной. Ему некуда бежать. Немедленно заберите его.

3

Чимал схватил девушку за руку, оттащил от металлической коробочки и швырнул на пол. На передней поверхности коробочки располагались диск, кнопки и несколько отверстий; из нее доносился чей-то голос:

— Наблюдательница Стил, твой доклад услышан. Мы сверяем рапорт. Укажи свое точное местонахождение…

Чимал поднял орудие для убийства и нажал на рычажок. Для уничтожения черных коробочек оно тоже вполне годилось. Голос пискнул и умолк, коробочка взорвалась.

— Это тебе не поможет, — сказала девушка, поднимаясь с пола и потирая руку. Ее губы кривила холодная торжествующая улыбка. — Они

выяснят, откуда я докладывала, и найдут тебя. Теперь тебе не скрыться.

— Я могу вернуться в долину. Как открывается эта металлическая дверь?

Девушка неохотно подошла к рычагу, торчащему из стены, и потянула на себя. Металлическая плита бесшумно распахнулась наружу, в пещеру хлынул дневной свет. Стервятник, собравшийся сесть на уступ, испугался неожиданного движения, захлопал крыльями и взмыл ввысь. Чимал бросил взгляд на долину, вдыхая знакомый прохладный воздух, к которому примешивался запах птичьего помета.

— Если я вернусь туда, меня сразу убьют, — сказал Чимал и вытолкнул наблюдательницу на уступ.

— Что ты делаешь! — прошептала она.

Ее шепот перешел в вопли, когда Чимал потянул за рычаг и дверь начала закрываться. Громкие причитания внезапно оборвались, когда с глухим стуком плита встала на место.

Зато из туннеля позади Чимала послышался нарастающий вой, и из отверстия вырвался поток воздуха. Чимал прижался к стене у выхода из туннеля и поднял орудие, которое убивает. Шум и ветер усилились. Жители туннелей обладали

огромным могуществом. Какую непонятную силу они еще послали, чтобы уничтожить его? Чимал вжался в скалу, а вой все нарастал, и тут из тунеля вырвалась платформа, на которой сидели несколько человек. Раздался пронзительный визг, платформа остановилась, и Чимал увидел, что все прибывшие вооружены орудиями для убийства. Он прицелился в них из своего оружия и нажал рычажок. Из стержня дважды вырвалось пламя, поражая его противников, но тут его оружие умерло: сколько Чимал ни нажимал на рычажок, оно больше не действовало. В отчаянии он нажал слишком сильно, и рычажок обломился.

Он думал, что его убьют прежде, чем он сделает хотя бы шаг. Его кожа покрылась мурашками в предчувствии огненной волны. Но его два выстрела попали в толпу и произвели поразительный результат: часть его противников погибла, остальные получили мучительные ожоги. Насилие и смерть были непривычны подземным жителям, Чимал же был знаком с этими ужасными близнецами всю свою жизнь. Пока он может двигаться, он будет бороться. Размахивая своим оружием, как дубинкой, Чимал ринулся в атаку. Прежде чем кто-нибудь успел выстрелить

в него, он был уже в гуще противников, расчищая себе дорогу металлическим стержнем.

Битва была неравной. Не прошло и минуты с тех пор, как шестеро преследователей ворвались в пещеру, — и двое из них были убиты, остальные ранены и без сознания, а Чимал стоял над поверженными врагами, тяжело дыша, готовый отреагировать на малейшее движение. Один из его противников шевельнулся, но, получив удар по голове, безжизненно распластался рядом с остальными. Отбросив бесполезное орудие убийства, Чимал подошел к рычагу в стене и открыл дверь, ведущую на уступ для кормления стервятников. Наблюдательница Стил скорчилась, прижавшись к скале так близко от двери, как только могла, закрыв лицо руками. Ему пришлось втащить ее внутрь — сама она была не в состоянии двигаться. Девушка осталась лежать на полу, пока Чимал освобождал платформу от убитых и раненых; наученный горьким опытом, он старался не задеть блестящие кнопки и рычаги в передней части механизма. Освободив платформу, Чимал дал волю своему любопытству и обследовал ее. Под дном тележки были колеса, похожие на те, что иногда бывают у детских игрушек; они ехали по металлическим полосам,

прикрепленным к полу. Какая-то сила заставляла колеса вращаться и двигала платформу. Чимала особенно заинтересовал укрепленный спереди щит, твердый, будто металлический, но при этом прозрачный как вода: сквозь него все было видно, как если бы его там и вовсе не было.

Платформа ездит по металлическим полосам. Чимал проследил взглядом их направление — через всю пещеру и в меньший туннель в ее дальнем конце. Может быть, ему не придется возвращаться в те коридоры, по которым они сюда пришли, и снова идти навстречу орудиям, которые убивают?

— Вставай! — приказал он девушке и рывком поднял ее на ноги, когда она не обратила на его слова никакого внимания. — Куда ведет этот туннель?

Она все еще в ужасе смотрела на лежащих на полу раненых и не сразу поняла вопрос.

— Не знаю, — заикаясь, выдавила она. — Я не знакома с работой эксплуатационников. Наверное, это рабочий туннель.

Чимал заставил ее объяснить значение слова «эксплуатационники», потом подтолкнул к платформе:

— А как называется это?

— Машина.

— Ты можешь заставить ее двигаться? Говори правду.

Насилие и смерть убили в ней всякую надежду.

— Да, могу… — прошептала девушка.

— Покажи мне, как это делается.

Управлять машиной оказалось совсем просто. Чимал взял с пола новое орудие для убийства и сел в машину рядом с девушкой. Она показала ему, что нужно делать: если нажать на один рычаг, машина будет двигаться вперед или назад, и чем сильнее на него надавишь, тем быстрее она поедет, а другой рычаг замедляет движение или останавливает машину. Чимал заставил платформу медленно двинуться вперед и низко пригнулся, когда они въезжали в туннель; впрочем, он скоро понял, что в этом нет необходимости — коридор был достаточно высок. Светильники на потолке — он уже выучил их название — проносились мимо все быстрее и быстрее, по мере того как он все сильнее нажимал на рычаг. Рычаг дошел до упора, машина с бешеной скоростью мчалась по туннелю. Стены по бокам сливались в сплошную полосу, встречный ветер выл вокруг прозрачного щита спереди.

Наблюдательница Стил в страхе скорчилась на сиденье, Чимал посмеялся над ней, но скорость все-таки уменьшил. Ряд светильников впереди стал изгибаться вправо, и Чимал еще больше сбавил скорость. Поворот изменил направление туннеля под прямым углом, дальше коридор пошел вниз. Спуск был очень постепенным, но бесконечным. Через несколько минут Чимал остановил машину и высадил из нее девушку.

— Не бросай меня здесь! — запричитала она.

— Если будешь себя хорошо вести, не брошу. Я просто хочу разобраться с туннелем… Стой прямо, так прямо, как только можешь. Да, коридор идет вниз… Во имя богов — мы ведь все время спускаемся — куда? Под землей ничего нет, кроме ада, где обитает Микстек, бог смерти. Эта дорога ведет туда?

— Я не знаю, — ответила девушка слабым голосом.

— Или не хочешь сказать. Ну что ж, если эта дорога в ад, ты отправишься туда вместе со мной. Садись в машину. Я видел столько чудес и страшных вещей за последние дни, сколько и представить себе не мог, во сне или наяву. Ад теперь меня не особенно удивит.

Через некоторое время коридор выровнялся и

дальше шел без поворотов и спусков. Наконец далеко впереди стал виден освещенный выход из туннеля, и Чимал совсем замедлил движение машины. Перед ними появилась огромная пещера, хорошо освещенная и пустая. Чимал остановил машину недалеко от выхода из туннеля и пошел дальше пешком, толкая перед собой наблюдательницу Стил. На пороге пещеры они остановились и заглянули за угол.

Пещера была гигантской. Огромный зал, размерами не уступающий пирамиде, высеченный в сплошной скале. Рельсы выходили из туннеля, по которому они добрались сюда, пересекали пещеру и пропадали в другом туннеле. На стенах и потолке было много светильников, но их свет терялся в сиянии, лившемся через большое отверстие в потолке в дальнем конце зала, — очень похожем на солнечные лучи; казалось, над отверстием простерлось голубое небо.

— Этого просто не может быть! — воскликнул Чимал. — Я готов поклясться, что мы удалялись от долины, когда покинули место кормления стервятников! Туннель шел сквозь скалу вниз. Это не может быть солнечный свет — или я ошибаюсь? — В нем неожиданно проснулась надежда. — Если мы спускались, то мы могли

пройти гору насквозь и оказаться у выхода в долину, которая лежит ниже, чем наша. Твой народ все-таки знает дорогу во внешний мир — это она и есть!

Чимал вдруг заметил, что свет становится ярче. Теперь он освещал длинный пологий скат, шедший от дыры в потолке. Рельсы, очень похожие на те, по которым передвигалась их машина, но только гораздо шире, спускались по скату, пересекали пещеру и уходили в дыру в полу — такую же большую, как и та, что на потолке.

— Что происходит? — спросил Чимал.

Свет стал ослепительным, в направлении отверстия в потолке невозможно было смотреть.

— Пошли отсюда, — потянула его за руку наблюдательница Стил. — Нужно отойти назад.

Он не спросил почему — ответ и так был ясен. Вместе с ослепительным сиянием пришел жар, опаливший их лица. Они повернулись и побежали вглубь туннеля, а позади них бушевала стена пламени. Закрыв глаза руками, они бросились к машине — спасительному убежищу. Еще какое-то время раскаленные лучи заливали все вокруг, потом пошли на убыль.

Когда все кончилось, воздух туннеля показался прохладным и освежающим. Открыв глаза, Чи-

мал долго не видел ничего, кроме пляшущих во тьме радужных пятен, — так ослепил его глаза невероятный свет.

— Что это было? — спросил он.

— Солнце, — ответила девушка.

К тому времени, когда его зрение полностью восстановилось, наступила ночь. Они снова вошли в огромную пещеру, теперь освещенную только светильниками. Сквозь отверстие в потолке было видно усыпанное звездами ночное небо. Чимал и девушка медленно поднимались по скату, пока не оказались на уровне потолка пещеры. Звезды становились все ближе и все ярче — пришельцы были в самой их гуще. Взглянув вниз, Чимал с не поддающимся контролю разума ужасом увидел, как сияющая звезда — диск размером с тортилью — проплыла рядом с его ногой и исчезла. Медленно и с достоинством — страх все еще владел им, и требовалось огромное усилие воли, чтобы не дать ему взять над собой верх, — Чимал повернулся и вместе с девушкой спустился по скату в благословенную безопасность пещеры.

— Ты понимаешь, что произошло? — спросил он ее.

— Точно не уверена. Я слышала обо всем этом,

но никогда не видела. Это не имеет отношения к моей работе.

— Ну да, ты наблюдательница и больше ни о чем не знаешь, а о своей работе рассказывать мне не хочешь.

Девушка отрицательно покачала головой, крепко сжав губы. Чимал сел на пол, повернувшись спиной к отверстию и непостижимой тайне звезд, и заставил ее сесть рядом.

— Я хочу пить, — пожаловалась она. — На таком удалении от жилых туннелей должны быть аварийные запасы. Вон, наверное, шкафы, в которых они хранятся.

— Давай посмотрим.

Действительно, за толстой металлической дверцей оказались брикеты неприкосновенного запаса и прозрачные сосуды с водой. Девушка показала Чималу, как открыть сосуд, и они по очереди напились. Еда оказалась такой же безвкусной, но сытной, как и раньше. Утолив голод, Чимал почувствовал, как он устал — не только телом, но и умом: представить себе проходящее рядом солнце и проплывающие у ног звезды было совершенно невозможно. Ему о многом хотелось спросить девушку, но сейчас — впервые в своей жизни — он боялся услышать ответ.

— Я собираюсь поспать, — сказал он, — и хочу найти и тебя, и машину здесь, когда проснусь. — Он задумался на мгновение, затем, не обращая внимания на ее слабые протесты и сопротивление, снял у девушки с шеи коробочку на металлической цепочке.

— Как ты ее называешь? — спросил он, взвешивая коробочку на ладони.

— Это мой деус. Пожалуйста, верни его мне.

— Мне эта штуковина не нужна, но я не хочу, чтобы ты сбежала. Дай руку.

Чимал застегнул один конец цепочки вокруг ее запястья, другой — вокруг собственной руки, сжав деус в ладони. Каменный пол, на котором он растянулся, был жестким, но Чималу было все равно: едва он сомкнул веки, как провалился в сон.

Когда он проснулся, девушка спала рядом, вытянув руку так, чтобы быть как можно дальше от него; через отверстие в потолке струился солнечный свет. Может быть, солнце снова сейчас пройдет рядом? Чимал испытал острый приступ страха и грубо потряс девушку, чтобы разбудить; однако, полностью проснувшись, понял, что непосредственной опасности нет. Он размотал цепочку, стягивавшую его затекшие пальцы, и

отправился за пищей и водой для них обоих.

Когда они поели, Чимал подтолкнул девушку к пологому скату, ведущему к дыре в потолке:

— Мы еще раз сходим туда.

Они вылезли через отверстие на голубую поверхность неба. Она была твердой, и когда Чимал стукнул по ней прикладом орудия для убийства, кусочек голубого покрытия откололся, обнажив камень. Непонятно — ведь это же небо! Чимал окинул его взглядом — вверх до зенита и снова вниз, к ограниченному горами горизонту. Как только он увидел горы, он вскрикнул и отшатнулся, на мгновение потеряв равновесие.

Горная гряда была наклонена под углом в сорок пять градусов.

Казалось, весь мир подвешен перед ним за краешек. Чимал не знал, что и думать: увиденное было совершенно невозможным. Не в силах выносить возникшее головокружение, Чимал сделал несколько спотыкающихся шагов вниз по скату — к непоколебимой безопасности вырубленной в скале пещеры. Наблюдательница Стил последовала за ним.

— Что все это значит? — спросил ее Чимал. — Я ничего не могу понять.

— На этот раз я действительно не знаю. Это не

имеет отношения к моей работе. Я ведь наблюдательница, а эксплуатационники никогда об этом не рассказывали, хотя они, конечно, знают, в чем дело.

Чимал бросил взгляд в темный туннель, куда скрылось солнце, но и там не нашел ответа.

— Я так легко не отступлюсь. Мне нужно понять, что же это все значит. Куда ведет тот коридор? — спросил он, указывая на отверстие в дальнем конце пещеры — туда уходили рельсы, на которых стояла их машина.

— Не знаю, я же не эксплуатационница.

— Да ты вообще мало в чем сильна, — заметил Чимал с бессознательной жестокостью. — Пошли.

Он медленно вывел машину из туннеля и остановил ее так, чтобы девушка могла погрузить в нее пищу и сосуды с водой. Чимал предпочитал иметь запасы при себе, а не полагаться на благосклонность случая. Потом они пересекли зал и углубились в туннель на его противоположном конце. Коридор был ровным и прямым, хотя и казалось, что ряд светильников впереди изгибается кверху. Но подъем так и не начался: туннель оставался совершенно горизонтальным. Что-то появилось на стене впереди, и Чимал замедлил

ход машины, а потом остановил ее вовсе. Перед ним была вделанная в камень металлическая лестница, уходившая в прорезанное в потолке отверстие.

— Пойдем выясним, куда она ведет, — сказал Чимал, выпихивая из машины свою спутницу.

Он предоставил ей первой подняться по лестнице. Труба высотой футов в двадцать была чуть шире его плеч и освещалась двумя светильниками. Верхний из них помещался как раз под металлической крышкой, закрывавшей выход из шахты.

— Толкни-ка ее! — приказал Чимал. — Не похоже, чтобы она была заперта.

Крышка из тонкого металла откидывалась на петлях, и наблюдательница легко открыла ее и вылезла наружу. Чимал последовал за ней на твердую поверхность голубого неба. Он взглянул вверх — сначала на маленькие белые облачка, проплывавшие у него над головой, а потом дальше — на долину с пересекающей ее рекой и двумя темневшими по берегам деревнями.

На этот раз он не удержался на ногах — упал и приник к надежному камню небесного свода, цепляясь за край шахты. Ему казалось, что он падает — падает вниз, чтобы разбиться насмерть

в полях у реки. Он зажмурился, отгоняя ужасное видение, и ему стало легче. Он ощущал твердую скалу под собой и вес своего прижимающегося к камню тела.

Чимал поднялся на четвереньки и посмотрел вниз: да, камень, покрытый голубой краской, которая легко отделилась от скалы, когда он ковырнул ее у края отверстия. На его поверхности отпечатались пыльные следы тех, кто ходил здесь раньше, а неподалеку блестели металлические рельсы, похожие на те, по которым двигается солнце. Чимал на четвереньках подобрался к ним и ухватился за надежный металл. От долгого употребления рельс был истерт сверху до блеска. Медленно переведя взгляд, Чимал проследил направление колеи через весь небосвод: рельсы пересекали плавно закругляющуюся поверхность, сходились вдали и наконец исчезали в черном отверстии. Чимал старался не думать об увиденном и не пытаться понять. Пока рано. Сначала нужно все осмотреть. Он осторожно перевернулся на спину, все еще крепко держась за рельс.

Над ним из конца в конец раскинулась долина — такая, какой он ее знал, со всех сторон окруженная горами, вершины которых смотрели

прямо на Чимала. В северном конце громоздился скальный барьер, у его подножия расстилалось болото, по полям извивалась река, по обе стороны ее виднелись два бурых пятна двух храмов, заросли деревьев в южной части долины окружали серебряный блик озера. Водопад был почти незаметен, и никакой водный поток не питал его: дальше были только горы, за которыми поднимался голубой склон неба.

Краем глаза Чимал заметил какое-то движение; он повернул голову как раз в тот момент, когда наблюдательница Стил нырнула в отверстие шахты.

Позабыв о своем головокружении, Чимал бросился за ней. Девушка быстро спускалась по лестнице — Чимал не ожидал от нее такой прыти — и не смотрела вверх. Чимал начал спуск, но к этому времени она уже достигла туннеля. Он разжал руки и спрыгнул вниз, тяжело приземлившись на каменный пол. Поток пламени пронесся над его головой.

В руках девушки было оружие, она собиралась убить его, как только он появится из шахты. Промахнувшись, она в остолбенении смотрела на обгорелые перекладины лестницы и обуглившийся участок стены, и прежде, чем она смогла

снова прицелиться, Чимал подскочил к ней и вырвал орудие для убийства из ее рук.

— Поздно! — прорычал он, швыряя оружие в машину и разворачивая наблюдательницу спиной к стене. Схватив ее за подбородок, он начал трясти ее голову. — Поздно убивать меня, я знаю правду. Знаю все о вас, наблюдателях, и о вашем мире, и о всей той лжи, которой меня потчевали. И мне больше не нужно ни о чем спрашивать тебя — теперь я сам могу ответить на все вопросы.

Он рассмеялся и сам удивился своему визгливому смеху. Чимал отпустил девушку; она принялась массировать подбородок, на котором пальцы Чимала оставили красные отпечатки.

— Ложь, — продолжал Чимал, — мой народ обманывают во всем. Неправда, что мы живем в долине на планете Земля, которая вращается вокруг Солнца — пылающего газового шара. Нас заставляют верить во всю эту чушь: планеты, звезды, раскаленный газ. Тот отблеск, который видел Попока, да и я тоже, — это отражение света от рельсов, только и всего. Наша долина и есть мир, больше ничего не существует. Мы живем внутри гигантской пещеры, вырубленной в скале, а твой народ тайно наблюдает за нами. Кто вы — слуги или хозяева? Или и те и другие одновременно? Вы

служите нам, ваши эксплуатационники следят за тем, чтобы солнце всегда сияло как положено. И за дожди тоже они отвечают, и за реку, которая кончается в болоте. Интересно, что вы потом делаете с водой — перекачиваете ее обратно по трубам и снова выливаете в водопад?

— Да, — ответила девушка, высоко подняв голову и сжимая в руках деус. — Мы именно это и делаем. Мы наблюдаем за вами, защищаем и оберегаем от бед — день и ночь, в любое время года, ибо мы — наблюдатели, мы призваны служить, ничего не прося за это.

Чимал горько рассмеялся:

— Вы призваны служить! Что-то плохо вы служите. Почему бы вам не сделать так, чтобы река всегда была полноводной или чтобы дожди шли именно тогда, когда нужно? Мы возносим молитвы, призывая дождь, но ничего не происходит. Боги не слушают нас — или это вы не слушаете? — Он отступил на шаг, пораженный внезапным озарением. — А существуют ли вообще боги? Коатлики смирно стоит у вас в туннеле, и дождь вы посылаете по своему желанию. — С грустью, рожденной прозрением, он прошептал: — И в этом, как и во всем остальном, ложь. Богов нет.

— Ваши боги не существуют, это так. Но бог

есть, единственный бог — Великий Создатель. Он создал мир, задумал и воплотил его, вдохнул в него жизнь — так все и началось. Солнце вышло из своего туннеля в первый раз, зажглось и отправилось в свой путь по небу. В первый раз вода упала со скал, наполнила озеро и побежала по ожидающему ее руслу. Он посадил деревья и создал животных, и когда все было готово, Он населил долину ацтеками и поставил наблюдателей следить за ними. Он всемогущ и всезнающ, и мы, Его подобие, обладаем силой и знанием, мы чтим Его и выполняем Его волю. Мы — Его дети, и мы всегда будем заботиться о вас — наших младших братьях, ибо так повелел Он.

Слова девушки не произвели на Чимала особого впечатления. Напевность ее речи и блеск в глазах напомнили ему жрецов и их молитвы. Если боги мертвы, он не так уж огорчится, но совершенно ни к чему немедленно заменять их новыми. Тем не менее он кивнул — наблюдательница знала факты, которые были ему необходимы.

— Все наоборот, — заключил он. — Все, чему нас учили, — обман. Нет ни пылающего газового шара, ни Земли, а звезды — всего лишь маленькие светящиеся пятна. Вселенная — это скала, вечная скала, а наш мир — маленькая пещера

в середине.

Чимал сгорбился, словно придавленный весом этой бесконечной скалы.

— Нет, так будет не всегда, — возразила девушка, слегка покачиваясь и молитвенно сложив руки. — Придет день, когда наступит конец, — Великий день, дарующий нам свободу. Посмотри. — Она подняла свой деус. — Посмотри, как много дней прошло с сотворения мира. Дни текут, к нашей радости, ибо мы верны заветам Великого Создателя, нашего Отца.

— Сто восемьдесят шесть тысяч сто семьдесят пять дней с сотворения мира, — сказал Чимал, глядя на цифры. — И ты отсчитала все эти дни сама?

— Нет, конечно. Мне нет еще и семидесяти лет. Этот деус — священное сокровище, доверенное мне, когда я принесла присягу наблюдателя…

— Сколько тебе лет? — переспросил Чимал, думая, что ослышался. Может быть, она сказала «семнадцать»?

— Шестьдесят восемь, — ответила она с издевательской улыбкой. — Мы созданы ради нашего служения, и те, кто тверд в вере, награждены годами жизни. Мы не столь недолговечны, как низшие животные: индейки, змеи… и вы.

На это ответить было нечего. Девушка выглядела двадцатилетней. Может ли она действительно быть такой старой, как говорит? Еще одна загадка в придачу к остальным. В наступившей тишине он расслышал далекое, еле слышное жужжание, подобное писку насекомого.

Звук нарастал, и девушка первой узнала его. Оттолкнувшись от стены, она бросилась бежать по туннелю обратно — в ту сторону, откуда они приехали. Чималу ничего не стоило бы догнать ее, но тут он тоже узнал звук и замер в нерешительности.

Приближалась еще одна машина.

Конечно, он мог бы поймать наблюдательницу, но тогда и сам окажется пойманным. Можно использовать орудие для убийства — но какой прок в том, что он ее убьет? Он перебирал в уме возможные варианты и отбрасывал их один за другим. В той, другой машине будет много людей с оружием. Самое разумное — бежать. Они наверняка остановятся, чтобы подобрать девушку, и это даст ему время. Не успев еще додумать свою мысль до конца, Чимал уже прыгнул в машину и до отказа надавил на рычаг. Что-то взвыло под днищем машины, и она рванулась с места, словно выпущенная из лука стрела. Но не успела еще

машина набрать скорость, как Чимал сообразил, что это не выход из положения. Нужно еще что-то придумать. Как будто в ответ на заданный им себе вопрос перед ним появилось темное пятно в стене туннеля: еще одна шахта с лестницей. Чимал судорожно вцепился в другой рычаг и резко затормозил.

Это выход из туннеля — куда? Конечно на небо, к рельсам, по которым ходит солнце. Это вторая такая шахта, наверняка они есть и дальше. Как только Чимал об этом подумал, он снова нажал на рычаг. К тому времени, когда он доберется до следующей шахты — если она, конечно, существует, — он придумает, что делать дальше. В этом был риск, но что не было риском в этом странном новом мире? Ему необходим план действий.

Еда и запас воды — их нужно взять с собой. Одной рукой Чимал расстегнул спереди свое одеяние и засунул за пазуху столько пакетов еды, сколько смог. Потом он откупорил сосуд с водой, напился и выбросил пустую посудину. Полный сосуд он возьмет с собой. Теперь оставалась единственная проблема — что делать с машиной? Если оставить ее у начала шахты, наблюдатели поймут, куда он направился, и погонятся за ним. Сумеет ли он ускользнуть от многих преследова-

телей? Нельзя ли заставить машину двигаться самостоятельно? В конце концов, она сможет ехать вперед, пока кто-то или что-то нажимает на рычаг. Чимал окинул взглядом внутренность машины. Можно было бы привязать рычаг — но не к чему. Как насчет распорки? Чимал подергал соседнее сиденье: оно держалось не так уж крепко. Тогда, нажимая на рычаг одной рукой, он осторожно выпрямился, уперся в спинку сиденья и нажал — сильнее, еще сильнее: в кресле что-то треснуло, и оно опрокинулось. Да, если им заклинить рычаг, все получится замечательно. Опустившись на сиденье водителя, он увидел перед собой следующую лестницу.

Чимал выпрыгнул из машины раньше, чем она окончательно остановилась. Он бросил сосуд с водой и орудие для убийства к подножию лестницы и занялся сломанным сиденьем. Машины преследователей пока не было видно, но гудение нарастало. Он повернул кресло так, чтобы его спинка упиралась одним концом в сиденье водителя, а другим — в рычаг. Машина рванулась вперед, чуть не сбив его с ног, но замедлила движение и остановилась: распорка выскользнула из нужного положения. Под приближающийся шум второй машины Чимал бросился исправлять

свое устройство.

На этот раз он развернул кресло так, чтобы его сиденье всей тяжестью давило на рычаг, и поспешно отскочил. Сердито взревев, машина устремилась вперед и помчалась по туннелю со все возрастающей скоростью. Чимал не стал смотреть, что будет с ней дальше: пригнувшись, он метнулся к лестнице — преследователи были уже совсем близко. Прижав одной рукой к груди весь свой скарб, Чимал полез по лестнице так быстро, как только мог.

Он едва успел скрыться в шахте, как внизу промелькнула вторая машина. Чимал замер, затаив дыхание, и прислушался, не остановятся ли преследователи. Звук двигателя делался тише и тише, а затем и вовсе затих вдали. Они не заметили его и не остановились. К тому времени, когда они поймут, что произошло, он будет уже далеко. Они не смогут определить, каким выходом он воспользовался, и это еще больше увеличит его шансы на благополучное бегство. Медленно, преодолевая одну ступеньку за другой, Чимал выбрался на небо.

Вылезая из отверстия, он ощутил жар намного более сильный, чем было ему привычно.

В испуге он обернулся: на него катился пылаю-

щий шар солнца.

4

Чимал застыл, наполовину высунувшись из шахты; на мгновение его охватил панический страх. Однако испуг прошел, когда он осознал, что жар не усиливается и солнце не приближается к нему. Оно двигалось, конечно, но медленно — так, чтобы пересечь небо за половину суток. Жару вполне можно выдержать, и он успеет убраться с дороги светила прежде, чем оно приблизится. Точным движением он забросил свою ношу на поверхность неба, вылез и закрыл за собой люк. Приходилось отворачиваться от солнца: его свет был ослепителен. Взяв сосуд с водой в одну руку, а орудие для убийства — в другую, Чимал повернулся и направился к северной оконечности долины — туда, где под скалами проходили потайные коридоры наблюдателей. Его тень, черная и длинная, бежала перед ним, указывая дорогу.

Теперь, когда он немного привык к происходящему, все это было ему интересно: такого подъема он не испытывал никогда в жизни. Он шел по широкой голубой равнине. Она окружала его со всех сторон, плоская и бесконечная, плавно

загибающаяся кверху вдали. Над ним, где в обычном мире полагалось бы быть небу, находилась долина. Остроконечные вершины гор нависали справа и слева и пересекались впереди. У него под ногами была твердь, прочная скала, теперь он знал это точно; его больше не пугало, что его мир, мир, в котором он вырос, единственный, известный ему еще совсем недавно, теперь висит над ним всей своей чудовищной тяжестью. Он — муха, ползущая по небесному потолку, посматривая сверху на несчастных узников долины.

Отойдя на достаточное расстояние от солнца, Чимал устроил привал: уселся на голубую небесную твердь, открыл сосуд с водой и напился. Запрокинув голову, он смотрел на пирамиду с храмом на вершине — они находились прямо у него над головой. Поставив сосуд рядом с собой, Чимал растянулся на спине, закинув руки за голову и рассматривая свою родную землю. Если очень постараться, можно даже различить крестьян, работающих в поле. Посевы маиса выглядели зелеными и пышными: скоро наступит время жатвы. Жители долины занимались своими обычными делами, жили своей обычной жизнью, не подозревая о том, что являются узниками. Почему все так устроено? А их надзиратели

— сами пленники своих похожих на термитники туннелей, — почему они тайком наблюдают за жителями долины? Да еще эти странные рассуждения девушки о Великом Создателе…

Да, он точно видит крошечные фигурки, идущие с полей в Квилапу. Интересно, а они могут его разглядеть? Чимал помахал руками — может, увидят? Что они подумают? Наверное, решат, что это какая-то птица. А не выцарапать ли ему свое имя металлическим орудием на поверхности неба — соскрести голубизну, чтобы стала видна скала? «ЧИМАЛ» — висящие в небе буквы, неподвижные и неизменные. Ну-ка, пусть жрецы попробуют это объяснить!

Смеясь, он встал и поднял свое имущество. Теперь еще больше, чем раньше, ему хотелось понять смысл всего. Ведь должна же существовать причина! Чимал тронулся в путь.

Он с интересом посмотрел наверх: проходил как раз над скальным барьером, замыкающим долину. Тот выглядел достаточно впечатляюще, если не считать того, что отсюда огромные камни казались мелкой галькой. За скалами долина обрывалась, дальше не было ничего, кроме серого камня, слагающего горные пики. Чимал разгадал уловку: чтобы создать иллюзию расстояния,

дальние горы были сделаны меньшими, чем те, что непосредственно примыкали к долине. Чимал миновал их, высматривая, что же лежит за горами, но вскоре его продвижение замедлилось: теперь приходилось карабкаться по склону.

Сначала подъем был еле заметен, но крутизна быстро нарастала, и Чимал сначала должен был сильно наклониться вперед, а потом и встать на четвереньки, чтобы удержаться на склоне. Поверхность перед ним изгибалась самым невообразимым образом: там, где небо встречалось с землей, пройти было нельзя. Чимала охватил ужас, он представил себя вечным пленником бесплодной пустыни неба. В панике он все же сделал попытку взобраться выше, но напрасно: гладкая поверхность была скользкой, и удержаться на ней он не смог. Съехав обратно, Чимал некоторое время лежал неподвижно, пока страх не отпустил его. Нужно было придумать выход из этой западни.

Идти вперед он не может — это ясно; однако всегда есть возможность вернуться туда, откуда пришел, — стало быть, ловушка еще не захлопнулась. А если пойти налево или направо? Чимал повернулся и посмотрел на запад: небо там поднималось все выше и выше, пока не смыкалось

с горами над головой. Тут он вспомнил, что тоннель, от которого отходят шахты, ведущие на поверхность неба, казался изгибающимся кверху, хотя на самом деле был прямым. Похоже, во внешнем мире существует два направления вверх: настоящее и кажущееся. И Чимал поднял сосуд с водой и орудие для убийства и направился к горам.

Это оказалось кажущееся направление вверх: он шел будто внутри гигантского колеса, которое поворачивалось ему навстречу. «Низ» был всегда у него под ногами, а горизонт неуклонно приближался. Горы, нависавшие над ним, когда он тронулся в путь, теперь стали похожи на навес с зубчатым краем, разделяющий небо и долину посередине. С каждым его шагом горы как будто опускались ниже, пока наконец их вершины не оказались прямо впереди, устремленные на него, как огромные кинжалы.

Когда он поравнялся с ближайшей горой, оказалось, что она лежит на боку, примыкая к поверхности неба, и еле доходит ему до плеча. Чимал уже ничему не удивлялся, этот день сюрпризов притупил его чувства. Вершина горы была покрыта каким-то белым веществом — похоже, тем же самым, что и небесная твердь, только

другого цвета. Чимал влез на острие горного пика, лежащего на поверхности неба, и пошел по нему к подножию горы. Белизна под ногами кончилась, дальше была обычная скала. Что бы это значило? Он мог видеть долину теперь уже не над собой, а как бы подвешенную за краешек посередине расстояния до зенита. Чимал закрыл глаза и попробовал представить себе, как это место выглядело бы из долины. Если смотреть от подножия утесов за Заачилой, то поверх пирамиды будут видны ограничивающие долину скалы, а за ними все более далекие могучие горы, столь высокие, что на их вершинах снег не тает круглый год. Снег! Чимал открыл глаза, посмотрел на блестящее белое вещество и расхохотался. Так он на заснеженной вершине! Если его видят из долины, он должен казаться каким-то сказочным гигантом.

Чимал пошел дальше, пробираясь между этих странных лежачих гор, пока не оказался у отверстия в скале со знакомыми, уходящими вглубь металлическими ступенями. Еще один вход в туннель.

Он сел рядом и глубоко задумался. Что ему делать дальше? Это, несомненно, вход в лабиринты наблюдателей, в ту их часть, где он еще

не бывал, поскольку сейчас находился на противоположном конце долины от скальной двери. Ему придется спуститься туда, никуда от этого не денешься, ведь в голых скалах спрятаться негде. Даже если он и найдет укрытие, его запасы пищи не безграничны. Мысль о еде разбудила в нем чувство голода. Чимал достал пакет и вскрыл его.

Хорошо, он спустится вниз, а что потом? Он был одинок, как никогда. Жители долины убили бы его, как только увидели, — хотя, пожалуй, предпочли бы захватить живьем, чтобы дать жрецам возможность сделать его смерть медленной и мучительной. А главный наблюдатель объявил его несуществующим, а значит, мертвым, и его подручные старались изо всех сил привести Чимала в это состояние. Но ведь им это не удалось! Даже их оружие, их машины и все их знания не помогли им! Он ускользнул от них, он был свободен — и намеревался оставаться таковым. Но для этого нужно было составить план.

Во-первых, он спрячет еду и воду здесь, в этих скалах. Потом он спустится в туннель и начнет шаг за шагом обследовать пещеры, чтобы выведать, насколько удастся, секреты наблюдателей. Это, конечно, был не такой уж великолепный план, но ведь и выбора у него, по сути, не оста-

валось.

Придя к такому решению, Чимал спрятал припасы и пустую обертку от пакета с едой и откинул крышку люка. Высеченный в скале коридор начинался сразу под отверстием шахты. Чимал осторожно двинулся вперед и вскоре попал в более широкий туннель с двумя рельсовыми путями посередине. Машин не было ни видно, ни слышно. Выбирать было не из чего, и Чимал, держа оружие наготове, пошел направо, в сторону оконечности долины. Он был на виду, и это ему не нравилось; он быстро преодолел прямую часть коридора, передвигаясь между рельсами трусцой, и свернул в первое же ответвление. Этот проход привел его к металлической винтовой лестнице, уходившей вниз, вглубь скалы. Чимал стал спускаться, стараясь идти быстро, хотя голова его кружилась от бесконечных поворотов.

Вскоре Чимал услышал гул, становившийся громче по мере того, как он спускался. Дойдя до конца лестницы, он оказался в сыром туннеле, по дну которого струилась вода; гул превратился в оглушительный рев. Чимал осторожно продвигался вперед, держась стены; коридор вывел его в высокую пещеру, заполненную огромными металлическими сооружениями: они и были

источником лавины звуков. Назначение их было Чималу непонятно. Гигантские круглые секции уходили ввысь сквозь камень потолка; из одной сочилась вода, ручейком убегавшая в туннель. Притаившись у входа в пещеру, Чимал с безопасного расстояния разглядывал непонятные конструкции. В дальнем и лучше освещенном конце зала перед доской с рядами маленьких блестящих предметов спиной к Чималу сидел человек. Оставаясь незамеченным, Чимал нырнул обратно в туннель и пошел по нему в противоположную сторону, миновав металлическую лестницу. Прежде чем вернуться на более высокий уровень, нужно выяснить, куда ведет этот коридор.

Рев понемногу стихал, и теперь Чималу стал слышен откуда-то спереди шум льющейся воды. Туннель вел в сплошную тьму. Чимал осторожно выбрался из туннеля на карниз, нависающий над этой чернотой. Ряд светильников, уходивший влево, отражался в темной поверхности, и Чимал понял, что перед ним огромное подземное озеро. Издалека по-прежнему доносилось журчание, а мелкие волны играли бликами на водной глади. Пещера, в которой находилось озеро, была огромной, эхо падающей где-то воды отражалось

от стен и, казалось, звучало со всех сторон. Куда он попал? Чимал мысленно попытался восстановить пройденный путь, вспомнить все повороты и оценить расстояние. Он спустился глубоко вниз, шел сначала на север, затем на восток. Конечно! Если сопоставить его маршрут с расположением долины, то окажется, что подземное озеро лежит под болотом на северной ее оконечности. Вот куда стекает вода! А те огромные сооружения в зале перекачивают воду по трубам обратно к водопаду. Интересно, куда ведет проход, освещаемый светильниками слева от озера? Чимал решил выяснить это.

В каменной стене пещеры был высечен уступ; над ним светили редкие огни. Скала под ногами была влажной и скользкой, Чимал шел осторожно. Уступ охватывал четверть окружности озера и кончался у нового туннеля. Чимал почувствовал, что смертельно устал. Стоит ли идти дальше? Не разумнее ли вернуться туда, где он спрятал еду и воду? Однако тайна этих пещер манила его вперед. Куда ведет новый туннель? Чимал вошел в него. Здесь было еще более сыро, хотя в остальном этот коридор был похож на другие: те же равномерно расположенные светильники на потолке. Впрочем, нет: впереди на месте од-

ного из светильников чернела брешь, похожая на дырку от выбитого зуба. Дойдя до нее, Чимал обнаружил, что, хотя сам светильник есть, огонь ушел из него. Такое он видел впервые. Может быть, этим туннелем редко пользуются и еще не обнаружили неполадку? Проход заканчивался у новой винтовой лестницы; Чимал полез вверх и очутился в маленькой комнатке с дверью в одной стене. Приложив ухо к двери, он ничего не услышал; тогда он чуть-чуть приоткрыл ее и заглянул в щелку.

Его взору открылась самая большая пещера из всех виденных, пустая и тихая. Гулкий звук его шагов лишь подчеркивал ее невероятные размеры. Пещера была освещена значительно более скудно, чем туннели, но света вполне хватало, чтобы Чимал смог оценить ее величину и разглядеть роспись, покрывающую стены. Изображения были странно живыми: люди, невероятные животные, какие-то непонятные металлические предметы. Все они были устремлены в едином порыве застывшего движения к находящейся в дальнем конце пещеры двери, охраняемой с обеих сторон золотыми статуями. На изображенных на картине людях была необычная, фантастическая одежда, и даже кожа у них была разных

цветов, однако все они двигались к общей цели. Это безмолвное движение захватывало и влекло за собой. Прежде чем пойти к двери, Чимал огляделся.

Другой конец пещеры был перекрыт нагромождением огромных камней, по какой-то причине показавшихся Чималу знакомыми. Как это может быть? Он ведь никогда раньше здесь не бывал. Чимал подошел поближе. Увиденное очень напомнило ему скальный барьер, запирающий его долину.

Конечно! Перед ним та же самая преграда, только с другой стороны. Если убрать каменные глыбы, выход из долины будет открыт, и Чимал нисколько не сомневался в том, что те же силы, которые прорубили туннели в скалах и создали солнце, освещающее долину, могли быть использованы для разрушения барьера. Со стороны долины казалось, что выхода нет: проход замурован скалами. Возможно ли, чтобы легенда оказалась правдой? Придет день, путь вновь будет свободен, и люди устремятся по нему. Куда? Чимал обернулся и посмотрел на высокую дверь в дальнем конце пещеры. Куда она ведет?

Он прошел между двумя большими золотыми фигурами — мужчины и женщины, — обрамляв-

шими портал, и двинулся дальше по проходу. Этот туннель был широким и прямым, на стенах блестели золотые украшения. Из него вело множество дверей, но Чимал не стал заглядывать в них: это может подождать. Безусловно, за дверями скрывается множество интереснейших вещей, но не ради них был прорублен этот коридор. Главное лежало впереди. Чимал шел все быстрее и быстрее, почти бежал. Туннель заканчивался двойными золотыми дверями. Казалось, за ними нет ничего, кроме тишины.

Со странным стеснением в груди Чимал распахнул двери. Перед ним лежал огромный зал, почти такой же большой, как пещера с росписью, но только ничем не украшенный и темный, освещенный лишь отдельными редкими светильниками. Задняя и боковые стены зала были на месте, а передняя отсутствовала: перед Чималом открылся вид ночного звездного неба.

То не было небо, которое Чимал видел раньше. Не было ни луны, ни близкого горизонта, ограниченного стенами долины. Только звезды, звезды, несметное число их, накрывшие его словно волной! Знакомые созвездия, если они и были здесь, затерялись среди бесконечности других светил, бесчисленных, как песчинки в пустыне. И звезды

перемещались, словно укрепленные на ободе гигантского колеса. Маленькие тусклые звездочки, звезды, подобные пылающим разноцветным факелам, — чистые и немигающие светила, совсем не такие, как звезды в небе над долиной.

Что все это могло означать?

С непонятным трепетом Чимал пошел вперед, пока не наткнулся на какое-то холодное невидимое препятствие. Он прикоснулся к нему рукой и вдруг понял, что перед ним то же прозрачное вещество, из которого был сделан экран у машины. Страх его исчез. Значит, вся эта стена — огромное окно, выходящее — куда? Закругленное окно выдавалось вперед, и когда Чимал приблизил лицо к самой его поверхности, он увидел, что звезды заполняют небо справа и слева, сверху и снизу. У Чимала закружилась голова, ему показалось, что он падает в эту звездную бездну. Он оперся рукой о твердый прозрачный материал, но в его непривычном холоде было что-то такое зловещее, что он поскорее отстранился. Может быть, это небо над другой долиной? Если так, то где же сама долина?

Чимал в смятении отступил, напуганный новой неизвестностью. В этот момент до его слуха донесся слабый звук.

Шаги? Он сделал попытку развернуться, но орудие для убийства неожиданно было вырвано у него из рук, и он отлетел к холодной поверхности окна. Перед ним стояли главный наблюдатель и еще трое; все они были вооружены, все держали его на прицеле.

— Ты наконец достиг конца, — произнес главный наблюдатель.

Звезды

Данфе тогуй тогуй
Хин хамби тегу.
Ндахи тогуй тогуй
Хин хамби тегу.
Нбуй тогуй…
Хин хамби пенгуй!

Река течет, течет
И не знает преград.
Ветер веет, веет
И не знает преград.
Жизнь проходит…
Что о том жалеть!

1

Чимал расправил плечи, готовый встретить смерть. Слова предсмертной молитвы сами пришли ему на память, и он произнес первые фразы, прежде чем осознал это. Он готов был вырвать свой предательский язык и твердо сжал непо-

слушные губы. Не существовало богов, которым можно было бы молиться; мир был совсем незнакомым местом.

— Я готов убить тебя, Чимал, — раздался сухой и бесстрастный голос главного наблюдателя.

— Ты узнал мое имя и теперь признаешь мое существование, но все равно хочешь меня убить. Почему?

— Я задам тебе вопрос, и ты на него ответишь, — не обращая внимания на его слова, продолжал старик. — Мы слушали разговоры жителей долины и многое узнали о тебе — кроме самого главного. Твоя мать не может сказать это нам — она мертва…

— Мертва! Как это случилось? Почему?

— Ее казнили вместо тебя, когда узнали, что она тебя освободила. Гнев жрецов был велик. А она, казалось, была рада смерти и умерла с улыбкой на губах.

Да, они следили за происходящим в долине, очень внимательно следили. Мама…

— Прежде чем умереть, она сказала очень важную вещь. Она утверждала, что в случившемся виновата она, согрешившая двадцать два года назад, а тебя винить не следует. Знаешь ли ты, что она имела в виду?

Так, значит, она умерла. Но Чимал чувствовал себя настолько отстраненным от своей жизни в долине, что боль утраты оказалась слабее, чем он ожидал.

— Говори! — приказал главный наблюдатель. — Знаешь ли ты, что она хотела этим сказать?

— Знаю, но тебе не скажу. Ты не испугаешь меня угрозой смерти.

— Ты глупец. Отвечай немедленно: почему она сказала «двадцать два года назад»? Имел ли ее грех отношение к твоему рождению?

— Да, — ответил Чимал удивленно. — Откуда ты узнал?

Старик нетерпеливо замахал руками:

— Отвечай мне и не лги, ибо это самый важный вопрос, который тебе когда-либо будет задан. Скажи мне, как звали твоего отца?

Наступила мертвая тишина — спутники главного наблюдателя наклонились вперед в ожидании ответа, забыв об оружии, которое сжимали в своих руках. Почему бы и не сказать им? Какое теперь значение имеет нарушенное табу?

— Моим отцом был Чимал-Попока из Заачилы.

Эти слова, казалось, нанесли старику удар. Он зашатался и сделал шаг назад, два человека

кинулись ему на помощь, бросив оружие на пол. Третий встревоженно смотрел на главного наблюдателя; его собственное оружие для убийства и то, которое они отобрали у Чимала, были обращены дулами вниз. Чимал напрягся: сейчас был подходящий момент, чтобы завладеть оружием и скрыться.

— Но… — хрипло прошептал старик. — Наблюдатель Стедфаст, немедленно бросьте оружие!

Человек, как и было ему велено, наклонился и положил оружие на пол. Чимал сделал было шаг к двери, но остановился.

— Что все это значит?

Старик оттолкнул своих помощников и что-то сделал с одним из свисающих с пояса приспособлений. Его металлическая портупея расправилась и выпрямила тело старика, давая ему опору.

— Это значит, что мы приветствуем тебя, Чимал, и просим присоединиться к нам. Сегодня радостный день — день, до которого никто из ныне живущих не надеялся дожить. Пусть твое присутствие даст силу тем, в ком крепка вера, и да поможешь ты нам достичь мудрости.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказал окончательно сбитый с толку Чимал.

— Нам предстоит многое рассказать тебе, так

что давай начнем сначала.

— Что это за звезды? Вот что я хочу сначала узнать.

Старик кивнул и улыбнулся:

— Вот ты и начал вести нас к мудрости. Звезды — это действительно начало, как ты уже понял. — (Остальные тоже кивнули.) — Там, снаружи, Вселенная, и звезды в ней — те самые, о которых тебе говорили жрецы, ибо то, чему они учили, правда.

— И о богах тоже? Но ведь в тех рассказах — все ложь.

— Снова ты пришел к истине без посторонней помощи. Нет, конечно, ложные боги не существуют — они легенда, придуманная для того, чтобы управлять простым народом. Существует единственный бог — Великий Создатель — Отец всего сущего. Я говорил не о сказках про Хицилапочтли и Коатлики; остальное, чему жрецы учат в школе, — правда.

Чимал рассмеялся:

— Так, значит, то, что солнце — шар пылающего газа в пустоте, — правда? Я сам видел солнце вблизи и касался рельсов, по которым оно движется.

— И все-таки это правда, просто жрецы, сами то-

го не подозревая, передают знания не о том мире, в котором живут. Слушай — и истина откроется тебе. Настоящее Солнце — такая же звезда, как и остальные — те, что ты видел в иллюминатор, — и вокруг него совершает свой вечный путь Земля. Мы все происходим с Земли, но покинули ее ради вечной славы Великого Создателя. — При этих словах наблюдатели прошептали короткую молитву и коснулись своих деусов. — И разве не заслуживает Он нашей хвалы — ты только подумай о Его деяниях! Он видел многие миры, вращающиеся вокруг Солнца, и крошечные корабли, построенные людьми для сообщения между ними; как ни быстры эти корабли — мы даже и представить себе не можем, как они быстры, — на путь от одной планеты к другой уходят недели и даже месяцы. Но расстояния между планетами ничтожны в сравнении с бездной, разделяющей солнца. Самый быстрый из человеческих кораблей затратил бы тысячу лет, чтобы добраться до ближайшей звезды. Людям это известно, и они отказались от всякой надежды на межзвездные путешествия, на чудеса других миров, вращающихся вокруг других светил. Но то, что недоступно слабому человеку, свершил Великий Создатель: он построил этот мир и по-

слал его путешествовать между звездами…

— О чем ты говоришь? — перебил его Чимал, охваченный внезапным страхом — страхом, смешанным с ликованием.

— О том, что мы — путешественники внутри каменного мира, летящего сквозь пустоту от звезды к звезде. Наш мир — огромный корабль, пересекающий невообразимые просторы космоса. Он полый, и в самой его сердцевине находится долина, а в долине живут ацтеки — пассажиры корабля. Пока не пробьет час, это путешествие для них — нераскрытая тайна, они проводят свои счастливые дни в покое и неведении под лучами благословенного солнца. Мы существуем для того, чтобы оберегать и направлять их, и мы с честью выполняем свой долг.

Словно в подтверждение его слов, раздался низкий звук гонга — удар, еще удар. Наблюдатели подняли свои деусы и с третьим ударом все дружно нажали на торчащие стержни — к числу в углублениях добавилась единица.

— И вот еще один день позади, — произнес нараспев главный наблюдатель, — и мы еще на один шаг ближе к Дню прибытия. Мы верны Великому Создателю все дни нашей жизни.

— Все дни нашей жизни, — как эхо повторили

наблюдатели.

— Кто я? — спросил Чимал. — Почему я не такой, как все?

— Ты дитя, которому мы поклялись служить, ты цель самого нашего существования. Разве не записано, что дети будут вести за собой? Что настанет День прибытия, барьеры падут, а люди долины получат свободу? Они придут сюда, увидят звезды и наконец-то познают истину. В этот день Коатлики будет уничтожена у них на глазах, и они станут любить друг друга, браки между жителями одной деревни будут запрещены, и мужчинам будет позволено брать в жены женщин только из другой деревни.

— Моя мать и мой отец…

— Твои отец и мать слишком рано удостоились благодати и родили истинного сына Дня прибытия. В своей неизреченной мудрости Великий Создатель повелел ацтекам смиренно сеять и собирать урожай и жить в неведении в своей долине. Так оно и было. Но когда День прибытия станет близок, Он одарит их детьми, которые пойдут путями, немыслимыми для родителей, прочтут книги, ожидающие прочтения, и будут готовы покинуть долину навеки.

Конечно! Чимал не знал, откуда у него это зна-

ние, но не сомневался в том, что слова главного наблюдателя — правда. Только он один не принял долину с ее неизменностью, только он один восстал против бессмысленного существования, он один искал выход. И нашел его. Он был иным и всегда знал это и стыдился. Теперь ему стыдиться было нечего. Он расправил плечи и оглядел собравшихся.

— У меня много вопросов.

— На все свои вопросы ты получишь ответы. Мы расскажем тебе обо всем, что нам известно, а потом ты пойдешь туда, где тебя ожидает великое знание. И тогда ты станешь нашим учителем.

Чимал громко и радостно рассмеялся:

— Так у тебя больше нет желания убить меня?

Главный наблюдатель склонил голову:

— Это была моя ошибка, и я молю тебя простить меня: я совершил ее по неведению. Ты можешь убить меня, если хочешь.

— Не торопись умирать, старик, тебе еще многое предстоит мне рассказать.

— Это правда. Итак, начнем.

2

— Что это? — спросил Чимал, с подозрением глядя на источающий пар коричневый кусок мяса на тарелке перед ним. — Я не знаю животного достаточно крупного, чтобы получить так много мяса.

Недоверчивый взгляд, которым он одарил главного наблюдателя, красноречиво говорил о том, что одно такое живое существо ему известно.

— Это называется бифштекс, и сегодня он изготовлен из самой лучшей вырезки — такой мы едим только по праздникам. Конечно, если захочешь, ты можешь есть его и каждый день — мясохранилище справится.

— Я не знаю такого животного — мясохранилище.

— Позволь мне показать.

Главный наблюдатель что-то переключил в телевизоре на стене. Его личные апартаменты, где они с Чималом обедали, вовсе не были столь аскетически безликими, как комнаты рядовых наблюдателей. Откуда-то лилась музыка, стены были украшены картинами, пол покрывал пушистый ковер. Чимал, отмытый и побрившийся при

помощи крема-депилятора, сидел в мягком кресле перед роскошно накрытым столом — и перед тарелкой с людоедски большим куском мяса.

— Опиши свою работу! — приказал главный наблюдатель человеку, появившемуся на экране телевизора.

Человек поклонился:

— Я смотритель продовольствия, и бóльшая часть моей работы заключается в заботе о мясохранилище. — Он отступил в сторону и показал на большой бак. — Здесь в питательной жидкости растут съедобные части животных, по воле Великого Создателя. Мы следим за тем, чтобы питательные вещества поступали бесперебойно и ткани хорошо росли — это дает возможность срезать необходимое количество мяса для питания.

— Получается, что эти части животных бессмертны, — задумчиво произнес Чимал, когда экран погас. — Хотя какие-то куски идут в пищу, сам орган никогда не умирает. Интересно, что это было за животное?

— Я никогда не задумывался о бессмертии мясохранилища. Благодарю тебя, Чимал. Я теперь хорошенько изучу этот вопрос — он представляется важным. Животное называлось «корова» — это все, что я знаю.

Чимал нерешительно проглотил кусочек, потом еще и еще. Ничего вкуснее ему пробовать не доводилось.

— Единственное, чего здесь не хватает, — это чили, — произнес он вполголоса.

— Завтра будет, — пообещал главный наблюдатель, делая пометку.

— Так ведь этим же мясом вы кормите и стервятников! — На Чимала снизошло прозрение.

— Да. Худшими кусками. В долине недостаточно дичи, чтобы стервятникам хватало падали, так что мы обеспечиваем им пропитание.

— Но зачем они вообще нужны?

— Такова воля Великого Создателя.

Уже не первый раз Чимал получал такой ответ на свой вопрос. По дороге в апартаменты главного наблюдателя он спрашивал и спрашивал, наблюдатели ничего от него не скрывали, но ему часто казалось, что во многом они так же невежественны, как и ацтеки. Он не стал высказывать это подозрение вслух. Ему так много еще предстоит узнать!

— Насчет стервятников понятно. — Внезапно воспоминание о смертоносном потоке змей и скорпионов ожило в Чимале. — Но есть еще и другая нечисть: когда Коатлики входила в туннель,

из него выползли гремучие змеи и скорпионы. Это-то зачем?

— Долг наблюдателя — быть безжалостным, когда нужно. Если у человека слишком много детей — он плохой отец, потому что не в состоянии обеспечить их пищей и дети голодают. То же самое и с долиной — если ее население излишне увеличится, еды на всех не хватит. Поэтому, когда число жителей начинает превышать определенный предел, специально рассчитанный по таблицам, в долину выпускается больше змей и насекомых.

— Но это ужасно! Ты хочешь сказать, что вы специально выращиваете этих ядовитых тварей, чтобы убивать людей?

— Иногда бывает очень трудно принять правильное решение. Поэтому-то наблюдателей учат быть сильными и стойкими, верными предначертаниям Великого Создателя.

На это нечего было ответить. Чимал ел и пил — на столе перед ним было так много вкусных вещей — и пытался осмыслить все то, что узнал. Он показал на ряды книг на стене комнаты и спросил:

— Я попытался прочесть что-нибудь в твоих книгах, но это трудно — я не знаю многих слов.

Нет ли где-нибудь более простых книг?

— Конечно есть — я должен был подумать об этом сам. Я стар, и память начинает изменять мне.

— Позволь тебя спросить… Сколько тебе лет?

— Я вступил в свой сто девяностый год. Если Великому Создателю будет угодно, я надеюсь увидеть и свое двухсотлетие.

— Твой народ живет много дольше, чем мой.

— Каждый из нас в течение своей жизни должен сделать гораздо больше, чем простой крестьянин, поэтому долголетие — награда за труды. Специальные машины и лекарства помогают нам сохранять силы. А кроме того, наши тела защищают и поддерживают экзоскелеты. Мы рождаемся для того, чтобы служить, и чем дольше наша жизнь, тем больше мы успеваем сделать.

И снова Чимал предпочел оставить свои мысли при себе.

— А те книги, о которых ты говорил…

— Да, конечно. После сегодняшней службы я отведу тебя туда. Вход разрешен только наблюдателям, чей ранг позволяет им носить красные одежды.

— Поэтому и меня одели в красное?

— Да. Думаю, что это разумно. Это свидетельствует о твоем высоком положении, подобающем Первопроходцу, и все будут почитать тебя.

— Пока ты будешь присутствовать на службе, я хотел бы увидеть помещение наблюдателей — то, откуда видна долина.

— Мы пойдем туда сейчас, если ты готов. Я отведу тебя сам.

Совсем другое дело — идти по туннелям, ничего не боясь. Теперь перед ним, одетым в красные одежды и сопровождаемым главным наблюдателем, все двери были открыты, а все встречные приветливы и почтительны. Наблюдательница Стил ждала их у входа в зал.

— Я пришла просить прощения, — сказала она Чималу, опустив глаза. — Я не знала, кто ты такой.

— Никто из нас не знал, наблюдательница, — ответил ей главный наблюдатель, касаясь висящего у нее на шее деуса, — но это не означает, что мы избегнем наказания: грех по неведению все равно остается грехом. Ты будешь носить пояс смирения тридцать дней, и носить его с радостью.

— Да, буду… — Ее глаза лихорадочно блестели, руки были стиснуты на груди. — Через боль при-

ходит очищение.

— Да благословит тебя Великий Создатель, — сказал старик, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Покажи мне, как вы работаете, — попросил Чимал девушку.

— Я благодарна тебе за честь, которую ты мне оказываешь.

Она ввела его в большую круглую комнату со сводчатым потолком, все стены которой были заняты экранами, установленными на уровне глаз. Перед экранами сидели наблюдатели с наушниками; иногда они что-то говорили в висящие перед ними микрофоны. В центре комнаты находилось возвышение с установленным на нем экраном.

— Здесь сидит главный наблюдатель, — объяснила Стил, показывая на возвышение. — Он руководит работой остальных. Подымись сюда, и я покажу тебе, как это делается.

Чимал сел на стул перед экраном, и наблюдательница принялась показывать ему, как управлять механизмами.

— При помощи этих кнопок ты выбираешь камеру, изображение с которой хочешь увидеть. Камер сто тридцать четыре, каждая из них имеет собственный код, и любой наблюдатель обязан

знать все коды наизусть, чтобы немедленно вызвать нужный. На обучение этому уходят годы. Изображение чего ты желаешь увидеть?

— Есть ли камера, показывающая озеро у водопада?

— Есть. Ее номер шестьдесят семь. — Девушка нажала какие-то кнопки, и на экране появилось озеро — такое, каким оно было бы видно с высоты за водопадом. — Чтобы слышать звуки, нужно сделать так.

Новое нажатие кнопки, и стал слышен плеск воды и пение птицы в деревьях. Изображение было четким и передавало все оттенки цвета — как будто он смотрел на долину сквозь прорубленное в скале окно.

— Камера укреплена снаружи или внутри скалы?

— Большинство камер установлено за отверстиями в камне, чтобы их нельзя было обнаружить, хотя, конечно, многие замаскированы внутри храмов. Вот смотри.

Озеро исчезло с экрана, и Чимал увидел Ицкоатля, спускающегося по широким ступеням храмовой лестницы.

— Это новый верховный жрец. Как только он прошел посвящение, огласил положенные мо-

литвы и принес жертвы, мы позволили солнцу подняться. Смотрители солнца всегда радуются возможности остановить светило на денек — им редко выпадает такой хороший шанс для осмотра и регулировки.

Чимал сам стал нажимать кнопки, выбирая номера камер наугад и задавая их умной машине. Как оказалось, камеры были установлены в скалах вокруг всей долины, а одна даже вмонтирована в небо — она давала панорамный обзор долины; поворачивая ее и включая увеличение, можно было в деталях рассмотреть любую точку, хотя, конечно, без звукового сопровождения.

— Там, — сказала Стил, — видны четыре скалы на берегу реки. Они такие крутые, что на них нельзя влезть…

— Я знаю — пробовал.

— …И на вершине каждой установлена сдвоенная камера. Они используются для управления Коатлики в случае непредвиденных обстоятельств.

— Я уже включал одну из них — ее номер двадцать восемь, — сказал Чимал, нажимая соответствующую кнопку. — Да, вот она.

— Как быстро ты запомнил код! — с почтением произнесла наблюдательница. — Мне на это

понадобилось много лет.

— Покажи мне и все остальные помещения, пожалуйста, — обратился Чимал к Стил, поднимаясь с места.

— Как пожелаешь. Здесь все к твоим услугам.

Сначала они отправились в столовую, и там один из служителей усадил их за стол и принес какой-то теплый напиток. Других посетителей столовой служители не обслуживали: еду нужно было брать самим.

— Похоже, что здесь все меня знают, — удивленно произнес Чимал.

— Нам сообщили о тебе на утренней службе. Ты — Первопроходец, таких, как ты, еще никогда не было, и все очень взволнованы.

— Что это за напиток? — спросил Чимал, чтобы переменить тему.

Не так уж приятно было видеть благоговение на ее бледном лице с приоткрытым ртом и покрасневшим носом.

— Напиток называется чай. Как он тебе нравится?

Чимал оглядел большую комнату, наполненную голосами и звоном посуды, и внезапно осознал, чего в ней не хватает.

— А где же дети? По-моему, я вообще еще не

видел здесь ни одного ребенка.

— Мне ничего об этом не известно, — ответила девушка, бледнея еще больше. — Если они существуют, то находятся в детском отсеке.

— Ничего не известно? Странный ответ. Сама-то ты была замужем, наблюдательница Стил? У тебя есть дети?

Ее лицо залилось краской, и со сдавленным писком девушка вскочила и выбежала из столовой.

Чимал допил свой чай и вернулся на обсервационный пост, где и нашел поджидающего его главного наблюдателя. Когда Чимал рассказал ему о непонятном поведении девушки, тот серьезно кивнул:

— Мы с тобой можем это обсуждать, поскольку такие вещи входят в компетенцию главного наблюдателя, но простые служители приучены избегать данной темы. Их жизнь проходит в чистоте и воздержании, они воспитаны так, чтобы быть выше животных отношений между мужчиной и женщиной, обычных для обитателей долины. Они в первую очередь наблюдатели, только во вторую — женщины, а лучшие из них и вовсе себя женщинами не считают. Для них женское тело, которым они наделены от роду, — источник огорчений и неудобств, оно мешает им

в выполнении долга. Вера наблюдателей сильна.

— Похоже на то. Надеюсь, мой вопрос не покажется тебе нескромным, но ведь и наблюдатели должны откуда-то появляться?

— Нас не так уж много, и наша посвященная служению жизнь долга.

— Несомненно. Но все же, если только вы не бессмертны, вам бывает нужно пополнение? Откуда оно берется?

— Из детского отсека. Впрочем, это мелочь. Мы можем продолжить наш обход.

Главный наблюдатель поднялся, но Чимал не был склонен оставить разговор неоконченным.

— Что представляет собой детский отсек? Место, где машины вырабатывают полностью развитые человеческие существа?

— Хотел бы я, чтобы так было. Самая моя неприятная обязанность — присматривать за детским отсеком. Там невозможно навести порядок. Сейчас в детском отсеке четыре матери, хотя одна из них вот-вот умрет. Эти женщины были отобраны потому, что они… ну, они не учились как следует и не могли освоить другие полезные обязанности. Пришлось сделать их матерями.

— А отцы?

— Великий Создатель позаботился об этом. У

нас имеется банк замороженной спермы, и техники знают, как им пользоваться. Неисповедимы Его тайны. Ну, нам пора.

Чимал понял, что больше он сейчас ничего не узнает. Он решил пока не расспрашивать об этом, но о предмете разговора не забыл. Главный наблюдатель вел его тем же путем, каким они шли после того, как прозвучала тревога и наблюдатели захватили Чимала, — через огромный зал, по украшенному золотом коридору. Главный смотритель распахнул перед Чималом двойные двери.

— Здесь все готово с самого начала и ждет тех, кто придет. Ты — первый. Садись в кресло перед экраном и все увидишь.

— Ты останешься со мной?

Впервые на сумрачном лице старика появилась улыбка.

— Увы, нет. Это место — только для Первопроходцев. Моя священная обязанность — заботиться о том, чтобы здесь все всегда было в готовности, но и только.

Он вышел из зала, и дверь закрылась за ним.

Чимал опустился в удобное кресло перед экраном и поискал глазами выключатель. Однако в этом не было необходимости: механизм вклю-

чился сам, вероятно под действием его веса. Экран осветился, и гулкий голос заполнил зал:

— Добро пожаловать! Вы прибыли на Проксиму Центавра.

«ЭРОС — одна из многих крошечных планет, образующих пояс астероидов, которые, за немногими исключениями, вращаются между орбитами Марса и Юпитера. Орбита Эроса весьма необычна: она вытянута и в одной точке почти пересекается с орбитой Земли. Эрос имеет сигарообразную форму, состоит из скальных пород и достигает двадцати миль в длину. Это и легло в основу плана, величайшего плана из всех осуществленных человечеством за его историю. У истоков его стоял человек, которого называли Великим Властителем, но который теперь по праву носит титул Великого Создателя. Кто, кроме него, был бы способен задумать проект, на одну только подготовку к которому ушло шестьдесят лет? И на осуществление которого нужно шесть столетий?

Эрос, приблизившись к Земле, обрел новую судьбу. Крошечные по сравнению с ним корабли, управляемые совсем уж микроскопическими людьми, преодолели безвоздушное пространство, чтобы начать великую работу. Сначала глубоко в скале люди вырубили жилища для себя — ведь

многие из них собирались оставаться здесь всю свою жизнь. Затем настала очередь невероятно огромной полости, в которой должна была поселиться мечта…

БАКИ ДЛЯ ГОРЮЧЕГО так велики, что на их заполнение требуется шестнадцать лет. Какова масса горы в двадцать миль длиной? Она сама и является рабочим телом, горючее нужно для того, чтобы выбрасывать вещество: тогда вся малая планета придет в движение и устремится прочь от Солнца, спутником которого она была миллиарды лет, умчится от него навсегда…

АЦТЕКИ — народ, выбранный после длительных исследований из всех примитивных племен Земли. Простая, самодостаточная культура, с обилием богов, безразличная к благам земным. Культура, оказавшаяся настолько устойчивой, что по сей день существуют затерянные горные деревушки, куда не доберешься иначе чем пешком по узким тропам, обитатели которых ведут такую же жизнь, как и много столетий назад, когда испанские конкистадоры завоевывали континент. Выращивая единственный злак — маис, они посвящают этому почти все свое время; маис в основном удовлетворяет их потреб-

ности в пище. Стол ацтеков преимущественно вегетарианский, с небольшими добавками мяса и рыбы, когда они доступны; из растения магу изготовляется галлюциногенный напиток. Ацтеки видят богов и духов во всем: в воде, деревьях, скалах. Пантеон богов необыкновенно развит и велик: Тецатлипока, Повелитель небес; Микстек, бог смерти; Миктлатекутли, Повелитель подземного мира и душ умерших. Ацтеки — народ, живущий тяжелым трудом, со своей всепроникающей религией, с совершенной и гибкой культурой. Народ, все особенности жизни которого воспроизведены в созданной внутри астероида долине — все, вплоть до мельчайших, ибо кто может гарантировать, устранение какого элемента культуры безвредно для нее, а какого — приведет к распаду? Поэтому культура ацтеков перенесена в долину в своей целостности — она должна сохраниться на протяжении пяти столетий. Лишь немногие фактические сведения добавлены к знаниям ацтеков: умение писать, основы космогонии. Это понадобится ацтекам, когда путешествие будет закончено и их дети осуществят предначертанное.

ЦЕПИ ДНК — сложные переплетающиеся спирали, состоящие из невообразимо большого числа

звеньев. Они — основа жизни, обеспечивающая правильное строение и функционирование любого органа — от щетинки на ножке блохи до всего организма двадцатитонного кита. На их развитие ушли миллиарды лет, и столетия понадобились для того, чтобы разобраться в их строении. Этот ген отвечает за рыжий цвет волос? Замените его вон тем, и ребенок родится черноволосым. Генная хирургия, генетический отбор, тончайшие операции над мельчайшими кирпичиками жизни — для того, чтобы перестроить живой организм, улучшить, создать новые качества…

ГЕНИАЛЬНОСТЬ — исключительная природная способность к творчеству, высочайший интеллектуальный уровень. Поскольку это врожденное качество, оно определяется генами, цепями ДНК. Гении представлены в значительном количестве в каждом поколении людей, поэтому их ДНК может быть сохранена. Более того, цепи ДНК разных людей могут быть объединены. Дети, рожденные с такой наследственностью, будут гениальны — это гарантировано. Каждый из них, хотя, возможно, гениальность данного индивида окажется скрытой: любая способность, или качество, может быть представлена как доминантным, так и рецессивным геном. Например, пес-отец — чер-

ный, у него ген, ответственный за черный цвет, доминантный, за белый — рецессивный; то же самое относительно собаки-матери. Гены, ответственные за цвет потомства этих родителей, — ЧБ и ЧБ; согласно учению знаменитого Менделя, из них возможны четыре сочетания: ЧЧ, ЧБ, БЧ и ББ, так что если родится четыре щенка, один из них — обладатель сочетания ББ — окажется белым, чего не было в предыдущем поколении. Можно ли искусственным путем превратить доминантный ген в рецессивный? Да, это возможно. Именно это и было проделано применительно к гениальности. Соответствующий ген был связан с геном тупости, и эта комбинация, с некоторым различием, передана двум группам людей. Пока эти группы не смешиваются, их представители ограниченны, пассивны, покорны. Внутри каждой группы поколение за поколением будут рождаться послушные и недалекие дети. И каждый такой ребенок будет нести в себе связанный доминантный ген гениальности, невостребованный и ждущий своего часа. Потом, когда придет день — должный день, — две группы встретятся, смешаются, заключат браки между собой. Цепи падут. Связанный доминантный ген не будет больше рецессивным, он снова станет доминант-

ным. Дети, которые родятся, будут непохожи на своих родителей. Это будут гениальные дети».

Как же много всего нужно усвоить! Пока длилась эта записанная на пленку лекция, Чимал в любой момент мог нажать кнопку, если хотел задать вопрос, — тогда изображение и звук прерывались и машина выдавала список источников, из которых можно почерпнуть необходимые сведения. Иногда это оказывались такие же записанные на пленку лекции, а иногда — указания на определенные книги из библиотеки.

Библиотека была для Чимала целой неисследованной вселенной. Большинство книг в ней хранилось в виде микрофильмов, но были и настоящие переплетенные тома основополагающих трудов. Когда его голова и глаза начинали болеть от напряжения, он принимался бродить по библиотеке, наугад вытаскивая с полки книги и перелистывая их.

До чего же сложным оказалось человеческое тело: прозрачные страницы анатомического атласа, переворачиваясь, открывали ему различные органы, как если бы Чимал видел их в натуре.

А звезды — они действительно гигантские шары пылающего газа. Чимал нашел таблицы с

указанием их размеров и температуры, с описанием туманностей, звездных скоплений, облаков газа. Вселенная была невообразимо велика, а ведь было время, когда он считал ее сплошной скалой!

Оставив в очередной раз книгу по астрономии раскрытой на столе, Чимал откинулся в кресле и потянулся; ему все время приходилось протирать воспалившиеся от напряжения глаза. Теперь он приносил с собой термос с чаем, так что, отдыхая, можно было прихлебывать напиток. Книга раскрылась на изображении великой туманности Андромеды, похожей на гигантское колесо света на фоне испещренного звездами неба. Звезды. Среди них есть одна, которой следовало бы поинтересоваться, — та, имя которой прозвучало, когда начиналось обучение Чимала. Как же она называется? За это время пришлось запомнить так много нового… Проксима Центавра! До нее еще далеко, но Чимал ощутил внезапное желание увидеть цель путешествия своей плененной вселенной. В библиотеке были подробные звездные карты, по ним не так уж трудно найти именно это светило. Надо поискать их в библиотеке, а заодно и размяться: его тело болело от непривычного многочасового сидения за столом.

Как приятно снова пройтись быстрым шагом, даже пробежать несколько шагов по длинному проходу! Сколько же дней минуло с тех пор, как он впервые вошел в обсервационный зал? Он не мог вспомнить точно, а записей не вел. Не обзавестись ли ему деусом, подобно всем остальным? Но уж очень это кровавый и болезненный способ отсчитывать дни. Обычай казался ему бессмысленным, как и многие другие действия наблюдателей, хотя и был столь важен для них. Казалось, причиняя себе ритуальную боль, они наслаждаются ею. Возвращаясь в обсервационный зал, Чимал распахнул массивные двери и вновь увидел межзвездное пространство — столь же впечатляющее, как и при первом знакомстве.

Искать обозначенную на карте звезду в небе было трудно. Прежде всего, созвездия не сохраняли своего относительно постоянного положения, как в небе над долиной: они проплывали перед глазами Чимала в своем вечном величественном шествии. За несколько минут их расположение менялось так же, как в долине со сменой времен года. Едва Чимал успевал найти знакомое созвездие, как оно уже скрывалось из виду, и приходилось начинать все сначала…

Когда в зал вошел главный наблюдатель, Чимал

даже обрадовался предлогу прекратить поиски.

— Прости, что я беспокою тебя…

— Да нет, что ты. У меня ничего не получается с этой картой, только голова разболелась.

— Тогда можно мне попросить тебя о помощи?

— Конечно. В чем дело?

— Ты сам поймешь, когда увидишь. Пойдем.

Лицо главного наблюдателя прорезало еще больше морщин, хотя такое и казалось Чималу уже невозможным. Пытаясь поддерживать разговор, он получал вежливые, но краткие ответы. Старик явно был чем-то очень озабочен. Ну что же, скоро выяснится, что случилось.

Они спустились на уровень, где Чималу еще не приходилось бывать, и сели в ожидающую их машину. Ехать пришлось долго, дольше, чем во все предыдущие разы, и главный наблюдатель всю дорогу молчал. Чимал смотрел на проносящиеся мимо стены и наконец не выдержал:

— Мы далеко едем?

— Да. На корму, к машинному отделению, — кивнул главный наблюдатель.

Хотя Чимал и знакомился с планами расположения различных служб внутри астероида, он все еще ориентировался по тому, как они соотносились с его родной долиной. То, что наблюдатели

называли носом и где находился обсервационный зал, было на севере, далеко за пределами болота. Тогда, значит, корма расположена к югу от водопада, с другой стороны долины. Чималу было интересно увидеть, что же там такое.

Машина остановилась у пересечения с туннелем, и старик подвел Чимала к одной из многих одинаковых дверей; там их ждал человек в красной одежде старшего наблюдателя. Не говоря ни слова, он распахнул перед ними дверь. Это была жилая каюта. К вентиляционной решетке в потолке была привязана веревка с петлей на конце, и в петле висел человек в черном. Позвонки его шеи выдержали, и он умер медленной и мучительной смертью от удушья. Наверное, он провисел уже несколько дней: его тело вытянулось, и ноги почти доставали до пола, рядом с опрокинутым стулом. Наблюдатели отвернулись от этой картины, но Чимал, привычный к виду смерти, смотрел на повешенного достаточно спокойно.

— Что я должен делать? — спросил Чимал, предполагая, что его могли позвать в качестве могильщика.

— Он был помощником смотрителя воздуха и последнее время работал в одиночку, потому что

смотритель воздуха умер, а новый еще не назначен. Книга инструкций здесь, на письменном столе. Похоже, в его хозяйстве возникли какие-то неполадки и он не мог с ними справиться. Глупец вместо того, чтобы сообщить об этом, покончил с собой.

Чимал взял со стола потрепанную, в пятнах машинного масла книгу и пролистал ее. Там были диаграммы, показания приборов, инструкции, которым надлежало следовать. Чимал так и не смог понять, что же так встревожило погибшего техника. Главный наблюдатель показал ему на дверь в помещение рядом, откуда доносился звук зуммера и где все время вспыхивал красный сигнал тревоги.

— Это предупреждение о неисправности. Смотритель воздуха обязан, как только услышит сигнал тревоги, немедленно сделать необходимый ремонт, а потом доложить мне в письменной форме. Я такого отчета не получал.

— Сигнал тревоги все еще звучит. У меня сильное подозрение, что этот техник не смог устранить неисправность, запаниковал и решил уйти в мир иной.

Главный наблюдатель кивнул еще более мрачно.

— Такая неприятная мысль возникла и у меня, когда мне доложили о происшедшем. Я беспокоился с тех пор, как прежний смотритель умер таким молодым, едва достигнув ста десяти лет, и вся ответственность легла на его помощника. Смотритель воздуха никогда не был о нем высокого мнения, и мы собирались подготовить нового смотрителя.

Внезапно до Чимала дошел смысл происходящего.

— Так теперь нет никого, кто знал бы, как исправить неполадку? А речь ведь идет о механизмах, производящих воздух для всех нас?

— Да.

Главный наблюдатель провел Чимала через массивную двойную дверь в большое гулкое помещение. Вдоль стен выстроились высокие резервуары; к основаниям каждого из них были подключены какие-то блестящие аппараты. Толстые трубы уходили в пол, и над всем стоял неумолчный гул и завывание моторов.

— Эти машины снабжают всех воздухом? — спросил Чимал.

— Нет, все совсем не так. Ты можешь прочесть об этом в книге: производство воздуха каким-то образом связано с зелеными растениями, ко-

торые специально для этого выращиваются в оранжереях. Эти механизмы делают с воздухом что-то другое, но тоже очень важное — что именно, я не знаю.

— Не могу обещать, что помогу, но сделаю все, на что окажусь способен. А пока не позвать ли кого-нибудь, кто умеет с этим работать?

— Никто не умеет, конечно. Никому и в голову не придет делать что-то, кроме предписанного. Вся ответственность на мне. Я просматривал эту книгу, но многое в ней мне непонятно. Я стар, слишком стар, чтобы чему-то учиться. Молодой наблюдатель сейчас обучается работе смотрителя воздуха, но пройдут еще годы, прежде чем он сможет здесь работать. Тогда может быть уже слишком поздно.

Ощущая груз свалившейся на него ответственности, Чимал раскрыл книгу. В первой части излагались общие сведения по очистке воздуха, и Чимал только просмотрел эти главы. Он прочтет этот раздел более внимательно, когда получит общее представление о назначении механизмов. В главе «Аппаратура» было двенадцать параграфов, обозначенных большими красными цифрами. Те же цифры значились на табличках, прикрепленных к разным механизмам, и Чимал

заключил, что описание каждого из них находится в соответствующем параграфе. Осматривая оборудование, Чимал обнаружил, что красный сигнал тревоги мигает на механизме номер пять. Подойдя поближе, он прочел под красной лампочкой слово «Авария». Раскрыв книгу на параграфе номер пять, Чимал погрузился в чтение.

«Очистные сооружения. Удаление следов загрязняющих агентов. Жизнедеятельность живых организмов, работа механизмов и многие другие процессы приводят к появлению газообразных загрязнений и взвешенных частиц. Количество этих агентов невелико, но со временем они накапливаются. Данный аппарат удаляет из воздуха загрязнения такого рода, поскольку по прошествии лет они могут представлять опасность. Воздух прогоняется сквозь химический фильтр, абсорбирующий их…»

Чимал читал дальше с интересом, пока не дошел до конца параграфа. Этот резервуар, похоже, был сконструирован так, что мог работать без вмешательства человека на протяжении столетий; однако книга рекомендовала наблюдение и уход за ним. На основании резервуара была табличка с инструкциями по обслуживанию, и Чимал нагнулся, чтобы их прочесть. Еще одна

лампочка вспыхивала рядом со шкалой прибора; надпись под ней гласила: «Заменить химикаты». Тем не менее стрелка стояла на значении «максимальная химическая активность» — как ей и было положено, согласно книге, если аппаратура функционирует нормально.

— Кто я такой, чтобы оспаривать показания машины? — сказал Чимал главному наблюдателю, следовавшему за ним по пятам. — Хотя, вообще-то, перезарядка — совсем простая процедура. Она происходит автоматически, если нажать эту кнопку. Если автоматика не сработает, то же самое можно сделать вручную. Посмотрим, что получится.

И он нажал кнопку.

Загорелась лампочка, сигнализирующая о начале перезарядки, включились реле. Раздался приглушенный поющий звук, исходящий, казалось, из глубин резервуара, и в ту же секунду стрелка на шкале метнулась в красную зону, обозначающую истощение химикатов фильтра. Главный наблюдатель, шевеля губами и щурясь, прочел надпись у красного конца шкалы и в ужасе поднял глаза на Чимала:

— Что же это? Стало хуже, а не лучше. Происходит что-то ужасное.

— Не думаю, — рассеянно ответил Чимал, перечитывая параграф в книге. — Тут сказано, что химикаты нужно периодически заменять. Для этого, как мне кажется, сначала удаляются отработанные химикаты, и именно поэтому стрелка на шкале отклоняется в красную зону. Ведь наверняка отсутствие фильтра оказывает то же действие, что и выход его из строя.

— Твои рассуждения абстрактны, мне трудно их понять. Я рад, что ты здесь, Первопроходец, по воле Великого Создателя. Без тебя мы ничего не смогли бы сделать.

— Сначала посмотрим, что из этого получится. Пока что я просто следовал указаниям книги, и передо мной не вставало никаких проблем. Смотри, новые химикаты, наверное, уже поступили в фильтр, и теперь стрелка возвращается к верхней отметке: «Максимальная химическая активность». Похоже, только в этом и была неисправность.

Главный наблюдатель с прежним страхом показал на вспыхивающий сигнал тревоги:

— И все-таки это продолжается. С воздухом по-прежнему что-то не в порядке.

— Дело не в воздухе — дело в машине. Она перезаряжена, новые химикаты работают как

положено, поэтому единственное, что приходит на ум, — неисправен сам сигнал. — Чимал перевернул несколько страниц книги, пока не нашел то, что хотел. — Вот оно. Где здесь склад? Мне нужна деталь сто шестьдесят семь-эр.

— Сюда.

На складе было множество полок, но детали на них все были пронумерованы по порядку, и Чимал с легкостью нашел нужное: деталь 167-р оказалась толстостенным цилиндром с рукояткой. На нем была красная этикетка с предостережением: «ОСТОРОЖНО! СЖАТЫЙ ГАЗ». Чимал в соответствии с инструкцией аккуратно повернул рукоятку. Раздалось громкое шипение, а когда оно стихло, крышка цилиндра легко отделилась. Чимал заглянул внутрь и обнаружил там блестящую металлическую коробочку, по форме похожую на книгу. Там, где у книги был бы корешок, коробка имела ручку, а на противоположной стороне — ряд блестящих медных зажимов. Чимал не имел ни малейшего представления о том, какова ее функция.

— Теперь посмотрим, как это работает.

Следуя указаниям книги, Чимал нашел в боку резервуара рукоятку, помеченную 167-р, так же как и та, что была на обнаруженной в цилиндре

коробке. Когда он потянул за ручку, деталь вынулась легко, как книга с полки. Чимал отбросил ее и вставил на ее место новую.

— Сигнал тревоги погас, авария устранена, — голосом, дрожащим от волнения, объявил главный наблюдатель. — Тебе удалось то, что не удалось помощнику смотрителя воздуха.

Чимал поднял вынутую деталь и стал рассматривать ее, гадая, что же такое могло в ней испортиться.

— Ну, все было довольно просто. После перезарядки аппарат работал исправно, так что неполадка должна была быть в самом сигнале тревоги. Это все описано в соответствующем разделе книги. Какое-то реле включилось и не отключилось, хотя механизм был исправен, так что сигнал тревоги продолжал звучать. Техник должен был догадаться.

«Нужно быть круглым дураком, чтобы не сообразить этого, — добавил Чимал про себя. — Не следует говорить плохо об умершем, но факт налицо».

Наблюдатели были по-своему так же тупы, как и ацтеки. Они были приспособлены к выполнению определенной функции, и только, — совсем как жители долины.

3

— Мне очень жаль, но я все равно ничего не понимаю.

Наблюдательница Стил, хмурясь, вертела в руках листок с диаграммой в тщетной надежде, что повернутое под другим углом изображение раскроет свой смысл.

— Попробую объяснить тебе по-другому.

Чимал пошел в ванную за приспособлением, заранее приготовленным им на этот случай. Его апартаменты, как и у всех имеющих право на красное одеяние смотрителей, были просторными и хорошо оборудованными. Он вернулся с пластиковым контейнером, привязанным к концу прочной бечевки.

— Что ты там видишь?

Девушка послушно наклонилась и заглянула в контейнер:

— Воду. Сосуд наполовину наполнен водой.

— Правильно. А что произойдет, если я опрокину его набок?

— Ну… Вода прольется, конечно.

— Правильно.

Наблюдательница радостно улыбнулась, до-

вольная своей догадливостью. Чимал поднял контейнер за привязанную к нему веревку:

— Говоришь, прольется. А если я тебе скажу, что могу повернуть контейнер набок, не пролив ни капли?

Стил с благоговением смотрела на него, явно уверенная, что для него нет ничего невозможного. Чимал начал вращать контейнер на веревке все быстрее и быстрее, одновременно изменяя угол наклона его траектории до тех пор, пока контейнер не начал описывать окружность в вертикальной плоскости. Даже в верхней точке, когда отверстие контейнера смотрело вниз, из него не пролилось ни капли. Чимал начал уменьшать скорость, и скоро контейнер снова стоял на полу.

— Теперь еще один вопрос, — сказал Чимал, взяв со стола книгу. — Что будет, если я разожму руку и отпущу книгу?

— Она упадет на пол, — ответила девушка, исполненная гордости за то, что отвечает правильно на такое множество вопросов.

— Ты совершенно права. А теперь следи внимательно. Одна и та же сила заставляет книгу падать на пол, а воду оставаться во вращающемся сосуде — эта сила называется центробежной.

Существует еще одна сила, которая на больших планетах действует так же: она называется притяжением; правда, трудно объяснить, как она действует. Важно запомнить одно: центробежная сила прижимает нас книзу, не дает взлететь в воздух. В ней причина того, что мы не можем ходить по небу, глядя на долину над нашими головами.

— Я так ничего и не поняла, — призналась Стил.

— Но это же просто. Представь себе, что вместо веревки у меня вращающееся колесо. Если контейнер прикреплен к его ободу, вода останется в нем точно так же, как и когда я раскручиваю сосуд на веревке. А теперь представь, что к ободу колеса прикреплены два контейнера, один напротив другого, — вода не прольется ни из одного из них. Дно каждого сосуда находится снизу относительно находящейся в нем воды, хотя направление «вниз» для обоих сосудов прямо противоположно. То же самое происходит и с нами, потому что наш каменный мир вращается. Так и получается, что, пока ты в деревне, «низ» — земля у тебя под ногами, а когда ты на небе — поверхность неба. Понятно?

— Да, — кивнула наблюдательница, по-преж-

нему ничего не понимая, но желая угодить Чималу.

— Хорошо. Следующий шаг очень важен, поэтому я хочу, чтобы ты внимательно следила за моими рассуждениями. Если «низ» — у тебя под ногами на земле долины или тоже под ногами, но на небесной тверди, то тогда посередине между ними силы равны, но направлены в противоположные стороны, так что, если ты там окажешься, на тебя не будет действовать вообще никакая сила. Если бы удалось из деревни подняться на половину расстояния до неба, то там можно было бы просто парить.

— Но туда очень трудно попасть, если ты не птица. Даже птицам, я слышала, какое-то устройство не дает покинуть долину.

— Совершенно верно. По воздуху нам туда не добраться, но мы можем воспользоваться туннелем в скале. Долина лежит в выдолбленной в камне полости, и оба ее конца упираются в сплошную породу. Если есть туннель, ведущий как раз туда — на ось вращения, как это называется в книге, то можно пройти по нему, а выйдя — парить в воздухе.

— Не думаю, что мне это понравилось бы.

— А мне понравится, я уверен. И я уже нашел

на карте нужный туннель. Ты пойдешь со мной?

Наблюдательница Стил заколебалась. Ее не привлекали приключения подобного рода, но ведь желание Первопроходца — закон.

— Да, я пойду.

— Отлично. Отправимся прямо сейчас.

Книги, конечно, интересны, и Чималу нравилось учиться, но ему не хватало общения с людьми. Жители деревни всегда держались вместе. Стил была первым человеческим существом, встреченным им в этом новом для него мире, и они вдвоем через многое прошли. Конечно, она не блистала талантами, но старалась угодить.

Чимал уложил несколько пакетов с пищевыми концентратами и сосуд с водой в поясную сумку: он теперь носил ее постоянно, как и все наблюдатели. Там лежали рация, письменные принадлежности и некоторые мелкие инструменты.

— Нам нужно пройти по второй лестнице за столовой, — сообщил он Стил, и они отправились.

У подножия лестницы Стил настроила свой экзоскелет на подъем. Аппарат принял на себя большую часть ее веса и помогал ей переставлять ноги, снимая тем самым чрезмерную нагрузку на сердце. Чимал пошел медленнее, подстраиваясь

под темп ее механических шагов. Они миновали семь уровней; лестница кончилась.

— Это верхний уровень, — сказала Стил, переключая экзоскелет на другой режим. — Я была здесь только один раз. Тут нет ничего, кроме кладовых.

— Есть, если верить плану.

Они шли по длинному коридору; скоро двери по бокам кончились, дальше стены были обработаны грубо. Стало прохладно: пол, в отличие от других туннелей, не подогревался, но толстые подошвы защищали их от холода. В торце коридора оказалась металлическая дверь с надписью большими красными буквами: «ТОЛЬКО ДЛЯ СМОТРИТЕЛЕЙ».

— Мне нельзя туда входить, — сказала девушка.

— Можно, если я велю. В инструкции для смотрителей сказано, что начальник может приказать наблюдателю войти в любое помещение, если в этом есть необходимость.

Чимал никогда не читал ничего подобного, но его спутнице совершенно незачем это знать.

— Конечно, тогда я могу пойти с тобой. Ты знаешь код?

Она указала на сложный цифровой замок, вде-

ланный в дверь.

— Нет, на плане эта дверь не была обозначена как имеющая замок.

Это была первая запертая дверь, которую ему пришлось увидеть. Обычно правил и привычки к послушанию вполне хватало, чтобы не дать наблюдателям входить туда, куда им не положено. Чимал внимательно присмотрелся к замку и его креплениям.

— Его поставили позже — изначальная конструкция замка не предусматривала. — Он показал на болты. — Кто-то просверлил отверстия в косяке и в самой двери и вставил его. — Чимал достал отвертку и вывинтил один шуруп. — Сработано грубо. Завернули их плохо.

Несколько минут — и замок, так и оставшийся запертым, лежал на полу туннеля. Дверь легко открылась. За ней оказалась маленькая комнатка с металлическими стенами.

— Что все это значит? — поинтересовалась Стил, вслед за Чималом входя в комнату.

— Не знаю. Подробностей на плане не было. Будем следовать инструкциям и посмотрим, что получится. — Он кивнул на надпись на стене. — Первое: закрыть дверь. Ну, это просто. Второе: крепко держаться за поручни.

Они ухватились за вделанные в стену на уровне пояса металлические скобы.

— Третье: повернуть указатель в нужном направлении.

Металлическая стрелка под надписью, вращающаяся на оси, указывала на слово «вниз». Чимал освободил одну руку и повернул ее так, что она стала указывать на слово «вверх». Как только он это сделал, послышалось гудение, и комнатка целиком медленно поехала вверх.

— Прекрасно, — обрадовался Чимал, — нам не придется самим карабкаться вверх. Должно быть, эта машина укреплена в вертикальной шахте и какой-то механизм перемещает ее вверх и вниз. Что случилось?

— Я… я не знаю, — задыхаясь, прошептала вцепившаяся обеими руками в скобу девушка. — Я чувствую себя так странно, так непривычно.

— Это точно. Ты чувствуешь себя более легкой. — Он засмеялся и подпрыгнул: для того чтобы опуститься на пол, ему понадобилось больше времени, чем обычно. — Центробежная сила уменьшается. Скоро она совсем исчезнет.

Стил, у которой, в отличие от него, такая перспектива не вызвала особого энтузиазма, словно приросла к скобе; она прижалась лбом к стене и

закрыла глаза.

Путешествие продолжалось сравнительно недолго, и когда кабина остановилась, Чимал оттолкнулся от пола и поплыл в воздухе.

— И правда, сила перестала действовать. Мы находимся на оси вращения.

Стил скрючилась, тяжело дыша и пытаясь бороться с тошнотой. Дверь открылась автоматически, и они увидели перед собой кольцевой коридор с металлическими поручнями, похожими на приподнятые рельсы, идущими по всей его длине. Здесь не было направления «вверх» и «вниз», и у Чимала закружилась голова, когда он попытался разобраться в этом.

— Пошли. Будем парить, а потом переместимся вдоль поручней и посмотрим, куда приведет нас туннель. Это должно быть несложно.

Девушка не двинулась с места. Он разжал ее руки и легонько подтолкнул вперед; этого движения оказалось достаточно, чтобы сам он отлетел к стене. Стил тихо вскрикнула и замахала руками, пытаясь за что-нибудь уцепиться. Чимал попытался последовать за ней, но обнаружил, что это не так-то просто.

В конце концов Чимал нашел, что самый надежный способ передвижения — слегка сме-

ститься вперед, а затем скользить вдоль поручня, придерживаясь за него. Наблюдательницу Стил все-таки вырвало; после этого она почувствовала себя немного лучше и была уже в состоянии следовать указаниям Чимала. Шаг за шагом они прошли весь коридор и добрались до двери, за которой оказалась шарообразная комната: из нее открывался вид на звезды.

— Я узнаю этот длинный инструмент! — взволнованно вскричал Чимал. — Это телескоп; если смотреть через него, далекие предметы кажутся больше. Его используют для изучения звезд. Интересно, а для чего остальные приборы?

Он совсем забыл о Стил, но она и не возражала. Обнаружив у одной из стен кушетку с привязными ремнями, благодаря которым можно было не беспокоиться о том, что любое движение унесет тебя к потолку, девушка устроилась на ней и закрыла глаза.

Чимал был так поглощен изучением инструкции к телескопу, что уже не замечал отсутствия силы тяжести. Объяснения были простыми и ясными и обещали много удивительного. За выступающим полусферическим окном медленно вращались вокруг неподвижного центра звезды: не с такой скоростью, как в обсервационном зале,

и они не всходили и не закатывались, но все же перемещались. Чимал потянул на себя ручку управления, как предписывала инструкция, и внезапно ощутил воздействие некой силы. Стил на кушетке застонала, но новое ощущение быстро прошло. Когда Чимал взглянул через дверь на туннель, по которому они пришли, ему показалось, что туннель кружится. Звезды же больше не перемещались. Похоже, что круглая комната теперь вращалась в направлении, противоположном вращению их мира, так что оказалась неподвижной по отношению к звездам. Неисповедимы чудеса Великого Создателя!

Для начала работы компьютеру требовались две точки отсчета, после этого он настраивался сам. Следуя инструкции, Чимал навел маленький вспомогательный телескоп на яркую красную звезду и, когда она попала в перекрестье линий тубуса, нажал кнопку спектрального анализа. В тот же миг на маленьком экране засветился ответ: Альдебаран. Недалеко от Альдебарана Чимал выбрал другую яркую звезду, входившую в созвездие, которое он узнал, — созвездие Стрельца. Ее название оказалось Ригель. Входила ли она на самом деле в состав Стрельца? Узнать даже знакомые созвездия в бесконечности заполняющих

небо сверкающих звезд было так трудно!

— Ты только посмотри! — обратился он к Стил, исполненный восхищения и гордости. — Ведь это же настоящее небо, настоящие звезды!

Она кинула быстрый взгляд, кивнула и снова закрыла глаза.

— Представляешь, там, за окном, — космос, вакуум, там нет воздуха для дыхания; вообще ничего нет, кроме бесконечной пустоты. Как можно измерить расстояние до звезды, — расстояние, которое и вообразить невозможно? И мы, наш мир, — несемся от звезды к звезде, чтобы в один прекрасный день достичь цели. Ты знаешь, как называется солнце, к которому мы летим?

— Нас учили, но, боюсь, я забыла.

— Проксима Центавра. Так на древнем языке называется ближайшая звезда из созвездия Центавра. Хочешь посмотреть на нее? Какая возможность! Она прямо перед нами, машина ее найдет.

Очень внимательно он набрал код, дважды сверив цифры с приведенными в списке. Все правильно. Чимал нажал кнопку и откинулся назад.

Словно морда гигантского, что-то выискивающего животного, телескоп дрогнул и медленно повернулся. Чимал отошел и издали наблюдал за

его величественным и точным движением; наконец телескоп снова застыл в неподвижности. Он был обращен куда-то вбок, почти перпендикулярно направлению к центру окна.

— Этого не может быть, — рассмеялся Чимал. — Если бы Проксима Центавра была так далеко в стороне, мы летели бы мимо нее…

Его руки дрожали, когда он вновь и вновь сверял заданные телескопу координаты со списком.

4

— Взгляни на эти цифры: все, что я хочу знать, — это соответствуют ли они действительности?

Чимал положил бумаги на стол перед главным наблюдателем.

— Я уже говорил тебе — я не слишком силен в математике. Для этого существуют машины.

Старик не смотрел ни на бумаги, ни на Чимала; взор его был устремлен куда-то вдаль, он сидел неподвижно, и только пальцы непроизвольно теребили край одежды.

— Я и принес тебе машинную распечатку. Посмотри и скажи, правильная ли она.

— Я уже немолод, а сейчас время молитв и отдыха. Оставь меня, пожалуйста.

— Нет. Сначала ответь мне. Ты ведь не хочешь отвечать?

Упорное молчание старика окончательно лишило Чимала терпения. Он схватил деус, висевший на шее главного наблюдателя, и резким рывком оборвал тонкую цепочку, на которой тот висел. Главный наблюдатель издал хриплый стон. Чимал бросил взгляд на цифры в углублениях:

— Сто восемьдесят шесть тысяч двести девяносто три… Ты знаешь, что означают эти цифры?

— Это… Это святотатство. Верни сейчас же.

— Мне говорили, что деус отсчитывает время пути в земных днях. Насколько я помню, год на Земле равен примерно тремстам шестидесяти пяти суткам.

Чимал швырнул деус на стол, и старик тут же схватил его и сжал в ладонях. Чимал вынул из поясной сумки дощечку для письма и стилус.

— Разделим… это не так уж трудно. В результате, — он подчеркнул полученную цифру и сунул дощечку под нос главному наблюдателю, — получается, что прошло более пятисот десяти лет с момента отбытия. По оценкам, приведенным в книгах, путешествие должно продлиться не более пятисот лет; по поверьям ацтеков, они

должны быть освобождены через пять столетий. Так что доказательств хватает. Я собственными глазами видел: мы больше не летим к Проксиме Центавра, наша цель лежит теперь где-то в окрестности созвездия Льва.

— Откуда ты знаешь?

— Я был в навигационной рубке и использовал телескоп. Ось вращения больше не указывает на Проксиму Центавра. Мы движемся куда-то в другом направлении.

— Все это очень сложные вопросы, — пробормотал старик, вытирая платком покрасневшие глаза. — Я не помню, какая связь существует между осью вращения и направлением движения…

— Зато я помню. И я все проверил, чтобы убедиться в этом. Чтобы навигационные приборы работали как следует, нужно, чтобы направление на Проксиму Центавра и ось вращения совпадали. Если происходит отклонение от курса, автоматы сами производят коррекцию, так что мы всегда движемся туда, куда смотрит главная ось. Это нельзя изменить. — Чимал щелкнул пальцами — ему в голову пришла неожиданная мысль. — А ведь мы можем направляться к другой звезде! А теперь скажи мне правду: что произошло?

Еще секунду главный наблюдатель сидел вы-

прямившись, потом со вздохом поник в объятиях своего экзоскелета.

— Ничто не может скрыться от тебя, Первопроходец, — теперь я понимаю это. Но я не хотел, чтобы ты узнал обо всем, прежде чем овладеешь полным знанием. Наверное, этот момент уже наступил, иначе ты не узнал бы о случившемся. — Старик щелкнул выключателем, сервомоторы заработали, и экзоскелет поднял его на ноги и помог пересечь комнату. — Здесь, в судовом журнале, записано решение совета смотрителей. Я был тогда еще совсем юным, самым младшим из смотрителей, все остальные давно уже мертвы. Как много лет прошло с тех пор? Точно не скажу, хотя я отлично помню все подробности. Это было деяние веры, понимания, доверия. — Главный наблюдатель снова сел, держа обеими руками книгу в красном переплете. Он смотрел на судовой журнал, но перед глазами у него стояли события того памятного дня. — Недели, месяцы понадобились нам, чтобы взвесить все факты и прийти к решению. То был торжественный, захватывающий дух момент. Главный наблюдатель встал и огласил результаты наблюдений. Приборы показывали, что мы начали торможение, нужно было ввести новые данные для того, чтобы выйти на орбиту

вокруг звезды. Потом он зачитал сведения, полученные о планетах, вращающихся вокруг звезды, и все мы ощутили тревогу и огорчение. Планеты были непригодными для жизни, вот в чем была беда, абсолютно непригодными. Мы могли бы стать свидетелями Дня прибытия, но мы нашли в себе силы побороть искушение. Мы должны были оправдать оказанное нам доверие и позаботиться о людях, вверенных нашему попечению. Когда главный наблюдатель объяснил нам это, мы все поняли, что нужно делать. Великий Создатель предусмотрел все: в случае, если бы у Проксимы Центавра не оказалось подходящих планет, корабль должен следовать к Альфе Центавра. Или, может быть, к Волку-триста пятьдесят девять в созвездии Льва? Я забыл, ведь прошло так много лет. Но все о тех давних событиях записано здесь, в журнале. Как ни тяжело было принять это решение, мы приняли его. Память о том дне я унесу с собой в могилу. Немногим выпадает шанс так исполнить свой долг.

— Могу я посмотреть записи? Когда вы приняли решение?

— Этот день вошел в историю. Смотри! — Старик улыбнулся и наугад раскрыл книгу на столе. — Видишь, она сама открывается там, где

нужно. Я так часто перечитывал это место.

Чимал прочел запись. Она занимала меньше страницы — поистине рекорд краткости для столь эпохального события.

— Здесь ничего не сказано о планетарных наблюдениях и нет обоснования решения, — удивился Чимал. — Нет никаких доказательств того, что планеты непригодны для жизни.

— Ну как же, в начале второго абзаца. Подожди, я процитирую тебе по памяти: «Таким образом, наши последующие действия основываются на данных наблюдений. Планеты непригодны».

— Но почему они признаны непригодными? Здесь не приведены обоснования.

— В этом не было нужды. Наше решение было продиктовано верой. Великий Создатель допускал, что у Проксимы Центавра мы не найдем подходящих планет, а разве Он не всеведущ? Если бы планеты годились, разве предоставил бы Он нам выбор? То, какое мы примем решение, было проверкой истинности нашей веры. Мы все посмотрели в телескоп и единодушно согласились в том, что планеты непригодны: они были малы, не светились подобно солнцу и очень далеко отстояли друг от друга. Совершенно очевидно, что они были непригодными.

Чимал резко поднялся, захлопнув книгу:

— Ты хочешь сказать, что вы приняли решение только на основании того, что увидели в телескоп, находясь в миллиардах миль от планетной системы? Что вы не вышли на стационарную орбиту, не совершили посадки, даже не сделали снимков?

— Я ничего не знаю об этих вещах. Должно быть, это то, что входит в обязанности Первопроходцев. Мы не могли открыть выход из долины до тех пор, пока не убедимся, что планеты подходят. Страшно подумать: что, если бы Первопроходцы обнаружили непригодность планет? Это значило бы, что мы не выполнили свой долг. Нет, гораздо лучше было нам взять эту ответственность на себя. Мы ведь знали, как много зависит от нашего решения. Мы искали ответ в наших сердцах и нашли его. Планеты оказались непригодными.

— Так ваше решение было продиктовано одной только верой?

— Да, верой добродетельных и знающих свой долг людей. Иного пути не было, да мы и не искали его. Как могли мы ошибиться, пока оставались крепки в вере?

Чимал молча занес дату принятия решения на свою табличку и вернул судовой журнал главно-

му наблюдателю.

— Разве ты не согласен с тем, что мы приняли самое мудрое решение? — с улыбкой спросил его старик.

— Я думаю, что вы все сошли с ума, — ответил Чимал.

— Ты богохульствуешь! Почему ты сказал такое?

— Потому что вы ничего не знали о планетах, а решение, принятое не на основании фактов и знаний, просто суеверная чепуха.

— Я не намерен выслушивать подобные оскорбления — даже от Первопроходца. Со всем почтением прошу тебя покинуть мою комнату.

— Факты остаются фактами, а догадки — это всего лишь догадки. Если отбросить все это мумбо-джумбо и правоверные бредни, ваше решение окажется просто безосновательным. Оно даже хуже, чем просто догадка, — это предположение, основанное на неполных данных. Вы, благочестивые идиоты, вообще не располагали фактами. А что сказали остальные по поводу вашего решения?

— Им ничего не было известно. Не их дело — принимать решения. Долг наблюдателей — служить, и им больше ничего не нужно. То, что

сочли правильным смотрители, хорошо и для всех остальных.

— Ну так я расскажу им, а потом найду компьютер и рассчитаю новый курс. Мы еще можем повернуть.

Сервомоторы экзоскелета взвыли, когда старик резко выпрямился и встал, гневно уставив на Чимала палец.

— Ты не смеешь. Для них это знание запретно. Я запрещаю тебе даже упоминать о нем, так же как и приближаться к компьютеру. Решение смотрителей не может быть пересмотрено.

— Почему? Вы же обычные люди. К тому же люди, как оказалось, тупые и недалекие. Вы допустили ошибку, и я собираюсь ее исправить.

— Тем самым ты лишь докажешь, что ты вовсе не Первопроходец. Не знаю, кто ты на самом деле. Я должен прочесть инструкции, чтобы понять все это.

— Прочти, но только это меня не остановит. Мы поворачиваем.

Дверь за Чималом захлопнулась, но главный наблюдатель еще долго стоял, глядя ему вслед. Когда он наконец принял решение, ему с трудом удалось сдержать стон отчаяния и ужаса. Но бремя ответственности требовало от него принятия

трудных решений. Он взялся за рацию, чтобы отдать распоряжения.

Надпись на двери гласила: «НАВИГАЦИОННАЯ РУБКА — ТОЛЬКО ДЛЯ СМОТРИТЕЛЕЙ».

В момент своего открытия Чимал был так зол, что ему даже не пришло в голову найти это помещение и проверить полученную информацию. Нельзя сказать, чтобы теперь он успокоился, но гнев его стал холодным и подчиненным цели: Чимал сделает все, что должно быть сделано. Изучение плана корабля помогло ему найти рубку. Чимал толкнул дверь и вошел.

Рубка оказалась маленькой; все, что в ней было, — это два кресла, компьютерный терминал и несколько справочников. На стене висела схема простейших операций по управлению компьютером. Терминал был рассчитан на одного оператора и выполнял команды, вводимые на обычном языке. Чимал пробежал глазами инструкцию, сел перед дисплеем и одним пальцем отстучал вопрос: «НАШ КУРС — К ПРОКСИМЕ ЦЕНТАВРА?»

Как только он нажал на клавишу «Ответ», монитор мгновенно ожил; на экране засветилась надпись: «НЕТ».

«МИНОВАЛИ ЛИ МЫ ПРОКСИМУ ЦЕНТАВРА?»

«ВОПРОС НЕЯСЕН. СМОТРИ ИНСТРУКЦИЮ 13».

Чимал на секунду задумался и снова застучал по клавишам: «МОЖЕТ ЛИ КУРС БЫТЬ ИЗМЕНЕН В НАПРАВЛЕНИИ ПРОКСИМЫ ЦЕНТАВРА?»

«ДА».

Так-то лучше.

«СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ ПОТРЕБУЕТСЯ, ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ ПРОКСИМЫ ЦЕНТАВРА, ЕСЛИ КУРС БУДЕТ ИЗМЕНЕН НЕМЕДЛЕННО?»

На этот раз, чтобы найти ответ, компьютеру понадобилось около трех секунд — машина должна была провести сложные расчеты с привлечением большого объема памяти.

«РАСЧЕТНОЕ ВРЕМЯ ПУТИ ДО ПРОКСИМЫ ЦЕНТАВРА — 17 432 ДНЯ, РАССТОЯНИЕ — ОКОЛО 100 АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ».

Чимал быстро подсчитал: это меньше пятидесяти лет. Если произвести поворот сейчас, они могут прибыть на место еще при его жизни!

Но как? Как заставить смотрителей изменить курс? Может быть, если бы ему не мешали, он и сам смог бы справиться, используя инструкции и справочники. Но только при активном сопротивлении смотрителей об этом нечего и думать. Одни увещевания тут не помогут. Как же быть? Что сделать, чтобы они повернули корабль, хотят

они этого или нет? Насилие не годится, ведь нельзя же захватить всех смотрителей и заставить их выполнить необходимые действия: наблюдатели воспротивятся такому террору. Не мог он и просто убить их: такая мысль была ему отвратительна, хотя ему и хотелось сорвать зло на чем-нибудь.

Машина для очистки воздуха? Тот резервуар, который он налаживал, — он ведь необходим для жизни корабля, хотя и не сразу, а через какой-то промежуток времени. Если как-нибудь повредить его, то никто, кроме Чимала, починить его не сможет. А он не возьмется за работу, пока курс не будет изменен и они не устремятся к ближайшей звезде.

Да, так и надо поступить. Чимал выбежал в коридор и увидел, что к нему спешат, насколько это позволяют экзоскелеты, главный наблюдатель и несколько охранников. Не обращая внимания на их крики, Чимал бросился бежать в противоположном направлении, легко уйдя от погони. Со всей доступной ему быстротой, выбирая самый короткий путь, он мчался к туннелю, ведущему к воздушным машинам. Туннель был пуст. Ни одной машины. Идти пешком? На это потребуется несколько часов — ведь нужно преодолеть расстояние, равное длине долины. И если за ним

вдогонку пошлют машину, скрыться не удастся. Ему обязательно нужна машина, но сможет ли он ее вызвать? Если наблюдатели уже предупреждены, он только выдаст себя.

Времени на размышления не оставалось. Скорее всего, наблюдатели еще ничего не знают — сообщать им что-либо не в привычках главного наблюдателя. Чимал подошел к переговорному устройству на стене:

— Говорит Первопроходец. Мне немедленно нужна машина на сто восемьдесят седьмой станции.

На другом конце провода воцарилось секундное молчание, затем голос произнес:

— Приказание принято к исполнению. Машина прибудет через несколько минут.

Прибудет ли? Или наблюдатель доложит о вызове смотрителям? Чимал шагал туда-сюда по коридору, мучимый сомнениями, но ничего больше не оставалось — только ждать. Наконец появилась машина — прошло всего несколько минут, но Чималу они показались вечностью.

— Прикажешь отвезти тебя? — спросил водитель.

— Нет, я справлюсь сам.

Человек выбрался из-за руля и почтительно

отсалютовал вслед удаляющейся машине. Путь был свободен. Даже если водитель донесет на него, Чимал доберется до места первым. Если он будет работать быстро, то управится до появления преследователей. А сейчас, пока он едет, нужно разработать план действий. Аппараты для очистки воздуха столь велики, что на их серьезное повреждение уйдет слишком много времени. А вот панель управления меньше и сработана не так капитально. Пожалуй, достаточно будет сломать или вынуть из нее какую-нибудь деталь. Смотрители не смогут починить прибор без его помощи. Но прежде чем что-нибудь разрушить, необходимо убедиться в наличии запасных частей. Просто отсоединить деталь мало: главный наблюдатель, если постарается, поймет, чего не хватает, и найдет замену. Придется ломать.

Когда машина со скрежетом остановилась у конца туннеля, Чимал выскочил из нее; каждое движение было им обдумано заранее. Первым делом справочник. Он лежал там, где Чимал его оставил. В помещении никого не было — новый техник явно еще не назначен. Отлично. Теперь найти нужную диаграмму, посмотреть номера деталей.

Не отрываясь от книги, Чимал прошел на склад.

Вот они, шкалы и выключатели от панели. Больше десяти каждой разновидности. Да, Великий Создатель все хорошо продумал и обеспечил запасы с избытком. Одного только он не предусмотрел — саботажа. В качестве дополнительной предосторожности Чимал собрал все запасные части к панели, отнес их в другое складское помещение и спрятал за целой горой тяжелых труб. Теперь можно заняться разрушением.

Большой — с его руку длиной — тяжелый гаечный ключ вполне подойдет для этой цели. Чимал отнес его к резервуару, встал перед панелью и обеими руками поднял ключ. Так, первым делом застекленная шкала датчика давления. Чимал замахнулся ключом, как боевым топором, и обрушил его на прибор; раздался треск и звон разбитого стекла.

Тут же по всему помещению замигали красные лампочки, пронзительно завыла сирена, и усиленный динамиком громовой голос прорычал:

— Прекрати! Немедленно прекрати! Ты портишь аппарат! Это единственное предупреждение — другого не будет.

Тревожные огни и угрозы не остановили его — Чимал обрушил гаечный ключ снова. В тот же момент в потолке распахнулась металлическая

дверца, подняв целое облако пыли. Из отверстия появилось дуло лазерного ружья, и вращающийся луч, как зеленый карандаш, очертил полукруг перед панелью управления.

Чимал отскочил в сторону, но недостаточно быстро. Лазер обжег ему левый бок, руку, ногу, мгновенно спалив одежду и проникнув глубоко в тело. Чимал рухнул на пол, почти потеряв сознание от внезапного шока и боли.

Великий Создатель предвидел все — даже возможность диверсии. Чимал понял это слишком поздно.

Когда смотрители ворвались в помещение, Чимал с трудом полз, оставляя за собой кровавый след. Он открыл рот, пытаясь что-то сказать, но по знаку главного наблюдателя человек с баллоном за спиной и распылителем в руках нажал на кнопку, и Чимала окутало облако газа. Его голова тяжело ударилась о каменный пол.

5

Пока он был без сознания, о нем заботились машины. Смотрители сняли с него одежду и положили его на стол с приподнятыми бортиками. Они ввели описание его травм в машину

и предоставили ей принимать решения. С этого момента вся операция проходила полностью под контролем автоматов.

Был сделан рентгеновский снимок, измерены артериальное давление, температура и другие показатели. Раны были сфотографированы и сразу вслед за этим обрызганы пеной, останавливающей кровотечение. Компьютер поставил диагноз и назначил лечение. Место анализатора занял металлический хирург. Аппарат повис над раной, окуляры его микроскопа разглядывали повреждения, многочисленные руки были в готовности. Робот обрабатывал одновременно лишь крохотный участок поверхности, и все же, подчиняясь командам компьютера, он работал неизмеримо быстрее любого самого опытного хирурга-человека. Инструменты мелькали с молниеносной скоростью: пена была убрана, поверхность раны очищена, обгоревшие ткани удалены. Вместо повязки поврежденное место робот обработал специальным клеем, который одновременно способствовал заживлению; сверкающие инструменты побежали вниз по руке Чимала, сшивая разорванные сухожилия, соединяя рассеченные нервы. Затем робот-хирург переключился на бок Чимала, по которому по-

лоснул луч лазера. К счастью, он задел только мышцы и не повредил внутренние органы. Последней была обработана самая незначительная рана — ожог на бедре.

Придя в себя, Чимал никак не мог вспомнить, что с ним произошло и почему он находится в госпитале. Он получил большую дозу обезболивающих лекарств и поэтому не чувствовал боли, но голова у него кружилась и не было сил даже перевернуться на другой бок.

Когда же память возвратилась к нему, вместе с ней пришла горечь поражения. Бесконечный полет в никуда будет продолжаться. Правоверные смотрители никогда не решатся что-либо изменить. Похоже, что Великий Создатель совершил одну-единственную ошибку: он все слишком хорошо спланировал. Наблюдатели полностью поглощены своей работой, она им в радость, — конечно, они и не подумают сделать то, что положит ей конец. Если они когда-нибудь и долетят до другой звезды, ее планеты снова будут признаны непригодными.

У него был единственный шанс положить конец их путешествию — и он не сумел им воспользоваться. Больше такой возможности не будет — уж смотрители позаботятся об этом так

же, как и о том, чтобы другой Чимал никогда не появился. Предостережение будет принято к сведению. Если и родятся дети — потомки жителей разных деревень, они не будут здесь желанными гостями. Не исключено, что боги намекнут верховному жрецу, что такая жертва была бы им приятна.

Механическая сиделка заметила, что Чимал пришел в себя; она извлекла из его вены иглу, через которую поступали питательные вещества, и протянула ему чашку с бульоном.

— Пожалуйста, открой рот, — произнес нежный, записанный на пленку голос девушки, жившей столетия назад.

Изогнутый конец трубки опустился в чашку, другой коснулся его губ. Чимал послушно открыл рот.

Робот, по-видимому, доложил о том, что пациент в сознании. Дверь распахнулась, и вошел главный наблюдатель.

— Почему ты совершил этот невероятный поступок? Никто из нас не может этого понять. Пройдут месяцы, прежде чем мы сможем устранить поломку, ведь тебе мы больше доверять не можем.

— Я сделал это, чтобы заставить вас изменить

курс. Ради этого я готов на все. Если мы сейчас повернем, то достигнем Проксимы Центавра меньше чем за пятьдесят лет. Возможность исследовать планеты — это все, о чем я прошу. Тебе даже не нужно никому, кроме смотрителей, ничего говорить. Ты сделаешь это?

— Ну же, не останавливайся, — ласково пожурил его нежный голос, — ты должен выпить все до последней капли. Слышишь?

Никто не обратил на него внимания.

— Нет. Конечно нет. Я не вправе поступить так. Решение было принято, записано, и я не могу даже думать о том, чтобы его изменить. И не проси меня об этом.

— Я прошу тебя, заклинаю — во имя человечности! Положи конец столетиям рабства, страха, смерти. Освободи свой собственный народ от гнета, лежащего на нем.

— Что за безумные вещи ты говоришь!

— Я говорю правду. Посмотри на моих соплеменников: их короткая жизнь полна насилия и суеверий, их численность контролируется ядовитыми змеями. Ведь это же чудовищно! А твой собственный хилый народ — несчастные, истязающие себя женщины вроде наблюдательницы Стил, лишенные всяких признаков своего

пола! Извращенные настолько, что ненавидят материнство и находят наслаждение в боли! Ты можешь освободить их всех…

— Остановись, — поднял руку главный наблюдатель. — Я не желаю больше слушать эти богохульственные речи. Наш мир совершенен по воле Великого Создателя, и даже говорить о том, чтобы изменить его, — преступно. Много часов я размышлял, что делать с тобой, совещался с другими смотрителями, и мы пришли к решению.

— Убить меня и заставить замолчать навеки?

— Нет, так поступить мы не можем. Несмотря на свою дикость — результат воспитания среди жителей долины, — ты все же Первопроходец. И ты действительно станешь им — так мы решили.

— Что за бред!

Чимал устал спорить. Он оттолкнул чашу с недопитым бульоном и закрыл глаза.

— Согласно схемам, в углублениях во внешней оболочке нашего мира находятся пять объектов, называемых «космические корабли». В справочниках есть их подробное описание, они предназначены для путешествий к тем планетам, которые предполагается заселить. Мы поместим тебя в один из таких кораблей, и ты улетишь. Ты

хотел отправиться к планетам — ты сможешь удовлетворить это желание. Ты же Первопроходец.

— Убирайся, — устало произнес Чимал. — Ну да, вы сохраните мне жизнь, только отправите меня в изгнание, обрекая на пятидесятилетнее путешествие и одиночество до конца жизни в корабле, который, вероятно, не приспособлен для обеспечения человека продовольствием и воздухом на столь длительный срок. Уйди, низкий лицемер.

— Медицинский автомат сообщил мне, что через десять дней ты поправишься и сможешь встать с постели. Для тебя будет приготовлен экзоскелет — он поможет тебе двигаться. Через десять дней за тобой придут смотрители и проводят на корабль. Если понадобится, тебя усыпят и отнесут туда — ты улетишь, как бы ты ни сопротивлялся. Я не буду при этом присутствовать: видеть тебя я больше не желаю. Я не хочу даже прощаться с тобой — ты оказался тяжелым испытанием для меня, ты произносил столь богохульные речи, что я не смогу забыть этого до конца жизни. Ты само зло.

Старик повернулся и вышел, едва закончив фразу.

Десять дней, размышлял Чимал на пороге сна.

Десять дней. Что можно успеть за это время? Что вообще можно сделать? Наступает конец всей трагедии. Если бы только можно было показать наблюдателям убожество их существования! Даже жизнь, которую ведут ацтеки, пусть короткая, пусть несчастливая, все же лучше этого прозябания. Ах, если бы можно было взломать этот термитник, чтобы люди долины увидели этих существ, прячущихся, подсматривающих и отдающих приказы!

Глаза Чимала широко раскрылись, и он сел в постели, не отдавая себе в этом отчета.

«Ну конечно. Нужно впустить моих соплеменников в пещеры. Тогда у смотрителей не останется выбора — придется вернуться на курс к Проксиме Центавра».

Он откинулся на подушки. За десять дней он должен составить план, решить, что делать в первую очередь.

Четыре дня спустя экзоскелет был готов, его принесли и поставили в углу палаты Чимала. Во время следующего периода сна Чимал заставил себя доползти до него: нужно было освоить управление и попрактиковаться. Управление оказалось простым и надежным, и каждую ночь после этого Чимал вставал с постели и упраж-

нялся в передвижении с помощью экзоскелета: сначала еле ковылял, потом, несмотря на боль, стал ходить более уверенно. Аппетит у него стал лучше. Ему не требовалось десяти дней на выздоровление. Вероятно, компьютер рассчитывал срок, ориентируясь на замедленный метаболизм наблюдателей, Чимал же поправлялся значительно быстрее.

У дверей его комнаты на страже все время стоял смотритель; Чимал слышал, как часовые переговаривались при смене караула. Внутрь смотрители никогда не входили, предпочитая не иметь с ним дела. На девятую ночь Чимал поднялся и тихо оделся. Он был еще слаб, и экзоскелет очень пригодился, поскольку брал на себя бóльшую часть нагрузки при ходьбе. Легкий стул оказался единственным оружием, которое можно было найти в комнате. Подняв его обеими руками, Чимал спрятался за дверью и завопил:

— Помогите! Кровотечение… я умираю… Помогите!

Ему пришлось кричать непрерывно и громко, чтобы заглушить голос механической сиделки, приказывавшей ему вернуться в постель для обследования. Наверное, где-то уже включился сигнал тревоги. Нужно действовать быстро. Где

этот дурак-смотритель? Сколько времени ему требуется, чтобы принять решение? Если он не появится сейчас же, придется идти за ним, а это опасно — он может быть вооружен.

Но тут дверь распахнулась, и Чимал обрушил стул на голову смотрителя, едва тот вошел. Человек со стоном рухнул на пол, но у Чимала не было времени даже глянуть на него. Что значит один человек по сравнению с целым миром? Чимал выхватил лазерное ружье из его рук и бросился бежать так быстро, как только мог с помощью экзоскелета.

Свернув за угол, Чимал покинул больничный отсек; он хотел попасть во внешние коридоры, обычно — и уж тем более в этот поздний час — пустынные. До рассвета оставалось уже недолго — наблюдатели жили по тому же распорядку, что и жители долины, — и Чималу была дорога каждая минута. Он выбрал окольный путь, а двигался он все же медленно.

К счастью, никто не догадается, что он задумал. Принимать решения может только главный наблюдатель, и они даются ему нелегко. Первое, о чем он подумает, — что Чимал решил завершить разрушение воздушных резервуаров; он отправит туда вооруженных смотрителей. На это уйдет

время. Время уйдет и на размышления, когда выяснится, что Чимала там нет. Потом начнутся поиски, и через какое-то время будет объявлена общая тревога. Как долго все это продлится? Невозможно рассчитать. Чимал надеялся, что у него есть хотя бы час. Если тревогу поднимут раньше, он будет сражаться — убивать, если это окажется необходимым. Кому-то придется умереть ради жизни следующих поколений.

Главный наблюдатель действовал даже медленнее, чем предполагал Чимал. Прошел почти час, прежде чем Чималу встретился хоть один человек, и тот явно был занят своей обычной работой. Увидев Чимала, наблюдатель был так поражен, что ничего не предпринял. Оказавшись за спиной бедолаги, Чимал обхватил сзади его шею и с помощью экзоскелета сильно сжал; человек потерял сознание. Теперь — вниз, в последний коридор.

Жизнь идет по кругу. Чимал снова был в туннеле, по которому когда-то делал первые робкие шаги в неизвестность подземного мира. Как он изменился с тех пор, как много узнал! Однако знания — ничто, если их нельзя применить на деле. Чимал подошел к концу туннеля как раз в тот момент, когда каменная дверь отворилась и

на фоне голубого утреннего неба обрисовалась чудовищная фигура Коатлики со змеиными головами и клешнями вместо рук. Она надвигалась на него. Несмотря на все знания, сердце бешено заколотилось в груди Чимала. И все же он не остановился; он пошел навстречу богине.

Огромный камень бесшумно встал на место. Коатлики продолжала идти, глядя вперед остановившимися, невидящими глазами. Она приблизилась к Чималу и прошла мимо него, развернулась в нише и застыла, неподвижная и бездействующая — до следующей ночи, когда снова нужно будет стоять на страже.

— Ты всего лишь машина, — сказал ей Чимал, — и ничего больше. Там, за твоей спиной, в шкафах — запчасти, инструменты и инструкции для работы с тобой. — Чимал обогнул богиню, взял справочник и прочел название. — И даже звать тебя вовсе не Коатлики, ты терморецепторный патрульный робот. Теперь понятно, как мне удалось от тебя скрыться: как только я погрузился в воду, так стал недоступен твоим органам чувств.

Чимал раскрыл книгу. Хотя устройство робота Коатлики было весьма сложным, инструкции по управлению и ремонту, как всегда, оказались

простыми и понятными. Сначала Чимал думал, что достаточно будет открыть дверь и выпустить Коатлики днем, однако, как выяснилось, можно было сделать гораздо больше. Следуя указаниям справочника, он открыл дверцу на спине робота и присоединил провод от переносного пульта управления. С этого момента автоматика не работала и машина начинала повиноваться командам оператора. Чимал включил пульт.

— Иди! — И богиня неуверенно двинулась вперед. — По кругу! — Чимал нажал соответствующую кнопку.

Коатлики послушно обошла вокруг Чимала, задевая за стены пещеры; ее змеиные головы доставали почти до потолка. Он может вывести ее в долину, может приказать ей все, что пожелает. Нет, не вывести! Есть гораздо лучший вариант.

— На колени! — приказал он, и Коатлики повиновалась.

Рассмеявшись, Чимал поставил ногу на ее согнутый локоть, влез на плечи и уселся; его руки оказались рядом с ожерельем из высохших рук, а держаться ему пришлось за одну из жестких, покрытых металлической чешуей змеиных шей.

— А теперь вперед. Мы отправляемся. Я — Чимал! — закричал он. — Тот, кто покинул долину

и вернулся, тот, кто оседлал богиню!

При их приближении дверь автоматически открылась. Чимал остановил машину в проеме и принялся изучать устройство двери. Она открывалась и оставалась открытой, когда из стены выдвигались два толстых стержня. Если бы удалось расплавить их и согнуть, не ломая, дверь осталась бы открытой и ее не скоро удалось бы починить. А то, что ему предстояло сделать в долине, не займет много времени. Чимал направил луч лазера на стержень; тот постепенно раскалился докрасна и внезапно прогнулся под тяжестью каменной двери. Чимал быстро отвел луч, дверь начала падать, но тут же остановилась, удерживаемая вторым стержнем. Первый погнутый стержень остыл, металл затвердел, и дверь оказалась заклиненной.

Чимал пришпорил своего необычного скакуна; головы Коатлики и змеи на ее одеянии громко шипели, но не могли заглушить торжествующий смех Чимала.

У выхода из расщелины Чимал остановил робота, глядя на долину со смешанными чувствами: до этой минуты он не осознавал, что будет рад вернуться обратно. Домой. Утренний туман еще висел над полями, тянущимися вдоль реки. Он

растает, как только солнце покажется из-за гор. Чимал глубоко вдохнул чистый прохладный воздух, напоенный запахом свежей зелени. До чего же приятно снова оказаться на воле после затхлых мертвенных коридоров! Тут Чимал вспомнил, что долина — всего лишь часть полости, вырубленной в сплошной скале и окруженной туннелями; вспомнил он и о безмерной пустоте и звездах снаружи. Ему стало не по себе от этих мыслей, он поежился и прогнал воспоминания прочь. Его раны ныли: он все-таки слишком рано и слишком активно начал двигаться. Послушная его команде, богиня пошла вперед — вниз к реке, вброд через мелководье, к деревне.

Его соплеменники, наверное, еще только умываются, женщины готовят завтрак. Скоро крестьяне отправятся на поля; если он поторопится, он окажется там одновременно с ними. Поворот рычажка — и Коатлики перешла на рысь, немилосердно подбрасывая седока при каждом шаге. Чимал стиснул зубы и решил не обращать внимания на боль. Богиня бежала все быстрее, ее головы-близнецы и змеи на юбке трепыхались, их шипение стало оглушительным.

Чимал направил робота вдоль края долины, потом свернул на юг, к храму. Жрецы как раз

должны заканчивать утренние молитвы, и он сможет застать их всех вместе. Вблизи пирамиды Чимал уменьшил скорость Коатлики, шипение стало тише. Богиня величественно обогнула лестницу, и Чимал оказался лицом к лицу с собравшимися у храма жрецами.

Жрецы застыли на месте, словно окаменев. Обсидиановый нож с громким стуком выпал из руки пошатнувшегося от неожиданности Ицкоатля. Двигались одни только извивающиеся змеи Коатлики. Жрецы, не веря своим глазам, уставились на богиню и оседлавшего ее Чимала.

— Вы согрешили! — вскричал Чимал, размахивая лазерным ружьем. Вряд ли они узнали его в возвышающейся над ними фигуре, облаченной в кроваво-красную одежду. — Коатлики жаждет мщения. В Квилапу, быстро. Бегом!

С устрашающим шипением богиня двинулась на жрецов; торопить их не понадобилось — жрецы повернулись и помчались к деревне, преследуемые по пятам змееголовым чудовищем. Они достигли Квилапы как раз в тот момент, когда ее жители отправлялись в поля — зрелище, открывшееся их глазам, заставило их остолбенеть. Чимал, не давая им собраться с мыслями, выкрикнул приказ: всем идти в Заачилу.

Чимал замедлил шаги Коатлики, когда она оказалась между деревенскими хижинами. Жрецы смешались с перепуганными крестьянами, и они все вместе — мужчины, женщины, дети — хлынули на тропу, ведущую в Заачилу. Чимал не давал им остановиться, подгоняя толпу подобно демону-пастуху. Первые беглецы уже достигли Заачилы, слух о происшедшем пронесся по деревне. Не успел Чимал добраться туда, как обнаружил, что все жители долины обратились в паническое бегство.

— К болоту! — ревел Чимал, направляя толпу по убранным маисовым полям, вдоль посадок магу. — К скалам, к расщелине! Мне есть что показать вам!

Люди бежали в слепой панике, Чимал следовал за ними по пятам. Они уже почти достигли каменного завала, конец пути был близок. Еще несколько минут, и они ворвутся в туннели — это будет началом конца привычной жизни. Чимал смеялся и плакал, подгоняя соплеменников. Конец этому кошмару…

Впереди раздался и начал нарастать грохот, подобный раскатам грома. Каменная стена окуталась облаком пыли. Толпа замедлила свой бег и остановилась; люди метались, не зная, от какой

опасности спасаться, в страхе отшатываясь от Коатлики, когда Чимал, охваченный ужасным предчувствием, рванулся к расщелине в скалах.

Он боялся признаться себе в том, что могло случиться. Слишком близко была его цель, чтобы теперь снова оказаться перед непреодолимой преградой. Подгоняемая Чималом, Коатлики бежала по тропе к расщелине — и застыла на месте перед новым каменным барьером, полностью скрывавшим дверь в скале.

Камешек с шуршанием скатился с вершины осыпи — единственный звук в мертвой тишине. Пыль медленно оседала. Больше не было входа в туннель, на его месте громоздились глыбы.

И тут пришла тьма. Облака появились так внезапно, что, прежде чем люди это заметили, все небо оказалось затянуто черной грозовой тучей. Но еще до того, как туча скрыла солнце, светило померкло и ледяной ветер пронесся по долине. Люди жались друг к другу, стеная в ужасе перед свалившимся на них несчастьем. Не спустились ли боги в долину, чтобы сражаться здесь между собой? Что происходит? Может быть, это конец света?

К тьме добавился ливень, смешанный с градом. Толпа стала разбегаться. Чимал, борясь со сле-

пящей горечью поражения, повернул Коатлики следом за соплеменниками. Борьба еще не закончена. Можно найти другой выход из долины. Коатлики заставит людей помогать ему, их страх перед богиней сильнее боязни темноты и ливня.

Но, совершив половину оборота, богиня замерла в неподвижности. Змеи застыли, их шипение оборвалось. Какое-то мгновение Коатлики балансировала на одной ноге, подняв вторую для шага вперед, потом остановилась окончательно. Подача энергии прекратилась, пульт управления стал бесполезным. Чимал медленно, преодолевая боль, спустился по мокрой и скользкой спине робота в жидкую грязь.

Только тут он осознал, что все еще сжимает в руке лазерное ружье. В бессильной ярости он направил его на каменный барьер и нажал на пусковое устройство. Но даже в этом слабом утешении ему было отказано: дождевая вода проникла в механизм и вывела его из строя. Чимал отбросил бесполезное оружие.

Дождь продолжал лить; самая темная ночь была бы светлее поглотившей долину тьмы.

6

Чимал сидел на берегу вздувшейся от ливня реки; невидимая в темноте, вода с ревом проносилась мимо него. Он опустил голову на колени; правый бок, рука и нога горели: длительная ходьба не пошла на пользу его ранам. Судя по шуму, вода все прибывала, и если ему переходить вброд, то нужно делать это быстро, пока река не стала слишком глубокой. Особых причин стремиться на другой берег у Чимала не было — смерть ожидала его там столь же наверняка, как и здесь, — но все же там лежала Квилапа, его родная деревня.

Но когда Чимал с усилием попытался подняться, то обнаружил, что не может этого сделать: вода проникла в экзоскелет, и короткие замыкания в электрических цепях сделали его почти неподвижным. Чималу с трудом удалось освободить одну руку, затем расстегнуть крепления. Наконец, поднявшись, Чимал оставил экзоскелет лежать на земле, как сброшенную, отслужившую свое в прошлой жизни оболочку, склонившуюся в вечном поклоне на берегу. Он ступил в реку, вода дошла ему сначала до колен, потом до пояса; ему приходилось нащупывать опору перед каждым

шагом, не давая течению сбить себя с ног. Чимал знал: если не удастся сохранить равновесие, выплыть ему уже не хватит сил.

Шаг за шагом он продвигался вперед, преодолевая безжалостный напор воды; так легко было бы сдаться и позволить реке унести себя в небытие. Но мысль об этом — как и внезапное воспоминание о повесившемся помощнике смотрителя воздуха — была ему отвратительна. Теперь вода снова доходила ему только до бедер, потом до колен. Переправа осталась позади. Прежде чем вылезти на берег, Чимал нагнулся, зачерпнул воды в пригоршни и жадно напился. Его все время мучила жажда; несмотря на дождь и холод, тело горело. О том, что стало с его ранами, лучше было не думать.

Идти больше некуда? Все кончено, навсегда? Чимал, пошатываясь, выпрямился и подставил лицо дождю. Что, если действительно существует Великий Создатель, который следит за ним и воздвигает препятствия всюду, куда бы Чимал ни повернулся? Нет, это не может быть правдой. Он не может поддаться большому суеверию после того, как победил все малые. Этот мир задуман и создан людьми; Чимал сам читал их горделивые отчеты и прекрасно понимал их мысли. Ему даже

было известно имя того, кого называли Великим Создателем; Чималу были известны и его цели. Все это записано в книгах, но только допускает двоякое толкование.

Чимал понимал, что проиграл по воле случая — и из-за своего невежества. Ему еще повезло, что он смог так далеко продвинуться. Человек не может достигнуть полной зрелости за несколько коротких месяцев. Он обрел знания, да; он узнал так много и так быстро; но думать он продолжал как деревенский житель: бей! беги! сражайся! умри! Если бы только он сумел сделать следующий шаг! Если бы только ему удалось повести свой народ через расписной зал и золотой коридор к звездам!

Эта мысль, это видение принесли ему первый смутный луч надежды.

Чимал двинулся дальше. Он снова шел по долине в одиночестве, но, когда дождь прекратится и выглянет солнце, за ним начнется охота. Как преданно жрецы будут заботиться о его здоровье, чтобы сохранить его для пыток! Какие пытки они изобретут? Они, всегда внушавшие страх, теперь сами познали ужас, были обращены в бегство, заискивали. Их месть будет изобретательной!

Ну нет, они его не получат! Уж если раньше,

ничего не зная, он сумел покинуть долину, теперь он сделает это снова. Теперь ему известно, что лежит за скальной стеной, где находятся входы в туннели и куда они ведут. Ведь должен же быть способ достичь одного из них. Впереди, на вершине утеса, был люк, рядом с которым он спрятал еду и воду. Если бы ему удалось добраться туда, он смог бы отдохнуть и найти убежище, обдумать свои планы.

Но, даже размышляя об этом, Чимал понимал, что на самом деле такое невозможно. Ему не удавалось влезть на скалы, когда он был здоров и полон сил. Стенам долины была придана такая форма, чтобы никто не мог покинуть долину этим путем. Даже уступ стервятников, много ниже вершин утесов, был бы недосягаем, если бы не случайность — брешь в выступе скалы.

Чимала вдруг разобрал смех, он остановился и хохотал так долго, что смех в конце концов перешел в кашель.

Вот он, путь! Так он сможет добраться до выхода. Теперь у Чимала была цель, и, несмотря на боль, он уверенно двинулся вперед сквозь дождь. К тому времени, когда он достиг стены долины, ливень сменился изморосью и небо посветлело. Боги показали свою власть: они ее вовсе не утра-

тили. Раз так, то незачем затоплять долину.

Только они не были богами; они были людьми, слабыми и глупыми, чья работа закончилась, хотя они еще и не знали этого.

Сквозь пелену дождя Чимал мог различить темный силуэт пирамиды; там было тихо, и ничто не двигалось. Если жрецы и вернулись, они попрятались в самых дальних покоях. Чимал улыбнулся и потер подбородок. Что ж, ему, по крайней мере, удалось напугать их так, что они этого никогда не забудут, о нет! Может быть, это сойдет за расплату — очень маленькую расплату — за то, что они сделали с его матерью. Эти высокомерные, надменные глупцы никогда больше не будут так уверены в том, что их слово — закон для людей.

Добравшись до места, откуда нужно было начинать подъем к уступу стервятников, Чимал остановился передохнуть. Дождь прекратился, но долина все еще казалась озером влажного тумана. Бок Чимала болел, и когда он потрогал его, рука окрасилась кровью. Плохо, но он не позволит этому остановить себя. Нужно завершить подъем прежде, чем видимость улучшится, так чтобы ни жители долины, ни наблюдатели не смогли его обнаружить. Передающие камеры в

небе сейчас бесполезны, но могли ведь быть другие, расположенные ближе, которые его засекут. Наверняка в туннелях сейчас царит неразбериха, и чем скорее он проникнет туда, тем больше шансов остаться незамеченным. Но он так устал! Чимал стоял, опершись руками о скалу.

Единственное воспоминание, которое у него сохранилось от этого подъема, — это воспоминание о боли. Докрасна раскаленные иглы словно пронизывали все его тело, боль туманила глаза, почти не давая видеть. Его пальцы находили неровности в камне, за которые можно уцепиться, сами по себе, ноги вслепую искали опору. Может быть, он поднимался как раз тем путем, что и в детстве, — Чимал не знал. Боль была бесконечной, а скала скользкой от воды и крови, — этого он тоже не знал. Когда наконец он перевалился через край уступа, стоять он не мог, да и двигался с трудом. Отталкиваясь ногами, Чимал прополз по жидкой грязи, покрывающей карниз, вглубь небольшой пещеры, к двери. Нужно спрятаться сбоку от нее, где его не будет видно через смотровое отверстие, но откуда он сможет напасть на того, кто придет кормить стервятников. Чимал с трудом уселся поудобнее, опираясь спиной о камень.

Если никто не появится в скором времени, все усилия окажутся напрасными. Подъем отнял у Чимала так много сил, что ему с трудом удавалось не потерять сознание. Но он должен. Должен быть начеку и атаковать сразу же, как дверь откроется. Должен проникнуть в туннели, напасть, победить. Если бы не усталость… Но ведь сейчас никто не придет, никому не будет дела до стервятников, пока в долине не восстановится порядок. Может быть, если сейчас он немного поспит, силы его восстановятся, и когда дверь откроется… До этого наверняка пройдет несколько часов, а то и целый день.

Размышления Чимала были прерваны движением воздуха: дверь в скале распахнулась.

Неожиданность этого, серая тяжесть усталости доконали Чимала: он смог только вытаращить глаза на появившуюся в дверном проеме наблюдательницу Стил.

— Что происходит? — спросила она. — Ты должен объяснить мне, что все это значит.

— Как ты меня нашла? С помощью экрана?

— Да. Мы наблюдали за странными вещами, происходящими в долине. До нас дошли слухи. Никто ничего точно не знает. Ты исчез, потом я узнала, что ты где-то в долине. Я включала все

камеры по очереди, пока не отыскала тебя. Что все-таки происходит? Объясни мне, пожалуйста. Никто из нас ничего не понимает, и это ужасно.

Ее лицо побледнело от страха: нет большего ужаса, чем беспорядок в мире, где все и всегда упорядоченно.

— Но что все-таки вам говорили? — спросил Чимал девушку, пока она вела его внутрь туннеля и усаживала в машину.

Закрыв дверь на уступ, она вынула из своей поясной сумки маленький сосуд и протянула его Чималу:

— Чай. Он тебе всегда нравился. — Страх перед неизвестностью охватил ее снова, как только она начала вспоминать. — Я ведь так и не видела тебя больше с тех пор, как ты показал мне звезды. Ты кричал тогда, что мы отклонились от курса к Проксиме Центавра и что нужно повернуть. Когда мы добрались туда, где снова стал чувствоваться вес, ты убежал, и я тебя больше не видела. Прошло много дней, и начались неприятности. Главный наблюдатель во время службы сказал нам, что зло вырвалось на свободу, но больше не объяснил ничего. Он отказался отвечать на вопросы о тебе, как если бы тебя никогда не существовало. Несколько раз объявлялась тревога, происходили

странные вещи, два человека умерли, четыре девушки попали в госпиталь и не могут работать, так что остальным приходится дежурить чаще. Все разладилось. Когда я увидела тебя на экране — там, в долине, — я подумала, что ты, наверное, знаешь, в чем дело. Но ты же ранен!

Она не сразу это заметила и, только увидев кровь на сиденье машины, отшатнулась и запричитала:

— Это случилось уже давно. Меня лечили. Но только сегодня мне пришлось потревожить раны снова. У тебя в поясной сумке есть какие-нибудь лекарства?

— Аптечка первой помощи, нам всем полагается иметь ее при себе.

Дрожащими пальцами девушка вытащила из сумки пакет и передала Чималу. Тот вскрыл его и начал читать перечень содержимого.

— Прекрасно. — Он расстегнул свой комбинезон, и девушка отшатнулась, отводя глаза. — Бинты, антисептики, обезболивающие. Это должно помочь. — Взглянув на наблюдательницу, Чимал произнес с неожиданным сочувствием: — Я скажу тебе, когда можно будет смотреть.

Девушка закусила губу и кивнула, крепко зажмурившись. Похоже, главный наблюдатель

совершил великую ошибку, не рассказав наблюдателям о том, что произошло. Чимал не собирался говорить ей о некоторых вещах, но основные факты он сообщит — так, чтобы от этого было больше пользы.

— То, что я сообщил тебе, когда мы смотрели на звезды, — правда. Мы действительно отклонились от курса к Проксиме Центавра. Я знаю это точно: я нашел навигационные приборы, которые поведали мне об этом. Если ты сомневаешься, могу тебя туда отвести, и приборы скажут это тебе. Я обратился к главному наблюдателю, и он ничего не отрицал. Если мы повернем сейчас, то достигнем Проксимы Центавра через пятьдесят лет, и воля Великого Создателя будет исполнена. Но много лет назад главный наблюдатель и другие смотрители восстали против воли Великого Создателя. Я могу это доказать — все записано в судовом журнале, который хранится в апартаментах главного наблюдателя: свидетельства тех, кто принял такое решение, а также решение скрыть это от всех остальных. Тебе все пока понятно?

— Думаю, да. — Голос ее был так тих, что Чимал с трудом расслышал. — Но ведь это же ужасно! Почему они решились на такой отвратительный

грех — ослушаться Великого Создателя?

— Потому что они были безнравственными и эгоистичными людьми — хотя и смотрителями. Смотрители и теперь не лучше — они тоже скрывают правду. Они хотят помешать мне обнародовать ее. У них есть план отослать меня навсегда. Ну вот, теперь ты все знаешь. Ты поможешь мне исправить это зло?

Снова девушка оказалась на совершенно неизвестной ей территории, блуждая в дебрях представлений и обязанностей, разобраться в которых ей было не под силу. В ее упорядоченной жизни всегда было только послушание, ей никогда не приходилось принимать решения. Она не могла принудить себя составить собственное мнение. Решение бежать к нему, искать у него ответов было, возможно, единственным порывом свободной воли за всю ее долгую, но лишенную событий жизнь.

— Я не знаю, как поступить. Мне не хотелось бы… Я не знаю…

— Я понимаю, — ответил Чимал, застегивая одежду и вытирая окровавленные пальцы. Он развернул Стил к себе, взял ее за подбородок и заглянул в ее огромные пустые глаза. — Решать должен главный наблюдатель — такова его

функция. Он скажет тебе, прав я или ошибаюсь и как следует поступить. Давай найдем главного наблюдателя.

— Да, конечно.

Она вздохнула почти с облегчением, когда тяжкий груз ответственности оказался снят с ее плеч. Ее мир снова обрел привычную упорядоченность: тот, кому полагается принимать решения, сделает это. Странные события последних дней начинали ускользать из ее памяти: они никак не вписывались в ее отрегулированное существование.

Чимал низко пригнулся на сиденье машины, чтобы его испачканная и порванная одежда не бросалась в глаза, но в этом не было никакой необходимости. В туннелях никого не было. Все, должно быть, находились на своих постах — или были физически не в состоянии двигаться. Этот потайной мир туннелей переживал не меньшие перемены, чем долина.

«То ли еще будет», — с надеждой подумал Чимал, вылезая из машины у входа в апартаменты главного наблюдателя.

Залы, через которые они проходили, были пусты. Пустыми оказались и апартаменты главного наблюдателя. Чимал вошел, осмотрел комнаты и

растянулся на постели.

— Он скоро вернется. Лучшее, что мы можем сделать, — это дождаться его здесь.

Ничего другого он и физически не смог бы совершить. Болеутоляющие лекарства вызывали сонливость, и он не мог рисковать, если бы решил принять их снова. Наблюдательница Стил сидела на стуле, сложив руки на коленях, терпеливо ожидая инструкций, которые решат ее проблемы. Чимал задремал, вздрогнув, проснулся, опять задремал. Его одежда высохла в теплой комнате, постель была мягкой, боль почти прошла. Глаза его закрылись, и Чимал против своей воли уснул.

Рука, коснувшаяся его плеча, вытащила Чимала из глубин сна, который так не хотелось покидать. Только вспомнив все, что с ним случилось, он начал бороться с сонливостью и заставил свои глаза открыться.

— Снаружи слышны голоса, — сказала девушка. — Он возвращается. Не годится, чтобы тебя увидели лежащим на его постели.

Не годится. Это небезопасно. Он не позволит одурманить и захватить себя снова. Однако для того, чтобы подняться и с помощью девушки отойти в дальний конец комнаты, понадобились

все оставшиеся силы.

— Мы тихонько постоим здесь, — прошептал он, и дверь открылась.

— Не вызывайте меня, пока машина не будет готова, — послышался голос главного наблюдателя. — Я так устал, последние дни стоили мне многих лет жизни. Мне нужно отдохнуть. Пусть в северном конце долины по-прежнему будет туман, чтобы никто ничего не увидел. Когда кран будет установлен, пусть кто-нибудь из вас подсоединит кабель. Сделайте это сами. Мне нужен отдых.

Главный наблюдатель закрыл за собой дверь, и руки Чимала зажали ему рот.

7

Старик не сопротивлялся. Его тело обмякло, когда он поднял глаза и взглянул в лицо Чимала. Хотя усилие, потребовавшееся для того, чтобы удерживать главного наблюдателя, заставило ноги Чимала дрожать, он не отпускал старика, пока не удостоверился, что сопровождавшие его люди ушли; только тогда он отнял руки и указал наблюдателю на кресло.

— Господин, — распорядился Чимал, — луч-

ше, если все мы будем сидеть, стоять я больше не в силах. — Он тяжело опустился в кресло, и остальные покорно подчинились его приказу: девушка ждала, когда ей скажут, что делать, а старик казался совсем раздавленным событиями последних дней.

— Посмотри, что ты наделал, — хрипло произнес главный наблюдатель, — посмотри на все зло, весь ущерб, смерти… Какое еще греховное деяние ты задумал?

— Тише, — сказал Чимал и приложил палец к губам.

Он чувствовал, что жизненные силы его на исходе, даже ненавидеть в этот момент он был уже не способен, — и его спокойствие каким-то образом подействовало на остальных. Главный наблюдатель пробормотал что-то себе под нос. Он давно не пользовался кремом-депилятором, его щеки были покрыты щетиной, под глазами набрякли темные мешки.

— Слушай внимательно и постарайся понять. — Чимал говорил так тихо, что девушке и старику приходилось напрягать слух, чтобы расслышать. — Все переменилось. Долина никогда не будет такой, какой была, — ты должен это осознать. Ацтеки видели меня верхом на богине,

они обнаружили, что все совсем не так, как их учили думать. Коатлики никогда уже не будет нести охрану реки, чтобы обеспечить соблюдение табу. Родятся дети, родители которых происходят из разных деревень, — они будут Первопроходцами, но им нечего окажется осваивать. А ваш народ здесь, что будет с ним? Людям известно, что произошло что-то ужасное, но они не знают, что именно. Тебе придется рассказать им. После этого останется единственный выход — повернуть корабль.

— Никогда! — Гнев придал старику сил, и экзоскелет помог ему выпрямиться; его шишковатые пальцы сжались в кулаки. — Решение принято и не может быть изменено.

— О каком решении ты говоришь?

— О том, что планеты Проксимы Центавра признаны неподходящими. Я говорил тебе это. Теперь слишком поздно возвращаться. Мы продолжим наш путь.

— Так, значит, мы миновали Проксиму Центавра?

Главный смотритель открыл рот для ответа — и закрыл его: только теперь он понял, что угодил в западню. Усталость затуманила его рассудок. Он с ненавистью посмотрел на Чимала, потом бросил

взгляд на девушку.

— Продолжай, — подбодрил его Чимал. — Договори то, что начал. Расскажи о том, как ты и другие смотрители составили заговор против плана Великого Создателя и повернули корабль на другой курс. Расскажи этой девушке, чтобы она могла рассказать остальным.

— Это тебя не касается! — рявкнул старик на наблюдательницу Стил. — Уйди отсюда и не смей ни с кем обсуждать то, что ты здесь слышала.

— Останься! — Чимал толкнул ее в кресло, из которого она стала подниматься, послушная приказу главного наблюдателя. — Ты узнаешь еще кое-что. И может быть, скоро главный наблюдатель поймет, что лучше тебе оставаться здесь, где ты не можешь рассказать другим то, о чем узнала. Потом он решит, что тебе лучше умереть или отправиться в космос. Ему необходимо сохранить свою вину в секрете, потому что иначе он будет уничтожен. Поверни корабль, старик, соверши единственное доброе дело в своей жизни.

Изумление старика прошло, и он вновь обрел контроль над собой. Он коснулся своего деуса и склонил голову:

— Я наконец понял, что ты такое. Ты зло, подобно тому как Великий Создатель — добро. Твоя

цель — разрушение, но тебе не удастся ее достичь. Ты просто…

— Не пойдет, — перебил его Чимал. — Слишком поздно: оскорбления тебе не помогут. Я привожу факты — попробуй их опровергнуть. Будь внимательна, Стил, и запомни его ответы. Первый факт: мы больше не летим к Проксиме Центавра. Это так?

Старик закрыл глаза и не ответил, только скорчился в кресле, когда Чимал вскочил со своего места. Однако тот прошел мимо, не обращая внимания на наблюдателя, и взял с полки переплетенный в красное судовой журнал.

— Это тоже факт — ваше решение улететь от Проксимы Центавра. Ты хочешь, чтобы девушка сама прочла запись?

— Я не отрицаю того, что там написано. Это было мудрое решение, принятое для общего блага. Наблюдательница это поймет. К тому же она, как и все остальные, подчинится, независимо от того, что она им расскажет.

— Да, ты, наверное, прав, — устало сказал Чимал, отбрасывая судовой журнал и возвращаясь в свое кресло. — И в этом самое большое зло. Нет, ты тут не виноват. Виноват он — самый скверный из всех, тот, кого вы зовете Великим Создателем.

— Святотатство! — прокаркал главный наблюдатель, и даже наблюдательница Стил отшатнулась от Чимала, услышав столь ужасные слова.

— Всего лишь правда. В книгах я прочел, что на Земле существует нечто, называемое нациями. Это большие группы людей, хотя и не все население Земли целиком. Трудно сказать, почему они возникли и зачем, да это и не важно. Важно то, что одну из наций возглавлял тот, кого вы зовете Великим Создателем. В книге есть его имя, есть название его страны — все это теперь бессмысленно для нас. Его власть была так велика, что он построил памятник себе, который превосходит все созданное человеком. В своих писаниях он утверждает, что его детище — величественнее пирамид и любых других человеческих творений. Пирамиды велики, говорит он, но его создание — больше: это целый мир. Наш мир. В книге подробно описано, как он был задуман, построен и отправлен в путь. Великий Создатель очень гордился им. Но больше всего он гордился тем, какими людьми он населил этот мир, — теми, кто понесет человеческую жизнь к звездам и прославит его имя. Разве его чувства трудно понять? Ведь он создал целую расу, поклоняющуюся ему. Он превратил себя в бога.

— Он и есть бог, — сказал главный наблюдатель, и наблюдательница Стил кивнула и коснулась своего деуса.

— Совсем не бог, даже не черное божество зла, хотя он и заслужил, чтобы его так называли. Он просто человек. Отвратительный человек. Он прославляет чудо создания ацтеков — народа, специально предназначенного для выполнения его замысла, прославляет их искусственно достигнутые тупость и покорность. Это вовсе не чудо — это преступление. Родились дети — наследники лучших людей Земли, чье развитие было остановлено еще до рождения, которым внушили суеверную ерунду и отправили в неизвестность в этой каменной тюрьме, жить и умереть без надежды. И даже еще хуже — воспитывать собственных детей такими же безмозглыми, как они сами, — поколение за поколением тупых бесполезных существ. Тебе это известно?

— Такова была Его воля, — безмятежно ответил старик.

— Да, это совершилось по его воле, и это вполне устраивает тебя — главу тюремщиков целой расы, и ты мечтаешь только об одном: чтобы эта тюрьма сохранилась навеки. Бедный глупец! Ты никогда не задумывался о том, почему ты

сам и твои люди таковы, какие вы есть? Разве случайна ваша преданность долгу, ваша готовность служить? Неужели ты не понимаешь, что вы были подогнаны под определенный образец, как и ацтеки? После того как древние ацтеки были сочтены подходящей моделью для жителей долины, это чудовище — Великий Создатель — начал искать тех, кто подошел бы на роль обслуживающего персонала для многовекового путешествия. Он нашел основу для этого в мистицизме и монашестве — тупиковом пути, пройденном человечеством в своем развитии. Отшельники, валяющиеся в грязи своих пещер, святые, не сводящие глаз с солнца, чтобы достигнуть священной слепоты, монашеские общины, ушедшие от мира ради благодати нищеты. Вера заменяет мысль, ритуал делает разум ненужным. Этот человек изучил многие культы и выбрал для вас все самое худшее. Вы поклоняетесь боли, ненавидите любовь и материнство. Вы гордитесь своим долголетием и смотрите на недолговечных ацтеков как на низших тварей. Неужели вы не видите, что ваши пустые жизни — всего лишь ритуальная жертва? Неужели не понимаете, что ваш ум намеренно затуманен, чтобы никто не усомнился в необходимости того, что вы делаете?

Вы — такие же проклятые богом узники, как и жители долины!

Обессиленный, Чимал откинулся в кресле, переводя взгляд с исполненного ледяной ненависти лица главного наблюдателя на растерянное лицо девушки. Нет, им было невдомек, о чем это он говорит. Не было ни единой живой души, в долине или вне ее, с кем он мог бы общаться и быть понятым. Холодное одиночество окутало Чимала.

— Нет, конечно не понимаете, — пробормотал он с усталой безнадежностью. — Великий Создатель слишком хорошо все предусмотрел.

При этих словах их пальцы автоматически коснулись деусов. Чимал только вздохнул.

— Наблюдательница Стил, — приказал он, — возьми с полки еду и воду и принеси мне!

Девушка мгновенно сделала то, что ей велели. Чимал медленно жевал, запивая пищу едва теплым чаем из термоса и обдумывая, что делать дальше.

Рука главного наблюдателя поползла к рации на поясе, и Чималу пришлось отнять ее.

— Дай сюда и твою тоже, — приказал он наблюдательнице, не объясняя, зачем она ему нужна.

Девушка в любом случае выполнит приказ. Помощи ждать не от кого. Он снова один.

— Ты ведь тут самый главный, не так ли, старик?

— Это известно всем — кроме тебя.

— Мне это тоже известно. Когда было принято решение изменить курс, все смотрители согласились с этим, но последнее слово оставалось за тогдашним главным наблюдателем. Следовательно, теперь ты — тот человек, которому известно все и об этом мире, и о космических ботах, и об управлении ими, и о приготовлениях ко Дню прибытия — словом, обо всем?

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь?

— Сейчас поймешь. Ты должен располагать очень большим объемом информации, гораздо бóльшим, чем можно передать устно от одного главного наблюдателя другому. Поэтому где-то должны существовать планы, на которых отмечены все помещения корабля и все, что в них находится, должны быть инструкции к космическим ботам, учебники для обучения Первопроходцев, чтобы они были готовы к Дню прибытия. Наверняка есть и руководство для того, чтобы открыть долину в этот замечательный день, — где все это?

Последние слова были произнесены столь требовательно, что старик вздрогнул и его глаза

метнулись к шкафчику на стене. Он тотчас отвел взгляд, но Чимал уже все понял. Перед красным лакированным шкафчиком всегда горел светильник. Чимал замечал это и раньше и удивлялся, но никогда особенно не задумывался.

Когда Чимал поднялся, чтобы подойти к шкафчику, главный наблюдатель кинулся на него, используя помощь своего экзоскелета: он наконец понял, чего хочет его противник. Борьба была недолгой: Чимал скрутил руки старика за спиной. Вспомнив, каким неподатливым был его собственный испортившийся экзоскелет, он щелкнул выключателем на поясе главного наблюдателя. Сервомоторы выключились, сочленения стали неподвижны, и старик оказался пленником своей портупеи. Чимал осторожно поднял его и положил на постель.

— Наблюдательница Стил, выполняй свой долг, — дрожащим голосом заговорил старик. — Останови его. Убей его. Я тебе приказываю.

Не в силах понять происходящего, девушка нерешительно встала, беспомощно переводя глаза с одного на другого.

— Не беспокойся, — сказал ей Чимал, — все будет в порядке.

Преодолев ее нерешительное сопротивление,

он усадил ее в кресло и выключил ее экзоскелет тоже. Для большей надежности он связал ей руки подвернувшимся под руки полотенцем.

Только убедившись, что ему ничего не грозит с их стороны, Чимал подошел к шкафчику и попробовал его открыть. Дверцы были заперты. Со вспышкой внезапного раздражения Чимал рванул их на себя, сорвав шкафчик со стены и не обращая внимания на крики главного наблюдателя. Замок оказался скорее декоративным, нежели действующим, да и весь шкафчик развалился на части, когда Чимал его пнул. Нагнувшись, он поднял из обломков книгу в красном с золотом переплете.

— «День прибытия», — прочел он и открыл книгу. — Вот этот день и наступил.

Основные инструкции были просты, как и вообще все указания в справочниках для наблюдателей. Всю работу должны выполнить механизмы, их нужно только включить. Чимал представил себе последовательность действий, надеясь, что у него хватит сил пройти весь неблизкий путь. Боль и усталость снова навалились на него — а он не мог позволить себе потерпеть поражение. Старик и девушка молчали в ужасе от того, что он делает. Но это могло измениться, как только он

их оставит. Ему нужно время. В ванной обнаружились еще полотенца, и Чимал соорудил из них кляпы. Даже если кто-то окажется поблизости, они не смогут поднять тревогу. Он бросил обе рации на пол и растоптал. Ничто не должно его остановить.

Уже положив руку на дверную ручку, Чимал обернулся и посмотрел в широко открытые обвиняющие глаза девушки.

— Я прав, — сказал он ей. — Вот увидишь. Всех нас ждет счастье.

Прихватив с собой книгу инструкций, Чимал вышел и закрыл за собой дверь.

Пещеры были по-прежнему безлюдны, что было очень кстати: у Чимала не оставалось сил, чтобы идти окольным путем. На полдороге он повстречал двух сменившихся с вахты девушек-наблюдательниц, но они только вытаращили на него пустые испуганные глаза. Он уже почти достиг входа в зал, когда сзади раздался крик, и, обернувшись, Чимал увидел одетую в красное фигуру спешащего следом смотрителя. Было ли это случайностью, или началась погоня? В любом случае ему ничего не оставалось, как продолжить путь. Это было как в кошмарном сне: смотритель приближался с максимальной скоростью,

какую мог развить его экзоскелет, а Чимал, хоть и свободный, был ранен и устал. Он бежал впереди, хромая, а смотритель с хриплыми криками мчался за ним, как гротескная помесь человека и машины. Наконец Чимал достиг дверей огромного зала, ворвался туда и захлопнул створки, привалившись к ним спиной. Его преследователь барабанил в дверь с другой стороны.

Замка на двери не было, но вес Чимала удерживал створки закрытыми, пока он пытался отдышаться. Когда он открыл книгу, кровь заляпала белую страницу. Чимал просмотрел диаграмму и инструкции еще раз, а затем обернулся к необъятности расписного зала.

Слева было нагромождение огромных камней — обратная сторона барьера, загораживающего выход из долины, далеко справа — величественный портал. И где-то посередине задней стены находилось место, которое он должен найти.

Чимал пошел вдоль стены. Позади него дверь распахнулась, и смотритель ввалился внутрь зала, но Чимал не оглянулся. Преследователь встал на четвереньки, пытаясь подняться, сервомоторы его экзоскелета завывали. Чимал всмотрелся в роспись и легко обнаружил то, что искал. Перед ним была фигура человека, стоявшего отдельно

от устремлявшейся к порталу толпы; он был выше всех остальных.

«Может быть, это изображение самого Великого Создателя?» — подумал Чимал.

Он заглянул в глаза, которым художник придал такое благородство, и, если бы у него не пересохло во рту, плюнул бы в совершенное по своей красоте лицо. Он протянул руку и, оставляя на стене кровавый след, прикоснулся к нарисованной руке.

Что-то звонко щелкнуло, и в стене открылась дверца, за ней был единственный большой рубильник. Чимал ухватился за него. В этот момент смотритель настиг Чимала, кинулся на него, и они оба упали на пол.

Вес их тел привел рубильник в движение.

8

Атататль был стар, и, может быть, поэтому жрецы в храме сочли, что им можно пожертвовать. К тому же, поскольку он был касиком Квилапы, его слова имели вес, и люди прислушаются к нему, если он вернется и расскажет об увиденном. И еще, конечно, он послушен и сделает все, что ему велят. Так или иначе, каковы бы ни были

причины их решения, жрецы выбрали Атататотля, и он покорно склонился и отправился выполнять приказание.

Гроза ушла, и даже туман рассеялся. Если бы не мрачные напоминания о предшествующих событиях, такой вечер мог бы наступить после любого дня. Дождливого дня, конечно: земля под ногами была еще мокрой, а справа был слышен шум реки, поднявшейся почти вровень с берегами, приняв в себя ручьи с затопленных полей. Солнце пригревало, от земли поднимался пар. Атататотль дошел до края болота и присел отдохнуть. Не увеличилось ли болото с тех пор, как он был здесь в последний раз? Похоже, но ведь после такого ливня так и должно быть. Потом оно уменьшится снова, так ведь всегда бывало раньше. Не о чем особенно беспокоиться, но только все равно нужно не забыть сказать об этом жрецам.

Каким страшным местом сделался мир! Атататотль почти пожелал покинуть его: уж лучше блуждать по подземному миру смерти. Сначала — смерть верховного жреца и день, который превратился в ночь. Потом исчезновение Чимала, — как сказали жрецы, его забрала Коатлики. Но даже Коатлики не справилась с этим мятежным духом: он вернулся верхом на самой богине,

облаченный в кровавые одежды, ужасный с виду, но все еще с лицом Чимала. Что все это могло значить? А потом еще гроза. Все это было так непонятно. У своих ног он увидел зеленое лезвие — молодую травинку, нагнулся, сорвал и стал жевать. Скоро ему нужно будет возвращаться: он должен сообщить жрецам о том, что увидел. Не забыть бы рассказать им о том, что болото увеличилось, а главное, что нет никаких следов Коатлики.

Атататотль встал и начал разминать усталые ноги. В этот момент он услышал далекий рокот. Что еще случилось? В ужасе он обхватил себя руками, не в силах двинуться с места, и увидел волны, всколыхнувшие поверхность болота. Снова раздался рокот, на этот раз более громкий, земля содрогнулась у него под ногами, как будто весь мир начал сотрясаться.

Затем с треском и грохотом весь барьер из огромных глыб, преграждавший выход из долины, начал колебаться и скользить вниз. Сначала один каменный блок, потом еще и еще. Казалось, они уходят в землю, быстрее и быстрее, сталкиваясь, ломаясь и крошась, пока все не пропали из виду. Затем, с исчезновением преграды, начала отступать и вода: струи устремились туда

же, куда ушли камни, завихряясь тысячами маленьких водоворотов. Вода уходила быстро, и вскоре на месте болота осталась лишь коричневая грязь, испещренная серебряными блестками бьющихся рыб. Свободное пространство раскинулось там, где еще недавно были скалы; образовавшийся просвет обрамляло что-то золотое и великолепное, наполненное светом и идущими фигурами, — Атататотль простер руки перед увиденным чудом.

— Настал обещанный день, — произнес он, больше не испытывая страха, — и все странные события предвещали его. Мы свободны. Мы наконец-то можем покинуть долину.

Поколебавшись, Атататотль сделал первый шаг по еще жидкой грязи.

Внутри зала грохот взрывов был оглушителен. Как только прозвучал первый из них, смотритель отпустил Чимала и в страхе съежился на полу. Чимал вцепился в рубильник, пытаясь найти в нем опору, когда пол затрясся и гигантские скалы начали двигаться. Так вот для чего нужна огромная пещера внизу! Все оказалось предусмотрено: барьер из утесов стоял на каменной перемычке над полостью в скале, теперь опора разрушилась и потолок нижней пещеры рухнул.

С ревом последние камни скатились вниз, заполнив резервуар под залом так, что их верхушки образовали неровный, но все же вполне проходимый путь, ведущий в долину. Солнечный свет заструился сквозь отверстие и впервые осветил роспись на стенах зала.

Чимал смотрел на долину и далекие горы и думал о том, что на сей раз ему все удалось. То, что произошло, нельзя отменить, преграда разрушена навсегда. Его народ свободен.

— Вставай, — сказал он смотрителю, все еще в ужасе жавшемуся к стене, и толкнул его ногой. — Вставай, смотри и попытайся понять. Твой народ теперь свободен тоже.

Начало

Ах тламиц ноксочиу,
Ах тламиц нокиук.
Ин ноконехуа,
Ксекселиху йа мойяху.

Мои цветы не завянут,
Мои песни не умолкнут.
Им цвести,
Им звучать без конца.

Чимал парил вдоль оси центрального туннеля, постанывая, когда при движении его плечо задевало за поручень и теперь уже привычная боль простреливала руку. Рука болела все больше и становилась все менее подвижной. Ему еще придется вернуться в отсек хирургических машин для новой операции; если уж они ничего не смогут сделать, лучше ампутировать проклятую конечность, чем мучиться с ней всю жизнь. Если бы они хорошо вправили ее сразу, этого бы не случилось. Правда, та нагрузка, которой Чимал подверг руку, сражаясь, перенося тяжести и ка-

рабкаясь по скалам, вряд ли пошла ей на пользу. Тут уж ничего не поделаешь — избежать этого он не мог. Однако теперь обязательно нужно выбрать время для лечения, и не откладывая.

Чимал спустился на лифте в зону, где уже действовало тяготение, и Матлал открыл перед ним дверь.

— Все в порядке, — сказал Чимал охраннику, отдавая ему книги и записи, — курс меняется точно так, как предсказал компьютер. Мы движемся сейчас по огромной дуге, хотя это и не чувствуется. На поворот уйдут годы, но, по крайней мере, теперь наш курс приведет нас к Проксиме Центавра.

Его спутник кивнул, не обнаруживая ни желания, ни способности понять сказанное. Это не имело значения: Чимал по большей части говорил теперь для собственного удовлетворения. Он медленно, прихрамывая, пошел по коридору, и ацтек последовал за ним.

— Как люди отнеслись к тому, что теперь вода подается в деревни по трубам? — спросил Чимал.

— У этой воды другой вкус.

— Да не во вкусе дело. — Чимал старался не потерять терпение. — Разве не легче людям теперь,

когда не нужно таскать воду из реки, как раньше? И разве теперь не появилось больше еды, и разве больные не исцеляются?

— Все переменилось. Иногда… кажется неправильным, что происходят перемены.

Чимал и не ожидал одобрения: жители долины слишком консервативны. Ну что ж, он позаботится о том, чтобы люди были здоровы и сыты, что бы они об этом ни думали. Если не ради них самих, то ради детей. И он по-прежнему будет держать Матлала при себе — хотя бы потому, что тот снабжает его информацией. У него нет времени самому наблюдать за переменами в долине. Он выбрал Матлала, самого сильного человека в обеих деревнях, в качестве своего охранника еще в первые дни после падения барьера. Тогда он еще не знал, как поведут себя наблюдатели, и хотел иметь защиту в случае нападения. Теперь уже не было никакой необходимости в охране, так что Матлал оставался при нем, чтобы сообщать ему о событиях в долине.

Как оказалось, можно было не бояться нападения. Наблюдатели были столь же ошеломлены случившимся, как и жители долины. Когда первые ацтеки, преодолев грязь и неровные камни, попали в зал, они были поражены и ничего не

понимали. Два народа встретились и разошлись, не в силах воспринять существование друг друга. Порядок был восстановлен, только когда Чимал освободил главного наблюдателя и вручил ему инструкции «Дня прибытия». Привычка к дисциплине не оставляла старику выбора. Не глядя на Чимала, он взял книгу, отвернулся и отдал первый приказ. День прибытия начался.

Дисциплина и порядок объединили наблюдателей, а теперь еще в их жизнь вошла непривычная радость. Здесь и сейчас они переживали то, ради чего существовали все предыдущие поколения. Если смотрители и жалели о том, что время наблюдения кончилось, рядовые техники и наблюдатели не разделяли их чувств. Впервые, казалось, они обрели способность к полнокровной жизни — почти полнокровной.

Главный наблюдатель должен был взять на себя руководство: ведь так было написано в книге; на каждый случай существовала инструкция, и все они выполнялись. Старик снова пользовался всей полнотой власти, и Чимал никогда не подвергал сомнению его права. И все же Чимал знал, что его кровь оставила неуничтожимые следы на страницах книги «День прибытия», с которой теперь не расставался главный наблюдатель.

Чималу этого было достаточно. Он выполнил то, что необходимо.

Проходя мимо двери одной из классных комнат, Чимал заглянул внутрь: ацтеки склонились перед обучающими машинами. Наморщив лбы, они старательно смотрели на экраны, хоть, похоже, и мало понимали. Это тоже не имело значения: машины предназначены не для них. Самое большее, на что можно рассчитывать, — это слегка просветить ацтеков в их абсолютном невежестве. Жизнь людей станет легче, они будут существовать в лучших условиях. Все, что нужно, — это чтобы они были довольны и здоровы: ведь они всего лишь родители следующего поколения. Обучающие машины предназначены для детей — уж они-то будут знать, как извлечь из них максимальную пользу.

Дальше по коридору находились помещения, предназначенные для детей: пустые и безжизненные сейчас, они ждали. И палаты для рожениц, сверкающие чистотой и тоже пока пустые: теперь уже недолго ждать, когда они понадобятся. Надо отдать должное Великому Создателю: все было спланировано так, что, когда в зале прозвучал громогласный приказ заключать браки только между людьми из разных деревень, протестов не

последовало. Все сработало точно в соответствии с задуманным до последней мельчайшей детали.

Какое-то движение в одной из палат привлекло внимание Чимала; заглянув внутрь, он увидел сидящую в кресле наблюдательницу Стил.

— Пойди приготовь чего-нибудь поесть, Матлал, — приказал Чимал охраннику. — Я скоро приду. И отнеси книги и записи в мою комнату.

Ацтек отсалютовал, по привычке подняв руки в жесте, которым было принято приветствовать жрецов, и удалился. Чимал вошел в комнату и устало опустился в кресло рядом с наблюдательницей. Последние дни он работал очень напряженно — главный наблюдатель предоставил ему полную свободу во всем, что касалось навигационных задач и изменения курса. Теперь корабль был на нужной орбите, и автоматы позаботятся об остальном. Можно будет уделить время лечению, хоть ради этого и придется провести несколько дней в постели.

— Как долго мне еще придется приходить сюда? — спросила девушка; ее глаза выражали ставшую уже привычной обиду.

— Ты можешь никогда больше сюда не приходить, если хочешь, — ответил Чимал, слишком измученный, чтобы препираться опять. — Не

думаешь же ты, что это нужно мне.

— Не знаю.

— А ты подумай. Мне не доставляет удовольствия принуждать тебя смотреть на изображения детей и беременных женщин, учиться ухаживать за младенцами.

— Я не уверена. Существует так много вещей, которые нельзя объяснить.

— Ну, по большей части объяснить их все-таки можно. Ты женщина, и, если не считать твоего воспитания и подготовки, нормальная женщина. Я хотел бы дать тебе шанс почувствовать себя женщиной. Думаю, что жизнь, которую ты вела, многого тебе недодала.

Она стиснула кулаки:

— Я не хочу чувствовать себя женщиной. Я наблюдательница. В этом мой долг и моя радость — и я не хочу быть чем-то еще. — Искра гнева в ее глазах потухла так же быстро, как и зажглась. — Пожалуйста, разреши мне вернуться к моей работе. Разве в долине не достаточно женщин, которые будут рады дать тебе счастье? Я знаю, ты думаешь, что я тупая, что все мы тупые, но уж такими мы родились. Неужели ты не можешь оставить нас в покое — дать нам делать то, что мы должны делать?

Чимал смотрел на нее, впервые пытаясь поставить себя на ее место.

— Прости меня. Я пытался сделать из тебя что-то, чем быть ты не можешь и не хочешь. Изменившись сам, я считал, что и другие хотят измениться. Но я представляю собой лишь воплощение воли Великого Создателя — так же, как и ты. Для меня стремление к переменам и знанию — самое главное. Ради этого я преодолеваю любые преграды. Для меня в этом — цель и радость жизни, как для тебя они… как же называется эта вещь?.. для тебя они всегда заключались в поясе смирения.

— Не заключались, а заключаются! — выкрикнула Стил, вставая. В своем праведном гневе она даже распахнула одежду, чтобы показать ему серую грубую ткань, опоясывающую ее тело. — Я приношу покаяние за нас обоих.

— Да, именно это ты и делаешь, — грустно произнес Чимал, когда девушка, запахнув одежду и дрожа от собственной дерзости, выбежала из комнаты. — Нам всем следовало бы покаяться за те тысячи жизней, которые были потрачены ради того, чтобы мы оказались здесь. Ну, по крайней мере, теперь этому положен конец.

Чимал окинул взглядом ряды кроватей и ко-

лыбелей, ждущих своего часа, и уже не в первый раз подумал о том, как же он одинок. Впрочем, к этому можно привыкнуть — ведь ничего, кроме одиночества, он и не знал никогда. И теперь уже скоро появятся они — дети.

Меньше чем через год родятся младенцы, через несколько лет они начнут говорить. Чимал неожиданно ощутил свою связь с этими еще не рожденными детьми. Он знал, как они будут смотреть на мир — с изумлением и интересом, и знал, какие бесчисленные вопросы будут они задавать.

Но только на этот раз на вопросы найдутся ответы. Пустые годы его детства никогда больше не повторятся. Есть машины, чтобы отвечать на вопросы, и есть он, Чимал.

Эта мысль заставила его улыбнуться: он представил себе пустую сейчас комнату полной детишек с любопытными глазами.

Терпение, Чимал, еще несколько коротких лет — и ты больше никогда не будешь чувствовать себя одиноким.

Подвиньтесь! Подвиньтесь!

Тодду и Мойре.
Я надеюсь, дети, что это окажется
всего лишь вымыслом

Пролог

В декабре 1959 года президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр сказал: «У нашего правительства, пока я нахожусь на этом посту, никогда не будет позитивной политической доктрины в программе, имеющей отношение к проблеме контроля за рождаемостью. Это не наше дело». С тех пор это и не было делом американского правительства.

В 1950 году жители Соединенных Штатов, составляя лишь девять процентов населения земного шара, потребляли пятьдесят процентов всего сырья. Эта доля продолжает увеличиваться, и через пятнадцать лет при теперешней скорости роста Соединенные Штаты будут использовать свыше восьмидесяти трех процентов ежегодно добываемых полезных ископаемых. К концу столетия, если наше население будет увеличиваться с такой же скоростью, этой стране будет нужно более ста процентов естественных ресурсов планеты, чтобы сохранить сегодняшний уровень жизни. Это математически невозможно, не говоря уже о том, что тогда на Земле будут жить около семи миллиардов людей, и, вероятно, им

тоже захочется иметь какое-нибудь сырье.

В таком случае на что будет похож этот мир?

Часть первая

Нью-Йорк. Украденный у доверчивых индейцев коварными голландцами, отнятый у законопослушных голландцев воинственными англичанами и затем отбитый у мирных англичан колонистами. Деревья здесь исчезли много десятилетий тому назад, холмы срыты, пруды засыпаны, а чистые родники, будучи не в силах пробиться на поверхность, несут свои прозрачные воды прямо в сточные трубы. Город раскинул свои щупальца далеко за пределы острова, он превратился в мегаполис, четыре из пяти районов которого заняли целиком один остров и добрую половину второго и тянутся вдоль Гудзона вглубь Северной Америки. Пятый, самый старый район — это Манхэттен: кусок гранита, скала, окруженная водой, паук из камня и стали, сидящий в паутине мостов, туннелей, труб и кабелей. Не имея возможности расшириться, Манхэттен рванулся вверх, поедая собственную плоть и ставя новые дома на месте старых, поднимаясь все выше и выше — и все равно недостаточно высоко, поскольку людям опять не хватало места. Люди создавали семьи, а их дети и дети их детей тоже

создавали семьи, пока этот город не стал самым населенным в истории человечества.

В этот жаркий августовский день 1999 года в Нью-Йорке проживало — плюс-минус несколько тысяч — тридцать пять миллионов человек.

Глава 1

Августовское солнце било в открытое окно и обжигало голые ноги Эндрю Раша до тех пор, пока тот не вынырнул из глубин беспокойного сна. Он медленно осознавал окружающую жару, влажность и грязную простыню под собой. Он протер заспанные глаза и уставился в потрескавшийся грязный потолок, проснувшись лишь наполовину и с чувством некоего смущения, как бывает в первые мгновения после пробуждения, когда не знаешь, где находишься. Раш зевнул, и странное чувство улетучилось. Потянувшись за часами, которые он всегда клал на кресло рядом с кроватью, Раш еще раз зевнул и, щурясь, взглянул на стрелки под поцарапанным стеклом. Семь… семь часов утра, а в квадратном окошечке — маленькая цифра «девять». Понедельник, 9 августа 1999 года — жарко, как в печке, хотя город еще валяется в постели под этой горячей

волной, что печет и душит Нью-Йорк последние десять дней. Энди вытер пот со лба, убрал ноги из-под солнечных лучей и подсунул подушку под голову. Из-за перегородки, разделявшей комнату пополам, раздалось жужжание, время от времени переходившее в пронзительный вой.

— Доброе утро!.. — закричал он и тут же закашлялся.

Не переставая кашлять, он встал и прошел в другой конец комнаты к бачку на стене. Вода текла тонкой коричневой струйкой. Энди сделал глоток и постучал по шкале костяшками пальцев. Стрелка подскочила и опустилась недалеко от отметки «Пусто». Бак нужно было наполнить. Лучше бы сделать это еще до того, как идти отмечаться в четыре часа в участке. День начался.

К неуклюжему шкафу было прикреплено большое, в рост человека, зеркало с трещиной от верха до низа, и Энди уткнулся в него, почесывая колючую скулу. Перед уходом надо бы побриться.

Не следует смотреть на себя, голого и неприбранного поутру, подумал он с отвращением, хмуро разглядывая мертвенно-бледную кожу и кривые ноги, обычно скрытые штанами. И как только удается иметь выпирающие ребра, будто у умирающей с голоду клячи, и в то же время

довольно солидный животик? Он помял живот и подумал, что причиной этому крахмалистый рацион и то, что бóльшую часть времени приходится просиживать задницу. Хорошо хоть лицо не располнело. Лоб с каждым годом становится чуть выше, но это не так заметно благодаря короткой стрижке.

Тебе только перевалило за тридцать, подумал он, а вокруг глаз уже морщины. И нос у тебя чересчур большой… Кажется, дядя Байен всегда говорил, что это из-за примеси валлийской крови. И клыки довольно длинные, поэтому улыбка напоминает оскал гиены. Ты чертовски симпатичен, Энди Раш, а когда у тебя последний раз было свидание? Он хмуро глянул на себя и пошел искать платок, чтобы прочистить свой выдающийся валлийский нос.

В ящике лежали только одни чистые трусы, и Энди их надел. Не забыть бы сегодня еще и постирать. Жужжание за перегородкой продолжалось. Энди распахнул дверь.

— Ты так инфаркт схлопочешь, Сол, — сказал он седобородому мужчине, крутившему педали велосипеда-тренажера так энергично, что по груди ручьями тек пот, впитываемый банным полотенцем, повязанным на поясе.

— Никаких инфарктов, — выдохнул Соломон Кан, тяжело дыша. — Я занимаюсь этим так давно, что моя тикалка не выдержит, если я брошу. А регулярное употребление алкоголя выгоняет из крови весь холестерин. А рак легких мне не грозит, поскольку позволить себе курить я не могу, даже если б очень захотел. И в семьдесят пять никакого простатита, потому что…

— Сол, пожалуйста… избавь меня от этих ужасных подробностей на пустой желудок. У тебя найдется кубик льда?

— Возьми пару — сегодня жарко. Только не держи дверь открытой слишком долго.

Энди открыл маленький холодильник, притулившийся у стены, быстро вынул пластиковый пакет с маргарином, выдавил два кубика льда из поддона в стакан и захлопнул дверцу. Потом набрал в стакан воды из бачка и поставил его на стол рядом с маргарином.

— Ты еще не ел? — спросил он.

— Сейчас… Эта штука, похоже, уже зарядилась.

Сол прекратил крутить педали, вой сменился стоном и затих. Он отсоединил от электрогенератора провода, аккуратно смотал и положил рядом с четырьмя черными автомобильными аккумуляторами, стоявшими в ряд на холодильнике.

Затем, вытерев ладони о влажное полотенце, вытащил кресло, сделанное из сиденья допотопного «форда» образца 1975 года, и уселся за стол напротив Энди.

— Я слушал новости в шесть утра, — сказал он. — Старики организуют сегодня еще один марш протеста у управления социальной помощи. Вот где насмотришься на инфаркты!

— Слава богу, не насмотрюсь. Работа у меня с четырех, а Юнион-сквер не относится к нашему участку. — Он открыл хлебницу, вынул небольшой крекер и подвинул ее Солу. Потом тонким слоем намазал маргарин на крекер, откусил и, морща нос, стал жевать. — По-моему, маргарин уже того…

— С чего ты взял? — проворчал Сол, откусывая крекер. — Все, что делается из машинного масла пополам с ворванью, изначально того…

— Ты говоришь, как какой-нибудь диетолог, — сказал Энди, макая крекер в холодную воду. — У жиров из нефтепродуктов почти нет вкуса, и ты сам знаешь, что китов уже давно нет, поэтому и ворвани нет, а добавляют старое доброе хлорелловое масло.

— Киты, планктон, рыбий жир — один черт. Все воняет рыбой. Я, пожалуй, поем всухомятку, что-

бы плавники не выросли. — Внезапно раздался стук в дверь. — Еще и восьми нет, а за тобой уже пришли, — простонал Сол.

— Это может быть кто угодно, — сказал Энди, подходя к двери.

— Может, да не может, это стук посыльного, и тебе это известно не хуже моего. Я даже знаю, кто это. Видишь? — Он кивнул с мрачным удовлетворением, когда Энди отпер дверь и они увидели худощавого босого курьера.

— Что тебе надо, Вуди? — спросил Энди.

— Мне нисего не нузно, — прошепелявил Вуди беззубым ртом. Хотя ему было немногим за двадцать, во рту у него не осталось ни единого зуба. — Лейтенант велел принести, я и принес. — Он передал Энди записку с его именем, написанным на обороте.

Энди повернулся к свету, читая корявые каракули, потом нацарапал внизу свои инициалы и вернул бумажку посыльному. Заперев за ним дверь, он вернулся к столу, задумчивый и хмурый.

— Не смотри на меня так, — сказал Сол. — Не я его послал. Осмелюсь предположить, что новости не из самых приятных.

— Да, эти старики уже всю площадь заполони-

ли, и тот участок просит подкрепления.

— Но ты тут при чем? Им же костоломы нужны.

— Костоломы! Где ты нахватался этого средневекового сленга? Конечно, чтобы сдерживать толпу, им нужны патрульные, но нужны и детективы, чтобы выявлять агитаторов, карманников и прочих. Сегодня в парке будет смертоубийство. Мне нужно быть к девяти, поэтому я хоть за водой успею сбегать.

Энди медленно натянул штаны и просторную футболку, затем поставил кастрюльку с водой на подоконник, чтобы согрелась на солнце. Прихватив две двадцатилитровые пластмассовые канистры, он вышел.

Сол оторвался от телевизора и глянул ему вслед поверх старомодных очков.

— Когда принесешь воды, я поставлю тебе стаканчик — или, по-твоему, еще слишком рано?

— Сегодня самое то.

В коридоре было темным-темно, и Энди осторожно, по стеночке, добрался до лестницы. Споткнувшись о кучу мусора, которую кто-то вывалил за дверь, он выругался. Двумя этажами ниже в стене было окно, через которое проникало достаточно света, чтобы не кувыркнуться с

последних двух пролетов, остающихся до выхода. После прохладного коридора Двадцать пятая улица обрушила на него душную волну горячего воздуха и запахи гнили, грязи и немытых людей. Прокладывая путь в толпе женщин, приходилось следить, чтобы не наступить на детей, игравших под ногами. По тротуару, еще покрытому утренней тенью, сновало столько прохожих, что Энди пошел по проезжей части. Жара уже растопила асфальт, и он прилипал к подошвам башмаков.

У красной водоразборной колонки, как обычно, уже выстроилась длинная очередь. Когда Энди подошел поближе, она заволновалась, послышались негодующие крики, угрожающе замахали кулаки. Недовольно ворча, толпа рассосалась, и Энди увидел, что полицейский запер металлическую дверцу.

— В чем дело? — спросил Энди. — Я думал, что пункт работает до полудня.

Полицейский обернулся, автоматически положив руку на кобуру пистолета, но тут же узнал детектива со своего же участка. Он сдвинул фуражку на затылок и утер ладонью пот со лба.

— Только что сержант приказал закрыть все пункты на двадцать четыре часа. Из-за засухи уровень воды в водохранилище упал, приходится

экономить.

— Ничего себе новости, — сказал Энди, поглядывая на ключ, торчавший в замке. — Мне сейчас на дежурство, и, стало быть, два дня придется жить без воды.

Осторожно оглянувшись, полицейский открыл дверцу и взял у Энди канистру.

— Одной тебе хватит. — Он поставил ее под кран и, понизив голос, сказал: — Между нами, ходят слухи, что на севере снова взорвали акведук.

— Опять фермеры?

— Наверняка. До перевода на этот участок я работал там, в охране. Неуютно было — того и гляди взлетишь на воздух вместе с акведуком. Они заявляют, что город ворует у них воду.

— Но у них достаточно воды, — сказал Энди, забирая полную канистру. — Больше чем нужно. А в городе тридцать пять миллионов мучаются от жажды.

— Кто спорит, — согласился полицейский, захлопывая и запирая дверцу.

Энди потащился обратно, проталкиваясь сквозь толпу, но по лестнице подниматься не стал, а зашел во двор. Все туалеты были заняты, и ему пришлось ждать. Когда он наконец втиснулся в одну из кабинок, то взял с собой и канистры:

любой из мальчишек, игравших в куче отбросов у забора, запросто упер бы их, оставь он воду снаружи.

Преодолев темные марши и открыв дверь, он услышал позвякивание льда о стекло стакана.

— Ты прямо Пятую Бетховена играешь, — сказал он, ставя канистры на пол и падая в кресло.

— Любимая тема, — сказал Сол, доставая из холодильника два охлажденных стакана, и с торжественностью религиозного ритуала опустил в каждый по крохотной перламутровой луковичке.

Один стакан он передал Энди, и тот осторожно отхлебнул холодную жидкость.

— Когда я пробую такое, Сол, я почти начинаю верить, что ты, в конце концов, не совсем рехнулся. Почему эта смесь называется «Гибсон»?

— Тайна, покрытая мраком. Почему «Стингер» называется «Стингером», а «Розовая дама» — «Розовой дамой»?

— Не знаю… почему? Я их ни разу и не пробовал.

— И я не знаю, но называется именно так. Как то зеленое пойло, которое продают в забегаловках, называется «Панама». Ничего не значит, просто название.

— Благодарю, — сказал Энди, осушив стакан. — Мир сразу кажется иным.

Он отправился в свою комнату, вытащил из шкафа кобуру с пистолетом и пристегнул оружие к ремню брюк. Его бляха висела на брелоке с ключами, как всегда. Энди сунул в карман блокнот и на секунду задумался. День предстоит долгий и трудный, да и всякое может случиться. Он достал из-под стопки рубашек наручники и газовый баллончик. В толпе стариков это тоже пригодится, да к тому же оно и безопаснее. Кроме того, новые суровые правила применения боевых средств заставляли выискивать повод для их использования. Он наскоро вымылся водой, уже нагревшейся на солнце, затем потер лицо серым грязным обмылком, чтобы хоть как-то размягчить щетину. Бритва уже основательно затупилась, и он попытался заточить ее о край стакана. Он подумал, что пора бы приобрести новую. Может, осенью.

Когда Энди вышел из комнаты, Сол поливал свою грядку на подоконнике, где росли всякие травы и лук.

— Только смотри, чтобы тебя на мякине не провели, — сказал он, не отрываясь от работы.

У Сола был большой запас слов — что такое эта

самая мякина?

Солнце поднялось уже высоко, и бетонно-асфальтовое ущелье улицы превращалось в пекло. Полоска тени стала еще уже, а людей у входа в дом — еще больше, и Энди едва смог выйти из двери. Он осторожно перешагнул через крошечную сопливую девчушку в протертой до дыр ночной рубашке и спустился на одну ступеньку. Изможденная женщина неохотно подвинулась, даже не взглянув на него, а мужчины уставились с ненавистью, что делало их похожими на членов одной суровой семьи. Энди пробрался сквозь толпу и у самого тротуара перешагнул через протянутые ноги лежащего старика. Тот казался мертвым. Ноги у него были босые и грязные, а щиколотку обхватывала веревка, другой конец которой был привязан к ребенку, сидевшему на тротуаре и отрешенно жующему сломанную пластиковую тарелку. Ребенок был так же грязен, как и старик, его живот сильно раздулся. Неужели старик мертв? Впрочем, с обязанностью быть якорем для ребенка мог справиться и мертвый.

«Черт, поганое сегодня утром настроение, — подумал Энди. — Наверняка из-за жары; я не выспался, всю ночь снились какие-то кошмары. Это бесконечное лето и все эти неприятности;

похоже, одна цепляется за другую. Сначала жара, потом засуха, ограбление складов, а теперь вот еще старики. Они с ума сошли — выходить из дома в такую погоду. Или, может, они сошли с ума от погоды?»

Думать было слишком жарко. Когда он завернул за угол, Седьмая авеню словно вспыхнула перед ним, и он руками и лицом ощутил солнечный жар. Рубашка уже прилипла к спине, а на часах только без четверти девять.

На Двадцать третьей улице, в длинной тени эстакады городской экспресс-линии, закрывавшей почти все небо, было прохладно, и он медленно шел в полумраке, поглядывая на велотакси и гужевики. Вокруг каждого столба эстакады стояли маленькие группки людей, облепившие их словно устрицы, и колеса почти касались их ног. Сверху раздался грохот — по экспресс-линии проехал тяжелый грузовик, и Энди увидел, что впереди, перед зданием участка, остановился фургон. Полицейские в форме не спеша забирались в кузов, а лейтенант Грассиоли стоял рядом с грифельной доской в руках и разговаривал с сержантом. Подняв голову, он хмуро взглянул на Энди, нервный тик заставил его левое веко сердито подмигнуть.

— Пришел почти вовремя, Раш, — сказал он, делая пометку на дощечке.

— Сегодня у меня выходной, сэр, меня вызвали.

С Грасси надо быть настороже, он изведет кого угодно: у него язва, диабет и больная печень в придачу.

— Полицейский находится на службе двадцать четыре часа в сутки, так что залезай в машину. Я хочу, чтобы ты с Кулозиком взяли пару-другую карманников. Эти, с Центральной улицы, мне уже все уши прожужжали.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Энди спине лейтенанта, когда тот повернулся и направился обратно в участок.

Энди забрался по откидной лесенке в кузов и сел на скамейку рядом со Стивом Кулозиком, который, как только лейтенант ушел, сразу прикрыл глаза и начал дремать. Это был мужчина с телом, где соперничали жир и мышцы. Одет он был, как и Энди, в мятые хлопчатобумажные штаны и рубаху с короткими рукавами. Рубашка висела мешком, скрывая пистолет в кобуре. Когда Энди плюхнулся рядом, он приоткрыл один глаз и что-то буркнул.

Стартер раздражающе взвыл и выл до тех пор,

пока скверное топливо не вспыхнуло и дизельный двигатель не ожил. Грузовик, содрогаясь и дребезжа, отъехал от участка и тронулся на восток. Полицейские жались к краям скамеек, чтобы ловить дуновение ветерка и заодно наблюдать за улицами, забитыми людьми. Этим летом полицейские были не очень-то популярны. Не очень приятно, когда в тебя неожиданно бросают камни или бутылки.

Неожиданно фургон задрожал — водитель сбросил скорость и нажал на сигнал, прокладывая путь сквозь толпу людей и множество безмоторных экипажей.

На Бродвее скорость стала совсем черепашьей: люди запрудили всю проезжую часть в окрестностях Мэдисон-сквера, где располагались блошиный рынок и палаточный городок. Здесь, в центре, обстановка была не лучше. Старики уже вышли на улицы и направлялись на юг, едва волоча ноги. Полицейские, проезжая мимо, равнодушно на них поглядывали — медленно колышущаяся масса седых и лысых голов, большинство людей с палочками, старик с окладистой седой бородой ковылял на костылях. Было полным-полно инвалидных колясок. Когда полицейские появились на Юнион-сквер, солнце,

вырвавшись из-за зданий, безжалостно обрушилось на них.

— Чистая смерть, — зевнув, сказал Стив Кулозик и вылез из фургона. — Жара убьет половину этих старикашек. На солнце, наверное, градусов сорок. В восемь часов было тридцать три.

— А врачи на что? — Энди кивнул в сторону небольшой группы людей в белых халатах, разворачивавших носилки рядом с машиной «скорой помощи».

Детективы подошли к толпе, уже заполнившей парк, и пробрались к трибуне. Послышался скрежет и щелчок — проверяли звуковую систему.

— Рекорд, — сказал Стив, глазами ощупывая толпу. — Я слышал, что в водохранилищах низкий уровень потому, что некоторые из труб на выходе не заизолированы. Это да еще деревенщина, постоянно взрывающая акведук…

Визг из громкоговорителей заглушили громовые раскаты голоса, усиленного микрофоном:

— Товарищи, дамы и господа, члены всех обществ Старейшин Америки, прошу вашего внимания. Сегодня утром я заказал облака, но, похоже, заказ не дошел…

Одобрительный гул прокатился по парку, раздалось несколько хлопков.

— Кто это? — спросил Стив.

— Ривз. Его называют Малыш Ривз, потому что ему всего лишь шестьдесят пять. Он исполнительный директор Стариков, но, если так и дальше пойдет, на следующий год станет президентом…

Его последние слова потонули в сотрясающем горячий воздух голосе Ривза:

— Но наша жизнь далеко не безоблачна, и мы можем прожить и без облаков на небе. — На этот раз в ответном гудении толпы послышались нотки гнева. — Власти следят за тем, чтобы мы не могли работать, несмотря на состояние нашего здоровья и способности. Власти установили оскорбляющее нас нищенское содержание, на которое мы должны жить, и в то же время они следят, чтобы на эти деньги можно было купить все меньше и меньше с каждым годом, с каждым месяцем, с каждым днем…

— Первый готов, — сказал Энди.

Какой-то человек в задних рядах упал на колени и схватился за грудь. Энди рванулся было к нему, но Стив Кулозик удержал его.

— Это их дело, — сказал он, указывая на двух врачей, уже бежавших к пострадавшему. — Что-то с сердцем или тепловой удар. Думаю, далеко не последний. Давай-ка прочешем толпу.

— …Снова пришла пора объединиться… силы, которые ввергают нас в нищету, голод и полное забвение… растущие цены свели на нет…

Казалось, между крохотной фигуркой на трибуне и громовым голосом нет никакой связи. Детективы разделились, и Энди стал медленно продираться сквозь толпу.

— …Мы не примем ничего второсортного, или третье-, или четверосортного, как теперь, мы не примем грязного угла, где мы должны дремать, дожидаясь голодной смерти. Мы — жизненно важная составляющая… Нет, я скажу, мы самая важная составляющая общества — хранилище опыта, знаний и рассудительности. Пусть муниципалитет, Олбани и Вашингтон действуют — или берегитесь, потому что когда подсчитают голоса, то обнаружат…

Слова грохотали в ушах, но Энди не обращал на них внимания, пробираясь сквозь толпу взбудораженных стариков; глаза его шарили в море беззубых десен, седых небритых щек и слезящихся глаз. Здесь не было карманников, лейтенант оказался не прав: в подобной толпе им делать было нечего. Эти люди совершенно нищие. А если у них и есть какая-нибудь мелочь, то она надежно спрятана в старомодные кошельки или

зашита в трусы.

Толпа колыхнулась — двое мальчишек со смехом пробежали сквозь нее, пиная и стараясь свалить друг друга.

— Довольно, — сказал Энди, вставая на их пути. — Успокойтесь и уходите из парка, ребята, вам тут делать нечего.

— Это кто сказал? Что хотим, то и делаем…

— Закон! — рявкнул Энди, вытащил из кармана бляху и угрожающе сунул им в лицо. — Пошевеливайтесь!

Они молча повернулись и стали выбираться из толпы, а он пошел следом, чтобы удостовериться, что они в самом деле уйдут.

Совсем дети, подумал он, убирая бляху, вероятно, лет десять-одиннадцать, но за ними нужен глаз да глаз, а то они такого натворят… Да и поосторожней с ними надо, а то, если их много, стоит отвернуться, навалятся всей гурьбой и изрежут осколками стекла, как беднягу Тейлора.

На стариков, похоже, что-то нашло. Они начали раскачиваться взад-вперед, а когда усиленный динамиками голос на мгновение умолк, позади трибуны послышались крики. Видимо, начиналась заварушка. Энди бросился туда. Ривз больше не говорил, а крики становились все сильнее;

раздался звук бьющегося стекла.

Из громкоговорителей прогремел другой голос:

— Говорит полиция. Прошу всех разойтись, митинг закончен, уходите с площади на север…

Яростный вой заглушил говорившего. Старики подались вперед в едином порыве. Когда их вопли стихли, вновь стали слышны слова оратора Ривза:

— …Люди… успокойтесь… Я лишь хочу вам сказать… я не осуждаю ваше негодование, но сейчас не время… Капитан объяснил мне положение вещей, и я вижу отсюда, что это не имеет ничего общего с нашим митингом. Какие-то беспорядки на Четырнадцатой улице… Нет!.. Не ходите туда, от этого будет только хуже, там полиция, она не даст вам пройти. Я вижу, что сюда двигаются отряды специального назначения, и полиция намерена применить летающую проволоку…

Толпа вздрогнула, движение обратилось вспять, и люди стали уходить с Юнион-сквер, подальше от Четырнадцатой улицы. Старики отлично знали, что такое летающая проволока.

Энди пробрался за трибуну, где людей было меньше, и, увидев, что Четырнадцатая улица забита бурлящей толпой, не мешкая направился туда. Край площади был оцеплен полицейскими,

расчистившими место у парка. Ближайший из них поднял дубинку и заорал:

— Держись подальше, парень, а то нарвешься на неприятности!

Энди показал ему бляху. Он кивнул и отвернулся.

— В чем дело? — спросил Энди.

— Крутая буча заваривается, а то и еще чего хуже… Вали отсюда! — Он ударил дубинкой по поребрику, и лысый мужчина на алюминиевых костылях остановился и, поколебавшись, свернул в парк. — Клейн, как обычно, устроил рекламную распродажу. Они вывесили в витринах плакаты, как и раньше делали без всяких неприятностей. Но на этот раз он получил партию соево-чечевичных бифштексов… — Он повысил голос, чтобы перекричать шум двух приближавшихся бело-зеленых вертолетов. — Одна дурища затарилась и прямо за ближайшим углом нарвалась на телерепортеров, которым все и выболтала. Теперь люди валом валят со всех сторон, а половина улиц, по-моему, не перекрыта. С этой стороны мы хоть проволоку натянули.

Энди нацепил бляху на карман рубашки и принялся вместе с полицейскими отгонять толпу. Толпа не сопротивлялась. Люди поднимали го-

ловы и от резких хлопков вертолетных винтов шарахались прочь. Вертолеты снизились, и из их утроб посыпались мотки проволоки. Ржавые мотки колючей проволоки ударялись о землю, скрепляющие скобы разрывались.

Это была не просто колючая проволока. Ее закаленная сердцевина обладала памятью: металл, независимо от того, как его скрутить и согнуть, возвращал себе первоначальную форму, как только исчезали внешние напряжения. Если обычная проволока легла бы спутанной кучей, эта стремилась обрести исходную форму, шевелясь, словно слепой зверь, разворачиваясь и растягиваясь вдоль улицы. Полицейские в толстых рукавицах ухватились за ее концы и положили ее в нужном направлении, чтобы посреди улицы образовался барьер. Две раскручивающиеся спирали столкнулись и вступили в бессмысленную схватку, взмывая в воздух, падая и сплетаясь в извивающийся клубок. Когда последний участок проволоки замер, поперек улицы высилась стена колючей проволоки высотой и толщиной в метр.

Но беспорядки на этом не кончились. Люди по-прежнему прорывались с юга по улицам, еще не перекрытым проволокой. Поднялся крик, началась свалка. Проволока могла остановить

нашествие, но, чтобы ее уложить, надо было расчистить для этого место. Полицейские метались перед толпой взад-вперед, а над головами людей, словно рассерженные пчелы, жужжали вертолеты.

Раздался оглушительный треск, за ним послышался визг. Толпа высадила одну из витрин в магазине Клейна, и люди упали прямо на торчащие осколки стекла. Потекла кровь, кто-то застонал. Энди пробился к витрине. На него налетела какая-то женщина с выпученными глазами; из ее рассеченного лба хлестала кровь. Энди прижали к самому окну, и сквозь крики он услышал трель полицейского свистка. Люди лезли в разбитую витрину, топча истекавших кровью раненых, и хватали коробки. Это был склад продовольственного отдела. Энди закричал, но в реве толпы едва услышал собственный голос. Он схватил мужчину, который с охапкой пакетов пытался выбраться из окна, но не смог его удержать. Зато другие смогли, и мужчина рухнул под напором жадных рук, теряя коробки.

— Стоять! — заорал Энди. — Стоять!

Это было бесполезное занятие, словно в каком-то кошмаре. Из окна вылез худенький парнишка-китаец в шортах и залатанной рубашке, прижи-

мавший к груди коробку с соево-чечевичными бифштексами. Энди беспомощно протянул руки. Мальчик посмотрел на него невидящими глазами, отвернулся, согнулся пополам, прикрывая добычу, и начал вдоль стены ужом выбираться из толпы. Мелькнули ноги с напряженными мышцами, ступни наполовину вылезали из сандалий с подошвой, сделанной из автопокрышки. Он исчез, и Энди сразу забыл о нем, как только пробился к разбитому окну и встал плечом к плечу с полицейским в разорванной рубашке, который чуть раньше добрался до витрины. Полицейский молотил дубинкой по тянувшимся рукам.

Энди присоединился к нему и ловко ударил мародера, пытавшегося пролезть между ними, затем запихнул бесчувственное тело и коробки обратно в магазин. Завыли сирены, над толпой взметнулись белые струи: появились специальные машины для подавления беспорядков, прокладывающие себе путь в толпе потоками воды.

Глава 2

Билли Чун засунул пластиковую коробку с соевыми бифштексами под рубашку, а когда он

еще и согнулся в три погибели, ее не так-то легко было заметить. Сначала он еще кое-как продвигался, но вскоре давка стала невыносимой, и его прижало к стене. Он пытался противостоять силе, вжимающей его лицо в горячий пыльный кирпич. Тут ему так ударили коленом по голове, что он почти потерял сознание и очнулся от струи холодной воды. Прибыли машины для подавления беспорядков, и их водяные пушки разредили толпу. Одна из струй впечатала его в стену и прошла дальше.

Напор толпы ослаб, и Билли, пошатываясь, встал, огляделся, не заметил ли кто-нибудь его ноши, но на него никто не обращал внимания. Остатки толпы, мокрые насквозь, в крови и синяках, просачивались мимо неуклюже продвигавшихся полицейских машин. Билли пристроился к бегущим, повернул в сторону Ирвинг-Плейс, где было меньше людей, отчаянно высматривая какое-нибудь укрытие — место, которое найти в этом городе было крайне трудно. Беспорядки закончились, и очень скоро кто-нибудь его заметит и полюбопытствует, что это у него под рубашкой. Тогда пиши пропало. Это был не его район, здесь не жили китайцы, его заметят и схватят… Он побежал, но тут же запыхался и перешел на

быстрый шаг.

Вот. Рядом с одним из зданий вырыли яму до самого фундамента, там виднелись трубы, а на дне — грязная вода. Он сел на край развороченного тротуара, прислонился к ограждавшему яму заборчику, потом нагнулся и осмотрелся. На него никто не обращал внимания, но людей вокруг было полно: они выходили из домов и садились на ступеньки, наблюдая за бегущими. Послышались чьи-то шаги, посреди улицы показался мужчина с большим пакетом под мышкой. Он отчаянно озирался, сжав кулаки. Кто-то сбил его с ног, и он со стоном рухнул, а люди набросились на него, хватая рассыпавшиеся по земле крекеры. Билли улыбнулся — теперь на него никто не смотрел — и соскользнул в яму, по колено погрузившись в грязную воду. Под ржавой трубой был небольшой просвет, туда он и забился. Не сказать, что идеально, но сойдет — сверху видны только его ноги. Он лег на холодную землю и разорвал коробку.

Вы только посмотрите… только посмотрите, вновь и вновь говорил он сам себе, смеясь и глотая слюни. Целая коробка соевых бифштексов, каждый величиной с ладонь, а какие поджаристые. Он надкусил один, поперхнулся, проглотил, заталкивая крошки в рот грязными пальцами. Он

набил рот так, что с трудом мог глотать, и долго пережевывал восхитительную мякоть. Давно уже не приходилось есть ничего подобного.

Билли съел за один присест три соево-чечевичных бифштекса, делая паузы лишь для того, чтобы высунуть голову и посмотреть наверх. Но все было тихо, его никто не заметил. Он достал из коробки еще пару бифштексов, но теперь ел помедленнее и остановился только тогда, когда набитый живот с непривычки заурчал. Слизывая крошки с пальцев, он обдумывал план дальнейших действий, уже сожалея о том, что съел столько бифштексов. Нужны были деньги, а бифштексы — это и были деньги, а брюхо можно было набить и крекерами из отрубей. Проклятье! Белую пластиковую коробку нельзя было нести открыто, но и спрятать под рубашку невозможно. Придется бифштексы во что-нибудь завернуть. Может, в носовой платок? Он вынул его из кармана — грязную рваную тряпку, отрезанную от старой простыни, — и завернул десять оставшихся бифштексов, завязав для верности концы узелком. Потом запихнул сверток за пояс. Выпирал он не очень сильно, хотя здорово давил на полный желудок. В общем, сойдет.

— Что ты делал в этой яме, мальчик? — спроси-

ла его одна из краснорожих женщин, сидевших на ступеньках соседнего дома, когда он вылез наружу.

— Облегчался! — прокричал он, сворачивая за угол, под негодующие крики женщин.

Мальчик! Ему уже восемнадцать, и, хоть ростом не вышел, он уже не мальчик.

Он спешил скорее добраться до Парк-авеню. Он боялся встретиться с какой-нибудь местной шайкой. Сбавив шаг, он направился к блошиному рынку, что на Мэдисон-сквер.

Забитое людьми раскаленное место ударило в уши ревом голосов, а в нос — запахом старых грязных и потных тел. Людской водоворот медленно двигался. Некоторые останавливались у лотков и прилавков, чтобы пощупать старомодные костюмы, платья, битую посуду, никому не нужные кружева, поторговаться за мелкую дохлую рыбешку с раскрытым ртом и выпученными от испуга глазами. Торговцы расхваливали свой гниющий товар, а люди текли мимо, осторожно обходя двух полицейских, которые стальными взглядами осматривали все вокруг и по диагонали пересекали площадь, направляясь к старым армейским палаткам палаточного городка. Площадь была запружена людьми, повозками,

тележками, лавками и навесами. Это был рынок, где все можно было купить и все — продать.

Билли перешагнул через слепого попрошайку, разлегшегося в узком проходе между железобетонной скамейкой и шатким прилавком с разложенной на нем морской капустой, и попал на рынок. Он смотрел на людей, а не на то, что они продавали, и наконец остановился перед тележкой, нагруженной множеством допотопных пластиковых коробок, кружек, тарелок и чашек, яркая расцветка которых посерела и стерлась от времени.

— Руки! — По бортику тележки ударила палка, и Билли отдернул пальцы.

— Я не трогаю ваш хлам, — сказал он.

— Если не покупаешь, проходи дальше, — сказал человек восточного типа с морщинистыми щеками и редкими седыми волосами.

— Я не покупаю, а продаю. — Билли наклонился к мужчине и тихо прошептал: — Не желаете несколько соево-чечевичных бифштексов?

Старик прищурил и без того узкие глаза.

— Ворованные, полагаю? — устало произнес он.

— Ну так нужны или нет?

Промелькнувшая на лице старика улыбка была

невеселой.

— Конечно нужны. Сколько их у тебя?

— Десять.

— Полтора доллара за штуку. Пятнадцать долларов.

— Черт побери! Лучше я их сам съем. Тридцать за все.

— Жадность тебя погубит, сынок. Мы оба отлично знаем, сколько они стоят. Двадцать долларов за все. — Он вытащил две мятые десятидолларовые бумажки и зажал их в кулаке. — Давай посмотрим на товар.

Билли протянул узелок, а старик нагнулся и заглянул внутрь.

— Годится, — сказал он и, не разгибаясь, переложил их в бумажный пакет, а тряпку вернул Билли. — Этого мне не надо.

— Теперь бабки.

Старик неторопливо протянул деньги Билли, облегченно улыбаясь при мысли, что сделка завершена.

— Ты был когда-нибудь в клубе на Мотт-стрит?

— Шутите? — Билли схватил деньги.

— Наверняка был. Ты же китаец, и ты предложил эти бифштексы мне, потому что я тоже китаец, и ты знаешь, что можешь мне доверять.

Ты соображаешь…

— Заткнись, дедуля. — Билли ткнул себя большим пальцем в грудь. — Я — тайванец, а мой папа был генералом. И я знаю одно — у меня нет ничего общего с вами, красными китайцами из центра.

— Глупый щенок… — Старик поднял палку и замахнулся, но Билли уже исчез.

Вот это да! Он уже не замечал жары, автоматически продираясь сквозь толпу, сжимая деньги в кармане и предвкушая грядущие наслаждения. Двадцати долларов у него никогда в жизни не было. Самое большое — три восемьдесят, которые он украл из квартиры напротив, когда соседи оставили окно открытым. Трудно заполучить настоящие деньги, но это единственное, что идет в расчет. Дома у него их никогда не видели. Все приобреталось на карточки социальной помощи; все, что позволяло не подохнуть и жить дальше, ненавидя такую жизнь. Чтобы приподняться, нужны деньги, и теперь они у него были. Он долго мечтал об этом.

Он зашел в отделение «Вестерн юнион» на Девятой авеню. Бледная девушка за высокой конторкой подняла голову, и ее взгляд, скользнув по нему, уперся в большое окно, за которым

бурлила залитая солнцем улица. Она промокнула носовым платком капли пота на губе, потом вытерла подбородок. Операторы, склонившиеся над своей работой, вообще не подняли головы. Здесь было очень тихо, через открытую дверь проникал лишь приглушенный шум города. Внезапно очень громко застучал телетайп. На скамье в дальнем конце помещения сидели шестеро парней, подозрительно поглядывавших на него. Подходя к диспетчеру, он слышал, как их ноги шаркают по полу и скрипит скамейка. Он заставил себя не оборачиваться и остановился у стойки, терпеливо ожидая, когда человек обратит на него внимание.

— Что тебе нужно, парень? — процедил диспетчер, наконец поднимая голову.

Человеку было за пятьдесят, он устал и умирал от жары, сердясь на весь мир, обещавший ему что-то большее.

— Вам нужен посыльный, мистер?

— Нет. У нас и так слишком много всяких мальчишек.

— Я умею работать, мистер. Буду работать в любое время, когда скажете. У меня есть вступительный взнос. — Он вытащил одну десятидолларовую купюру и положил ее на конторку.

Мужчина мельком взглянул на деньги и отвел глаза в сторону.

— У нас слишком много мальчишек.

Скамья позади скрипнула, и Билли услышал звук шагов. Это был один из тех парней. Голос его был напряжен от злости.

— Этот китаец к вам пристает, мистер Бургер?

Билли сунул деньги обратно в карман.

— Сядь, Роулз, — сказал мужчина. — Ты знаешь, как я отношусь к разборкам и дракам.

Он взглянул на обоих, и Билли догадался: ему здесь не работать, если быстренько что-нибудь не предпринять.

— Благодарю, что позволили поговорить с вами, мистер Бургер, — сказал он вежливо и, повернувшись, что есть силы наступил парню на ногу. — Не смею вас больше беспокоить…

Парень заорал и ударил Билли кулаком в ухо. Билли промямлил что-то, но не сделал попытки защититься.

— Отлично, Роулз, — с отвращением сказал Бургер. — Убирайся отсюда, ты уволен.

— Но… мистер Бургер… — жалобно заскулил парень. — Вы же не знаете, что этот китаец…

— Выметайся! — Бургер привстал и рассерженно ткнул пальцем в мальчишку. — Быстро!

На минуту о Билли забыли, и он отошел в сторону, боясь улыбнуться.

До парня наконец дошло, что делать ему здесь больше нечего, и он ушел, злобно взглянув напоследок на Билли. Бургер вытер одну из дощечек для посыльных.

— Отлично, парень, похоже, ты получишь работу. Как тебя зовут?

— Билли Чун.

— Мы платим по пятьдесят центов за каждую доставленную телеграмму. — Он встал и подошел к Билли, держа в руке дощечку. — Ты оставляешь в залог десять долларов и берешь телеграмму. Приносишь дощечку — получаешь десять пятьдесят. Ясно?

Он положил дощечку на стойку. Билли взглянул на нее и прочитал написанные мелом слова: «Минус пятнадцать центов».

— У меня все будет в полном порядке, мистер Бургер.

— Отлично. — Диспетчер ладонью стер надпись. — Садись на скамейку и заткнись. Никаких драк, никаких разборок, никакого шума, а иначе получится, как с Роулзом.

— Да, мистер Бургер.

Билли сел. Мальчишки посмотрели на него

с подозрением, но ничего не сказали. Через несколько минут маленький смуглый парнишка наклонился к нему и пробормотал:

— Сколько он с тебя снимает?

— Что ты имеешь в виду?

— Не будь идиотом. Или ты отдаешь ему часть бабок, или больше здесь не работаешь.

— Пятнадцать.

— Говорил я тебе, что он так и сделает, — громко прошептал другой парень. — Говорил я тебе, что он не остановится на десяти… — Он резко осекся: диспетчер посмотрел в их сторону.

День покатил по своей горячей наезженной колее, и Билли был доволен, что сидит вот тут и ничего не делает. Некоторые парни уходили с телеграммами, но его ни разу не вызвали. Соево-чечевичные бифштексы оказались тяжелой для желудка пищей, и ему дважды пришлось выйти в темный убогий туалет во дворе здания. Тени на улице удлинились, но в воздухе по-прежнему висела все та же удушающая жара, что держалась последние десять дней. В шесть часов пришли еще трое мальчишек и с трудом уместились на скамье. Бургер сердито посмотрел на них: похоже, только так он и мог смотреть.

— Некоторые могут быть свободны.

На первый день вполне достаточно, подумал Билли и ушел. От долгого сидения у него затекли ноги, а бифштексы, кажется, рассосались. Можно было подумать и об ужине. Черт! Он состроил кислую гримасу. Он знал, что у них будет на ужин. То же, что и каждый вечер уже много лет подряд.

В порту с реки дул легкий ветерок, и Билли медленно шагал по Двенадцатой авеню, с удовольствием ощущая прохладу. За сараями, убедившись, что поблизости никого нет, он размотал проволоку, которой была привязана к сандалиям подошва из покрышки, и сунул две купюры в образовавшуюся щель. Они принадлежали ему, и только ему. Он закрепил проволоку и по трапу поднялся на «Уэйверли Браун», который стоял у шестьдесят второго причала.

Реки не было видно. Соединенные друг с другом измочаленными канатами и ржавыми цепями, ряды допотопных «викторий» и «свобод» создавали фантастический пейзаж из причудливых надстроек, болтающегося, как белье на веревке, такелажа, мачт, антенн и дымовых труб. За всем этим возвышался один-единственный пролет так и не достроенного Вагнеровского моста. Эта панорама не казалась Билли странной; он здесь родился, после того как его семья вместе с дру-

гими беженцами с Тайваня обосновалась в этих времянках, на скорую руку построенных на судах, гниющих и ржавеющих за ненадобностью у Каменного мыса со времен Второй мировой войны. Больше негде было разместить многочисленных приезжих, и суда показались в то время блестящей находкой. Они должны были стать временным убежищем, пока не найдется что-нибудь получше. Но жилье найти было трудно — и к этим судам добавились другие, и мало-помалу ржавый, покрытый ракушками флот стал частью города, которая, казалось, существовала здесь вечно.

Суда соединяли трапы и мостики, под ними плескалась вонючая вода, на поверхности которой плавали отбросы. Билли добрался до «Колумбии Виктории» — своего дома и по мостику дошел до квартиры № 107.

— Как раз вовремя, — сказала сестра Анна. — Все уже поели, но тебе повезло: мне удалось оставить кое-что для тебя.

Она достала с полки тарелку и поставила на стол. Ей было тридцать семь, но волосы ее поседели, плечи опустились, спина сгорбилась. Ее давно покинула надежда уйти из семьи и Корабельного городка. Она единственная из детей Чунов роди-

лась на Тайване. Когда они уезжали, Анна была маленькой, и ее воспоминания об острове были смутными, словно давний приятный сон.

Билли взглянул на размоченные овсяные лепешки и бурые крекеры, и в горле у него встал ком: в памяти еще сохранились воспоминания о бифштексах.

— Я не голоден, — сказал он, отодвигая тарелку.

Мать заметила это движение и повернулась от телевизора — наконец она удосужилась заметить сына.

— Чем тебе не нравится еда? Почему ты не ешь? Еда великолепная.

Голос у нее был тонкий и пронзительный, с хриплыми завываниями, выдававшими кантонское происхождение. Она сумела выучить не больше десятка английских слов, и в семье по-английски не говорили.

— Я не голоден. — Он лгал, чтобы ее успокоить. — Слишком жарко. Съешь сама.

— Я никогда не выну еду изо рта у своих детей. Если не хочешь есть, близнецы съедят. — Говоря с ним, она по-прежнему смотрела на экран телевизора, и голоса, раздававшиеся оттуда, почти заглушали ее слова и сопровождались

пронзительным визгом семилетних мальчиков, дравшихся из-за какой-то игрушки в углу. — Дай мне. Я откушу кусочек. Я и так отдаю почти всю еду детям.

Она положила в рот крекер и стала его быстро, по-мышиному жевать. Было маловероятно, что близнецам что-нибудь останется, поскольку мать являлась большим специалистом по поеданию крошек, объедков и остатков. Это доказывала округлость ее фигуры. Не отрываясь от экрана, она взяла с тарелки второй крекер.

У Билли к горлу подступила тошнота. Он словно в первый раз увидел тесную железную комнатушку, услышал завывания своих братьев, грохот старого телевизора, звон тарелок. Он вышел в другую комнату — больше у них не было — и захлопнул за собой тяжелую металлическую дверь. Когда-то это была своего рода холодильная камера площадью около квадратного метра, которую сейчас почти целиком занимала кровать, где спали мать и сестра. В переборке было сделано квадратное оконце, все еще сохранявшее следы автогена. Зимой его закрывали какой-нибудь железкой, но сейчас можно было облокотиться на край и увидеть за скоплением судов далекие огни на берегу Нью-Джерси. Уже стемнело, но

воздух был так же горяч, как и днем.

Когда острые края металла начали врезаться в руки, Билли отошел от окна и умылся в тазике с темной водой у двери. Воды было немного, но он тщательно потер лицо и руки, пригладил как мог волосы перед крохотным зеркалом, прикрепленным к стене, а затем быстро отвернулся и нахмурился. Лицо у него было круглое и юное, а когда он расслаблялся, губы слегка изгибались, и казалось, что он улыбается. Его лицо создавало о нем совершенно неправильное впечатление. Оставшейся водой он протер босые ноги. Ну вот, хоть немного освежился. Он лег на кровать и посмотрел на фотографию отца на стене — единственное украшение комнаты.

Капитан гоминьдановской армии Чун Бейфу. Профессиональный военный, посвятивший всю свою жизнь войне, но не участвовавший ни в одном бою. Он родился в 1940 году, вырос на Тайване и был одним из солдат второго поколения потрепанной временем, стареющей армии Чан Кайши. Когда генералиссимус внезапно умер в возрасте восьмидесяти четырех лет, капитан Чун не принимал участия в дворцовых переворотах, которые привели к власти генерала Куна. А когда началось вторжение войск с континента, он на-

ходился в госпитале с тяжелой формой малярии и оставался там в течение всей семидневной войны. Он был одним из первых, кого по воздуху вывезли с покоренного острова — даже раньше его семьи.

На фотографии он выглядел суровым и воинственным, и Билли он всегда таким казался. Он покончил жизнь самоубийством в тот день, когда родились близнецы.

Словно исчезающие воспоминания, фотография тускнела в темноте, потом появилась опять, едва видимая, когда зажглась маленькая электрическая лампочка, мигавшая от скачков напряжения. Билли наблюдал, как свет совсем было потух, потом спираль опять вспыхнула ярко-красным светом и погасла. Сегодня рано отключили электричество, а может, опять что-нибудь случилось. Билли лежал в душной темноте и чувствовал, как постель под ним становилась горячей и влажной, а железная коробка так давила со всех сторон, что он уже не в силах стал это переносить. Его потные ладони нащупали дверную ручку, но, когда он вошел в другую комнату, лучше не стало. Мерцающий зеленоватый свет телевизора играл на блестящих лицах матери, сестры и братьев, превращая их в каких-то

утопленников. Из телевизора раздавались топот копыт и бесконечная стрельба из шестизарядных револьверов. Мать механически нажимала на старый генератор от карманного фонарика, к которому был подключен телевизор, и тот работал даже тогда, когда отключали электричество. Билли попытался проскользнуть мимо, но она заметила его и протянула ему генератор:

— Поработай, а то у меня рука устала.

— Мне надо выйти. Пусть этим займется Анна.

— Делай, что говорят! — взвизгнула она. — Слушайся меня! Ребенок должен слушаться матери.

Она так разозлилась, что забыла про генератор, и экран погас. И тут же хором заорали близнецы, а Анна начала их успокаивать, чем еще больше усилила всеобщую суматоху. Он не вышел, а выбежал и скатился на палубу, тяжело дыша и обливаясь потом.

Делать было нечего, пойти некуда. Со всех сторон на него давил город, наполненный людьми, детьми, шумом и жарой.

Машинально, плохо соображая, что делает, Билли добрался до берега и направился в сторону Двадцать третьей улицы. Ночью ходить по городу было далеко не безопасно. Может, заглянуть в «Вестерн юнион» или лучше не беспокоить их

своим появлением? Он повернул на Девятую авеню, посмотрел на желто-голубую вывеску и закусил губу: оттуда вышел мальчишка и побежал с дощечкой посыльного под мышкой — значит, освободилось место на скамье. Имело смысл зайти.

Когда он вошел, его сердце подпрыгнуло от радости: скамья пустовала. Бургер поднял голову от стола — лицо его оказалось таким же рассерженным, как и днем.

— Хорошо, что ты подумал и вернулся сегодня, а то позже можно было бы уже не возвращаться. Сегодня вечером куча работы. Даже не знаю почему. Отнеси вот это. — Он надписал адрес на конверте, заклеил его и поставил печать. — Деньги на стол! — Он хлопнул дощечкой по конторке.

Проволока никак не разматывалась, и Билли сломал ноготь, прежде чем достал деньги. Он развернул одну бумажку и положил на поцарапанный стол, крепко зажал в кулаке другую купюру, схватил дощечку и выскочил на улицу. Отойдя подальше от офиса, он остановился и прислонился к стене здания. При свете вывесок прочитал адрес:

Майкл О’Брайен. Север. Челси-парк, Западная 28-я ул.

Он знал, где это, но, хотя много раз проходил мимо этих зданий с роскошными квартирами, никогда не был внутри. Они были построены в 1976 году, после того как в результате серии подкупов и взяток городские власти разрешили производить в районе Челси-парка частную застройку. Здания окружали каменные заборы, балконы и башенки в новофеодальном стиле: внешний вид превосходно соответствовал их функции держать основную массу людей как можно дальше от домов. Сзади находился служебный вход, тускло освещенный лампочкой в проволочном колпаке, расположенной в каменной нише над дверью. Билли нажал на кнопку.

«Этот вход закрыт до пяти ноль-ноль», — прогнусавил записанный на пленку голос прямо над головой. Билли судорожно прижал дощечку к груди. Теперь ему придется пройти к главному подъезду со всеми его фонарями, швейцарами и прочим. Он посмотрел на свои босые ноги и попытался оттереть засохшую грязь. Обычно он не обращал внимания на подобную ерунду, потому что все, с кем он встречался, выглядели примерно так же. Но здесь все обстоит по-другому. Ему не хотелось встречаться с людьми, живущими в этом здании, он уже жалел, что связался с этой

работой, но все же обогнул угол и направился к залитому ярким светом главному входу.

Через небольшой ров, который совершенно высох и походил на обычную заваленную мусором сточную канаву, был переброшен мостик, похожий на те, что видел Билли на кораблях, но с заржавевшими цепями, а вел он к опускной решетке из металлических, заостренных на концах прутьев, за которой виднелось толстое стекло. Идти по этому ярко освещенному мостику — все равно что направляться прямой дорогой в ад. Впереди за решеткой маячила внушительная фигура швейцара, заложившего руки за спину и не сдвинувшегося с места даже тогда, когда Билли остановился с другой стороны зарешеченного стекла. Он холодно уставился на Билли, лицо его было непроницаемым. Дверь не открывалась. Билли поднял дощечку так, чтобы стало видно написанное на ней имя. Швейцар пробежал глазами по дощечке и лениво нажал на один из декоративных завитков. Часть решетки вместе со стеклом с приглушенным вздохом отъехала в сторону.

— Вам телеграмма… — Билли чувствовал неуверенность и страх, звучащие в его голосе.

— Ньютон, на выход, — произнес швейцар и

пальцем показал Билли внутрь здания.

В дальнем конце вестибюля открылась дверь и послышался хохот, смолкнувший, как только человек, вышедший оттуда, затворил за собой дверь. Он был одет в такую же униформу, что и швейцар, — иссиня-черную, с золотыми пуговицами и с красным шнурком на плечах, тогда как у первого были роскошные аксельбанты.

— В чем дело, Чарли? — спросил он.

— Мальчишка с телеграммой. Никогда не видел его раньше. — Чарли повернулся к ним спиной.

— Дощечка как дощечка, — сказал Ньютон, выхватив ее из рук Билли, прежде чем тот понял, что произошло, и пощупал тисненую эмблему «Вестерн юнион».

Он отдал дощечку Билли, а когда тот взял ее, быстро прощупал рубашку и шорты Билли и даже засунул руку ему между ног.

— Совершенно чистый, — сказал он, рассмеявшись, — только теперь мне надо идти мыть руки.

— Значит, так, парень, — сказал, не оборачиваясь, швейцар. — Отнеси ее наверх и быстро назад.

Охранник тоже повернулся к нему спиной и ушел, оставив Билли одного посреди вестибю-

ля на огромном цветастом ковре, понятия не имевшего, что делать и куда идти дальше. Он бы спросил, но не мог. Презрение и превосходство этих людей совершенно его обезоружили, доведя до состояния, когда хочется единственного — куда-нибудь спрятаться. Его внимание привлекло шипение в дальнем конце помещения, и он увидел, что в основании того сооружения, которое он поначалу принял за огромный церковный орган, раздвинулись двери лифта. Лифтер посмотрел на него, и Билли пошел вперед, держа дощечку перед собой как щит.

— У меня телеграмма для мистера О'Брайена. — Его голос задрожал и исказился до неузнаваемости.

Лифтер, парень не старше Билли, выдавил из себя слабый смешок. Он был молод, но уже научился манерам, которыми должен обладать обслуживающий персонал.

— О'Брайен, сорок один Е. Это на пятом этаже, если ты понятия не имеешь, как устроены многоквартирные дома. — Он стоял, преграждая вход в лифт, и Билли не знал, что делать дальше.

— Я должен… в смысле, на лифте…

— Ты же провоняешь весь пассажирский лифт. Лестница вон там.

Билли чувствовал его сердитый взгляд, пока шел по коридору, и его охватила злость. Почему они так себя ведут? То, что они работают в подобном месте, вовсе не значит, что они здесь живут. Это было бы смешно — если б они здесь жили. Даже этот жирный швейцар. Пять этажей… Он запыхался, поднявшись до второго, а когда добрался до пятого, с него градом катил пот. Коридор тянулся в обе стороны от лестницы. Сначала он пошел не в том направлении, и пришлось возвращаться назад, когда он обнаружил, что номера убывают до нуля. Квартира 41-Е была, как и остальные, без звонка, лишь маленькая табличка на двери гласила: «О'Брайен». Когда Билли дотронулся до двери, та отворилась, и он, сначала заглянув, вошел в маленькую темную прихожую, в которой была еще одна дверь: нечто вроде средневекового переходного шлюза. Его охватила паника, когда дверь за ним захлопнулась, а прямо над головой раздался голос:

— Что вам угодно?

— Телеграмма, «Вестерн юнион», — сказал он и огляделся, ища в пустой комнате источник голоса.

— Покажите свою дощечку.

Тут он понял, что голос исходил из-за решетки

над внутренней дверью, а рядом с ней уставился в него глазок телекамеры. Он поднял дощечку и поднес к глазку. Видимо, она удовлетворила невидимого хозяина: послышался щелчок, и дверь перед ним отворилась, выпустив на него волну прохладного воздуха.

— Дай сюда, — сказал Майкл О'Брайен.

Билли вручил ему конверт и отошел в сторону. Мужчина сломал печать и достал послание.

Ему было под шестьдесят, и он был совершенно сед, имел заметное брюшко и два ряда бриллиантов во рту. Однако у него сохранились характерные черты, говорившие о юности, проведенной в доках Вест-Сайда: шрамы на пальцах и на шее и сломанный нос, который так и не удалось выправить.

В 1966 году он был двадцатидвухлетним подонком, как он любил говорить о себе, и на уме у него не было ничего, кроме выпивки и баб. Он пару дней в неделю работал грузчиком, чтобы заработать на уик-энд. Но то, что он случайно попал в потасовку в гриль-баре «Шемрок», изменило всю его жизнь. Отлеживаясь в больнице Святого Винцента (нос зажил достаточно быстро, но он в придачу сломал и челюсть, упав на пол), он долго обдумывал свою жизнь и решил что-то

предпринять. О том, что он предпринял, он никогда не рассказывал, но всем было известно, что он занялся крупной политикой портовых складов, распределением ворованных товаров и множеством других дел, о которых при нем лучше было не вспоминать. В любом случае его новые занятия приносили ему денег больше, чем работа грузчиком, и он никогда не жалел о том моменте, изменившем его жизнь.

Ростом он был под метр девяносто. На его огромное тело был накинут просторный цветастый халат, как на циркового слона. Можно было бы подумать, что он выглядит смешно, но никому не пришло бы в голову смеяться над ним. Он слишком много видел, слишком много сделал и был слишком уверен в своей силе — несмотря на то что шевелил губами при чтении и хмурился, складывая в слова буквы телеграммы.

— Подожди, мне нужно сделать копию, — сказал он, дочитав до конца. Билли кивнул, готовый ждать сколько угодно в этой прохладной, богато обставленной комнате. — Ширли, где, черт подери, блокнот?! — закричал О'Брайен.

Из-за двери слева послышалось приглушенное бормотание, О'Брайен открыл ее и вошел в комнату. Взгляд Билли машинально последовал за

ним и наткнулся на кровать с белыми простынями и лежавшую на ней женщину.

Она лежала спиной к двери, совершенно голая, рыжие волосы разметались по подушке. Кожа у нее была бледно-розовая с коричневатыми веснушками на плечах. Билли Чун стоял не двигаясь, дыхание у него перехватило: женщина находилась в каких-то трех метрах от него. Она положила ногу на ногу, подчеркнув округлость пышных ягодиц. О'Брайен о чем-то с ней говорил, но слова доносились, словно лишенные смысла звуки. Тут она перевернулась на другой бок и увидела в дверях Билли.

Он ничего не мог сделать: ни сдвинуться с места, ни отвести взгляд. Она увидела, что он смотрит на нее.

Женщина в постели улыбнулась ему, затем подняла красивую руку, обнажив приподнявшиеся груди с розовыми сосками, — и дверь захлопнулась. Видение исчезло.

Когда спустя минуту О'Брайен открыл дверь и вышел, на кровати уже никого не было.

— Ответ? — спросил Билли, забирая дощечку.

Неужели этому человеку его голос казался таким же странным, как и ему самому?

— Нет, никаких ответов, — сказал О'Брайен,

открывая дверь в коридор.

Время теперь текло для Билли удивительно медленно: он отчетливо видел открывшуюся дверь, блестящий язычок замка, металлическую пластинку на двери. Почему все это важно?

— Мистер, а вы не дадите мне на чай? — спросил он, чтобы как-то потянуть время.

— Проваливай, парень, пока я не дал тебе под зад.

Билли очутился в коридоре, и после прохладной квартиры жара показалась в два раза сильнее. Точно такое же ощущение он испытал, впервые оказавшись рядом с девушкой. Билли прислонился лбом к стене.

Даже на картинках он никогда не видел такой женщины. Все те, с кем ему приходилось спать, производили совсем другое впечатление: тощие руки и ноги, такие же грязные, как у него, рваное нижнее белье…

Конечно. Единственный замок во внутренней двери связан с системой сигнализации. Но сигнализация отключена — он видел болтающиеся провода. Он узнал обо всем этом и многом другом, когда Сам-Сам был предводителем «тигров». Они пару раз вламывались в магазины, а потом Сам-Сама пристрелили легавые. Простейшая отмычка

откроет эту дверь в одну секунду. Но что у него может быть общего с незнакомой красавицей? Ведь она улыбнулась? Может, она ждет там, когда старый хрыч отправится на работу?

Все это полная чушь, и Билли знал об этом. У них не может быть ничего общего. Но она же улыбнулась? Можно быстренько обделать дельце, пока не починили сигнализацию, ведь он разобрался в расположении квартир, если только как-то проскочить мимо этих идиотов на входе. Он тихонько спустился по лестнице, осторожно оглянулся, перед тем как выйти из-за угла, и бросился в подвал.

Нужно хватать удачу за хвост. В подвале никого не оказалось. Билли обнаружил окно, сигнализация на нем тоже была отключена. Может, весь дом такой? Может, меняют всю систему или она сломалась и ее не могут починить, но это не важно. Стекло было покрыто пылью, Билли протянул руку и нарисовал на нем сердечко, чтобы можно было узнать его снаружи.

— Долго тебя не было, парень, — сказал швейцар, когда Билли появился в вестибюле.

— Пришлось подождать, пока он сделает копию и напишет ответ. Ничего не поделаешь, — с совершенно искренним видом соврал Билли — это

было нетрудно.

Швейцар не стал смотреть на дощечку. Решетка с шипением отъехала в сторону, и Билли вышел по мостику на многолюдную, грязную и душную улицу.

Глава 3

Чуть тише гудения кондиционера раздавался постоянный звук, который ухо воспринимало, но уже не слышало, — пульсирующее грохотание города, скорее ощущаемое, чем слышимое. Ширли это нравилось, ей нравились его отдаленность и чувство безопасности, которое давали ей ночь и толстые стены. Было поздно. Светящиеся цифры на часах показывали 3:24, потом они бесшумно сменились на 3:25.

Рядом с ней на широкой кровати ворочался и бормотал что-то во сне Майк, а она лежала совершенно неподвижно, боясь его разбудить. Через минуту он успокоился, натянул простыню на плечи, дыхание его стало медленным и равномерным. Она расслабилась. Пот у нее на коже испарялся от движения воздуха, и от этого она ощущала странное удовлетворение. До прихода Майка она пару часов поспала, и этого оказалось

достаточно.

Она медленно встала и пошла по комнате в потоке воздуха, омывающего ее тело. Она провела руками по телу и, коснувшись груди, поморщилась. Он чересчур груб. Завтра у нее на теле будет сплошной синяк, и придется накладывать толстый слой грима, чтобы скрыть это безобразие. Майк очень сердится, когда видит у нее синяки или еще какие-то изъяны, хотя, похоже, никогда об этом не думает, причиняя ей боль. Над кондиционером шторы чуть раздвинулись, и в комнату заглянули тьма города, редкие огни, напоминавшие глаза зверей. Она быстро задернула шторы и удостоверилась, что они больше не расходятся.

Майк издал гортанный булькающий звук, которого можно было испугаться, если к нему не привык. Но Ширли слышала его достаточно часто. Когда он вот так храпит, это означает, что он очень крепко спит. Можно принять душ, а он об этом и не узнает! Ее босые ноги бесшумно прошли по ковру, и она медленно, без щелчка закрыла за собой дверь ванной комнаты.

Наконец-то! Она включила флюоресцентное освещение и улыбнулась, оглядывая пластмассово-мраморное убранство этого помещения и золотистые приборы, блестящие и отражающие

свет. Стены были звуконепроницаемые, но если он спит не очень крепко, то может услышать, как шумит вода в трубах. Внезапно испугавшись, она встала на цыпочки, чтобы посмотреть на отметку водомера. Да, облегченно вздохнула она, Майк его не включил. При теперешних ценах на воду — не важно, сколько он наворовал, — Майк отключал воду, запирал водомер на весь день и запрещал ей принимать душ. Но сам всегда принимал душ. А ей приходилось это делать украдкой, и по счетчику он ни разу об этом не догадался.

Вода была восхитительно холодной, и Ширли стояла под душем дольше, чем собиралась. Она виновато посмотрела на счетчик. Вытершись, полотенцем стерла все до единой капли в ванне и на стенах, а потом засунула его на самое дно корзины для грязного белья, куда уж он точно не сунется. После душа она почувствовала себя чудесно. Пудрясь, она улыбалась себе в зеркало.

Тебе двадцать три, Ширли, и размер одежды у тебя не менялся с девятнадцати лет. Разве что грудь — теперь она носила лифчики побольше. Но тут все нормально, потому что мужчинам именно это и нравится. Она достала из шкафа халат и надела его. Когда она вошла в спальню, Майк по-прежнему сопел. За последние три дня

он здорово измотался — вероятно, устал таскать по жаре свой вес. За год, что она жила здесь, он набрал, должно быть, килограммов восемь; судя по всему, они пошли в живот. Но похоже, это его не беспокоило, и она пыталась этого не замечать.

Она включила телевизор и пошла на кухню что-нибудь выпить. Дорогие вина, пиво и единственная бутылка виски предназначались исключительно для Майка, но она не возражала. Ей было все равно что пить, лишь бы было вкусно. Тут была бутылка водки, и Майк делал из нее всевозможные напитки. Особенно вкусной она получалась с апельсиновым концентратом. Если добавить немного сахара…

Голова мужчины заполняла полутораметровый экран, беззвучно шевеля губами и глядя прямо на нее. Ширли запахнула халат и застегнулась. Делая это, она улыбнулась, потому что, хоть и знала, что никто на нее не смотрит, все равно было неудобно. Панель дистанционного управления была встроена в подлокотник дивана, и она, нагнувшись вместе с бокалом, нажала на кнопку. По другому каналу показывали автомобильные гонки, по следующему — старую киноленту с Джоном Бэрримором, которая вся дергалась, казалась допотопной и совершенно ей

не понравилась.

Она перебрала большинство каналов, пока не остановилась, как обычно, на девятнадцатом — «женском», где показывали только многосерийные фильмы, каждый из которых шел непрерывно, иногда двадцать четыре часа в сутки. Этот она раньше не видела, а когда включила наушники, поняла почему: сериал был британский. Люди говорили со странным акцентом, а некоторые их жесты и поступки трудно было понять. Однако фильм оказался довольно интересным. Какая-то женщина только что родила, она лежала вся в поту и без всякого макияжа, а муж этой женщины сидел в тюрьме, но пришло известие, что он недавно убежал, а мужчина, являвшийся отцом ребенка — мертвенького, как обнаружили, — оказался братом ее мужа. Ширли отхлебнула из бокала и уселась поудобнее.

В шесть утра она выключила телевизор, вымыла и вытерла бокал и пошла одеваться.

Тэб начинал работать в семь, и ей хотелось сделать все покупки как можно раньше, пока не началась жара. Тихонечко, чтобы не разбудить Майка, она нашла свою одежду и пошла с ней в гостиную. Трусики, кружевной лифчик и серое платье без рукавов — оно достаточно старое и

уже порядком выцвело, в нем она ходила за покупками. Никаких драгоценностей и, конечно же, никакой косметики — нет резона искать неприятности на свою голову. Она никогда не завтракала — так удобнее следить за количеством калорий, но перед уходом выпила чашку черного кофе. Пробило семь. Она проверила, на месте ли ключи и деньги, затем взяла большую хозяйственную сумку из ящика и вышла.

— Доброе утро, мисс, — поздоровался лифтер, церемонно распахивая перед ней дверь с улыбкой, обнажившей ряд не слишком хороших зубов. — Похоже, сегодня опять будет жаркий денек.

— В новостях сказали, что уже двадцать семь.

— Да раза в два занизили. — Дверь закрылась, и они понеслись вниз. — Температуру измеряют на крыше здания, могу поспорить, что на улице она намного выше.

— Вероятно, вы правы.

В вестибюле швейцар Чарли, увидев, что она выходит из лифта, проговорил что-то в скрытый микрофон.

— Снова начинается пекло, — сказал он, когда она подошла к нему.

— Доброе утро, мисс Ширли, — поприветство-

вал ее Тэб, выходя из комнаты охраны.

Она улыбнулась, как всегда обрадовавшись встрече с ним. Самый милый телохранитель, какого она когда-либо знала, и единственный, который никогда за ней не ухлестывал. Но он нравился ей не поэтому, а потому, что был человеком, который никогда о подобном и не подумает. Он счастливо жил с женой и тремя детьми. Она знала про Эми и сыновей; он считался прекрасным семьянином.

Он был и отличным телохранителем. Не нужно вглядываться в стальные костяшки его пальцев, чтобы понять: он сможет постоять за себя. Хотя он не был очень высок, ширина плеч и тренированные бицепсы говорили о многом.

Он взял у нее кошелек, положил в глубокий боковой карман, потом забрал хозяйственную сумку. Когда дверь отворилась, он вышел первым — хорошие манеры телохранителя. Было жарко, даже жарче, чем Ширли ожидала.

— А почему ты не говоришь о погоде, Тэб? — спросила она, прищурившись от жары на заполненной людьми улице.

— Думаю, вы о ней сегодня уже наслушались, мисс Ширли. По дороге сюда я переговорил об этом без малого с дюжиной людей.

Идя рядом с Ширли по улице, Тэб не смотрел на нее: его глаза автоматически, профессионально прочесывали улицу. Он обычно двигался медленно и говорил медленно, и это было преднамеренно, поскольку люди думают, что именно так и должен вести себя негр. Когда начинались какие-нибудь неприятности, они заканчивались очень скоро, так как он твердо верил, что в расчет идет только первый удар и, если нанести его правильно, нужды в следующих уже не будет.

— Сегодня какие-то особые покупки? — спросил он.

— Только продукты на обед, и еще мне нужно зайти к Шмидту.

— Давайте возьмем такси и сбережем ваши силы для решающей битвы.

— Да… думаю, сегодня утром я так и поступлю.

Такси было достаточно дешево, и пешком она ходила лишь потому, что это ей нравилось, но не в такую жару. На стоянке выстроились в ряд велотакси, а водители сидели на корточках в тени задних сидений. Тэб подошел ко второму в очереди велотакси и придержал кузов, чтобы Ширли могла туда забраться.

— А я чем плох? — сердито спросил первый водитель.

— У тебя шина спустила, вот этим ты и плох, — спокойно ответил Тэб.

— Она не спустила, только чуть ослабла, вы не можете…

— Отвали! — прошипел Тэб и слегка приподнял сжатый кулак. Сверкнули металлические шипы. Водитель быстро вскочил в седло и, неистово крутя педали, укатил. Остальные отвернулись и ничего не сказали.

— Рынок Грамерси, — сказал Тэб второму водителю.

Таксист начал медленно крутить педали, так что Тэб успевал за ними, не переходя на бег, однако водитель все равно обливался потом. Его плечи поднимались и опускались перед носом у Ширли, и она видела ручейки пота, бегущие по шее, и даже перхоть у него в волосах. Ее всегда беспокоил такой близкий контакт с людьми. Она отвернулась и стала смотреть по сторонам.

По тротуару сновали пешеходы, по мостовой катили другие такси, обгоняя медленно едущие гужевики с тщательно закрытыми грузами. На дверях бара на углу Парк-авеню висела табличка: «Сегодня пиво в 2 часа дня», а несколько людей уже заняли очередь. Кружку пива придется ждать долго, не говоря уж о ценах этим летом. Они ни-

когда и не были божескими, всегда говорили о подорожании зерна и еще чего-нибудь, но, когда лето случалось жарким, цены поднимались до фантастических отметок.

Таксист свернул на Лексингтон и остановился на углу Двадцать первой улицы. Ширли вылезла из велотакси и остановилась в тени здания, ожидая, пока Тэб расплатится с водителем. Уже слышались грубые голоса из-за прилавков рынка, который совершенно задушил Грамерси-парк. Она глубоко вздохнула, взяла под руку подошедшего Тэба, и они пошли через улицу.

У входа расположились прилавки с крекерами. Высоко над головой висело разноцветное печенье: коричневое, красное, голубое и зеленое.

— Три фунта зеленых, — обратилась она к человеку за прилавком, у которого всегда их покупала, затем взглянула на ценник. — Подорожали еще на десять центов!

— Сам покупаю за такую цену, мадам, для меня никакой выгоды.

Он поставил гирьки на одну чашку весов, а на другую насыпал крекеры.

— Но почему цены постоянно растут?

Она взяла с чашки ломаный крекер и положила в рот. Цвет печенья получался от водорослей, из

которых его делали, и зеленое всегда казалось ей вкуснее и меньше пахло йодом, чем остальное.

— Спрос — предложение, спрос — предложение. — Он ссыпал крекеры в сумку, раскрытую перед ним Тэбом. — Чем больше людей, тем меньше всего остального. И я слышал, что траву начинают выращивать на более далеких участках. Чем дальше дорога, тем выше цена.

Он произнес эти слова о причине и следствии заученно и монотонно, словно граммофонная пластинка.

— Не знаю, как люди выкручиваются, — вздохнула Ширли, когда они отошли от прилавка, и почувствовала себя слегка виноватой, потому что с банковским счетом Майка ей не о чем было беспокоиться. Она подумала, как бы она протянула на зарплату Тэба: она знала, как мало тот получает. — Хочешь крекер? — спросила она.

— Спасибо, может, чуть попозже. — Он наблюдал за толпой и ловко отодвинул плечом мужчину с большим мешком за спиной, чуть не столкнувшимся с Ширли.

Сквозь рыночный гвалт пробивалась песня: трое мужчин бренчали на самодельных гитарах, а тоненький голосок девушки почти терялся в окружающем шуме. Когда они подошли ближе,

Ширли удалось разобрать несколько слов — это был шлягер прошлого года, тот, что пели «Эль-Трубадуры»: «...на земле над ней... Ангельски чистая мысль... узнать ее, чтоб полюбить».

Слова совершенно не подходили этой девушке с впалой грудью и тощими руками. Отчего-то Ширли почувствовала себя неловко.

— Дай им несколько центов, — шепнула она Тэбу и быстро направилась к молочному ряду.

Когда Тэб подошел, она опустила в сумку пакет олеомаргарина и бутылочку соевого молока — Майк любил пить с ним кофе.

— Тэб, напомни мне, пожалуйста, что надо вернуть бутылки — эта уже четвертая! А с залогом в два доллара за штуку я скоро по миру пойду, если буду про это забывать.

— Если вы пойдете завтра за покупками, я вам напомню.

— Вероятно, пойду. Майк пригласил кого-то на обед, а я еще не знаю, сколько будет народу и что он хочет подать на стол.

— Рыбу, она всегда хороша, — сказал Тэб, указывая на большой бетонный бассейн с водой. — Бассейн полон.

Ширли приподнялась на цыпочки и увидела тилапий, беспокойно снующих в мутной воде.

— Лапии со Свежего острова, — сказала продавщица. — Только сегодня ночью привезли с озера Ронконкома.

Она сунула руку в воду и вытащила извивающуюся рыбешку длиной сантиметров пятнадцать.

— А завтра они у вас будут? — спросила Ширли. — Мне нужна свежая рыба.

— Как угодно, милочка, завтра привезут еще.

Становилось жарче, а на рынке не оказалось ничего, что она еще хотела купить. Поэтому решено было перейти к следующему пункту программы.

— По-моему, сейчас нам лучше отправиться к Шмидту, — сказала Ширли, и что-то в ее голосе заставило Тэба внимательно взглянуть на нее, после чего он снова перешел к наблюдению за толпой.

— Конечно, мисс Ширли, там будет попрохладнее.

Заведение Шмидта располагалось в подвале сгоревшего целиком дома на Второй авеню. Проулок вел на задний двор, три ступеньки вниз — и вы перед толстой зеленой дверью с глазком. В тени, притулившись к стене, на корточках сидел телохранитель: к Шмидту приходили только постоянные клиенты. Приветствуя Тэба, охранник

махнул рукой. Послышалось скрежетание замка, дверь открылась, и показался престарелый мужчина с длинными патлами седых волос.

— Доброе утро, судья, — сказала Ширли. Судья Сантини и О'Брайен хорошо знали друг друга, и она встречалась с ним прежде.

— А, доброе утро, Ширли. — Он отдал телохранителю маленький белый пакетик, который тот сунул в карман. — Как бы хотелось, чтобы утро было добрым, но для меня чересчур жарко. Боюсь, сказываются годы. Передай от меня привет Майку.

— Передам, судья, до свидания.

Тэб отдал Ширли кошелек, и она спустилась по ступенькам и постучала в дверь. В глазке промелькнула тень, послышался лязг металла, и дверь отворилась. Внутри было темно и прохладно. Ширли вошла.

— Ого, да это же мисс Ширли! Привет, малышка, — сказал привратник, захлопывая дверь и задвигая тяжелый засов.

Он опять влез на высокую табуретку у стены и занялся своим оружием. Ширли ничего не ответила: она всегда так поступала. Шмидт поднял голову и широко улыбнулся:

— Привет, Ширли! Зашла купить чего-нибудь

вкусненького для мистера О'Брайена?

Он положил большие красные руки на прилавок; его толстое тело, облаченное в забрызганный кровью белый халат, возвышалось над ним, как гора. Она кивнула, но не успела ничего сказать, как подал голос охранник:

— Покажите ей леденцы, мистер Шмидт. Могу поспорить, она пришла именно за ними.

— Не думаю, Арни, они не для Ширли.

Оба громко расхохотались, а она попыталась улыбнуться, теребя клочок бумаги, лежавший на прилавке.

— Мне нужен кусок говядины или вырезка, если, конечно, у вас есть, — сказала она, и мужчины снова расхохотались.

Они знали, что многое могут себе позволить, но никогда не переступали границ дозволенного. Им было известно о ее взаимоотношениях с Майком, но они никогда не делали и не говорили чего-то такого, что могло вызвать гнев Майка. Однажды Ширли попробовала рассказать ему об этом, но он посмеялся над одной из их шуток и сказал, что они просто дурачатся и ей не следует ожидать светских манер от мясников.

— Посмотрите-ка на это, Ширли. — Шмидт щелчком открыл дверь холодильника, стоящего

у стены, и вытащил небольшую кость. — Великолепная собачья ножка, мясистая, да и жирная.

На вид она была недурна, но Ширли знала, что наверняка есть еще на что взглянуть.

— Очень миленькая, но вы же знаете, что мистер О'Брайен любит говядину.

— С каждым днем все труднее, Ширли. — Хозяин полез глубже в холодильник. — Разборки с поставщиками, скачки цен, сама знаешь каково. Но мистер О'Брайен является моим покупателем уже десять лет, и, пока могу, я стараюсь, чтобы ему кое-что перепадало. Ну как?

Он вылез из холодильника, ногой закрыл дверь и показал небольшой кусок мяса с тонкой полоской жира с краю.

— На вид очень недурен.

— Чуть больше половины фунта, хватит?

— В самый раз.

Он снял мясо с весов и начал заворачивать его.

— Этот кусочек разорит вас всего на двадцать семь девяносто.

— Неужели?.. Это намного дороже, чем в прошлый раз.

Майк вечно ругался, что она тратит очень много на еду, словно она отвечала за цены, однако требовал, чтобы на столе всегда было мясо.

— Ничего не поделаешь, Ширли. Но если ты меня поцелуешь, я сброшу девяносто центов. Может, даже подарю тебе еще кусочек мяса.

И они с охранником дико захохотали. Но, как сказал Майк, это была просто шутка, и она молча достала деньги из кошелька.

— Вот, мистер Шмидт, двадцать… двадцать пять… двадцать восемь.

Она достала из кошелька крохотную пластинку, написала на ней цену и положила рядом с деньгами. Шмидт взглянул на пластинку и нацарапал голубым мелком, которым всегда пользовался, снизу букву «Ш». Если Майк будет ругаться, она покажет ему это, — правда, такое почти никогда не помогало.

— Десять центов сдачи, — улыбнулся Шмидт и покатил монету к ней по прилавку. — Увидимся, Ширли! — крикнул он, когда она забрала пакет и направилась к дверям.

— Да, очень скоро, — сказал охранник, открывая дверь ровно настолько, чтобы она могла проскользнуть.

Когда она проходила мимо, он быстро провел рукой по ее спине и ягодицам, обтянутым узким платьем. Дверь захлопнулась, хохот оборвался.

— Теперь домой? — спросил Тэб, забирая па-

кет.

— Да… думаю, тоже на такси.

Он посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но передумал.

— Вон такси, — сказал он и повел ее по улице.

Сев в велотакси, она облегченно вздохнула; они, конечно, жлобы и вели себя сегодня, как обычно, зато ей не нужно ходить туда до следующей недели. И, как сказал Майк, не следует ожидать светских манер от мясников. Черт с ними, и с их грязными шуточками, и с анекдотами на уровне начальной школы! Здесь у них бывает хорошее мясо, не то что у других. Она приготовит Майку бифштекс, пожарит в жиру овсяные лепешки, и все будет хорошо. Тэб помог ей вылезти из велотакси и взял сумку.

— Поднять наверх?

— Пожалуй… и заберешь пустые бутылки из-под молока. В комнате охраны есть какое-нибудь местечко, где их можно оставить до завтра?

— Нет проблем. У Чарли есть шкафчик, мы оба им пользуемся. Я могу оставить их там.

В вестибюле было намного прохладнее, чем на улице. На лифте они поднимались молча. Ширли рылась в кошельке, ища ключ. Тэб пошел по коридору впереди и открыл наружную дверь, но

внезапно остановился, и она едва не налетела на него.

— Подождите, пожалуйста, секунду, мисс Ширли, — сказал он, понизив голос, и бесшумно поставил хозяйственную сумку у стены.

— А что?.. — начала она, но он приложил палец к ее губам и указал на внутреннюю дверь.

Она была приоткрыта, а в дереве было выдолблено отверстие. Ширли не поняла, в чем дело, но что-то произошло. Тэб пригнулся, выставив вперед кулак с кастетом, открыл дверь и вошел.

Отсутствовал он недолго, но когда вернулся, то шел очень прямо, а лицо его ничего не выражало.

— Мисс Ширли, — сказал он, — мне бы не хотелось, чтобы вы туда заходили, но думаю, будет лучше, если вы все-таки заглянете в спальню.

Она испугалась, поняв, что произошло что-то ужасное, но послушно последовала за ним через гостиную в спальню…

Ей показалось очень странным, что вот она стоит тут, ничего не делает и слышит крик, пока не поняла, что это ее собственный голос, что это она и кричит.

Глава 4

Пока было темно, Билли Чун совершенно извелся от безделья. Он забился в угол, прислонившись к холодной стене подвала, и несколько раз почти засыпал. Но когда в окне забрезжил рассвет, его вдруг охватил страх. А если его здесь найдут? Ночью все казалось легким и отлично спланированным. Как те делишки, которые обделывали «тигры». Накануне он купил старую стальную ось и за десять центов заточил конец.

Залезть в ров, окружавший здание, было проще простого, лишь бы никто не заметил. И Билли был уверен, что за ним никто не наблюдает, когда ломиком открыл окно в подвал. Нет, если бы его увидели, то уже давно бы схватили. А вдруг при дневном свете заметят следы от ломика на оконной раме? При этой мысли он вздрогнул и внезапно ощутил, как громко стучит сердце. Он заставил себя покинуть темный угол и медленно пробрался вдоль стены до окна. Он попытался что-нибудь увидеть сквозь покрытое пылью стекло. Перед тем как закрыть за собой окно, он затер грязью царапины, оставленные фомкой, — но достаточно ли этого? Единственным прозрачным

местом на стекле было нарисованное сердечко, и Билли посмотрел в него. Царапины были едва видны, и он успокоился. Потом снова забрался в свой угол, но через несколько минут страх вернулся, еще более сильный, чем прежде.

В окно бил солнечный свет — когда же его обнаружат? Если кто-нибудь войдет, то сразу увидит его. Небольшая груда старых, покрытых паутиной дощечек, за которой он прятался, не скрывала его полностью. Дрожа от страха, Билли прижался к бетонной стене, да так сильно, что неровная, шероховатая поверхность впилась ему в кожу сквозь рубаху.

Интересно, который теперь час? Каждое мгновение казалось Билли бесконечным, и в то же время он чувствовал себя так, будто провел в этом подвале всю жизнь. Один раз за дверью послышались шаги, но прошли мимо. В течение нескольких секунд Билли дрожал и обливался потом. Он ненавидел себя за свою слабость, однако ничего не мог поделать. Его нервные пальцы расчесывали старую болячку на бедре до тех пор, пока он ее не содрал и не потекла кровь. Билли прижал к ране рваный носовой платок.

Покинуть подвал оказалось труднее, чем оставаться в нем. Нужно было выждать, пока жильцы

уйдут на работу. Еще один приступ страха. Ждать пришлось долго. Наконец он решил, что безопаснее будет выйти. Засунув ломик за пояс шорт, он как мог отряхнулся от пыли и взялся за ручку двери.

Из дальней части подвала послышались голоса и стук молотка, но по пути к лестнице Билли никого не встретил. Поднявшись до третьего этажа, он вдруг услышал быстрые шаги — кто-то спускался. Он бросился вниз по лестнице и спрятался в коридоре. Это было последнее препятствие на пути к пятому этажу — и через минуту Билли стоял перед дверью с золотыми буквами «О'Брайен».

— Интересно, она все еще дома? — прошептал он и улыбнулся. — Сплошные неприятности, ты ведь потребуешь денег, — добавил он хриплым голосом. Он вдруг отчетливо вспомнил округлые груди, приподнявшиеся, когда она обернулась.

Когда наружная дверь открылась, в квартире раздался какой-то сигнал, как и в прошлый раз. Отлично, нужно убедиться, что внутри никого нет, прежде чем попытаться туда проникнуть. Прежде чем нервы у него сдали окончательно, он быстро вошел, затворил за собой дверь и прислонился к ней спиной.

В квартире кто-то мог быть. Он почувствовал, как при этой мысли на лбу выступил пот, и посмотрел на объектив телекамеры. Если она меня спросит, я скажу что-нибудь насчет «Вестерн юнион», насчет телеграммы. Стены крохотной пустой прихожей давили на него, и он переминался с ноги на ногу, ожидая треска в репродукторе.

Но все по-прежнему было тихо. Он попытался определить, когда пройдет минута, сосчитал до шестидесяти, решил, что считал слишком быстро, и сосчитал еще раз.

— Здравствуйте, — сказал он и на случай, если камера не работает, постучал в дверь, сначала очень робко, а потом громче, по мере того как росла его уверенность в себе. — Никого нет дома? — спросил он, доставая ломик и засовывая заточенный конец между косяком и дверью на уровне ручки. Крепко взявшись за ломик обеими руками, он нажал. Послышался легкий треск, и дверь распахнулась. Билли на цыпочках вошел в квартиру, в любой момент готовый повернуться и убежать.

В квартире было прохладно, темно и тихо. Впереди, в конце длинного коридора, он увидел комнату с телевизором. Справа находилась закрытая дверь спальни, а за ней кровать, на ко-

торой она тогда лежала. Может, она и сейчас там спит, он войдет и не будет ее сразу будить, но… он вздрогнул. Переложив ломик в левую руку, он медленно отворил дверь.

Смятые простыни, пустая кровать… Билли прошел мимо кровати, не глядя на нее. На что он надеялся? Что она его ждет? Он выругался и выдвинул ящик большого шкафа. В нем было полно тонкого нижнего белья, бело-розового и мягкого на ощупь. Он вывалил все содержимое на пол.

Один за другим он обследовал все ящики, выкинул из них все, отложив в сторону только то, что можно было толкнуть на блошином рынке. Внезапно раздался какой-то стук. Билли застыл на месте, охваченный страхом. И тут понял, что это гудит в водопроводных трубах за стеной. Он облегченно вздохнул, к нему вернулось самообладание, и тут он заметил на столике шкатулку с драгоценностями.

Билли открыл ее и долго рассматривал булавки и браслеты, гадая, не поддельные ли они и сколько за них можно получить. Внезапно дверь ванной комнаты открылась, и в спальню вошел Майкл О'Брайен.

В первое мгновение он не заметил Билли и остановился как вкопанный, глядя на разломанный

шкаф и разбросанное белье. На нем был халат, а голова обмотана полотенцем. Затем он увидел Билли, замершего от ужаса, и сбросил полотенце с мокрой головы.

— Подонок! — заревел Майкл. — Что, черт подери, ты тут делаешь?

Он надвигался на Билли как гора, его огромное лицо, распаренное после душа, теперь еще больше покраснело от гнева. Он был головы на две выше Билли и необычайно силен, и он мог просто сломать мальчишку пополам как спичку.

Майкл вытянул вперед обе руки, и Билли ощутил спиной стену. Ломик был у него в правой руке, и в панике он начал им неистово размахивать. И не сразу понял, что произошло, когда Майкл упал у его ног, не издав ни звука. Раздался лишь стук падения тяжелого тела на пол.

Глаза Майкла О'Брайена были широко открыты, почти выпучены, но они ничего не видели. Ломик попал ему прямо в висок, острый конец проломил тонкую кость и достиг мозга. Смерть была мгновенной. Крови было очень мало: ломик остался в ране.

Билли удалось покинуть здание незамеченным. Он бежал в панике, ничего не видя перед собой. На лестнице он никого не встретил и в

мгновение ока оказался у служебного входа.

В этот день въезжали новые жильцы, и по крайней мере дюжина мужчин, одетых в такую же рвань, как и он, таскала мебель. Привратник наблюдал за входящими, но не обратил внимания, как Билли вышел на улицу следом за двумя грузчиками.

Билли почти достиг порта, когда вспомнил, что, убегая, оставил все вещи в квартире. Он прислонился к стене, затем медленно сполз на землю, тяжело дыша и утирая пот, застилавший глаза. Его как будто никто не преследовал — значит, он убежал. Но он убил человека — ни за что. И, несмотря на жару, Билли задрожал, хватая ртом воздух. Ни за что… ни про что.

Глава 5

— Вот как? Вы хотите, чтобы мы все бросили и помчались к вам? — Гневный вопрос лейтенанта Грассиоли потерял некоторую долю своего воздействия, поскольку под конец он громко рыгнул. Он достал из верхнего ящика стола баночку с белыми таблетками, вытряхнул две штуки на ладонь и посмотрел на них с отвращением. — Что там случилось? — Он кинул таблетки в рот и стал

их пережевывать.

— Не знаю, мне не сказали. — Человек в черной форме хотя и стоял по стойке «смирно», но в его словах сквозила легкая неучтивость. — Я просто посыльный, сэр, мне велели пойти в ближайший полицейский участок и передать следующее: «Произошли неприятности. Сейчас же вышлите детектива».

— Вы там, в Челси-парке, думаете, что можете приказывать управлению полиции? — Посыльный не ответил, поскольку они оба знали ответ на этот вопрос — «да», и лучше было промолчать. В этих домах жило множество важных особ. Лейтенант поморщился от острой боли в желудке. — Пришлите сюда Раша! — крикнул он.

Энди появился через несколько секунд.

— Слушаю, сэр.

— Чем ты занимаешься?

— У меня есть подозрение, что фальшивые чеки пустил в ход тот обойщик из Бруклина. Я собираюсь…

— Брось его, к чертям собачьим. Вот сообщение, и я хочу, чтобы ты им занялся.

— Не знаю, смогу ли…

— Если я сказал, значит сможешь. Это мой участок, а не твой, Раш. Отправляйся с этим че-

ловеком и, когда вернешься, доложишь лично мне. — На этот раз лейтенант рыгнул потише, словно поставил точку.

— У вашего лейтенанта крутой нрав, — сказал посыльный, когда они вышли на улицу.

— Заткнись! — рявкнул Энди, не глядя на человека.

Энди сегодня опять плохо спал, да и усталость давала себя знать. А жара продолжалась. Когда они вышли из тени экспресс-линии и направились на запад, солнце пекло невыносимо. Энди сощурился от яркого света и почувствовал, как головная боль впивается в виски. Посреди тротуара был навален какой-то мусор, и Энди сердито отпихнул его ногой. Они завернули за угол и вновь оказались в тени. Стены многоквартирного дома с амбразурами и башенками поднимались над ними словно утес.

Проходя по мостику через ров, Энди забыл о головной боли: он лишь раз был внутри этого здания, да и то только в вестибюле. Дверь отворилась еще до того, как они подошли к ней, и швейцар отступил в сторону, пропуская пришедших.

— Полиция, — сказал Энди, показывая бляху швейцару. — Что случилось?

Толстяк не ответил. Дождавшись, когда посыль-

ный уйдет, он облизнул губы и прошептал:

— Кошмарное происшествие. — Он пытался казаться удрученным, но глаза у него сверкали от возбуждения. — Убийство… кого-то убили.

На Энди это не произвело особого впечатления: в Нью-Йорке ежедневно происходило в среднем семь убийств, а в выходные и все десять.

— Давайте посмотрим, — сказал он и пошел за швейцаром к лифту.

— Вот здесь, — сказал швейцар, открывая наружную дверь квартиры 41-Е. Прямо в лицо Энди хлынула освежающая волна прохладного воздуха.

— Все, — сказал он разочарованному швейцару, — теперь я всем буду заниматься один.

Он вошел внутрь и сразу же заметил следы от фомки на внутренней двери, заглянул за нее и увидел в конце длинного коридора двух человек, сидевших в креслах у стены. У ближайшего кресла стояла полная хозяйственная сумка.

Выражения лиц с неподвижными округлившимися глазами у обоих были очень похожи. Девушка была весьма привлекательная, с великолепными длинными рыжими волосами и нежной розоватой кожей. Мужчина быстро поднялся, и Энди увидел, что это огромный негр-

телохранитель.

— Я — детектив Раш из двенадцатого участка.

— Меня зовут Тэб Филдинг, а это мисс Грин — она здесь живет. Мы недавно вернулись с рынка, и я увидел следы от фомки на двери. Я вошел один. — Он ткнул большим пальцем в соседнюю закрытую дверь. — И там нашел его. Мистера О'Брайена. Мисс Грин вошла через минуту и тоже увидела его. Я осмотрел всю квартиру, но никого не обнаружил. Мисс Ширли… мисс Грин оставалась здесь, в коридоре, пока я ходил вызывать полицию. С тех пор мы все время находимся здесь. Внутри мы ничего не трогали.

Энди взглянул на негра и решил, что тот говорит правду. Это легко проверить, допросив швейцара и лифтера. И все же нет смысла рисковать.

— Войдите туда, пожалуйста, вместе со мной.

— Я не хочу, — быстро сказала девушка, и ее пальцы вцепились в подлокотники. — Я не хочу больше видеть его таким.

— Извините. Но боюсь, я не смогу оставить вас здесь одну.

Она не стала спорить, медленно поднялась и расправила складки на сером платье. Очень миловидная девушка, подумал Энди. Телохрани-

тель открыл дверь, и Энди вслед за ними вошел в спальню. Отвернувшись к стене, девушка быстро прошла в ванную и закрыла за собой дверь.

— С ней все будет в порядке, — сказал Тэб, заметив, что детектив обеспокоенно посмотрел ей вслед. — Она достаточно крепкая девчонка, но вы не можете винить ее за то, что она не хочет смотреть на мистера О'Брайена.

Энди взглянул на тело. Он видел и кое-что похуже. Майкл О'Брайен и в смерти выглядел так же впечатляюще, как и в жизни: лежащий на спине с раскинутыми руками и ногами, рот широко раскрыт, глаза выпучены. Из виска торчал железный прут, и тонкая струйка крови стекала по шее на пол. Энди наклонился и дотронулся до обнаженной руки: она была очень холодная. Он встал и посмотрел на дверь ванной.

— Она слышит? — спросил он.

— Нет, сэр. Стены звуконепроницаемы, как и во всей квартире.

— Вы сказали, что она здесь живет. Что это значит?

— Она… подруга мистера О'Брайена. Она к этому совершенно непричастна, для этого у нее не было никакой причины. Он был для нее крекером с маргарином… — Плечи негра опустились. — Для

меня тоже. Теперь нам придется искать другую работенку. — И он ушел в себя, безрадостно размышляя о внезапно омрачившемся будущем.

Энди посмотрел на разбросанную одежду и разоренный шкаф.

— Может, они подрались до того, как она вышла сегодня утром? Она могла сделать это тогда.

— Только не мисс Ширли! — Тэб сжал кулаки. — Она не такой человек. Когда я сказал, что она крепкая, я имел в виду, что ее не так просто раздавить. Понимаете, она уживается в этом мире. Она не могла это сделать. Я ждал в вестибюле, и она спустилась такая же, как всегда. Приветливая и счастливая, она не могла бы вести себя так, если б появилась сразу после вот этого. — Он раздраженно указал на труп, лежавший между ними.

Энди подумал и согласился с телохранителем. Миловидной пташке вроде этой не нужно кого-либо убивать. То, что она делает, она делает не за так, и, если мужик доставляет ей слишком много неприятностей, она просто уходит и находит себе кого-нибудь другого с деньгами. Без всяких убийств.

— А как в отношении тебя, Тэб? Не ты ли вырубил старика?

— Я? — Негр удивился, но не рассердился. — Я

сегодня даже не поднимался сюда утром, вот вернулся вместе с мисс Ширли и нашел его. — Он гордо выпрямился. — Я — телохранитель. По контракту я его должен защищать. Я не нарушаю контрактов. А когда я кого-нибудь убиваю, то не вот так… так вообще не убивают.

С каждой минутой в этой комнате с кондиционером Энди чувствовал себя все лучше. Тело овевала приятная прохлада, и головная боль почти прошла. Он улыбнулся.

— Не для протокола, — по правде говоря, я с тобой согласен. Но не цитируй меня, пока я не составлю рапорт. Все выглядит как кража со взломом. О'Брайен наткнулся на того, кто сюда залез, и получил этой железякой по голове. — Он опять посмотрел на труп. — Кто он такой?.. Чем занимался? О'Брайен — совершенно заурядная фамилия.

— Он занимался бизнесом, — решительно сказал Тэб.

— Вы говорите мне не все, Филдинг. Не валяйте дурака.

Тэб взглянул на закрытую дверь ванной и пожал плечами:

— Я не знаю точно, что он делал. И у меня достаточно мозгов, чтобы не беспокоиться об этом. Он

имел какое-то отношение к рэкету, к политике тоже. Я знаю, что сюда к нему приходило множество шишек из муниципалитета…

Энди щелкнул пальцами:

— О'Брайен… а это не Большой Майк О'Брайен?

— Его так называли.

— Большой Майк… тогда потеря небольшая. В сущности, мы могли бы потерять еще несколько человек вроде него и не горевали бы особо.

— Ничего об этом не знаю. — Тэб смотрел прямо перед собой, на лице никакого выражения.

— Расслабься. Ты больше на него не работаешь. Твой контракт расторгнут.

— Мне заплатили до конца месяца. Я закончу свою работу.

— Она закончилась в тот самый момент, когда этот мужик оказался на ковре. Думаю, тебе лучше позаботиться о девушке.

— Я и собираюсь этим заняться. — Он посмотрел на детектива. — Ей придется нелегко.

— Она переживет, — спокойно ответил Энди. Он достал блокнот и ручку. — Теперь я побеседую с ней, мой рапорт должен быть исчерпывающим. Не выходи из квартиры, пока я не поговорю с ней и с обслуживающим персоналом. Если их расска-

зы совпадут с твоим, не будет никакой причины тебя задерживать.

Подойдя к телу, Энди достал полиэтиленовый мешочек и надел его на ломик, затем осторожно вытащил оружие из черепа. Оно вышло достаточно легко, и из раны вытекла тоненькая струйка крови. Он запечатал мешочек, взял с кровати наволочку и завернул в нее вещественное доказательство. Теперь ему не придется шататься по улицам с окровавленным ломиком… и, если удастся, он оставит эту наволочку себе. Он накрыл тело простыней, затем постучал в дверь ванной.

Ширли чуть приоткрыла дверь и выглянула.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он и вспомнил о теле у себя за спиной. — У вас еще есть комната?

— Гостиная. Сейчас я вам покажу.

Она открыла дверь и вышла из ванной, опять пройдя вдоль стены и не глядя на пол. Тэб сидел в коридоре и молча взглянул на них, когда они проходили в гостиную.

— Устраивайтесь поудобнее, — сказала Ширли. — Я через минуту вернусь. — И она вышла на кухню.

Энди сел на необыкновенно мягкий диван и положил на колено блокнот. В окне гудел еще

один кондиционер, а благодаря шторам от потолка до пола было очень уютно. В комнате стоял огромный телевизор. На стенах висели картины, похожие на подлинники, на полках стояли книги. В комнате также находился обеденный стол и стулья из красного дерева. Все выглядело очень мило.

— Хотите выпить? — крикнула из кухни Ширли, показав высокий стакан. — Это водка.

— Спасибо, я на службе. Немного холодной воды, если можно.

Она принесла на подносе два стакана, но его стакан не подала ему, а поставила на подлокотник дивана. Когда она опустила стакан, тот не упал, опровергая закон притяжения. Энди потянул его к себе и оторвал от подлокотника с некоторым усилием. В стекло были вделаны металлические кольца, а под обивкой дивана наверняка спрятаны магниты. Очень удобно. Почему-то это вызвало у него раздражение, и, сделав глоток, он поставил стакан на пол у ног.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, — сказал он, ставя галочку в блокноте. — Во сколько вы сегодня утром вышли из квартиры?

— Ровно в семь часов, когда Тэб заступил на службу. Я хотела сделать некоторые покупки до

того, как станет слишком жарко.

— Вы заперли за собой дверь?

— Она защелкивается автоматически. Ее нельзя оставить открытой, если только не вставить что-нибудь.

— О'Брайен был жив, когда вы уходили?

Она сердито посмотрела на него:

— Конечно! Он спал, храпел. Вы думаете, что его убила я?

Ярость на ее лице сменилась болью, когда она вспомнила, кто лежит на полу в соседней комнате. Ширли сделала большой глоток из стакана.

В дверях послышался голос Тэба:

— Когда я дотронулся до тела мистера О'Брайена, оно было еще теплым. Тот, кто его убил, должно быть, сделал это незадолго до нашего прихода…

— Сядьте и больше не входите, — резко сказал Энди, не поворачивая головы.

Он отхлебнул ледяной воды и удивился, чего это он так возбужден. Какая разница, кто убрал Большого Майка? Он же на службе. Все говорит о том, что это сделала девушка. Мотив? Он пристально посмотрел на нее, она поймала его взгляд и опустила глаза, поправляя на коленях платье.

— То, что думаю я, роли не играет, — сказал

он, но эти слова его не удовлетворили. — Послушайте, мисс Грин. Я лишь полицейский, выполняющий свои обязанности. Расскажите мне все, что знаете, чтобы я мог составить протокол. Лично я не думаю, что вы как-то причастны к убийству. Но я все равно должен задать несколько вопросов.

Он вдруг увидел улыбку на лице Ширли, и она ему понравилась. Нос у нее сморщился, и на лице появилась широкая дружеская усмешка. Она смышленая девчонка, и она будет жить, о да, будет жить с кем угодно, у кого есть деньги. Он посмотрел в блокнот и провел жирную линию под словами «Большой Майк».

Когда Энди ушел, Тэб закрыл за ним дверь и некоторое время постоял около нее, прислушиваясь. Войдя в гостиную, он встал так, чтобы видеть коридор и входную дверь.

— Мисс Ширли, вы должны кое-что знать.

Она пила уже третий стакан, но алкоголь, похоже, совершенно на нее не действовал.

— Что? — устало спросила она.

— Я не пытаюсь влезать в личные дела, и я ничего не знаю о завещании мистера О'Брайена…

— Можешь быть спокоен. Я его видела — все переходит к его сестре. Я в нем не упомянута…

как и ты.

— Я думал не о себе, — сказал он холодно, и его лицо внезапно напряглось.

Она тут же пожалела о своих словах.

— Ну, пожалуйста, не сердись. Я не это хотела сказать. Я поступила… не знаю… как сволочь. Все произошло так внезапно. Не сердись на меня, Тэб… пожалуйста…

— Я так и понял, что вы поступили немного как сволочь. — Он улыбнулся и полез в карман. — Я предполагал, что так и будет. Я не обвиняю мистера О'Брайена — он же мой хозяин. Но он обращался с деньгами осторожно. Не разбрасывал их налево и направо — я это имею в виду. Перед тем как пришел детектив, я заглянул в бумажник мистера О'Брайена. Он лежал у него в пиджаке. Я оставил там несколько долларов, а остальное забрал. Вот. — Он протянул ей пачку денег. — Они ваши, ваши по праву.

— Я не смогла бы…

— Вы должны. Наступают суровые времена, Ширли. Вам они понадобятся больше, чем его семье. Они никуда не записаны. Они по праву ваши.

Он положил деньги на край стола, и она посмотрела на них.

— Думаю, да. У этой самой его сестры и так достаточно всего. Но нам лучше их разделить…

— Нет, — спокойно сказал он как раз в тот момент, когда сигнал возвестил о том, что кто-то открыл наружную дверь.

— Управление здравоохранения, — произнес чей-то голос, и Тэб увидел на экране двух человек в белой форме. Они держали носилки. Он пошел открывать дверь.

Глава 6

— Ты надолго, Чарли?

— Это мое дело… Ты будешь здесь до тех пор, пока я не вернусь, — пробурчал швейцар и с головы до ног окинул охранника в форме взглядом, как ему хотелось думать, профессионального военного. — В мое время золотые пуговицы выглядели получше.

— Бог с тобой, Чарли, ты же знаешь, что это всего лишь пластмасса. Вся позолота слезет, если их потереть.

В довольно свободной иерархии персонала Челси-парка Чарли являлся бесспорным лидером. Суть была не в размере жалованья — это, вероятно, была самая маленькая часть его дохо-

да, — а в месте работы и ее характере. Он видел жильцов чаще всех, и это преимущество использовал как мог. Его связи вне этих зданий были огромны, и он мог достать все, в чем нуждались жильцы, — за определенную плату. Все жильцы его любили и ласково называли Чарли. Весь персонал его ненавидел, и он никогда не слышал, как его называли.

Квартира в подвале досталась Чарли вместе с работой. Жилуправление было бы слегка удивлено, узнав о усовершенствованиях, сделанных там. Допотопные кондиционеры визжали, стучали, но понижали температуру по крайней мере градусов на десять. Там же находилась выкинутая два десятилетия тому назад на свалку и отреставрированная мебель, покрашенная во всевозможные цвета, а вдоль стен стояло множество запертых шкафчиков. В них хранилось значительное количество продуктов в пакетиках и напитков в бутылочках, до которых сам Чарли не дотрагивался, а перепродавал жильцам. К улучшениям относилось и отсутствие водомера и электрического счетчика. Жилуправление, не подозревая ни о чем, финансировало эти основные расходы Чарли.

Для того чтобы открыть дверь, нужны были

два ключа, и они оба висели у Чарли на цепочке у пояса. Он вошел и аккуратно повесил форменную куртку в шкаф, затем надел чистую, но латаную-перелатаную спортивную рубашку. На двуспальной кровати спал новый мальчишка-лифтер, и швейцар стукнул по ножке кровати ботинком сорок пятого размера.

— Вставай. Тебе через час работать.

Неохотно, еще полусонный, парень вылез из-под простыни, голый и тощий, почесывая ребра. Чарли улыбнулся приятным воспоминаниям о минувшей ночи и слегка шлепнул мальчишку по плоской ягодице.

— У тебя все будет в порядке, малыш, — сказал он. — Только заботься о старом Чарли, а Чарли позаботится о тебе.

— Конечно, мистер Чарли, конечно, — сказал мальчишка, стараясь, чтобы его голос звучал искренне.

Все это было для него в новинку и не очень ему нравилось, но это давало работу. Он робко улыбнулся.

— Ладно, — сказал Чарли и вновь шлепнул мальчишку, на этот раз достаточно сильно: на белой коже остался красный след. — Только, уходя, всегда проверяй, закрыта ли дверь, и на работе

держи язык за зубами.

И Чарли вышел.

На улице было намного жарче, чем он думал, и он, свистнув, остановил велотакси. Утреннего заработка хватило бы на дюжину такси. Два пустых велотакси подъехали к нему одновременно, и он отпустил одного из них, потому что тот был слишком низкорослый и худощавый. Чарли торопился, а весил он целый центнер.

— Эмпайр-стейт-билдинг, вход с Тридцать четвертой улицы! И поторопись!

— В такую-то погоду? — проворчал водитель, нажимая на педали и приводя скрипящий экипаж в движение. — Вы хотите моей смерти, генерал?

— Умирай, если хочешь. Это меня не волнует. Я заплачу тебе доллар.

— Может, вы хотите, чтобы я умер голодной смертью? За доллар можно доехать не дальше Пятой авеню.

Бóльшую часть дороги они торговались о цене, петляя по запруженным людьми улицам и пытаясь перекричать непрестанный шум города — звуки, к которым оба настолько привыкли, что даже их не замечали.

Из-за нехватки электроэнергии и запчастей

в Эмпайр-стейт-билдинге работал только один лифт, да и тот поднимался только до двадцать пятого этажа. Дальше пришлось идти пешком. Чарли прошел два марша и кивнул телохранителю, сидевшему рядом с лестницей. Он бывал здесь раньше, и этот человек его знал, как и три других охранника, этажом выше. Один из них отпер перед ним дверь.

С седыми волосами до плеч судья Сантини сильно напоминал ветхозаветного пророка. Но когда он открывал рот, сходство пропадало.

— Чушь собачья, вот что это такое, чушь! Я отдаю целое состояние за муку, чтобы получилась нормальная кастрюля макарон, и во что ты это, черт подери, превращаешь?

Он с отвращением оттолкнул от себя тарелку со спагетти и большой салфеткой, заткнутой за воротничок рубашки, вытер губы.

— Извини, лучше не смогла! — заорала в ответ жена. Она была маленькая, смуглая, к тому же лет на двадцать моложе его. — Если тебе нужен человек, чтобы вручную делать для тебя спагетти, тебе нужно было жениться на какой-нибудь «контадине» из Италии с кривыми ногами и усами. Я же родилась здесь, в этом городе, на Малбери-стрит, как и ты, и про спагетти знаю только

то, что ты покупаешь их в бакалейной лавке…

Резкий звонок телефона вклинился в ее слова и заставил замолчать. Оба разом посмотрели на аппарат на столе, потом женщина повернулась и поспешно вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. В эти дни телефонных звонков было немного, но, когда звонили, это всегда было очень важно и касалось дел, о которых она и слышать не желала. Роза Сантини получала наслаждение от всей той роскоши, которую предоставляла ей жизнь, а то, что она ничего не знала о работе мужа, ее абсолютно не тревожило.

Судья Сантини встал, еще раз вытер рот и положил салфетку на стол. Он не торопился: не то чтобы ему не позволял возраст, а просто он не любил суетиться. Он сел за письменный стол, вынул блокнот и ручку и только тогда взял трубку. Это был старинный аппарат с треснувшей трубкой, обвязанной изолентой, его провод протерся и разлохматился.

— Сантини у телефона. — Пока он слушал, глаза у него расширялись все больше и больше. — Майк… Большой Майк… Боже!

После этого он сказал немного: какие-то «да» и «нет», а когда повесил трубку, руки у него тряслись.

— Большой Майк, — сказал лейтенант Грассиоли, улыбаясь; даже очередное обострение язвы не угнетало его, как обычно. — Кто-то хорошо поработал. — На столе перед ним лежала запачканная кровью фомка, и он с восхищением смотрел на нее, как на произведение искусства. — Кто это сделал?

— Похоже, что это была кража со взломом, которая плохо закончилась, — ответил Энди.

Он читал записи в блокноте, быстро суммируя все относящиеся к делу подробности. Когда он закончил, Грассиоли хмыкнул и указал на покрытые специальным порошком отпечатки пальцев на конце ломика.

— Как насчет этого? Отпечатки хорошие?

— Очень отчетливые, лейтенант. Большой и еще три пальца правой руки.

— Есть шансы, что телохранитель или девушка убрали этого старика?

— Я бы сказал — один из тысячи, сэр. Вообще никаких мотивов — он их обоих кормил. И они, похоже, действительно удручены — не его смертью, а тем, что потеряли продуктовые карточки.

Грассиоли положил фомку обратно в мешок и передал через стол Энди.

— Хорошо. На следующей неделе мы отправля-

ем посыльного в бюро криминалистики, так что пошлем туда и эти отпечатки, а с ними коротенький рапорт. Умести отчет на обороте перфокарты — еще только десятое число, а у нас уже почти кончился весь запас бумаги на месяц. Надо бы взять отпечатки у этой пташки и у телохранителя… да черт с ними, нет времени. Заведи дело и забудь о нем, возвращайся к своей работе.

Когда Энди делал отметки у себя в блокноте, зазвонил телефон. Трубку взял лейтенант. Энди не прислушивался к разговору и уже пошел к двери, когда Грассиоли прикрыл трубку ладонью и рявкнул:

— Раш, назад!

Затем он опять переключился на разговор по телефону:

— Да, сэр, все в порядке. Нет никаких сомнений, что это кража со взломом. Убийца пользовался фомкой. Заостренный металлический пруток. — Он напряженно слушал, и его лицо медленно покрывалось краской. — Нет, сэр, мы не могли. Что еще мы могли сделать? Да, все выполнено в соответствии с инструкциями. Нет, сэр. Прямо сейчас, сэр. У меня есть кому этим заняться, сэр.

— Сукин сын, — сказал лейтенант, положив трубку. — Ты паршиво сделал это дело, Раш.

Возвращайся к нему и посмотри, можно ли это как-нибудь исправить. Выясни, как убийца выбрался из здания, — если это действительно кража со взломом. Возьми отпечатки пальцев у двоих подозреваемых. Отправь посыльного с отпечатками в бюро криминалистики, пусть проверят. Мне нужно досье на убийцу, если он у них зарегистрирован. Шевелись.

— Я и не знал, что у Большого Майка были друзья.

— Друзья или враги — один черт. Но кое-кто давит на нас, требуя результатов. Поэтому обернись как можно скорее.

— В одиночку, лейтенант?

Грассиоли жевал кончик ручки.

— Нет, рапорт мне нужен как можно быстрее. Возьми Кулозика.

Он рыгнул, болезненно поморщился и полез в стол за таблетками.

Пальцы у детектива Кулозика были короткие и толстые, с виду неловкие, но на самом деле очень проворные. Он схватил большой палец правой руки Ширли и крепко прижал его к глянцевой белой пластинке, оставив отчетливый, несмазанный отпечаток в квадратике с пометкой «П 1». Затем один за другим он прижимал ее пальцы к

пропитанной чернилами подушечке, а потом к пластинке, пока все квадратики не заполнились.

— Могу ли я узнать ваше имя, мисс?

— Ширли Грин. — Она тупо уставилась на испачканные чернилами кончики пальцев. — Теперь я преступница, на меня заведут досье?

— Ничего подобного, мисс Грин. — Кулозик аккуратно печатными буквами написал ее имя толстым жировым карандашом в нижней части пластинки. — Эти отпечатки будут использованы лишь для сопоставления. Могу ли я узнать дату вашего рождения?

— Двенадцатое октября тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

— Думаю, это все, что нам сейчас нужно. — Он положил пластинку в пластмассовую коробочку вместе с подушечкой.

Ширли пошла мыть руки, а Стив складывал свои принадлежности, когда раздался сигнал у входной двери.

— Взял у нее отпечатки? — спросил, входя, Энди.

— Все уже сделано.

— Замечательно. Тогда осталось заполучить отпечатки пальцев телохранителя. Он ждет внизу, в вестибюле. А я нашел окно в подвале, которое,

по-видимому, взломали. Его тоже надо проверить на предмет отпечатков. Лифтер тебе покажет, где оно находится.

— Уже иду, — сказал Стив, закидывая сумку на плечо.

Когда Стив удалился, в комнату вошла Ширли.

— У нас есть зацепка, мисс Грин, — сказал ей Энди. — Я нашел окно в подвале, которое было взломано. Если найдутся отпечатки пальцев на стекле или раме и они совпадут с отпечатками на фомке, то станет ясно, как убийца попал в здание. И мы сравним отпечатки на фомке с отпечатками на двери. Вы не будете возражать, если я сяду?

— Что вы, — сказала она. — Конечно, садитесь.

Кресло было мягкое, а бормотание кондиционера делало комнату островком уюта в потоке жары. Он откинулся на спинку, и часть напряжения и усталости улетучилась. Раздался сигнал у входной двери.

— Извините, — сказала Ширли и пошла открывать.

В коридоре послышались приглушенные голоса, но он не обращал на них внимания, листая странички своего блокнота. Пластиковое покрытие на одной из них покоробилось, и буквы потускнели, он еще раз обвел их ручкой, нажи-

мая как можно сильнее.

— Выметайся отсюда, грязная шлюха!

Слова были выкрикнуты хриплым, визгливым голосом, словно ногтем провели по стеклу. Энди встал с кресла и засунул блокнот в карман.

— Что там происходит? — спросил он.

В комнату вошла Ширли, раскрасневшаяся и злая, а за ней — худая седая женщина. Увидев Энди, женщина остановилась и указала на него трясущимся пальцем:

— Мой брат умер и еще не похоронен, а эта тварь уже связалась с другим мужиком…

— Я офицер полиции, — сказал Энди, показывая свою бляху. — А вы кто такая?

Она выпрямилась, но это не прибавило ей роста: у нее были покатые плечи и впалая грудь. Костлявые руки торчали из рукавов заношенного, какого-то грязного цвета платья. Ее лицо, блестевшее от пота, было серым — кожа типичного горожанина-фотофоба; единственный оттенок ему, похоже, придавала уличная пыль. Когда она говорила, губы ее превращались в узкую щель, выкидывавшую слова, словно детали из-под пресса, а затем плотно закрывались, чтобы, не дай бог, не выдать на одну деталь больше, чем нужно. Водянистые голубые глаза светились злобой.

— Я Мэри Хеггерти, сестра бедного Майка и единственная его родственница. Я пришла, чтобы заняться вещами Майка. Как сказал мне адвокат, по завещанию Майк все оставил мне, и я должна заняться наследством. Этой шлюхе нужно убраться отсюда, она и так с него достаточно поимела…

— Минутку, — прервал Энди поток ее слов, и рот у нее захлопнулся. Она тяжело и быстро дышала расширившимися ноздрями. — Ни до чего в этой квартире нельзя дотрагиваться и ничего нельзя брать без разрешения полиции, так что вам не стоит волноваться о вашем имуществе.

— Вы только при ней это не говорите! — взвизгнула она и повернулась к Ширли. — Она украдет и продаст все, что не приколочено. Мой добрый брат…

— Ваш добрый брат! — заорала Ширли. — Вы всеми своими кишками его ненавидели, и он ненавидел вас, и вы никогда и близко не подходили к этому дому, пока он был жив.

— Заткнитесь! — Энди встал между двумя женщинами и повернулся к Мэри Хеггерти. — Вы можете идти. Полиция даст вам знать, когда можно будет забрать вещи из этой квартиры.

Она была поражена.

— Но… вы не имеете права. Нельзя оставлять

здесь эту шлюху одну.

Терпению Энди пришел конец.

— Следите за своим языком, миссис Хеггерти. Вы уже достаточно воспользовались этим словом. Не забывайте, чем ваш брат зарабатывал себе на жизнь.

Лицо у нее побелело, и она отступила на шаг назад.

— Мой брат занимался бизнесом, он бизнесмен, — тихо сказала она.

— Ваш брат занимался рэкетом и нелегальной индустрией развлечений. А это, кроме всего прочего, подразумевает и девочек.

Когда злоба оставила ее, она вновь сгорбилась, стала тощей и костлявой. Единственной округлой частью тела у нее был живот, раздувшийся от многолетнего плохого питания и вынашивания многочисленных детей.

— Уходите, — сказал Энди. — Мы свяжемся с вами.

Женщина повернулась и ушла, не сказав больше ни единого слова. Он пожалел о том, что сорвался и сказал больше, чем нужно, но сказанного не вернешь.

— Вы что имели в виду, когда говорили про Майка? — спросила Ширли после того, как дверь

захлопнулась.

В простом белом платье, с волосами, заколотыми сзади, она казалась очень юной, невинной, несмотря на ярлык, который прилепила к ней Мэри Хеггерти.

— Как давно вы знаете О'Брайена? — спросил Энди.

— Около года, но он никогда не говорил о своих делах. А я никогда не спрашивала и всегда думала, что они имеют какое-то отношение к политике. К нам вечно приходили судьи и политики.

Энди достал блокнот.

— Мне бы хотелось узнать имена гостей, людей, с которыми он встречался в течение последней недели.

— Вы задаете вопросы… но вы не ответили на мой. — Ширли улыбнулась, но он знал, что она вполне серьезна. Она села в кресло и положила руки на колени — ну прямо школьница.

— Я не могу ответить на него подробно, — сказал он. — Я многого не знаю о Большом Майке. В целом я могу сказать вам совершенно определенно, что он являлся своего рода посредником между синдикатом и политиками. Вы бы назвали это административным уровнем. И по крайней мере тридцать лет прошло с тех пор, как он в по-

следний раз предстал перед судом или находился за решеткой.

— Вы имеете в виду… он сидел в тюрьме?

— Да, я проверял, на него имеется уголовное досье и пара обвинений. Но в последнее время — ничего. Ловят и сажают только всякую мелочь. Если вы вращаетесь в кругу Майка, полиция вас не трогает. По сути, они вам помогают… вот как с этим расследованием.

— Не понимаю…

— Послушайте. В Нью-Йорке ежедневно происходит пять, может, десять убийств, пара сотен преступных нападений, двадцать-тридцать изнасилований, по крайней мере сто краж со взломом. Полиции не хватает людей, она чересчур загружена. У нас нет времени заниматься каждым нераскрытым делом. Если кого-то убивают и есть свидетели — хорошо. Мы выезжаем и хватаем убийцу — дело закрыто. Но в подобном деле, честно говоря, мисс Грин, мы даже не пытаемся что-либо предпринять. Если у нас нет отпечатков пальцев и досье на убийцу… А скорее всего, их у нас нет. В этом городе миллионы подонков живут на пособие и хотят, чтобы у них была какая-никакая еда, телевизор и выпивка. Поэтому они делают попытку что-нибудь украсть, авось полу-

чится. Мы ловим некоторых из них и отправляем в рабочие бригады вырубать леса под пахотные земли. Но бóльшая часть смывается. Порой происходит несчастный случай, когда кто-нибудь появляется там, где они обделывают свое дельце, обчищают квартиру или магазин. Если взломщик вооружен, возможно убийство. Понимаете, совершенно случайное; девяносто девять шансов из ста, что нечто подобное произошло с Майком О'Брайеном. Я снял свидетельские показания, написал рапорт — и дело должно было заглохнуть. Так бы и случилось, если бы не было еще кое-кого. Но, как я сказал, Большой Майк имел множество контактов в политической сфере, и кто-то из этих кругов оказывает давление на нас, чтобы было проведено более полное расследование. Вот почему я здесь. В общем, я рассказал вам больше, чем нужно, и вы окажете мне большую любезность, если обо всем этом забудете.

— Нет, я никому не расскажу. А что будет дальше?

— Я задам вам еще несколько вопросов, уйду отсюда, напишу рапорт — и на этом все кончится. На меня навалена куча всякой работы, и управление уже и так уделило этому расследованию больше времени, чем могло себе позволить.

— Вы не собираетесь ловить человека, который это сделал? — изумилась Ширли.

— Если отпечатки пальцев есть в досье, мы могли бы это сделать. Если нет — у нас нет ни малейшего шанса. Мы не будем даже пытаться. Оставим в стороне вопрос нехватки времени. Кто бы ни пришил Майка, он сослужил добрую службу обществу.

— Это ужасно!

— Да? Возможно.

Он раскрыл блокнот и дальше продолжал вполне официально. С вопросами было покончено, когда вернулся Кулозик с отпечатками пальцев с подвального окна, и они вместе покинули здание. После прохладного помещения улица окатила их жаром, словно открытая топка печи.

Глава 7

Уже перевалило за полночь. Темное небо за широким окном не могло сравниться по насыщенности цвета с полированным деревом длинного трапезного стола. Стол этот когда-то, много веков тому назад, находился в монастыре, уже давно разрушенном, и был очень ценным,

как и все остальное убранство комнаты: буфет, картины, люстра с хрустальными подвесками. У одного конца стола сидели шестеро мужчин. Их финансовые дела обстояли отлично. Двое из них курили сигары, а самая дешевая сигара, которую можно было купить, стоила по крайней мере десять долларов.

— Пожалуйста, покороче, судья, — сказал мужчина, сидевший во главе стола. — Время поджимает, и нам нужны только результаты.

Если кто-то и знал настоящее имя этого человека, то старался не упоминать вслух. Сейчас его звали мистером Бригзом, и он являлся тут самым главным.

— Конечно, мистер Бригз, это будет достаточно просто сделать, — сказал судья Сантини и нервно откашлялся в кулак.

Ему всегда не нравились эти совещания в Эмпайр-стейт-билдинге. Будучи судьей, он не должен был слишком часто видеться с этими людьми. Кроме того, приходилось подниматься чересчур высоко, а ему следовало думать о своем «моторе». Особенно в такую погоду. Он отхлебнул воды из стакана и сдвинул очки на нос, чтобы удобнее было читать.

— Вот основные моменты. Большой Майк был

убит мгновенно ударом в висок, произведенным заточенным металлическим прутом, который также использовался при взламывании двери. Отпечатки на взломанном подвальном окне совпадают с отпечатками на двери, и те и другие соответствуют отпечаткам на фомке. Пока они считаются отпечатками неизвестного человека и не совпадают ни с одними отпечатками из досье бюро криминалистики, а также с отпечатками подруги О'Брайена и его телохранителя, которые обнаружили тело.

— Кто, по мнению детектива, это сделал? — раздался голос из облачка сигарного дыма.

— Официальная точка зрения, э… скажем, смерть вследствие несчастного случая. Они думают, что кто-то влез в квартиру с целью грабежа, случайно наткнулся на Майка, и в результате тот был убит.

Два человека начали было задавать вопросы, но мгновенно умолкли, когда заговорил Бригз. У него были тоскливые, серьезные глаза гончей, а сходство увеличивали припухшие нижние веки и отвислые щеки. Когда он говорил, массивный подбородок двигался из стороны в сторону.

— Что вынесли из квартиры?

Сантини пожал плечами:

— Насколько они могут определить, ничего. Девушка заявляет, что ничего не пропало, а она-то уж наверняка знает. Комната перевернута вверх дном, но, очевидно, взломщика вспугнули до того, как он закончил свое дело, и он в панике бежал. Такое бывает.

Бригз обдумал эту информацию, но больше вопросов задавать не стал. Другие о чем-то спросили, и Сантини рассказал им то, что было известно. Бригз поразмышлял немного и, подняв палец, заставил всех замолчать.

— Похоже, что это случайное убийство, для нас оно не имеет никакого значения. Нам нужен кто-то, способный принять на себя всю работу Майка… Что такое, судья? — спросил он, недовольный тем, что его перебили.

Сантини обливался потом. Ему хотелось, чтобы все быстрее кончилось и он смог пойти домой. Был уже час ночи, и он устал. В такое время он обычно уже спал. Но был один факт, о котором он должен был упомянуть. Факт мог быть важным, и, если он выплывет позднее, получится, что он знал о нем и ничего не сказал… Лучше расправиться с этим сейчас.

— Мне следует рассказать вам еще об одной вещи. Возможно, это что-нибудь значит, возможно,

нет. Но я чувствую, что у нас должна быть вся информация, прежде чем мы…

— Давайте, судья, — холодно сказал Бригз.

— Да, конечно. Это знак, обнаруженный на окне. Надо сказать, что все окна в подвале покрыты изнутри толстым слоем пыли и до других окон никто не дотрагивался. Но на взломанном окне, через которое предполагаемый убийца попал в здание, нарисован рисунок. Сердце.

— Что это, черт возьми, должно означать? — проворчал один из присутствующих.

— Для вас, Шлактер, ничего, поскольку вы американец немецкого происхождения. Я не могу дать гарантии, что это что-нибудь означает; не исключено, что это просто совпадение, полная бессмыслица. Но следует отметить, что по-итальянски «сердце» — «cuore».

Атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Мужчины отлепились от спинок кресел и подались вперед. Бригз не пошевелился, но глаза у него сузились.

— Куоре, — медленно произнес он. — Не думал, что у него хватит духу появиться в городе.

— У него и так в Ньюарке все есть. Он раз попробовал сунуться сюда и здорово погорел, больше он этого не сделает.

— Может быть. Но я слышал, он совершенно выжил из ума. Сидит на ЛСД. Он мог сделать все, что угодно…

Бригз кашлянул, и все притихли.

— Нам придется это выяснить, — сказал он. — Либо Куоре пытается внедриться на нашу территорию, либо кто-то пытается устроить заварушку, чтобы подозрение пало на него, — в любом случае нам нужно в этом разобраться. Судья, проследите, чтобы полиция продолжала расследование.

Сантини улыбнулся и крепко сцепил пальцы под столом.

— Я не говорю «нет», что вы, не говорю, что этого нельзя сделать. Я сказал, что это будет крайне трудно. У полиции чересчур короткие руки, у них нет людей для проведения полномасштабного расследования. Если я попытаюсь нажать на них, они захотят узнать почему. У меня должно быть несколько подходящих ответов. Я могу сделать так, чтобы этим занимались несколько человек, могу сделать несколько звонков, но не думаю, что нашего давления будет достаточно, чтобы их раскачать.

— Вашего влияния недостаточно, судья, — сказал Бригз очень тихо. Руки у Сантини начали трястись. — Но я никогда никого не прошу совер-

шать невозможное. Я позабочусь обо всем сам. Есть пара людей, которых я могу лично попросить о помощи. Я хочу знать, что происходит.

Глава 8

В открытое окно врывались жара и вонь, звуки города, многоголосый рев, поднимавшийся и спадавший с упорством морских волн, накатывающихся на берег, бесконечное грохотание. Внезапно на этом шумовом фоне раздались звуки бьющегося стекла и скрежет металла. Голоса возвысились до крика, и в тот же момент послышался пронзительный вопль.

— Что? Что?.. — пробормотал Соломон Кан, ворочаясь в постели и протирая глаза.

Подонки, они никогда не заткнутся, никогда не дадут хоть немножко вздремнуть. Он встал и зашагал к окну, но ничего не увидел. Крики продолжались. Что случилось? Рухнула еще одна пожарная лестница? Такое происходит достаточно часто, даже по телевизору показывают, особенно если это сопровождается какой-нибудь ужасной сценой. Нет, вероятно, нет, просто мальчишки бьют стекла или еще что-нибудь в этом роде. Солнце скрылось за домами, но воздух

по-прежнему был жарким и вонючим.

— Паршивая погода, — проворчал он и пошел к раковине.

Даже доски пола обжигали босые ступни. Он плеснул в лицо пригоршню воды, затем включил телевизор на канале станции «Мьюзик тайм». Комната наполнилась ритмами джаза, внизу экрана светились маленькие цифры 18:47. Почти семь, Энди сегодня работает целый день, а это означает, что он должен вернуться около шести, хотя они никогда не уходят со службы вовремя. Во всяком случае, пора чего-нибудь перекусить.

— Армия дала мне прекрасную специальность авиационного механика всего за пятнадцать штук, — сказал он, похлопывая рукой по плите. — Самое прекрасное вложение капитала, которое они когда-либо делали.

Плита ожила вместе с газовой горелкой, которую он перестроил на газ из баллонов, когда закрыли газовые магистрали, а потом установил электронагревательный элемент, когда все баллоны закончились. К этому времени подача электричества стала крайне неустойчивой и к тому же электричество стоило очень дорого, чтобы готовить пищу, и он установил бак со съемными форсунками, куда заливалась любая горючая

жидкость. Бак работал вполне удовлетворительно уже много лет на керосине, метаноле, ацетоне и множестве других горючих, артачась лишь при заправке его авиационным бензином — он выкидывал струю пламени в метр длиной и опалил всю стену, пока Соломон его не приручил. Его последнее усовершенствование было самым простым. Он вырезал отверстие в задней стенке плиты и вывел на улицу дымовую трубу через еще одно отверстие, пробитое в кирпичной стене. Когда в плите загоралось твердое горючее, отверстие в изоляции над ним выпускало тепло наружу.

— Даже зола воняет рыбой, — посетовал он, выгребая пепел, оставшийся с прошлого дня. Он выкинул его за окно и был удовлетворен, когда этажом ниже выразили недовольство.

— Не нравится? — закричал он в ответ. — Тогда велите своим паршивым детям не включать телевизор на полную мощь по ночам, может, тогда я прекращу высыпать пепел вам на голову.

Это его развеселило, и он стал насвистывать сюиту из балета «Щелкунчик», зазвучавшую по телевизору вслед за безымянной джазовой композицией. Но внезапно раздался треск, и звук пропал. Соломон, ругаясь себе под нос, подбежал

к телевизору и ударил по нему кулаком. Это не произвело никакого воздействия. Треск продолжался, и он с неохотой выключил телевизор. Наклонившись, чтобы разжечь плиту, он все еще матерился.

Положив на решетку три маслянистых серых брикета морского угля, он взял с полки зажигалку «Зиппо» на батарейках. Хорошая зажигалка, когда же она куплена? Должно быть, лет пятьдесят назад. Конечно, бóльшую часть деталей с тех пор пришлось заменить: таких зажигалок уже не выпускали. Зажигалок больше вообще не выпускали. Морской уголь загорелся слабым голубоватым пламенем. Он вонял рыбой, как и его руки. Соломон вымыл их. Эту штуку, видимо, делали из отходов целлюлозы спиртового завода, высушивали и вымачивали в планктоновом масле, чтобы горела. Ходил слух, что ее на самом деле производят из сушеных и спрессованных рыбьих кишок на рыбокомбинате, и он предпочитал такое толкование официальной версии, не важно, верно оно было или нет.

Его миниатюрный огород в ящике на подоконнике находился в отличном состоянии. Он надергал шалфея и полыни и разложил на столе для сушки. Затем приподнял полиэтилен, чтобы

посмотреть, как растет лук. Он рос превосходно, и скоро его уже можно будет есть. Он насмешливо посмотрел в зеркало на свою бороду.

— Нужно подровнять, Сол, — сказал он своему отражению. — Но уже темно, так что придется подождать до утра. Все же никому не повредит, если расчесать ее перед тем, как одеться к ужину.

Он несколько раз провел расческой по бороде, затем отложил расческу и пошел искать в шкафу шорты. Они начали свою жизнь много лет тому назад в качестве армейских штанов, но с тех пор неоднократно подрезались и подшивались, пока у них не осталось никакого сходства с изначальной моделью. Едва Сол их натянул, как в дверь постучали.

— Да? — крикнул он. — Кто там?

— «Альковер электроника», — прозвучал приглушенный ответ.

— Я уж думал, что вы там все подохли или ваше заведение сгорело, — сказал Сол, распахивая дверь. — Не прошло и двух недель, как вы обещали, что быстренько сделаете мой телевизор, и я заплатил заранее.

— Быстро только электроны двигаются, — спокойно ответил высокий мастер, кидая сумку с инструментами размером с чемодан на стол. — В

вашем древнем ящике одна лампа давно развакуумировалась. Так что я могу поделать? Таких ламп больше не делают, а если б и делали, я все равно не мог бы ее купить — существует очередь. — Пока он говорил, руки его уже занялись делом: он перетащил телевизор на стол и начал отвинчивать заднюю крышку. — Как мне починить этот ящик? Мне приходится ходить к спекулянтам на Гринвич-стрит и проводить там пару часов, выискивая то, что нужно. Мне не удалось раздобыть лампу, и я купил пару транзисторов, которые выполнят ту же функцию. Могу сказать вам, это было нелегко сделать.

— Сердце кровью обливается, — сказал Сол, с подозрением наблюдая, как мастер снимает заднюю крышку и вынимает лампу.

— Развакуумировалась, — сказал мастер, пристально посмотрев на лампу, перед тем как бросить ее в сумку. Он достал прямоугольную пластиковую полоску, к которой были прикреплены какие-то маленькие детальки, и начал припаивать ее. — Это паллиатив, — сказал он. — Приходится потрошить старые ящики, чтобы работали еще более старые. Даже припой приходится изготовлять самому. Хорошо еще, что в округе, наверное, пара миллиардов ящиков,

а у большинства последних моделей твердые контуры. — Он включил телевизор, и комнату наполнили звуки музыки. — За работу четыре доллара.

— Мошенник! — воскликнул Сол. — Я уже заплатил вам тридцать пять долларов…

— Это за детали, работа — отдельно. Если вы хотите иметь в жизни некоторые маленькие удобства, будьте готовы за них платить.

— Я заказывал только ремонт, — сказал Сол, протягивая деньги, — без всякой философии. Вы жулик.

— Я предпочитаю именовать себя электронщиком-грабителем, — ответил мастер, пряча купюры в карман. — Если вы хотите взглянуть на жуликов, приходите посмотреть, сколько я плачу радиоспекулянтам. — Он повесил сумку на плечо и ушел.

Было почти восемь часов. Через несколько минут после того, как ушел мастер, в замке повернулся ключ, и вошел Энди, усталый и разгоряченный.

— Ты еле тащишь свою задницу, — сказал Сол.

— Ты был бы еще хуже, если б у тебя выдался такой денек, как у меня. Что, свет не можешь включить? Ни черта не видно. — Он добрел до

кресла у окна и рухнул в него.

Сол включил маленькую электролампочку, висевшую в центре комнаты, и пошел к холодильнику.

— Сегодня вечером никаких «Гибсонов». Вермут выдается в ограниченных количествах, пока я не наделаю еще. У меня есть кориандр, фиалковый корень и все остальное, но нужно еще высушить полынь. Без нее получается совсем не то. — Он достал из холодильника покрытый изморозью графин и закрыл дверцу. — Но я поставил охлаждаться воду и приправил ее спиртом, чтобы не чувствовалось вкуса воды. Это также помогает от нервов.

— Довели! — Энди отхлебнул воды и состроил недовольную физиономию. — Извини, что на тебя наезжаю, но у меня был чертовски тяжелый день, а завтра будет еще круче. — Он принюхался. — Что это у тебя на плите?

— Опыты по экономичному ведению домашнего хозяйства — вне зависимости от карточек и пособий. Ты, может, не замечаешь, но наш бюджет трещит по швам со времени последнего подорожания. — Сол открыл канистру и показал Энди коричневые гранулы. — Это новый чудесный ингредиент, поставляемый нашим

благодетельным правительством и называемый «энер-Г», — откуда такое ужасно остроумное название? Он содержит витамины, минеральные соли, белки, углеводы…

— Все, кроме нормального вкуса?

— Примерно так. Я добавляю его в овсяные лепешки. Сомневаюсь, что будет хуже, поскольку уже сейчас я их начинаю ненавидеть. Этот «энер-Г» — новое чудо науки — производится из китового планктона.

— Из чего?

— Я знаю, что ты никогда не держал в руках ни одной книги, но ты же смотришь телевизор. Об этом была часовая программа. Конверсия атомных подводных лодок, плавающих повсюду, как киты, и собирающих планктон — таких микроскопических морских тварей, которыми, к твоему превеликому удивлению, питаются огромные киты. Те трое, что еще живы. Самая маленькая форма жизни поддерживает самую большую — в этом есть своя мораль. Так или иначе, планктон всасывается, просеивается, вода выплевывается наружу, а планктон спрессовывается в маленькие брикеты и складывается в подлодке, пока она не загружается под завязку. Тогда она возвращается в порт и разгружается.

Потом из этих брикетов получают «энер-Г».

— О боже! Могу поспорить, у него вкус рыбы.

— Пари не принимается, — вздохнул Сол и начал раскладывать овсяные лепешки по тарелкам.

Ели молча. Овсяные лепешки с «энер-Г» были не так плохи, как они подозревали, но все равно ничего хорошего. Покончив с ними, Сол прополоскал рот смесью воды со спиртом.

— Что ты там говорил о работе? — спросил он. — Тебя заставляют работать в две смены?

Энди подошел к окну. Теперь, когда солнце село, во влажном горячем воздухе появилось какое-то движение.

— У меня особое задание. Помнишь то убийство, о котором я тебе рассказывал?

— Большой Майк, этот воришка? Тот, кто прикончил его, оказал большую услугу роду человеческому.

— Я думаю то же самое. Но у него есть друзья в политических сферах, которые интересуются этим делом больше, чем мы. У них есть связи, они потянули за ниточку, и комиссар вызвал лейтенанта и велел ему поставить одного человека на это расследование и найти убийцу. Рапорт был подписан мной, поэтому назначили меня. А

Грасси — о, это великолепный подонок — сказал мне об этом перед самым уходом. Он выдал мне задание и многозначительно намекнул, что им нужно заняться сегодня же вечером. То есть сейчас, — сказал Энди, вставая и потягиваясь.

— Здорово, — сказал Сол, поглаживая бороду. — Полная независимость, сам себе начальник, работаешь когда хочешь, увенчан славой.

— Я ничем не буду увенчан, если не дам ответ очень быстро. Все следят за этим и оказывают давление. Грасси сказал, что мне придется найти убийцу как можно скорее или я пойду в форме патрулировать Корабельный городок.

Энди зашел к себе в комнату и открыл замок нижнего ящика шкафа. Тут у него лежали две запасные обоймы, кое-какие личные бумаги и вещи, включая карманный фонарик. Он работал от нажима руки и ослепительно загорелся, когда Энди его проверил.

— Куда теперь? — спросил Сол, когда Энди вышел. — Собираешься посетить ночной притон?

— Хорошо, что ты не полицейский, Сол. С твоими знаниями в криминалистике преступность в городе разрослась бы буйным цветом…

— Она и так процветает, без моей помощи.

— …и нас бы всех поубивали прямо в крова-

тях. Нет, не в притон. Я собираюсь поговорить с девушкой.

— Дело принимает интересный оборот. Позволительно ли мне спросить, с какой девушкой?

— С девчонкой по имени Ширли. Фигурка что надо. Она была подружкой Большого Майка, жила с ним, но, когда его кокнули, ее в квартире не было.

— Может, тебе нужен помощник? По ночам я работаю очень хорошо.

— Остынь, Сол, ты бы не знал, что делать, когда бы дошло до дела. Она играет не в нашей лиге. Сходи на горшок и ложись спать.

С помощью фонарика Энди благополучно избежал всех мусорных завалов на лестнице, погруженной в темноту. На улице были все те же толпы людей и жара. Они не зависели от времени суток и наполняли улицы и днем и ночью. Хотелось дождя, который смыл бы все это, но прогноз погоды не оставлял никаких надежд. «Без перемен».

Чарли открыл дверь с вежливым приветствием. Энди пошел было к лифту, но передумал и направился к лестнице. Ему хотелось взглянуть на окно и подвал после наступления темноты, увидеть все таким, каким оно было, когда появил-

ся взломщик. Если только он проник в здание здесь. Теперь, когда ему был поручен розыск убийцы, приходилось вдаваться во все подробности дела, пытаться воссоздать последовательность событий. Можно ли пробраться снаружи через окно, чтобы тебя не заметили? Если нет, значит убил кто-то из местных, и нужно будет проверять весь персонал и всех жильцов дома.

Он остановился и вынул пистолет. Впереди, в полуоткрытой двери подвала, мелькнул луч карманного фонарика. Это было именно то помещение, где взломали окно. Он медленно пошел вперед, осторожно ступая по грязному бетонному полу, стараясь не произвести ни звука. Войдя, он увидел, что кто-то стоит у дальней стены и водит лучом по окнам. В желтом круге света вырисовалась темная фигура. Луч перешел на другое окно и остановился на сердечке, нарисованном по пыли. Человек нагнулся к окну. Он был настолько увлечен своими исследованиями, что не услышал, как сзади к нему подошел Энди.

— Не двигаться, я вооружен, — сказал Энди, ткнув дулом пистолета человека в спину.

Фонарик у него выпал и разбился. Энди выругался, достал свой фонарик и нажал. Луч света ударил прямо в лицо человеку — рот открыт от

страха, лицо белое, под стать длинным седым волосам. Мужчина прислонился к стене, глотая воздух. Энди убрал пистолет в кобуру и подхватил человека под руку, потому что тот стал медленно сползать по стене на пол.

— Шок… так внезапно… — бормотал он. — Вы не должны были… Кто вы такой?

— Я офицер полиции. Как ваша фамилия? И что вы здесь делаете? — Энди быстро его обыскал: человек был не вооружен.

— Я… на гражданской службе… вот мое удостоверение… — Он трясущимися руками достал бумажник.

Энди взял удостоверение и раскрыл.

— Судья Сантини, — сказал он, переводя луч фонарика с удостоверения на лицо человека. — Да, я видел вас в суде. Но не странно ли судье оказаться в подобном месте?

— Пожалуйста, не дерзите, молодой человек. — Первая реакция прошла, и Сантини вновь владел собой. — Я считаю себя человеком, хорошо знающим законы этого независимого государства, и я не могу припомнить ни одного закона, применимого к данной ситуации. Я предполагаю, что вы превышаете свои полномочия…

— Проводится расследование убийства, а вы,

возможно, занимались подделыванием вещественных доказательств, судья. Этого достаточно, чтобы вас арестовать.

Сантини быстро заморгал в ярком луче фонарика.

— Вы детектив Раш? — спросил он.

— Да, — с удивлением ответил Энди. Он опустил фонарик, чтобы тот не светил судье прямо в лицо. — Что вы обо всем этом знаете?

— Я расскажу тебе все, мой мальчик, если ты позволишь мне подняться с пола и мы найдем более уютное место для нашей беседы. Почему бы нам не зайти к Ширли? Ты наверняка знаком с мисс Грин. Скоро здесь станет совсем холодно, а раз уж я пришел, то буду счастлив рассказать тебе все, что знаю.

— Почему бы нет, — сказал Энди, помогая старику подняться.

Судья не собирался убегать, кроме того, у него могли быть какие-то официальные связи, имеющие отношение к делу. Иначе откуда бы он знал, что Энди — тот самый детектив, которому поручено заниматься расследованием? Все это выглядело скорее как дело политиков, а не полиции.

Из подвала они поехали вверх на лифте, и

хмурый взгляд Энди быстро стер любопытство с лица лифтера. Судье, похоже, стало лучше, но он по-прежнему опирался на руку Энди.

Дверь открыла Ширли.

— Судья… вам плохо? — спросила она, широко раскрыв глаза.

— Ничего, моя милая, просто жара, усталость. Я не становлюсь моложе. — Он выпрямился, отлично скрыв усилия, которые для этого требовались, и, отойдя от Энди, пожал ей руку. — Я повстречал детектива Раша, и он был так любезен, что поднялся со мной. Если мне позволят подойти к кондиционеру, чтоб вдохнуть глоток холодного воздуха, и разрешат секундочку отдохнуть…

Они направились по коридору, Энди последовал за ними.

Девушка выглядела потрясающе: одета — будто в телевизионной постановке. Платье было сшито из ткани, блестевшей так, словно было соткано из серебряных нитей, и в то же время казалось очень мягким. Оно было без рукавов, с большим вырезом спереди и еще более глубоким сзади — почти до талии. Волосы ниспадали на плечи красновато-коричневой волной. Пока она вела судью до дивана, он тоже краем глаза смотрел на нее.

— Мы не потревожили вас, Ширли? — спросил судья. — Вы в вечернем платье. Куда-нибудь собираетесь?

— Нет, — сказала она. — Я сижу одна дома. Если хотите правду… я просто создаю себе моральное состояние. Я никогда прежде не носила это платье. Какая-то новая ткань, думаю, нейлон с металлизированной нитью. — Она взбила подушку и подложила под голову судье. — Сделать вам чего-нибудь холодненького? Вам тоже, мистер Раш?

Казалось, что она только сейчас обратила на него внимание. Он молча кивнул.

— Чудесное предложение, — вздохнул судья и откинулся назад. — Если можно, чего-нибудь покрепче.

— О да… в баре есть все, что угодно. Я это не пью.

Когда она вышла на кухню, Энди подсел поближе к Сантини и заговорил, понизив голос:

— Вы собирались рассказать мне, что делали в подвале и откуда вам известно мое имя.

— Святая простота. — Сантини бросил взгляд на кухню, но Ширли была занята и не слышала их. — Смерть О'Брайена повлекла за собой, скажем так, политические последствия, и меня попросили

проконтролировать ход дела. Естественно, я узнал, что вести его поручено вам. — Он расслабился, сложив руки на животе.

— Это ответ только на половину моего вопроса, — сказал Энди. — Так что же вы делали в подвале?

— Там прохладно, почти холодно, после того что творится на улице. Сплошное наслаждение. Вы заметили сердечко, нарисованное по пыли на подвальном окне?

— Конечно. Именно я его и обнаружил.

— Это самое интересное. Вы когда-нибудь слышали об одной личности — должны были слышать, на него есть в полиции досье — по имени Куоре?

— Ник Куоре? Владелец всех подпольных заведений Нью-Йорка?

— Тот самый. Хотя слово «владелец» не совсем подходит, точнее сказать — руководитель. Теперь он там самый главный, но это очень честолюбивый человек, и ему всегда мало того, что он имеет.

— Что все это должно значить?

— «Cuore» — старое доброе итальянское слово. Оно означает «сердце», — сказал Сантини, когда в комнату с подносом вошла Ширли.

Энди взял стакан и машинально поблагодарил. Теперь он понял, почему оказывался весь этот нажим. Никого, похоже, не волновал сам факт убийства О'Брайена. Заинтересованных лиц занимал другой вопрос: почему он был убит? Действительно ли убийство — несчастный случай, как это казалось? Или это предупреждение от Куоре о том, что не надо вторгаться на чужую территорию? А может, убийство — сильный ход кого-то из местных, пытающегося обвинить Куоре, чтобы прикрыть себя? Раз уж ты вошел в лабиринт рассуждений, вероятные возможности будут увеличиваться до тех пор, пока найденный убийца не покажет единственный выход из него. Заинтересованные лица потянули за ниточки, и в результате ему поручено это дело. Должно быть, множество людей прочитали его рапорт и с нетерпением ждут ответа.

— Извините, — пробормотал Энди, заметив, что девушка обращается к нему. — Я задумался и не расслышал вас.

— Я спросила, нравится ли вам напиток. Я могу сделать что-нибудь еще, если он вам не по душе.

— Нет, все прекрасно, — сказал он, сообразив, что все это время держал в руках стакан, уставившись в него. Он сделал глоток, потом второй. — В

самом деле великолепно. Что это?

— Виски. Виски с содовой.

— Я его впервые пробую.

Он попытался вспомнить, сколько стоит бутылка виски. Виски сейчас почти не производили из-за нехватки зерна, и с каждым годом его запасы на складах уменьшались, а цены росли. По крайней мере долларов двести бутылка, а может, больше.

— Очень освежает, Ширли, — сказал Сантини, ставя пустой стакан на подлокотник кресла. — И примите мою самую сердечную благодарность за ваше гостеприимство. Извините, мне надо бежать — меня ждет Роза, но прежде можно ли задать вам один вопрос?

— Конечно, судья… Что вы хотите узнать?

Сантини достал из бокового кармана конверт и, открыв его, вынул пачку фотографий. Энди было видно, что это фотографии разных мужчин. Сантини передал одну из них Ширли.

— Весьма трагично, — сказал он, — трагично то, что произошло с Майком. Все мы хотим помочь полиции, как только можем. Я знаю, что вы, Ширли, тоже этого хотите. Поэтому посмотрите на эти фотокарточки. Не узнаете ли вы кого-нибудь из этих людей?

Ширли взяла первую фотографию и посмотрела на нее, сосредоточившись и нахмурив брови. Энди восхитился способностью судьи говорить очень много, а по сути не сказать ничего — и заручиться содействием девушки.

— Нет, я не могу сказать, что когда-либо раньше его видела, — сказала она.

— Может быть, он был у вас в гостях или встречался с Майком и вами в другом месте?

— Нет. Я уверена, что никогда его не видела. Я думала, что вы спрашиваете, видела ли я его когда-нибудь на улице?

— А как насчет других?

— Я никогда не видела ни одного из них. Извините, я ничем не могу вам помочь.

— Отрицательный результат — тоже результат, моя милая.

Он передал фотографии Энди, который на первой из них узнал Ника Куоре.

— А остальные? — спросил он.

— Его помощники, — сказал Сантини, медленно поднимаясь с кресла.

— Я возьму их на некоторое время, — сказал Энди.

— Конечно. Может, они вам пригодятся.

— Вам правда уже нужно уходить? — спросила

Ширли.

Сантини улыбнулся и направился к двери:

— Будьте снисходительны к старику, моя милая. Я получил большое наслаждение, находясь в вашем обществе, но в мои годы нужно соблюдать режим. Спокойной ночи, мистер Раш, — и удачи.

— Я и себе чего-нибудь налью, — сказала Ширли, проводив судью. — Вам повторить? Ведь вы не на службе.

— Я на службе, и я находился на ней последние четырнадцать часов, так что, думаю, самое время сделать коктейль из службы и выпивки. Если вы на меня не донесете.

— Я не стукачка! — улыбнулась Ширли.

Они сели напротив друг друга, и он почувствовал себя так хорошо, как ни разу за последние недели. Головная боль прошла, было прохладно, а вкус виски был лучше, чем у любого из напитков, которые он только мог вспомнить.

— Я думала, вы прикрыли расследование, — сказала Ширли. — Ведь вы мне так сказали.

— Тогда я так и думал, но кое-что изменилось. Кое-кто весьма заинтересован в разгадке этого дела. Это волнует даже таких людей, как судья Сантини.

— Все время, что я была с Майком, я не знала,

что он такая важная фигура.

— Живым он так важен не был. Важны его смерть и причины — если они есть — этой смерти.

— Вы имеете в виду то, что полиция не разрешает выносить что-либо из квартиры?

— Да, я должен все просмотреть, особенно бумаги. А почему вы об этом спрашиваете?

Ширли не отрывала глаз от стакана, крепко сжав его обеими руками.

— Сегодня заходил адвокат Майка, и все, похоже, так, как сказала его сестра. Моя одежда, мои личные вещи принадлежат мне, но больше ничего. Да я ничего другого и не ожидала. Но за квартиру было уплачено до конца августа… — она посмотрела Энди прямо в лицо, — и если мебель здесь останется, я могу до тех пор здесь жить.

— Вы этого хотите?

— Да, — коротко ответила она.

Ширли — отличная девчонка, подумал Энди. Она ни о чем не просит, не плачет, ничего такого. Просто раскрывает свои карты. А почему бы и нет? Мне это ничего не стоит. Почему бы нет?

— Считайте, что дело сделано. Я очень слаб в подыскивании квартир, а такую большую точно нужно искать до полуночи тридцать первого

августа. Если будут какие-нибудь жалобы, отсылайте их к детективу Эндрю Фремонту Рашу из двенадцатого участка. Я скажу жалобщикам, что они свободны.

— Чудесно! — сказала она, от радости вскочив на ноги. — За это нужно выпить. Сказать вам по правде, я не стала бы продавать что-либо из этой квартиры. Это все равно что украсть. Но я не вижу ничего плохого в том, что мы допьем початые бутылки. Лучше, чем оставлять их его сестре.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Энди, поудобнее устроившись в кресле и наблюдая, как Ширли изящно покачивает бедрами, идя со стаканами на кухню.

«Вот это жизнь! — подумал он и усмехнулся про себя. — Черт с ним, с расследованием! По крайней мере на этот вечер. Я буду пить виски Большого Майка, сидеть на его диване и на несколько часов абсолютно забуду про работу в полиции».

— Нет, я приехала из Нью-Джерси, из Лейкленда, — сказала она. — Мы переехали в город, когда я была еще ребенком. Командование ВВС строило сверхдлинные взлетно-посадочные полосы для самолетов «Макс-три», и они купили наш дом и все дома в окрестностях и снесли их. Это любимая история моего отца — как загубили его жизнь, и

он с тех пор никогда не голосовал за республиканцев и клянется, что скорее умрет.

— Я тоже родился не здесь, — сказал он и отхлебнул виски. — Мы приехали из Калифорнии. У моего отца было ранчо…

— Значит, вы ковбой!

— Собственно, не ранчо — фруктовые деревья в долине Империал. Я был совсем маленьким, когда родители покинули те места, и плохо их помню. Все земледелие в долине основывалось на ирригации — каналы, насосы. На ранчо моего отца воду качали насосами из-под земли. Когда геологи сказали ему, что он выкачивает воду, хранившуюся под землей тысячи лет, он не придал этому значения. Я помню, как он сказал, что старая вода питает деревья так же хорошо, как и новая. Но однажды подземные воды иссякли. Я никогда не забуду, как умирали деревья, а мы ничего не могли поделать. Мой отец бросил ферму, и мы переехали в Нью-Йорк. Он работал простым рабочим на строительстве туннеля Моисея.

— У меня никогда не было альбома, — сказал Энди. — Подобными вещами в основном занимаются девчонки.

Она села на диван рядом с ним, переворачивая страницы. Тут были фотографии детей, кореш-

ки билетов, программки, но он не обращал на них внимания. Ее теплая обнаженная рука прижалась к его руке, а когда она склонялась над альбомом, он ощущал запах ее волос. Он ужасно много выпил и смутно это сознавал. Он кивал и делал вид, что смотрит альбом. Однако все его внимание было обращено на Ширли.

— Уже третий час, мне пора идти.

— Не хотите ли на дорожку еще кофе? — спросила она.

— Нет, спасибо. — Он допил кофе и аккуратно поставил чашку. — Я приду утром, если вас это устроит, — сказал он и направился к дверям.

— Утром? Прекрасно, — сказала она и протянула ему руку. — И благодарю, что провели со мной вечер.

— Это я должен благодарить вас. Ведь я никогда раньше не пробовал виски.

Он собирался пожать ей руку, пожелать спокойной ночи — и все. Но неожиданно он обнаружил ее в своих объятиях, его лицо уткнулось в душистые волосы, а руки крепко обняли гибкую фигуру. Когда он ее поцеловал, она горячо поцеловала его в ответ, и он понял, что все будет отлично.

Лежа на чистой просторной постели, он ощу-

щал прикосновение теплого тела и легкое дыхание у себя на щеке. Мерное гудение кондиционера действовало умиротворяюще. Он вспомнил, что слишком много выпил, и улыбнулся. Ну и что? Если бы он был трезвее, возможно, не был бы сейчас здесь. Утром он, может быть, пожалеет об этом, но в данный момент он чувствовал, что с ним произошло что-то очень хорошее. Даже когда он попытался найти в себе чувство вины, это ему не удалось. Он коснулся ее плеча, и она пошевелилась во сне. Шторы чуть раздвинулись, и он увидел луну — далекую и дружелюбную. Все отлично, сказал он. Все отлично, повторял он себе снова и снова.

В открытом окне виднелась луна — пронизывающий глаз в ночи, факел в удушающей жаре. Билли Чун забылся тревожным сном, но одному из близнецов что-то приснилось, он закричал во сне и разбудил его.

Если бы только не было этого мужчины в ванной… Билли ворочался с боку на бок, кусал губы и чувствовал, как лицо покрывается потом. Он же не собирался его убивать… Но не об убитом человеке думал сейчас Билли. Он беспокоился о самом себе. Что будет, когда его поймают? А его найдут — на то и существует полиция. Они

вынут ломик из головы убитого, отнесут его в лабораторию и узнают, кто ему его продал…

Его голова ворочалась на мокрой от пота подушке, и тихий, почти неслышный стон прорывался сквозь сжатые зубы.

Глава 9

— Ты сегодня неважно побрился, Раш, — сказал Грассиоли своим нормальным, раздраженным тоном.

— Я вообще не брился, лейтенант, — сказал Раш, оторвавшись от рапорта. Лейтенант заметил его, когда проходил через отдел детективов в канцелярию. Энди надеялся отметиться и уйти с участка, не повстречавшись с начальником. Он быстро соображал. — Сегодня я провел много времени неподалеку от Корабельного городка. Не хотелось чересчур выделяться. К тому же там во всей округе, вероятно, ни одной бритвы днем с огнем не сыщешь.

Прозвучало достаточно убедительно. На самом же деле он появился лишь поздно утром прямо из Челси-парка и не успел побриться.

— Ага. Как продвигается дело?

Энди знал, что лучше не напоминать лейте-

нанту о том, что он занимается им только со вчерашнего вечера.

— Я обнаружил один факт, относящийся к делу. — Он огляделся по сторонам и продолжил, понизив голос: — Я знаю, почему на наше управление оказывают нажим.

— Почему?

Пока Энди объяснял значение сердечка на окне и рассказывал о людях, заинтересованных в убийстве, лейтенант рассматривал фотографии Ника Куоре и его подручных.

— Отлично, — сказал Грассиоли, когда он закончил. — Не пиши об этом в своих рапортах, если не найдешь ниточки, ведущей к Куоре, но я хочу, чтобы ты держал меня в курсе дела. Иди, ты здесь только теряешь время.

Вот уже много дней жара не спадала. Улицы были наполнены горячим вонючим воздухом, совершенно неподвижным и пахнущим грязью, потом и разложением. Это было невыносимо. Но впервые с тех пор, как установилась жара, Энди ее не замечал. Минувшая ночь была ошеломляющей, невероятной и незабываемой. Он пытался отрешиться от волнующих мыслей, но в памяти то и дело возникала Ширли, и, несмотря на жару, он чувствовал, как заливается румян-

цем. Не может быть! Он ударил кулаком правой руки по ладони левой и улыбнулся испуганным прохожим. Ему так много нужно сделать, прежде чем они увидятся вновь.

Энди свернул в переулок, который вел между рядами гаражей за Челси-парком к служебному входу в здание. Позади послышалось шуршание колес. Он шагнул в сторону, пропуская тяжелый гужевик — квадратный, как ящик, кузов на старых колесах от автомобиля, который тянули двое людей. Они согнулись почти пополам и, казалось, не чувствовали ничего, кроме усталости. Когда они прошли мимо всего в паре метров, Энди увидел ремни, впивающиеся им в шеи, и незаживающие язвы на плечах.

Энди медленно шел за гужевиком, потом остановился там, где его не было видно из служебного входа, и присел у рва. Бетонное дно покрывали мусор и отбросы. Между гранитными плитами там и сям зияли широкие щели. В темноте довольно легко здесь пробраться, фонарей поблизости нет. Даже днем взломщика можно заметить лишь из ближайших окон. Никто не видел, как Энди перемахнул через высокий край рва и медленно спустился на дно. Здесь было жарко, словно в печи, но Энди не обращал на это внимания. Он

шел вдоль внутренней стены, пока не обнаружил окно с сердечком. Его было очень легко заметить, вероятно, ночью тоже. Как раз под рядом подвальных окон находился выступ, на который можно залезть; он был достаточно широк, чтобы на нем стоять. Да, стоя здесь, можно взломать окно. Убийца проник в здание этим путем. Пот капал у Энди с подбородка и оставлял темные пятна на бетонном выступе. Жара наконец до него добралась.

— Что это ты тут делаешь? Хочешь шею себе сломать? — закричал вдруг кто-то. Энди выпрямился и увидел на мостике, переброшенном через ров, швейцара, грозившего ему кулаком. Приглядевшись, он узнал Энди, и его тон резко изменился. — Извините… я не разобрал, что это вы, сэр. Чем могу вам помочь?

— Открывается ли какое-либо из этих окон?

— Открывается то, что у вас над головой. Оно находится в вестибюле.

Швейцар исчез, а через несколько секунд окно отворилось, и в нем появилась его круглая физиономия.

— Вытащите меня отсюда, — попросил Энди. — Я совсем спекся. — Он ухватился за руку швейцара и вскарабкался наверх. В вестибюле

было сумрачно и прохладно. Энди вытер лицо носовым платком. — Мы можем где-нибудь поговорить? Где можно сесть?

— В комнате охраны, сэр. Следуйте за мной.

Там находились два человека. Один, в форме местного персонала, вскочил, как только они вошли. Другим был Тэб.

— Встань у двери, Ньютон! — приказал швейцар. — Хочешь пойти с ним, Тэб?

Тэб взглянул на детектива.

— Конечно, Чарли, — ответил он и вышел вслед за охранником.

— У нас тут есть вода, — сказал швейцар. — Хотите стаканчик?

— Грандиозно, — сказал Энди, плюхаясь в кресло. Он взял пластиковый стаканчик, половину выпил залпом, а остальное стал тихонько потягивать. Прямо перед ним находилось окно с серым стеклом, выходившее в вестибюль. Но он не видел в вестибюле на этом месте окна. — Одностороннее стекло? — спросил он.

— Верно. Для охраны жильцов. С той стороны зеркало.

— Вы заметили, в каком месте рва я находился?

— Да, сэр, похоже, вы были как раз у того окна,

которое взломали.

— Да. Я прошел по рву с той стороны, от переулка, и вышел к окну. Как по-вашему, ночью меня можно было бы увидеть?

— В общем…

— Да или нет? Я не собираюсь ловить вас.

— Жилуправление уже делает что-то, чтобы обеспечить безопасность. В основном неприятности с системой сигнализации. Нет, не думаю, что я увидел бы вас ночью, сэр, особенно в темноте.

— Я тоже так думаю. Значит, вы считаете, что кто-то мог проникнуть в здание таким способом?

Маленькие поросячьи глазки Чарли сощурились и забегали.

— Полагаю, — сказал он наконец, — что убийца мог попасть внутрь таким образом.

— Хорошо. Итак, он попал прямо в подвальное помещение. Подошел к окну, сигнализация на раме сломана, все в порядке. Взломщик мог заранее отметить окно сердечком, чтобы легче было найти его снаружи. А это означает, что он не один раз побывал в здании.

— Может быть, — согласился Чарли и улыбнулся. — А может быть, он оставил знак после того, как проник в здание, чтобы одурачить вас.

Может быть, он хотел, чтобы вы посчитали, что это сделал кто-то находившийся в здании.

Энди кивнул.

— Вы соображаете, Чарли. Но в любом случае окно могло быть отмечено изнутри, и я отталкиваюсь от этой посылки. Мне нужен список всего обслуживающего персонала на данный момент, всех новичков и всех уволенных за последние два года, список жильцов и бывших жильцов. У кого могут быть подобные сведения?

— У начальника жилуправления, сэр, его кабинет по лестнице направо. Давайте я вас провожу.

— Одну минуту… сперва мне нужен еще один стакан воды.

Энди остановился перед внутренней дверью квартиры О'Брайена, делая вид, что занят просматриванием списков, которые получил у начальника жилуправления. Он знал, что Ширли, возможно, видит его на экране, и пытался казаться занятым и деловым. Когда он ушел сегодня утром, она еще спала, и он не говорил с ней со вчерашнего вечера, да и тогда они не слишком много разговаривали. Не то чтобы он был смущен, просто вокруг царила некая атмосфера нереальности. Она принадлежала к здешнему миру, а он — нет. И если бы она сделала вид, что

ничего не произошло, смог бы он поступить так же? Он сомневался в этом.

Ширли что-то долго не открывала дверь, — может, ее нет дома? Нет, телохранитель Тэб внизу, а это означает, что она находится в здании. Что-нибудь случилось? Неужели вернулся убийца? Мысль была дурацкая, однако Энди громко забарабанил в дверь.

— Не ломай дверь, — сказала Ширли, впуская его. — Я убирала в комнате и не слышала сигнала.

Волосы у нее были собраны в узел, ноги — босые. На ней были только шорты и бледно-голубой лифчик. Выглядела она чудесно.

— Извини, я не знал, — серьезно сказал он.

— Ладно, это не важно, — засмеялась она, — не смотри так печально.

Она встала на цыпочки и быстро поцеловала его в губы. Прежде чем он успел ответить, она повернулась и вышла из коридора. У нее были очень короткие, в обтяжку, шорты.

Когда за спиной защелкнулась дверь, Энди почувствовал себя совершенно счастливым. Воздух был восхитительно прохладным.

— Я почти закончила, — сказала Ширли, вслед за ее словами раздался вой пылесоса. — Одна

секунда — и я уберу весь этот бардак. — Войдя в гостиную, он увидел, что она пылесосит ковер. — Не хочешь принять душ? — крикнула она. — Счет получит Мэри О'Брайен Хеггерти, так что можешь не волноваться.

«Душ!» — взволнованно подумал Энди.

— Поскольку я уже встречался с Мэри Хеггерти, я буду рад послать ей этот счет! — крикнул он, и оба рассмеялись.

В спальне ему вдруг вспомнилось, что в этой комнате убили О'Брайена — за всю ночь он об этом ни разу не подумал. Бедный О'Брайен, он, похоже, был настоящим выродком, поскольку, по-видимому, ни один человек не сожалел о нем и не был по-настоящему расстроен его смертью. Включая Ширли. А что она думала о нем? Сейчас это уже не важно. В ванной он бросил одежду на пол и попробовал рукой воду.

В шкафчике лежала бритва с новым лезвием, и Энди, весело напевая, отмыл ее от седых волосков и намылил лицо. То, что он пользовался вещами покойника, ни в малейшей степени его не смущало. Наоборот, это даже доставляло большее наслаждение. Бритва плавно скользила по коже.

Когда он оделся и вышел в гостиную, пылесос уже был убран, а Ширли распустила волосы и,

похоже, нанесла свежий макияж. Она еще была в лифчике и шортах, и он обрадовался, увидев ее такой. За всю свою жизнь ему не приходилось видеть более симпатичной… нет, более красивой девушки. Ему хотелось ей об этом сказать, но он подумал, что о таких вещах не так-то просто говорить вслух.

— Хочешь выпить чего-нибудь холодненького? — спросила она.

— Мне нужно работать — или ты пытаешься меня совратить?

— Можешь выпить пива, я поставила его в холодильник. Нужно прикончить почти двадцать бутылок, а я его не люблю. — Она обернулась в дверях и улыбнулась. — Кроме того, ты же работаешь. Ты меня допрашиваешь. Ведь я важная свидетельница?

Первый глоток холодного пива доставил Энди огромное наслаждение. Ширли села напротив и стала пить холодный кофе.

— Как идет дело? Или это служебная тайна?

— Никаких тайн. Оно идет медленно, как и все дела. Работа полиции не имеет ничего общего с тем, что показывают по телевизору. В основном скукота, хождение вокруг да около, составление служебных записок, писание рапортов — и на-

дежда на какую-нибудь «подсадную утку».

— Я знаю, что такое «подсадная утка»! А что, действительно есть «подсадные утки»?

— Если бы их не было, у нас бы не было работы. Бóльшую часть информации мы получаем от осведомителей. Большинство мошенников глупы и слишком много болтают, а когда они начинают говорить, поблизости обычно кто-то слушает. Вот и сейчас кто-то треплется, иначе и быть не может.

— Что ты имеешь в виду?

Он отхлебнул еще пива — чудесный напиток.

— В этом городе живут свыше тридцати пяти миллионов человек, и сделать это мог любой из них. Я обегаю всех, работавших ранее в этом здании, и допрошу их, я попытаюсь разузнать, откуда взялся ломик, но задолго до того, как я закончу, люди на самом верху перестанут беспокоиться об О'Брайене и меня отзовут — вот и все.

— Ты говоришь как будто с сожалением.

— Да, ты права. Я люблю и знаю свое дело, но мне всегда мешают его делать. У нас работы выше головы, и так было всегда, сколько я себя помню на службе. Ничего никогда не завершается, ни одно дело не расследуется до конца, люди ежедневно безнаказанно совершают убийства, и,

похоже, это никого не волнует. Если только нет какого-либо политического резона, как в случае с Большим Майком. Да и тогда никто в действительности не интересуется им, а беспокоятся только за свои шкуры.

— А можно взять на работу больше полицейских?

— На какие шиши? В городском бюджете нет денег, почти все уходит на пособия социальной помощи. Поэтому заработки у нас низкие, полицейские берут взятки, и… ты же не хочешь прослушать лекцию о наших проблемах!

Он допил остатки пива. Ширли вскочила:

— Давай я достану тебе еще одну.

— Нет, спасибо, не на пустой желудок.

— Ты еще не ел?

— Проглотил несколько крекеров. Совсем не было времени.

— Я сейчас приготовлю тебе что-нибудь. Как насчет бифштекса?

— Ширли, перестань… у меня из-за тебя будет сердечный припадок.

— Нет, в самом деле. Я купила мясо для Майка… в тот день. Оно так и лежит в морозильнике.

— Я не помню, когда в последний раз ел мясо… да и с тех пор, как я видел соевый бифштекс, тоже

много времени прошло. — Он встал и взял ее за руки. — Ты чересчур обо мне заботишься.

— Мне это нравится, — сказала она и несколько раз быстро его поцеловала. Потом повернулась и пошла на кухню.

Забавная девчонка, подумал он и дотронулся языком до следов помады у себя на губах.

Ширли хотела есть в гостиной за большим столом. Но на кухне был столик у окна, и Энди предложил сесть там.

Бифштекс получился отличный, огромный кусок мяса величиной с ладонь; когда Ширли положила его на тарелку, Энди почувствовал, что рот наполнился слюной.

— Пополам, — сказал он, разрезал его и положил половину на другую тарелку.

— Обычно я жарю себе овсяные лепешки…

— Их мы съедим на десерт. Сегодня начало эры равноправия.

Она улыбнулась и молча села.

«Черт, — подумал он, — еще один такой взгляд — и я отдам ей все».

Кроме мяса, она подала на стол морской салат, крекеры с соусом и еще одну бутылку холодного пива, из которой позволила налить себе только полстакана. Мясо было неописуемо вкусным. Эн-

ди резал его на крошечные кусочки и медленно жевал, смакуя. За всю жизнь ему не приходилось есть так вкусно. Покончив с едой, он откинулся на спинку стула и удовлетворенно вздохнул. Хорошо, даже чересчур хорошо, и он понимал, что это долго не продлится.

— Надеюсь, ты не сердишься, что прошлым вечером я так надрался?

Это прозвучало грубо, и он пожалел о сказанном в то же мгновение.

— Я не сержусь, милый.

«Милый!» — усмехнулся он про себя.

— Меня по-разному называли, но так — еще никогда. Я думал, ты рассердилась, что я вернулся.

— Я просто была занята. В квартире бардак, и ты голодный. Кажется, я знаю, что тебе нужно.

Она обошла стол, села к нему на колени и обняла за шею. Затем последовал поцелуй. Оказалось, что лифчик у нее застегивается спереди на две пуговицы. Он расстегнул их и прильнул лицом к гладкой ароматной коже.

— Пойдем в комнату, — прошептала она.

Она лежала рядом с ним — обессилевшая, совершенно не стыдясь того, что его пальцы рассеянно блуждают по ее телу. Изредка из-за закрытого окна доносились какие-то звуки. Завешенные

шторы хранили полумрак и уединение спальни. Он поцеловал ее в уголок рта, и она, закрыв глаза, сонно улыбнулась.

— Ширли… — начал он и замолчал.

Он не мог выразить свои чувства словами. Однако его ласки были красноречивее всяких слов. Ширли придвинулась к нему поближе. Голос ее звучал хрипло.

— В постели ты очень хороший, совсем другой… ты об этом знаешь? С тобой я чувствую себя так, как никогда прежде. — Мышцы у него внезапно напряглись, и она удивленно взглянула на него. — Ты сердишься? Мне нужно тебя убеждать, что ты единственный мужчина, с которым я спала?

— Конечно нет. Это не мое дело и не волнует меня.

Однако по лицу Энди было видно, что это не так. Ширли повернулась на спину и посмотрела на пылинки в луче света, пробивавшегося в щель между шторами.

— Я не стараюсь найти какие-то извинения, Энди. Я выросла в очень строгой семье. Я нигде не бывала и ничего такого не делала, но отец все время за мной следил. Меня это не очень злило. Просто ему нечего было делать — вот и все. Па-

па меня любил; он, вероятно, думал, что делает мне добро. Он ушел в отставку — его заставили — в пятьдесят пять лет. У него была пенсия и кое-какие сбережения, поэтому он просто сидел дома и пил. Когда мне исполнилось двадцать лет, я участвовала в конкурсе красоты и получила первый приз. Я помню, что отдала деньги отцу на сохранение, и больше я его не видела. Один судья назначил мне в тот вечер свидание. Я пришла — и осталась у него, стала с ним жить.

«Вот как? — подумал Энди и усмехнулся. — Какие у меня на нее права?»

— Ты надо мной смеешься? — спросила она, проведя пальцем по его губам; в ее голосе звучало отчаяние.

— Боже праведный, конечно нет! Я смеюсь над собой, потому что, если хочешь знать, я немного ревновал. А на это я не имею права.

— Ты имеешь все права на свете, — сказала она, целуя его. — По крайней мере для меня теперь все выглядит совсем по-другому. Я знала не так уж много мужчин, и все они были вроде Майка. Мне казалось, что я просто…

— Замолчи, — сказал он. — Мне все равно. Мне только не все равно, что происходит с тобой здесь и сейчас, — и все.

Глава 10

Энди дошел уже почти до конца списка, и ноги у него отнимались. Девятая авеню пылала под полуденным солнцем, и каждый клочок тени был забит людьми — стариками, няньками, подростками, сидевшими в обнимку. Повсюду, словно трупы после битвы, валялись люди всех возрастов, раскинув грязные руки и ноги. Только маленькие дети играли на солнце, но их движения были замедленными, а крики — приглушенными. Вдруг раздались вопли, люди зашевелились — появились двое бегущих мальчишек. Их руки были в крови. На веревке они тащили за собой трофей: большую серую дохлую крысу. Сегодня вечером они хорошо поужинают. Посередине улицы с черепашьей скоростью двигались гужевики. Энди проскочил между ними, ища контору «Вестерн юнион».

Было невозможно проверить всех людей, которые бывали в квартире О’Брайена за последнюю неделю, но нужно было постараться выявить хотя бы самые очевидные связи. Любой мог обнаружить отключенную систему сигнализации в подвале, но только тот, кто был в квартире, мог

знать, что и там сигнализация не работает. За восемь дней до убийства произошло короткое замыкание, и сигнализацию на двери отключили, чтобы отремонтировать всю систему. Энди составил список возможных кандидатур и проверял их одну за другой. Результатов пока не было. Показания счетчиков в квартире не снимали уже давно, а все посыльные, приходившие туда, были известны уже много лет.

«Вестерн юнион» проверялся на всякий случай. За ту неделю в здание принесли множество телеграмм, и швейцар был уверен, что некоторые из них предназначались О'Брайену. Он и лифтер вспомнили, что в ночь перед убийством телеграмму принес новый посыльный — мальчик-китаец. Тысяча против одного, что это не имело значения, но нужно было проверить. По крайней мере, это уже что-то, о чем можно рассказать лейтенанту, чтобы он на некоторое время отцепился от Энди.

Над входом висела сине-желтая вывеска, и Энди вошел.

Контору разделяла длинная стойка. У дальней стены стояла скамейка, на которой сидели трое подростков. Четвертый разговаривал у стойки с диспетчером. Ни один из них не был китайцем. Мальчик у стойки взял дощечку посыльного и вы-

шел. Энди направился к диспетчеру, но не успел подойти, как тот раздраженно замотал головой.

— Не сюда! — рявкнул он. — Телеграммы в то окно! Не видите, что ли, что я диспетчер?

Энди взглянул на глубокие морщины на лице этого человека и уныло опущенные уголки рта, на валявшиеся вперемешку на столе дощечки, мелки и телетайпные ленты, на потертый значок с надписью: «М-р Бургер». Этот беспорядок на столе словно олицетворял годы беспросветного труда. В глазах клерка горела ненависть. Нужно запастись терпением, чтобы получить от этого человека хоть какую-то помощь. Энди показал бляху.

— Полиция, — сказал он. — Я хочу поговорить именно с вами, мистер Бургер.

— Я ничего не сделал, мне не о чем с вами говорить.

— Вас никто и не обвиняет. Мне нужна некоторая информация для расследования.

— Ничем не могу вам помочь. Для полиции у меня нет никакой информации.

— Позвольте мне решать подобные вопросы. Двадцать восьмая улица относится к вашему району?

Бургер замешкался, потом кивнул — медленно

и неохотно, словно его принудили выдать государственную тайну.

— У вас есть посыльные китайцы?

— Нет.

— Но у вас работает по крайней мере хоть один мальчик-китаец?

— Нет.

Он начал царапать что-то на дощечке, не обращая внимания на Энди. По лысой голове струились ручейки пота. Энди не любил оказывать нажим, но делать было ничего.

— В нашем государстве существуют законы, Бургер, — сказал он строго и безапелляционно. — Я могу вытащить вас отсюда, привести в участок и на тридцать дней засадить в камеру за то, что вы чините препятствия следствию. Вы хотите, чтобы я этим занялся?

— Я же ничего не сделал!

— Да неужели? Вы мне солгали. Вы сказали, что у вас никогда не работал мальчик-китаец.

Бургер заерзал на стуле, терзаемый страхом и желанием остаться в стороне. Страх победил.

— Был тут один мальчик-китаец, но он работал только один день и больше не возвращался.

— В какой день?

— В понедельник на этой неделе, — неохотно

пробурчал Бургер.

— Он разносил телеграммы?

— Откуда я знаю?

— Потому что это ваша работа, — сказал Энди, нажимая на слово «ваша». — Какие телеграммы он разносил?

— Он сидел тут целый день, но был мне не нужен. Это был его первый день. Я никогда не посылаю нового мальчишку в первый день. Даю им попривыкнуть к скамейке, чтобы у них не возникало никаких иллюзий. Но у нас было много телеграмм ночью. Пришлось послать его. Только один раз.

— Куда?

— Послушайте, мистер, я не могу помнить все телеграммы, которые проходят через меня. Их очень много, и, кроме того, мы их не регистрируем. Телеграмму принимают, относят и вручают — вот и все.

— Знаю, но эта телеграмма очень важна. Попытайтесь вспомнить адрес. Седьмая авеню? Или Двадцать третья улица? Челси-парк?

— Постойте!.. Да-да… Я помню, что не хотел, чтобы мальчишка шел в Челси-парк: они там не любят новых парней, но больше никого не было, и пришлось послать его.

— Ну вот, до чего-то мы и добрались, — сказал Энди, доставая блокнот. — Как его зовут?

— Какая-то китайская фамилия… я не помню. Он был здесь только один день и больше не приходил.

— Тогда как он выглядит?

— Как все китайские мальчишки. Это не моя работа — помнить, как он выглядел. — Он опять начал злиться.

— Где он живет?

— Откуда я знаю? Мальчишки приходят, отдают деньги в залог — вот все, что меня касается. Не мое дело…

— Похоже, вообще все — не ваше дело, Бургер. Я к вам еще зайду. К тому времени попытайтесь вспомнить, как выглядел этот мальчишка, мне нужно будет задать вам еще несколько вопросов.

Когда Энди вышел из конторы, мальчишки заерзали на скамейке, и Бургер бросил на них грозный взгляд.

Это была небольшая зацепка, но Энди обрадовался. По крайней мере, есть о чем поговорить с Грасси.

В кабинете лейтенанта находился и Стив Кулозик. Они кивнули друг другу.

— Как дела? — спросил Стив.

— Будете трепаться в свободное время, — перебил его Грассиоли. Тик у него под глазом разошелся вовсю. — Тебе лучше приходить сюда не с пустыми руками, Раш. Это расследование, а не отпуск. В это дело суют нос все кому не лень.

Энди рассказал об отсоединенной системе сигнализации. Он быстро пробежался по безрезультатным беседам с людьми и перешел к мальчишке из «Вестерн юнион». Тут он остановился на всех подробностях.

— Ну и что же в итоге? — спросил лейтенант, прижав руки к животу — там, где была язва.

— Возможно, мальчишка на кого-нибудь работает. Посыльные должны давать десять долларов в залог. Немногие мальчишки могут выложить такие бабки. Мальчишка был послан, возможно, из Китайского городка. Доставляя телеграммы, он заодно осматривал квартиры. Он с первого раза сорвал банк, обнаружив, что на двери Большого Майка отсоединена сигнализация. Потом тот, кто его нанял, совершил взлом и убийство, после чего оба скрылись.

— Звучит чересчур складно, но это у нас единственная ниточка. Как зовут мальчишку?

— Никто не знает.

— Какого черта! — заорал Грассиоли. — Что

толку в твоей выдуманной теории, если мы не сможем найти мальчишку? В этом городе миллионы мальчишек. Как нам найти нужного?

Энди не ответил.

Пока Энди излагал суть дела, Стив Кулозик стоял, прислонившись к стене. Теперь же он спросил:

— Можно кое-что сказать, лейтенант?

— Что ты хочешь?

— Давайте на минуту предположим, что это случилось на нашем участке. Мальчишка может жить в Китайском городке или где-нибудь еще, но давайте об этом забудем. Скажем, он живет в Корабельном городке, прямо у нас под боком. Вы ведь знаете, как эти косоглазые держатся друг за дружку, поэтому, возможно, мальчишку использовал тоже китаец. Просто предположим.

— Что вы хотите сказать, Кулозик? Переходите, черт возьми, к сути.

— Уже перехожу, лейтенант, — невозмутимо произнес Стив. — Скажем, мальчишка или его босс живет в Корабельном городке. Если так, то у нас должны быть их отпечатки пальцев. Это было до меня. Но ведь вы здесь работали в семьдесят втором, не так ли, лейтенант, когда сюда привезли всех этих беженцев с Тайваня, после

того как накрылось вторжение генерала Куна на материк?

— Я здесь работал. Я только поступил на службу.

— Ведь тогда брали отпечатки пальцев у всех, даже у детей? На случай, если какой-нибудь коммунистический агент проскочил вместе с ними?

— Это делалось на всякий случай, — сказал лейтенант. — Отпечатки пальцев брали у всех и еще пару лет у всех детей. Эти карточки у нас здесь, в подвале. Так ты об этом подумал?

— Так точно, сэр. Надо просмотреть их — не совпадают ли отпечатки пальцев на орудии убийства с одной из наших карточек. Просто на всякий случай, попытка не пытка.

— Ты слышал, Раш? — спросил Грассиоли, подвигая к себе стопку рапортов. — Возьмите отпечатки пальцев с ломика, спуститесь вниз и посмотрите, не найдется ли чего.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Энди, и они со Стивом вышли из кабинета. — Ну удружил, — сказал он Стиву, как только закрылась дверь. — Я скоро уже свалил бы отсюда, а ты тащишь меня в подвал, где я, вероятно, проведу всю ночь.

— Все не так страшно, — спокойно ответил Стив. — Я один раз пользовался этими досье. Все

отпечатки закодированы, так что нужные находятся очень быстро. Я бы тебе помог, но я жду к ужину зятя.

— Того, которого ты так ненавидишь?

— Того самого. Но он работает на рыболовецком траулере и собирался принести ворованной рыбы. Свежей. Слюнки не потекли?

— Чтоб ты подавился рыбьей костью!

Отпечатки пальцев находились не в таком идеальном состоянии, как представлял Стив. Каталогом уже не раз пользовались, и одни карточки лежали в строгой последовательности, другие были перепутаны, лежали кое-как. В подвале было прохладнее, чем наверху, но воздух был наполнен пылью и дышалось тяжело. Энди работал до девяти часов, пока в голове не застучало и не зарябило в глазах. Он поднялся наверх, плеснул в лицо воды и отдышался. Некоторое время он раздумывал, закончить работу сегодня или оставить до утра. Но, представив, что скажет Грасси, он опять пошел вниз.

Было около одиннадцати, когда он нашел карточку. Он хотел отложить ее в сторону, потому что на ней были отпечатки грудного ребенка, но, сообразив, что дети растут, он внимательно посмотрел на них через поцарапанную пластмас-

совую лупу.

Сомнений не оставалось. Это были те же отпечатки, что и на окне, и на ломике.

«Чун, Уильям, — прочитал он. — Родился в тысяча девятьсот восемьдесят втором году в больнице Корабельного городка».

Энди встал так быстро, что стул опрокинулся. Лейтенант сейчас скорее всего дома, может, даже в постели, и будет в гнусном настроении, если его разбудят. Наплевать.

Вот оно!

Глава 11

Где-то на реке раздался гудок буксира: два раза, потом еще два раза. Звук эхом отразился от стальных бортов кораблей, и его источник уже нельзя было определить: он стал печальным воем, наполнившим жаркую ночь. Билли Чун ворочался на мокром матраце, уставившись в темноту, сна ни в одном глазу. У дальней стены хрипло дышали спящие близнецы. Снова раздался пронзительный гудок. Почему он просто не схватил вещи и не убежал из квартиры? Он мог бы сделать это очень быстро. Почему этот здоровяк появился именно тогда? Он правильно

сделал, что прикончил его, такого болвана. Ведь это самооборона. Он первым напал на Билли. Одно и то же воспоминание повторялось снова и снова, как закольцованная пленка в проекторе: взмах ломиком, жирное красное лицо. Потом он опускает железный прут, и из головы появляется тоненькая струйка крови. Билли метался в кровати, мотая головой из стороны в сторону и хватая себя за грудь.

Неужели каждая ночь будет такой же? С жарой, пóтом и воспоминаниями, бесконечно? Если бы он тогда не пошел в ванную… У Билли вырвался стон и замер. Он сел, закрыл лицо руками и давил пальцами на глаза так сильно, что в темноте поплыли красные круги. Может, попробовать сейчас «грязи»? Он купил ее как раз для такого случая за два доллара, — возможно, сейчас самое время. Говорят, что к ней нельзя пристраститься. Врут, наверное.

Он провел рукой в темноте по армированному кабелю на стальной стене и нащупал распределительную коробку. «Грязь» по-прежнему лежала там. Его пальцы сжали кусок полиэтилена, в который она была завернута. Попробовать? Сквозь жару вновь пробился гудок. Билли судорожно сжал кулаки. Шорты валялись у стены, куда он

их бросил. Он натянул их и достал маленький пакетик. Он осторожно открыл дверь и босыми ногами бесшумно ступил на теплую металлическую палубу.

Все иллюминаторы были открыты — черные слепые глаза в ржавых стенах. В каждой каюте, в каждом кубрике, во всех отсеках спали люди. Билли поднялся на верхнюю палубу, слепые глаза и там смотрели на него. Последний трап вел в рубку, когда-то закрытую на замок, но давно разгромленную двумя поколениями детей. Дверь исчезла, рамы вместе со стеклами сняли с окон. Днем это было любимое место для игр у детей «Колумбии Виктории», но сейчас здесь было пустынно и тихо. Из углов резко пахло мочой. Билли вошел внутрь.

Сохранилось лишь то, что нельзя было утащить: стальной столик для карт, привинченный к стене, корабельный телефон, штурвал без половины рукояток. Билли осторожно раскрыл пакетик с «грязью» на столике и взял щепотку серой пыли, едва видимой при свете звезд. Как это называется? ЛСД? Все равно гадость, потому ее и называют «грязью». С этой штукой смешивают что-нибудь еще, чтобы лучше брало. Нужно принять это все, чтобы ощущения были доста-

точно сильными. Он видел, как Сам-Сам и другие «тигры» нюхали ее, но сам никогда этим не занимался. Как они это делают? Он поднес пакетик к носу, зажал одну ноздрю большим пальцем и сильно вдохнул. В носу страшно защекотало, и Билли зажал нос, чтобы не чихнуть. Когда раздражение прошло, он вдохнул остатки порошка через другую ноздрю и выкинул скомканный пакетик.

Никаких ощущений не было, вообще никаких. Мир оставался тем же самым, и Билли понял, что его надули. Два доллара коту под хвост. Он выглянул из окна, и по лицу у него потекли слезы вперемешку с потом. Он плакал и думал: как хорошо, что сейчас темно и никто не видит его плачущим, ведь ему уже целых восемнадцать лет! Грубый металл оконной рамы под пальцами казался ему маленькими горными пиками и долинами. Зазубренный, гладкий, ровный, твердый. Он наклонился и провел по нему пальцами. От прикосновения у него по спине пробежали мурашки наслаждения. Почему он никогда не ощущал этого прежде? Он высунул язык, и сладко-кисло-металлически-грязный привкус показался восхитительным. А когда он коснулся металла зубами, возникло ощущение, что он

откусил кусок стали, большой, как мостик.

Весь мир заполнил гудок парохода. Он показался Билли музыкой. Он широко открыл рот, чтобы лучше ощутить ее вкус. Неужели это прогудел пароход? Темные силуэты рангоутов, мачт, проводов, антенн, вант, труб, шлюпок двигались вокруг него, танцуя на фоне черного неба. Они уходят в море, конечно, он всегда знал, что так и должно быть, а сейчас самое время. Он дал сигнал в машинное отделение и ухватился за штурвал — деревянные рукоятки были такими круглыми и гладкими — поворачивая его, он направлял корабль сквозь нагромождение черных остовов.

И весь экипаж был наготове, отличный экипаж. Он шепотом отдавал команды — они слышали его, даже если бы он произносил команды про себя. Он утер нос. Они находились внизу, занимаясь тем, чем занимается отличная команда в то время, когда он ведет судно. Они о чем-то перешептывались; он слышал, как кто-то спросил: «Все на месте?» — ему ответили: «Да, сэр». Это было приятно слышать, и он видел, как его команда двигается по палубе и вверх и вниз по трапам. Штурвал в его руках был большим и сильным, и он медленно поворачивал его, продвигаясь между другими кораблями.

Свет. Голоса. Внизу. Люди. На палубе.

— В комнате его нет, лейтенант.

— Он смылся, услышав наши шаги.

— Возможно, сэр, но я расставил людей у всех люков и трапов. И на мостиках, что ведут на другие корабли. Он должен быть на борту. Его мать сказала, что он лег спать вместе со всеми.

— Мы найдем его. У нас здесь столько людей, что не поймать какого-то мальчишку… Ищите его!

— Так точно, сэр.

Ищите его… Кого? Его, конечно. Он знал, что люди там, внизу, — полиция и им был нужен он. Они нашли его. Но он не хотел идти вместе с ними. Только не сейчас, когда он в таком состоянии. Неужели эта «грязь» привела его в такое состояние? Восхитительная «грязь». Надо будет еще достать «грязи». Он очень многого не знал, но единственное он знал наверняка: у полицейских нет «грязи» и они ее не дадут. Никакой «грязи»!

Поручни заскрипели, тяжелые ботинки поднимались по трапу на мостик. Билли залез на стальной столик, а оттуда выбрался через окно наружу. Это было проще простого. И он по-прежнему чувствовал себя отлично.

— Как воняет! — произнес чей-то голос. — Его

здесь нет, лейтенант!

— Обыщите все. Он должен быть где-то здесь.

Ночной воздух был таким плотным, что трудно было двигаться. Он решил перелезть на другой корабль. Добравшись до дымовой трубы, он начал карабкаться по стальным тросам наверх.

— Ты не слышал ничего там, наверху?

Последний трос — и вершина, и черная пасть трубы. Дальше двигаться было некуда, только внутрь, и он пощупал рукой пустоту. Его ноги соскользнули, и он свалился в длинный черный туннель. Падая, он зацепился за какой-то выступ, неровный и ржавый. Он вскарабкался на этот выступ и взглянул на небо. Голоса превратились в невнятное бормотание.

Он никогда не видел таких звезд. Неужели это новые звезды? Они были разноцветными — таких цветов он никогда в жизни не видел.

Вдруг у него судорогой свело ногу. Голоса умолкли. Судорожно вцепившись онемевшими пальцами в металл, он представил себе, как падает вниз, в бесконечный темный туннель. Из последних сил выпрямив ноги, он выполз наружу.

Если ты родился на корабле и живешь на корабле, он становится для тебя таким же нормальным

миром, как улицы или что-либо иное. Билли знал, что если забраться на нос корабля, повиснуть на нем и прыгнуть, то можно приземлиться на корме соседнего судна. Существовали и другие способы перехода с корабля на корабль, помимо трапов и мостиков, и он пользовался ими машинально, даже в темноте, выбираясь на берег.

Он почти достиг цели, как вдруг ощутил боль в босой ноге: он наступил на ржавый стальной трос и в ступню впились концы металлической проволоки. Он сел, прислонился к поручням и попытался вытащить ее на ощупь. Внезапно он почувствовал, как его стала сотрясать дрожь.

Он помнил все и знал, что сделал, но только сейчас до него начал доходить истинный смысл происшедшего. Полиция его обнаружила и выследила. И только по счастливой случайности он оказался в трубе и не попался им.

Они его искали, и они знали, кто он такой! За темными силуэтами города вставало серое небо. Он добрался до берега у самой границы Корабельного городка. На Двадцать третьей улице виднелись фигуры поздних прохожих.

Он спрыгнул на причал и побежал к складам — маленький, перепачканный в саже, босой и испуганный человечек. Тьма поглотила его.

Глава 12

Жара стояла над городом так долго, что о ней уже не говорили — ее просто терпели. Когда Энди ехал в лифте, лифтер — худой, усталый парень — прислонился к стенке, широко открыв рот; его форма была насквозь пропитана потом. В начале восьмого Энди открыл дверь квартиры 41-Е. Когда внешняя дверь за ним закрылась, он постучал во внутреннюю, затем поклонился в направлении телекамеры. Замок щелкнул, и на пороге появилась Ширли — прямо с постели, со спутавшимися волосами, в пеньюаре.

— Сколько дней… — сказала она и бросилась в его объятия, а он поцеловал ее. Он забыл про пластиковый пакет под мышкой, и тот упал на пол. — Что это? — спросила она.

— Плащ. Я взял его на дежурство, ожидается дождь.

— Ты не останешься?

— Если бы мог, остался! — Он еще раз поцеловал ее и притворно застонал. — Много чего произошло с тех пор, как я видел тебя последний раз.

— Я сварю кофе, это быстро. Заходи на кухню и рассказывай.

Энди сел и посмотрел в окно. Небо заволокли темные облака, которые, казалось, касались верхушек небоскребов.

— Здесь, в квартире, этого не чувствуется, — сказал он, — но на улице даже хуже, чем раньше. Думаю, влажность повысилась, сейчас где-то около девяносто девяти.

— Ты нашел этого мальчишку Чуна?

— Нет. Он может быть сейчас только на дне реки. Прошло уже больше двух недель, как он улизнул от нас с корабля, и с тех пор мы не напали на его след. Нам даже разрешили напечатать его фотографии и отпечатки пальцев вместе с описанием внешности, чтобы разослать по всем участкам. Я отнес копии в Китайский городок и раздал там всем детективам. Сначала мы поставили пост у жилья мальчишки, но потом сняли его, потому что обзавелись двумя живущими на этом же корабле осведомителями — они будут смотреть во все глаза и дадут нам знать, если он появится, иначе им не заплатят. Вот все, что мы сейчас можем сделать.

— Думаешь, вам удастся его поймать?

Энди пожал плечами и подул на кофе:

— Трудно сказать. Если он уйдет на дно или уедет, возможно, мы его больше не увидим.

Теперь следует положиться только на случай. Хотелось бы убедить в этом муниципалитет.

— Значит… ты по-прежнему занимаешься этим делом?

— Наполовину. На нас по-прежнему давят, требуя поскорее найти мальчишку, но Грасси удалось убедить их, что я могу заниматься расследованием лишь часть рабочего времени, и они согласились. Поэтому я должен половину рабочего времени заниматься этим делом, а остальное время — дежурить. Что — поскольку ты знаешь Грасси — означает, что я весь рабочий день дежурю, а в остальное время разыскиваю Билли Чуна. Я уже начинаю ненавидеть этого парня. Хорошо, если бы он утонул, а мне удалось бы это доказать.

Ширли села напротив с чашкой кофе.

— Значит, вот так ты провел последние дни.

— Вот так я их и провел. На дежурстве и на Кенсикском водохранилище последние два дня. Не было никакой возможности заскочить сюда или послать весточку. Я и сейчас на дежурстве и должен в восемь отметиться, но я должен был увидеть тебя. Сегодня тридцатое. Что ты собираешься делать, Ширли?

Она молча покачала головой и уставилась в

стол. Пока он говорил, на ее лице появилось безрадостное выражение. Он перегнулся через стол и взял ее за руку, но она будто не заметила этого. Однако руку не отняла.

— Мне тоже не хочется об этом говорить, — сказал он. — Эти последние недели были в общем… — Он решил сменить тему разговора. Он не мог выразить все, что чувствовал, особенно сейчас. — Тебе докучала сестра О'Брайена?

— Она приходила, но ее не пустили в здание. Я сказала, что не хочу ее видеть, и она закатила сцену. Тэб сказал мне, что весь обслуживающий персонал получил большущее удовольствие. Она написала записку, что будет здесь завтра, чтобы забрать все вещи, поскольку это последний день месяца. Полагаю, она может это сделать. Среда — это уже первое, так что срок истекает в полночь.

— Какие у тебя планы в отношении того, куда… что ты собираешься делать? — Слова прозвучали грубовато, но лучше сказать он не смог.

Ширли помолчала немного и покачала головой.

— Я вообще об этом не думала, — сказала она. — Когда ты здесь, это для меня праздник, и я все время откладываю заботы на следующий день.

— Это в самом деле был праздник! Надеюсь, мы

не оставили этой змее ни пива, ни виски?

— Ни глоточка!

Они рассмеялись.

— Должно быть, мы пропили целое состояние, — сказал Энди. — Но я ни капельки об этом не жалею. А как насчет еды?

— Осталось немного крекеров… и еще куча всего, чтобы приготовить классный ужин. В морозильнике у меня лежит тилапия. Я надеялась, что мы съедим ее вместе: своего рода отвальная, вместо новоселья.

— Я — запросто, если ты не против такого позднего ужина. Уже полночь.

— Я — за. Это будет забавно.

Когда Ширли радовалась, все говорило об этом. Энди оставалось только улыбаться. Казалось, у нее в волосах появился новый блеск; она вся словно лучилась радостью и счастьем. Энди это чувствовал и радовался вместе с ней. Он знал, что если сейчас не задаст своего вопроса, то уже не сделает этого никогда.

— Послушай, Ширли… — Он взял ее руки в свои и почувствовал ее тепло. — Может, ты пойдешь ко мне? Ты можешь жить у меня. Правда, комната не такая большая, но меня почти не бывает дома, так что я не буду путаться под ногами. Все будет

твоим, если пожелаешь. — Она открыла рот, но он приложил палец к ее губам. — Подожди, не отвечай! Соблазнить мне тебя нечем. Все это временно — столько, сколько захочешь. Ничего похожего на Челси-парк — грязный дом без лифта, половина комнаты и…

— Помолчи, пожалуйста! — рассмеялась она. — Я уже несколько часов пытаюсь сказать «да», а ты, похоже, хочешь меня отговорить.

— Что?

— Больше всего на свете я хочу быть счастливой. А эти недели с тобой я была так счастлива, как никогда за всю свою жизнь. И ты не испугаешь меня своей квартирой. Ты бы видел, как живет мой отец, а я ведь тоже там жила до двадцати лет.

Энди удалось обойти вокруг стола, не свалив его, и он прижал ее к себе.

— Мне нужно быть в участке через пятнадцать минут, — с сожалением сказал он. — Жди меня здесь. Я работаю до шести, но вряд ли меня в это время отпустят. Мы устроим отвальную, а потом перевезем твои вещи. У тебя их много?

— Все поместится в три чемодана.

— Великолепно. Мы их просто перенесем или возьмем такси. Мне нужно идти. — Его голос

изменился. — Поцелуй меня.

Она подняла к нему сияющее лицо…

Уйти от Ширли стоило Энди больших усилий. Перед уходом он прокрутил в голове все возможные варианты оправданий своего опоздания, хотя знал, что ни один из них не удовлетворит лейтенанта. Спустившись в вестибюль, он услышал какой-то шум с улицы. Швейцар, Тэб и еще четыре охранника толпились у входной двери, выглядывая на улицу. Когда Энди подошел, они расступились.

— Вы только посмотрите, — сказал Чарли, — что творится.

Противоположная сторона улицы была почти не видна, скрытая завесой падающей воды. Дождь лил как из ведра, а канавы превратились в стремительно несущиеся потоки. Взрослые толпились у дверей и в подъездах, но дети, радуясь и визжа, бегали по улице, садились на тротуар и болтали ногами в вонючем потоке.

— Канализации не справиться с таким ливнем, вода поднимется на пару футов. Кое-кто из этих детишек точно утонет, — сказал Чарли.

— Такое происходит каждый раз, — подтвердил охранник Ньютон, кивая со зловещим удовлетворением. — Малышей сбивает волной, и никто

даже об этом не знает, пока не заканчивается дождь.

— Можно вас на минуточку? — спросил Тэб, дернув Энди за рукав, и отошел в сторону.

Энди последовал за ним, расправляя слипшиеся складки плаща.

— Завтра — тридцать первое, — сказал Тэб.

Он взял у Энди плащ и помог ему его надеть: рукав склеился, и Энди с трудом протолкнул туда руку.

— Я полагаю, что тебе следует поискать другую работу, — сказал Энди, слушая шум дождя и думая о Ширли.

— Я не это имел в виду, — сказал Тэб, отвернулся от окна и стал смотреть на улицу. — Я о Ширли. Она завтра должна освободить квартиру. Я слыхал, что эта старая крыса, сестра мистера О'Брайена, наняла гужевик. Она в первую очередь вывезет всю мебель. Если б я знал, что собирается делать Ширли…

Сложив руки на груди, он наблюдал за ливнем с невозмутимостью изваяния.

Это не его дело, подумал Энди. Однако Тэб знал ее намного дольше, чем он, Энди.

— Ты женат, Тэб? — спросил он.

Тэб искоса взглянул на него и хмыкнул:

— Женат и очень счастлив, у меня трое детей. И я не брошу семью, даже если мне предложат одну из телезвезд вот с такими грудями. — Он пристально посмотрел на Энди и улыбнулся. — Тут вам не о чем беспокоиться. Просто мне нравится эта девчонка. Она отличная девчонка — вот и все. Меня беспокоит ее судьба.

Тут нет никаких тайн, подумал Энди, понимая, что такие вопросы ему будут задавать часто.

— Она собирается жить у меня, — сказал он. — Я зайду сегодня вечером и помогу ей перебраться.

Он взглянул на Тэба. Тот серьезно кивнул:

— Очень хорошо. Рад слышать. Надеюсь, все будет замечательно.

Он отвернулся и опять стал смотреть на дождь, а Энди взглянул на часы и, увидев, что уже почти восемь, выбежал на улицу. Воздух был прохладным — прохладнее, чем в вестибюле. Когда начался дождь, температура упала, наверно, градусов на десять. Может, теперь прекратится эта ужасная жара? Она и так длилась довольно долго. В ров уже набралась вода, по ее поверхности колотили крупные капли. Энди не успел пройти по мостику, как почувствовал, что башмаки уже промокли. Со штанин текло, мокрые волосы прилипли к голове. Но было прохладно,

и все остальное его не волновало, даже мысль о постоянно раздраженном Грассиоли, похоже, не слишком занимала его.

Дождь шел до вечера. В остальном этот день ничем не отличался от других. Грассиоли дважды лично отчитал Энди, а потом устроил ему разнос перед всем отделом. Энди расследовал два ограбления на дорогах и еще одно разбойное нападение, которое в итоге превратилось в убийство, поскольку жертва скончалась от ножевого ранения в грудь. Работы навалилось больше, чем отдел мог разгрести за месяц, а пока подчищали старые дела, все время поступали новые. Как он и ожидал, в шесть уйти не удалось, но в девять лейтенант вылетел куда-то по телефонному звонку, и все дежурившие днем, несмотря на угрозы и предупреждения Грассиоли, через десять минут исчезли.

Дождь по-прежнему продолжался, хотя и не такой сильный, как прежде, а воздух казался даже холодным после нескольких недель непрерывной жары. Идя по Седьмой авеню, Энди вдруг заметил, что улицы почти пусты — в первый раз за лето. В доме на лестнице и у входа сидели и лежали люди, некоторые растянулись на ступеньках и спали. Он с трудом пробрался, пере-

шагивая через лежавших и не обращая внимания на брань. Что тут будет твориться осенью, если владелец дома не наймет охранников, чтобы гнать скуотеров?

— Ты себе все глаза испортишь, если все время будешь пялиться в этот чертов ящик, — сказал он Солу, входя.

Старик полулежал на кровати и смотрел какой-то фильм про войну. Из телевизора гремела канонада.

— У меня зрение испортилось, когда ты еще не родился, мистер Умник, и я по-прежнему вижу лучше, чем девяносто девять процентов чудаков моего возраста. Все ишачишь?

— Найди мне работу лучше, и я брошу эту, — сказал Энди, включая в своей комнате свет и выдвигая нижний ящик шкафа.

Сол зашел и сел на краешек кровати.

— Если ты ищешь фонарик, — сказал он, — то однажды ты его оставил на столе. А я положил его в верхний ящик под рубашки.

— Ты мне как отец родной.

— Ага, только не пытайся занять денег, сынок.

Энди положил фонарик в карман и вздохнул: теперь он должен рассказать Солу все. Он долго оттягивал этот разговор и сейчас недоумевал, по-

чему так волнуется. В конце концов, эта комната принадлежала ему. Они вместе ели, потому что так было легче, — вот и все. Просто джентльменское соглашение.

— У меня некоторое время будет жить один человек, Сол. Не знаю наверняка, как долго.

— Это твоя комната, дружище. Я знаю этого парня?

— Нет. Но это не парень…

— Ха-ха! Все ясно. — Он щелкнул пальцами. — Не та ли цыпочка, девчонка Большого Майка, с которой ты встречался?

— Да, та самая девушка. Ее зовут Ширли.

— Фантастическое имя, фантастическая девушка, — сказал Сол, вставая. — Просто фантастика. Только смотри не обожгись, дружище.

Энди открыл рот, но Сол вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь. Чуть сильнее, чем требовалось. Когда Энди уходил, он опять смотрел телевизор и даже не взглянул на соседа.

День получился длинный, ноги у Энди отнимались, шею сводило и болели глаза. Он думал, почему так разозлился Сол. Он никогда не видел Ширли — что он имеет против нее? Бредя по городу под моросящим дождем, он подумал о Ширли и бессознательно начал насвистывать. Он был

голоден, устал, и ему очень хотелось ее видеть.

Вскоре за завесой дождя показались башни и шпили Челси-парка, швейцар кивнул и отдал честь, когда Энди проходил по мостику.

Ширли отворила дверь, на ней было серебристое платье, которое он впервые увидел в тот первый вечер, а поверх него — белый фартук. Волосы были заколоты серебряной заколкой, а дополняли гарнитур серебряный браслет на правом запястье и кольца на обеих руках.

— Только не замочи меня, — сказала она, целуя его. — Я надела все самое лучшее, что у меня есть.

— А я похож на бродягу, — сказал он, снимая мокрый плащ.

— Ерунда. Просто похоже, что у тебя был тяжелый день в офисе, или как вы там называете это место, где работаете. Тебе нужно отдохнуть. Повесь плащ в ванную и высуши волосы, а то простудишься. Потом приходи в гостиную. У меня для тебя сюрприз.

— Что такое? — спросил он.

— Если я тебе скажу, это уже не будет сюрпризом, — ответила она с убийственной женской логикой.

Ширли сняла фартук и ждала его в гостиной

у большого стола. Две высокие свечки бросали отблески на серебряные приборы, фарфоровые тарелки и хрустальные бокалы. Белая скатерть свисала твердыми складками.

— Это еще не все, — сказала Ширли, указывая на серебряное ведерко, откуда высовывалось горлышко бутылки.

На пробку была намотана какая-то проволока, а ведерко наполнено кубиками льда и водой. Энди достал бутылку и поднес к свету, чтобы прочитать этикетку.

— «Французское шампанское — редкое, отборное, игристое, вино высшего качества». — Он аккуратно поставил бутылку обратно в ведерко. — Мы пили вино в Калифорнии. Я был еще ребенком, но отец дал мне попробовать. Я вообще не помню вкуса. Ты меня балуешь, Ширли. И ты меня обманула — сказала, что мы допили все напитки в этой квартире, — а теперь достаешь вот это.

— Я тебя не обманывала! Я купила его сегодня, специально на ужин. Заходил человек Майка, снабжавший его спиртным, он из Джерси и даже ничего не знает про то, что случилось с Майком.

— Это, должно быть, стоит целое состояние…

— Не так уж много, как ты думаешь. Я отдала

ему все пустые бутылки, и он продал мне его со скидкой. Открывай же, ради бога, давай попробуем.

Энди долго мучился с проволокой на пробке. Он видел по телевизору, как открывают такие бутылки, но на экране это казалось намного проще, чем на самом деле. В конце концов он откупорил ее. Раздался хлопок — и пробка улетела в другой конец комнаты. Ширли стала ловить бокалом пенящееся вино — так, как велел делать виноторговец.

— За нас, — сказала она, и они чокнулись.

— Отлично. Я никогда не пробовал ничего подобного.

— Ты никогда не пробовал и такого ужина, — сказала она и выбежала на кухню. — Сиди, пей вино и смотри телевизор, все будет готово через несколько минут.

На первое был чечевичный суп, но совсем не такого вкуса, как обычно. С остатками мяса, объяснила Ширли. Вареная тилапия была подана с белым соусом и посыпана сухарями из крекеров. В качестве гарнира фигурировал морской салат. Все это запивали вином, и Энди удовлетворенно вздыхал. Когда Ширли принесла кофе и десерт — желе из агар-агара, залитое соевым молоком, —

он застонал, но съел и это.

— Ты куришь? — спросила она, убирая со стола.

Он откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза и расслабившись.

— Жалованье полицейского не позволяет. Нет, не курю. Ширли, на кухне ты просто гений. Я избалуюсь, если буду есть то, что ты готовишь.

— Мужчин надо баловать, тогда с ними легче жить. Жаль, что ты не куришь, потому что я нашла две сигары в коробке, спрятанной Майком. Он приберегал их для особых гостей.

— Отнеси их на блошиный рынок, получишь хорошие деньги.

— Нет, я не смогла бы этого сделать, по-моему, это нехорошо.

Энди выпрямился.

— Если так, то Сол курит — тот человек, о котором я тебе рассказывал, он живет в соседней комнате. Это его порадует. Он мой очень хороший друг.

— Чудесная идея, — сказала она. Кем бы ни был этот Сол, ей хотелось ему понравиться, если уж придется жить в соседней комнате. — Я положу их в чемодан. — И она понесла поднос с пустой посудой на кухню.

Вымыв посуду, она закончила упаковывать свои вещи в спальне и попросила Энди достать с верхней полки последний чемодан. Ей нужно было переодеться, и он помог ей расстегнуть молнию на платье. Это произвело такой эффект, на который она и надеялась.

После полуночи последний чемодан был собран, Ширли надела свое серое повседневное платье и была готова идти.

— Ты ничего не забыла? — спросил Энди.

— Не думаю, но взгляну в последний раз.

— Ширли, когда ты сюда переехала, ты привезла с собой полотенца, постельное белье или еще что-нибудь такое? — Он показал на смятую постель и почувствовал себя почему-то неловко.

— Нет, ничего. У меня была только сумка с одеждой.

— Я просто подумал, что эти простыни принадлежат тебе. Понимаешь… в общем, у меня только одна простыня, очень старая, а сейчас они стоят целое состояние, даже бывшие в употреблении.

Она засмеялась:

— Ты говоришь так, будто собираешься проводить бóльшую часть времени в постели. Теперь я вспомнила: две простыни мои. — Она открыла чемодан, сложила их и стала засовывать

внутрь. — По крайней мере, это он мне задолжал.

Энди вынес чемоданы в коридор и вызвал лифт.

Ширли задержалась на секунду, проверяя, захлопнулась ли дверь, потом догнала его.

— Он когда-нибудь спит? — спросил Энди, когда они вышли в вестибюль и увидели Чарли, стоявшего на своем посту у входной двери.

— Не уверена, — ответила Ширли. — Когда что-нибудь происходит, он тут как тут.

— Очень жаль, что вы уезжаете, мисс Ширли, — сказал Чарли. — Я могу забрать у вас ключи от квартиры, если вам будет угодно.

— Напишите-ка расписку, — попросил Энди, когда она отдала ключи.

— Был бы рад, — невозмутимо произнес Чарли, — если бы было на чем писать.

— Вот, напишите в моем блокноте, — сказал Энди.

Он бросил взгляд через плечо швейцара и увидел Тэба, выходившего из комнаты охраны.

— Тэб, а ты тут что делаешь ночью? — воскликнула Ширли.

— Жду вас. Я узнал, что вы уезжаете, и думал, что нужно помочь вам донести вещи.

— Но уже очень поздно.

— Последний рабочий день нужно закончить как следует. И по-моему, не следует расхаживать в такое время суток по улицам с чемоданами. Вам могут перерезать горло и не за такое. — Он взял два чемодана, Энди подхватил третий.

— Ну надо же, — сказала она. — Высокооплачиваемый телохранитель и детектив так хлопочут, чтобы проводить меня два квартала.

— Мы еще и улицу подметем, — сказал Энди, забрал блокнот и пошел к двери, предупредительно открытой швейцаром.

Когда они вышли, дождь уже кончился, и в просветах между облаками были видны звезды. Было восхитительно прохладно. Ширли взяла обоих мужчин под руки, и они пошли по улице из залитого светом Челси-парка в кромешную тьму.

Глава 13

Энди поднимался в темноте по лестнице, освещая фонариком спящих людей и стараясь не уронить тяжелую ношу. Его друг Сол спал, и они тихо прошли в комнату Энди. Кровать была достаточно просторна для двоих. Ширли настолько устала, что, положив голову ему на плечо, крепко

уснула и даже не почувствовала, как Энди встал утром, оделся и ушел.

Она проснулась и увидела, что солнце заливает изножье кровати, и, облокотившись на подоконник, ощутила свежий, чистый воздух. Город похорошел после ливня. Пыль и грязь были смыты, все казалось удивительно чистым. Остроконечные силуэты Белльвью вздымались над хаосом черных крыш и заляпанных кирпичных стен. Жара исчезла, унесенная дождем. Ширли с наслаждением зевнула и оглядела комнату.

Чего еще ожидать от холостяка — на всем слой пыли. Теперь это ее забота, ведь Энди проводит бóльшую часть времени вне дома. Не мешало бы кое-что покрасить. В комнате было большое зеркало, треснувшее, но вполне приличное, и шкаф для одежды. Короче, жаловаться не на что. Нужно немного прибрать — и комната будет просто загляденье. И еще надо бы смести эту паутину с потолка.

Бак с водой стоял у перегородки, и, когда она повернула кран, в тазик, державшийся на кронштейнах, потекла коричневатая струйка воды. У нее был резкий запах химии, который Ширли почти забыла, поскольку вода в Челси-парке проходила через специальные фильтры. Мыла

нигде не было видно. Она плеснула себе воды на лицо, вымыла руки и вытерлась стареньким полотенцем, висевшим рядом с бачком.

Вдруг за перегородкой раздался лязгающе-визжащий звук. Она испугалась. Что это такое? Звук доносился из соседней комнаты, где жил Сол. Было очень мило с его стороны, что он начал шуметь только тогда, когда услышал, что она встала и отключила воду. Она причесалась, надела вчерашнее платье и слегка подкрасилась. Бросив взгляд в зеркало, она глубоко вздохнула и отворила дверь.

— Доброе утро… — сказала она и осталась в дверях, стараясь не открыть от изумления рот.

Сол сидел на велосипеде-тренажере, едущем в никуда, с сумасшедшей скоростью крутя педали; седые волосы развевались, а седая борода подпрыгивала на груди. Его единственным одеянием были допотопные, латаные-перелатаные шорты. Визг испускал какой-то черный предмет позади велосипеда.

— Доброе утро! — вновь сказала она, на этот раз немного громче. Он взглянул на нее и стал медленнее крутить педали. — Меня зовут Ширли Грин.

— А кем же вы еще можете быть? — холодно

произнес Сол, слезая с велосипеда и вытирая пот с лица тыльной стороной ладони.

— Я никогда не видела подобных велосипедов. Он что-то делает? — Она не собиралась вступать в перебранку с соседом.

— Ага. Он делает лед. — Сол надел рубаху.

Она подумала, что это какая-то глубокомысленная шутка, которых она никогда не понимала, но тут увидела, что от черной штуковины провода ведут к большим батареям на холодильнике.

— Понятно, — сказала она, обрадовавшись своему открытию. — С помощью велосипеда у вас работает холодильник. По-моему, это остроумно. — На сей раз он что-то беззлобно пробурчал, и она поняла, что двигается в правильном направлении. — Хотите кофе?

— Не знаю. Я слишком давно его не пробовал.

— У меня есть полбанки. Если вскипятить немного воды, можно сделать.

Не дожидаясь ответа, она вышла в соседнюю комнату и принесла банку. Сол посмотрел на коричневую банку, пожал плечами и пошел набирать воды в кастрюльку.

— Могу поспорить, что на вкус это чистый яд, — сказал он, ставя кастрюлю на плиту. Включив лампочку в центре комнаты и посмотрев,

как светится спираль, он с сожалением покачал головой. — Пока свет у нас есть, так что будем надеяться, что нам удастся вскипятить стакан воды. — Он включил электронагревательный элемент печи.

— Я пью этот растворимый кофе уже пару лет, — сказала Ширли, садясь в кресло у окна. — Говорят, по вкусу он совсем не похож на настоящий кофе, но я этого не знаю.

— Могу вам сказать со всей уверенностью — абсолютно не похож.

— Вы когда-нибудь пробовали настоящий кофе? — Она еще не встречала человека, который бы без удовольствия рассказывал о своем жизненном опыте.

— Пробовал? Милочка, я раньше только на нем и сидел. Вы — ребенок, вы понятия не имеете, что было в старые добрые времена. Мы выпивали три-четыре чашки, может, даже целый кофейник, не задумываясь. Один раз я даже отравился кофе — вся кожа стала коричневой, — потому что выпивал по двадцать чашек на дню. Чемпион по питью кофе. Мог бы получить медаль.

Ширли восхищенно покачала головой и подула в чашку. Кофе был чересчур горячий.

— Я совсем забыла, — вдруг сказала она, вско-

чила с кресла и выбежала в другую комнату. Через секунду она вернулась и подала Солу две сигары. — Энди сказал, что их надо передать вам, потому что вы курите.

Выражение мужского превосходства сошло с лица Сола, и он открыл от изумления рот.

— Сигары? — Это все, что он смог сказать.

— Да. У Майка была их целая коробка, но осталось только две. Я не знаю, хорошие они или нет.

Сол попытался припомнить ритуал курения сигар. Он подозрительно понюхал конец одной из них.

— По крайней мере, пахнет табаком. — Он поднес ее к уху и отщипнул кончик, раздался отчетливый хруст. — Ага! Чересчур сухие. Можно было догадаться. О сигарах нужно заботиться, хранить их в соответствующих условиях. Эти напрочь пересушены. Они должны быть намного влажнее. Так их курить нельзя.

— Вы хотите сказать, что они плохие? Придется их выкинуть? — Мысль показалась ей ужасной.

— Ничего подобного, успокойтесь. Я просто возьму коробку, положу туда мокрую губку, а на нее сигары и выдержу так три-четыре дня. В сигарах что хорошо: их можно возвращать к жизни,

как Лазаря; более того — Лазарь наверняка не стал бы пахнуть так славно через четыре дня. Я покажу, как надо с ними обращаться.

Ширли отхлебнула кофе и улыбнулась. Похоже, все налаживается. Солу просто пришлась не по душе идея, что у Энди кто-то будет жить. Но он отличный мужик, у него полно забавных историй, и эта старомодная манера говорить… и она поняла, что они уживутся.

— Это пойло не так плохо на вкус, — сказал Сол. — Если забыть вкус настоящего кофе. Или виргинской ветчины, или ростбифа, или индюшки. Господи, я мог бы рассказать об индюшке! Это было во время войны. Я торчал в какой-то заднице, в Техасе; всю жратву привозили из Сент-Луиса, а мы находились дальше всех. То, что доходило до нас, было настолько дрянным, что сержанты в столовой вздрагивали, когда открывали бачки с солдатской баландой. Но однажды произошло невероятное. Эти техасцы на своих ранчо выращивали индюшек и отправляли на север к Рождеству и Дню благодарения. — Ширли кивнула. — В общем, шла война, и не было возможности переправить всех этих индюшек, поэтому ВВС купили их по дешевке, и мы целый месяц пировали. Кому рассказать, так не поверят!

Мы жарили индюшек, тушили, варили из них суп, пекли пирожки с индюшатиной, делали рагу, крекеры…

В коридоре послышались быстрые шаги, и кто-то так сильно дернул за ручку, что дверь затряслась. Сол тихонько сунул руку в ящик стола и вытащил большой нож.

— Сол, ты дома? — крикнул из коридора Энди, дергая за дверную ручку. — Открывай.

Сол кинул нож на стол и поспешил к двери. Энди ворвался весь в поту, тяжело дыша. Он прикрыл за собой дверь и заговорил, понизив голос:

— Послушайте, наполните бачки и все канистры. И наполните все, в чем только можно держать воду. Может, заткнете раковину, тогда в нее тоже можно налить воды. Наполняйте столько канистр, сколько вам разрешат на колонке. А если заметят, что вы слишком часто возвращаетесь, идите на другую — на Двадцать восьмой улице. Шевелитесь. Сол… Ширли тебе поможет.

— А что произошло?

— Дьявол! Не задавай глупых вопросов. Я не могу этого сказать… Не проболтайся, а то мы все попадем в беду. Мне нужно возвращаться, пока не обнаружили, что меня нет.

Он выскочил из комнаты так же стремительно,

как и появился. Хлопнула дверь, звуки шагов затихли.

— А что случилось? — спросила Ширли.

— Узнаем позднее, — сказал Сол, засовывая ноги в сандалии. — Прямо сейчас нужно идти. Энди впервые выкидывает такую штуку, а я старый человек… меня легко испугать. В вашей комнате есть еще одна канистра.

Казалось, что обеспокоены были только они. В очереди у колонки на углу стояли всего две женщины, и одна из них наполнила всего одну бутылку. Сол донес канистры до дома, а по лестнице Ширли захотела тащить их сама.

— Нужно сгонять лишний жир, — сказала она. — Вы пока возвращайтесь в очередь, а я перелью воду и принесу пустые.

Очередь стала чуть длиннее, но в этом ничего необычного не было. Большинство людей всегда собирались в это время у колонки, пока в полдень ее не закрывали.

— У тебя, похоже, жажда, папаша, — сказал полицейский, когда они опять встали в очередь. — Ты же был здесь только что.

— А твоя какая забота?! — рявкнул Сол. — Что-то слишком много стал замечать. Может, я решил раз в году принять ванну, чтобы не провонять, как

некоторые, о ком я мог бы сказать, да не буду…

— Успокойся, дедуля.

— К счастью, я тебе не дедуля, внучок, а то бы уже давно повесился. С каких это пор полиция стала считать, сколько людям нужно воды?

Полицейский отступил на шаг и повернулся к ним спиной. Сол набрал канистры, по-прежнему ворча, а Ширли помогла отнести их в сторону и завинтить крышки. Как только они благополучно закончили операцию, на мопеде появился сержант.

— Запирай! — крикнул он. — Закрыто до завтра!

Женщины, стоявшие в очереди, закричали и бросились к колонке, пытаясь набрать воды. Полицейский полез сквозь орущую толпу к крану. Но не успел он добраться до колонки, как вода в кране стала течь тоненькой струйкой и вскоре пропала. Полицейский посмотрел на сержанта.

— Ага, произошла авария, — сказал сержант. — Трубу… прорвало, пришлось перекрыть. Завтра все будет в порядке. А теперь расходитесь.

Сол молча посмотрел на Ширли, они забрали канистры и побрели домой. Они оба заметили заминку сержанта. Произошло нечто более серьезное, чем авария водопровода. Они медленно

поднимались по лестнице, стараясь не расплескать ни капли.

Глава 14

Хоть легавые и знали, кто он такой, и охотились на него, удача пока была на его стороне. Порой Билли овладевал страх, но это проходило, и он опять начинал думать об удаче. Разве не удача, что легавые появились тогда, когда он вышел из дому? И он удрал, никем не замеченный, — это тоже удача. Ну и что же, что пришлось все бросить? На нем были шорты, а накануне он зашил в них все свои деньги, поскольку боялся потерять их, нося в сандалии. Так что у него были деньги, а это все, что нужно.

Первым делом он зашел на блошиный рынок на Мэдисон-сквер, разбудил одного из парней, спавших под прилавками, и купил у него сандалии. Затем он направился в центр города, подальше от своего района. Когда открылись водоразборные колонки, он умылся, затем купил поношенную рубаху на одном из лотков и немного крекеров из водорослей. Он съел их на ходу. Когда Билли добрался до Китайского городка, было еще очень рано, но улицы уже были полны народа, а ему

нужно было найти свободное место у стены и немного вздремнуть.

…Проснувшись, он понял, что здесь ему оставаться нельзя. Местные как-то странно на него поглядывали, а он знал, что, если его описание уже распространили по городу, они не задумываясь продадут его за пару долларов. Когда-то он слышал, что китайцы живут и в Ист-Сайде, и направился туда.

На одном месте нельзя было долго оставаться: его могли заметить. К тому же, пока стоит жара, можно спать где угодно.

Приходилось держаться людных улиц, поскольку там на тебя никто не обращает ни малейшего внимания. Он спал даже днем, а иногда и ночью, если удавалось найти какое-нибудь тихое местечко. Он продолжал двигаться с места на место и не слишком беспокоился о том, что с ним будет дальше. Все в порядке, пока у него еще есть деньги. А потом… Он не любил думать о том, что будет потом, и поэтому не думал об этом.

Ливень застал его врасплох. Пришлось задуматься о поиске какого-нибудь укрытия. Он попал под дождь прямо посреди улицы и промок до нитки. С тысячами других бездомных он нашел убежище под Уильямсбургским мостом, но даже

там не было совершенно сухо, поскольку ветер постоянно менял направление и потоки воды задувало под мост. В сырости и холоде он провел всю ночь, не сомкнув глаз, а под утро выбрался на лестницу, ведущую на мост, чтобы погреться на солнце. Вдоль моста тянулась пешеходная дорожка, и Билли пошел по ней навстречу восходящему солнцу. Он никогда не забирался так высоко и с замиранием сердца смотрел сверху на город и реку. Вверх по течению медленно двигалось серое грузовое судно, а его лихо обгоняли парусные и весельные лодки. Глядя вниз, Билли крепче хватался за поручни.

Пройдя половину моста, он сообразил, что вышел из Манхэттена — впервые в жизни, — а если он пойдет дальше, то полиция никогда его не обнаружит. Впереди раскинулся Бруклин — зазубренная стена причудливых очертаний на фоне неба, совершенно новое, незнакомое место. Он о нем ничего не знал, и полиции никогда и в голову не придет искать его так далеко.

Когда он перешел через мост, страх медленно начал проходить — это напоминало Манхэттен, только другие люди и другие улицы. Одежда на нем уже высохла, и Билли чувствовал себя неплохо, но очень устал и хотел спать. Шумные людные

улицы вели все дальше и дальше, и он наугад шел по ним, пока не очутился перед высокой стеной, тянувшейся вдоль дороги, и казалось, что не было ей конца. Он пошел вдоль нее, гадая, что находится за ней, пока не добрался до запертых металлических ворот с колючей проволокой, протянутой поверху. На черном потертом щите виднелась надпись: «Бруклинский военно-морской склад. Вход воспрещен». За решетками ворот Билли увидел непонятные постройки, пустые навесы, горы ржавого железа, части кораблей, разбитые железобетонные плиты и мусор. Внутри расхаживал тучный охранник в серой форме с тяжелой дубинкой. Он подозрительно взглянул на Билли, тот поспешно отошел от ворот и двинулся дальше.

Было похоже, что огромное безлюдное пространство за забором заброшено и никому не нужно. Если бы удалось пробраться мимо полицейского, он мог бы прятаться там вечно. Если бы можно было туда пробраться… Он шел вдоль стены, пока каменный забор не сменился покосившейся оградой. Сверху была натянута колючая проволока, но она заржавела, провисла, а в некоторых местах порвалась. На этом участке улицы людей было не слишком много. Здесь

перебраться через ограду не составляло труда.

То, что он не единственный, кому пришла в голову такая идея, выяснилось через минуту, пока он изучал ограду. С той стороны забора появился человек немногим старше Билли. Он на секунду остановился и осмотрелся, убеждаясь, что поблизости никого нет. Затем подсунул под проволоку кусок железобетонной плиты, ловко прополз под оградой и вытолкнул кусок плиты, так что проволока упала на прежнее место. Затем он встал и спокойно зашагал по улице.

Билли подождал, пока человек скроется из виду, потом подошел к тому месту, откуда он вылез. В земле было вырыто углубление, не слишком большое, чтобы привлечь чье-то внимание, но достаточное, чтобы проползти под оградой. Он засунул кусок бетона под проволоку, как сделал тот человек, огляделся — никто не обращал на него внимания — и проскользнул под оградой. Проще простого. Он вытолкнул ногой кусок плиты, и проволока упала.

Было что-то пугающее в этом пустынном пространстве. Никогда прежде ему не приходилось быть совершенно одному. Билли замедлил шаг, двигаясь вдоль нагретых солнцем кирпичных строений, потом остановился и осторожно выгля-

нул из-за угла. Впереди был широкий пустырь, заваленный обломками кораблей. Билли вышел из-за угла, как вдруг рядом послышались шаги. Он отбежал к стене и увидел, как мимо медленно прошел охранник в сером. Когда он исчез из виду, Билли бросился в тень ржавых стальных балок плавучего сухого дока.

Он пробирался среди обломков, ища какое-нибудь местечко, куда можно заползти, спрятаться и поспать. Ему встречались и другие охранники, но их было легко заметить. Они ходили по широким проходам и не приближались к зданиям. Если бы ему удалось проникнуть в одну из заброшенных построек, он оказался бы в безопасности. Одна из них привлекла его внимание — длинное низкое здание с рухнувшей крышей и окнами без стекол. Оно было обито асбестовыми плитами, многие из них раскололись, а некоторые вообще были оторваны. Он подошел поближе, заглянул в окно, но, кроме темноты, ничего не увидел. Рухнувшая крыша нависла в паре метров над полом — получалась темная, тихая пещера. Это то, что ему нужно. Он зевнул и залез в проем. И тут в бок ему впился острый край какой-то железяки. Билли закричал от боли.

Пока он выбирался из проема, что-то тяжелое

пролетело в воздухе над головой и ударилось в стену, рассыпавшись на мелкие кусочки. Билли поднялся на ноги и заковылял подальше от входа, но никто не пытался его преследовать. Из темного проема не доносилось ни звука, но Билли как можно быстрее пошел прочь, с опаской оглядываясь на здание. Завернув за угол, он остановился, задрал рубашку и увидел большую ссадину чуть пониже ребер, вокруг которой кожа уже посинела. Похоже, обычная ссадина и синяк, но как больно!

Было ясно, что придется с кем-то воевать. Он не собирался возвращаться в здание — ни за что! — но отыскать здесь какое-то оружие просто необходимо. Повсюду валялись куски бетона, и он подобрал один, из которого торчала ржавая арматура.

Должно быть, многим людям пришла идея прятаться здесь. Он мог бы сразу об этом догадаться, когда увидел парня, вылезавшего из-под забора. Бродяги скрывались где-то здесь: это было достаточно просто. Они находили укромное местечко, занимали его и не пускали туда чужих — должно быть, так. Наверняка существовал вход в любое из этих зданий и в каждом кто-нибудь прятался. Дрожь пробежала по спине при этой мысли, и,

прижав руку к болевшему боку, он пошел прочь от здания. Может, лучше выбраться отсюда подобру-поздорову? Но местечко уж слишком хорошее, жаль оставлять его. Если бы ему удалось найти какую-нибудь нору, это было бы идеально.

Билли огляделся. Для драки надо найти что-нибудь получше куска бетона. Он посмотрел под ноги, выискивая что-нибудь подходящее, но, несмотря на обилие всякого мусора и лома, нигде не валялось ничего такого, что можно было бы превратить в оружие. Словно здесь уже прошло множество людей с той же самой целью. Зажав в руке камень, он заковылял дальше.

Ему уже хотелось выбраться из этих ржавых джунглей, но он заблудился. Солнце ужасно пекло голову и раскалило потрескавшийся асфальт под ногами. Билли брел вдоль огромного сухого дока, ощущая себя насекомым, ползущим по краю мироздания. Вдали несла свои маслянистые воды Ист-ривер. На том берегу высились небоскребы Манхэттена. При глубоком вздохе бок сильно болел, и одиночество все сильнее наваливалось на плечи.

У самой кромки воды лежал разобранный корабль — обшивку содрали, изнутри торчали шпангоуты, — словно скелет какого-то мертвого

морского чудовища. Разборка не была доведена до конца: кормовая часть корабля была почти не тронута, рубка и носовая часть тоже были целыми. На уровне земли не было никаких отверстий. Судно, по-видимому, было танкером, поперечная переборка находилась на месте. А иллюминаторы и вход располагались намного выше. Забраться наверх было нетрудно. Билли подумал, не прячется ли и здесь кто-нибудь? Однако надо было отдохнуть, а эта развалина казалась подходящей для этой цели. Стоит рискнуть. Забираться наверх с куском бетона в руке было нелегко, но Билли пока не решался с ним расстаться.

Перед рубкой оставался небольшой участок разломанной палубы, шириной около метра. Билли ухватился за него, подтянулся и просунул голову в проем. Камень он держал наготове.

— Здесь есть кто-нибудь? — тихо произнес он.

В рубке было темно и тихо.

— Эй! — крикнул Билли, но ему никто не ответил.

Он медленно вошел через проем в темное помещение. На этот раз на него никто не напал. Он заморгал, пытаясь что-нибудь рассмотреть в темноте. Впереди виднелось что-то темное, но при ближайшем рассмотрении это оказалось лишь

кучей мусора. В дальнем углу лежала такая же куча. Но, присмотревшись, Билли понял, что это человек, который сидел на полу, прислонившись к стене и вытянув ноги. Он пристально смотрел на Билли.

— Брось это, — сказал человек очень тихо, почти шепотом.

Он протянул руку и стукнул загнутым концом металлической трубы по полу. Билли посмотрел на нее, широко открыв глаза, бок по-прежнему болел. Он бросил в сторону кусок бетона.

— Разумно, — сказал человек, — весьма разумно.

Он быстро встал, выпрямившись, как складной метр, — высокий мужчина с тонкими руками, очень худой, вероятно от недоедания. Когда он вошел в луч света, Билли увидел, что кожа у него туго обтягивала скулы и почти лысый череп, губы были растянуты, длинные желтоватые зубы выдавались вперед. Водянистые голубые глаза, круглые, как у ребенка, казались почти прозрачными. Они были похожи на окна, в которые заглядываешь, а с той стороны ничего не видно. Он продолжал в упор смотреть на Билли, помахивая обрезком трубы и не говоря ни слова. И было непонятно, улыбался он или злобно скалился.

Билли сделал шаг. Конец трубы описал дугу. Билли остановился.

— Что тебе здесь надо? — спросил мужчина.

— Ничего, я просто…

— Что тебе надо?

— Я искал место, где можно спрятаться. Я устал. Я никому не хочу зла.

— Как тебя зовут? — прошептал человек. Глаза его были неподвижны.

— Билли…

Зачем он так ответил? Он закусил губу. Зачем он сказал свое настоящее имя?

— У тебя есть что-нибудь поесть, Билли?

Он хотел соврать, но передумал. Он сунул руку за пазуху.

— Вот, у меня есть крекеры. Хотите? Они немного поломались.

Труба упала на палубу и откатилась в сторону — мужчина шагнул к Билли, сложив руки горстями.

— «Отпускай хлеб твой по водам, ибо через много дней опять найдешь его». Знаешь, откуда это? — спросил он.

— Нет… не знаю, — смущенно ответил Билли и высыпал крекеры в протянутые ладони.

— Я так и думал, — недовольно проворчал муж-

чина, сел, прислонившись к стене, и стал есть, автоматически жуя. — Я полагаю, что ты язычник, желтый язычник. Впрочем, это не важно. Ты такой же, как и все Его создания. Хочешь спать — спи. Места здесь достаточно для двоих.

— Я могу уйти, ведь вы пришли сюда первым.

— Ты боишься меня? — Билли поежился под пристальным немигающим взглядом, и человек кивнул. — Не надо, потому что мы ходим рядом со страхом. Знаешь, что это означает?

Билли молча сел. Он не знал, что ответить. Мужчина доел последние крошки, вытер руки о грязные штаны и тяжело вздохнул.

— Ты не можешь этого знать. Ложись, спи. И не волнуйся — сюда никто не придет. В нашей коммуне строгие правила относительно собственности. Обычно только посторонние вроде тебя нарушают границы, хотя и другие могут сделать это, если посчитают необходимым. Но сюда они не придут, они знают, что у меня нечего взять. Можешь спать совершенно спокойно.

Несмотря на усталость, Билли казалось немыслимым спать под пристальным взглядом незнакомого человека. Он лег у стены в дальнем углу с открытыми глазами, настороженно ожидая, что будет дальше. Мужчина бурчал что-то себе

под нос и чесался. Над ухом Билли послышалось жужжание. Комар. Еще один. Билли ожесточенно хлопнул себя по ноге. Похоже, что здесь ужасно много комаров. Что ему делать? Попытаться уйти?..

С внезапным испугом он понял, что заснул. Солнце стояло низко и светило почти в дверной проем. Он сел и огляделся. Никого. Сильно болел бок.

Послышался лязгающий металлический звук. Он раздавался где-то снаружи. Билли на цыпочках подошел к проему и выглянул. Мужчина поднимался наверх, а конец трубы, которую он тащил с собой, стучал об обшивку судна, производя звук, который его встревожил. Билли юркнул назад. Мужчина швырнул трубу наверх и влез на палубу.

— Водоразборные пункты сегодня закрыты, — сказал он и показал допотопную погнутую банку из-под краски, которую он принес с собой. — Но я нашел одно местечко, где сохранилась вода после вчерашнего дождя. Будешь?

Билли кивнул, внезапно вспомнив, как у него пересохло в горле, и взял протянутую банку. Она была наполнена чистой водой, сквозь которую была видна отшелушившаяся зеленая краска.

Вода оказалась очень вкусной.

— Пей еще, — сказал мужчина. — Я напился, когда набирал воду. Как тебя зовут? — спросил он, забирая банку.

Это ловушка? Человек, должно быть, помнит его имя, и Билли не посмел назвать другое.

— Билли, — ответил он.

— Можешь звать меня Питером. Если хочешь, оставайся.

Он с банкой вошел внутрь и, похоже, забыл о своей трубе.

Билли с подозрением на нее посмотрел, не уверенный в мотивах, которые двигали этим человеком.

— Ты оставил здесь трубу! — крикнул он.

— Принеси сюда, пожалуйста. Нельзя бросать ее где ни попадя. Положи здесь, — сказал он. — По-моему, у меня где-то есть еще один кусок вроде этого. Можешь брать его с собой, когда будешь покидать эти апартаменты. Некоторые наши соседи могут быть весьма опасны.

— Охрана?

— Нет, эти для нас абсолютно не опасны. Их работа — это синекура, и у них не больше желания беспокоить нас, чем у нас — беспокоить их. Пока они нас не видят, нас здесь нет. Так что просто

сторонись их. Ты обнаружишь, что они не очень-то хорошо видят. Они могут сшибать свои деньги, не подвергая себя опасности. Благоразумные люди. Все, что стоило украсть, исчезло много лет тому назад. Охрана осталась, потому что никто еще не решил, что делать с этим местом, а проще всего — забыть про него. Они представляют собой символы государства времен упадка культуры, тогда как эта пустыня — намного более значимый символ. Вот почему я здесь. — Он обхватил руками ноги и положил острый подбородок на колени. — Ты знаешь, сколько имеется входов в это место?

Билли покачал головой, не понимая, о чем говорит Питер.

— Тогда я тебе скажу. Их восемь — и только один не заперт, и им пользуются охранники, остальные закрыты и опечатаны семью печатями. Это тебе что-нибудь говорит? Семь печатей. Нет, вижу, что не говорит ничего. Но существуют и другие знаки — некоторые сокрыты, другие отчетливо видны невооруженным глазом. А еще больше появится — и один за другим откроются нам. Некоторые были написаны на века. Наподобие великой блудницы по имени Вавилон, которая никогда не являлась Римом, как многие

ошибочно полагали. Ты знаешь, как называется вот тот город?

— Этот? Нью-Йорк?

— Да, это одно имя, но существует и другое, которым его называют и называли, и никто против него не возражает: Вавилон-на-Гудзоне. И ты видишь, что это и есть великая блудница, и армагеддон произойдет здесь — вот почему я пришел. Когда-то я был священником. Ты не поверишь.

— Почему же? — ответил Билли и зевнул, осматривая стены и выглядывая в дверной проем.

— Священник должен говорить правду, что я и делал, и за это они меня вышвырнули. Они — те, кто искушал антихриста в своих палатах. Коллегия кардиналов посоветовала папе римскому снять запрет на уничтожение жизни ребенка, и он с этим посчитался, тогда как правда Закона Божьего — вокруг нас. Он сказал: «Плодитесь и размножайтесь!» — что мы и делали. И Он дал нам разум, чтобы исцелять больных и укреплять слабых, и вот где лежит истина. Наступает тысячелетие, сейчас, прямо на нас, на перенаселенный мир душ, ждущих Его зова. Вот истинное тысячелетие. Ложные пророки сказали, что это был год однотысячный, но сейчас в этом городе больше людей, чем было в то время во всем мире.

Сейчас наступает время, мы видим, как оно грядет, мы можем читать его знаки.

Больше мир уже не может удержаться, он развалится на части под тяжестью человеческой массы, но он не развалится до тех пор, пока семь труб не провозгласят новый год, новое столетие. Тогда наступит расплата.

Он умолк, и тонкий писк комаров стал слышен в неподвижном воздухе. Билли хлопнул ладонью по ноге и убил одного комара. Руку Питера освещало солнце, и Билли видел на ней многочисленные следы комариных укусов.

— Никогда не видел столько комаров, как здесь у тебя, — сказал Билли. — Причем днем. Раньше меня днем никогда не кусали. — Он встал и начал ходить по засыпанной всяким хламом рубке, отмахиваясь от комаров. Ногами он отшвыривал какие-то лохмотья и щепки. В задней стене находилась тяжелая стальная дверь, приоткрытая на несколько сантиметров. — А что там? — спросил он.

Питер не услышал вопроса — или сделал вид, что не слышит. Билли толкнул дверь. Но петли так заржавели, что дверь не сдвинулась с места.

— Ты не знаешь, что там такое? — спросил он громче.

Питер зашевелился и обернулся.

— Нет, — ответил он. — Никогда не смотрел.

— Дверь закрыта давным-давно. Может, там есть что-нибудь, что может нам пригодиться. Никогда не знаешь, что найдешь. Давай посмотрим, нельзя ли ее открыть.

Навалившись на дверь вдвоем и используя в качестве рычага кусок металлической трубы, они сумели приоткрыть ее еще на несколько сантиметров. В образовавшуюся щель уже можно было пролезть. Билли пробрался туда первым, и под его ногой что-то загрохотало.

Он наклонился.

— Посмотри. Я же говорил, что мы что-нибудь найдем. Я могу это продать или оставим на всякий случай.

Это был стальной лом длиной больше метра, брошенный здесь много лет назад. Он был покрыт слоем ржавчины, но все еще был очень крепок. Билли засунул острый конец трубы в щель и нажал изо всех сил. Ржавые петли заскрипели, и дверь открылась полностью. Тут находилась маленькая площадка, и металлические ступеньки вели в темноту. Билли начал медленно спускаться, крепко держа в руке лом и держась за поручни. На пятой ступеньке он оказался по

щиколотку в воде.

— Здесь не так уж темно… и полно воды, — сказал он.

Питер спустился по лесенке и посмотрел вниз. Потом он показал на два светлых пятна наверху:

— Очевидно, дождевая вода скапливается на верхней палубе и просачивается сюда через эти дыры. Наверняка вода тут накапливалась уже много лет.

— Вот откуда летят твои комары, — сказал Билли. Замкнутое пространство было наполнено их жужжанием. — Нужно закрыть дверь.

— Весьма практично, — согласился Питер. — Теперь можно не ходить за водой к колонке и не лазить через ограду. Здесь ее столько, сколько нам нужно. Пожалуй, даже больше.

Глава 15

— Привет, незнакомец, — сказал Сол.

Ширли отчетливо слышала его голос за перегородкой. Она сидела у окна и делала себе маникюр. Положив кисточку и лак на кровать, она подбежала к двери.

— Энди!.. Это ты? — крикнула она.

Отворив дверь, Ширли увидела его, покачи-

вающегося от усталости. Она подбежала к нему и обняла. Он поцеловал ее и рухнул в кресло у стола.

— Я совершенно выжат, — пробормотал он. — Не спал с… когда это было? С позавчерашней ночи. Раздобыли воду?

— Наполнили оба бачка, — сказал Сол, — и все канистры, прежде чем все прикрыли. Что случилось с водой? Я слыхал всякие байки по телевизору, но это полная чепуха. Они чего-то недоговаривают?

— Ты ранен? — воскликнула Ширли, заметив, что у него разорван рукав, а под ним видна повязка.

— Ничего страшного, просто царапина, — ответил Энди и улыбнулся. — Это во время дежурства… вилами.

— Вероятно, преследовал дочку фермера. Хорошая история, — хмыкнул Сол. — Хочешь выпить?

— Если остался спирт, можешь немного разбавить его водой. Могу выпить и такого. — Он сделал глоток и откинулся на спинку кресла. Напряжение сошло с его лица, но глаза были красные от усталости и опухшие. Сол и Ширли сели за стол напротив него. — Никому не рассказывайте,

пока не появятся официальные сообщения, но с водой приключились большие неприятности, а еще большие грядут.

— Ты поэтому нас и предупредил? — спросила Ширли.

— Да, я кое-что услышал на станции во время обеденного перерыва. Неприятности начались на артезианских скважинах и насосах на Лонг-Айленде и на всех насосных станциях Бруклина и Квинза. Знаете, под Лонг-Айлендом существует водоносный слой, и если слишком быстро откачивать воду, то в подземный резервуар начинает проникать морская вода. Она уже давно была солоноватой, это можно почувствовать, если воду не смешивать с водой, поступающей из штата. Они, должно быть, рассчитали, сколько нужно откачивать. Наверняка в расчеты вкралась ошибка или станции качали больше положенного. В любом случае в Бруклин сейчас течет чистая соль. Все станции там закрыли, а расход из Кротона и из штата увеличили.

— Фермеры и так скулили всю дорогу про сухое лето. Могу поспорить, это им очень понравится.

— Не буду спорить. Наверняка это планировалось уже давно, потому что они поставили охрану на акведук, с винтовками и взрывчаткой — той,

что украли в прошлом году из арсенала в Олбани. Десять полицейских убиты. Не знаю, сколько ранено. Они взорвали по крайней мере километр труб, прежде чем мы туда прорвались. Наверняка вся деревенщина от мала до велика пыталась нас остановить. Не у всех были винтовки, но они отлично управлялись вилами и топорами. В конце концов их разогнали слезоточивым газом.

— Значит… в городе вообще нет воды? — спросила Ширли.

— Мы привезем воду, но некоторое время люди помучаются от жажды. Будьте поэкономнее с водой, больше пока не будет. Только для питья и приготовления пищи, больше ни для чего.

— Но нам же нужно умываться, — сказала Ширли.

— Нет, умываться не будем. — Энди протер глаза. — Тарелки можно вытирать тряпкой. Что касается нас… что ж, немножко провоняем.

— Энди!

— Извини, Ширли. Это ужасно, знаю. Но ты должна понять: все очень серьезно. Можно какое-то время прожить, не умываясь, от этого не умирают. А когда опять подключат воду, тогда и соскоблим всю грязь.

— Как по-твоему, сколько это продлится?

— Трудно сказать. Для ремонтных работ потребуется куча бетона и арматуры — и то и другое страшный дефицит. Нужны бетономешалки и прочая техника. Бóльшую часть воды придется привозить в железнодорожных цистернах, в автоцистернах и на баржах. Возникнут чертовски сложные проблемы с распределением и рационированием. Нужно рассчитывать на то, что будет хуже, пока не станет лучше. — Он поднялся на ноги и зевнул. — Я хочу пару часов подремать, Ширли. Разбуди меня в четыре. Перед уходом мне нужно побриться.

— Два часа! Что это за сон! — возмутилась она.

— Я тоже так думаю, но на большее у меня нет времени. Кто-то наверху по-прежнему давит на нас по поводу убийства О'Брайена. У одного осведомителя из Китайского городка есть какая-то информация, и я должен с ним сегодня встретиться, вместо того чтобы выспаться перед вечерним патрулированием. Я постепенно начинаю ненавидеть Билли Чуна, где бы он ни прятался.

Он вышел в другую комнату и рухнул на кровать.

— Можно я останусь здесь, пока он спит, Сол? — спросила Ширли. — Я не хочу его беспокоить… но я не хочу беспокоить и вас…

— Беспокоить! Как такая симпатичная барышня может кого-то побеспокоить? Позвольте сказать вам, что, может, я на вид и старый, но это только из-за моего возраста. Я не говорю, что вы не должны ощущать себя рядом со мной в безопасности. Годы решительных действий прошли. Теперь я получаю удовлетворение, просто размышляя об этом, что в любом случае дешевле, и вы можете не тревожиться. Несите сюда свое вышивание, а я расскажу вам о тех временах, когда я служил в Ларедо и мы с Люком на один из уик-эндов заехали в Мальчишеский городок в Нуэво-Ларедо. Хотя, если подумать, может, лучше вам об этом не рассказывать.

Когда Ширли вошла в комнату, Энди крепко спал, растянувшись на кровати прямо в одежде. Он даже не снял башмаки. Она задернула шторы и убрала с кровати маникюрный набор. В подметке правого башмака Энди зияла приличная дыра, и она уставилась на Ширли, словно пыльный печальный глаз. Если попытаться снять с него башмаки, то можно его разбудить. Поэтому она тихонько вышла и прикрыла за собой дверь.

— Нужно заряжать аккумуляторы, — сказал Сол, глядя на поплавок ареометра. — Энди уже вырубился?

— Да, крепко спит.

— Подождите, вот будет дело, когда начнете его будить. Когда он вот так отключается, можно сбрасывать бомбу, и, если она его не убьет, он ее не услышит. Я сейчас заряжу батареи, а он и не узнает.

— Так несправедливо! — внезапно взорвалась Ширли. — Почему Энди обязан выполнять двойную работу, сражаться за воду для всего города? Что тут все эти люди делают? Почему бы им не уехать куда-нибудь, раз не хватает воды?

— На этот вопрос ответ очень прост: ехать некуда. Вся страна — это одна большая ферма. Людей на юге так же много, как и на севере, поскольку не существует общественных средств передвижения. Любой, кто попытается пешком дойти до теплых краев, подохнет с голоду задолго до того, как туда доберется. Люди остаются на месте, потому что государство организовано так, что заботится о них только там, где они живут. Они плохо питаются, но все-таки что-то едят. Чтобы сдвинуть людей с насиженных мест, необходима крупная катастрофа, вроде исчерпания запасов воды в калифорнийских долинах или пылевого шара, который, как я слышал, принимает международные масштабы и движется к канадской

границе.

— Ну тогда в другие страны. Ведь все приехали в Америку из Европы и с других материков. Почему бы некоторым из них не вернуться?

— Если вы думаете, что проблемы существуют только у нас, посмотрите, как обстоят дела за океанами. Вся Англия — просто один большой город, и я видел по телевизору, как застрелили последнего консерватора при попытке защитить последний лес, который собрались вырубить. Или вы хотите отправиться в Россию? Или в Китай? Они уже пятнадцать лет ведут войну из-за спорных приграничных территорий, которая является единственным способом замедлить рост населения. Однако у вас призывной возраст, а там в армию призывают и девушек, так что вам это, наверно, не понравится. Может, в Данию? Там можно жить великолепно — если вы сможете туда попасть. По крайней мере, едят они регулярно, но на границе они поставили бетонную стену, а береговая охрана стреляет без предупреждения, потому что слишком много голодающих людей пытаются пробиться в землю обетованную. Нет, может, у нас здесь и не рай, но все-таки место пригодно для жилья. Я должен зарядить батареи.

— Это несправедливо. Я по-прежнему придер-

живаюсь этого мнения.

— А что справедливо? — улыбнулся Сол. — Успокойтесь. Вы молоды, красивы, вы регулярно едите и пьете. Так на что вы жалуетесь?

— А и в самом деле, не на что. — Она улыбнулась ему в ответ. — Просто я разозлилась, видя, как Энди целыми днями работает, заботясь о людях, а они даже не знают об этом, и их это вообще не заботит.

— Не может быть иной благодарности, кроме зарплаты. Работа есть работа.

Сол вытащил велосипед-тренажер и подсоединил провода от генератора к аккумуляторам на холодильнике. Ширли подвинула кресло к окну и раскрыла маникюрный набор. Скрип и стоны генератора переросли в пронзительный вой.

День был прекрасный, солнечный, но не жаркий, и, судя по всему, осень будет отличной. Возникли перебои с водой, но все придет в норму. Она нахмурилась, глядя на крыши домов и небоскребы. На звуковом фоне бесконечно ревущего города был отчетливо слышен визг детей во дворе.

Если не считать проблем с водой, все было отлично. Но вот что интересно: несмотря на то что она знала, что все отлично, у нее по-прежне-

му сохранялось некое внутреннее напряжение, подспудное ощущение тревоги, которое не покидало ее.

Часть вторая
Глава 1

— Все говорят, что это самый холодный октябрь. Я не помню, чтобы когда-нибудь было так холодно. Да к тому же дождь. И вечно-то его не хватает, чтобы наполнить резервуар, но он всегда достаточно силен, чтобы промокнуть насквозь и продрогнуть до костей. Это нормально?

Ширли машинально кивнула, едва вслушиваясь в слова. Очередь немного продвинулась, и Ширли сделала несколько шагов вслед за говорившей, похожей на бесформенную груду одежды, накрытую сверху разорванным синтетическим плащом.

«Наверное, я выгляжу не лучше», — подумала Ширли, натягивая на голову конец одеяла, чтобы хоть как-то спастись от надоедливой мороси. Стоять оставалось недолго, впереди всего десятка два людей, но прошло гораздо больше времени, чем она предполагала, и почти стемнело. Над автоцистерной зажгли лампочку, осветившую ее черные бока и завесу дождя. Очередь вновь продвинулась, и женщина перед Ширли заковы-

ляла, таща за собой маленького ребенка: такой же тряпичный узел, как и его мать; лицо было скрыто повязанным сверху шарфом. Ребенок все время хныкал.

— Прекрати сейчас же! — прикрикнула на него женщина. Она обернулась к Ширли: красное одутловатое лицо, почти беззубый рот. — Он плачет, потому что мы только от врача. Доктор думал, что он заболел серьезно, но оказалось, что это всего-навсего квош. — Она показала опухшую руку мальчика. — Посмотрите, все распухает, на коленях появляются черные пятна. Нужно было две недели сидеть в больнице Беллвью, чтобы доктор рассказал мне то, что я и без него знала. Но это единственный способ получить от него бумажку. Вот так нам выписали горохового масла. Супружник у меня его любит. Вы живете в нашем квартале? По-моему, я вас там видела.

— На Двадцать пятой улице, — ответила Ширли, снимая крышку с канистры и кладя в карман пальто. Она продрогла до костей и была уверена, что простудилась.

— Я узнала вас. Подождите меня, пойдем домой вместе. Уже поздно, а вокруг столько хулиганья, так и норовят вырвать из рук воду. Они всегда могут ее продать. Вот миссис Рамирес из моего

дома: она хоть и вздорная, но хорошая баба, знаете, ее семья живет в этом доме со Второй мировой войны. Так ей поставили такой синяк под глазом, что она едва видит, и выбили два зуба. Какой-то подонок ударил ее дубинкой и отобрал воду.

— Да, я вас подожду, это прекрасная мысль, — сказала Ширли, внезапно почувствовав себя страшно одинокой.

— Карточки! — рявкнул полицейский. Она протянула ему три листочка: свою карточку, Энди и Сола. Полицейский поднес их к свету, потом вернул ей. — Шесть литров! — крикнул он человеку, стоявшему у крана.

— Как — шесть? — возмутилась Ширли.

— Сегодня норму снизили, дамочка. Поживее, народ ждет.

Она подала канистру, человек у крана засунул в нее конец шланга и открыл воду.

— Следующий! — крикнул он.

Ширли подняла канистру — та была до обидного легкой. К Ширли подошла та женщина, одной рукой таща ребенка, а в другой неся двадцатилитровый бак из-под керосина, который казался почти полным. Наверняка у нее большая семья.

— Пойдемте, — сказала женщина; ребенок засеменил за ней, слабо подвывая.

Когда они свернули с Двенадцатой авеню в переулок, стало еще темнее, словно дождь впитал весь тусклый свет. Тут в основном располагались старые склады и фабрики с серыми крепкими стенами. Тротуар был мокрый и пустынный. Ближайший уличный фонарь находился в квартале отсюда.

— Муж мне голову оторвет за то, что возвращаюсь домой так поздно, — сказала женщина, когда они завернули за угол.

Вдруг дорогу им преградили две темные фигуры.

— Отдавайте воду, — сказал один, и в темноте тускло блеснуло лезвие ножа.

— Нет, не надо! Пожалуйста, не надо, — взмолилась женщина, спрятав бак с водой за спину.

Ширли прижалась к стене. Это были молодые парни, подростки. И у них был нож.

— Воду! — приказал первый, угрожая ножом.

— Получай! — заорала женщина, размахнувшись баком. Прежде чем тот успел увернуться, она ударила его баком по голове и повалила на землю, при этом нож выпал. — Ты тоже хочешь? — закричала она, наступая на второго. Тот был безоружен.

— Нет, я не хочу ничего такого… — запричитал

он, пытаясь поднять упавшего.

Женщина шагнула к нему, и он отскочил. Она нагнулась за ножом. Парень схватил своего напарника и потащил за угол. Все произошло так быстро, что Ширли не успела опомниться. Она стояла, прислонившись к стене и дрожа от страха.

— Получили по заслугам! — захохотала женщина, разглядывая старый погнутый нож. — Я им воспользуюсь лучше, чем они. Ведь они просто мальчишки, дети.

Она была возбуждена и обрадована. За все время она ни разу не выпустила руку ребенка; тот захныкал громче.

Больше ничего не произошло, и женщина проводила Ширли до ее двери.

— Большое вам спасибо, — сказала Ширли. — Не знаю, что бы я делала...

— Не стоит, — проворчала женщина. — Нож-то вот он.

И она побрела дальше, таща одной рукой тяжелый бак, а другой — ребенка. Ширли вошла в дом.

— Где ты была? — спросил Энди, когда она открыла дверь. — Я уж начал беспокоиться.

В комнате было тепло и пахло рыбой. Энди и

Сол сидели за столом со стаканами в руках.

— Ходила за водой, очередь на целый квартал. Мне дали только шесть литров — норма опять снижена.

Она заметила, что он невесел, и решила не рассказывать про инцидент на обратном пути. А то он будет переживать, а она не хотела испортить ужин.

— Просто чудесно, — саркастически произнес Энди. — Норма и так мизерная, так ее делают еще меньше. Ширли, вылезай скорей из мокрой одежды, а Сол сделает тебе «Гибсон». Поспел его самопальный вермут, а я принес водки.

— Пей, — сказал Сол, протягивая ей холодный стакан. — Я варю суп с этим «энер-Г», его только так и можно есть. Скоро должен быть готов. Это у нас будет на первое, а потом… — Он кивнул в сторону холодильника.

— Что? — спросил Энди. — Секрет?

— Никаких секретов, — сказала Ширли, открывая холодильник, — просто сюрприз. Я купила их сегодня на рынке, каждому по одному. — Она вынула тарелку с тремя крошечными соево-чечевичными гамбургерами. — Новый продукт, его даже показывали по телевизору. С ароматом копченого мяса.

— Наверняка стоят целое состояние, — сказал Энди. — До конца месяца есть мы не будем.

— Они не так дороги, как может показаться. Я потратила на них мои собственные деньги, а не из бюджета.

— Какая разница, деньги есть деньги. Мы, вероятно, могли бы прожить целую неделю на то, во что обошлись эти штуки.

— Суп готов, — сказал Сол, ставя на стол тарелки.

У Ширли в горле встал ком от обиды. Она села и уставилась в тарелку, стараясь не разреветься.

— Извини, — сказал Энди. — Но ты же знаешь, как растут цены. Нужно быть поэкономнее. Подоходный налог снова увеличился, теперь восемьдесят процентов, из-за возросших отчислений на социальную помощь. Так что зимой придется туго. Не думай, что я не ценю…

— Если ценишь, то почему не заткнешься и не начнешь есть свой суп? — спросил Сол.

— Кончай, Сол, — сказал Энди.

— Я кончу, если ты прекратишь ругаться в моей комнате. А теперь давай, нечего портить такой превосходный ужин.

Энди хотел ответить, но передумал и взял Ширли за руку.

— Ужин замечательный, — сказал он. — Давайте им наслаждаться.

— Не такой уж замечательный, — сказал Сол, принюхиваясь к супу и морща нос. — Подожди, дай сначала я попробую… М-да. Но гамбургеры должны забить этот вкус.

Наступило молчание: они начали есть суп. Через некоторое время Сол завел одну из своих армейских историй про Новый Орлеан и, как всегда, рассмешил их. Напряжение исчезло.

Сол разлил остатки «Гибсона», а Ширли подала на стол гамбургеры.

— Будь я пьян, они по вкусу действительно напоминали бы мясо, — заявил Сол, жуя гамбургер.

— Они неплохи, — заметила Ширли.

Энди кивнул. Ширли быстро съела гамбургер, подобрала с тарелки крошки, затем принялась за коктейль. Инцидент по пути домой казался далеким и нереальным. Что там сказала эта женщина про болезнь ребенка?

— Вы знаете, что такое «квош»? — спросила она.

Энди пожал плечами:

— Какая-то болезнь… А почему ты спрашиваешь?

— Со мной в очереди за водой стояла одна

женщина, и я с ней разговорилась. С ней был маленький мальчик. У него вот этот квош. По-моему, ей не следовало бы таскать его под дождем, раз он болен. Интересно, не заразная ли эта болезнь?

— Можешь не волноваться, — сказал Сол. — «Квош» — сокращенно от «квошиоркор». Если вы интересуетесь проблемами здоровья, нужно смотреть медицинские программы, что я постоянно делаю, или открыть какую-нибудь книгу. Тогда бы вы все об этом знали. Его нельзя подхватить, потому что это заболевание наподобие авитаминоза, как бери-бери.

— О такой болезни я тоже никогда не слышала, — сказала Ширли.

— Она встречается не так часто, зато квош — на каждом шагу. Он начинается, когда в пище не хватает белков. Раньше им болели только в Африке, но теперь он разгуливает по всем Соединенным Штатам. Правда, грандиозно? Мяса нет, чечевица и соевые бобы стоят дорого, поэтому мамки пичкают своих детей крекерами и сладостями — тем, что подешевле…

Лампочка замигала и погасла. Сол на ощупь прошел по комнате и нашел выключатель в путанице проводов на холодильнике. Загорелась тусклая лампочка, подсоединенная к батареям.

— Нужно бы зарядить, — сказал он, — но можно подождать и до утра. После еды нельзя заниматься физической нагрузкой — вредно для пищеварения и обмена веществ.

— Я очень рад, что вы живете вместе с нами, доктор, — сказал Энди. — Мне нужен совет врача. У меня проблемы. Понимаете… все, что я ем, не задерживается у меня в желудке…

— Очень смешно, мистер Умник. Ширли, не понимаю, как ты уживаешься с этим остряком?

После ужина они воспряли духом и даже какое-то время болтали, пока Сол не объявил, что выключает свет, чтобы не разрядить батареи полностью. Маленькие брикеты морского угля сгорели, и в комнате стало холодно. Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Энди пошел в другую комнату за карманным фонариком. Там было еще холоднее.

— Я ложусь, — сказала Ширли. — Не то чтобы я устала, но это единственный способ согреться.

Энди безрезультатно пощелкал выключателем на стене.

— Электричество все еще отключено, а мне нужно еще кое-что сделать. Что за дела?.. Еще неделю назад у нас был свет вечерами.

— Давай я лягу и буду светить тебе фонариком

— годится?

— Придется поступить так.

Он раскрыл на крышке комода блокнот, рядом положил бланк и начал переписывать сведения в рапорт. Левой рукой он сжимал фонарик, и тот испускал ровный неяркий свет.

Ночью в городе было тихо, холод и дождь прогнали с улиц людей. Жужжание крошечного генератора и скрип пера по пластику звучали неестественно громко.

Ширли раздевалась при свете фонарика. Сняв одежду, она сразу озябла и быстро надела теплую пижаму, заштопанные носки, в которых обычно спала, а сверху натянула толстый свитер. Простыни были холодными и влажными, их не меняли с тех пор, как начались перебои с водой. Однако она старалась просушивать их как можно чаще.

— Что ты пишешь? — спросила она.

— Все, что у меня есть по поводу Билли Чуна. На меня все еще наседают, требуя его разыскать, — ничего более глупого я не слышал. — Он отложил ручку и нервно зашагал из угла в угол. Фонарик у него в руке бросал дрожащий свет на потолок. — После того как прикончили О'Брайена, у нас на участке зарегистрировано две дюжины убийств. Мы поймали одного убийцу — его жена

умерла от потери крови… Но обо всех остальных забыли, кроме убийства Большого Майка. Что может быть такого важного в этом деле? Похоже, никто не знает. Однако по-прежнему требуют рапорты. Поэтому после двухсменного дежурства я должен продолжать поиски этого мальчишки. Вот и сегодня ночью мне нужно проверить еще одну дурацкую информацию, но я этого делать не собираюсь. Даже если Грасси распилит меня завтра пополам. Ты знаешь, сколько я спал за последнее время?

— Знаю, — вздохнула Ширли.

— Пару часов за ночь, если удавалось. В общем, сегодня ночью я собираюсь наверстать упущенное. Мне нужно быть в участке в семь утра: еще один митинг протеста на Юнион-сквер — так что все равно слишком долго спать мне не придется. — Он остановился и отдал ей потухший фонарик. У Ширли в руках он вновь ярко загорелся. — Я тут ною, но мне некому пожаловаться, кроме тебя, Ширли. Пока ты меня не встретила, тебе жилось гораздо лучше.

— Этой осенью всем плохо. Ничего подобного еще не было. Сначала вода, теперь вот холодно. Я не понимаю…

— Я не это имел в виду, Ширли… свети, пожа-

луйста, на комод. — Он достал масленку и прочие принадлежности для чистки оружия и разложил все это на тряпке рядом с кроватью. — Я о нас с тобой. Я не могу дать тебе того, к чему ты привыкла.

Она старалась не вспоминать о своей жизни с Майком. Об этом они вообще не говорили.

— Мой отец живет почти в таком же районе, — сказала она. — Все не так уж сильно отличается.

— Я не об этом. — Он сел на корточки и начал разбирать револьвер. — После того как ты ушла из дома, все у тебя пошло намного лучше, я это знаю. Ты симпатичная девушка, даже более того; за тобой, должно быть, ухлестывало множество парней. — Он говорил, запинаясь и не отрывая глаз от револьвера.

— Я живу здесь, потому что так хочу, — твердо сказала она. — Привлекательной девушке жить легче. Я это знаю, но все не так уж просто. Я хочу… Не знаю точно… счастья, по-моему. Ты мне помог, когда я действительно нуждалась в помощи, и мне было хорошо с тобой, как ни с кем. Я не говорила тебе раньше, но я надеялась, что ты позовешь меня сюда. Мы с тобой так подходим друг другу.

— Это единственная причина?

Они ни разу не говорили об этом с той самой ночи, когда он привел ее к себе, и сейчас ему хотелось узнать все о ее чувствах, не раскрывая своих.

— Почему ты привел меня сюда, Энди? Какая у тебя была причина? — Она не ответила на его вопрос.

Не глядя на нее, он вставил барабан в револьвер и крутанул его большим пальцем.

— Ты мне понравилась… очень понравилась. В сущности, если хочешь знать, — он понизил голос, будто говорил что-то постыдное, — я тебя люблю.

Ширли не знала, что ответить, и молчание затянулось. Жужжал фонарик; из-за перегородки раздались скрип пружин и приглушенное ворчание Сола, забирающегося в кровать.

— А ты, Ширли? — тихо, чтобы не услышал Сол, спросил Энди и наконец взглянул ей в лицо.

— Я… я здесь счастлива, Энди, и я хочу здесь жить. Я серьезно не думала об этом.

— Любовь, брак, дети? Об этом ты думала? — В его голосе опять послышалась резкость.

— Любая женщина думает о подобных вещах, но…

— Но не по отношению к неряхе вроде меня,

живущему в полуразвалившейся крысиной норе, наподобие этой… Ты это имела в виду?

— Не говори за меня. Я этого не сказала и даже не думала об этом. Я не жалуюсь… разве что тебя ужасно долго не бывает дома.

— У меня работа.

— Знаю… просто я скучаю без тебя. По-моему, мы чаще бывали вместе в те первые недели, когда встретились. Было весело…

— Тратить деньги всегда весело, но нельзя веселиться все время.

— А почему? Я имею в виду не все время, а иногда вечером или в воскресенье. Кажется, что мы не говорили друг с другом много недель. Я не хочу сказать, что роман должен продолжаться вечно…

— У меня работа. Какой, по-твоему, получится роман, если я ее брошу?

Ширли чуть не расплакалась.

— Энди, пожалуйста… я не хочу с тобой ругаться. Неужели ты не понимаешь?..

— Я все прекрасно понимаю. Если бы я был большой шишкой в синдикате, занимался девочками, гашишем и ЛСД, все было бы по-другому. Но я просто паршивый полицейский, пытающийся как-то спасти все от развала, в то время как раз-

ные недоноски делают наоборот.

Он вставил патроны в барабан, не глядя на нее и не видя слез, текущих у нее по лицу. За столом она не заплакала, но сейчас не могла сдержаться. Этот холод, мальчишка с ножом, нехватка воды, все подряд, — а теперь еще это. Она положила фонарик на пол, он помигал и погас. Энди поднял фонарик и включил его, а она отвернулась к стене и с головой накрылась одеялом.

Энди ей нравился, но любила ли она его? Трудно сказать, ведь они так редко видятся. Почему он этого не понимает? Она не пыталась спрятаться от жизни. Но она, ее жизнь, проходила не рядом с ним, а в этой жуткой комнате, где он иногда появлялся, на улицах, рядом с этими людьми, с тем парнем с ножом… Она заплакала еще горше.

Энди молча лег в кровать, молчала и Ширли: они не знали, что сказать друг другу. Вдвоем под одеялом стало теплее. Пахло смазочным маслом: должно быть, он плохо вытер руки. Когда он был рядом, ей было хорошо.

Она коснулась его руки и прошептала: «Энди…» — но он не ответил. Он крепко спал.

Глава 2

— Чую, начинается заварушка, — сказал детектив Стив Кулозик, застегивая ремешок на шлеме, и угрюмо посмотрел сквозь защитное стекло.

— Ты чуешь заваруху! — покачал головой Энди. — Какое у тебя чудесное чутье! Пригнали весь участок — и полицейских, и детективов, нечто вроде ударных войск. Выдали шлемы и гранаты со слезоточивым газом в семь утра, заперли здесь без всяких приказов — а ты чуешь заваруху. Поделись секретом, Стив.

— Природный дар, — спокойно ответил тучный детектив.

— Всем внимание! — заорал капитан. Голоса и шарканье ног стихли, люди в шеренгах замерли, выжидающе поглядывая в дальний конец помещения, где стоял капитан. — Сегодня у нас спецзадание, и детектив Дуайер из штаба все вам объяснит.

В рядах возникло шевеление, стоявшие в задних рядах пытались рассмотреть гостя. Штабное отделение занималось подавлением массовых беспорядков с применением оружия, работали они на Центральной улице и получали приказы

непосредственно от инспектора Росса.

— Там, в задних рядах, меня слышно? — крикнул Дуайер и влез на стул. Это был широкоплечий, коренастый человек, похожий на бульдога, голос у него был хриплый и низкий. — Двери заперты, капитан? — спросил он. — То, что я должен сказать, предназначается исключительно для этих людей.

Все оказалось в полном порядке, и он опять обернулся, осматривая ряды полицейских в форме и детективов в штатском.

— Вероятно, этим вечером в городе будет убита пара сотен или, может, пара тысяч человек, — сказал он. — Ваша задача — сделать эту цифру как можно более низкой. Когда вы выйдете отсюда, то увидите, что начинаются бунты и беспорядки, и чем быстрее вы будете действовать, тем лучше. Пункты социальной помощи сегодня закрыты, и никакой еды не будут выдавать в течение по крайней мере трех дней.

Послышался ропот.

— Прекратить шум! Вы кто — полицейские или кучка старух? Я вам обо всем говорю прямо, чтобы вы были готовы к худшему, а не хлопали глазами.

Наступила абсолютная тишина.

— Отлично. Беспорядки происходят уже несколько дней, но мы не могли действовать, пока не оценили общее положение вещей. Теперь мы это знаем. Город перестал выдавать продукты по карточкам, поскольку склады почти пусты. Мы собираемся их закрыть, подвезти резервы и открыть через три дня. Но норма будет уменьшена — и это секретная информация, ее не следует разбалтывать каждому встречному-поперечному. До конца зимы норма останется минимальной, не забывайте об этом, что бы вы ни услышали. Непосредственная причина нехватки продуктов — авария на главной магистрали к северу от Олбани. Но это не самая большая неприятность. Зерно вскоре начнет снова поступать, но его будет мало. Один профессор из Колумбийского университета на Центральной улице рассказал нам об этом, чтобы мы могли принять какое-то решение, но я не буду останавливаться на технических деталях — у нас не так много времени. Но если коротко, то дело обстоит примерно так.

Прошлой весной не хватило удобрений, и зерна было собрано мало. Были ураганы и паводки. Пылевой шар продолжает расти. И еще неприятности с соевыми бобами, отравленными инсектицидами. Вы знаете об этом ровно столь-

ко, сколько и я, — все это было по телевизору. К этому добавилось еще множество неприятных мелочей — беда не приходит одна. Советом президента по экстренному планированию были допущены некоторые ошибки, и там вы скоро увидите другие лица. Так что всем жителям нашего города придется потуже затянуть пояса. И нам с вами хватит работы, уж коли мы занимаемся охраной порядка. Мне не нужно говорить вам, что случится, если начнутся бунты, поджоги и тому подобное. Мы не можем рассчитывать на какую-либо помощь извне, потому что у армии куча других дел. Именно вам придется заниматься всем этим. Причем в пешем строю. Не осталось ни одного годного вертолета: у них сломаны детали, узлы или лопасти, а запчастей нет. На вас ложится большая ответственность. На вас рассчитывают тридцать пять миллионов людей, живущих в этом городе. Если вы не хотите, чтобы они умерли с голоду… выполняйте задание. Ну, есть вопросы?

По рядам пронесся шепот, затем один полицейский нерешительно поднял руку. Дуайер кивнул.

— Сэр, а как насчет воды?

— Эта беда скоро будет ликвидирована. Ремонт-

ные работы на акведуке почти завершены, и воду пустят самое большее через неделю. Но по-прежнему сохранится нормирование, поскольку имеет место снижение уровня грунтовых вод на Лонг-Айленде и очень низок уровень в резервуарах. И это приводит к еще одной проблеме. Мы каждый час передаем по телевидению предупреждения, мы поставили в порту столько охраны, сколько только смогли. Но люди по-прежнему пьют речную воду. Не знаю, как они это могут делать, — чертова река превратилась в настоящую канализационную трубу, — но они это делают. И причем не кипятят ее, что равносильно самоубийству. В больницах зафиксировано множество случаев дизентерии и тифа и бог знает чего еще. А до конца зимы дела будут обстоять еще хуже. На доске объявлений вывешен список симптомов этих заболеваний, и я хочу, чтобы вы их запомнили наизусть, смотрели во все глаза и докладывали в управление здравоохранения обо всех подозрительных случаях. Сделайте прививки — и вам не о чем беспокоиться. В управлении есть все необходимые вакцины. — Дуайер наклонил голову, прислушиваясь к шепоту в ближайших рядах, и нахмурился. — По-моему, кто-то сказал «государственный чиновник». Может быть, мне

послышалось. Однако давайте с этим разберемся. Это выражение выдумали коммуняки, и в том смысле, в котором они его употребляют, оно означает, что тот, кто доводит линию партии до масс, продает им прошлогодний снег, всякую чушь. Но в этой стране мы работаем совсем по-другому. Возможно, я государственный чиновник, но я говорю вам правду, чтобы вы могли выйти на улицу и выполнять свою работу. Есть еще вопросы?

В рядах царило молчание. Вопросов не было, и Энди неохотно поднял руку.

— Да? — сказал Дуайер.

— Сэр, что делать с рынками? — спросил Энди, и все повернулись к нему. — Блошиный рынок на Мэдисон-сквер, там полно продуктов, рынок в Грамерси-парке…

— Хороший вопрос: сегодня это самые горячие точки. Большинство из вас будут сегодня дежурить на этих рынках или недалеко от них. Наверняка возникнут недоразумения у складов, когда их не откроют, и еще будут проблемы на Юнион-сквер с этими стариками — они всегда бузят. — Его слова были встречены одобрительным смехом. — Магазины распродадут все, что есть, и закроются, об этом мы позаботимся, но рынки нельзя контролировать точно так же.

Продукты питания можно будет купить только там, и люди очень быстро это поймут. Смотрите во все глаза и, если что-нибудь начнется, тут же примите решительные меры, чтобы пламя не перекинулось дальше. У вас есть дубинки и газ; используйте их, если возникнет необходимость. У вас есть пистолеты, но их лучше не вынимать из кобуры. Нам не нужна стрельба без разбору, от этого будет только хуже.

Больше вопросов не последовало. Детектив Дуайер ушел до того, как всем выдали персональные задания, и больше его не видели. Когда стражи порядка вышли на улицу, дождь почти прекратился, и город окутал плотный холодный туман. У обочины стояли два грузовика с брезентовыми крышами и старый городской автобус, выкрашенный в грязный оливковый цвет. Половина окон в нем была забита фанерой.

— Оплачивайте проезд! — крикнул Стив, входя вслед за Энди в автобус. — Интересно, откуда достали такой антиквариат.

— Из городского музея, — ответил Энди. — И эти гранаты тоже. Ты их видел?

— Я их пересчитал, к твоему сведению, — сказал Стив, плюхаясь на потрескавшееся пластиковое сиденье рядом с Энди.

У обоих на коленях лежали ранцы с гранатами. Энди открыл свой и вынул зеленую коробку.

— Читай, — сказал он, — если умеешь.

— Я учился в колледже, — пробурчал Стив, — я могу читать по-ирландски так же хорошо, как и по-американски. «Граната, под давлением… слезоточивый газ… МОА — триста девяносто семь…»

— Самая заметная надпись внизу.

— «Герметически закрыто в арсенале Сент-Луиса, апрель одна тысяча девятьсот семьдесят четвертого года». Ну и что? У этой ерунды нет срока годности, она не портится.

— Не думаю. Из слов нашего государственного чиновника следует, что нам они сегодня могут понадобиться.

— Ничего не будет. Для беспорядков чересчур сыро.

Автобус с дребезжанием остановился на углу Бродвея и Уорт-сквер. Лейтенант Грассиоли ткнул пальцем в Энди и кивнул на дверь.

— Ты интересуешься рынками, Раш. Будешь патрулировать отсюда до Двадцать третьей. Кулозик, ты тоже.

Дверь со скрипом закрылась, и автобус медленно двинулся сквозь толпу. Люди шли по тротуару и по проезжей части, наталкиваясь друг на друга

и не обращая на это внимания, — постоянно меняющееся, но совершенно однородное море людей. Вокруг двух детективов сразу образовалось пустое пространство. Полиция никогда не пользовалась особой популярностью, а полицейских в шлемах, с метровыми дубинками, заполненными свинцом, просто боялись. Свободное пространство двигалось вместе с ними. Они пересекли Пятую авеню и направились к мемориалу Вечного света, теперь погасшему из-за нехватки горючего.

— Почти восемь, — сказал Энди. Его глаза непрерывно осматривали окружающих. — Пункты социальной помощи обычно открываются в это время. Думаю, что сообщение по телевидению передали вовремя.

Они медленно зашагали к Двадцать третьей улице по мостовой, поскольку прилавки блошиного рынка заполнили весь тротуар.

— Втулки, втулки, самые лучшие втулки! — нудил какой-то торговец, когда они проходили мимо, — маленький человечек, который почти терялся в складках огромного плаща, его бритая голова высовывалась из воротника, словно голова стервятника из кольца перьев. Он вытер сопливый нос грязной ладонью и показался

совсем уж каким-то слабоумным. — Покупайте втулки, господа офицеры, самые лучшие, из них получаются отличные чашки, кастрюли, супницы, ночные горшки — все, что угодно…

Они прошли мимо, и крики утихли позади. К девяти часам что-то изменилось, казалось, в воздухе повисло какое-то напряжение. Голос толпы как будто стал громче, и она волновалась, словно закипающая вода. Когда детективы шли обратно мимо лотка со втулками, то не увидели большей части товара на прилавке, осталось лишь несколько ржавых изделий, на которые даже вор не позарится. Торговец всем телом прикрывал свое имущество, уже не зазывая покупателей. Он не двигался, только глаза его тревожно бегали.

— Слышишь? — воскликнул Энди, и они оба повернулись в сторону рынка. Раздался злобный крик, к нему присоединились другие. — Пошли посмотрим, — сказал Энди, устремляясь к узкому проходу между прилавками.

Толпа плотно забила весь проход между лотками и тележками и зашевелилась лишь тогда, когда детективы начали свистеть в свистки. Пришлось взяться за дубинки — и вскоре Энди со Стивом удалось пробраться к месту происшествия. Посреди толпы находилось три прилавка,

где обычно продавали крекеры. Один из них был перевернут, и печенье из водорослей валялось на земле.

— Они подняли цену! — кричала какая-то тощая старуха. — Незаконно подняли цену! За крекеры они требуют вдвое больше!

— Нет никакого закона! Мы можем просить, сколько захотим! — заорал в ответ хозяин прилавка, размахивая перед собой куском кабеля.

Он готов был отдать жизнь, защищая свой товар — ломаные крекеры. Печенье из морских водорослей было самой дешевой и самой невкусной едой, которую когда-либо потреблял человек.

— Ты не имеешь права, подлая твоя душа, такие цены не пойдут! — крикнул какой-то мужчина, и толпа заволновалась и подалась вперед.

Энди что было сил засвистел в свисток.

— Разойдитесь! — заорал он. — Я сейчас все улажу, только разойдитесь! — Стив встал лицом к толпе, размахивая перед собой дубинкой, а Энди повернулся к торговцу и заговорил с ним, понизив голос: — Не будь идиотом. Снижай цену и быстро распродавай товар…

— Я могу запрашивать цену, какую хочу. Нет такого закона… — возразил он, но сразу осекся, когда Энди ударил дубинкой по прилавку.

— Верно… на рынке свои законы. Ты что, хочешь потерять все и свою дурную башку в придачу? Назначь цену и быстро все распродавай, потому что, если ты этого не сделаешь, я просто уйду, и эти люди сделают с тобой все, что захотят.

— Он прав, Эл, — сказал продавец у соседнего прилавка. Он прислушивался к тому, что говорил Энди. — Распродавай все и убирайся отсюда по-добру-поздорову. Иначе они нас растопчут. Я уже сбросил цену.

— Ты слизняк… а бабки? — запротестовал Эл.

— Дурак! А дырка в голове, если мы поступим иначе? Я продаю.

Шум по-прежнему не утихал, но, как только крекеры стали дешевле, появилось множество желающих их купить, и единство толпы рухнуло. Послышались крики из другого места — со стороны Пятой авеню.

— Здесь все в порядке, — сказал Стив. — Пошли дальше.

Большинство лавок было заперто, прилавки опустели.

Свободные места заняли владельцы тележек и начали бойко торговать. Какая-то женщина в разорванной одежде лежала, всхлипывая, на обломках прилавка, а ее товар — вареные бобы

— был полностью растащен.

— Паршивые фараоны! — прорыдала она, когда они проходили мимо. — Почему вы их не остановили? Паршивые фараоны!

Они прошли, не обратив на нее внимания, и оказались на Пятой авеню. Толпа бурлила и гудела, и блюстителям порядка с трудом удалось пробиться сквозь нее.

— Слышишь? — спросил Стив. — Поют будто.

Толпа в едином порыве устремилась от центра города. С каждой секундой пение становилось громче, его перекрывал зычный, резкий голос запевалы, раздававшийся из громкоговорителя:

Раз, два, три – помощи не жди;

Четыре, пять, шесть – нечего нам есть.

— Старики, — сказал Энди. — Они опять идут маршем на Таймс-сквер.

— Выбрали для этого подходящий день, сегодня столько происшествий.

Когда появились первые участники марша, люди, шедшие навстречу, столпились на тротуаре, уступая дорогу. Впереди шагали молодые люди в форме и размахивали дубинками. За ними шли старики, возглавляемые Малышом Ривзом.

Слегка хромая, он шел впереди с портативным громкоговорителем на батарейках, серой металлической трубой, в мундштук которой был встроен микрофон. Он поднес ее ко рту, и многократно усиленный голос загремел над толпой:

— Вы все, стоящие на тротуарах, присоединяйтесь к нам! Идите вместе с нами! Участвуйте в нашем марше протеста! Мы боремся не только за самих себя, но и за вас всех. Если вы пожилые граждане, вы в глубине души вместе с нами, поскольку мы проводим этот марш, чтобы помочь вам. Если вы моложе, вы должны понять, что мы хотим помочь вашим матерям и отцам добиться помощи, которая когда-нибудь понадобится и вам…

Огромная толпа людей вышла с Двадцать четвертой улицы и оказалась на пути марширующих. Задние ряды напирали, не видя, что делается впереди. Старики замедлили шаг и наконец остановились перед людской волной. Вдалеке раздавались резкие свистки полицейских, а патрульные, шедшие впереди колонны стариков, тщетно старались приостановить наплыв людей. Вдруг из узкой Двадцать четвертой улицы появилось множество бегущих в панике людей. Они врезались в толпу и смешались с

авангардом стариков.

— Стойте! Стойте же! — гремел усиленный микрофоном голос Ривза. — Вы мешаете проведению марша, санкционированной демонстрации…

Появившиеся люди бросились к нему, и какой-то здоровенный мужчина, по лицу которого текла кровь, выхватил у него громкоговоритель.

— Отдай! — приказал он, и его слова усилились мегафоном.

Энди хорошо видел, что происходит, но ничего не мог сделать: толпа отделила его от Стива и отнесла назад, к шатким прилавкам.

— Отдай мне! — вновь раздался голос мужчины, перекрытый воплем Ривза, когда громкоговоритель с силой выдернули у него из рук.

— Они пытаются уморить нас голодом! — прогремел над толпой усиленный мегафоном голос. Побелевшие лица повернулись к нему. — Пункты социальной помощи ломятся от продуктов, но их заперли и не дают нам ничего. Откроем их и возьмем еду. Давайте их откроем!

Толпа одобрительно заревела и, ведомая злобным голосом, опять устремилась на Двадцать четвертую улицу, топча и толкая стариков. Толпа превратилась в стадо. Людей нужно было остановить во что бы то ни стало, иначе массовые

беспорядки были неминуемы. Группа стариков окружила раненого Ривза, который что-то кричал, но в общем гаме слов не было слышно. Левой рукой он придерживал предплечье правой, которая висела как плеть — наверное, была сломана. Энди пытался выбраться из этой давки, но понимал, что это ему вряд ли удастся, — стадо уносилось прочь все быстрее.

— …сохраняя продукты для себя. Кто-нибудь видел тощего полицейского? А политики едят наши продукты, и им наплевать, что мы подыхаем с голоду!

Слушая подстрекательские слова, люди звереле все больше и больше. Энди рывком открыл ранец и вытащил гранату. Они взрывались и выпускали облако газа через три секунды после того, как выдергивалось кольцо. Энди сорвал кольцо, затем выпрямился и бросил гранату в сторону мужчины с громкоговорителем. Зеленая коробка описала высокую дугу, упала в толпу рядом с ним — и не взорвалась.

— Гранаты! — проревел мужчина. — Легавые пытаются нас прикончить, чтобы нам не досталось еды. Им нас не остановить… Вперед… вперед! Гранаты!

Энди выругался и вытащил еще одну гранату,

потом отогнал от себя дубинкой людей, вытащил кольцо и, прежде чем бросить, сосчитал до двух.

Граната взорвалась с глухим хлопком почти над головой мужчины с громкоговорителем. Толпа колыхнулась, ослепленные слезоточивым газом люди пытались убежать от ядовитого облака.

Энди вытащил из ранца противогаз и быстро, как на учениях по гражданской обороне, натянул его.

Хотя вся операция по надеванию противогаза заняла не более трех секунд, обстановка вокруг драматическим образом изменилась. Люди бежали во все стороны, пытаясь спастись от облака газа, которое плыло тонкой дымкой над дорогой.

Те, кого оно настигло, лежали на мостовой или сгибались в три погибели в неудержимых приступах рвоты. Газ был сильнодействующий.

Энди подбежал к человеку, выхватившему громкоговоритель. Тот стоял на четвереньках, ослепленный и отплевывающийся, но крепко держал в руке мегафон и ругался в него в промежутках между спазмами. Энди попытался вырвать у него громкоговоритель, но тот стал неистово отбиваться, держа его мертвой хваткой. Наконец Энди огрел его дубинкой по голове…

Человек рухнул на грязную мостовую, и Энди схватил мегафон.

Самое тяжелое позади. Энди поскреб ногтем по поверхности микрофона, раздалось громкое скрежетание — эта штука все еще работала. Энди глубоко вздохнул и сорвал с лица противогаз.

— Говорит полиция! — сказал он, и лица людей повернулись на его голос. — Все закончилось. Спокойно расходитесь по домам, все закончилось. Если вы будете благоразумны, газ больше применяться не будет. — Энди боролся с тошнотой, подкатывающей к горлу. — Обстановку контролирует полиция, беспорядки закончились…

Он закрыл микрофон рукой и согнулся пополам в приступе рвоты.

Глава 3

Нью-Йорк был на краю гибели. Каждый запертый склад окружали толпы людей, которые были голодны, напуганы и искали виновных. Гнев звал людей бунтовать. Хлебные бунты грозили превратиться в водяные. Грабеж мог начаться повсюду. Полиция как могла отбивалась, храня тончайший барьер между гневным протестом и кровавым хаосом.

В первый вечер беспорядки остановили полицейские дубинки, а когда они не помогали, толпы разгонял газ. Напряжение возрастало, поскольку люди собирались вновь в другом месте. Струи воды из машин по борьбе с беспорядками быстро остановили мятежников, когда они попытались захватить пункты социальной помощи, но машин не хватало, да и воды было не так много, чтобы заполнять опустевшие баки. Управление здравоохранения запретило пить речную воду: это было смерти подобно. Тот минимум воды, что имелся в наличии, был крайне необходим для тушения пожаров, вспыхивающих в разных частях города. Когда улицы во многих местах были блокированы, пожарные машины не могли пробиться напрямую к местам пожаров, и им приходилось ехать кружным путем. Некоторые пожары охватили целые районы, и к полудню все машины находились на тушениях.

Первый пистолет выстрелил в начале первого ночи. Им воспользовался охранник управления социальной помощи, который убил человека, выбившего окно в продуктовом складе на Томпкинс-сквер и пытавшегося туда забраться. Это был первый, но далеко не последний выстрел, да и первый убитый оказался не последним.

Летающая проволока окружила некоторые из районов беспорядков, но ее было мало. Когда ее запасы кончились, вертолеты беспомощно кружили над бурлящими улицами и служили полиции лишь постами воздушного наблюдения, обнаруживая места, куда необходимо было перебросить подкрепление. Занятие было совершенно бесполезным, поскольку никакого резерва не было — все находились на передовой.

После первого столкновения на Мэдисон-сквер все остальное не производило на Энди сильного впечатления. Остаток дня и большую часть ночи он, как и все городские полицейские, противостоял насилию и сам применял насилие, чтобы восстановить законность и порядок в городе, раздираемом сражениями. Единственная возможность немного отдохнуть появилась у него, когда он пал жертвой им же самим примененного газа и ему удалось добраться до санитарной машины, где ему оказали помощь. Ему промыли глаза и дали таблетку. Он лежал внутри машины на носилках, прижимая к груди шлем, гранаты и дубинку, и медленно приходил в себя. Водитель машины сидел у двери на других носилках с карабином тридцатого калибра, готовый охладить пыл любого, кто заинтересуется машиной

или дорогими хирургическими инструментами. Энди мог бы полежать и дольше, но в открытую дверь врывалась холодная морось, и его начало так сильно знобить, что зуб на зуб не попадал. Подняться на ноги, добрести до двери и спрыгнуть на землю оказалось очень трудно, но, начав двигаться, он почувствовал себя немного лучше, кроме того, ему стало теплее.

Нападение на центр социальной помощи сорвалось. Возможно, помогло то, что он сумел отобрать громкоговоритель.

И Энди медленно побрел к ближайшей группе фигур в синей форме, морща нос от мерзкого запаха своей одежды.

Усталость не покидала его; он помнил лишь орущие рты, бегущие ноги, звуки выстрелов, крики, хлопанье газовых гранат, какой-то тяжелый предмет, попавший ему в руку, где моментально появился огромный синяк.

Вечером начался дождь; потоки холодной воды вперемешку со снегом, а не полиция, прогнали людей с улиц. Однако когда толпы разошлись, полиция обнаружила, что ее работа только начинается. Зияющие окна и выломанные двери нужно было охранять, нужно было искать раненых и оказывать им помощь, тогда как по-

жарному управлению требовалось содействие в тушении многочисленных пожаров. Это продолжалось всю ночь, а на рассвете Энди обнаружил, что лежит на скамейке в своем участке, и услышал, как его имя называет по списку лейтенант Грассиоли.

— И это все, о чем можно пожалеть, — добавил лейтенант. — Получите пайки перед уходом и сдайте обмундирование и снаряжение. В восемнадцать ноль-ноль всем быть здесь — и никакие извинения мне не нужны. Неприятности у нас еще не закончились.

Ночью дождь прошел. Утреннее солнце бросало длинные золотистые блики на влажный черный асфальт. На углу Седьмой авеню валялось два разломанных велотакси, с которых уже сняли все пригодные детали, а в нескольких метрах от них лежал человек. Казалось, он спал, но, когда Энди подошел ближе, он понял, что человек мертв. Не останавливаясь, Энди пошел дальше; сегодня санитарное управление будет убирать трупы.

Первые «пещерные люди» выходили из метро, щурясь от солнечного света. Летом все смеялись над «пещерными людьми» — теми, кому управление социального обеспечения разрешило жить на станциях не работавшего ныне метрополи-

тена, — но, когда наступили холода, зубоскалам стало не до смеха. Вероятно, там, внизу, мерзко, грязно и темно, но зато всегда включено несколько электронагревательных приборов. Конечно, они не роскошествовали, но, по крайней мере, не замерзали. Энди свернул в свой квартал.

Поднимаясь по ступенькам, он несколько раз наступил на спавших, но так устал, что не обратил на это внимания. Он долго не мог попасть ключом в замочную скважину; его сопение услышал Сол и открыл дверь.

— Я только что сварил суп, — сказал Сол. — Ты пришел как раз вовремя.

Энди достал из кармана пальто остатки крекеров и высыпал на стол.

— Наворовал? — спросил Сол, кладя кусочек в рот. — А я думал, что еще дня два не будут выдавать ни крошки.

— Полицейский паек.

— Это по-честному. Нельзя же колошматить своих сограждан на пустой желудок. Я кину парочку-другую в суп, пусть будет понаваристее. Скорее всего, ты вчера не смотрел телевизор и поэтому не знаешь об игрищах в конгрессе. Зрелище в самом деле захватывающее…

— Ширли еще не проснулась? — перебил его

Энди, сбрасывая пальто и тяжело опускаясь в кресло.

Сол немного помолчал, потом медленно произнес:

— Ее нет.

Энди зевнул:

— Еще очень рано. Куда она пошла?

— Она ушла не сегодня, Энди, — ответил Сол, стоя спиной к Энди и помешивая суп. — Она ушла вчера, через пару часов после тебя. И до сих пор не возвращалась…

— Ты хочешь сказать, что во время всех этих беспорядков она была на улице… и в прошлую ночь тоже? И что же ты сделал? — Он выпрямился, забыв об усталости.

— А что я мог сделать? Выйти на улицу и попасть под ноги толпы, как эти старые чудаки? Могу поспорить, что с ней все в порядке. Вероятно, она увидела, что творится, и решила остаться у друзей и не возвращаться пока.

— Каких друзей? О чем ты говоришь? Ее нужно найти.

— Сядь! — приказал Сол. — Не суетись! Поешь супа и немного поспи. Это лучшее, что ты можешь сделать. С ней все будет в порядке. Уж я-то знаю, — неохотно добавил Сол.

— Что ты знаешь, Сол? — спросил Энди, хватая его за плечи и поворачивая лицом к себе.

— Не пытайся управлять рыночными отношениями! — заорал Сол, скидывая с плеч его руки. Затем спокойно добавил: — Я знаю, что она вышла отсюда не просто так, у нее была причина. Она надела свое старое пальто, но под ним я заметил шикарное платье. Нейлоновые чулки. На ногах целое состояние. А когда она прощалась со мной, я увидел, что она накрасилась.

— Сол… что ты хочешь сказать?

— Я не хочу… я говорю. Она была одета так, будто собралась к кому-то в гости, а не за покупками. По-видимому, она ушла, чтобы с кем-то встретиться. Может, со своим папашей… Могла же она пойти к нему в гости.

— Зачем ей нужно с ним встречаться?

— Это я у тебя должен спросить. Ведь ты же с ней поругался? Может, она ушла, чтобы прийти в себя.

— Поругался… Да-да. — Энди снова упал в кресло, сжав ладонями голову. Это было прошлой ночью? Нет, позапрошлой. Казалось, сто лет прошло с той глупейшей ссоры. — Она ничего с собой не взяла? — спросил он.

— Только маленькую сумочку, — ответил Сол

и поставил на стол тарелку с супом. — Ешь. Я себе тоже сейчас налью. — Немного помолчав, он добавил: — Она вернется.

Энди слишком устал, чтобы спорить, да и что он мог сказать? Он машинально ел суп, почувствовав, что очень голоден. Он ел, положив локоть на стол, другой рукой подпирая голову.

— Ты бы только послушал вчерашние речи в сенате, — сказал Сол. — Самая забавная комедия на свете. Они пытались пропихнуть закон о чрезвычайном положении — чрезвычайном… он уже лет сто готовится. Они обсуждали всякую ерунду, но о главном не сказали ни слова. — Он заговорил с сильным южным акцентом: — «Перед лицом бэдственного положения мы предлагаем обратить взоры к несмэтным богатствам вэличайшего бассейна и дельты самой могучей из рэк, Миссисипи. Плотины и каналы, э, наука, э… и у вас будут богатэйшие пахотные земли в западном мире!» — Сол сердито подул на суп. — Они говорили об этом тысячу лет назад. Но разве кто-нибудь сказал об истинной причине принятия закона о чрезвычайном положении? Нет. За все эти годы они так и не набрались смелости, чтобы прямо сказать правду, поэтому и прикрываются всякими поправками и несущественными вопросами.

— О чем ты говоришь? — спросил Энди, слушая вполуха.

— О контроле над рождаемостью, вот о чем. Все-таки они в конце концов сподобились открыть клиники для всех — замужних и нет — и приняли закон о том, что все матери должны иметь информацию о контроле над рождаемостью. Боже, какой скулеж поднимется, когда пуритане узнают об этом!

— Только не сейчас об этом, Сол. Я устал. А Ширли сказала, когда вернется?

— Я рассказал тебе все… — Он осекся и прислушался к звуку шагов в коридоре. Кто-то остановился у двери, и послышался легкий стук.

Энди бросился к двери и распахнул ее.

— Ширли! — сказал он. — У тебя все в порядке?

— Да, конечно… у меня все отлично.

Он так крепко прижал ее к себе, что у нее перехватило дыхание.

— С этими беспорядками… я не знал, что и думать, — сказал он. — Я сам пришел лишь несколько минут назад. Где ты была? Что случилось?

— Я просто захотела уйти на некоторое время — вот и все. — Она сморщила нос. — Что это за запах?

Он поспешно отошел от нее.

— Я наглотался рвотного газа и чуть не задохнулся. Я не мог освободиться. Что значит — захотела на некоторое время уйти?

— Дай хоть снять пальто.

Энди пошел за ней в комнату и плотно затворил за собой дверь. Она вынула из сумочки туфли на высоком каблуке и положила их в шкаф.

— Ну? — сказал он.

— Не надо ничего усложнять. Я чувствовала здесь себя пойманной, как в клетке, со всеми этими нехватками, авариями, холодами и прочим, да еще без тебя. Мне было очень плохо после нашей ссоры. Показалось, что все идет как-то не так. Поэтому я подумала, что если я наряжусь и схожу в какой-нибудь ресторан, из тех, где я была раньше, то мне, может быть, станет лучше. Просто выпить чашечку кофе. Понимаешь, смена обстановки… — Она посмотрела на его непроницаемое лицо и быстро отвела глаза в сторону.

— А что было потом? — спросил он.

— Я не на допросе, Энди. Зачем этот обвинительный тон?

Он повернулся к ней спиной и стал смотреть в окно.

— Я ни в чем тебя не обвиняю, но… тебя же не

было дома всю ночь. Что я, по-твоему, должен думать?

— Ну, ты же знаешь, что вчера творилось. Я побоялась возвращаться. Я была в ресторане «Керли»...

— Мясной кабак?

— Да, но если ничего не есть, то выходит не очень дорого. Кучу денег стоит только еда. Я встретила там знакомых, и мы болтали. Потом они отправились на вечеринку и пригласили меня с собой. И я поехала. Мы узнали по телевизору о беспорядках, и никто не захотел уходить. Поэтому вечеринка затянулась на всю ночь. Очень много людей осталось, и я вместе с ними.

Она сняла платье и повесила на вешалку. Потом надела шерстяные рейтузы и теплый свитер.

— И это все, чем ты занималась всю ночь?

— Энди, ты устал. Почему бы тебе немного не поспать? Мы поговорим об этом в другой раз.

— Я хочу поговорить об этом сейчас.

— Ну пожалуйста, больше же нечего сказать...

— Нет, есть. В чьей квартире все это происходило?

— Какого-то незнакомого мне человека. Он не был приятелем Майка, я просто иногда встречала его на вечеринках.

— Так хозяин — мужчина? — Воцарилось напряженное молчание, пока его не нарушил вопрос Энди: — Ты провела ночь с ним?

— Ты в самом деле хочешь знать?

— Конечно, я хочу знать. Зачем, по-твоему, я спрашиваю? Ты с ним спала?

— Да.

Спокойствие в ее голосе и внезапность ответа ошеломили его, но ведь он и не надеялся получить иной ответ. Он долго молчал, не находя слов, и наконец спросил:

— Зачем?

— Зачем? — Внезапно ее охватил гнев. — Зачем? А какой у меня был выбор? Я поела и выпила, нужно было платить. Чем еще я должна была расплатиться?

— Прекрати, Ширли, ты была…

— Какой? Честной? Я должна была оставаться здесь, хоть и не сплю с тобой?

— Это совсем другое.

— Да? — Ее начало колотить. — Энди, я надеюсь, что так оно и есть, так должно быть… но больше я просто ничего не знаю. Я хочу, чтобы мы были счастливы. Не знаю, почему мы ссоримся. Я этого совсем не хочу. Все идет как-то не так. Если бы ты почаще бывал здесь, со мной…

— Мы обсудим это как-нибудь вечером. У меня работа… что я могу поделать?

— Ничего, думаю, больше ничего… — Она сцепила пальцы, чтобы они не тряслись. — Иди поспи, тебе нужно отдохнуть.

Она вышла в другую комнату, и он не шелохнулся, пока дверь не захлопнулась. Потом он пошел за ней, но остановился и сел на край кровати. Что он мог ей сказать? Он медленно стянул башмаки и одетым лег в кровать, накрывшись с головой одеялом. Усталый и вымотанный, он долго не мог уснуть.

Глава 4

Люди боялись выходить на улицу, пока не рассвело, и очередь за водой этим утром была очень короткой. Однако когда Ширли заняла место в очереди, на улице уже было много народа. Когда она получила свою норму воды, солнце поднялось уже высоко.

Ширли каждый день встречалась с миссис Майлс. Приходившая первой занимала очередь, а потом они вместе возвращались домой. Миссис Майлс всегда брала с собой маленького сына, который, похоже, все еще болел этим самым

квошем. Очевидно, ее муж нуждался в богатом белками гороховом масле больше, чем ребенок. Норму воды увеличили. Это так обрадовало Ширли, что она не обращала внимания на тяжесть и боль в спине. Теперь воды хватало даже на умывание и мытье посуды. Водоразборные колонки должны были открыться самое позднее в середине ноября, а это уже скоро.

В это утро, как обычно, Ширли вернулась раньше восьми и, войдя в квартиру, увидела, что Энди уже одет и собирается уходить.

— Поговори с ним, Ширли, — сказал Энди. — Убеди его, что он становится идиотом. Должно быть, возраст сказывается.

Он поцеловал ее на прощание и собрался уходить. Со времени той ссоры прошло три недели, и внешне все казалось таким же, как и раньше, но внутри что-то изменилось, некое ощущение уверенности — или, может быть, любви — было разрушено. Об этом они не говорили.

— Что опять не так? — спросила она, стаскивая верхнюю одежду, в которую была укутана.

Энди остановился на пороге.

— Спроси Сола. Я уверен, что он с радостью расскажет все в мельчайших подробностях. Но когда он закончит, вспомни одну вещь. Он не прав.

— У каждого человека свое мнение, — невозмутимо ответил Сол, смазывая гуталином из допотопной банки еще более допотопные армейские ботинки.

— Мнение тут ни при чем, — сказал Энди. — Ты просто напрашиваешься на неприятности, ищешь приключений себе на голову. До вечера, Ширли. Если все будет тихо, как вчера, я долго не задержусь.

Дверь захлопнулась, и Ширли заперла ее на замок.

— О чем он говорил? — спросила она, грея замерзшие руки над брикетом морского угля, тлеющим в плите. Было холодно и промозгло, от сильного ветра дребезжало стекло в оконной раме.

— Он говорит о протесте, — сказал Сол, с удовольствием рассматривая до блеска начищенный черный ботинок. — Точнее, он высказывается против протеста. Ты слышала про закон о чрезвычайном положении? Его всю прошлую неделю обсасывали по телевизору.

— Тот, что они называют законом о детоубийстве?

— Они?! — заорал Сол, сердито полируя ботинок. — Кто они? Сборище бездельников — вот

кто они такие. Люди со средневековым соображением, вечно идущие по проторенной дорожке. Другими словами, задницы.

— Но, Сол… нельзя же заставить людей делать то, во что они не верят. Большинство из них все еще думают, что это имеет какое-то отношение к убийству детей.

— Они думают неправильно. Разве я виноват, что мир полон болванов? Ты прекрасно знаешь, что контроль над рождаемостью не имеет ничего общего с убийством детей. В сущности, он их спасает. Что лучше: давать детям умирать от болезней и голода или следить за тем, чтобы лишние дети вообще не рождались?

— Если так рассуждать, то вопрос выглядит по-другому. А ты не забываешь о законах природы? Разве контроль над рождаемостью не является их нарушением?

— Милая моя, вся история медицины есть история нарушения законов природы. Церковь — как протестантская, так и католическая — пыталась приостановить использование анестезирующих средств, потому что по закону природы женщина должна рожать детей в муках. И то, что люди должны умирать от болезней, — закон природы. И то, что человеческое тело нельзя разрезать и

что-то там чинить, — тоже закон природы. Был даже один парень по имени Бруно, которого сожгли на костре, потому что он не верил в абсолютную истину и законы природы вроде этих. Когда-то все было против законов природы, и теперь контроль над рождаемостью присоединяется к этому всему. Потому что большинство наших бед проистекает из того факта, что в мире чересчур много людей.

— Это слишком просто, Сол. В действительности существует не только черное и белое…

— О да, это так, но никто не хочет этого признавать. Послушай, сегодня мы живем в страшно паршивом мире, и все наши беды происходят по одной-единственной причине. Чертовски много народу. Как так вышло, что до сих пор у нас ни разу не возникло проблемы перенаселения?

— Не знаю… никогда об этом не задумывалась.

— И не только ты одна. Причина — оставим в стороне войны, потопы, землетрясения и подобные несущественные вещи — заключалась в том, что смерть косила людей. Умирало множество грудных младенцев, множество детей, а остальные умирали очень молодыми. Кули в Китае жил, питаясь одним рисом, и обычно умирал, когда ему не исполнялось еще и тридцати лет.

Я слышал об этом вчера вечером по телевизору, и я этому верю. А один из сенаторов прочитал из азбуки — это такой учебник, по которому учили детей в колониальной Америке, — что-то вроде «будь добр к своим младшим братьям и сестрам, и они не пробудут с тобой слишком долго». Они размножались как мухи и умирали как мухи. Сколько детей умирало… Боже! И не так уж давно, надо сказать. В тысяча девятьсот сорок девятом году после демобилизации я побывал в Мексике. Дети там умирали от таких болезней, о которых ни ты, ни я даже и не слыхали. Там никогда не крестили детей младше года, потому что большинство из них к тому времени умирали, а крещение стоило кучу денег. Вот почему у них никогда не было проблемы перенаселения. Раньше весь мир был одной большой Мексикой, размножаясь, умирая и сохраняя равновесие.

— Так что же изменилось?

— Я тебе скажу, что изменилось. — Он потряс ботинком у нее перед носом. — Современная медицина. Все стало возможно вылечить. Избавились от малярии, а также и от других болезней, которые убивали людей молодыми и притормаживали прирост населения. Появился контроль над смертностью. Старики стали жить дольше.

Стало выживать больше детей, которые раньше бы умерли, теперь они превратились в стариков, которые живут еще дольше. Люди появляются в этом мире с бешеной скоростью, но, увы, не уходят из него так же быстро. На каждых двух умерших приходится трое новорожденных. Население без конца удваивается — и скорость все время возрастает. Человеческая чума заразила наш мир. У нас стало больше людей, и они живут дольше. Нужно, чтобы рождалось меньше людей — вот решение проблемы. У нас есть контроль над смертностью, мы должны сбалансировать с ним и контроль над рождаемостью.

— Я все-таки не понимаю, как это может получиться, если люди по-прежнему думают, что это имеет какое-то отношение к убийству детей.

— Прекрати ты говорить про мертвых детей! — заорал Сол и кинул ботинок в другой конец комнаты. — Никакие дети не имеют к этому ни малейшего отношения — ни живые, ни мертвые. Так думают лишь безмозглые идиоты, которые слышали звон, да не знают, где он. О присутствующих мы не говорим, — добавил он не слишком искренне. — Как можно убить кого-то, кто никогда не существовал? Мы все — победители в овариальных гонках, однако я никогда не слы-

шал, чтобы кто-нибудь сокрушался по поводу — ты извини меня за биологический термин — сперматозоидов, проигравших в этих соревнованиях.

— Сол… о чем ты говоришь?

— Об овариальных гонках. Всякий раз, когда нужно оплодотворить яйцеклетку, миллионы сперматозоидов стремятся обогнать друг друга и выполнить эту работу. Лишь один из них побеждает в этой гонке, а остальные остаются с носом. Кого-нибудь волнует это? Ответ один — нет. Так что же такое все эти сложные графики, колпачки и пилюли, используемые для контроля над рождаемостью? Не что иное, как способы проследить, как бы эти сперматозоиды не натворили чего. Так при чем здесь дети? Я не вижу никаких детей.

— Когда ты так излагаешь, мне тоже кажется, что они здесь ни при чем. Но если это так просто, как получилось, что до сих пор ничего не было предпринято?

Сол глубоко вздохнул, мрачно подобрал ботинок и вновь принялся его чистить.

— Ширли, — сказал он, — если бы я мог ответить, завтра бы меня, вероятно, сделали президентом. Ничто никогда не бывает просто, когда нужно отыскать ответ. У всех свои собственные

идеи, их проталкивают, посылая к черту остальные. Такова история рода человеческого. Когда-то она вознесла нас на вершину, а сейчас сбросила нас оттуда. Люди будут мириться с любыми неудобствами, и с детской смертностью, и со старением в тридцать лет, пока все будет по-старому. Попробуй заставить их измениться — и они станут с тобой драться, даже умирая, будут твердить, что то, что было хорошо для их дедушек, хорошо и для них. Когда в Мексике опрыскивали дома ДЦТ, чтобы уничтожить москитов, которые являются переносчиками малярии, убивающей людей, приходилось использовать войска, чтобы сдерживать людей, пытающихся туда немедленно вернуться. Местным жителям не нравилась эта белая ерунда на мебели, она выглядела некрасиво. Я видел это своими собственными глазами. Контроль над смертностью появился незаметно, и люди о нем даже не узнали. Врачи пользовались все более современными лекарствами, качество питьевой воды улучшалось, работники здравоохранения следили за тем, чтобы болезни не распространялись. Все это появилось словно само собой, этого никто не заметил. И теперь в мире слишком много людей. И что-то в этом отношении нужно делать. Но сделать что-то

означает, что люди должны измениться, должны предпринять какое-то усилие, воспользоваться своим рассудком, а это большинству людей не под силу.

— Да, это будет вмешательством в личную жизнь, Сол. Вот так просто сказать людям, что они не могут иметь детей…

— Прекрати! Мы опять начинаем возвращаться к этим мертвым детям! Контроль над рождаемостью не подразумевает никаких детей. Он лишь означает, что у людей есть выбор, как жить. Как управляемые одними инстинктами, бездумно размножающиеся животные или как разумные существа. Будет в семье один, два или три ребенка — какая рождаемость удержит население земного шара на постоянном уровне и создаст благоприятные условия для нормальной жизни всех людей? Или будет четыре, пять или шесть, о которых не думают и не заботятся, которых растят в холоде, голоде и нищете? Как в этом мире за окном, — добавил он, показывая в окно.

— Если мир таков, как ты говоришь, тогда все бездумны и эгоистичны.

— Нет. Я лучшего мнения о человеческом роде. Им просто об этом никогда не говорили, и они рождались животными и умирали животными,

по крайней мере многие из них. Я виню вонючих политиков и так называемых общественных деятелей, которые избегали этого вопроса и скрывали его, потому что он спорен и вообще… Пройдут годы, прежде чем он решится, а мне хочется получить свое сейчас. Через столетие человечество сожрет все запасы полезных ископаемых, которые накапливались в течение миллионов лет, и никто наверху не прислушается к голосам, которые пытаются их предупредить. Они просто будут позволять нам чересчур много производить и чересчур много потреблять, пока не исчерпается нефть, пока не истощится пахотный слой, пока не срубят все деревья, не перебьют всех животных, не отравят землю. И нам придется смотреть на семь миллиардов людей, дерущихся из-за оставшихся крох, ведущих нищенский образ жизни — и по-прежнему бесконтрольно размножающихся. Поэтому я заявляю, что пришло время встать и сказать свое слово.

Сол сунул ноги в ботинки и крепко завязал шнурки. Потом надел теплый свитер, достал из шкафа изъеденный молью мундир. На оливковой ткани виднелись разноцветные нашивки, а под ними — медаль снайпера и значок военного училища.

— Похоже, сел, — пробормотал Сол, пыхтя и пытаясь застегнуть пуговицы на животе.

Затем он замотал шею шарфом и надел допотопное потрепанное пальто.

— Куда ты собрался? — огорченно спросила Ширли.

— Сделать заявление. Напроситься на неприятности, как сказал бы наш общий знакомый Энди. Мне семьдесят пять лет, и я достиг этого почтенного возраста, остерегаясь всяческих неприятностей, держа язык за зубами и не вылезая, как меня учили в армии. Возможно, в этом мире слишком много таких, как я, — не знаю. Возможно, я должен был высказать свой протест немного раньше, но я никогда не видел того, против чего мне хотелось бы протестовать, а сейчас я вижу. Сегодня столкнулись силы тьмы и силы света. Я собираюсь примкнуть к последним.

Он натянул на уши шерстяную шапочку и направился к двери.

— Сол, о чем ты вообще говоришь? Скажи мне, пожалуйста, — попросила Ширли, не зная, радоваться или плакать.

— Проводится демонстрация. Придурки под лозунгом «Спасите наших детей» идут к муниципалитету, протестуя против закона о чрезвычайном

положении. Проводится и еще один митинг — теми, кто выступает за этот закон, и чем больше там будет народа, тем лучше. Если много людей встанут и крикнут, их могут услышать. Возможно, тогда закон пройдет через конгресс. Возможно.

— Сол!.. — крикнула Ширли, но дверь захлопнулась.

Поздно ночью Энди с двумя санитарами притащили носилки, на которых лежал Сол. Он был мертвенно-бледен, без сознания и тяжело дышал.

— Произошла уличная потасовка, — сказал Энди. — Там был Сол. Его сбили с ног. У него сломано бедро. — Он устало и без улыбки посмотрел на Ширли. Носилки внесли в комнату. — Для старика это может оказаться очень серьезным, — сказал он.

Глава 5

На воде образовалась тоненькая корочка льда, она хрустнула и сломалась, когда Билли опустил туда канистру. Поднимаясь вверх по лесенке, он увидел, что показалась еще одна ржавая ступенька. Они вычерпали уже огромное количество воды из-за переборки, но, похоже, ее оставалось

там еще много.

— Наверху тонкий лед, но не думаю, что вода промерзнет до самого дна, — сказал он Питеру, плотно закрывая за собой дверь. — Там по-прежнему много воды. Очень много.

Он каждый день тщательно замерял уровень воды, а потом плотно закрывал дверь, словно это был банковский подвал, полный денег. А почему бы и нет? Чем не деньги? Пока продолжались перебои с водой, они могли бы получать за нее неплохие деньги, те доллары, которые были нужны, чтобы жить в тепле и хорошо питаться.

— Ну что, Пит? — спросил он, вешая канистру на кронштейн над горящим морским углем. — Ты когда-нибудь перестанешь думать, что эту воду можно есть? Мы могли бы продать ее и купить еды.

Питер неподвижно сидел на корточках, глядя на дверь, и не обращал на него никакого внимания, пока Билли не повысил голос. Питер безрадостно покачал головой.

— «Их бог — чрево, и слава их — в сраме»[19], — с выражением произнес он. — Я уже объяснял тебе, Билли. Мы подходим к концу материального

---

[19] Примечания: 19
Фил. 3: 18–21.

мира. Если ты будешь жаждать материального, ты пропал…

— Так… а ты пропал? Ведь эту одежду и эту еду мы купили на деньги, вырученные за воду. Так что ты имеешь в виду?

— Я ем только для того, чтобы дожить до Дня, — торжественно ответил Питер, глядя сквозь дверной проем на бледное ноябрьское солнце. — Мы уже очень близки к нему, осталось несколько недель — даже трудно поверить. Скоро настанет час. Мы благословенны — это произойдет при нас.

Питер встал и вышел, и Билли услышал, как он спускается на землю.

— Мир подходит к своему концу… — пробормотал Билли, размешивая гранулы «энер-Г» в воде. — Придурок, явный придурок.

Он уже не первый раз думал об этом, но только про себя. Все, что говорил этот человек, было невероятно, но могло оказаться правдой. Питер любого убедит в этом с помощью Библии и других книг. Сейчас у него не было книг, но он помнил наизусть и мог цитировать очень длинные отрывки. Разве это не может быть правдой? Почему мир стал таким? Так было не всегда; по телевизору показывали старые фильмы. Однако как

быстро все переменилось. Должна быть какая-то причина, и, возможно, все будет так, как говорит Питер: мир закончится, а первый день нового года станет Судным днем…

— Дурацкая мысль. — Он вздрогнул и поднес руки к огню.

Все было не так уж плохо. На нем надето два свитера и старый пиджак с заплатами на локтях — теплее он никогда раньше не одевался. И питались они хорошо. Он шумно втянул с ложки варево из «энер-Г». Покупка карточек социальной помощи обошлась в несколько долларов, но дело того стоило, еще как стоило. Теперь они получали продукты и даже воду в пунктах социальной помощи. И могли торговать своей собственной водой. И по крайней мере раз в неделю он нюхал «грязь». Казалось, мир еще долго не подойдет к своему концу. Черт с ним. Мир великолепен, пока ты смотришь на него.

Снаружи послышалось позвякивание ржавых железяк, повешенных на обнаженные шпангоуты судна. Каждый, кто пытался залезть в рубку, задевал эти звенящие препятствия и таким образом предупреждал о своем появлении. С тех пор как они обнаружили у себя воду, приходилось остерегаться непрошеных гостей. Билли взял лом

и подошел к двери.

— Питер, я приготовил поесть, — сказал он, выглядывая наружу.

На него уставилось чужое небритое лицо.

— Убирайся отсюда! — закричал Билли.

Мужчина промямлил что-то нечленораздельное: в зубах у него был зажат заостренный кусок автомобильной рессоры. Он повис на одной руке, а другой выхватил изо рта свое оружие.

— Беттиджо! — заорал мужчина хриплым голосом.

Билли отскочил как раз вовремя — у его уха просвистел какой-то предмет и ударился в металлическую стену.

Коренастая женщина с огромной копной светлых волос, стоявшая внизу, запустила в Билли куском бетона. Билли успел пригнуться.

— Давай, Дональд! — завопила она. — Забирайся!

Второй мужчина, такой же волосатый и мерзкий, как первый, стал взбираться на другой борт судна. Билли понял, что попался. Он мог раскроить череп любому, кто попытается влезть на кусок палубы перед дверью, — но лишь одному. Он не мог охранять одновременно оба борта. Пока он справится с одним, второй окажется за

спиной.

— Питер! — закричал он как можно громче. — Питер!

Еще один кусок бетона рассыпался в пыль позади него. Он подбежал к краю палубы и замахнулся ломом на бандита, тот уклонился, и лом ударил по балке над его головой. Звук навел Билли на хорошую мысль: он начал бить ломом по металлической обшивке рубки, производя страшный грохот.

— Питер! — крикнул он еще раз в отчаянии и кинулся в другую сторону, где второй налетчик уже уцепился за борт. Он быстро подтянулся на руках и перемахнул через борт.

Обернувшись, Билли увидел, что и другой бородач ухватился за борт обеими руками. Закричав скорее от страха, чем от ярости, Билли бросился к нему, размахивая ломом. Лом скользнул по голове человека и ударил его по плечу, выбив изо рта кусок рессоры. Мужчина неистово взвыл, но не упал. Билли снова замахнулся, но тут его крепко схватил сзади второй нападавший. Билли не мог пошевелиться и едва дышал. В это время человек, которого он ударил, выплевывал изо рта осколки зубов. По бороде у него текла кровь. Он смачно сплюнул, перелез через борт и набро-

сился на Билли с кулаками. Билли взвыл от боли, отбиваясь ногами и пытаясь вырваться. Смеясь, бандиты потащили его к краю палубы, чтобы сбросить вниз.

Билли уцепился за край палубы, мучители принялись топтать ногами его руки, но вдруг замерли: вернулся Питер. Забравшись на палубу сзади, он замахнулся на мужчин куском трубы.

Пока он сражался у рубки, Билли стал медленно спускаться на землю. Уклонившись от удара рессорой, Питер последовал за ним.

Внизу бесновалась белобрысая женщина.

— Убейте их обоих! — кричала она. — Он меня ударил, сбил с ног. Убейте их!

И она вновь принялась швырять куски бетона, но ни один из них не попал в цель. Когда Билли с Питером оказались на земле, она быстро побежала прочь, выкрикивая проклятия. Соломенные волосы развевались на бегу.

Двое мужчин смотрели сверху на Билли и Питера, но ничего не говорили. Они сделали свое дело. Они завладели судном.

— Пошли, — сказал Питер, подставляя Билли плечо. Он опирался на свою трубу, как на посох. — Они одолели нас, и теперь это их корабль — и вода. Они будут охранять его лучше, чем мы.

Я знаю эту блудницу Беттиджо: она живет с ними обоими, и они делают все, что она попросит. Да, это знак. Она — вавилонская блудница, прогнавшая нас…

— Мы должны вернуться, — прохрипел Билли.

— …приказавшая нам идти к великой вавилонской блуднице туда, за реку. Возврата нет.

Билли опустился на землю, тяжело дыша и шевеля разбитыми пальцами. Питер спокойно смотрел на корабль, который был их домом. Три маленькие фигурки прыгали по палубе, их торжествующие крики доносил холодный ветер с залива. Билли задрожал.

— Пошли, — мягко сказал Питер, помогая ему подняться. — Здесь оставаться негде и незачем. Я знаю, где можно найти приют в Манхэттене. Я был там много раз.

— Я не хочу туда идти, — сказал Билли, вспомнив о полиции, и остановился.

— Нужно. Там мы будем в безопасности.

Билли медленно пошел за ним. А почему бы и нет?

Легавые, наверное, давным-давно забыли про него. Если он не пойдет с Питером, он останется один. Страх одиночества был сильнее незабываемого страха перед полицией. Они выживут, если

будут держаться вместе.

Они прошли уже половину Манхэттенского моста, когда Билли заметил, что один из его карманов разорван.

— Постой! — крикнул он Питеру. — Подожди! — Он тщательно ощупал одежду, и его охватила паника. — Пропали, — сказал он, прислонясь к перилам. — Карточки. Должно быть, они выпали во время драки. Может, они у тебя?

— Нет. Ты их взял вчера, когда ходил за водой. Но это не важно.

— Не важно! — заплакал Билли.

Над грифельно-серой поверхностью воды неслись свинцовые низкие облака. Ледяной ветер пронизывал насквозь. Стоять было холодно, и Билли пошел дальше, Питер последовал за ним.

— Куда мы идем? — спросил Билли, когда они сошли с моста и повернули на Дивизион-стрит.

Здесь, в толпе, было немного теплее. Билли всегда чувствовал себя лучше, когда вокруг находились люди.

— На стоянки. Их много в районе новостроек, — сказал Питер.

— Ты придурок, стоянки всегда переполнены.

— Не в это время года, — ответил Питер, показывая на грязный лед в канаве. — Жизнь на

стоянках никогда не была легкой. А в такое время года она особенно тяжела для стариков и инвалидов.

Лишь на экране телевизора Билли видел улицы города, заполненные машинами. Для него это было историческим, а потому неинтересным фактом, поскольку стоянки существовали, сколько он себя помнил, — этакий постоянный, но постепенно приходящий в упадок элемент городского пейзажа. Когда движение на улицах стало затихать, а автомобили превратились в редкость, отпала необходимость в сотнях автостоянок по всему городу. Они постепенно стали заполняться брошенными машинами: некоторые пригоняла полиция, другие приволакивали, толкая руками. Стоянки превратились в своего рода деревушки, где в машинах жили люди, потому что это было лучше, чем жить на улице. В каждой машине обитало множество жильцов, и все-таки зимой, когда самые слабые умирали, появлялись свободные места.

Билли и Питер направились было на большую стоянку за микрорайоном Сьюард-парк, но их выгнала оттуда шайка подростков, вооруженных обломками кирпичей и самодельными ножами. На Мэдисон-сквер они обнаружили, что вокруг

небольшого парка недалеко от микрорайона Ла-Гардия сломана ограда и парк заполнен ржавеющими останками автомашин без колес. Здесь не видно было агрессивных подростков, лишь несколько человек угрюмо бродили вокруг. Из одной трубы, что торчали над крышами большинства автомобилей, поднимался дымок. Питер и Билли стали пробираться между машинами, заглядывая в окна. На них смотрели бледные, призрачные лица.

— На вид очень неплоха, — сказал Билли, указывая на неуклюжий допотопный «бьюик», тормозные цилиндры которого наполовину погрузились в грязь. Окна с обеих сторон замерзли, и изнутри не послышалось ни звука, когда приятели подергали ручки запертых дверей. — Интересно, как они проникают внутрь? — недоуменно сказал Билли и влез на капот. Над передним сиденьем имелась скользящая солнечная крыша, и она сдвинулась немного, когда он на нее надавил. — Дай трубу! — крикнул он Питеру.

Используя трубу в качестве рычага, они расширили отверстие и заглянули внутрь. В машине сидел человек. Его лицо было неподвижно. В одной руке он зажал дубинку — металлический прут, к которому проводом были привязаны ост-

рые осколки стекла. Человек был мертв.

— Должно быть, крепкий мужик был, раз один владел такой большой машиной, — сказал Билли.

Тело было тяжелым, к тому же одеревенело, и пришлось повозиться, прежде чем они вытащили его через отверстие в крыше. Грязные тряпки, в которые он был закутан, им были не нужны, они вынули у него из кармана только карточки социальной помощи. Питер вытащил тело на улицу, где его могли найти работники санитарного управления, а Билли ждал внутри машины, высунув голову в отверстие и оглядываясь по сторонам. Увесистая дубинка была наготове, если бы кто-нибудь посмел посягнуть на их новый дом.

Глава 6

— Вот это да! — восхищенно произнесла миссис Майлс, когда служащий управления социального обеспечения протянул Ширли в окошко небольшой пакет. — У вас в семье кто-то болен?

— А где старый пакет, сударыня? — спросил служащий. — Вы же знаете, что, получая новый, нужно возвращать старый. С вас три доллара.

— Извините, — сказала Ширли, доставая из

хозяйственной сумки пластиковый конверт и протягивая его служащему вместе с деньгами.

Тот что-то проворчал и сделал отметку на одной из своих регистрационных дощечек.

— Следующий! — крикнул он.

— Да, — сказала Ширли миссис Майлс, которая уставилась на пакет и медленно читала буквы на нем. — Сол болен, несчастный случай. Он живет с нами в одной квартире; ему за семьдесят. Он сломал ногу и не может вставать с постели. Это для него.

— Мясные хлопья. Прекрасно, — сказала миссис Майлс, провожая глазами пакет, пока тот не исчез в сумке Ширли. — Как вы их готовите?

— С ними можно делать все, что угодно, но я готовлю густой суп с крекерами. Так проще кормить больного. Сол не встает.

— Таких людей нужно класть в больницу, особенно таких старых.

— Он был в больнице, но там сейчас нет мест. Как только они узнали, что он живет в одной квартире с Энди, они тут же заставили его забрать Сола домой. Всех, у кого есть хоть какое-то жилье, выгоняют. Белльвью переполнена, они заняли несколько корпусов в университетских общежитиях и поставили туда койки, но все равно мест

не хватает. — Ширли заметила, что миссис Майлс выглядит как-то странно: сегодня она впервые пришла без своего маленького сына. — Как здоровье Томми? Ему что, хуже?

— Не хуже, но и не лучше. Квош остается квошем. А это хорошо, потому что я получаю паек. — Она показала на пластиковую баночку у себя в сумке, в которой лежал небольшой кусок горохового масла. — Томми остался дома, на улице так холодно. На всех детей не хватает одежды, ведь Винни каждый день ходит в школу. Она умница. Заканчивает третий класс. Что-то давно я не видела вас у колонки.

— За водой теперь ходит Энди. Я должна быть с Солом.

— Большое счастье, что у вас дома кто-то болеет и вы можете получать дополнительный паек. Наверняка зимой весь город будет питаться крекерами с водой.

«Счастье?» — подумала Ширли, завязывая косынку и осматривая темное помещение отдела специальных пайков. Прилавок делил его пополам: с одной стороны находились служащие и ряды полупустых полок, а с другой — длинные людские очереди. Здесь были перекошенные параличом лица и трясущиеся руки — те, кому

требовалась специальная диета. Диабетики, инвалиды, люди с болезнями, вызванными недостатком витаминов, белков, и огромное количество беременных женщин. Все они счастливчики?

— Что вы собираетесь приготовить на ужин? — спросила миссис Майлс, глядя в грязное окно на небо.

— Не знаю. Думаю, то же, что и всегда. А что?

— Возможно, пойдет снег. Возможно, у нас будет белый День благодарения, к какому мы привыкли в детстве. Мы собираемся приготовить рыбу, я ее приберегла специально для этого праздника. Завтра же четверг, двадцать пятое ноября. Разве вы не помните?

Ширли покачала головой:

— Нет. Все пошло наперекосяк с тех пор, как случилась эта беда с Солом.

Они шли, низко наклонив головы, чтобы спрятать лица от резких порывов ветра. Когда они сворачивали с Девятой авеню на Девятнадцатую улицу, Ширли столкнулась с какой-то женщиной, шедшей навстречу.

— Извините, — сказала Ширли. — Я вас не заметила…

— Вы же не слепая! — рявкнула женщина. — Хо-

дите тут, людей с ног сбиваете. — Она посмотрела на Ширли и выпучила глаза. — Это ты?

— Я же извинилась, миссис Хеггерти. Я не нарочно. — Ширли хотела идти дальше, но женщина преградила ей дорогу.

— Я знала, что найду тебя, — победно произнесла миссис Хеггерти. — Я собираюсь подать на тебя в суд. Ты украла все деньги моего брата, а мне не оставила ничего, вообще ничего. Лишь счета, которые мне пришлось оплачивать, за воду и за все остальное. Они были такие большие, что мне пришлось продать всю мебель, чтобы их оплатить. Но я все еще остаюсь должна, и меня преследуют. Ты все оплатишь!

Ширли вспомнила, как Энди принимал душ, и, наверное, у нее на лице появилась улыбка, потому что Мэри Хеггерти завопила:

— Не насмехайся надо мной, я честная женщина! Твари вроде тебя не смеют улыбаться мне прямо в лицо. Весь мир знает, кто ты такая, ты…

Она замолчала, словно ее выключили, — миссис Майлс влепила ей здоровенную пощечину.

— Придержи свой мерзкий язык, девочка, — сказала миссис Майлс. — Никто не смеет говорить с моей подругой в таком тоне.

— Как вы смеете! — завопила сестра Майка.

— Я уже посмела… и ты схлопочешь еще, если будешь путаться у меня под ногами.

Увлекшись перепалкой, женщины на какое-то время совершенно забыли о Ширли. Они были примерно одного возраста и воспитания, хотя Мэри Хеггерти после замужества немного поднялась в общественной иерархии. Но выросла она на этих улицах и знала их законы. Нужно драться или отступать.

— Не лезь не в свое дело, — сказала она.

— Сейчас это станет моим делом, — сказала миссис Майлс, сжимая кулаки.

— Это не твое дело, — повторила сестра Майка и на всякий случай отступила на несколько шагов назад.

— Дуй отсюда! — крикнула миссис Майлс.

— Вы обо мне еще услышите! — пообещала Мэри Хеггерти, повернулась и с чувством собственного достоинства пошла прочь.

— Я очень сожалею, что вы ввязались в этот скандал, — сказала Ширли.

— Я сделала это с большим удовольствием, — ответила миссис Майлс. — Мне хотелось, чтобы она затеяла ссору, и уж тогда бы я с ней разделалась. Знаю я подобных дамочек.

— На самом деле я не должна ей никаких де-

нег…

— Это не имеет значения. Было бы лучше, если бы были должны. Я получила бы удовольствие, приструнив ее как следует.

Миссис Майлс распрощалась с Ширли у ее дома и степенно пошла дальше. Внезапно почувствовав сильную усталость, Ширли с трудом дошла до квартиры и толкнула незапертую дверь.

— Ты скверно выглядишь, — сказал Сол. Он лежал, накрытый несколькими одеялами до самого подбородка. На голову была надета шерстяная шапочка. — И выключи, пожалуйста, ящик. Скоро я либо ослепну, либо оглохну.

Ширли положила сумку и выключила орущий телевизор.

— Становится холоднее, — сказала она. — Даже дома холодно. Я зажгу огонь и подогрею суп.

— Больше не могу есть эти дерьмовые мясные хлопья, — пожаловался Сол и состроил гримасу.

— Не говори так, — спокойно сказала Ширли. — Это настоящее мясо — именно то, что тебе нужно.

— То, что мне нужно, ты уже не можешь достать. Ты знаешь, что такое эти мясные хлопья? Я все про них узнал сегодня по телевизору. Я не очень интересуюсь этим вопросом, но я же не

могу вырубить этот чертов ящик! Длинная программа о животных во Флориде. Должно быть, они там, в Майами-Бич, что-то слышали про животных. Они перестали осушать болота, а вместо этого занимаются черт-те чем. Улиткофермы — как тебе это нравится? Выращивают гигантских западноафриканских улиток — триста граммов мяса в каждой раковине. Вытаскивают, разрезают, обезвоживают, запаковывают и отправляют голодающим крестьянам сюда, на холодный север. Мясные хлопья. Что ты на это скажешь?

— Очень интересно, — сказала Ширли, размешивая бурые, похожие на щепки, кусочки мяса в кастрюльке. — Я один раз видела по телевизору кино, где ели этих улиток. По-моему, это было во Франции. Должно быть, они какие-то особенные.

— Для французов, возможно, но не для меня…

Тут у Сола начался жестокий приступ кашля, после которого он совсем ослаб и лежал на подушках, тяжело дыша.

— Может, хочешь попить воды? — спросила Ширли.

— Нет… все в порядке. — Его раздражение, похоже, исчезло вместе с кашлем. — Извини, что набросился на тебя, малышка, ты за мной ухаживаешь и все такое. Просто я не привык лежать

пластом. Я всю жизнь сохранял отличную форму, регулярно занимался спортом, сам себя обслуживал, никогда никого ни о чем не просил. Но есть одна штука, которую не предотвратить. — Он мрачно посмотрел на свои одеяла. — Время идет походным маршем. Кости становятся хрупкими. Поскользнулся, упал — и вот уже в гипсе до самого подбородка.

— Суп готов…

— Не сейчас, я еще не проголодался. Может, включишь телевизор… Нет, оставь. Он мне надоел. В новостях сказали, что закон о чрезвычайном положении пройдет всего лишь через два месяца обсасывания его в конгрессе. Я этому не верю. Слишком много людей ничего об этом не знают или не беспокоятся, а потому на конгресс не оказывают настоящего нажима в этом отношении. У нас по-прежнему есть женщины с десятью детьми, умирающими от голода, которые считают грехом иметь детей меньше. Полагаю, в этом мы можем винить главным образом католиков: они все еще не верят, что контроль над рождаемостью — праведное дело.

— Сол, пожалуйста, не нападай на католиков. У моей матери в семье…

— Я не против кого бы то ни было, и я очень

люблю семью твоей матери. И я не против пуритан, когда говорю, что эти задницы поджаривали на кострах старушек за то, что те якобы были ведьмами. Это история. Твоя церковь поставила рекорд в борьбе против контроля над рождаемостью со стороны общественности. Это тоже история. Результаты, свидетельствующие, что они не правы, — за окном. Они навязали остальным свои убеждения, и теперь мы все гнием в одной канаве.

— На самом деле плохо совсем не это. Церковь не выступает против идеи контроля над рождаемостью. Она против способов, которыми он осуществляется. Она всегда одобряла метод ритмов…

— Он недостаточно хорош. Как и пилюли, он не для всех. А когда они собираются дать добро спирали? Это единственное, что действительно работает. А знаешь, когда она появилась — самое простое средство для любой дуры, безопасное и безвредное? В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, когда светлые головы в Университете Джона Хопкинса все исследовали, включая побочные эффекты, вот когда. Уже тридцать пять лет у них есть этот маленький кусочек пластмассы, который стоит от силы пару центов.

Он вводится внутрь и остается там годами, он не препятствует процессам жизнедеятельности, не выпадает, в сущности, женщина даже не чувствует его, но, пока он есть, она не может забеременеть. Вынь его — и она вновь сможет иметь детей, ничего не меняется. И самое забавное, что никто до сих пор не знает, как она действует. Это чудо. Возможно, нужно писать с заглавной буквы: Чудо. И церковь могла бы ее признать и сказать, что воля Божья на то, будет она действовать или нет.

— Сол, ты богохульствуешь.

— Я? Ничего подобного! У меня, как у каждого, есть право высказывать догадки относительно того, что думает Бог. В любом случае это не имеет к нему никакого отношения. Я просто пытаюсь найти извинение для католической церкви, которая не желает принять эту штуку и дать страдающему человечеству небольшой отдых.

— Сейчас этот вопрос рассматривается.

— Грандиозно. Они запоздали всего на каких-то тридцать пять лет. Может, все же закон и пройдет, хотя сомневаюсь. Это старая история: то чересчур рано, то чересчур поздно. Мир скатился к черту в ад, и это мы столкнули его туда.

Ширли помешивала суп и с улыбкой смотрела

на Сола.

— А ты не преувеличиваешь? Нельзя во всех наших бедах винить перенаселенность.

— Можно, черт подери, — извини за выражение. Уголь, которого должно было хватить на столетия, весь выкопали, потому что слишком много людей хотят жить в тепле. И нефть тоже. Ее осталось так мало, что мы не можем позволить себе ее сжигать. Она идет только на производство химикатов, пластмасс и прочей ерунды. А реки — кто их отравил? Вода — кто ее выпил? Пахотный слой почвы — кто его истощил? Все сожрано, изношено, исчерпано. Что у нас осталось? Какой у нас единственный природный ресурс? Старые автостоянки — вот что осталось. Все уже использовано, и нам приходится любоваться миллиардами старых ржавых машин. Когда-то у нас был целый мир, но мы его съели, сожрали, и он исчез. Когда-то прерии были черны от бизонов — об этом я в детстве читал в учебнике, — но я их никогда не видел, потому что их всех превратили в бифштексы и изъеденные молью ковры. Ты думаешь, это произвело какое-то впечатление на человечество? Или киты, странствующие голуби, журавли или другие животные, которых мы истребили? Черта с два! В пятидесятые

и шестидесятые годы было много разговоров о строительстве станций для опреснения морской воды: в пустынях зацветут сады и все такое. Но это были только разговоры. Если некоторые люди умеют читать древние письмена, то это совсем не значит, что они могут заставить прочесть их всех остальных. Требуется по меньшей мере пять лет, чтобы построить всего одну атомную станцию. Те станции, в которых мы нуждаемся сейчас, должны были быть построены тогда. Этого не произошло. Все достаточно просто.

— Это у тебя все получается просто, Сол, но не поздно ли беспокоиться о том, что люди должны были сделать сто лет тому назад?

— Сорок… но это не важно.

— Что мы можем сделать сегодня? Разве не об этом мы должны сейчас думать?

— Думай, сладкая моя, мне от этого становится тошно. Мчаться вперед на полной скорости, оставаясь на месте, — вот что мы можем сегодня сделать. Возможно, я живу прошлым, и если это так, то у меня на то свои причины. Тогда все было намного лучше, а беда всегда приходит завтра, так что черт со всем этим. Существовала Франция, великая страна, цитадель культуры, готовая повести за собой весь мир по пути прогресса. Только

они приняли закон, провозгласивший контроль над рождаемостью нелегальным, и для врачей стало преступлением даже говорить о противозачаточных средствах. Прогресс! Факты достаточно явные, любой может удосужиться убедиться в них. Консерваторы постоянно говорили нам, что следует изменить курс, а то все природные богатства исчезнут. И вот они исчезли. Уже тогда было почти поздно, но что-то еще можно было сделать. Женщины во всех странах мира умоляли дать им информацию о методах контроля над рождаемостью, чтобы они могли ограничивать размеры семей какими-то разумными рамками. В результате было очень много болтовни и чертовски мало дела. Если бы существовало пять тысяч клиник, занимающихся планированием семьи, этого было бы все-таки недостаточно. Дети, любовь и секс, вероятно, самые эмоционально важные и самые таинственные вещи, известные человечеству, поэтому открытая дискуссия была невозможна. Нужно было провести свободную дискуссию, отпустить тонны денег на научные исследования проблем оплодотворения, планирования семьи во всемирных масштабах, на программы обучения, на пропаганду контроля над численностью населения, а самое главное

— допустить свободное высказывание свободных взглядов. Но этого не произошло, а теперь одна тысяча девятьсот девяносто девятый год и конец столетия. Так себе столетие! В общем, через пару недель наступит новый век, и, возможно, он действительно станет новым для нокаутированного человечества. Сомневаюсь — и не беспокоюсь об этом. Я этого не увижу.

— Сол, ты не должен так говорить.

— Почему? У меня неизлечимое заболевание. Старость.

Он вновь закашлялся, на этот раз надолго, а когда приступ прекратился, он лежал молча на кровати, совершенно измученный. Ширли подошла поправить одеяла, и ее ладонь коснулась его руки. Глаза у нее расширились, она изумленно открыла рот.

— Ты такой горячий. У тебя жар?

— Жар? — Он начал кашлять и от этого еще больше ослабел. Когда он заговорил вновь, голос его звучал очень тихо. — Послушай, милая моя, я старый боец. Я лежу на спине в постели совершенно разбитый и не могу пошевелиться. А в комнате так холодно, что можно заморозить кого угодно. У меня могли бы появиться пролежни, но, скорее всего, у меня воспаление легких.

— Нет.

— Да. Не надо бояться правды. Если оно у меня есть, значит есть. Ну, будь хорошей девочкой и поешь супа. Я не голоден и лучше немного вздремну. — Он закрыл глаза и опустил голову на подушку.

Энди вернулся домой в начале восьмого. Ширли узнала знакомые шаги в коридоре и встретила его в дверях, прижав к губам палец. Затем она тихо провела его в другую комнату, показав на Сола, который все еще спал, тяжело дыша.

— Как он себя чувствует? — спросил Энди, расстегивая мокрое пальто. — Ну и вечерок сегодня. Дождь со снегом и слякоть.

— У него жар, — сказала Ширли. — Он сказал, что у него воспаление легких. Это может быть? Что делать?

Энди замер, вытащив руку только из одного рукава.

— У него температура? Он кашляет? — спросил он. Ширли кивнула. Энди приоткрыл дверь и прислушался к дыханию Сола, затем молча закрыл ее и стал надевать пальто. — Меня предупреждали об этом в больнице, — сказал он. — Для стариков, не встающих с постели, всегда существует такая опасность. Мне там дали какие-то антибиотики.

Мы дадим ему их, а я схожу в Белльвью — может, удастся достать еще — и спрошу, не возьмут ли его обратно. Ему нужно находиться в кислородной камере.

Сол, не до конца проснувшись, принял таблетки. Ширли положила ладонь ему на лоб — он горел. Через час вернулся Энди. Лицо его ничего не выражало. Ширли всегда думала, что это профессиональное выражение лица. Сейчас оно могло означать только одно.

— Антибиотиков больше нет, — в отчаянии прошептал он. — Из-за эпидемии гриппа. То же самое с койками и кислородными камерами. Все переполнено. Я даже не видел никого из врачей, говорил с девушкой в приемном покое.

— Они не могут так поступить. Он очень болен. Это все равно что убийство.

— Если бы ты видела Белльвью. Похоже, что болеет половина города. Люди повсюду: в коридорах, на лестницах, даже на улице. Лекарств не хватает. По-моему, их дают только детям, остальные должны рассчитывать только на везение.

— Везение! — воскликнула Ширли и уткнулась лицом в его мокрое пальто, беспомощно всхлипывая. — Но какое тут может быть везение? Это убийство. Такой старый человек нуждается в по-

мощи, его нельзя бросить просто так. Он умрет.

Он прижал ее к себе:

— Мы здесь и можем за ним ухаживать. Еще осталось четыре таблетки. Теперь иди и ляг. Ты тоже заболеешь, если не будешь заботиться о себе.

Глава 7

— Нет, Раш, это невозможно. Так не пойдет… и ты знаешь это лучше меня. — Лейтенант Грасциоли прижал палец к уголку глаза, но это не помогло — тик не прекратился.

— Извините, лейтенант, — сказал Энди. — Я прошу не за себя. Это семейные проблемы. Я уже отдежурил девять часов, и до конца недели у меня двойные смены…

— Полицейский находится на дежурстве двадцать четыре часа в сутки.

Энди едва сдержался.

— Я знаю, сэр. Я не отлыниваю от работы.

— Отлыниваешь. Разговору конец.

— Тогда разрешите мне уйти хоть на полчаса. Я хочу заскочить домой, а потом вернусь и буду в вашем полном распоряжении. Я буду работать до прихода дневной смены. В любом случае у вас

после полуночи будет не хватать людей, а если я останусь, то смогу закончить те рапорты, которые вот уже неделю требуют с Центральной улицы.

Придется работать двое суток без отдыха, но только так можно было добиться от Грасси хоть чего-то. Лейтенант не мог приказать ему работать столько часов подряд, если не было экстренной необходимости, но он мог воспользоваться предложением Энди. Большинство детективов вновь перевели на патрулирование, так что их непосредственная работа очень пострадала. Штаб на Центральной улице не считал такой аргумент достаточно веским.

— Я никогда никого не прошу работать сверхурочно, — сказал Грассиоли, заглатывая наживку. — Но я играю честно, по правилам. Ты можешь взять сейчас полчаса, но не больше, как ты понимаешь, а когда вернешься, все доделаешь. Если хочешь остаться здесь вечером — твое право.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Энди.

Хорошенькое право. Он пробудет здесь до восхода солнца.

Дождь, шедший последние три дня, сменился снегом. Огромные снежинки бесшумно падали в конусах света под фонарями на Двадцать третьей улице. Пешеходов было немного, но по-прежнему

темные фигуры жались к колоннам, поддерживающим экспресс-линию. Большинство ночующих на улицах нашли себе убежище от непогоды, но их невидимое присутствие, как и остальных жителей города, было почти ощутимым. В каждом доме жили сотни людей, их темные силуэты мелькали в подъездах и окнах. Энди наклонил голову, чтобы снег не летел в лицо, и побежал. Но быстро запыхался и пошел медленнее.

Ширли не хотела, чтобы он уходил этим утром, но он не мог остаться. Солу лучше не становилось; не становилось ему и хуже. Так было последние три дня. Энди хотелось остаться с ним, помочь Ширли, но выбора у него не было. Он должен был идти на дежурство. Она этого не понимала, и они чуть не поссорились — шепотом, чтобы не услышал Сол. Энди надеялся вернуться пораньше, но обстоятельства распорядились иначе. Он мог лишь забежать на несколько минут, поговорить с ними обоими, узнать, не нужна ли какая-нибудь помощь. Он знал, что Ширли нелегко быть одной с больным старым человеком, — но что было делать?

В коридоре из-за дверей раздавались музыка и звуки телевизионных передач, а в его квартире царила тишина. У него вдруг возникло дурное

предчувствие. Он отпер дверь и тихо ее отворил. В комнате было темно.

— Ширли? — прошептал он. — Сол?

Ответа не последовало, и тишина вдруг страшно поразила его. Где учащенное, хриплое дыхание, наполнявшее раньше комнату? Зажужжал его фонарик, луч света пересек комнату и уткнулся в кровать, в неподвижное, бледное лицо Сола. Казалось, он тихо спит, но Энди знал — еще до того, как коснулся кончиками пальцев, — что Сол мертв.

«О боже! — подумал он. — Она была с ним одна, в темноте, когда он умирал».

И тут он услышал тихие душераздирающие рыдания, раздававшиеся из-за перегородки.

Глава 8

— Я не хочу больше об этом слышать! — заорал Билли, но Питер продолжал говорить, словно Билли тут вообще не было:

— «…И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля исчезли, и моря уже нет». Так написано в Книге откровений; если мы ищем истину, она там. Откровение нам, мимолетный взгляд в завтра…

— Заткнись!!!

Никакого воздействия это не оказало, и монотонный голос упорно продолжал звучать на фоне ветра, завывающего вокруг старой машины и проникающего во все щели и трещины. Билли натянул на голову пыльное одеяло, но это не помогло, к тому же стало трудно дышать. Билли опустил одеяло до подбородка и уставился в серый сумрак внутри машины, пытаясь не обращать внимания на бормотание человека рядом. Передние кресла и заднее сиденье были сняты, и седан превратился в одну не слишком просторную комнату. Они спали бок о бок на полу, покрытом обрывками теплоизоляции, ватина и поролона. Неожиданно Билли почувствовал сильный запах йода и дыма, когда ветер задул по дымовой трубе и перемешал пепел в желобе, который они использовали в качестве печки. Последний кусок морского угля сожгли неделю назад.

Билли уснул и спал до тех пор, пока нудный голос Питера не разбудил его вновь. Теперь Билли был уверен, что его компаньон лишился рассудка, поскольку разговаривал сам с собой. Билли чувствовал, что задыхается в этих тесных стенах, в этой пыли, в этих бессмысленных сло-

вах, которые наполняли всю машину и давили на него. Встав на колени, он повернул ручку и немного опустил заднее стекло. Он прильнул к щели, жадно дыша холодным свежим воздухом. Что-то холодное коснулось его губ. Он наклонил голову, чтобы выглянуть в щель, и увидел белые парящие снежинки.

— Я выйду, — сказал он, закрыв окно, но Питер сделал вид, что не слышит. — Я выйду. Здесь воняет.

Он взял пончо, сделанное из синтетического покрытия, срезанного с переднего сиденья «бьюика», просунул голову в отверстие и закутался. Когда он открыл заднюю дверь, в машину влетел снежный вихрь.

— Здесь воняет, и ты воняешь… и, по-моему, ты придурок.

Билли вылез из машины и с силой хлопнул дверью. Падая на землю, снег таял, а на крышах автомобилей лежал толстым слоем. Билли собрал горсть снега с капота машины и положил в рот. В темноте не было заметно никакого движения, с тихим шелестом падали снежинки, ночь была безмолвна. Пробравшись мимо покрытых белыми саванами машин, Билли вышел на Канал-стрит и повернул на запад к Гудзону.

Улица была на удивление пустынна, — должно быть, было уже очень поздно. И шорох колес какого-то запоздалого велотакси, проехавшего мимо Билли и скрывшегося во мраке, еще долго звучал в ночи.

Билли остановился у складов и понаблюдал, как из ворот выезжали пятеро гужевиков. С обеих сторон шли охранники, а люди-лошади едва передвигали ноги, таща тяжелый груз. Что-то ценное, подумал Билли, вероятно продукты. При воспоминании о еде в пустом желудке болезненно заурчало, и он прижал к нему ладони. Он не ел уже два дня.

Здесь было больше снега, он лежал на железной изгороди, и Билли, проходя мимо, собрал его, скатал в маленький шарик и положил в рот. Дойдя до Элизабет-стрит, он взглянул на большие механические часы, установленные на фасаде здания с вывеской «Центр китайской коммуны». Стрелки показывали начало четвертого. Это означало, что до рассвета еще часа три-четыре. Масса времени, чтобы дойти до окраины и вернуться.

От ходьбы он согрелся, но одежда промокла почти насквозь. Путь до Двадцать третьей улицы был неблизкий, и Билли очень устал. Несколько последних недель он недоедал. Дважды он

останавливался передохнуть, но тогда сразу становилось холодно. И он вновь с трудом поднимался на ноги и пускался в путь. Чем дальше на север он уходил, тем сильнее его охватывал страх.

«Отчего бы мне туда не сходить? — спрашивал он себя, тревожно озираясь в темноте. — Легавые сейчас про меня совсем забыли».

Все случилось так давно, это — он посчитал по пальцам — было четыре месяца тому назад, в декабре пошел пятый. Полиция никогда не расследует дело дольше двух недель, если только не застрелили мэра или не украли миллион долларов.

Пока его никто не видел, он чувствовал себя в безопасности. Дважды он уже отправлялся на север, но, как только оказывался неподалеку от своего старого дома, он останавливался. Либо дождь был не слишком сильным, либо вокруг было слишком много людей. Но сегодня ночью все совсем по-другому. Похоже, что снегопад усилился — его никто не заметит. Он доберется до «Колумбии Виктории», спустится к себе и всех разбудит. Это была его семья, они будут рады его увидеть, несмотря ни на что. Он объяснит, что невиновен. А еда! Он сплюнул в темноту. У них

были карточки на четверых, а его мать всегда делала запасы на черный день. Он наестся до отвала. Овсяные лепешки, огромные, может даже только что приготовленные и горячие. Одежда тоже. У матери осталась вся его одежда. Он наденет теплые вещи и возьмет пару отцовских башмаков. Никакого риска, никто не узнает, что он там был. Зайти всего на несколько минут, самое большее — на полчаса, а затем назад. Игра стоила свеч.

Он прошел под эстакадой на Двадцатой улице и направился к шестьдесят первому причалу. Похожая на амбар пристройка у причала была забита людьми, и он не осмелился пройти мимо. Снаружи вдоль здания узкие мостки, положенные на сваи; Билли хорошо их знал, хотя впервые шел по ним ночью. Мостки были скользкими от растаявшего снега. Он двинулся по мосткам боком, прижимаясь спиной к стене и слыша внизу плеск волн о сваи. Не дай бог свалиться — влезть обратно он уже не сможет, это будет верная смерть. Задрожав, он переставил ногу и чуть не запнулся о толстый швартовочный канат. Над ним, почти невидимый в темноте, возвышался ржавый борт самого крайнего судна Корабельного городка. Это был самый длинный

путь до «Колумбии Виктории», а значит и самый безопасный. Никого вокруг не было видно, и он по сходням забрался на палубу.

Когда Билли пересек плавучий город, у него вдруг пропала тревога. Погода была на его стороне: снег все так же валил, окутывая все вокруг. И корабли были за него: на палубах никого не было, и никто не видел, как он проходил. Он все рассчитал, он готовился к этой ночи очень долго. Если он спустится вниз и попытается разбудить кого-нибудь из своих, его могут услышать. Но он не настолько глуп.

Добравшись до палубы, Билли остановился и достал длинный шнур, сплетенный несколько недель назад из проводов системы зажигания нескольких старых машин. К концу шнура был прикреплен тяжелый болт. Он осторожно взмахнул им — и болт слабо стукнул в фанерное окно каюты, где спали мать и сестра. Стук наверняка будет слышен в каюте, и кто-нибудь обязательно проснется.

Через некоторое время Билли услышал, как внизу отодвинулась фанера и исчезла внутри каюты. Из отверстия высунулась чья-то голова.

— Что такое? Кто там? — Это был голос его сестры.

— Старший брат, — прошептал он по-кантонски. — Открой дверь и впусти меня.

Глава 9

— Мне так жалко Сола, — сказала Ширли. — Как это жестоко!

— Не надо, — ответил Энди, прижимая ее к себе и крепко целуя. — Не думаю, что он чувствовал себя таким уж несчастным. Он старый человек и за всю свою жизнь много чего перевидал и сделал. Для него все было в прошлом, и я не думаю, что он был очень счастлив в этом мире. Посмотри, неужели солнце? По-моему, снег кончился, и небо проясняется.

— Но его смерть так нелепа. Если бы он не пошел на ту демонстрацию…

— Полно, Ширли, прекрати. Сола не вернешь. Почему бы тебе не подумать о сегодняшнем дне? Ты можешь себе представить, что Грасси дает мне выходной — просто из чувства симпатии?

— Нет. Он ужасный человек. Я уверена, что он готовит тебе пакость, о чем ты и узнаешь, придя завтра на работу.

— Да ну тебя, ты говоришь прямо как я, — засмеялся он. — Давай позавтракаем и подумаем,

что мы хотим сделать сегодня.

Энди вошел в комнату и зажег огонь, пока Ширли одевалась. Затем он еще раз проверил, все ли вещи Сола спрятаны подальше от глаз. Вещи были в шкафу, он протер начисто все полки и засунул поверх одежды книги. С кроватью ничего не поделаешь, а одеяло и подушку он свернул и тоже положил в шкаф. Теперь кровать больше походила на диван. Вполне прилично. Нужно будет постепенно избавиться от всех вещей Сола. Можно продать их на блошином рынке. За книги дадут хорошие деньги. Некоторое время можно будет лучше питаться, однако Ширли не следует говорить, откуда взялись деньги.

Он будет тосковать по Солу, он это знал. Семь лет назад Сол стал снимать эту комнату. Позднее повышение цен на продукты вынудило его разделить комнату и сдавать половину. Но он не хотел делить ее с кем попало. Он пошел в участок и сказал, что сдает жилье. Энди, живший тогда в полицейских бараках, сразу же переехал к Солу. Так что Сол получил сразу и дополнительный доход, и вооруженную охрану. Поначалу между ними не было дружбы, но потом они сблизились, несмотря на разницу в возрасте. «Ты молод, если молод душой», — всегда говорил Сол и жил по

своим собственным законам. Надо же, как много из того, что сказал Сол, Энди запомнил. Он будет постоянно вспоминать его слова. Он не хотел быть сентиментальным — Сол стал первым бы смеяться над этим, — но воспоминания не давали ему покоя.

Солнце светило прямо в окно, ночной холод рассеялся, и в комнате стало очень уютно. Энди включил телевизор и нашел на одной из программ музыку. Не ту, что любил он, а которая нравилась Ширли. Это была вещь под названием «Римские фонтаны». На экране били жемчужные струи. В комнату вошла Ширли, причесываясь на ходу. Энди показал на экран.

— Эта вода не вызывает у тебя жажды?

— Вызывает желание принять душ. Могу поспорить, что от меня исходит ужасный запах.

— Аромат как от духов, — сказал он, с удовольствием наблюдая за тем, как она причесывает волосы, сидя на подоконнике. В них играли золотистые солнечные блики. — Как тебе нравится мысль прокатиться на речном трамвайчике и устроить пикник? — внезапно спросил он.

— Прекрати! Я не понимаю шуток до завтрака.

— Я серьезно. Подвинься-ка. — Он облокотился на подоконник рядом с ней и, прищурившись, по-

смотрел на допотопный термометр, который Сол прибил к внешней стороне рамы. Большинство цифр отвалилось, но Сол на их месте нацарапал новые, причем по принятой лишь в последние годы в Соединенных Штатах шкале Цельсия. — Уже десять градусов в тени. Могу поспорить, что сегодня дойдет до пятнадцати. Когда ты видела в Нью-Йорке в декабре такую погоду? Нужно ловить момент. Завтра может выпасть полтора метра снега. Из остатков соевой пасты сделаем сандвичи. Речной трамвайчик отходит в одиннадцать, и мы можем прокатиться на машине охраны.

— Значит, ты серьезно?

— Конечно, я не шучу с такими вещами. Настоящая поездка за город. Я же рассказывал тебе о путешествии, которое совершил, когда на прошлой неделе находился в охране. Трамвайчик поднимается по Гудзону до Кретона-на-Гудзоне, где наполняют цистерны. Это занимает два-три часа. Я сам не видел, но говорят, что в парке на мысе Кретон — он вдается в реку — еще сохранилось несколько настоящих деревьев. Если будет достаточно тепло, мы сможем устроить там пикник, а затем возвратимся на трамвайчик. Что скажешь?

— Я скажу, что это невозможно и невероятно, просто чудо. Я ни разу не уезжала так далеко от города. Наверняка до парка несколько десятков километров. Когда мы выйдем?

— Сразу же, как только позавтракаем. Я положил на сковородку овсяные лепешки, можешь их перевернуть, пока они не подгорели.

— На огне от морского угля ничего не может подгореть.

Она подошла к плите и занялась сковородой. Энди не помнил, когда в последний раз видел ее такой улыбающейся и счастливой. Такой, как летом.

— Не будь свиньей и съешь все лепешки, — сказала она. — Я могу взять кукурузное масло — я не зря приберегала его — и испечь овсяные кексы для пикника.

— Сделай их большими и солеными, мы там сможем выпить столько воды, сколько нам захочется.

Энди подвинул Ширли кресло так, чтобы она села спиной к велотренажеру Сола. Не нужно, чтобы сейчас она видела что-нибудь, что напоминало бы о случившемся. Она смеялась, строила планы, и ему не хотелось все это испортить. Это должно быть что-то особенное, они оба были в

этом уверены.

Когда они заворачивали сандвичи, в дверь постучали, и Ширли вздрогнула.

— Посыльный… я так и знала! Тебе придется идти на работу…

— Не волнуйся, — улыбнулся Энди. — Грасси не нарушит слова. И, кроме того, так посыльные не стучат. Если я и разбираюсь в каких-то звуках, так это в их «бах-бах-бах».

Ширли вымученно улыбнулась и пошла отпирать дверь, а Энди продолжал заворачивать сандвичи.

— Тэб! — радостно воскликнула она. — Уж тебя-то мы никак не ждали… Входи, мы рады видеть тебя. Это Тэб Филдинг! — крикнула она Энди.

— Доброе утро, мисс Ширли, — флегматично произнес Тэб, оставаясь в коридоре. — Извините, но я не в гости. Сейчас я на работе.

— Что такое? — спросил Энди, выходя в коридор.

— Понимаете, я взялся за ту работу, которую мне предложили, — сказал Тэб. Он был мрачен. — С сентября я служил в объединенном резерве телохранителей. Случайные работы, задания выдаются нерегулярно, выбирать не приходится. Человек, отказывающийся от задания, сразу же

отодвигается в конец списка. А мне нужно семью кормить…

— Что ты хочешь сказать? — спросил Энди.

Он понял, что за спиной Тэба в темноте стоит еще кто-то, и по звуку шагов догадался, что пришедших несколько.

— Не городи чушь, — раздался за спиной Тэба неприятный гнусавый голос. Человек по-прежнему стоял позади Тэба, и его не было видно. — Закон на моей стороне. Я тебе заплатил. Покажи им ордер!

— Теперь, по-моему, я все понимаю, — сказал Энди. — Отойди от двери, Ширли. Входи, Тэб, поговорим.

Тэб шагнул вперед, и человек в коридоре попытался последовать за ним.

— Ты не войдешь туда без меня! — заверещал он.

Но Энди захлопнул дверь у него перед носом.

— Лучше бы вы этого не делали, — покачал головой Тэб. На сжатом кулаке у него был металлический кастет с шипами.

— Успокойся, — сказал Энди. — Я хочу сначала поговорить с тобой с глазу на глаз, узнать, что происходит. У него действительно ордер на вселение?

Тэб кивнул, угрюмо поглядывая на дверь.

— О чем вы говорите? — спросила Ширли, с беспокойством глядя на их лица.

Энди ничего не ответил, а Тэб повернулся к ней и сказал:

— Суд выписывает ордер любому, кто может доказать, что ему в самом деле необходимо место для жилья. Обычно их выдают людям с большими семьями, которые вынуждены искать жилье попросторнее. С ордером на вселение можно найти свободную квартиру или комнату, эта бумажка дает правомочие поискам. Могут возникнуть неприятности — люди не хотят, чтобы к ним въезжали чужие, — поэтому вместе с ордером на вселение им предоставляют и телохранителя. Вот я и пришел с человеком по фамилии Беличер, нанявшим меня. С ним вся семья, они стоят в коридоре.

— Но что ты здесь делаешь? — спросила Ширли, все еще не понимая.

— Этот Беличер — вампир, — с горечью сказал Энди. — Он шатается по моргам, выискивая одиноких людей.

— Можно сказать и так, — ответил Тэб, стараясь говорить невозмутимо. — К тому же у него большая семья, и ему негде жить. Можно посмотреть

на это и так.

Внезапно в дверь заколотили, и снаружи послышался возмущенный голос Беличера. Ширли наконец поняла смысл присутствия Тэба.

— Ты здесь потому, что им помогаешь, — сказала она. — Они узнали, что Сол умер, и хотят занять его комнату.

Тэб молча кивнул.

— Все же выход есть, — сказал Энди. — Если бы здесь жил кто-нибудь из моего участка, эти люди сюда не попали бы.

Стук стал громче, и Тэб отступил на шаг к двери.

— Если бы здесь кто-нибудь жил, все было бы в норме, но Беличер может обратиться в суд и отсудить эту комнату, потому что у него семья. Я сделаю все, чтобы помочь вам, но Беличер — мой хозяин.

— Не открывай дверь! — приказал Энди. — До тех пор, пока мы не разберемся в этом.

— Я должен… Что я могу поделать? — Тэб выпрямился и сжал кулаки. — Не пытайтесь остановить меня, Энди. Вы полицейский, и вы знаете закон.

— Тэб, как ты можешь? — прошептала Ширли.

Он повернулся к ней, глаза его были грустными.

— Когда-то мы были с вами хорошими друзьями, Ширли. Я это помню. Но мне нужно выполнять свою работу. Я должен их сюда впустить.

— Давай… открывай эту чертову дверь, — с горечью сказал Энди, отвернулся и подошел к окну.

Семья Беличер ворвалась в комнату. Мистер Беличер был тощий, с головой странной формы, почти без подбородка и достаточно образованный: он сумел написать свою фамилию на бланке заявления в управление социальной помощи. Главой семьи была миссис Беличер. Из-за ее мощной фигуры повыскакивали дети — семеро. Восьмой был на подходе, судя по ее животу. Их было бы одиннадцать, но три маленьких Беличера погибли в результате недосмотра и несчастных случаев. Самая старшая девочка, лет двенадцати, несла на руках покрытого болячками грудного младенца, который отвратительно вонял и непрерывно вопил. Вырвавшись из темного коридора, дети орали как сумасшедшие.

— О, смотри, какой милый холодильничек! — восхищенно сказала миссис Беличер, не успев войти. Она тут же подошла и открыла дверцу.

— Не трогайте… — сказал Энди, а Беличер дернул его за руку.

— Мне нравится эта комната, не очень боль-

шая, но миленькая. А что там? — Он направился к открытой двери в перегородке.

— Там моя комната, — сказал Энди, захлопывая дверь у него перед носом. — Не смейте туда входить.

— Не стоит так поступать, — сказал Беличер, быстро отходя бочком в сторону, как пес, которого слишком часто бьют. — У меня есть права. Закон гласит, что с ордером на вселение я могу смотреть все, что захочу. — Энди шагнул к нему, и он опасливо отошел еще дальше. — Я вам верю. Эта комната очень милая, хороший стол, стулья, кровать…

— Эти вещи принадлежат мне. Комната без мебели, к тому же маленькая. Она недостаточно велика для вас и вашей семьи.

— Она большая, все нормально. Мы жили и в комнатах поменьше…

— Энди!.. Останови их! Посмотри!.. — закричала Ширли.

Энди обернулся: двое мальчишек нашли пакеты с травами, которые так заботливо выращивал Сол в своем огородике на окне, и рвали их, думая, что там какая-нибудь еда.

— Положите на место! — заорал он, но они уже попробовали траву и стали отплевываться.

— Язык жжет! — завопил старший и высыпал содержимое пакета на пол.

Глядя на брата, другой стал делать то же самое с остальными пакетами. Энди принялся ловить их, но они уворачивались, и, прежде чем он их остановил, пакеты опустели.

Энди повернулся и увидел, что младший мальчик забрался на стол, оставив на нем грязные следы, и включил телевизор. К крикам детей и бесполезной ругани их матери добавилась музыка. Тэб оттащил назад Беличера, когда тот открывал шкаф, чтобы взглянуть на его содержимое.

— Уберите отсюда детей, — сказал Энди, побелев от ярости.

— У меня есть ордер! У меня права! — заорал Беличер, отбегая назад и показывая квадратную пластинку.

— Мне наплевать на ваши права, — сказал ему Энди и распахнул дверь в коридор. — Мы поговорим о них, когда ваше отродье будет за дверью.

Тэб разрешил проблему, схватив за шиворот ближайшего к нему мальчишку и выбросив его за дверь.

— Мистер Раш прав, — сказал он. — Дети могут подождать в коридоре, пока мы уладим все

вопросы.

Миссис Беличер тяжело опустилась на кровать и прикрыла глаза, словно все происходившее не имело к ней никакого отношения. Мистер Беличер отошел к стене, бормоча что-то под нос. Когда последний гаденыш был изгнан из комнаты, в коридоре послышались визг и плач.

Энди огляделся — Ширли ушла в другую комнату. Он услышал, как повернулся ключ в замке.

— Полагаю, все? — спросил он, пристально глядя на Тэба.

Телохранитель беспомощно пожал плечами:

— Извините, Энди, я честен перед Богом. Что я мог поделать? Таков закон, и, если они хотят здесь остаться, вы не можете их выгнать.

— Таков закон, таков закон, — эхом отозвался Беличер.

Энди заставил себя разжать кулаки.

— Помоги мне, пожалуйста, Тэб, перенести эти вещи в другую комнату.

— Конечно, — сказал Тэб и взялся за конец стола. — Попробуйте объяснить Ширли мою роль во всем этом, ладно? Думаю, она поймет, что это работа, которую мне приходится выполнять.

Под ногами захрустели высушенные травы, усеявшие пол, и Энди ничего не ответил.

Глава 10

— Энди, ты должен что-то сделать — эти люди сведут меня с ума! — воскликнула Ширли.

— Успокойся, Ширли, — сказал Энди. Он стоял на стуле, переливая воду из канистры в бачок на стене, и, когда он повернулся, чтобы ответить, вода выплеснулась на пол. — Дай мне закончить, а потом начнем ругаться, хорошо?

— Я не ругаюсь… Я просто говорю то, что чувствую. Послушай.

Все, что происходило за перегородкой, было отчетливо слышно. Плакал грудной ребенок — это, похоже, продолжалось день и ночь. Приходилось затыкать уши ватой, чтобы уснуть. Дети дрались, полностью игнорируя гнусавые жалобы отца. В придачу ко всему кто-то начал стучать чем-то тяжелым по полу. Скоро придут жильцы из нижней квартиры. А это не сулило ничего хорошего. Ширли села на край кровати, крепко сцепив пальцы.

— Ты слышишь? — спросила она. — Это никогда не прекращается. Не знаю, как они могут вот так жить. Тебя не бывает дома, и ты не слышишь самое худшее. Неужели мы не можем их отсюда выгнать? Наверняка же можно что-то сделать.

Энди заполнил бачок и осторожно слез на пол. Они продали кровать Сола и его шкаф, но все остальное стояло здесь, и не было даже метра свободного пространства. Он тяжело опустился в кресло.

— Я пытался, ты же знаешь. Двое полицейских, живущих сейчас в бараках, готовы переехать сюда, если мы сможем выселить Беличеров. Это самое трудное. Закон на их стороне.

— А есть такой закон, что мы должны мириться с подобными людьми? — Она беспомощно ломала себе пальцы, уставившись на перегородку.

— Послушай, Ширли, мы не можем поговорить об этом в другое время? Мне скоро уходить…

— Я хочу поговорить сейчас. Ты откладываешь этот разговор с тех самых пор, как они появились, а скоро уже две недели, и я больше не могу.

— Полно, все не так плохо. Просто шум.

В комнате было очень холодно. Ширли поджала ноги и завернулась в старое одеяло. Под ней заскрипели пружины кровати. В соседней комнате наступила тишина и вдруг взорвалась резким смехом.

— Ты слышишь? — спросила Ширли. — Что у них за мозги? Каждый раз, когда они слышат, как здесь скрипит кровать, они разражаются смехом.

У нас нет никакой личной жизни. Эта перегородка тонкая, как картонка, они прислушиваются ко всему, что мы делаем, и слышат каждое наше слово. Если они не уйдут… Может, мы уедем?

— Куда? Будь благоразумна, нам еще повезло, что у нас такая огромная комната. Ты же знаешь, сколько людей спят на улице и сколько тел собирают каждое утро.

— Мне все равно. Я беспокоюсь о своей жизни.

— Пожалуйста, не сейчас. — Он поднял голову — лампочка замигала, потускнела, но потом вновь ожила. В окно внезапно застучал град. — Мы сможем поговорить об этом, когда я вернусь. Я ненадолго.

— Нет, я хочу решить все сейчас, ты каждый раз откладываешь этот разговор. Ты не должен сейчас уходить.

Он положил пиджак, пытаясь сохранять самообладание.

— Это может подождать до моего возвращения. Я говорил тебе, что у нас наконец появилась информация о Билли Чуне: один осведомитель видел, как он покидал Корабельный городок — похоже, навещал свою семью. Информация довольно-таки старая. Это произошло пятнадцать дней назад, но осведомитель подумал, что она

не важна, и сообщил нам об этом только сейчас. Полагаю, он надеялся, что мальчишка вернется, но этого не случилось. Мне придется поговорить с его семьей и узнать, что им известно.

— Ты не должен сейчас уходить… Ты же сам сказал, что это произошло давно…

— Какая разница! Лейтенант завтра потребует рапорт. И что я ему скажу? Что ты не захотела, чтобы я уходил?

— Мне все равно, что ты ему скажешь…

— Я это знаю, но мне не все равно. Это моя работа, и я должен ею заниматься.

Они молча смотрели друг на друга, тяжело дыша. Из-за перегородки послышались детский плач и всхлипывания.

— Ширли, я не хочу с тобой ругаться, — сказал Энди. — Я должен уйти — вот и все. Мы можем поговорить об этом позднее, когда я вернусь.

— Если я еще буду здесь, когда ты вернешься. — Она крепко сжала пальцы, лицо у нее побледнело.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Я только знаю, что надо что-то менять. Пожалуйста, давай решим все сейчас…

— Неужели ты не понимаешь, что это невозможно? Мы поговорим, когда я вернусь. — Он

отпер дверь и стоял, держась за ручку и стараясь овладеть собой. — Давай не будем ругаться. Я вернусь через несколько часов, и мы обо всем поговорим, ладно?

Она не ответила, и, подождав секунду, он вышел, хлопнув дверью. И сразу ему в нос ударил мерзкий, отвратительный запах чужой комнаты.

— Беличер, — сказал он, — ты выметешься из этой квартиры. Здесь начало вонять.

— Я ничего не могу поделать с дымом, пока не смастерю что-то вроде трубы.

Беличер наморщил нос, держа руки над тлеющим куском морского угля. Он лежал в ступке, наполненной песком, откуда поднимался едкий, маслянистый дым, заполнявший всю комнату. Отверстие в стене для дымовой трубы из плиты, которое когда-то проделал Сол, было тщательно закрыто куском полиэтилена, раздуваемого ветром.

— Запах дыма здесь приятнее всего, — сказал Энди. — Ваши дети опять использовали комнату в качестве туалета?

— Вы же не прикажете детям спускаться вниз по лестнице посреди ночи? — съязвил Беличер.

Энди молча взглянул на кучу тряпья в углу, где

согревались миссис Беличер и младшие дети. Двое сыновей занимались чем-то в углу, но они сидели спиной к Энди, и он не видел, чем именно. Маленькая лампочка бросала свет на плинтус, покрытый пылью и грязью, на стены, на которых появились пятна.

— Вам лучше очистить это место, — сказал Энди и захлопнул дверь, прежде чем Беличер успел ответить.

Ширли была права, эти люди совершенно невозможны, и ему нужно что-то с ними сделать. Но когда? Нужно действовать как можно скорее, она их долго не вынесет. Он был зол на вторгшихся жильцов — и зол на нее. Понятно, все очень плохо, но приходится принимать все таким, какое оно есть. Он по-прежнему работал по двенадцать-четырнадцать часов в день, что намного лучше, чем просто сидеть здесь и слушать, как орут дети.

На улице было темно, ветрено и слякотно. У стен домов и на тротуарах уже намело сугробы. Энди опустил голову и шагал вперед, ненавидя Беличеров и пытаясь не злиться на Ширли.

Сходни и мостки Корабельного городка были покрыты льдом, и Энди осторожно пробирался по ним, пытаясь не поскользнуться и не свалиться

в холодную воду. В темноте все корабли были похожи, и он освещал фонариком борта, чтобы разобрать названия. Он озяб и промок, прежде чем добрался до «Колумбии Виктории» и отворил тяжелую стальную дверь, ведущую на нижнюю палубу. Спускаясь вниз по металлической лесенке, он увидел впереди полоску света. Одну из дверей открыл маленький мальчик с кривыми ножками. Похоже, это квартира Чунов.

— Секундочку, — сказал Энди.

Мальчик смотрел на него, ничего не говоря и широко открыв глаза и рот.

— Это квартира Чунов? — спросил он, входя.

За дверью он увидел женщину. Это была сестра Билли. Мать сидела в кресле у стены с тем же выражением тупого испуга на лице, что и у дочери. Она прижимала к себе близнецов. Никто не произнес ни звука.

Эти люди действительно «любят» полицию, подумал Энди. Тут он заметил, что они как-то испуганно поглядывают на дверь в конце комнаты. Что их так беспокоит?

Он закрыл дверь в коридор. Возможно ли это?

Однако ночь, когда Билли Чуна видели здесь, была такой же снежной, как и эта, — отличное прикрытие для беглеца. «Будет ли у меня нако-

нец выходной?!» — подумал Энди. Ту ли ночь он выбрал, чтобы прийти сюда?

Пока он размышлял, дверь в спальню отворилась, и оттуда вышел Билли Чун. Не заметив детектива, он хотел что-то сказать, но его мать и сестра разразились воплями. Он поднял голову и застыл, увидев Энди.

— Ты арестован, — сказал Энди и стал снимать с ремня наручники.

— Нет! — прохрипел Билли и выхватил из-за пояса нож.

Началось светопреставление. Старуха пронзительно визжала, даже не останавливаясь, чтобы перевести дух, а дочь бросилась на Энди, пытаясь выцарапать ему глаза. Она успела исполосовать ему щеку, прежде чем он оттолкнул ее. Сражаясь с этой фурией, он краем глаза следил, как Билли подбирался к нему с длинным сверкающим лезвием в руке.

— Брось нож! — крикнул Энди и прислонился спиной к двери. — Тебе отсюда не выйти. Не создавай себе неприятностей…

Женщина вцепилась в руку Энди. Он оттолкнул ее так, что она упала, и полез за револьвером.

— Стоять! — заорал он и направил дуло в потолок.

Он хотел сделать предупредительный выстрел, но сообразил, что помещение сделано из стали и пуля срикошетирует, а тут две женщины и двое маленьких детей.

— Стоять, Билли, тебе отсюда не уйти! — заорал он, направляя револьвер на мальчишку, подбиравшегося к нему с ножом.

— Выпусти меня, — всхлипнул Билли. — Я тебя убью! Почему вы не оставите меня в покое?

Он не собирается останавливаться, понял Энди. Нож был острый, и Билли умел им пользоваться. Если он хочет неприятностей, он их получит.

Энди прицелился в ногу Билли и нажал на курок, как вдруг Билли споткнулся и упал.

Грохот выстрела из револьвера 38-го калибра наполнил комнату, а Билли повалился вперед с пулей в голове. Нож вывалился и упал к ногам Энди. После выстрела воцарилась полная тишина, воздух наполнился резким запахом пороха. Никто не шевелился. Энди встал на колено и взял юношу за запястье.

Раздался стук в дверь. Энди толкнул ее рукой, не оборачиваясь.

— Я офицер полиции, — сказал он. — Я хочу, чтобы кто-то немедленно отправился в двенадцатый участок на Двадцать третьей улице и

доложил о случившемся. Скажите, что здесь Билли Чун. Он убит.

Пуля в висок, неожиданно подумал Энди. Поражен в ту же самую точку, что и Большой Майк.

Светопреставление продолжалось. Билли был мертв и спокоен. Но вот его мать и сестра… Они подняли страшный крик, а близнецы прижались друг к дружке и всхлипывали. В конце концов Энди выгнал всю семью к соседям напротив и оставался с телом, пока не прибыли из участка Стив Кулозик с каким-то полицейским. Он больше не видел этих двух женщин, да и не хотел этого. Произошел несчастный случай. Если бы мальчишка не упал, он получил бы пулю в ногу, на том бы все и кончилось. Полиции, в общем-то, наплевать на стрельбу, теперь дело будет закрыто без каких бы то ни было канцелярских проволочек — просто существовали эти две женщины. В общем, пусть они ненавидят его, это его не сильно волновало, к тому же он их больше никогда не увидит. Получилось так, что сын оказался не убийцей, а жертвой, а они думали именно так. Прекрасно. В любом случае дело закрыто.

Энди добрался до дома уже после полуночи. Доставка тела и составление рапорта заняли много времени. Как обычно, Беличеры не заперли дверь

в коридор — им наплевать, у них нет ничего ценного, что можно украсть.

В комнате у них было темно, и Энди с фонариком в руке пробирался, переступая через тела и видя открытые глаза. Они не спали, но хоть притихли, даже грудной ребенок. Когда он вставил ключ в замок своей двери, то услышал позади в темноте приглушенное хихиканье. Над чем они могли смеяться?

Отворив дверь в комнату, Энди вспомнил ссору с Ширли и внезапно ощутил страх. Он поднял фонарик, но не стал нажимать на него. Позади снова послышался смех, на этот раз громче.

Луч света скользил по стульям и пустой кровати. Ширли не было. Это ничего не значило. Она, вероятно, спустилась вниз, в туалет, — вот и все.

Но, открыв шкаф, Энди увидел, что ее вещи исчезли вместе с ее чемоданами.

Ширли ушла.

Глава 11

— Что вы хотите? — сурово спросил мужчина, стоя в дверях спальни. — Вы же знаете, что мистер Бригз — очень занятой человек. И я занятой человек. И никому из нас не нравится, когда вы

звоните и вызываете. Если у вас есть что сказать мистеру Бригзу, приходите и расскажите.

— Я прошу прощения, что побеспокоил вас, — сказал судья Сантини, задыхаясь. Он полулежал на подушках в большой двухспальной кровати, накрытый мягкими одеялами. — Мне бы очень хотелось, но боюсь, что я уже отбегался. По крайней мере, так говорит мой доктор, а я плачу ему достаточно, чтобы обращать внимание на его мнение. Когда у человека моего возраста бывает инфаркт, ему приходится следить за собой. Отдых, только отдых. Больше никаких восхождений по лестницам Эмпайр-стейт-билдинга. Я говорю вам вполне откровенно, Шлахтер, что я по ним на самом деле сильно скучать не буду…

— Что вы хотите, Сантини?

— Сообщить некоторую информацию для мистера Бригза. Этот мальчишка Чун найден. Билли Чун, который убил Большого Майка.

— Ну и что?

— А то, что я надеялся, вы вспомните нашу встречу, на которой мы обсуждали этот вопрос. Высказывалось подозрение, что убийца может быть связан с Ником Куоре, что этот мальчишка нанят им. Я в этом сомневаюсь, по-моему, он действовал самостоятельно. И мы никогда не узнаем

этого наверняка, потому что он мертв.

— Это все?

— Этого недостаточно? Вы могли бы вспомнить, что мистер Бригз интересовался вероятностью появления Куоре в этом городе.

— Это вообще маловероятно. Куоре в течение недели занимался исключительно захватом Патерсона. Там уже дюжина убитых. Он никогда не интересовался Нью-Йорком.

— Рад слышать. Но я думаю, что в любом случае вам лучше рассказать все мистеру Бригзу. Он интересовался этим, было оказано давление на управление полиции, и с августа этим делом занимался особый человек.

— Круто. Если выдастся возможность, я ему расскажу. Но его это больше не волнует.

Гость ушел. Судья Сантини устало откинулся на подушки. Сегодня вечером он был совершенно измотан, сильнее, чем когда бы то ни было.

Всего две недели до Нового года. До нового столетия. Будет забавно писать «две тысячи» вместо «тысяча девятьсот с чем-то», как он делал всю жизнь.

1 января 2000 года. Эта дата казалась какой-то странной. Он позвонил, чтобы пришла Роза и накапала лекарство. Сколько в новом столетии

ему суждено прожить? Мысль была невеселой.

В тихой комнате тиканье старомодных часов казалось громким.

Глава 12

— Тебя хочет видеть лейтенант! — крикнул Стив в комнату, где сидели детективы.

Энди в ответ махнул рукой, встал и с удовольствием распрямился, охотно оставляя кипу рапортов, над которыми корпел. Он плохо спал ночью и теперь здорово устал. Сначала этот выстрел в мальчишку, потом уход Ширли — для одной ночи вполне достаточно. Где ее искать? Однако он не мог просить ее вернуться, поскольку Беличеры по-прежнему жили у него. Уже не в первый раз его мысли путешествовали по замкнутому кругу. Что же дальше?

Он постучал в дверь кабинета лейтенанта и вошел.

— Вы хотели меня видеть, сэр?

Лейтенант Грассиоли кивнул, затем проглотил таблетку и поперхнулся водой, которой запивал лекарство. У него начался приступ кашля, и он в изнеможении опустился в потертое вращающееся кресло. Сегодня он выглядел особенно

скверно.

— Язва собирается убить меня в ближайшие дни. Слышал, чтоб кто-нибудь умирал от язвы?

На подобные вопросы ответа не было. Энди гадал, почему лейтенант затеял этот разговор. Это было на него не похоже. Обычно он не удосуживался беседовать по душам.

— Наверху не очень-то обрадовались, что ты застрелил этого Чуна, — сказал Грассиоли, роясь в рапортах и папках, которыми был завален его стол.

— Что вы имеете в виду?

— Черт, только то, что у меня недостаточно хлопот с отделом, так я еще должен впутываться в политику. Центральная улица думает, что ты угробил на это дело слишком много времени; у нас на участке с тех пор, как ты начал это дело, две дюжины нераскрытых убийств.

— Но… — Энди был ошарашен, — вы сами мне говорили, что комиссар приказал бросить меня на это дело. Вы говорили, что я должен…

— Не важно, что я говорил, — проворчал Грассиоли. — Комиссара не достать по телефону, по крайней мере мне. Ему глубоко наплевать на убийцу О'Брайена, и никто не интересуется этим мошенником из Джерси Куоре. Более того, по-

мощник комиссара без конца наезжает на меня из-за того, что застрелили Билли Чуна. Все валят на меня.

— Больше похоже на то, что все валят на меня.

— Не перечь мне, Раш. — Лейтенант встал, отпихнул ногой кресло и повернулся спиной к Энди, глядя в окно и барабаня пальцами по раме. — Помощник комиссара — Джордж Чжу, и он думает, что ты хотел отомстить за что-то косоглазым, выследив этого мальчишку и прихлопнув его вместо того, чтобы арестовать.

— Вы сказали ему, что я действовал по приказу, лейтенант? — тихо спросил Энди. — Вы сказали ему, что он был застрелен случайно, ведь это написано в моем рапорте?

— Я ничего ему не говорил. — Грассиоли повернулся к Энди. — Люди, заставившие меня заниматься этим делом, не разговаривают. Мне нечего сказать Чжу. В любом случае он зациклился на расовой проблеме. Если бы я попытался рассказать ему, что произошло на самом деле, я только создал бы лишние неприятности себе и участку — всем. — Он опустился в кресло и потер дергающийся глаз. — Я разговариваю с тобой напрямую, Энди. Я собираюсь свалить ответственность на тебя, пусть будешь виноват

ты. Я собираюсь на шесть месяцев снова одеть тебя в форму, пока все не уляжется. В зарплате ты ничего не потеряешь.

— Я не ожидал никакой награды за раскрытие этого дела, — сердито сказал Энди, — или за арест убийцы, но такого я не ожидал. Я могу обратиться в управление?

— Можешь, ты можешь это сделать. — Лейтенант довольно долго молчал, — очевидно, ему было не по себе. — Но я прошу тебя этого не делать. Если не ради меня, то ради участка. Я знаю, что это нечестная сделка, но в итоге все будет в полном порядке. Как только смогу, я верну тебя в отдел. И в любом случае ты не будешь заниматься чем-то совершенно незнакомым. Нас всех следовало бы отправить на патрулирование улиц за ту следственную работу, которую мы проводим. — Он со злостью ударил ногой по ножке стола. — Что скажешь?

— Все это воняет дерьмом.

— Знаю, что воняет! — заорал лейтенант. — Но что еще, черт подери, я могу сделать? Думаешь, меньше будет вони, если ты подашь жалобу в управление? У тебя не будет никакого шанса. Тебя выгонят с работы и вообще из полиции, да, вероятно, и меня вместе с тобой. Ты хороший

полицейский, Энди, а таких осталось немного. Управлению ты нужен больше, чем оно тебе. Плюнь ты на это. Что скажешь?

Воцарилось долгое молчание, и лейтенант повернулся к окну.

— Ладно, — наконец сказал Энди. — Я сделаю так, как вы хотите, лейтенант.

Он вышел из кабинета без разрешения: ему не хотелось, чтобы лейтенант его благодарил.

Глава 13

— Еще полчаса, и мы окажемся в новом веке, — сказал Стив Кулозик, топая ногами по заледеневшей мостовой. — Я слышал вчера по телевизору какого-то шутника, пытавшегося объяснить, почему новое столетие начнется в следующем году. Но он, должно быть, идиот. Полночь, двухтысячный год, новый век. В этом что-то есть. Посмотри-ка.

Он показал на большой экран, установленный на старом Таймс-билдинге. По экрану бежали строки, написанные трехметровыми буквами:

ДЕСЯТКИ ПОГИБШИХ ИЗ-ЗА РЕЗКОГО ПОХОЛОДАНИЯ НА СРЕДНЕМ ЗАПАДЕ

— Десятки, — проворчал Стив. — Могу поспорить, что они и не считают. Они знать не хотят, сколько людей умерло.

«СООБЩЕНИЯ О ГОЛОДЕ В РОССИИ НЕ СООТВЕТСТВУЮТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ», — заявил Галыгин в президентском обращении к народу утром нового столетия.

СВЕРХЗВУКОВОЙ САМОЛЕТ ВМФ США ПОТЕРПЕЛ АВАРИЮ В САН-ФРАНЦИССКОМ ЗАЛИВЕ

Энди взглянул на экран, а потом на бурлящую толпу на Таймс-сквер. Он уже привык носить синюю форму, хотя по-прежнему ему было не по себе, когда рядом находился кто-то из отдела.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он Стива.

— То же, что и ты, — нахожусь в распоряжении вашего участка. Они по-прежнему требуют подкрепления, думают, что будут беспорядки.

— Они не правы. Чересчур холодно, да и людей не так уж много.

— Тревожатся не из-за этого, а из-за сумасбродных верующих. Они говорят, что наступает Судный день или черт знает что еще. Они группами собираются по всему городу. Они будут чертовски недовольны, если мир не подойдет в полночь к своему концу, так как, по их мнению,

это должно произойти.

— А мы будем еще больше недовольны, если это случится!

Над головами бежали гигантские слова:

КОЛИН ОБЕЩАЕТ БЫСТРО ПОКОНЧИТЬ С ЗАДЕРЖКОЙ ПРИНЯТИЯ ДЕТСКОГО ЗАКОНА

Толпа медленно колыхалась, люди вытягивали шеи, глядя на экран. Загудели какие-то трубы, и в гомон толпы вплелись звон колокольчиков и жужжание трещоток. Все оживились, когда на экране появилось время:

23:38 — ВСЕГО 22 МИНУТЫ ДО НОВОГО ГОДА

— Конец года и конец моей службы, — сказал Стив.

— Ты о чем? — спросил Энди.

— Я ухожу. Я обещал Грасси остаться до первого января и не болтать об этом до самого ухода. Я поступаю в войска штата. Буду охранником в одном из трудовых лагерей. Вновь Кулозик наестся… едва могу дождаться.

— Стив, ты меня разыгрываешь. Ты лет двенадцать служил в полиции. Ты дослужился до детектива второго класса…

— По-твоему, я похож на детектива? — Он

легонько постучал дубинкой по бело-синему шлему. — Смотри в лицо фактам. С этим городом все ясно. Здесь нужны дрессировщики, а не полицейские. У меня будет отличная работа, мы с женой станем хорошо питаться, и я уберусь из этого города навсегда. Я здесь родился и вырос, но скажу тебе, что не буду по нему скучать. В штате нужны опытные полицейские. Они бы взяли тебя моментально. Почему бы тебе не пойти со мной?

— Нет, — ответил Энди.

— Почему ты так быстро отвечаешь? Подумай. Что тебе еще даст этот город, кроме неприятностей? Ты раскрываешь крутое дело, достаешь убийцу, а в награду идешь патрулировать улицу.

— Замолчи, Стив, — без всякой злобы сказал Энди. — Я не знаю, почему я остаюсь, — но я остаюсь. Не думаю, что в штате будет так уж здорово. Я занимаюсь этим, зная, что это такое. Мне просто не хочется пока это бросать.

— Имеешь право, — пожал плечами Стив — это движение почти потерялось в глубинах его толстого пальто и многочисленных шарфах. — Увидимся.

Энди в знак прощания поднял свою дубинку, и его друг стал пробираться сквозь толпу и вскоре исчез из виду.

23:59 — ОДНА МИНУТА ДО ПОЛУНОЧИ

Когда слова пробежали по экрану, на их месте появился огромный циферблат, и толпа оживилась и заорала. Громче зазвучали трубы. Энди пробирался сквозь массы людей, заполнявших площадь и давивших на заколоченные окна и витрины. Экран озарял пустые лица и открытые рты мерцающим зеленым свечением, и люди были похожи на утопленников.

Секундная стрелка отсчитывала последние секунды последней минуты года. Конца века.

— Конец света! — завопил какой-то мужчина, перекрывая шум толпы. Изо рта у него брызнула слюна, чуть не попав в лицо Энди. — Конец света!

Энди вытянул руку и ткнул его концом дубинки; мужчина открыл рот и схватился за живот. Удар получился достаточно сильным, чтобы переключиться с конца света на собственные кишки. Те, кто видел, что произошло, стали показывать на мужчину пальцами и смеяться. Их смех тонул в окружающем реве. Затем эти люди вместе с тем мужчиной исчезли из виду, когда толпа колыхнулась вперед.

Торжественный звон церковных колоколов вырвался из репродукторов, установленных на

зданиях, окружавших Таймс-сквер.

— С НОВЫМ ГОДОМ! С НОВЫМ ГОДОМ! — закричали тысячи людей. — С НОВЫМ ВЕКОМ!

Трубы, колокольчики и трещотки присоединились к крикам, создавая невнятный гвалт.

Секундная стрелка сделала полный круг, новому веку уже была одна минута, и часы пропали, а на их месте появилась огромная голова президента. Он произносил речь, но из-за непрекращающегося крика и шума толпы ни одного слова из репродукторов слышно не было. Губы президента шевелились, что-то говоря, поднимался в знак предостережения указательный палец.

Энди едва расслышал полицейский свисток на Сорок второй улице. Он стал пробираться на этот звук, распихивая людей плечами и дубинкой. Кого-то толкали в тесном кругу людей. Еще один полицейский, зажав свисток зубами, пробирался с другой стороны, размахивая во все стороны дубинкой. Энди взмахнул своей дубинкой, и толпа перед ним расступилась. На мостовой лежал высокий мужчина, закрыв голову руками.

Лицо президента исчезло с экрана, и снова появилась бегущая строка.

Мужчина на земле был страшно худ и одет в какое-то тряпье. Энди помог ему подняться и

ощутил на себе взгляд полупрозрачных голубых глаз.

— «И отрет Бог всякую слезу с очей их, — сказал Питер. — И смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. И сказал сидящий на престоле: се, творю все новое».[20]

— Не сейчас, — сказал Энди, поддерживая его под руку. — Идите домой.

— Домой? — заморгал ошарашенный Питер, когда до него дошел смысл слов. — Нет уже дома, и нет света, ибо прошло тысячелетие, и нас всех будут судить. Закончилась тысяча лет, и Христос возвращается во славе на землю.

— Должно быть, вы ошиблись веком, — сказал Энди, поддерживая мужчину под локоть и ведя его сквозь толпу. — Полночь уже прошла, новое столетие началось, и ничего не изменилось.

— Ничего не изменилось?! — заорал Питер. — Это армагеддон! Он должен начаться!

Он в испуге вырвался из рук Энди и побежал прочь, но, повернувшись, закричал искаженным голосом:

— Все должно кончиться! Может ли мир суще-

---

[20] Примечания: 20
Откр. 21: 4–5.

ствовать вот так еще тысячу лет? ВОТ ТАК?!

Их разделили идущие люди, и он исчез из виду.

«Вот так?» — подумал Энди, устало бредя среди расходящейся толпы. Он помотал головой, чтобы избавиться от этой мысли и выпрямился: он на работе.

Теперь, когда всеобщий энтузиазм пропал, люди почувствовали холод, и толпа быстро рассыпалась. Они расходились, пряча лица от ледяного ветра с моря. За углом на Сорок четвертой улице у гостиницы «Астор» охранники освобождали место на мостовой, чтобы ко входу смогли подъехать велотакси с Восьмой авеню. Яркие огни над входом освещали это место, и Энди остановился на углу, когда появились первые гости. Меховые шубы и вечерние платья, смокинги под темными пальто с каракулевыми воротниками. Должно быть, здесь проходил грандиозный праздник. Появились еще гости вместе с охранниками, они стояли в ожидании на тротуаре. Слышались женские голоса, смех и возгласы, поздравления с Новым годом.

Энди повернулся, чтобы преградить путь людям, идущим с площади на Сорок четвертую улицу, и увидел Ширли, стоявшую в ожидании

велотакси и с кем-то беседовавшую.

Он не заметил, кто с ней был и что на ней было надето, — он видел лишь ее лицо и легкие волосы. Она смеялась, оживленно разговаривая с окружающими. Затем она села в такси, накрылась накидкой и исчезла.

Падал прекрасный белый снег, ветер нес его по тротуарам и по потрескавшейся мостовой Таймс-сквер. На улице остались одинокие прохожие, да и они шли по домам. Оставаться здесь Энди было больше незачем, дежурство закончилось, и он пошел домой. Покачивая дубинкой, висящей на ремешке, он направился в сторону Седьмой авеню. Мерцающий экран отбрасывал свет на его пальто, на искрящийся снег, таявший на рукавах, пока Энди не прошел мимо здания гостиницы и не растворился в темноте.

Экран швырял бегущие буквы на пустую площадь.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СООБЩАЕТ, ЧТО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВЕКА СТАЛ ВЕЛИЧАЙШИМ.

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ЖИВУТ 344 МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК.

С НОВЫМ ВЕКОМ! С НОВЫМ ГОДОМ!

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!